

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT**

CLASS OF 1828

ЛЕКЦІИ

ПО

СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Тимоея Флоринскаго,

Ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владиміра и члена корреспондента Юго-славянской Академіи Наукъ и Художествъ въ Загребѣ, Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ въ Прагѣ и Сербскаго Ученаго Общества въ Бѣлградѣ.

Часть первая.

I. Введение. II. Юго-западные славянскіе языки (болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій).

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.

В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1895.

480

Александръ Александровичу
Корубинскому

ЛЕКЦІИ

въ томъ изданіи
изданіи!

ПО

той обиды

СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Тимоея Флоринскаго,

Ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владиміра
и члена корреспондента Юго-славянской Академіи Наукъ и Художествъ
въ Загребѣ, Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ въ Прагѣ и б. Сербскаго
Ученаго Общества въ Вѣлградѣ.

Часть первая.

I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки
(болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій).

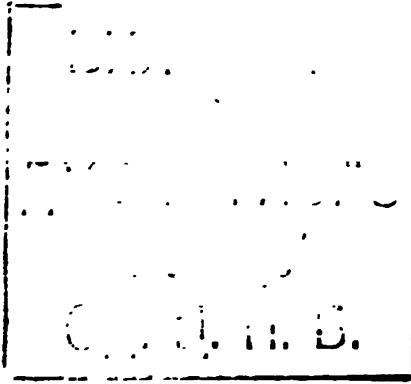

КИЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.

В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1895.

Отгискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1892—1895 гг.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Универ. Св. Владимира.

Предисловіе.

Предпринимая изданіе „Лекцій по славянскому языкознанію“, читаемыхъ нами уже нѣсколько лѣтъ въ Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра, мы прежде всего имѣемъ въ виду оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ, представляющемъ въ настоящее время, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, значительныя трудности вслѣдствіе отсутствія удовлетворительныхъ и доступныхъ учебныхъ пособій. Виѣстъ съ тѣмъ данный трудъ, какъ первый опытъ подведенія итоговъ современному изученію западно-славянскихъ языковъ, можетъ вообще служить къ восполненію одного изъ существенныхъ пробѣловъ нашей ученой литературы, весьма бѣдной цѣльными систематическими трудами по славянскому языкознанію.

Независѣвшая отъ насъ медленность въ печатаніи „Лекцій“, затянувшаяся болѣе чѣмъ на два года, сдѣлала необходимыми для перваго (болгарскаго) отдѣла весьма существенныя дополненія въ области литературы предмета, которыя и приведены въ концѣ книги.

Искреннее стремленіе автора достигнуть возможной полноты и отчетливости въ изложеніи, къ сожалѣнію, иногда парализо-

валося условіями работы въ провинціальному городѣ, именно, полною невозможностью имѣть во время подъ рукой всѣ необходимыя книги и изданія, отчасти зависѣвшей и отъ неупорядоченности нашихъ книжныхъ сношеній со славянскими землями, особенно съ Болгаріей.

Мы далеки отъ мысли признавать свой трудъ совершеннымъ и будемъ считать себя нравственно удовлетворенными, если онъ окажется хотя отчасти отвѣчающимъ своему назначенію.

Т. Флоринскій.

9 декабря 1894 г.

Содержаніе.

ВВЕДЕНІЕ.

	Страницы.
1. Славянская семья языковъ	1—4
2. Мѣсто славянскихъ языковъ среди другихъ языковъ міра и въ частности въ арійской (индоевропейской) семьѣ	4—10
3. Славянскій праязыкъ и его характерныя черты (главнѣйше въ сравненіи съ литовскимъ)	10—13
4. Классификація славянскихъ языковъ	14—32
5. Задачи и методы славянскаго языковѣдѣнія. Предметъ курса .	32—36
6. Обзоръ трудовъ по общему и сравнительному изученію славянскихъ языковъ	37—44

I. Болгарскій языкъ.

1. Изученіе болгарскаго языка.	47—57
Общія замѣчанія (47—49). Грамматика и грамматическія изслѣдованія (49—51). Матеріалы и изслѣдованія по исторіи языка (51—54). Работы по діалектологіи (54—56). Словари (56). Памятники народнаго языка (56—57). Периодическія изданія (57).	
2. Площадь болгарскаго языка	58—60
3. Историческія судьбы болгарскаго языка.	60—66
4. Звуковыя особенности	66—95
Графика	66—67
A) Гласныя	67—88
Глухіе звуки (z, ъ, ж, á)	67—71
Носовыя гласныя и ихъ соотвѣствія	71—76
Соотвѣствія старо-славянскому њ	76—78
А	78—80

<i>Е</i>	80—81
<i>О</i>	81—82
<i>И</i>	82—83
<i>У</i>	83—84
Слѣды слогаобразующихъ <i>л</i> и <i>р</i> . Гласные при <i>л</i> , <i>р</i>	84—87
Гласные въ началѣ словъ. Зілініе. Количество гласныхъ.	87—88
Б) Согласные.	88—96
<i>Л, Н, Р</i>	88—89
<i>Д, Т</i>	89—91
<i>Ц, Б, В, М</i>	92
<i>Г, К, Х</i>	92—93
<i>З, ДЗ, Ц, С,—Ж, ДЖ, Ч, Ш, Ж</i>	93—94
Ассимиляція согласныхъ. Выпаденіе гласныхъ и согласныхъ	94—95
5. Удареніе	96—99
6. Формальныя особенности.	99—166
А) Склоненіе	99—125
Паденіе склоненія	99—103
Членъ	103—104
Остатки древняго склоненія.	104—112
Общій падежъ.	112—115
Образованіе множественнаго числа	115—118
Имя прилагательное	118—120
Имя числительное	120—122
Образцы склоненія	122—125
Б) Спряженіе.	125—167
Общія замѣчанія.	125—126
Утрата неопредѣленнаго наклоненія и трехъ причастій	126—129
Сохранившіяся причастія	130—131
Личныя окончанія	131—137
Настоящее время	137—138
Повелительное наклоненіе	138—139
Аористъ и преходящее	139—143
Прошедшія сложныя	143
Будущее время и условное наклоненіе	143—145
Возвратный и страдательный залого	145
Спряженіе по классамъ	146—167
7. Неизмѣняемыя слова.	167—169
Нарѣчія. Предлоги Союзы. Частицы. Междометія.	
8. Нарѣчія и говоры болгарскаго языка.	169—189
Общія замѣчанія.	169—174

Шопско-Търнское нарѣчіе	174—176
Македонское нарѣчіе	176—189
Рупаланское нарѣчіе	182—185
Говоры восточнаго нарѣчія	185—186
Вымершій говоръ Семиградскихъ Болгаръ	186—189

II. Сербо-хорватскій языкъ.

1. Изученіе сербо-хорватскаго языка	190—216
Общія замѣчанія (190—197). Грамматики и грамматическія изслѣдованія (197—200). Монографіи по исторіи языка (200—201). Матеріалы для исторіи языка (201—209). Словари и словарныя работы (209—210). Работы по діалектологіи (210—211). Памятники народнаго языка (211—215). Периодическія изданія (215—216).	
2. Площадъ сербо-хорватскаго языка	217—220
3. Судьбы сербо-хорватскаго языка	220—240
4. Зауковыя особенности	240—275
Графика	240—244
А) <i>Гласные</i>	244—266
Утрата глухихъ гласныхъ и замѣна ихъ ясными	245—247
Соотвѣтствія старо-славянскимъ ж, л	247—249
Соотвѣтствія старо-славянскому њ	249—252
<i>А</i>	252—254
<i>Е</i>	254
<i>О</i>	254—255
<i>И</i>	256
<i>У</i>	255—257
Слогообразующіе <i>л, р</i> . Переходъ гласнаго <i>л</i> въ <i>у</i>	257—261
Долгота и краткость гласныхъ	261—264
Стяженіе гласныхъ	264—265
Зіяніе. Отпаденіе, выпаденіе, приставка и вставка гласныхъ	
Гласные въ началѣ словъ	265—266
Б) <i>Согласные</i>	
<i>Л, Н, Р</i>	267
<i>Д, Т, Ъ, Ы</i>	268—270
<i>П, В, В, М, Ф</i>	270
<i>Г, К, Х</i>	271—272
<i>З, С, Ц</i>	272—273
<i>Ж, Ч, Ш, Ј</i>	273—274
Ассимиляція, выпаденіе, вставка и перестановка согласныхъ	274—275
5. Удареніе	275—284

	Страницы.
6. Формальные особенности.	284—356
А) <i>Склонение</i>	284—315
Общая замѣчанія.	284
Именное склонение	284—293
Потеря двойственного числа (284—285). Смѣшеніе разнородныхъ основъ (285—286). Смѣшеніе падежныхъ окончаній (286—290). Характерныя окончанія (290—293). Звательный падежъ (293).	
Образцы именнаго склоненія.	294—301
Мѣстоименное склоненіе.	301—307
Сложное склоненіе	308—311
Прибавленіе: степени сравненія прилагательныхъ; числительныя имена	311—315
Б) <i>Спряжение</i>	315—356
Общая замѣчанія.	315—316
Неопредѣленное наклоненіе	316
Причастныя формы.	316—319
Личныя окончанія	319—322
Настоящее время	322—323
Повелительное наклоненіе.	323—324
Аористъ и Преходящее.	324—327
Прошедшія сложныя	327—328
Будущее время	328—329
Условное накл. Возвратный и страдательный залого	329
Спряжение по классамъ	330—356
7. Неизмѣняемыя слова.	357—360
Нарѣчія. Предлоги. Союзы. Частицы. Междометія.	
8. Нарѣчія и говоры сербо-хорватскаго языка	360—380
Общая замѣчанія.	360—366
Характерныя особенности Чакавщины.	366—372
Характерныя особенности Кайкавщины	372—374
Штокавскіе говоры.	374—379
Смѣшанное сербо-болгарское нарѣчіе	379—380

III. Словинскій (словенскій) языкъ.

1. Изученіе словинскаго языка.	381—396
Общая замѣчанія (381—387). Грамматика и грамматическія изслѣдованія (387—390). Матеріалы и изслѣдованія по исторіи языка (390—393). Словари и словарныя работы (393—394). Работы по діалектологіи (394—395). Памятники живой народной рѣчи (395—396). Периодическія изданія (396).	
2. Площадь словинскаго языка	396—397

	Страницы.
3. Судьбы словинскаго языка	399—407
4. Звуковыя особенности	407—431
Графика	407—408
А) <i>Гласные</i>	408—424
Глухой гласный и соотвѣтствія старо-славянскимъ ѣ, ѥ	409—411
Соотвѣтствія старо-славянскимъ ж, ѡ	411—413
Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ	413—414
<i>А, Е, О</i>	415—417
<i>І, У</i>	417—418
Слогообразующій <i>г</i> (<i>г</i>). Переходъ гласнаго <i>і</i> (<i>і</i>)—въ <i>од, ои</i>	418—420
Долгота и краткость гласныхъ	420—422
Уподобленіе и стяженіе гласныхъ	422—423
Зіяніе. Огнаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ. Гласные въ началѣ словъ	423—424
Б) <i>Согласные</i>	424—431
<i>Л, N, Р</i>	424—425
<i>Т, D</i>	425—427
<i>Р, В, V, M, F</i>	427—428
<i>Г, К, Н</i>	428—429
<i>С, Z, S</i>	429—430
<i>Ї, Ž, Š, J</i>	430
Уподобленіе, выпаденіе, вставка и перестановка согласныхъ	431
5. Удареніе	431—437
6. Формальныя особенности	437—496
А) <i>Склоненіе</i>	
Общія замѣчанія	437
Именное склоненіе	437—453
Двойственное число (437—438). Утрата звательнаго падежа (438—439). Смѣшеніе разнородныхъ основъ (439—441). Смѣшеніе падежныхъ окончаній (441—449). Характерныя окончанія (449—453).	
Образцы именнаго склоненія	453—460
Мѣстоименное склоненіе	461—465
Сложное склоненіе	465—469
Прибавленіе: степени сравненія прилагательныхъ; числительныя имена	469—471
Б) <i>Спряженіе</i>	471—497
Общія замѣчанія	471—472
Неопредѣленное и достигаемое	472—473
Причастныя формы	473—475
Личныя окончанія	473—475

	Страницы.
Настоящее время	478
Повелительное накл.	479
Остатки прошедшихъ простыхъ	479—480
Прошедшія сложныя	480
Будущее время	481
Условное накл. Страдательный залогъ.	481
Спряжение по классамъ	482—497
7. Неизмѣняемыя слова.	497—501
Нарѣчія. Предлоги. Союзъ.	
8. Нарѣчія и говоры словинскаго языка.	501—520
Общія замѣчанія	501—506
Нижне-Краинское нарѣчіе.	506—507
Верхне-Краинское нарѣчіе.	507—510
Средне-Краинское нарѣчіе.	510—511
Хорутанское нарѣчіе (говору: Зильскій, Рожневскій, Юнскій).	511—517
Резьянское нарѣчіе.	514—517
Венеціанско-Словинское нарѣчіе	517—518
Штирійское нарѣчіе	518—519
Угро-Словинское нарѣчіе	519—520
Дополненія и поправки.	521—526
Опечатки.	527

ВВЕДЕНІЕ.

1. Славянская семья языковъ.

Славянская семья языковъ—одна изъ значительнѣйшихъ и наиболѣ замѣчательныхъ въ ряду группъ языковъ, на которыя распадается человѣческая рѣчь. Славянскій языкъ раздается на территоріи, обнимающей не менѣе 400,000 кв. миль, а число людей, пользующихся имъ какъ своимъ роднымъ, превышаетъ 100 милліоновъ¹⁾. Пограничная черта, опредѣляющая площадь распространенія славянскихъ языковъ, представляетъ трудно измѣримую, не всегда совпадающую съ естественными границами, очень извилистую линію, которая тянется десятки тысячъ верстъ. Въ общемъ эта площадь занимаетъ весь востокъ Европы и сѣверъ Азіи, т. е. разныя земли и области, входяція въ составъ Русскаго государства, Австро-Венгріи, Балканскихъ государствъ, Германіи и отчасти Италіи. Если принять во вниманіе не только тѣ страны, гдѣ Славяне живутъ сплошь, но и тѣ, гдѣ они перемѣшаны съ другими народами, и особенно тѣ, въ которыхъ при перевѣсѣ инородческаго населенія славянскому языку принадлежитъ господствующее значеніе, какъ языку государственному и высшей образованности, то крайніе предѣлы площади славянской рѣчи можно обозначить слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ—Ледовитый Океанъ и Балтійское море; на югѣ—Адріатическое море, Архипелагъ, Черное море, Парапамизъ и великая китайская стѣна; на востокѣ—

---

¹⁾ По исчисленію въ Русско-Славянскомъ Календарѣ на 1890 г.—101,724,000. На основаніи новѣйшихъ данныхъ нужно признать общее число Славянъ—108 мил.

Великій Океант; на западѣ верхнее теченіе Лабы, Чешскій лѣсъ и Норическіе Альпы. За предѣлами этой великой площади наиболѣе значительныя славянскія поселенія находятся въ Америкѣ (283,000¹⁾).

Въ старыя времена, особенно въ средніе вѣка, площадь распространенія славянской рѣчи имѣла иной видъ. На западѣ пограничная черта шла гораздо глубже въ среднюю Европу. Въ VII, VIII, IX, даже въ X вв. славянскіе языки занимали въ срединѣ Европы обширныя области, гдѣ нынѣ слышится только нѣмецкій языкъ, именно: Померанію, Мекленбургъ, Бранденбургъ, Саксонію, всю Силезію, Познань, западную и сѣверную часть Чехіи, Нижнюю Австрію, большую часть Верхней Австріи, сѣверную Штирію, сѣверъ Каринтіи. Въ ту отдаленную пору славянская рѣчь раздавалась въ нынѣшнихъ областяхъ Киля, Любека, Магдебурга, Галле, Лейпцига, Линца, Зальцбурга, Граца и Вѣны. Равнымъ образомъ и на югѣ территорія славянскаго языка была значительно больше, чѣмъ въ настоящее время. Въ VII и VIII вв. славянскія племена занимали не только Фессалію и Эпиръ, но и значительную часть Элады и Пелопоннуса. Славянская рѣчь изъ этихъ областей была вытѣснена греческой. Точно также въ теченіе вѣковъ сѣзусилась славянская область на юго-западѣ, со стороны Аппенинскаго полуострова и Адриатики, подъ вліяніемъ итальянской народности. Наконецъ, нужно отмѣтить уступки, какія пришлось сдѣлать славянской рѣчи въ пользу языковъ народностей, позже выступившихъ на историческую сцену: мадьярской (угорской), румынской и албанской. Всѣ эти потери на западѣ и югѣ вполнѣ, въ болѣе новыя времена, возмѣстились широкимъ распространеніемъ славянскаго (точнѣе русскаго) языка на востокѣ, въ предѣлахъ Азіи на счетъ финскихъ, тюркскихъ и татарскихъ языковъ.

Господствуя на столь обширной территоріи, славянская рѣчь уже съ давнихъ временъ представляетъ значительное діалектическое разнообразіе, т. е. распадается на болѣе или менѣе характерныя языки, которые въ свою очередь дробятся на нарѣчія, поднарѣчія и говоры. Въ настоящее время нужно различать въ славянской семьѣ языковъ слѣдующихъ представителей: 1) языкъ русскій съ тремя его нарѣчі-

¹⁾ Болѣе подробное и точное обозначеніе предѣловъ распространенія славянскаго племени мы даемъ въ курсѣ Этнографіи Славянъ. Границы распространенія отдѣльныхъ языковъ славянскихъ указаны ниже при обзорѣи самихъ языковъ.

ями: великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ; 2) языкъ болгарскій съ нарѣчіемъ македонскимъ; 3) языкъ сербо-хорватскій съ нарѣчіями штокавскимъ и чакавскимъ; 4) языкъ словинскій съ нарѣчіемъ рестьянскимъ; 5) языкъ чехо-моравскій; 6) языкъ словацкій (словенскій); 7) языкъ сербо-лужицкій съ нарѣчіями верхне-лужицкимъ и нижнелужицкимъ; 8) языкъ польскій; 9) языкъ кашубскій 10) яз. полабскій (вымершій) и 11) языкъ церковно-славянскій (старо-славянскій), въ настоящее время мертвый, сохранившійся въ священныхъ и богослужебныхъ книгахъ преимущественно православныхъ Славянъ. Сверхъ того каждый живой славянскій языкъ или нарѣчіе представляетъ болѣе или менѣе значительное количество частныхъ говоровъ. Исторія образованія какъ говоровъ, такъ нарѣчій и языковъ славянскихъ далеко еще не выяснена; тѣмъ не менѣе нужно считать доказаннымъ, что всѣ главные славянскіе языки уже существовали въ самомъ началѣ исторической жизни Славянъ, т. е. въ IX—X вв., а нѣкоторые, быть можетъ, и гораздо раньше, хотя столь же несомнѣнно, что всѣ эти языки въ древности были между собой гораздо ближе, чѣмъ въ настоящее время. Указанная общая цифра славянскаго населенія распредѣляется между славянскими языками слѣдующимъ образомъ (въ круглыхъ числахъ): Русскихъ около 73 мил., Поляковъ болѣе 11 мил., Чехо-моравовъ болѣе 5 мил., Сербо-хорватовъ болѣе 6 мил., Болгаръ до 4 мил., Словаковъ $2\frac{1}{4}$ мил., Словенцевъ до $1\frac{1}{2}$ мил., Сербовъ-лужичанъ до 150,000, Кашубовъ болѣе 100,000; всего въ сложности около 103 мил.

Подробной и достаточно точной этнографической карты всего славянскаго племени еще не имѣется въ наукѣ. Для общаго ознакомленія съ географическимъ распространеніемъ славянскихъ языковъ могутъ служить доступныя карты, изданныя при содѣйствіи С.-Петербургскаго славянскаго Благотворительнаго Общества: а) Этнографическая карта Славянскихъ народностей М. Ф. М и р к о в и ч а и при ней брошюра А. С. Б у д и л о в и ч а. Статистическія таблицы распределенія Славянъ. 2-е изд. Сиб. 1875 г. (Ц. 1 руб.) и б) Карта славянскихъ народностей. Составилъ Н. С. З о р я н к о. Приложение къ русско-славянскому календарю на 1890 г. Первую изъ этихъ двухъ картъ нужно считать болѣе удачной. Отмѣтимъ здѣсь еще болѣе новую карту *Le Monnier*, Sprachen-Karte von Oesterreich Ungarn, bearbeitet nach den durch die Volkszahlung vom 31 Dec. 1888 erhobenen Daten. Wien 1888.

Указанія на другія карты и статистическія данныя приводятся въ курсѣ Этнографіи Славянъ.

2. Мѣсто славянскихъ языковъ среди другихъ языковъ міра и въ частности въ арійской (индоевропейской) семьѣ.

По ученію сравнительнаго языкознанія, всѣ существующіе или когда-либо существовавшіе языки, какими говоритъ человѣчество на земномъ шарѣ, въ отношеніи ихъ грамматическаго строя можно раздѣлить на три основныхъ класса: 1) языки односложные или бесоставные; 2) языки агглютинирующие, или склеивающіе и 3) языки флективные, или измѣняющіеся. Самое существенное различіе этихъ классовъ заключается въ свойствахъ корней и въ способахъ образованія словъ. Односложные языки (какъ напр. китайскій, аннамскій, сіамскій, бирманскій, тибетскій) представляютъ самую простую, элементарную форму языковъ, въ которой слова—суть простые, односложные, обособленные корни, не способные ни соединяться съ другими корнями, ни подвергаться какимъ-либо измѣненіямъ, и обозначающіе идеи самыя общія, безъ указанія на лицо, родъ, число, время, видъ. Въ агглютинирующихъ языкахъ (каковы напр. языки африканскихъ, американскихъ и австралийскихъ дикарей, японскій яз., или урало-алтайскіе языки) слова состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ слитыхъ корней, изъ которыхъ только одинъ сохраняетъ свое дѣйствительное значеніе, а остальные служатъ суффиксами и префиксами для опредѣленія вида бытія или дѣйствія главнаго корня; самыя же корни и здѣсь не могутъ подвергаться измѣненіямъ. Эта послѣдняя особенность составляетъ характерную черту языковъ флективныхъ, которые можно разсматривать какъ высшую, совершеннѣйшую форму развитія языковъ. Въ языкахъ этого рода отношенія словъ между собой могутъ выражаться не только приставкой префиксовъ и суффиксовъ, но и перемѣной формы самаго корня. Къ классу флективныхъ языковъ относятся двѣ обширныя семьи языковъ: семитохамитская и арійская или индо-европейская. Каждая изъ нихъ отличается отъ другой своимъ запасомъ корней, своей флексіей, своимъ особымъ строеніемъ и, нужно полагать, каждая самостоятельно, независимо отъ другой, пройдя періоды односложности и агглютинаціи,

постепенно достигла фазиса флексіи. Многие изъ семитскихъ языковъ, какъ еврейскій, финиційскій, арабскій, египетскій, имѣютъ высокое историческое значеніе, какъ проводники и носители древнѣйшихъ образованностей. Но въ послѣднее время, наибольшую важность и занимательность представляетъ арійская семья. Въ лингвистическомъ отношеніи она отличается по сравненіи съ семитической группой большимъ разнообразіемъ видовъ корней и богатой флексіей. Языки этой семьи принадлежатъ народамъ, населяющимъ почти всю Европу, значительную часть Азии и имѣющимъ обширныя колоніи во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта. Приобрѣта великую извѣстность въ древности какъ органы такихъ замѣчательныхъ образованностей, какъ индійская, иранская, греческая, латинская, арійскіе языки и теперь служатъ органами современной цивилизаціи. Передъ ними стираются, ступеньваются языки другихъ классовъ; имъ принадлежитъ господствующее значеніе въ мірѣ. Наконецъ эти языки, по мнѣнію лингвистовъ, особенно любопытны потому, что они больше всѣхъ жили, прошли черезъ наибольшее число фазисовъ и періодовъ.

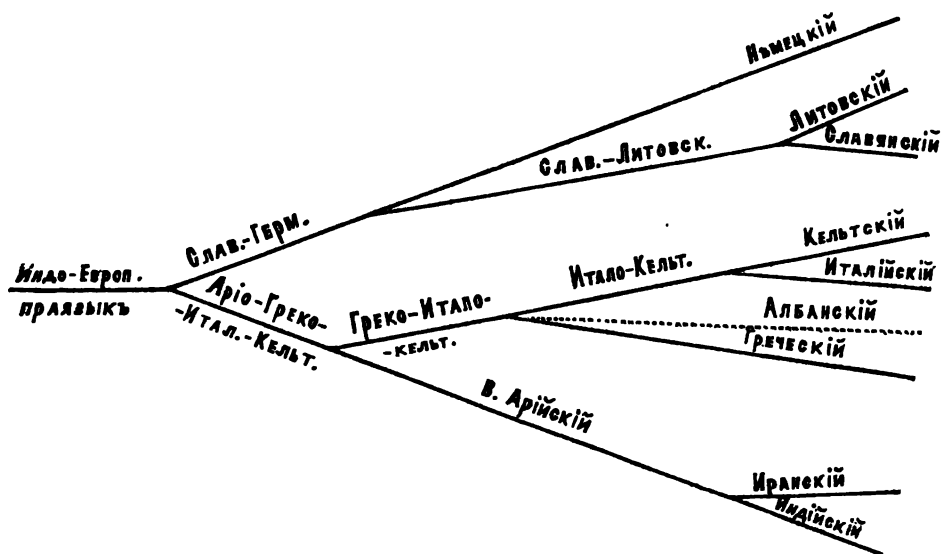
Къ этой отрасли языковъ флексивныхъ, въ системѣ арійской принадлежитъ и славянская семья языковъ. Въ составъ всей системы входятъ слѣдующія крупныя вѣтви языковъ: 1) *индійская* (санскритъ, пали, новоиндійскія нарѣчія, цыганскія нарѣчія), 2) *иранская* (зевдскій языкъ, древнеперсидскій, армянскій, гузварешскій, парси, новоперсидскій, осетинскій, курдскій, белуджскій, афганскій и др.), 3) *эллинская* (древнегреческія нарѣчія, вини, новогреческій яз.), 4) *италійская* (древнеиталійскіе языки, латинскій языкъ, новолатинскіе (романскіе) языки), 5) *кельтская*, 6) *германская* (готскій языкъ, скандинавскіе языки, верхненѣмецкій яз., нижненѣмецкіе языки), 7) *литовская* или *леттская* (литовскій яз., латышскій яз., старо-прусскій яз.), 8) *славянская*. Къ арійскимъ же языкамъ, нужно причислить албанскій языкъ и нѣкоторые уже не существующія языки, какъ то иллиро-эракійскіе, давскій, скиѣскій, малоазійскіе яз.: фригійскій, ливійскій и др.

Вопросъ о мѣстѣ, какое занимаетъ славянская семья языковъ среди этой массы родственныхъ языковъ и о степени близости ея къ тѣмъ или другимъ изъ нихъ въ настоящее время рѣшенъ только отчасти, приблизительно. Рѣшеніе его связывается съ рѣшеніемъ общаго вопроса о происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ чле-

новъ арійской отрасли. Здѣсь важны двѣ теоріи, имѣющія каждая своихъ авторитетныхъ защитниковъ и противниковъ: одна старая, обоснованная и развитая главнымъ образомъ Авг. Шлейхеромъ, теорія родословнаго древа языковъ; другая, болѣе новая, впервые высказанная ученымъ языковѣдомъ Іоганномъ Шмидтомъ,—теорія волнообразнаго развитія языковъ. Сущность первой состоитъ въ слѣдующемъ. Близкое общее сходство всѣхъ языковъ арійской вѣтви въ лексикальномъ и грамматическомъ отношеніяхъ, установленное сравнительной грамматикой (со времени Боппа), приводитъ къ заключенію объ общности происхожденія арійскихъ языковъ. Необходимо допустить существованіе въ глубокой древности арійскаго праязыка, которымъ говорилъ народъ Аріи, родоначальникъ почти всѣхъ народовъ, населяющихъ нынѣ Европу и значительную часть Азіи. Родина этого праязыка, по наиболѣе распространенному мнѣнію, находилась возлѣ Памира, въ предѣлахъ нынѣшней Персіи и странъ съ ней сопридѣльных¹⁾. Творческимъ умомъ Шлейхера дана и характеристика арійскаго праязыка (въ его замѣчательномъ трудѣ *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*). Въ основаніе классификаціи языковъ по степенямъ родства положены всконныя особенности отдѣльныхъ языковъ или группъ языковъ и степень ихъ взаимной близости. Чѣмъ больше языкъ сохранилъ древнихъ особенностей, приближающихъ его къ праязыку, тѣмъ позже, значить, онъ отдѣлился отъ общаго праотца, и наоборотъ. Такое преимущество, по мнѣнію Шлейхера, принадлежитъ прежде всего индійской и иранской вѣтвямъ, которыя больше другихъ оставались прикрѣпленными къ своей родинѣ. За ними слѣдуютъ кельтская, италійская и эллинская вѣтви. Напротивъ германская, латтская (литовская) и славянская вѣтви сравнительно меньше удержали остатковъ старины, а потому должны были раньше другихъ оторваться отъ общаго ствола. Съ другой стороны открытіе большей близости между двумя вѣтвями, напр., между латтской и славянской, или германской и индійской, даетъ право предполагать существованіе посредствующей общей вѣтви, напр.—латто-славянской или ирано-индійской, а такая общая вѣтвь могла опять родниться съ другою какою-либо вѣтвью и опять предпо-

¹⁾ Существуетъ и другое мнѣніе, помѣщающее родину арійскаго праязыка въ Европѣ—то въ Германіи, то въ предѣлахъ юго-западной Россіи.

лагать особаго болѣе общаго родоначальника. Для латто-славянскаго основнаго языка таково близкаго родича Шлейхеръ указалъ въ общемъ германскомъ языкѣ. Такъ по данной теоріи взаимныя отношенія группъ языковъ арійской семьи получили схематическое изображеніе въ видѣ родословнаго древа:

Здѣсь славянскіе языки признаны въ ближайшемъ родствѣ съ латтскими и затѣмъ съ германскими.

Теорія Шлейхера надолго упрочилась въ наукѣ, хотя въ частностяхъ дѣлались поправки и измѣненія въ его родословномъ древѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были весьма существенны. Такъ Лоттеръ и Фикъ предполагали отдѣленіе отъ арійскаго праязыка двухъ главныхъ вѣтвей: восточно-арійской, изъ которой образовались индійская и иранская группы и западно-арійской, давшей происхождение всѣмъ европейскимъ языкамъ (въ порядкѣ указанномъ Шлейхеромъ). Бопцъ, Поттъ и Гильфердингъ доказывали особенную близость славяно-литовской группы съ восточно-арійской. Раздавались голоса о тѣсномъ родствѣ греческаго съ древне-индійскимъ (Куно) или кельтскаго съ нѣмецкимъ и славяно-литовскимъ и т. п.

Такого рода частныя несогласія указывали, что теорія родословнаго древа покоится не на особенно твердыхъ основаніяхъ, и что сходство арійскихъ языковъ въ частностяхъ еще не настолько выяснено, чтобы можно было дѣлать положительныя заключенія о бли-

зости родственныхъ отношеній отдѣльныхъ группъ языковъ. Поэтому не удивительно, что съ дальнѣйшими успѣхами сравнительнаго языковеденія, на смѣну этой теоріи явилась другая, которая хотя и не выяснила въ подробностяхъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ языковъ арійской семьи, за то сильно поколебала теорію Шлейхера.

Эта новая теорія развита Іоганномъ Шмидтомъ, главнѣйше въ его замѣчательномъ сочиненіи „Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen (Weimar. 1872). Доказавъ всю произвольность дѣлаемыхъ Шлейхеромъ и его послѣдователями сближеній нѣкоторыхъ группъ языковъ и несостоятельность предположеній о посредствующихъ основныхъ языкахъ (Grundsprache), авторъ отрицаетъ всякую возможность генетической классификаціи языковъ. По его мнѣнію, нѣтъ языковъ праотцевъ и языковъ дѣтей. Всѣ арійскіе языки образовывались индивидуально, мало по-малу, только изъ одной общей арійской основы. Происхожденіе и образованіе языковъ можно удобно представить въ видѣ волны, разбѣгающейся въ концентрическихъ кругахъ, которые дѣлаются тѣмъ слабѣе, чѣмъ дальше отъ центра. Подобно водянымъ кругамъ, языки незамѣтно переходятъ одинъ въ другой, при чемъ языкъ, занимающій срединное географическое положеніе, носитъ черты сходства съ примыкающими къ нему сосѣдями и служитъ для нихъ связующимъ звеномъ. Такъ напр. славяно-литовская группа имѣетъ черты близкаго родства не только съ нѣмецкой группой, какъ настаивалъ Шлейхеръ и другіе (между прочимъ Цейсъ, Гриммъ), но и съ восточно-арійской. Въ частности славянскіе языки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе подходятъ къ восточно-арійскимъ языкамъ, особенно иранскимъ, чѣмъ латтскіе языки. Подобнымъ образомъ греческая группа является связью между восточно-арійской и италійской, италійская между греческой, кельтской и нѣмецкой, кельтская—между италійской и нѣмецкой и затѣмъ славяно-латтской. Такимъ образомъ теорія Шмидта, вполне подтверждая выставленныя раньше положенія о несомнѣнной близости славянскихъ языковъ съ латтскими, рѣзко отбѣнила также прежде указанный фактъ значительной близости славянской группы не только съ германской, какъ настаивалъ Шлейхеръ, но также съ иранской и индійской.

Остроумные взгляды Іоганна Шмидта вызвали оживленные споры между учеными. Мнѣнія по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ группъ языковъ арійской семьи раздѣлились. Одни, какъ Фикъ, Л. Мей-

еръ, Navet, Уитней, Жолли, Беценбергеръ, опровергая новую теорію, выступили въ защиту теоріи родословнаго древа и посредствующихъ основныхъ языковъ. Другіе, какъ Novelaque, Шпигель, Hülschmann, Schrader—примкнули къ теоріи Шмидта. Третьи какъ Лескинъ и особенно Крекъ, явно сочувствуя основнымъ воззрѣніямъ Шлейхера, старались примирить обѣ теоріи. Наконецъ, не мало нашлось и такихъ ученыхъ, которые на основаніи строгой критики Шмидта разочаровались въ старой теоріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли признать новую теорію за такую, которая давала бы трудному, темному вопросу достаточно ясное и удовлетворительное рѣшеніе (Pfordten, Delbrück, Бодуэнъ де Куртенэ, Бругманъ). Мнѣніе послѣдней группы ученыхъ, кажется, нужно признать наиболѣе правильнымъ. Продолжительные споры по указанному вопросу ясно показали, что при тѣхъ средствахъ, какими обладаетъ наука въ настоящее время, обстоятельная классификація арійскихъ языковъ не мыслима. Пока приходится удовлетвориться признаніемъ общаго исконнаго родства арійскихъ языковъ и дѣленіемъ ихъ на приведенныя группы или вѣтви. Только по отношенію къ немногимъ вѣтвямъ можно считать доказанною ихъ преимущественную взаимную близость. Славянскую вѣтвь въ этомъ отношеніи нужно признать одной изъ счастливыхъ. Близкое родство ея съ лѣтскою (литовскою) вѣтвю составляетъ общепризнанный фактъ. Затѣмъ почти столь же несомнѣнно, что славянскіе языки довольно близко стоятъ къ иранскимъ, индійскимъ и германскимъ. Отсюда слѣдуетъ, что при изученіи славянскихъ языковъ не только полезно, но и необходимо обращаться за справками въ языкамъ указанныхъ наиболѣе близкихъ и родственныхъ группъ. Занятія славистовъ литовскимъ языкомъ въ этомъ отношеніи уже ознаменовались весьма важными результатами для славянской филологіи (Гейтлеръ, Лескипъ, Брикнеръ, Ульяновъ, и др.).

Л И Т Е Р А Т У Р А.

- Abel Novelaque, La linguistique 2-me ed. Paris 1877, русскій переводъ: Овелакъ, Лингвистика. Спб. 1881.
- Aug. Schleicher, Compendium der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut-und Formenlehre der indogermanischen Ursprache, der Altindischen, Altiranischen, Altgriech-

- chischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslavischen, Litauischen und Altdeutschen. Vierte Auflage. Weimar. 1876.
- А в г. Ш л е й х е р ь, Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо германскихъ языковъ, Спб. 1865.
- A. Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 2-te Auflage. Göttingen 1871.
- A. Fick, Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas. Göttingen. 1873.
- В о р р. Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. 3-te Auflage. Berlin. 1869—71.
- Pott, Etymologische Forschungen. 2-te Ausgabe. Detmold. 1867.
- А. Г и л ь ф е р д и н г ь, Обь отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ. М. 1853. Древнѣйшій періодъ истории Славянъ. Вѣстникъ Европы 1868. т. IV—V.
- M. Müller, Über die Resultate der Sprachwissenschaft. 3-te Aufl. Strassburg, 1872.
- I o h a n n e s S c h m i d t, Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar. 1872.
- Gr. Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. 2-te Auflage. Graz, 1887, стр. 66—85. Сжатое, но тщательное изложеніе спорнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ арійскихъ языковъ, съ полной библиографіей предмета.
- И. А. Б о д у э н ь - д е - К у р т е н э, проф., Подробная программа лекцій въ 1877—1878 учебномъ году. Казань. Варшава. 1881, стр. 33—68, 120—128.
- B. Delbrück, Einleitung in das Sprachstudium. 2-te Auflage. Leipzig, 1884.
- K. Brugmann, Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der Indogermanischen Sprachen, въ изд. Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. I. 226—256.

3. Славянскій праязыкъ и его характерныя черты (главнѣйше въ сравненіи съ литовскимъ).

Строго научное изученіе славянскихъ языковъ, начавшееся въ великую эпоху славянскаго національнаго возрожденія въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, шло, развивалось и повинѣ развивается подъ вліяніемъ сравнительнаго индоевропейскаго языковедія. Первые наиболѣ замѣчательные представители этой важной науки, какъ Боппъ, Поттъ, Шлейхеръ и др., были вмѣстѣ съ тѣмъ и крупными вкладчи-

вами въ область славянскаго языковѣданія. Славянскіе лингвисты всегда относились и продолжаютъ относиться съ живымъ вниманіемъ ко взглядамъ нѣмецкихъ и французскихъ лингвистовъ, охотно примѣняя ихъ методы и приемы на почвѣ изученія родныхъ языковъ. Поэтому не удивительно, что славянское языковѣданіе издавна стало *сравнительнымъ* и что въ исторіи его приходится встрѣчаться съ тѣми же главными теоріями, предположеніями и обобщеніями, какія предлагались и предлагаются примѣнительно ко всей индоевропейской семьѣ языковъ.

И здѣсь наблюденія надъ славянскими языками привели къ признанію факта близкаго сходства ихъ, истолкованнаго въ смыслѣ родства, общности происхожденія. И здѣсь ученые пришли къ предположенію, въ настоящее время уже получившему значеніе общепризнанной научной гипотезы, о славянскомъ праязыкѣ, изъ котораго образовались всѣ существующіе и уже мертвые славянскіе языки. Предположительно опредѣляютъ и ту страну, гдѣ долженъ былъ жить по выдѣленіи изъ общеарійской семьи славянскій пранародъ, давшій происхожденіе всѣмъ славянскимъ народамъ. Обыкновенно помѣщаютъ его въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, въ равнинѣ, лежащей между верховьями Дона и Днѣпра съ одной стороны, Балтійскимъ моремъ и среднимъ теченіемъ Вислы—съ другой ¹⁾. Мало того по давнимъ сравнительнаго языковѣданія, или точнѣе лингвистической палеонтологіи, воспроизведена картина быта и образованности славянскаго народа-праотца. Что касается самого славянскаго основнаго праязыка, то пока еще не имѣется полной характеристики его ни со стороны грамматической, ни лексикальной. Это трудное дѣло, для осуществленія котораго необходимо не только всестороннее основательное изученіе славянскихъ языковъ съ ихъ нарѣчіями и говорами, но и появленіе среди славянскихъ филологовъ проникательнаго и творческаго ума въ родѣ того, какимъ былъ Шлейхеръ,—составитъ проблему будущаго. Теперь только готовятъ матеріалы для постройки цѣлаго зданія. Фикція славянскаго праязыка сохраняетъ важное значеніе въ изуче-

¹⁾ Впрочемъ, имѣется и другое, довольно распространенное мнѣніе, по которому въ область славянскаго пранарода входила и территория между Днѣстромъ и Днѣпромъ (т. е. нын. Волныи и Подолье); но такое предположеніе можетъ быть принято лишь въ томъ случаѣ, если видѣть въ Скифахъ (извѣстныхъ обитателей нынѣшняго юга Россіи) Славянъ, противъ чего въ наукѣ имѣются всѣскія возраженія. Ср. К г е k, Einl. in. d. Slav. Lit. gesch. 96--102.

нѣн славянскихъ языковъ, ихъ историческаго развитія и взаимныхъ отношеній. Съ другой стороны разысканіе и возстановленіе праславянскихъ формъ и элементовъ рѣчи составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ современныхъ лингвистическихъ изслѣдованій. При этомъ, конечно, неизбежны разнорѣчивыя и противорѣчивыя мнѣнія. Тѣмъ не менѣе общая картина славянскаго праязыка постепенно выясняется.

Изъ характерныхъ безспорныхъ особенностей славянскаго праязыка, опредѣляющихъ его особое самостоятельное положеніе въ ряду другихъ аrio-европейскихъ языковъ, и въ частности составляющихъ главнѣйшія отличія его отъ ближайшаго родственнаго ему языка литовскаго, можно отмѣтить слѣдующія:

1) Исчезновеніе согласныхъ съ конца словъ и слоговъ. Сравн. ц. слав. и др. р. вѣлкъ съ греч. λόκος, лат. lupus, лит. vilkas; ц. слав. сынъ и лит. supus; небо—véφος; 1 л. аор. ведъ, ведохъ и греч. ἔλεγον, ἔλιπον, 2 и 3 л. веде—ἔλιπες; телъ и телъте (р. п.).

2) Развитіе дифтонговъ, еще сохраняющихся въ литовскомъ, въ простые долгіе гласные. Ср. слав. видъ съ лит. veilas, греч. Φείδος, сл. ити съ лит. eiti, греч. εἶ-μι; уши—лит. ausis; ц. слав. сыну (р. п.)—лит. sūnaus; бѣсъ—лит. baisus.

3) Существованіе рядомъ съ чистыми глухими звуковъ ъ (изъ і, е) з (изъ у, о) и развитіе послѣднихъ изъ чистыхъ: льнь—лит. linas, юсмь—лит. es—mi; дышти лит. duktė.

4) Развитіе носовыхъ гласныхъ звуковъ (ринезмъ), отсутствующихъ въ литовскомъ яз.: пать п. рієс—лит. penkí, рѣва, п. гека—лит. gankà.

5) Развитіе ū въ характерный звукъ ы: дымъ скр. dhūmas гр. θῦμός лит. dūmai; сынъ лит. sūpus санск. sūpus.

6) Замѣну первичнаго s черезъ ch; ср. слав. духъ и лит. dausas; ветъхъ—лит. vėtušas (лат. vetus).

7) Переходъ первичныхъ k и g, gh въ s и z (въ литовск. š и ž): ср. сл. съто съ санскр. śatam, гр. ἑκατόν, л. centum, лит. šimtas; десять—десять съ гр. δέκα лат. decem, лит. dešimtis; знати съ гр. γινώσκω, лит. žinoti; везу—скр. vahāmi, лат. veho, лит. vežu.

8) Смягченіе горганныхъ г, ж, х—въ ж, ч, ш и з, ц, с: живъ лит. gīvas; чистъ лит. kistas; цѣна лит. kaina.

9) Первичныя сочетанія ar (ар), al (ал), er, el (ер. ел.).

10) Удержаніе средняго рода, почти не существующаго въ лит. яз.

11) Прич. прош. вр. дѣйств. з. на *лз* (въ лит. нѣтъ).

12) Прошедшія простые времена—имперфектъ и два аориста (въ литов. яз. нѣтъ аористовъ, а имперфектъ—позднѣйшаго образованія).

13) Отсутствие простаго прошедшаго т. н. Praeteritum, желательнаго навл. и будущаго времени, имѣющихся въ литовск. яз.

14) Сохраненіе (какъ и въ лит. яз.) древняго разнообразнаго ударенія и долготы гласныхъ.

По выдѣленіи изъ общаго языка и въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ развитіи отдѣльные славянскіе языки въ различной степени остались вѣрны общей основѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый вырабатывалъ свои индивидуальныя черты и особенности.

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Krek, Einleitung, см. выше стр. 93 и слѣд.

Schleicher, Compendium и т. д. (см. выше).

Brugmann; Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg. В. I. 1886. В. II. 1889, 90.

Бочубинскій, Славянскія нарѣчія и сравнительное языкознаніе. Одесса. 1872 (Записки Имп. Новор. Унив. т. 8).

Будиловичъ А. С., Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. 2 т. 1878, 1879, 1882. Кіевъ.

Miklosich, Die Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. В. 1, 1879, стр. 1—302.

Соболевскій, А. И. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. М. 1891, (гл. IV. Отношеніе звуковъ церковно-славянскаго языка къ звукамъ родственныхъ индо-европейскихъ языковъ и V, Обще-славянскія измѣненія звуковъ, стр. 52—132).

Hassencamp, Ueber den Zusammenhang der lettoslavischen und germanischen Sprachstammes. Leipzig. 1876.

Leskien, Die Declination im slavischlitauischen und germanischen. Leipzig. 1876.

J. Hanusz, O dobre litewsko-słowiańskiej w stosunku do prajęzyka indoeuropejskiego. W Krakowie. 1885. (Rozprawy Krak. Akad. T. XI).

Geitler, Starobulharskà fonologie ze stalým ržetelem křazyku litewskému. V Praze. 1872.

Kurschat Fr. Grammatik der litauischen Sprache Halle 1876.

Karłowicz Jan. O języku litewskim. W Krakowie, 1874.

4. Классификація славянскихъ языковъ.

Признаніе близкаго родства славянскихъ языковъ вызвало въ наукѣ очень трудный и мудреный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ и ихъ классификаціи. По этому вопросу высказано не мало различныхъ мнѣній и имѣется довольно обширная литература, на рѣшеніе его потрачено достаточно остроумія; тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ онъ остается вопросомъ очень темнымъ, не получившимъ сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, какъ нужно представлять себѣ генетическую связь между различными славянскими языками и нарѣчіями? На какія группы ихъ слѣдуетъ распредѣлять соотвѣтственно представляемой ими взаимной близости? Вообще, какъ и на чемъ обосновать научную классификацію славянскихъ языковъ?

Первую трудность въ рѣшеніи поставленнаго общаго вопроса представляетъ частный вопросъ о народности или происхожденіи т. н. церковнославянскаго или старославянскаго языка. Въ настоящее время это языкъ мертвый и священный для Славянъ; онъ не употребляется въ живой разговорной рѣчи, и сохранился преимущественно въ священныхъ и богослужебныхъ книгахъ, доселѣ находящихся въ употребленіи у православныхъ Славянъ. Но ему принадлежитъ славное прошлое. Церковно-славянскій языкъ былъ самымъ первымъ органомъ славянской образованности и просвѣщенія. На этотъ языкъ въ IX ст. славянскіе первоучители свв. Кирилль и Меодій перевели съ греческаго священное писаніе и богослужебныя книги. На немъ впервые явилась славянская письменность въ Моравіи, постепенно получившая доступъ во вѣ славянскія земли на западѣ, сѣверѣ, югѣ, востокѣ. У западныхъ Славянъ этой письменности не посчастливилось: она не могла устоять подъ напоромъ латинно-нѣмецкихъ стихій. За то она распустилась роскошнымъ цвѣтомъ на славянскомъ югѣ и востокѣ. Старославянскій языкъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ оставался языкомъ церковнымъ и литературнымъ у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ. Во время своей продолжительной исторической жизни и широкаго распространенія онъ въ частности, конечно, подвергался разнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ, но основа

его и доселѣ осталась такой же, какой видимъ ее въ древнѣйшихъ памятникахъ. Значеніе этого языка пло за этнографическіе предѣлы славянства: румыны, народъ не славянскій, пользовались старо-славянскимъ языкомъ въ церкви и для государственныхъ нуждъ до XVIII ст. Независимо отъ высокаго историческаго и культурнаго значенія церковно-славянскій языкъ въ высшей степени замѣчательнъ по представляемому имъ богатству звуковъ и формъ и по обилію чертъ древности. Въ томъ и другомъ отношеніи его справедливо сближаютъ съ санскритскимъ. Отсюда понятно, что на этомъ языкѣ прежде всего должно было остановиться вниманіе славянскихъ филологовъ, когда зашла рѣчь о выясненіи генетической связи между славянскими языками. Возникъ вопросъ: въ какомъ изъ живыхъ нарѣчій слѣдуетъ приурочить этотъ древній священный языкъ славянъ? гдѣ онъ былъ въ живомъ употребленіи? гдѣ нужно искать его родину? Вопросъ этотъ вызвалъ среди ученыхъ весьма оживленные споры и до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ. Высказанныя по поводу его мнѣнія отличаются большимъ разнообразіемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ настоящее время уже не выдерживаютъ критики; такъ напр.: мнѣніе о сербскомъ происхожденіи старославянскаго языка. или о томъ, что этотъ языкъ и есть искомый славянскій праязыкъ, изъ котораго образовались всѣ славянскіе языки. Но затѣмъ остаются три теоріи, обоснованныя и развитыя весьма авторитетными учеными и имѣющія своихъ защитниковъ среди выдающихся современныхъ представителей науки. Одни слависты, (преимущественно русскіе), какъ Бодянский, Григоровичъ, Срезневскій, Шафарикъ, Шлейхеръ, Лескинъ, Соболевскій утверждаютъ, что языкъ, который употребили свв. Кириллъ и Меодій для перевода священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, есть языкъ македонскихъ Славянъ, т. е. *древнеболгарскій*. Другіе — какъ Копитаръ, Миклошичъ, и въ новѣйшее время проф. Ягичъ, видятъ въ немъ языкъ павлонскихъ Славянъ (жившихъ въ IX в. между Дунаемъ и Дравою), потомками которыхъ будто-бы являются нынѣшніе Словенцы или Хорутане. Третьи, какъ проф. В. И. Ламанскій и А. С. Будяловичъ, склонны считать церковно-славянскій яз. за языкъ искусственный, исключительно — литературный, въ который вошли элементы разнородныхъ славянскихъ нарѣчій, но въ которомъ зерно составляло или македоно-солунскій, т. е. болгарскій говоръ (какъ думаетъ первый) или нарѣчіе цареградско-мало-азіатскихъ Славянъ, какъ полагаетъ второй.

Каждая изъ этихъ теорій, опирающихся на тѣхъ или другихъ болѣе или менѣе точныхъ данныхъ и остроумныхъ соображеніяхъ, имѣетъ за себя извѣстныя основанія, но ни одна изъ нихъ не получила еще общепризнаннаго значенія въ наукѣ. Самый фактъ существеннаго разногласія авторитетныхъ ученыхъ по этому вопросу служить убѣдительнымъ доказательствомъ его сложности и трудности. Впрочемъ, въ настоящее время все болѣе перевѣсъ беретъ мнѣніе о болгарскомъ происхожденіи старославянскаго языка, которое и намъ кажется, наиболѣе вѣроятнымъ. Соображенія, приведенныя въ сочиненіи проф. А. И. Соболевскаго „Древній церковно-славянскій языкъ“. (Москва 1891, 3—11), представляются намъ весьма убѣдительными. Окончательнаго и болѣе близкаго къ истинѣ рѣшенія вопроса можно будетъ ждать только послѣ подробнаго и тщательнаго изученія всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ старославянскаго языка и отчетливыхъ наблюденій надъ многочисленными и разнообразными славянскими, главнѣйше македонскими говорами. Такъ еще не ясно обстоитъ дѣло съ языкомъ, который и по своей архаичности, и по звуковому, формальному и лексикальному богатству, долженъ лежать въ основаніи сравнительной славянской грамматики. Такъ какъ о генетической связи его съ другими славянскими языками нельзя сказать ничего опредѣленнаго или положительнаго, то и при классификаціи славянскихъ языковъ трудно указать для него подходящее мѣсто. Остается одно: совсѣмъ изъять его изъ классификаціи. По своимъ особымъ, вышеуказаннымъ свойствамъ старославянскій языкъ рѣзко выдѣляется изъ среды другихъ своихъ братьевъ и имѣетъ право на самостоятельное, высшее и почетное мѣсто въ славянской семьѣ. Это нашъ славянскій санскритъ, къ которому обязательно обращаться за разъясненіями при изученіи каждаго изъ живыхъ славянскихъ языковъ.

Не меньше трудностей представляетъ рѣшеніе вопроса о **взаимныхъ отношеніяхъ живыхъ славянскихъ языковъ**. Двѣ главныя причины можно указать какъ такія, которыя дѣлали неудачными всѣ представленныя доселѣ попытки точнѣе выяснить эти отношенія и установить на основаніи ихъ научную классификацію славянскихъ языковъ. Во-первыхъ изученіе живыхъ славянскихъ языковъ какъ въ историческомъ ихъ развитіи, такъ въ современномъ состояніи съ ихъ нарѣчіями и говорами, представляется далеко еще не полнымъ, и незаконченнымъ; напротивъ для многихъ изъ нихъ, напр. для болгарскихъ, словацкихъ,

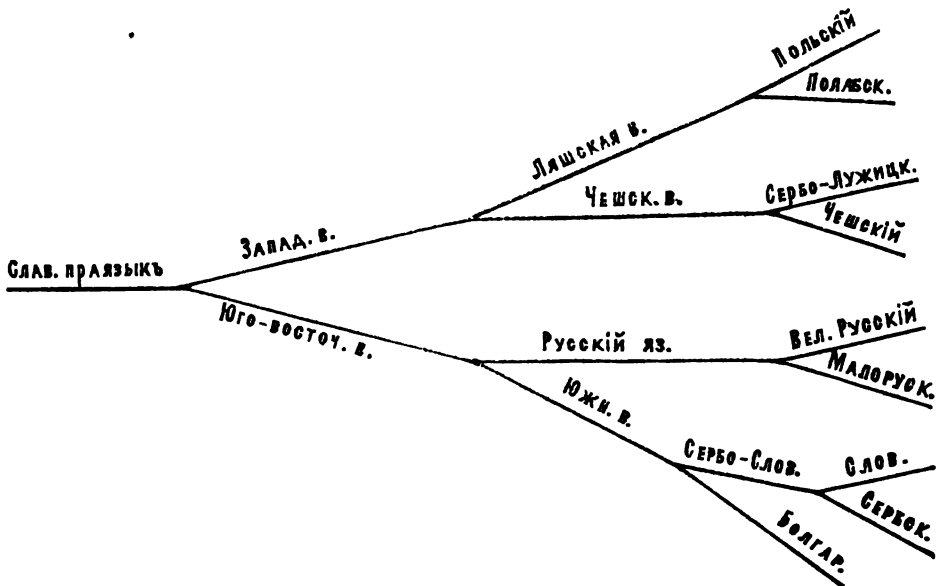
многихъ русскихъ говоровъ оно только начинается. Во-вторыхъ филологическія изслѣдованія, затрогивающія подобные общіе вопросы, не всегда отличаются должною объективностью, отражая въ себѣ ложно-патріотическія и узко-національныя симпатіи ученыхъ авторовъ. При отсутствіи на лицо всѣхъ необходимыхъ лингвистическихъ данныхъ и при недостаткѣ научной объективности и не возможно, конечно, придти къ правильнымъ заключеніямъ и вѣрнымъ обобщеніямъ.

Всѣ, наиболѣе заслуживающія вниманія, мнѣнія по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ можно свести къ тѣмъ же двумъ основнымъ теоріямъ, которыя, какъ указано, были примѣнены къ рѣшенію вопроса о классификаціи языковъ индо-европейской семьи: теоріи родословнаго древа и теоріи волнообразнаго перехода.

Представители теоріи родословнаго древа раздѣляются на двѣ категоріи: одни принимаютъ распаденіе основнаго языка на двѣ главныя вѣтви, другіе—на три. Сверхъ того въ каждой категоріи приходится наблюдать разнообразіе мнѣній относительно частнаго распредѣленія языковъ.

Первый опытъ научнаго дѣленія славянскихъ языковъ принадлежитъ знаменитому патріарху славянской филологіи, чешскому ученому аббату Добровскому. Въ своей грамматикѣ церковно-славянскаго языка (*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* 1822) онъ распредѣляетъ славянскіе языки на двѣ группы: въ одну, по его терминологіи, восточную, онъ включаетъ языки: русскій, старославянскій, иллирійскій или сербскій, (подъ нимъ разум. и болгарскій), хорватскій, словинскій или крайнскій; во второй группѣ, западной, онъ относитъ языки: словацкій, чешскій, серболужицкій и польскій. Въ основаніе этой классификаціи онъ поставилъ рядомъ съ неудачными, случайными, чисто эмпирическими признаками (какъ напр. разумъ—*rozum*, издати—*vudati*, птица—*ptak*, десница—*pravica* и т. п.) нѣсколько существенныхъ признаковъ, которые были приняты другими учеными и во всякомъ случаѣ должны имѣться въ виду при классификаціи славянскихъ языковъ, а именно: 1) смягченіе губныхъ *bj*, *ej*, *mj*, *nj* и *bl*, *ol*, *ml*, *nl*: корабль—*korab'*, земля—*země*; 2) исчезновеніе *đ*, въ группѣ *dl* въ восточ. нар. и сохраненіе его въ западн.: сало—*sadŕo*, краль—*kradŕ*; 3) смягченіе т: *шт.* и *ч* и с(ц): печи—*pecí*, мощь—*moc*; 4) *zv*, *cv*—и *zv*, *kv*: звѣзда—*hvězda*, цвѣтъ—*květ*.

Это дѣленіе на долго утвердилось въ наукѣ. Его повторяли Гречъ, Кухарскій, Суровецкій, Ганца и др., хотя очень рано—Восточнымъ и другими—были сдѣланы замѣчанія о несостоятельности большинства признаковъ, указанныхъ Добровскимъ. Слѣдовалъ этому дѣленію хотя съ разными, иногда вѣрными оговорками и поправками и Шафарикъ въ своей „Славянской Народописи“. Принялъ мнѣніе Добровскаго и Августъ Шлейхеръ, въ частностяхъ возражавшій противъ предложеннаго имъ распредѣленія языковъ. Послѣдній представляетъ взаимныя отношенія славянскихъ языковъ въ такой схемѣ.

За раздѣленіе славянскихъ языковъ на двѣ основныя группы въ смыслѣ теоріи Шлейхера высказались и два такіе извѣстные филолога, какъ проф. А. Потебня и проф. Крекъ. Послѣдній принялъ на себя защиту этого взгляда противъ всѣхъ сдѣланныхъ на него возраженій и всякихъ новыхъ теорій, главнѣйше противъ теоріи Іоганна Шмидта. Взаимныя отношенія славянскихъ языковъ онъ представляетъ себѣ въ такомъ видѣ. Славянскій праязыкъ еще на своей родинѣ распался на двѣ основныя вѣтви: западную и сѣверо-восточно-южную. Изъ западной вѣтви первоначально выдѣлились два основныя языка: польско-полабскій и чешско-лужицкій, изъ которыхъ уже образовались индивидуальныя языки: польскій и полабскій, чешскій и лужицкій. Сѣверо-восточно-южная вѣтвь также распалась на двѣ части: сѣверо-восточную и южную. Изъ пер-

вой возникли русскія нарѣчія; вторая же первоначально представляла одинъ языкъ, изъ котораго впослѣдствіи, когда говорившіе имъ Славяне заняли новыя жилища (на Балканскомъ полуостровѣ), образовались два языка: словѣнскій и сербо-хорватскій. Словѣнскій въ свою очередь далъ происхожденіе выѣшнему словинскому и болгарскому. Церковно-славянскій языкъ проф. Крекъ, въ противоположность Шлейхеру и др. и согласно съ Миклошичемъ, считаетъ скорѣе древне-словинскимъ, чѣмъ древне-болгарскимъ.

Для обоснованія такой классификаціи обыкновенно указываются тѣ же четыре основныя фонетическія примѣты, какія были предугаданы Добровскимъ; теперь только онѣ представлены въ болѣе научномъ освѣщеніи и приведены въ болѣе стройную систему. Примѣты эти слѣдующія:

1) Сочетанія *дл, тл, дн, тн*, сохраняются и возможны только въ языкахъ западной вѣтви, а въ сѣверо-восточно-южной вѣтви первичныя *д* и *т* передъ *л* и *н* исчезаютъ, напр.: ц. сл. и р. *велъ, мыло, плелъ*, ч. *vedl, pletl, mydlo*; п. *wiódl, mydło, plótł*; луж. *pletł*.

2) Праславянскія группы *тj, dj* въ языкахъ сѣверо-восточно-южной вѣтви или удерживаютъ *j* или превращаютъ его въ язычный-шипящій *ш* и *ж*, откуда *тш=ч, дж, ж*, а въ западной вѣтви вмѣсто этого *j* выступаютъ зубныя *с, з*, откуда *тс=ц и дз, з* напр. р. свѣча, серб. свећа, ч. *svíce*, р. роженъ, серб. рођен, ч. *rozen*, п. *rodzen*.

3) Группы *пj, бj, вj, mj*, остаются неизмѣнными въ языкахъ западной вѣтви, и принимаютъ вставочное *л* (epentheticum) въ языкахъ сѣверо-восточно-западной вѣтви; напр. р. земля, ч. *země*, п. *zemja*; р. купленъ ч. *koupen*, п. *kořab'*, в. луж. *konop'*.

4) Группы *кв, зв* передъ *н, и, ъ* остаются неизмѣнными въ языкахъ западной вѣтви и переходятъ въ *цв, зв* въ языкахъ сѣверо-восточно-южной, напр., р. ц. слав. слов., сер. болг. цвѣтъ, звѣзда ч. луж. *květ, hvězda* п. *kwiat, gwiazda*.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти примѣты относятся къ исконнымъ славянскимъ особенностямъ и до нѣкоторой степени могутъ служить для характеристики отдѣльныхъ группъ славянскихъ языковъ. Но критика (Надеждинъ, Максимовичъ, Шмидтъ, Кочубинскій) уже выяснила, что ва этихъ примѣтахъ никакъ нельзя основывать приведенную генетическую классификацію славянскихъ языковъ. Наблюденія надъ отдѣльными славянскими нарѣчіями и говорами приводятъ къ заклю-

ченію, что черты, признанныя характерными для одной основной вѣтви — западной или юго-восточной, попадаются спорадически въ известныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ другой вѣтви. Напр. звуковыя сочетанія *дл*, *тл* господствуютъ не исключительно въ западной вѣтви, но знакомы и русскому языку (метла—помело, сѣдло, подль) и довольно распространены въ нѣкоторыхъ говорахъ словинскаго языка, причисленнаго по теоріи Шлейхера—Крека къ другой—южной вѣтви; напр. въ зильскомъ нарѣчіи: *šidlo*, *motovidlo*, *kridlo*, *močidlo*, *kradl*, *vedla* и др. Напротивъ въ западной вѣтви попадаются слова съ исчезнувшимъ *т* и *д* передъ *л*, какъ обычно въ языкахъ юго-восточной вѣтви; напр. въ нижнелужицкомъ—*kšito* при *kšidlo*, *wiły* при *widky*; въ верхнелужицкомъ—*šol*; въ ганнацкомъ нар. (въ Моравіи)—*plela*, въ словацкомъ (въ Липтовскомъ ком.)—*zało*, *шуło*. Точно также звуковыя сочетанія *тн*, *дн* возможны въ русскомъ и южно-славянскихъ языкахъ; напр.: глотнуть, паднем (серб.), летналь (болг.) и т. д. Смягченіе губныхъ безъ помощи *л*, характеризующее преимущественно западную вѣтвь, составляетъ весьма обычное явленіе въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ юго-восточной вѣтви, какъ-то въ нарѣчіи червоно-русскомъ (робью, спью и пр.) и македонско-болгарскомъ (любень, зема) Западно-славянская форма праславянскихъ сочетаній *тj*, *дj*,—т. е. *дз*. встрѣчается въ чакавскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ. Сверхъ того разнообразіе соотвѣтствій праславянскимъ сочетаніямъ *тj*, *дj* въ славянскихъ языкахъ, при которомъ нерѣдко одинъ языкъ владѣетъ не одной, а нѣсколькими формами этихъ сочетаній, также говоритъ скорѣе противъ дуалистической классификаціи славянскихъ языковъ, чѣмъ за нее.

Но какъ ни вѣски эти возраженія, они не кажутся достаточно убѣдительными для многихъ защитниковъ старой теоріи славянскаго древа. Последняя, хотя и потрясена въ своихъ основаніяхъ, все еще имѣетъ своихъ представителей въ наукѣ и въ общедоступныхъ руководствахъ нерѣдко повторяется какъ аксіома, не подлежащая никакому сомнѣнію.

Теорія Даничица. Однимъ изъ доказательствъ шаткости основаній, на которыхъ построена изложенная дуалистическая классификація славянскихъ языковъ, служитъ предложенная болѣе или менѣе авторитетными учеными возможность иного объясненія указанныхъ звуковыхъ примѣтъ и привлеченіе ихъ для обоснованія совершенно другихъ теорій. Такъ, звуковая группа *тj*, *дj* легла въ основаніе весьма любопытной также дуалистической, только особаго рода, классификаціи,

предложенной Юрием Даничичемъ (Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. I, 1867; Диоба словенскихъ језика; У Биограду 1874). Знаменитый сербскій филологъ вышелъ изъ положенія, что современныя сербскія формы сочетаній *mj*, *dj*—*h* и *h* тождественны праславянскимъ *mj*, *dj*, и отсюда заключилъ, что сербскій языкъ—основной, ближайшій къ славянскому праязыку и древнѣйшій между всѣми славянскими языками. Онъ выдѣлился изъ славянскаго праязыка, когда *mj* и *dj* еще не подверглись никакимъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ, славянскій праязыкъ распался первоначально на двѣ вѣтви: сербскую и несербскую. Выставивъ затѣмъ другое положеніе, что свистящіе *s*, *z*, древнѣе соотвѣтствующихъ имъ шищящихъ *ш*, *ж*, и что слѣдовательно изъ праславянскихъ *mj*, *dj* первоначально развились *ш*, *дз*, а потомъ уже *ч*, *дж*, *ж*, Даничищъ построилъ новое весьма любопытное родословное древо, изъ котораго явствуетъ, что русскій языкъ въ исторіи развитія славянскихъ языковъ занимаетъ едва-ли не самое послѣднее мѣсто: онъ одинъ изъ самыхъ юныхъ потомковъ славянскаго праязыка, ибо выдѣлился изъ чешско-польско-русской вѣтви, въ свою очередь происшедшей отъ славянскаго праязыка, непосредственнымъ потомкомъ котораго является сербскій или хорватскій языкъ. Критикѣ не стоило большаго труда доказать несостоятельность этой теоріи, въ которой ясно проглядываетъ національно-патріотическая тенденція ея автора. Но для уясненія значенія указанныхъ фонетическихъ признаковъ въ вопросѣ о классификаціи славянскихъ языковъ не лишне указать, что разборъ теоріи Даничища далъ поводъ одному ученому критику представить объясненіе соотвѣтствій въ разныхъ славянскихъ языкахъ праславянскимъ сочетаніямъ *mj*, *dj*, совершенно противоположное тому, какое предложено въ сербской теоріи. Проф. А. А. Кочубинскій, основательно возражая Даничищу, самъ пришелъ къ неожиданному заключенію, что не сербскіе *h* и *h*, а русскіе *ч* и *ж*—тождественны съ праславянскими *mj*, *dj* и что, поэтому, не сербскій, а русскій языкъ ближайшій къ славянскому праязыку, онъ настоящій „хранитель славянской проѣтнической старины“. „Всѣ славянскія нарѣчія, говоритъ г. Кочубинскій, на сколько они разнятся отъ русскаго языка въ вопросѣ о сочетаніяхъ *mj*, *dj*, тяготеютъ къ русскому языку, какъ своему центру: ихъ формы суть варианты русскіихъ“. Подтвержденіе этого положенія критикѣ видитъ и въ другихъ общеславянскихъ звуковыхъ примѣтахъ, и особенно въ

изслѣдованной имъ основной вокализаціи плавныхъ сочетаній: конс. + л, р, +ъ—ь+конс., въ которой русскія формы *ол—ло, ел—ле* (волкъ—блоха, желтъ—слеза) представляются ему пра-славянскими. Критика признала несомнѣнное увлеченіе и въ такомъ взглядѣ на взаимныя отношенія славянскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе разногласіе ученыхъ въ объясненіи разнообразныхъ формъ праславянскихъ сочетаній *тj, dj* весьма характерно для пониманія значенія критеріевъ, приводимыхъ для обоснованія дуалистической теоріи родословнаго древа.

Въ противоположность дуалистической классификаціи, почти одновременно съ ней, явилась теорія раздѣленія славянскихъ языковъ на три основныя вѣтви: восточную, южную и западную. Начало этой классификаціи восходитъ ко времени знаменитаго Востокова, который въ своемъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“ (1820 г.), разбирая взглядъ Добровскаго на взаимныя отношенія славянскихъ языковъ и оспаривая значеніе указанныхъ имъ примѣтъ для классификаціи, высказалъ мысль, что русскій языкъ долженъ занимать средину между южной и западной вѣтвями. Затѣмъ Н. Надеждинъ („Европеизмъ и народность, 1836“) и М. А. Максимовичъ („Разныя мнѣнія о русскомъ языкѣ, 1838“. „Объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянской“, 1845 г.), рѣзко опровергая дуалистическую теорію родословнаго древа, старались обосновать самостоятельное положеніе русскаго языка въ славянской семьѣ и установили раздѣленіе славянскихъ языковъ на три вѣтви: восточную, юго-западную и сѣверо-западную. Первая должна заключать нарѣчія великорусское съ бѣлорусскимъ и малорусское съ червонорусскимъ; вторая—нарѣчія—болгарское, сербское и хорватское, словинское и церковно-славянское; третья—нарѣчія польское, чешское, словацкое, лужицкое, полабское¹⁾. Такъ какъ у представителей этой теоріи на первомъ планѣ стояло болѣе правильное опредѣленіе мѣста русскаго языка среди другихъ славянскихъ языковъ, то они не заботились о присканіи взаимнѣе отвергнутыхъ примѣтъ старой классификаціи—новыхъ, оправды-

¹⁾ Впрочемъ, съ внѣшней стороны система Максимовича также имѣла характеръ дуализма. Восточной—т. е. русской вѣтви, онъ противопоставлялъ западную, въ которой признавалъ двѣ самостоятельныя группы языковъ: сѣверо-западную и юго-западную. Такимъ образомъ, по его взгляду, языки юго-западные напр., болгарскій, сербскій были ближе къ сѣверо-западнымъ, напр. польскому, чешскому, чѣмъ къ русскому.

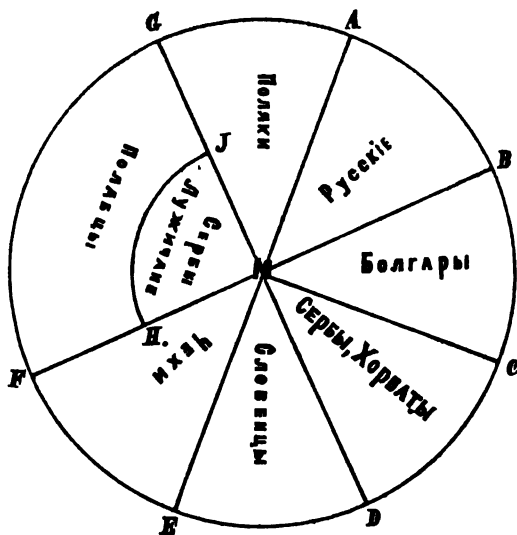
вающихъ всю ихъ теорію, а сосредоточили свое вниманіе на разысканіи въ русскомъ языкѣ такого признака, который давалъ бы несомнѣнное право на выдѣленіе его въ самостоятельную группу. И дѣйствительно, такой характерный признакъ былъ найденъ. Онъ заключается въ т. н. полногласіи, т. е. звуковыхъ сочетаніяхъ *oro — оло, ere — еле*, которымъ въ другихъ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуютъ болѣе краткія сочетанія *ra — ла, рѣ — лѣ, ро — ло, ре — ле* (напр. городъ, ц. сл. градъ, ч. hrád, н. gród; р. молодъ, серб. млад, ч. mladý, п. mlody; р. берегъ, ц. сл. брѣгъ, ч. břeh, п. brzeg).

Полногласіе несомнѣнно составляетъ исключительную особенность русскаго языка, притомъ особенность не менѣе важную и характерную, чѣмъ напр. то или иное измѣненіе первичныхъ *tj, dj*, или какая-либо другая фонетическая примѣта изъ тѣхъ, что указываются сторонниками противоположной классификаціи. Поэтому не удивительно, что возбужденъ былъ вопросъ о степени древности этой особенности и ея отношеніяхъ къ соотвѣтствующимъ сочетаніямъ въ другихъ славянскихъ языкахъ. Максимовичъ и нѣкоторые другіе русскіе ученые пытались доказать глубокую древность русскаго полногласія и выводили изъ него соотвѣтствующія формы въ родственныхъ языкахъ. Западные ученые, Гейтлеръ и Юганъ Шмидтъ, съ необыкновеннымъ остроуміемъ поддержали эту мысль и признали полногласіе за праславянскую особенность. Но мнѣніе это послѣ критическихъ работъ надъ вопросомъ пр. А. Потемни, Миклошича, акад. И. В. Ягича, Лескина, оставлено, какъ мало вѣроятное. Въ настоящее время уже считается общепризнаннымъ фактомъ, что какъ *oro — оло, ere — еле*, такъ и *ra — ла, рѣ — лѣ, ро — ло, ре — ле*, одинаково возникли изъ праславянскихъ *ar — ал, er — ел*. Но и при такомъ рѣшеніи вопроса полногласіе не теряетъ своего значенія наиболѣе существенной и характерной примѣты русскаго языка. Дѣло въ томъ, однако, что одной черты не достаточно для построенія научной генетической классификаціи. Поэтому и теорія Надеждина—Максимовича нисколько не выясняла степени близости и родства славянскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе дѣленіе славянскихъ языковъ на три группы: (восточную, юго-западную или южную и сѣверо-западную или западную), какъ прекрасно соотвѣтствующее историко-географическому распредѣленію самихъ славянскихъ народовъ, получило широкое распространеніе въ наукѣ и практикѣ. Этихъ терминовъ по преимуществу держались и

держатся русскіе слависты: Погодинъ, Срезневскій, Григоровичъ, Бодянский, Гильфердингъ, Ламанскій, Макушевъ, Брандтъ и др. Впрочемъ, утвердились они и въ западно-славянской и западно-европейской наукѣ и литературѣ. Новѣйшіе слависты-филологи, какъ проф. А. С. Будилевичъ, проф. А. И. Соболевскій, проф. Лескинъ, принимая такое дѣленіе славянскихъ языковъ на группы, какъ наиболѣе удовлетворительное, находятъ возможнымъ мотивировать его со стороны филологическихъ признаковъ, представляемыхъ каждою группой.

Теорія Іоганна Шмидта въ приложеніи къ славянскимъ языкамъ. Существенную перемену во взглядахъ на происхожденіе и взаимныя отношенія славянскихъ языковъ произвела извѣстная теорія Іоганна Шмидта. И здѣсь, на славянской почвѣ, какъ въ области индо-европейскаго языкознанія, ея значеніе опредѣляется главнѣйше тѣмъ, что она окончательно подорвала довѣріе къ разнаго рода генетическимъ классификаціямъ. Яснаго же и удовлетворительнаго рѣшенія любопытнаго вопроса и эта теорія отнюдь не дала. По отношенію къ славянскимъ языкамъ свой оригинальный взглядъ, въ общихъ чертахъ изложенный выше, Іог. Шмидтъ развилъ во второй части своего извѣстнаго сочиненія „Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus“ (Weimar. 1875, стр. 8—201). Онъ считаетъ неудачными и тщетными всякія попытки объяснить все разнообразіе славянскихъ языковъ и нарѣчій посредствомъ родословнаго древа. Такія попытки всегда расходятся съ дѣйствительными фактами, отличаются искусственностью и натяжками, несятъ на себѣ отпечатокъ произвола и фантазіи. Никакихъ посредствующихъ основныхъ славянскихъ языковъ въ дѣйствительности не существовало. Одинъ языкъ никогда не могъ родить другого; одно нарѣчіе нельзя выводить изъ другого, ибо такой, повидимому, простой взглядъ на дѣло противурѣчитъ разумному и наиболѣе вѣрному пониманію историческаго развитія даннаго языка, какъ постепеннаго движенія по направленію отъ первоначальнаго безразличія къ діалектическому разнообразію, или дифференцированію. Всѣ славянскіе языки и нарѣчія образовались постепенно отъ одного корня—одного общаго языка путемъ постепенной дифференціаціи и индивидуализаціи чертъ и особенностей, свойственныхъ этому общему языку. Существованіе зародышей каждаго изъ славянскихъ языковъ нужно предполагать, въ славянскомъ праязыкѣ еще въ доисторическую пору. Географическое распредѣленіе ихъ было приблизительно такое, какое наблюдается и

въ настоящее время. Схематически оно можетъ быть представлено въ видѣ изображеннаго здѣсь круга.

Частище процессъ развитія славянской системы языковъ Шмидтъ поясняетъ такимъ образомъ. Когда Славяне представляли еще одинъ народъ, обитавшій за Карпатами у Днѣпра, гдѣ ихъ застала исторія, или еще въ прежнихъ своихъ жилищахъ, ихъ языкъ сохранялъ звуковыя особенности: *dj, tj* (безъ измѣненія), 2) сочетанія *дл, тл, дн, тн*; 3) оба предлога *сы, цзз*, 4) плавн. сочетанія *ере—еле, ара—ала (оро—оло)*. Съ теченіемъ времени, мало-по-малу въ разныхъ частяхъ территоріи возникли новыя звуковыя явленія, которыя съ мѣста происхожденія распространялись все дальше вокругъ себя, каждое само по себѣ, каждое въ особомъ объемѣ. Тогда и указанныя четыре праславянскія примѣты измѣнились слѣдующимъ образомъ: 1) *dj, tj* у Западныхъ Славянъ (т. е. между радіусомъ АМ и ЕМ) перешли въ *dz, тс(=ц)*; 2) *д, т*, исчезнувшіе передъ *л, н* у предковъ Русскихъ, Малоруссовъ, Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, сохранились у предковъ Словенцевъ и Западныхъ Славянъ (м. АМ и DM); 3) *сы* перестало употребляться у предковъ Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ и напротивъ осталось у Словенцевъ, Русскихъ и Западныхъ Славянъ (м. BM и DM);

3) *ere*¹⁾, превратилось у предковъ Южныхъ Славянъ и Чеховъ (м. VM и FM) въ *ry*, удержалось у остальныхъ и только позже у предковъ Поляковъ, Полабцевъ и Лужичанъ перешло въ *re*; *ele*—измѣнилось въ *ly* не только у предковъ Юго-славянъ и Чеховъ, но и у Полабцевъ; у предковъ Поляковъ и Лужичанъ *ele*—упростилось въ *le*; *ara*—*ala* (оро—оло) у предковъ Юго-славянъ и Чеховъ перешло въ *ra*, *la*; въ той части территоріи, гдѣ *ara*—*ala* (оро—оло) оставались еще неизмѣнными, только позже у Поляковъ и Лужичанъ эти сочетанія перешли въ *ro*—*lo* (AM, MN, NJ, JG) и т. д. Такъ, однородныя звуковыя черты переходили изъ одного языка въ другой; сосѣдніе языки, конечно, наиболѣе усваивали сходныя особенности, но не рѣдко вслѣдствіе волнообразнаго взаимодействія языковъ черты сходства воспринимались языками, довольно удаленными другъ отъ друга (русскій и хорватскій).

Таково въ общихъ чертахъ разъясненіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ, предложенное Шмидтомъ. Разъясненіе это многихъ не удовлетворило. Автору возражали не только горячіе сторонники старой классификаціи по родословному древу (напр. Крекъ), но и ученые, не сочувствовавшіе генетическимъ классификаціямъ и въ то же время находившіе не мало недостатковъ въ новой теоріи (напр. проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ и др.). Тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что послѣдняя принесла уже не малую пользу наукѣ. Разрушая отжившія гипотезы, она пролагаетъ пути къ болѣе вѣрному пониманію и рѣшенію вопроса. Прямое или косвенное вліяніе ея сказалось на многихъ частныхъ и общихъ работахъ по славянскому языкознанію. Одной изъ такихъ работъ нужно считать вышеупомянутое сочиненіе проф. А. А. Кочубинскаго. Взглядъ автора на взаимныя отношенія славянскихъ языковъ таковъ:

„Всякая мысль о (родословномъ) древѣ невозможна, какъ противная природѣ языка, характеру развитія, исторіи образованія языковъ. Мы могли только вездѣ слѣдить за *генеалогіей формъ*, но отнюдь не за *генеалогіей языковъ* или *нарѣчій* этихъ формъ,—мы можемъ изъ генеалогіи формъ заключать лишь о *хронологіи* языковъ—видѣть, кто древнѣе, кто новѣе, кто консервативнѣе, кто съ бѣльшимъ стремленіемъ къ индивидуализаціи.

¹⁾ Мнѣніе Шмидта о томъ, что полногласныя формы *оро—оло*, *ере—еле* тождественны съ праславянскими, какъ уже замѣчено, не привилось въ наукѣ.

Но одинъ языкъ не родилъ другого,—всюду на цѣломъ просторѣ славянскаго міра одинъ и тотъ же языкъ; лишь въ одномъ пунктѣ его территории одна и таже нѣкогда форма подверглась одному измѣненію, въ другомъ другому, и эта неодинаковость измѣненій обусловила образованіе существующихъ нарѣчій. Сходство и различіе есть результатъ неодинаковаго историческаго движенія, діалектическаго дифференцированія на разныхъ точкахъ славянской территории, при чемъ измѣненіе каждой точки шло независимо отъ измѣненія другой, въ силу чего возможна близость двухъ нарѣчій, далекихъ географически, и отдаленность—при географической близости.

Славянскія нарѣчія не выходили одно изъ другаго, не отдѣлялись, какъ отдѣляются вѣтви отъ ствола. Было время, когда предки русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ и т. д. находились въ состояніи этнографическо-лингвистическаго безразличія, языки ихъ были на одной ступени; но мало-по-малу, въ разныхъ мѣстахъ нѣкогда единой территории языка и одновременно, подъ вліяніемъ различныхъ условій: психическихъ (облегченіе, упрощеніе) или матеріальныхъ (вліяніе природы, культурныхъ отношеній, смѣшенія) стала обнаруживаться сепаратическая индивидуализація, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, и послѣднимъ результатомъ ея—была современная историческая индивидуальность каждаго изъ слав. нарѣчій. Но, усвоивъ новый духъ, формирующееся нарѣчіе не могло эманципироваться всецѣло отъ старинны,—отсюда палеонтологическія явленія, формація въ каждомъ нарѣчій (русское *дж, дн, тл* и т. д.) (стр. 65—66)“.

Съ этой новой точки зрѣнія славянскіе языки суть братья, или нарѣчія одного общаго славянскаго языка. Съ принятіемъ этого положенія, однако, спорный вопросъ не рѣшается. Остается неизвѣстнымъ: какіе же изъ языковъ наиболѣе близки другъ къ другу, какое изъ нарѣчій старше, консервативнѣе, наиболѣе сохранило чертъ славянскаго праязыка и потому должно быть поставлено въ основу классификаціи. Тутъ отерывается обширное поле для ученыхъ разсужданій и догадокъ, споровъ и патріотическихъ увлеченій. Такъ напр., проф. Кочубинскій призналъ такое преимущество за русскимъ языкомъ. По его мнѣнію, возможна только одна группировка славянскихъ нарѣчій—на нарѣчія болѣе русскія и на нарѣчія менѣе русскія, по мѣрѣ ихъ консервативности, т. е. „по мѣрѣ приближенія каждаго изъ славянскихъ нарѣчій къ русскому языку“. Но такой взглядъ встрѣтилъ сильное возраженіе со стороны критики, и дѣйствительно филологическія основанія, на которыхъ онъ опирается, заключаютъ въ себѣ много спорнаго, недоказаннаго.

Такимъ образомъ ни одна изъ существующихъ теорій не разъясняетъ темнаго и сложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ. Не меньше трудностей представляется и при рѣшеніи многочисленныхъ частныхъ вопросовъ объ отношеніяхъ нарѣчій и говоровъ въ области каждаго славянскаго языка; напр.: объ отношеніяхъ велико-русскаго и мало-русскаго нарѣчій, штобавщины и чакавщины, македонскихъ и собственно-болгарскихъ говоровъ и др. Отсюда понятно, что славянскіе филологи нерѣдко совсѣмъ отказываются отъ какой-бы-то ни было классификаціи славянскихъ языковъ. Такъ, еще И. И. Срезневскій въ своемъ разборѣ этнографіи Шафарика замѣтилъ: „Выбирая признаки строго, не теряя при выборѣ ни одного нарѣчія, едва-ли не должно будетъ кончить тѣмъ, чѣмъ началъ Шлецеръ, т. е. отдѣлить нарѣчія и не думать подводить по ихъ свойствамъ подъ два или болѣе разрядовъ“. Совершенно такъ и поступилъ знаменитый авторъ первой и единственной сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Фр. Миллошичъ. Въ своемъ монументальномъ трудѣ онъ не даетъ никакой классификаціи славянскихъ языковъ и рассматриваетъ ихъ въ порядкѣ предполагаемой ихъ близости ¹⁾).

Представленное выше изложеніе вопроса о классификаціи славянскихъ языковъ даетъ возможность сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Научная классификація славянскихъ языковъ въ настоящее время еще невозможна. Она можетъ удасться только какъ послѣднее слово, послѣдній выводъ всесторонняго, тщательнаго и подробнаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ съ ихъ нарѣчіями и говорами. Такое изученіе уже предпринято, но до полноты и обстоятельности его еще далеко.

2) Всѣ сдѣланныя доселѣ попытки выяснить генетическую связь между славянскими языками, при всей ихъ малоуспѣшности, не остались однако совершенно безплодными. Онѣ привели къ открытію цѣлага ряда исконныхъ звуковыхъ особенностей или признаковъ, которые, представляя собой общую принадлежность нѣсколькихъ отдѣльныхъ языковъ, могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для условной

---

¹⁾ Порядокъ этотъ слѣдующій: аз. старословѣнскій, новословѣнскій (словинскій), болгарскій, сербо-хорватскій, малорусскій, русскій, чешскій, польскій, верхне-лужицкій и ниже-лужицкій.

классификаціи. Признаки эти слѣдующіе: 1) различныя видоизмѣненія первичныхъ *tj, dj*; 2) сохраненіе или опущеніе зубныхъ *t* и *d* въ сочетаніяхъ *тл, дл, тн, дн*, 3) смягченіе губныхъ *n, б, в, м* посредствомъ *л* или безъ него 4) различныя видоизмѣненія первичныхъ плавныхъ сочетаній *ар, ал, ер, ел*; 5) сохраненіе гортанныхъ или смягченіе ихъ въ свистящіе *з, ц* въ сочетаніяхъ *из, кз*.

3) Въ значеніи такой условной классификаціи, въ интересахъ практическихъ, удобнѣе всего можетъ быть принято старое раздѣленіе славянскихъ языковъ на три основныя группы (восточную, сѣверо-западную и юго-западную), вполне соответствующее географическому распредѣленію языковъ. Въ такомъ случаѣ группа восточная (языкъ русскій съ его нарѣчіями и говорами), можетъ быть характеризованъ слѣдующими чертами: полногласіемъ (гр. *оро, оло, ере, еле, городъ, берегъ*); *ж* и *ч* изъ *dj, tj* (роженъ, свѣча); потерей зубныхъ въ первичныхъ сочетаніяхъ *дл, тл, дн, тн* (паль); смягченіемъ губныхъ посредствомъ *л*, (земля); сочетаніями *зв, цв*, (звѣзда, цвѣтъ). Группа юго-западная или южная (болгарскій, сербскій и словинскій яз.) характеризуется плавными сочетаніями *ра, ла, рѣ, лѣ* изъ *ар, ал, ер, ел* (град, брѣг), обычнымъ смягченіемъ губныхъ посредствомъ *л* (земля), обычной утратой зубныхъ въ сочетаніяхъ *дл, тл, дн, тн*, смягченіемъ *dj* въ *жд, ѣ, j, ѡ, и tj*—въ *шт, ѣ ч, кз* (рожденъ, рожен, гожен, рогенъ; свѣшта, свѣѣна, свѣса, свѣкѣ) и сочетаніями *зв, цз*. Группа сѣверо-западная или западная (польскій, чешскій, словацкій, лужицкіе, полабскій) отличается слѣдующими чертами: двоякимъ видомъ плавныхъ сочетаній—*ло, ро, ле, ре* (польскій) и *ла, ра, лѣ, рѣ* (лѣ—гѣ чешскій, лужицкій *hrad, břeh*), переходомъ *dj*, въ *дз* или *з* (*дз, з*) и *tj*—въ *ц* (с *rodzen, rozen, svíce*) обычнымъ сохраненіемъ зубныхъ въ сочетаніяхъ *дл, тл, дн, тн* (*radl pletl*), смягченіемъ губныхъ безъ помощи *л* (*země*), сохраненіемъ *г* и *к* въ сочетаніяхъ *из, кз* (*gwiazda, květ*). При этомъ не слѣдуетъ забывать, что ни одна изъ этихъ особенностей, вообще захватывающихъ большое количество фактовъ, не выдерживается строго ни въ одной группѣ, а потому не имѣетъ безусловнаго значенія характеристическаго признака.

4) Языкъ церковно-славянскій занимаетъ особое положеніе среди всѣхъ славянскихъ языковъ и, при нынѣшнемъ состояніи славянскаго языкознанія, не можетъ быть приуроченъ ни къ одной изъ указанныхъ группъ.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

По вопросу о родинѣ церковно-славянскаго языка имѣется обширная литература, о которой см. особенно: Бодуэна де Куртене, Подробная программа лекцій въ 1876—77 г. Казань, 1878; А. А. Котляревскаго, Библиологическій опытъ о древней русской письменности. Воронежъ (Филологическія Зап. 1879) 1887; А. А. Кочубинскаго, Итоги славянской и русской филологіи. Одесса 1882. (Зап. Новор. Унив. XXIII, 1882) и И. В. Ягича Вопросъ о Кириллѣ и Меодіѣ въ славянской филологіи. Спб. 1886. (Сборникъ Отд. русскъ яз. и слав. Академіи Наукъ. Т. XXXVIII). Болѣе подробный обзоръ этой литературы умѣстенъ въ курсѣ церковно-славянскаго языка. Здѣсь достаточно отмѣтить важнѣйшія сочиненія:

Бодянский, О времени происхожденія славянскихъ письменъ М. 1855.
Григоровичъ, В. И. Статьи, касающіяся старославянскаго языка. Казань 1852.

Срезневскій, П. И. Древніе памятники юсоваго письма. Спб. 1866.
Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Зап. Ак. Н. XI—XXXIX. 1867—1881).

Schleicher, Die Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt, Bonn 1852.—Ist das Altkirchenslavische —slovenisch? (Kuhn und Schleicher's Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, I).

Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte, Glossar. Zweite Auflage. Weimar. 1886. Русскій переводъ: „Грамматика старославянскаго языка, съ дополненіями по языку Остромирова Евангелія М. 1890).

Соболевскій А. И. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. М. 1891, (рецен. Журн. М. Нар. Пр. 1892, июнь).

Kalina A., Studyja nad historyją języka bułgarskiego. Kraków. 1891. 1—2. (Rozprawy wydz. filolog. Akad. umj. T. XIV).

Kopitar, Glagolita Clozianus. Vindobonae 1836.

Miklosich, Fr. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. W. 1875.

Jagić, Glagolitica, Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien. 1890.

Polívka, Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církevního jazyka slovanskeho, starobulharský, či staroslovensky (Slovánsky Sborník, изд. Елинкомъ 1883).

Ламанскій В. И. Непорѣшенный вопросъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1869 г. январь).

Будиловичъ А. С. Начертаніе церковно-славянской грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ

языковъ. Варшава, 1883 (рец. Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г. № 5).—
О греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.
1885, (въ „Меѳодіевскомъ Юбилейномъ Сборникѣ“. Варшава, ср. ре-
цензіи въ Кіев. Унив. Изв. 1885 г. № 9).—Общеславянскій языкъ въ
ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. II, Вар-
шава, 1892.

Dobrovsky J. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae.
1822.

Safařík P. Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen
Mundarten. Ofen. 1826. 2-te Aufl.;—1869. Slovánský národopis. V Praze.
1842.

Schleicher A., Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго
отдѣла индогерманскихъ языковъ. (Прил. къ VIII т. Зап. Ак. Н. 1885);
—Laut-und-Formenlehre der Polabischen Sprache. St. Petersburg.
1871.

Потебня А. А. Къ исторіи звуковъ русскаго языка II (Русск. Филол.
Вѣстн. 1879) и Archiv für Slavische Philologie B. III.

Крек, Einleitung in d. Slav. Lit. Gesch. (см. выше). Изложеніе взгляда ав-
тора въ связи съ исторіей вопроса и библиографическими указаніями
стр. 211—246.

Даничић, О ѣ и ѣ и istoriji slavenskich jezika (Rad Jugoslavenske Aka-
demije znanosti i umjetnosti I: 1868).—Дюба словенскихъ jezika. у Био-
граду. 1874. (Ср. рец. Leskien въ журн. Kuhn's und Schleicher
Beiträge z. vergl. Spr.forsch. VII).

Востокъ А. Разсужденіе о славянскомъ языкѣ (Труды Общ. любит.
росс. слов. Ч. XVII. 1820, и „Филологическія наблюденія А. Х. Во-
стокова“. Спб. 1865).

Надеждинъ Н. Европеизмъ и Народность. (Телескопъ, XXXI, 1836 г.
№ 1), Wiener Jahrbücher der Literatur 1841, 95 Band. S. 184 сл.

Максимовичъ, М. А. Разныя мнѣнія о русскомъ языкѣ (Ж. М. Нар.
Пр. 1838 г.);—Начатки русской филологіи. Обь отношеніи русской
рѣчи къ западно-славянской, 1845. Собраніе Сочиненій III, 1—155,
416—427. Кіевъ, 1880.

Leskien, Archiv f. slav. Philologie B. V, 498, 1881.

Будиловичъ А. С. „Общеславянскій языкъ“ (см. выше) II.

Соболевскій А. И. Древній церковно-славянскій языкъ (см. выше) стр.
86—87.

Schmidt Johannes, Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus.

Zweite Abtheilung. Weimar 1875. (Ср. рецензію Ягича въ Archiv f. Slav. Phil. B. I, 337 ff.).

Кочубинскій А. А. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + ъ - ѡ + конс. Т. I, 1877 и 1 вып. т. II, 1878. Одесса (ср. рецензію Бодуэна де Куртене въ Изв. Казан. Унив. 1879 г.).

Бодуэнъ де Куртене. Подр. прогр. лекцій въ 1877—78 г. (ср. выше) стр. 142—146.—Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den andern arioeuropäischen (indogermanischen) Sprachen. Antrittsvorlesung gehalten an der Universität Dorpat am 6/18 September 1883. Leipzig. 1884.

5. Задачи и методы славянскаго языкознанія. Предметъ курса.

Научное изученіе славянскихъ языковъ, какъ и всякихъ другихъ, принадлежащихъ народамъ образованнымъ, предполагаетъ весьма разнообразныя задачи, характеръ которыхъ опредѣляется общими направленіями, господствующими въ наукѣ. Въ настоящее время нужно признать одинаково важными три направленія: историческое, сравнительное и новограмматическое или психологическое. Изъ нихъ первыя два существуютъ издавна, съ самого возникновенія научнаго славянскаго языкознанія, и уже достаточно окрѣпли; послѣднее же возникло лѣтъ двадцать назадъ и пока имѣетъ незначительное число представителей въ средѣ славянскихъ лингвистовъ. Историческое и сравнительное направленія взаимно дополняютъ одно другое, новограмматическое же направленіе обыкновенно рассматривается какъ противоположность двумъ другимъ, какъ отрицаніе ихъ. Но въ сущности, и это третье направленіе, если отбросить нѣкоторыя крайности, слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь съ двумя остальными, такъ какъ оно лишь помогаетъ разъяснить нѣкоторыя явленія въ жизни языковъ, которыя доселѣ не могли быть истолкованы съ точки зрѣнія историческаго и сравнительнаго направленій, но отнюдь не даетъ отвѣтовъ на всѣ задачи и вопросы языкознанія.

При историческомъ направленіи имѣется въ виду прежде всего раскрытіе (главнѣйше по письменнымъ памятникамъ) хода исторической

жизни языковъ, изученіе исторіи образованія, развитія и измѣненій въ различныя эпохи разнородныхъ элементовъ (звуконъ, формъ), изъ которыхъ складывается языкъ. Сущность сравнительнаго метода заключается въ сопоставленіи однородныхъ явленій въ языкахъ родственныхъ, принадлежащихъ къ одной семьѣ или одному классу съ цѣлью открытія или уясненія законовъ, дѣйствующихъ въ данномъ языкѣ или группѣ языковъ или же общихъ всей семьѣ родственныхъ языковъ. Психологическое направленіе имѣетъ своей задачей изученіе явленій языка не какъ таковыхъ, а по отношенію къ духовной дѣятельности человѣка. Новограмматики занимаются не столько звуками и формами, сколько изученіемъ отношеній между представленіями и ихъ звуковыми образами.

Главное различіе между старымъ—историко-сравнительнымъ—и новымъ—психологическимъ направленіями заключается въ основныхъ воззрѣніяхъ на языкъ. Лингвисты стараго направленія смотрѣли на языкъ какъ на самостоятельный организмъ, имѣющій свои особые законы, могущій зарождаться, расти, развиваться, упадать, вымирать, и т. п. „Языкъ, говорятъ напр. Шлейхеръ, есть естественный организмъ; онъ живетъ такимъ же образомъ, какъ и другіе организмы, хотя и не дѣйствуетъ, какъ человѣкъ. Наука объ этомъ организмѣ принадлежитъ къ области естественныхъ наукъ, и методъ, которому она должна слѣдовать, есть методъ естествознанія“. Напротивъ представители новограмматическаго направленія (Штейнталь, Пауль, Остгофъ, Бругманъ и др.) видятъ въ языкѣ не объективный организмъ, а выразителя внутренняго міра человѣка, и потому изученіе лингвистическихъ явленій ставятъ въ тѣсную зависимость отъ уясненія психологическихъ процессовъ. Задача науки о языкѣ, по ихъ мнѣнію, есть изученіе отношеній между представленіями и ихъ звуковыми образами (словами) „Исторія языка, по словамъ Пауля, есть исторія психическихъ организмовъ“.

Характерное различіе во взглядахъ на языкъ и задачи языкознанія обусловило несходство пріемовъ и методовъ изученія языковъ. При историко-сравнительномъ изученіи изслѣдователь имѣетъ дѣло непосредственно съ язычнымъ матеріаломъ, наблюдаемымъ въ живой рѣчи или въ письменныхъ памятникахъ, онъ разлагаетъ слово на составные элементы, слѣдятъ за разными комбинаціями этихъ элементовъ, изслѣдуетъ процессы перехода и измѣненій звуконъ и формъ

и пр. Для него имѣютъ одинаковую важность какъ старыя, вымершіе языки, такъ и новыя въ ихъ живомъ употребленіи. Между тѣмъ съ точки зрѣнія новограмматиковъ лингвистъ долженъ начать съ изученія внутренняго міра человѣка и его голосоваго аппарата. Психологія и наряду съ нею фізіологія и акустика признаются базисомъ науки о языкѣ. Матеріаломъ для наблюденія и изслѣдованія можетъ служить если не исключительно, то преимущественно живая рѣчь— новыя языки. Старыя языки, особенно мертвыя, отодвигаются на задній планъ.

Огромное большинство языковѣдовъ-славистовъ, старыхъ и новыхъ, придерживались и придерживаются метода историко-сравнительнаго. Таковы напр. Добровскій и Востоковъ, Шафарикъ и Копитаръ, Григоровичъ и Срезневскій, Буслаевъ и Потебня, Малецкій и Калина, Миклошичъ и Ягичъ, Даничичъ и Новаковичъ, Гаттала и Гебауэръ, Соболевскій и Брандтъ. Психологическій методъ еще не получилъ такого широкаго распространенія. Важное значеніе его отстаиваютъ два извѣстныхъ слависта: лейпцигскій проф. Лескинъ, имѣвшій огромное вліяніе на своихъ слушателей Бругмана, Остгофа и Пауля—выдающихся представителей новограмматической школы въ Германіи, и проф. И. А. Бодуэнъ де Куртене, также подготовившій приверженцевъ новаго направленія въ русской и польской литературѣ (Крушевскій, Аппель, Богородицкій). Малочисленность представителей этого новаго направленія въ славянскомъ языковѣдѣніи и ограниченное количество изслѣдованій, выполненныхъ въ этомъ направленіи, еще отнюдь не уменьшаютъ важнаго значенія послѣдняго. Польза его не подлежитъ сомнѣнію и уже выразилась въ открытіи нѣсколькихъ важныхъ законовъ и въ разъясненіи нѣкоторыхъ явленій въ исторіи языка, которыя прежде оставались загадочными, непонятными ¹).

Разнообразное содержаніе славянскаго языковѣданія, примѣнительно къ существующимъ направленіямъ и методамъ изученія, можетъ быть подведено подъ цѣлый рядъ крупныхъ отдѣловъ науки. Отдѣлы эти слѣдующіе:

---

¹) Таковъ напр. законъ строгой послѣдовательности и безусловности измѣненій въ области звуковъ языка, совершающихся въ однихъ и тѣхъ же хронологическихъ и топографическихъ предѣлахъ, или законъ аналогіи (ассоціаціи представленій), которымъ между прочимъ объясняются кажущіяся исключенія изъ перваго указаннаго закона.

1) **Историческая грамматика славянскихъ языковъ**, обнимающая исторію звуковъ, формъ и сочетаній словъ каждаго изъ славянскихъ языковъ.

2) **Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ**, заключающая въ себѣ результаты сравнительнаго изученія всѣхъ славянскихъ языковъ и, подобно исторической грамматикѣ, распадающаяся на три основныя части: фонетику (ученіе о звукахъ), морфологию (ученіе о формахъ или о словообразованіи) и синтаксисъ (ученіе о предложеніи).

3) **Славянская діалектологія** или систематическое обзорѣніе нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, на которые распадаются отдѣльные славянскіе языки, съ характеристиками каждой изъ діалектическихъ единицъ и опредѣленіемъ ихъ географическихъ границъ.

4) **Славянская этимологія** или словопроизводство, имѣющая своей задачей опредѣленіе славянскихъ корней, ихъ видоизмѣненій и значеній по разнымъ языкамъ.

5) **Славянская синазіологія** или ученіе о значеніи словъ и предложеній.

6) **Славянская лексикологія** или изученіе лексикальнаго состава славянскихъ языковъ.

Настоящій курсъ не имѣеть цѣлью систематическое изложеніе какого-либо изъ указанныхъ отдѣловъ науки въ полномъ видѣ. Онъ посвященъ одной изъ общихъ задачъ славянскаго языковѣдѣнія; именно назначенъ служить введеніемъ въ научное изученіе языковъ двухъ вѣтвей—юго-западной и сѣверо-западной. Изъ остальныхъ славянскихъ языковъ—восточная вѣтвь—т. е. языкъ русскій съ его нарѣчіями и говорами составляетъ предметъ спеціального преподаванія особой катедры, а языкъ церковно славянскій, какъ занимающій первенствующее мѣсто въ славянской филологіи, долженъ быть излагаемъ въ особомъ курсѣ. Точнѣе предметъ настоящаго курса—характеристика юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи языковъ. При изложеніи одинаково приняты во вниманіе методы историческій и сравнительный, при чемъ исходной точкой въ сравненіяхъ служитъ нашъ санскритъ—языкъ церковно-славянскій. Приводимая при каждомъ отдѣлѣ курса болѣе или менѣе подробная

библіографія предмета имѣеть цѣлью по возможности подвести итоги научной разработки западно-славянскихъ языковъ и дать всѣ необходимыя указанія для самостоятельныхъ занятій въ этой области.

О новограмматическомъ или психологическомъ направленіи въ языкознаніи между прочимъ см. статьи:

К. А п п е л я. Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія. (Русскій филологическій вѣстникъ В. 1881. № 3, 4).

Ө. Б а т ю ш к о в а. Современное направленіе языкознанія. Новограмматическая школа въ Германіи въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1883. Сентябрь. (Ч. ССХХІХ).

К о в а ř О škole mládogrammatické v. Praze. 1885.

Называя выше нѣкоторыхъ представителей этого направленія мы разумѣли слѣдующіе ихъ труды:

Steinthal, Abriss der Sprachwissenschaft, 2-te Auflage. Berlin, 1881 и журналъ, издаваемый вмѣстѣ съ Лазарусомъ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.

К. B r u g m a n n и G. O s t h o f f, Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. Leipzig. 1878.

G. P a u l, Principien der Sprachgeschichte. Halle. 1880.

Leskien. Die Declination in slavischlitauischen und Germanischen. Leipzig. 1876.

Б о д у ѣ н ъ д е К у р т ѣ н ѣ. Einige Fälle der Wirkung der Analogie въ журн. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. 1868. VI. Подробная программа лекцій въ 1876—77 и 1877—78 учебн. год. Казань—Варшава. I. 1878. II. 1887.

Н. К р у ш е в с к і й. Объ аналогіи и народной этимологіи (Русскій филологическій Вѣстникъ. 1879, т. II). Лингвистическія замѣтки (ibid. 1880, т. IV). Очеркъ науки о языкѣ. Казань 1883.

А п п е л ь. Нѣкоторые общіе вопросы языкознанія (Рус. фил. Вѣстн. 1886, т. XV).

Б о г о р о д и ц к і й. Лингвистическія замѣтки о морфологической абсорпціи (Русск. Фил. Вѣстн. 1881 г.)—Этюдъ по психологіи рѣчи (ibid. 1882 3—4 кн.).

---

6. Обзоръ трудовъ по общему и сравнительному изученію славянскихъ языковъ.

Такъ какъ при предлагаемомъ ниже систематическомъ обзорѣ нїи западно-славянскихъ языковъ указывается спеціальная литература по изученію каждаго языка, то здѣсь, во введеніи, вполнѣ умѣстно представить перечень трудовъ, посвященныхъ сравнительному изученію всѣхъ или нѣсколькихъ изъ западно-славянскихъ языковъ, или же содержащихъ изслѣдованія объ явленіяхъ, общихъ нѣсколькимъ языкамъ. Наиболѣе обстоятельные, цѣнные и важные труды въ этой области принадлежатъ западно-славянскимъ ученымъ: Шафарику, Челяковскому, Гатталѣ, Гебауэру, но особенно Миклошичу и Ягичу, изъ русскихъ же славистовъ—Срезневскому, Григоровичу, Потební, Петровскому, Кочубинскому, Бодуэну де Куртена, Будиловичу, Брандту, Соболевскому и друг.

Бодуэнъ де Куртена. 1) Глоттологическія замѣтки. („О такъ называемой „евфонической вставкѣ“ согласнаго въ славянскихъ языкахъ“). Филолог. Записки. Воронежъ 1877. 2) Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Отрывки изъ лекцій. (Русскій филологическій Вѣстникъ. 1881, т. V и отд.). 3) Программы лекцій 1876—77 и 1879—78 г. (см. выше).

Брандтъ Р. Ф. 1) Начертаніе славянской акцентологии. Спб. 1880.—2) Грамматическія замѣтки. Спб. 1886 г. (перепечатка статей изъ Русск. Фил. Вѣстн. за 1881—84 а именно: О личныхъ наставкахъ славянскаго глагола, О вставочныхъ *d* и *m*, О мнимомъ переходѣ *и* и *и* въ *о* и *е*, О звуковомъ значеніи *ь*, О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія *и*, О происхожденіи славянскаго имперфекта, О присвоенныхъ животнымъ собственнымъ именамъ, Нѣсколько соображеній о склоненіи согласныхъ основъ у Славянъ, Два слова о смягченіи *m* и *d*, *идж*, *идж* и *бждж*, О слоговомъ *p* и *л* у Славянъ, Нѣсколько замѣчаній о еревомъ и уковомъ склоненіи, Нѣчто объ аористахъ, объ ятевыхъ и ижевыхъ глаголахъ, О сильныхъ и слабыхъ формахъ мѣстоименій личныхъ), (Реценз. въ Журн. М. Н. Пр. 1886. Ноябрь. 3) Нѣкоторые вопросы славянской морфологии (Русск. Фил. В. 1881. 4). 4) Объ инфинитивахъ на *ити* и подобныхъ имъ формахъ (Ibid. 1886 кн. 2) 5). Дополнительныя замѣчанія къ разбору этимологическаго словаря Миклошича. (Русск. Фил. Вѣстн. 1887—91 и отд. Варшава. 1891. 216).

- Будиловичъ А. С. Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. Кіевъ. 1877.—Общеславянскій языкъ. Т. II. В. 1891.
- Vymazal. Počátky slovanštiny a litevštiny. V. Brně. 1884.
- Valjavec M. K tvorbi imperfekta u slovjenštini. (Rad Jugoslav. Akademie, кн. 57).
- Вальтеръ Эд., Разысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ. Спб. 1889,
- Воскресенскій Гр. Славянская Хрестоматія. В. 1—3. М. 1883. (Общая характеристика славянскихъ нарѣчій).
- Hattalla M. O ablativě ve slovančině a litvančině (Časopis Česk. Musea. 1857, II, IV, 1858—III—IV и отд. v Praze 1858 стр. 65).—De mutatione continguarum consonantium in linguis slaviciis (Ex Actis regiae scientiarum societatis bohemicae. Series 5. tom. XIV и отд. Pragaе. 1865).
- Gebauer I. Slovanské jazyky. Porovnávací vyklad hlavních a charakteristických proměn zvukoslovných a tvarů flexivných (Slovník Naučný и отд. v Praze. 1869). Русскій переводъ А. Степовича. Славянскія нарѣчія Кіевъ. 1882.
- Geitler. L. O slovanských Kmenech na u (Listy filologické a paedagogické, ч. II—III и отд. v Praze 1877.—О паразитскихъ сибилантихъ и за gutturalach u Slavenštini (Rad Jugosl. Akad. 1877, кн. 41).
- Гильфердингъ А. Θ. Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Спб. 1871.
- Григоровичъ В. И., Славянскія нарѣчія. Варшава. 1884. 158. (Руск. Фил. Вѣстн. 1882—1884).
- Даничић, ѣ, Дюоба словенскихъ језика. У Биограду 1874.—ѣ и ѣ u istoriji slovenskih језika (Rad. Jugosl. Akademije u Zagrebu. 1867. t. I).
- Dobrovsky J, 1) Slavin. Prag. 1808. 2) Slovanka. Prag. 1814.
- Добровскій В., Къ ученію о славянскомъ глаголѣ. (Филолог. Зап. 1880—89).
- Дювернуа Ал., Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій. М. 1872. 167.
- Kalina A., Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskiej (Prace filologiczne 1887—88. T. II—III).
- Kirste H., Zum slavischen Palatalismus (Arch. f. Slav. Phil. 1881. V).
- Козловскій И., Zur Geschichte des slavischen Consonantismus. (Arch. f. Slav. Phil. XI).
- Kolař Jos., 1) O nosovkách polabských a jich poměru k polským a staroslovenským. (Časopis Českého Musea. 1875, XLIX) 2) O sklonění při-

давнѣхъ именъ слованскѣхъ а jinýchъ příbuznýchъ V Praze 1882. 3) O novémъ roztržení slovesъ slovanskýchъ. V Praze. 1882, 4) O sklonění podstatnýchъ jmenъ slovanskýchъ V Praze. 1883; 5) O stupňování hlásekъ *i* а *u* vъ nářečíchъ slovanskýchъ.

Кочубинскій А., 1) Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Одесса 1877—78 (см. выше), 2) Изъ-за границы. Отчеты о занятіяхъ 1 авг. 1873—1 июня 1876. Одесса. 1876—77 г. (Записки Новороссійскаго Университета т. XXII).

Крынский А. А. О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варшава 1870. (Варш. Унив. Извѣстія 1870. № 3—4).

Крушевскій, Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма. Варшава. 1881. (Русск. Фил. Вѣстн. 1881).

Лавровскій П. А., Значеніе настоящаго времени въ классификаціи славянскихъ глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1873 г. 166, II).

Leskien A., 1) Bemerkungen zur Svarabhaktifrage. (Arch. f. Slav. Phil. 1879. III).—2) Die Präsensbildungen des slavischen und ihr Verhältniss zum Infinitiv-stamm (ibid. 1881, V)—3) Die Declination im slavisch-litauischen und germanischen.

Marčić T. Veznici u slovenskiem jezicima. U Zagrebu. 1888. (Rad Jugosl. Ak. 86, 89, 91).

Matzenauer Ant., Cizí slova ve slovanskýchъ řečechъ, V Brně. 1870. 2) Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu (Listy filol. а paedagogické (1880—1892).

Микуцкій Ст. 1) Сравненіе корней и словъ кельтскихъ съ славянскими, (Варшавскія Унив. Изв. 1876. 2) 2) Матеріалы для корневаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Варшава. 1880. 1 и 2 кн.

Miklosich Fr. 1) Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien. 1852—74. Zweite Auflage 1876—83. 4 Bände. I Bd. Lautlehre 2-te Auflage, 1879. (598) II. Bd. Stammbildungslehre. 1875 (XXIV+501); III, Bd. Wortbildungslehre, zweite Auflage. 1876. (551); IV Bd. Syntax. 1874 (XII+896) (Первое изданіе фонетики—Vergleichende Lautlehre der Slavischen Sprachen вышло въ 1852, а морфологии—Vergleichende Formenlehre der slavischen Sprachen—въ 1856 г.). *Замѣчательный трудъ, настольная книга для слависта.* Ср. рецензіи Ягича Arch. f. slav. Phil. 1876. V. I. 412—438, 1880. IV. 482—496; Лескина Ibid. V. III—IV; Соболевскаго Журн. Мин. Нар. Пр. 1881. I.—Второй томъ вышелъ въ русскомъ переводѣ подъ редакціей и съ замѣчаніями Р. Брандта: Сравнительная морфологія

славянскихъ языковъ. Сочиненіе Франца Миклошича, перевелъ Николай Шляковъ подъ редакціей Романа Брандта, 5 выи. М. 1884—88.

2) Die Bildung der slavischen Personennamen. Wien. 1860. 118. (Denkschriften d. phil. Cl. der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften X Bd.); —3) Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im slavischen. Wien. 1864. (ibid. XIV Bd.);—4) Die Verba impersonalia im slavischen. Wien. 1865, (ibid. XIV Bd.); второе исправленное изданіе этой работы подъ заглавіемъ Subjektlose Sätze. Wien. 1883;—5) Der präpositionslose Local in den slavischen Sprachen. Wien 1867. (Sitzungsberichte d. phil.—historischen Classe der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. LVII Bd.); 6) Ueber die Genotivendung *go* in der pronominalen Declination der slavischen Sprachen. Wien 1869. (Ibid. LXII, Bd.);—7) Ueber die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen. Wien. 1871. (Ibid. LXVIII Bd.);—8) Die Negation in den slavischen Sprachen. Wien. 1869 (Denkschriften d. phil. Cl. d. K. Akad. XVIII Bd.);—9) Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen Wien. I. 1872, II. 1874. (Ibid. XXI u. XXIII Bd.);—10, Das Imperfect in den slavischen Sprachen. Wien. 1874, (Sitzungsberichte d. phil. Cl. d. K. Akad. LXXVII Bd.);—11) Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination. Wien. 1874. (Ibid. LXXVIII Bd.);—12) Ueber den Ursprung der Worte von den Form. aslov. *trət*. Wien. 1877. (Denkschriften d. phil. hist. Cl. d. K. Akad. XXVII Bd.);—13) Ueber den Ursprung der Worte von der Form aslov. *trēt* und *trat*. Wien. 1878. (Ibid. XXVIII Bd.);—14) Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen. Wien. 1878. (Ibid. XXVIII Bd.);—15) Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. Wien. 1879. (Ibid. XXIX Bd.);—16) Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, Wien. 1867. (Ibid. XV Bd.);—17) Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien. 1875. (Ibid. XXIV Bd.);—18) Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. Wien. 1884;—19) Die slavischen Monatsnamen (Denkschriften d. K. Akad. d. Wissensch. 1868) Wien. 1867;—20) Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886. VIII+547. (Ср. реценціи Бряквера Archiv f. slav. Phil. XI. 112—143, Р. Брандта „Рус. Фил. Вѣстн. 1887, т. XVIII и его же Дополнительныя замѣчанія“ (см. выше), С. Микуцаго, Варш. Унив. Изв. 1887 и А. И. Соболевскаго. Журн. Мин. Нар. Пр. 1886. Сентябрь);—21) Dictionnaire abrégé de six langues slaves (russe, vieux—slave, bulgare, serbe, tchèque et polonais) ainsi que français et allemand, rédigé sous les auspices de son Altesse impériale le prince Pierre d'Oldenburg par le professeur F. Miklosich. St. Pétersbourg et Moscou-Vienne, 1885. 955.

(Ср. рецензии Ягича Archiv f. slav. Phil. VIII и В. Ламаускаго Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 дек.).

Nehring Wl., 1) Ueber den Einfluss der alttschechischen Sprache und Literatur auf die altpolnische (Arch. f. slav. Phil. 1876—82. B. I—VI);—

2) O wyrazach z wątlą samogłoską obok *l, r* pomiędzy spółgłoskami (Prace filologiczne. Warszawa 1885. I).

Ogonowski Em., O przyimkach w językach starosłowiańskim, ruskim i polskim (Rozprawy Wydź. filologicznego Akadem. Um. W Krakowie 1877. t. V).

Osthoff Hermann, Das verbum in der nominalcomposition im deutschen, griechischen, slavischen und romanischen. Jena. 1878.

Pastrnek Fr., Die altrussischen und tschechischen Participia auf *a* (Archiv f. slav. Phil. 1890. XIII).

Polívka J., Part. praet pass. sloves intransitivnich ve slovanských nářečích. (Listy filolog. a paedagog. 1886. XIII).

Петровскій Н. Матеріалы для славянскои діалектологіи (Ученныя Записки Казан. Унив. 1864—66).

Потебня А. А., 1) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введение. II. Составные члены предложія и ихъ замѣны. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ 1889. VI+535. (Ср. рецензии И. И. Срезневскаго Отчетъ о присужденіи Ломоносовскои преміи. Сборникъ Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Н. XVШ; Ягича, Arch. f. Slav. Phil. II, Будиловича—Журн. Мин. Нар. Пр., 1889. Мартъ);—2) Къ исторіи звуковъ русскаго языка. I. Воронежъ 1876; (Филол. Записки II). II. Варшава. (Русск. Филол. Вѣстн. 1880—81);—3) Этимологическія и другія замѣтки (ibid. III—IV, 1881—83);—4) Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus (Archiv. f. slav. Phil. III. 2, 3, таже статья была напечатана по русски въ Рус. Филолог. Вѣстн. и вошла во 2-й выпускъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“);—5) Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasallaute (ibid. III. 3).

Prusik Fr. 1) Wie sind die possessiven Adjectiva auf *uj* und *ovъ* und die possessiven Pronomina *moj, tvoj, svoj* im Slavischen zu deuten? Wien. 1876 (Sitzungsberichte d. philos.-histor. Cl. d. K., Akad. 1876);—2) Příspěvky k nauce o tvoření kmenův ve slovanštině a zvláště v češtině. V Příbrami. 1887.

Ржига (Řiha) Ф. В., 1) Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языковъ. Спб. 1878;—2) Синтаксисъ славянскихъ языковъ. Отдѣлъ общій. Основные виды предложія древнеславянскаго, рус-

скаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. М. 1890.

Соболевскій А. И., 1) Славянскій имперфектъ. Склоненіе мѣстоименія *сь* въ славянскихъ языкахъ. Русско-болгарскія фѣрмы *шо, ишо, шо* (Рус. Фил. Вѣстн. 1882. 2); Славянскій префиксъ *ОЗ* (ibid. 1887 г. т. XII);—3) Общеславянскія измѣненія звуковъ (ibid. 1889 г. 3, и въ книгѣ „Древній церковнославянскій языкъ. М. 1891).

Срезневскій И. И. Обзорѣніе главнѣйшихъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчійхъ славянскихъ. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1843, ч. 48-я).

Ульяновъ, Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. Варшава, 1891.

Фортуатовъ, 1) *Phonetische Bemerkungen, veranlasst durch Miklosich's Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen.* (Archiv f. slav. Phil. XI—XII);—2) *Zur vergleichenden Betonungslehre des lituslavischen Sprachen* (ibid. Bd. IV).

Čelakovský Fr. *Čtení o srovnací mluvnici slovanské.* V Praze 1853.

Šafařík P., *Geschichte der slavischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten.* Ofen. 1826. 2-е изд. 1869;—2) *Slovanský národopis.* V Praze. 1842.

Шерцль В. И. Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. I. Фонетика. II. Словообразование. Харьковъ. 1871—73.

Schleicher Aug. Склоненіе основъ на *у* въ славянскихъ языкахъ. Спб. 1867. (Приложеніе къ XI т. Запис. Акад. Наукъ № 3).

Schmidt Joh. 1) *Die Entwicklung von unursprünglichen j im slawischen und litauischen* (Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung 1870 VI);—2) *Zur geschichte des indogermanischen Vocalismus I—II.* Weimar. 1871—75.

Шляковъ Н., Дѣуричастіе въ славянскихъ языкахъ (Русск. Фил. Вѣстн. 1889, т. XXI).

Smith Gaspar., *De locis quibusdam grammaticae linguarum Balticarum et Slavonicarum.* Havniae. 1857. I—II.

Smith W., *De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis slavonicis* (Indbydelsesskrift til Kjöbenhavns Universitets Aarsfest til erindring om Kirkens reformation Kjöbenhavn. 1875).

Jagić V., 1) *Zur verständigung* (Archiv f. slav. Phil. 1876. I. Bd. по вопросу о сонантныхъ *г* и *л* въ слав. яз.);—2) *Ueber einige erscheinungen des slavischen Vocalismus—по поводу сочиненія Ior. Шмидта Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus* (ibid. I. Bd. 337—412);—3)

Die Umlauterscheinungen bei den vocalen *e, ѣ, ѧ* in den slavischen Sprachen (ibid. 1881—82. Bd. V—VI)—4) Weitere Uebergänge aus *s* in *ch* im Slavischen (ibid. Bd. II).

Нѣкоторыя другія библиографическія указанія, не вошедшія въ настоящій перечень, можно найти въ нижеслѣдующихъ обзорахъ литературы по славяновѣдѣнію:

- Jagić V., Napredak slovinske filologije pošljednich godina (Rad Jugoslaven-ske Akademie. 1871. Кн. XIV, XVII;—2) Bibliographische Uebersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slavischen Philologie und Alterthums Kunde seit dem Jahre 1870. (Archiv. f. Slav. Phil. 1876. Bd. I).
- Pastrnek Fr., Bibliographische Ubersicht über die slavische Philologie 1876—91. Supplement—Band. изд. Archiv für Slavische Philologie. Berlin 1892 (Продолженіе вышеуказаннаго втораго труда акад. Ягича).
- Котляревскій А. Uspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—72). Časopis Českého Musea 1874).
- Кочубинскій А. А. Итоги славянской и русской филологин. Одесса, 1892.
- Бодуэнъ де Куртенэ И. А. Подробная программа лекцій 1877—78. Казань, Варшава 1878—81.
- К. Appel i A. A. Kryński, Przegląd bibliograficzny prac naukowych o języku polskim, (Prace filologiczne Warszawa. 1886. Т. I), гдѣ цѣлый отдѣлъ Językoznawstwo Słowiańskie (564—592).

Періодическія изданія, посвященныя задачамъ славянскаго языкованія.

Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagić. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung. 1876—92. Bde. I—XIV и Supplement-Band. (см. выше).

Филологическія Записки. Журналъ, посвященный изслѣдованіямъ по сравнительному языкованію и славянскимъ нарѣчіямъ, изд. А. Хо ван-скимъ. Воронежъ. 1861—92.

Русскій Филологическій Вѣстникъ основанный проф. М. А. Колосовымъ, издаваемый подъ редакціею А. И. Смирнова. 1879—92. Т. I—XXVI.

Listy filologické a paedagogické vydávají se nakladem Jednoty českých filologů v Praze. Odpovědni redaktoři J. Gebauer a Jos. Král v Praze. 1874—92. Т. I—XIX.

Prace filologiczne, wydawane przez J. Baudouina de Courtenay, J. Karłowicza, A. A. Kryńskié i L. Malinowskiego Warszawa. 1885—92. T. I—IV.

Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete des arischen, celtischen und slavischen Sprachen, unter Mitwirkung von A. Leskien und J. Schmidt herausgegeben von A. Kuhn, Berlin. 1858—74. Bd. I—VIII.

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Begründet von A. Kuhn. Herausgegeben von E. Kuhn und J. Schmidt. Berlin. 1851—92. Bde. I—XXXII.

Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Herausgegeben von M. Lazarus und H. Steinthal. Berlin, 1859—90. Bd. I—XX.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮГО-ЗАПАДНЫХЪ И СЪВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ
СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ
СЪ ИХЪ НАРЪЧІЯМИ И ГОВОРАМИ.

І. БОЛГАРСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Изученіе болгарскаго языка.

Изо всѣхъ славянскихъ языковъ болгарскій языкъ нужно признать наименѣе изученнымъ. Главнѣйшая причина того продолжительный турецкій и фанариотскій гнетъ, отъ котораго болгарскій народъ освободился, да и то еще не совсѣмъ, очень недавно, и который одинаково затруднялъ какъ развитіе мѣстныхъ изученій болгарскаго языка, такъ и наблюденій надъ нимъ со стороны иностранныхъ ученыхъ даже въ ту пору, когда съ развитіемъ славистики, изслѣдованіе всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ значительно подвинулось впередъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ ученomъ мѣрѣ почти ничего не знали о болгарскомъ языкѣ. Знаменитый патріархъ славянской филологіи Іосифъ Добровскій считалъ болгарскій языкъ нарѣчіемъ сербскаго языка (Slovanka 1814). Другой извѣстный славистъ Копитаръ (въ 1815 г.) зналъ о болгарскомъ языкѣ только то, что въ немъ существуетъ членъ, и не имѣлъ понятія о томъ, насколько болгарскій языкъ отличается отъ сербскаго въ грамматическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ. Первый лучъ свѣта въ эту темную область славянскаго языковѣдѣнія бросилъ въ 1822 г. славный сербскій этнографъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, указавшій въ одномъ своемъ сочиненіи (Додатакъ къ Санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчницѣма свију језика с особитимъ огледѣма бугарскога језика) главнѣйшія особенности болгарскаго языка.

Съ возрожденіемъ болгарской литературы и основаніемъ въ Болгаріи народныхъ школъ являются первыя грамматики болгарскаго

языка. Но въ нихъ еще тщетно искать характеристики живаго народнаго языка. Онѣ представляютъ правила смѣшаннаго славяно-болгарскаго языка, употребленіе котораго предшествовало допущенію въ книгу чистаго народнаго языка. Таковы напр. грамматическіе труды Христки Павловича Дупничанина, или даже во многихъ отношеніяхъ замѣчательная грамматика Неофита, архимандрита Рыльского монастыря.

Первые опыты научнаго опредѣленія особенностей настоящаго болгарскаго языка явились на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ 1851 г. издана *Lautlehre der Bulgarischen Sprache* Миклошича, въ слѣдующемъ году сдѣлавшаяся извѣстной и въ русскомъ переводѣ. Въ 1852 г. болгаринъ Кириакъ Цанковъ напечаталъ въ Вѣнѣ *Grammatik der Bulgarischen Sprache*, въ которой примѣвилъ къ болгарскому языку латинскую абечеду—(попытка впрочемъ не имѣвшая успѣха), а въ 1855 г. вышла въ свѣтъ большая работа П. Безсонова „Главные вопросы языка Новоболгарскаго“, какъ введеніе къ Сборнику болгарскихъ пѣсенъ. Около этого времени началось усиленное собраніе и обнародованіе памятниковъ народнаго творчества, принявшее въ послѣдствіи широкіе размѣры. Пѣсни, сказки, пословицы, загадки и другіе памятники народной рѣчи помѣщались и въ періодическихкихъ изданіяхъ, какъ „Български книжици“, „Гайда“, „Периодическо Списание на Българско книжно дружество“, „Наука“ и др. и выходили отдѣльными сборниками. Послѣ сборника П. Безсонова появились сборники П. Славейкова (1855), С. Верковича (1860), братьевъ Миладиновыхъ (1861), Л. Каравелова (1861), Чолакова (1872), Дозона (1875), В. Качановскаго (1884), позже Илиева (1889), Шапкарева (1891), „Сборникъ за народни умотворенія“ Болгарскаго Министерства народнаго просвѣщенія. Весь этотъ обширный этнографическій матеріалъ, издаваемый правда не всегда согласно со строгими требованіями филологической науки, долженъ былъ доставить болѣе или менѣе цѣнныя данныя для уясненія облика болгарскаго языка. И дѣйствительно, въ сравнительной грамматикѣ Миклошича, особенно во второмъ ея изданіи, сдѣлана довольно обстоятельная характеристика и этого загадочнаго представителя славянской семьи языковъ.

Успѣшное развитіе болгарской литературы и школьнаго дѣла въ новѣйшее время, послѣ освобожденія, естественно вызывало потребность въ мѣстномъ изученіи языка. Но до послѣдняго времени это

изученіе развивалось очень медленно и пока еще не ознаменовалось появленіемъ болѣе или менѣе крупныхъ и цѣльныхъ трудовъ. Изъ массы школьныхъ грамматикъ болгарскаго языка нельзя указать ни одной, построенной по сколько-нибудь научному методу. Лучшія изъ нихъ написаны Момчиловымъ, Първановымъ и Икономовымъ. Невыработанность литературнаго языка и отсутствіе установившейся системы правописанія отчасти объясняютъ недостатки школьныхъ болгарскихъ грамматикъ. Только очень недавно въ средѣ болгарскихъ ученыхъ началъ пробуждаться интересъ къ изученію роднаго языка. Къ почтеннымъ трудамъ проф. М. С. Дринова на болгарскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ присоединяются теперь болѣе или менѣе важныя филологическія работы, преимущественно по болгарской діалектологіи, Теодорова, Илиева, Матова, Константинова, Драганова. Но болѣе цѣнныя вклады въ научную разработку болгарскаго языка принадлежатъ инославянскимъ и иностраннымъ ученымъ. Таковы частныя изслѣдованія Билярскаго, И. И. Срезневскаго, В. И. Ламанскаго, Ф. Миклошича, И. В. Ягича, Ст. Новаковича, П. Милетича, В. Облака, Лескина и Мазинга. Русскому профессору Дювернуа принадлежитъ заслуга изданія перваго наиболѣе полнаго и обстоятельнаго словаря болгарскаго языка (1891 г.). Польскій филологъ Калина, въ недавно изданномъ обширномъ трудѣ, представилъ первый опытъ систематической исторіи болгарскаго языка. Такимъ образомъ основаніе научному изученію языка заложено, но частная разработка важнѣйшихъ вопросовъ грамматики болгарскаго языка, его исторіи, его говоровъ и пр. едва только начинается.

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія по современному болгарскому языку.

Карацић, Вук Стеф. Додатак к Санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчицима свију језика с особитимъ огледима бугарскога језика. Беч. 1822.

Неофитъ, Българска граматика сега първо сочинена. Крагуевацъ. 1835.

Андреевъ, Шарвичка българска граматика. Букурештъ. 1844.

Kyriak Sankof A. u. D. Grammatik der Bulgarischen Sprache. Wien. 1852.

Мирковичъ Д. Г. В. Кратка и методическа българска граматика. Цариградъ-Галата. 1860.

- Радуловъ С. Начална грамматика за изученіе на българскій языкъ.
Кн. 1—2. Болградъ. 1870—1871.
- Момчиловъ Ив. Грамматика на новобългарскія езикъ. Второ изданіе.
Въ Търново. 1873.
- Първановъ. Изводъ изъ българската грамматика. Русчукъ. 1870.
- Манчовъ Др. Баштинъ языкъ. Пловдивъ, Свиштовъ, Солувъ. 1874.
- Вѣженевъ. Грамматика за българскій языкъ. Пловдивъ. 1880.
- Икономовъ Т. Българска грамматика. Второ изданіе. Пловдивъ, Софія,
Русчукъ. 1881.
- Богоровъ И. А. Словница за изучванье бащинна нашъ языкъ. Четвърто
издаванье. Русе. 1882.
- Илиевъ С. Начална грамматика. Русчукъ. 1882.
- Илиевъ Ат. Т., Синтаксисъ на българскія езикъ. Пловдивъ. 1888. (Рец.
въ ж. Периодическо Списание на Българското книжно дружество.
Софія. XXVIII—XXX. 1889).
- Гранитскій А. П. Русско-българскы разговоры. Търново. 1878.
- Wagner J. Mluvnice jazyka bulharského. Vydání druhé. V Praze. 1884.
- Vumazal Fr. Die Kunst, die Bulgarische Sprache leicht und schnell zu
erlernen. Wien. Pest. Leipzig. 1886.
- Chleborad Fr. Lad. Bulgarische Grammatik. Leipzig. 1887.
- Miklosich Fr. 1) Lautlehre der Bulgarischen Sprache. (Slavische Bibli-
othek. I. 1851. Wien.), русскій переводъ Петковича (Ж. М. Н. Пр.
1852, ч. LXXVI). 2) Vergleich. Gram. d. Slav. Spr. ср. выше стр. 39;
3) Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Wien. 1883.
(Denkschriften d. Kais. Akademie d. Wissenschaften. Bd. XXXIV. Ср.
рец. А. И. Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1884, сентябрь).
- Безсоновъ П. Главные вопросы языка новобългарскаго, условияющіе
собою правописаніе. (Вводная статья въ изданіе „Българскія пѣсни
изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катрапова и другихъ Бол-
гаръ“. М. 1855).
- Hattalla M. O nosnih samoglasih (Književnik II).
- Дриновъ М. 1) За новобългарското азбуке. (Периодич. Списан. Бр. П.
1870); 2) Азбукето на българското книж. дружество и г. Мушакъ.
(Тамъ-же IX—X. Софія, 1882); 3) Beiträge zur Kunde der neubul-
garischen Sprache. I. Die Wiedergabe des altslovenischen ж und ъ im
Neubulgarischen. (Archiv f. Slav. Phil. V. 3. 1881).
- Jagić V. Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen. (Archiv f.
Slav. Phil. II, 399, VII, 666, XI, 265).
- Соболевскій А. И. Носовые гласные въ новобългарскомъ языкѣ (Рус.
Фил. Вѣст. 1890, 1).

Теодоровъ А. 1) За звука ь въ новобългарскія езикъ (Период. Спис. Соф. IV — V); 2) Къмъ звука ь въ новобългарскія езикъ (Период. Спис. Соф. XV); 3) Приносъ къмъ въпроса за българскитѣ носовки. (Период. Спис. III).

Милетиѣ Л. 1) Членътъ въ българскія езикъ (Период. Спис. XXI—XXII (1887). Ср. замѣчанія Теодорова тамъ-же XXV — XXVI (1888) и отвѣтъ на нихъ Милетиѣ тамъ-же XXVII); 2) O članu u bugarskom jeziku. Zagreb. 1884. (Ср. рецензіи Облака въ Arch. f. Slav. Phil. XII).

Ворачекъ и Д. Стояновъ. Ударението — въ новобългарскій езикъ („Наука“. Пловдивъ. 1884, кн. XI—XII).

Leskien A. Der bulgarische Artikel mit *v* oder *n* (Arch. f. Slav. Phil. III, 522).

б) Матеріалы и изслѣдованія по исторіи болгарскаго языка.

Калайдовичъ К. Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій. Спб. 1824.

Прейсъ. Донесеніе г. Министру Нар. Пр. изъ Загреба (Журн. М. Н. Пр. 1841. Ч. XXIX и 1842. Ч. XXXIII).

Чертковъ А. О переводѣ Манассіинной лѣтописи. М. 1842.

Биларскій П. О среднеболгарскомъ вокализмѣ по патриаршему списку лѣтописи Манассіи. М. 1858.

Срезневскій И. И. 1) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867 — 81. (Здѣсь особенно важна ст. 81-я—Болгарскія грамоты и другія записи, Терновское четвероевангеліе 1273 г., Болгарскій Сборникъ 1348 г. и др.); 2) Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма. Спб. 1868. (Особ. важны Болонская псалтырь, Погодинская псалтырь, Охридская книга апост. чтеній, Слѣпченская книга апост. чтеній и др.); 3) Памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ; 4) Люблянская рукопись въ Отчетѣ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1874.

Ламанскій В. И. 1) О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864. (Приложеніе къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ и отдѣльно); 2) Непорѣшенный вопросъ (Ж. М. Н. Пр. Ч. 143, т. 2, и 144, т. 2, 1869 г. I) Объ историческомъ образованіи древняго славянскаго и русскаго языка; II) Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI—XVII вѣкахъ; III) Болгарская литература XVIII ст. Здѣсь м. пр. дано описаніе Люблянской рукописи, позже изданной И. И. Срезневскимъ. Ср. выше).

- Miklošič Fr. Trojanska priča bugarski i latinski (рпк. ок. 1350 г.), (въ сборникѣ Юго-Славянскоѣ Академіи. Starine III).
- Ягичъ В. 1) Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslavinskih rukopisa, (въ сб. Starine V, VI, IX и X, 1873—78 и отд.); Život Aleksandra Velikoga po tekstu recensije bugarske (V), Sto ima u bugarskom zborniku Kraljevske biblioteke u Berlinu (V), Kako se pisalo bugarski prije dvjesti godina (IX), Bugarsko - slovenski oktoich kolekcije nekoč Mihanoviće sad akademičke biblioteke u Zagrebu (X), Ustanove penitencijalne bugarskoga zbornika (VI); 2) Zum altbulgarischen Vocalismus. 'Wie lautete * bei den alten Bulgaren? (Arch. f. Slav. Phil. B. III. H. 2. 312—357).
- Новаковић Ст. 1) Бугарски сборник, писан прошлога вѣка народнимъ языкомъ. (Starine VI. Zagreb. 1874); 2) Житіе Іоанна Рыльскаго (Гласникъ Српскогъ ученогъ друштва кн. XXII).
- Leskien A. 1) Bemerkungen über den Vocalismus der Mittelbulgarischen Denkmäler (Arch. f. Slav. Phil. II); 2) Abagar ein neubulgarischer Druck aus dem XVIII Jahrh (Тамъ-же III, 518); 3) Die Unterschrift des Evangeliums von Trnovo (Тамъ-же IV, 512).
- Сырку II. 1) Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur aus dem Bulgarischen (Слово о ветхомъ Алезандрѣ)—въ Arch. f. Slav. Phil. VII. 78; 2) Житіе св. Николая Софійскаго со службой ему и похвальное слово Софійскимъ мученикамъ. По рукописи XVI в. Спб. 1883; 3) Византийская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. Спб. 1883; 4) Забѣтки о двухъ произведеніяхъ патріарха Евѳимія (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго. Спб. 1883; 5) Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Литургическіе труды патріарха Евѳимія Терновскаго. Выпускъ II. Тексты. Спб. 1890.
- Качаиовскій В. И. 1) Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (Христіанское Чтеніе 1882. Ч. 2); 2) Болонская псалтырь (1186 — 1196) и Евангеліе Рыльскаго монастыря конца XII или начала XIII в. Спб. 1882. Ср. Arch. f. Slav. Phil. VI, 473.
- Палаузовъ. Синодикъ болгарскаго царя Бориса (Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ 1855). Ср. Т. Флоринскій, Къ вопросу о богомилахъ въ „Сборникѣ Статей по Славяновѣдѣнію“, составленномъ и изданномъ учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Спб. 1883.

- Даничић. Бугарски рукопис писан године 1277. (Starine I. U Zagrebu. 1869).
- Макушевъ В. В. О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ, I. Рукописи болгарскаго письма. (Рус. Фил. Вѣстн. 1881. (Т. VI) 4).
- Срезневскій В. И. Древнеславянскій переводъ Псалтыри. Сиб. 1877.
- Успенскій Ѡ. И. О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878. Сентябрь, ноябрь).
- Гротъ К. Я. Лондонскія Забѣтки. Славянскія рукописи Британскаго Музея. (Рус. Фил. Вѣстн. т. XVII. 1887. 1).
- Арх. Амфилохій. 1) О самодревнѣйшемъ октоихѣ XI вѣка югославянскаго юсоваго письма, найденномъ въ 1868 г. А. Ѡ. Гильфердингомъ въ Струмицѣ. М. 1874. Ср. Arch. f. Slav. Phil. III, 168. 2) Объ отрывкахъ изъ древнеславянскихъ рукописей XI и XII — XIII в. М. 1880. Ср. зам. А. И. Соболевскаго въ Рус. Фил. Вѣстн. 1881. 2.
- Плотниковъ. Среднеболгарскій служебникъ 1532 г. Воронежъ. 1880.
- Поповъ А. Описание рукописей Хлудова. М. 1872—75.
- Отчеты Имп. Публ. Библ. за 1868 г. (Рукописи Гильфердинга).
- Стояновъ В. Д. 1) Български старъ рѣкописенъ наметникъ отъ XIV в. Пер. Спис. Соф. 1887. XXI—XXII; 2) Турцитѣ въ Европа. (Тамъ-же II, 1882).
- Петрушевичъ А. Зам. о болг. Прологѣ XV в. Львов. Биб. въ изд. Науковый Сборникъ. 1880.
- Polívka J. 1) Palaeographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in den Makedonischen Praxapostolus (Arch. f. Slav. Phil. 1887. V. X); 2) Bugarsko četverojevangelje u biblioteci českog muzeja u Pragu. (Starine XIX 1887); 3) Příspěvky k historii středobulharského jazyka i písemnictví. (Listy filol. XIV 1887); 4) Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. (Starine XXI. 1889).
- Valjavec M. Trnovsko tetrajevandjelje. (Starine 1888—1889. XX, XXI). Ср. Arch. f. Slav. Phil. XIII, 241.
- Scholvin R. Einleitung in das Johann - Alexander - Evangelium. (Arch. f. Slav. Phil. VII, 1883, 1, 2).
- Помяловскій И. В. „Повѣсть о убиенныхъ св. отцахъ въ Синаѣ и Раифѣ, Амонія мниха“ (по болгарск. рук. XIV в.) въ приложеніи къ Отчетамъ Общества Любителей древней Письменности. 1884.
- Соболевскій А. И. Среднеболгарская вкладная XIV в. (Рус. Фил. Вѣст. 1890. Т. XXIV, 152).

- Шкорциль братья. Материали по археологията и античестката география на България. 1. Български паметникъ отъ Ямболъ. (Пер. Спис. Соф. XXI—XXII, 1887).
- Константиновъ Х р. Паметни бѣлѣжки за Срѣдецъ. (Пер. Спис. Соф. VIII, X, 1884).
- Славейковъ П. Извлѣченія изъ лѣтописа на попъ Йовча отъ Трѣвна. (Сборникъ за народни умотворенія наука и книжнина. Изд. Мин. Нар. Просв. II, III, IV).
- Ивановъ С. П. Материяли за новата история на България. (Пер. Спис. Соф. XXXV, 1890).
- Венелинъ Ю. И. Влахоболгарскія грамоты. Спб. 1840.
- Новаковичъ Ст. Влашко - бугарски литургијар од год 1507 у библиографија до сад непознат. (Starine. XI, 1878).
- Соколовъ И. И. Мункачевская псалтырь XV вѣка. (Сборн. статей по славяновѣдѣнїю въ честь В. И. Ламанскаго. 1883).
- Милетиць Л. Особности на езика въ Маринския паметникъ. (Пер. Спис. Соф. XIX—XX. 1886).
- Теодоровъ А. 1) Старинни български езикъ и повобългарскитѣ нарѣчїя. (Пер. Спис. Соф. XIV, 1885); 2) Къмъ историята на българския езикъ. Българскїятъ книжовенъ езикъ и правописъ. (Тамъ-же XXXII, XXXIII, XXXIV, 1890).
- Kalina Ant. Studyja nad historyją języka bulgarskiego. (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XIV, XV, 1891 и отд. кн.). Ср. рецензію М. С. Дринова въ ж. Славянское Обозрѣніе. 1892. Апрѣль.
- в) Работы по болгарской діалектологїи.**
- Славейковъ П. Р. Рупското или Рупаланското българско население и нарѣчїе. (Наука, II, 1882. Пловдивъ. Ср. Зам. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil. VII (1883) 2. 320).
- Сырку П. А. 1) Рупаланы или Рупцы (Филолог. Зап. 1883); 2) De la phonologie bulgare. Dialecte Macedonien (сборникъ „La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par Ofeicoff (псевд.) Philippopol, 1888).
- Константиновъ П. Материялъ за изучаваніе родопското нарѣчїе. (Сборникъ за народни умотворенїя, наука и книжнина. I, 1889, II, 1890).
- Стояновъ В. Д. Народни пѣсни изъ Шуменско (съ примѣчанїями о Шуменскомъ говорѣ). Пер. Спис. Соф. I, 1882. Ср. зам. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil. VI. 1882. 3. 422.

- Васильовъ Т. Нѣколко бѣлѣжки върху Тетевенскій говоръ (Пер. Сп. Соф. VI (1883 г.), 148. Ср. Зам. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil. VII (1883), 4, 667).
- Гажбювъ К. Говорѣтъ въ Конопчи (Пер. Сп. XVIII, 1885).
- Цоневъ Б. За источно българскія вокализми (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. III, 1890. IV, 1891).
- Теодоровъ А. 1) Единъ приносъ къмъ Височкия говоръ (Пер. Сп. XV, 1885); Западнитѣ български говори (Тамъ-же, XIX—XX, 1886).
- Тиховъ. Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болгарскихъ пѣсенъ В. В. Качановскаго (Ученыя Записки Казанскаго университета, 1890 и отд.).
- Драгановъ Д. 1) Носовые гласные звуки въ современныхъ македонско-славянскихъ и болгарскихъ говорахъ (Рус. Филол. Вѣстн. 1881, 1); 2) Этнографическій очеркъ славянской Македоніи (Извѣстія Спб. Славянскаго Благотв. Общества. 1888, 2. Ср. Зам. Шопова въ Пер. Сп. XXXI, 1879; Шапкарева въ „Сборн. за народни умотворенія“ II и Каранова, тамъ-же, IV, 1891); 3) Разборъ выше упомянутой книги Офейкова „La Macedoine au point de vue ethnographique, historique et philologique“ въ Ж. М. Н. Пр. 1888, апрѣль.
- Дриновъ М. С. Нѣсколько замѣчаній о языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ Дебрскихъ Славянъ (Извѣстія Спб. Славянскаго Благотв. Общества, 1888).
- Новаконић Ст. 1) ħ и ħ̣ у македонскимъ народнимъ диалектима (Глас Српске Кралевске Академије Београд. XII, 1889. Ср. зам. Облака Arch. f. Slav. Phil. XII, 4, 571 и Поливки въ Чешскомъ Athenaeum VIII, 24); 2) Ein Beitrag zur Kunde der macedonischen Dialekte (Arch. f. Slav. Phil. XII, 1889, 1. XIII, 1891, 4).
- Матовъ. Кратка распрavia по этнографіята на Македония (Пер. Сп. XXXIV—XXXV).
- Masing Leonhard. Zur Laut und akzentlehre der Macedoslavischen Dialekte. Спб. 1891.
- Милетичъ Л. Старото склонение въ двѣшитѣ български нарѣчія (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София, II, 1890).
- Григоровичъ В. И. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. 2-е изд. М. 1877. Ср. Живая Старина, 1891.
- Jireček K. Cesty po Bulharsku v Praze. 1888; 2) Das Fürstenthum Bulgarien. Wien. 1891; 3) Замѣтки о Рупаланскомъ нарѣчии въ Пер. Сп. Соф. VIII (1884), 84—94.

Миклошичъ. Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen (Denkschr. d. Wien. Akad. VII, 1856).

г) Словари болгарскаго языка.

Morse. C. F. An english and bulgarian vocabulary in two parts english and bulgarian and bulgarian and english. Constantinople 1860.

Богоровъ И. М. Френско български и българско-френски рѣчникъ. Френско-български дѣль. Второ издание оправено. Виена, 1873. Българско-френски дѣль. Виена, 1871.

Словари Морзе и Богорова весьма не полны и вообще неудовлетворительны.

Геровъ Найдень. Болгарскій словарь (начало) въ изданіи втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ „Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Спб. 1856, III. Имѣются извѣстія, что Н. Геровъ приготовилъ къ печати полное изданіе своего словаря.

Дювернуа А. Словарь болгарскаго языка. По памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. Вып. 1—9. Москва, 1885—1889, xxvi+2633+36. Ср. рецензіи проф. М. С. Дринова „О болгарскомъ словарѣ А. Л. Дювернуа“ въ Отчетѣ о присужденіи преміи митрополита Макарія 1892 г. и отд. и замѣткѣ Н. Шлякова въ Русск. Фил. Вѣстн. 1886, 3 (т. XVI).

Матеріаль для областнаго болгарскаго словаря издается г. Матовымъ въ Солунскомъ журналѣ „Книжици за прочитъ“. Маленькіе словарики см. при сборникахъ пѣсенъ Безсонова, Верковича, Дозона, Качановскаго, Илиева и др. Ср. ниже.

д) Памятники народнаго болгарскаго языка по разнымъ говорамъ.

Караѣѣ В. С. Додатак и т. д. ср. выше стр. 49.

Богоевъ Ив. Български народни пѣсни и пословици. Пештъ. 1842.

Григоровичъ В. И. и Вразъ Ст. Narodne pѣsme bugarske. Журн. Kolo, 1847, IV—V.

Геровъ Найдень. Болгарскія пѣсни въ изд. Акад. Наукъ „Памятники и образцы народнаго языка русскихъ и западныхъ Славянъ“ IV. (Прибавленія къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Спб.).

Ивановичъ Х. Н. Нови български народни пѣсни. Вѣлградъ, 1851.

Славейковъ П. Р. Сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб. 1855. (Прибавленія къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ).

Безсоновъ П. Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, И. Д. Катрапова и другихъ Болгаръ М. 1855. Вып. 1—2. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. XXI, XXII).

- Верковић Ст. Народне песме Македонски Бугара. Женске песме. У Београду 1860.
- Миладиновци Дм. и К. Български народни пѣсни. Въ Загребъ 1861. 2-е изд. Въ София 1891.
- Каравеловъ Л. Памятники народнаго быта Болгарь. М. 1861.
- Чолаковъ Вас. Българский народенъ сборникъ. Бѣлградъ, 1872.
- Dozon Auguste. Български народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inedites. Paris, 1875.
- Богоровъ Ив. Български народни пѣсни. София, 1879.
- Качановскій Влад. Памятники болгарскаго народнаго творчества Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ. Спб. 1882. (Изд. Академіи Наукъ).
- С. Ив. Б. Сборникъ отъ български народни пѣсни. София, 1884.
- Шишковъ. Родопски старини или Сборникъ отъ обичаи, суевѣрія, пѣсни и пр. на родопскитѣ дѣятели. I. Пловдивъ, 1887.
- Илиевъ Ат. Т. Сборникъ отъ народни умотворения, обичаи и др. събрани изъ разни български повраинини. Кн. I. Народни пѣсни. София. 1889.
- Шапкаревъ К. А. Сборникъ отъ български народни умотворения. Кн. 1—6. София, 1891—92.
- Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава Министерството на народното просвѣщение. Софил. Т. I — VI, 1889 — 1892. (Продолжается).
- Ястребовъ И. С. Обычаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ. Спб. 1886, 2-е изд. 1889 г.

Изъ періодическихъ изданій, содержащихъ въ себѣ памятники народнаго болгарскаго языка, наиболѣе важны слѣдующія: *Цариградскій Вѣстникъ*, *Български книжици*, *Гайда*, *Обитъ Трудъ*, *Дунавскій Лебедъ*, *Наука*, *Библиотека св. Климентъ*, *Домашенъ Учитель*, *Искра*, *Книжици за Прочитъ*, *Заря*, *Трудъ* и особенно *Периодическо списание на Българското книжовно Дружество* (Брайловъ, София, кн. I — XL). Весьма цѣнны матеріалы, помѣщенные въ русскихъ изданіяхъ: *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ* 1852 г. *Живая Старина* II (1890) III (1891).

Лучшіе образцы литературнаго болгарскаго языка можно найти въ сборникѣ И. Вазова и Величкова *Българската Хрестоматия*. Пловдивъ, 1884, I, II.

---

2. Площадь болгарскаго языка.

Болгарскимъ языкомъ говорятъ Славяне, населяющіе восточную половину Балканскаго полуострова, именно — древнія страны Мизію, Фракію и Македонію, или по позднѣйшей турецкой терминологіи, вилайеты: Дунайскій, Адрианопольскій, Салоникскій и Битольскій и, кромѣ того, еще часть Бассарабіи. Нынѣшнее болгарское княжество и по соединеніи съ т. н. Восточной Румеліей далеко еще не обнимаетъ всей болгарской территоріи. Впрочемъ, точное опредѣленіе границъ распространенія болгарскаго языка въ настоящее время представляетъ большія трудности и едва-ли возможно, главнѣйше вслѣдствіе недостатка обстоятельныхъ этнографическихъ изслѣдованій. Такъ о Македоніи доселѣ ведется горячій споръ между учеными: одни видятъ въ этой области сербскую землю, другіе — болгарскую. Послѣднее мнѣніе, кажется, нужно признать болѣе справедливымъ; македо-по-славянскіе говоры мы относимъ къ болгарскимъ по соображеніямъ, которыя подробно излагаемъ ниже, въ отдѣлѣ о нарѣчіяхъ болгарскаго языка. Но независимо отъ македонскаго вопроса, вообще западная граница болгарской территоріи не поддается точному опредѣленію. Здѣсь болгарскій языкъ незамѣтно сливается съ сербскимъ и встрѣчаются любопытные переходные говоры, которые новѣйшими филологами причисляются то къ сербскимъ, то къ болгарскимъ. Однако, не смотря на всѣ эти неясности, кажется, необходимо признать, что въ Сан-Стефанскомъ договорѣ 1878 г. въ общемъ вѣрно отмѣчены предѣлы этнографической Болгаріи.

Основываясь на мнѣніи лучшаго современнаго знатока Болгаріи проф. Константина Иречка, совпадающемъ съ показаніями лучшихъ этнографическихъ картъ, пограничную линію области, населенной народомъ, говорящимъ болгарскимъ языкомъ, можно обозначить слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ она совпадаетъ съ нижнимъ Дунаемъ отъ его устьевъ до Видина; затѣмъ она переходитъ по сушѣ къ Тимоку идетъ по границѣ сербскаго королевства, которую она рѣдко переходитъ и поворачиваетъ къ югу только у Прокопія на Топлицѣ. Идя вдоль высотъ по лѣвому краю Моравской долины, она обходитъ городъ Вранью, достигаетъ Черной горы, тянется вдоль Шара-планины, захватываетъ верхнюю Дибру и заканчивается на восточномъ берегу Охридскаго озера у села Лина. Страна на югъ отъ Охридскаго и

Преспанскаго озеръ, Корчинская долина и долина рѣки Дѣвола имѣютъ смѣшанное населеніе (Албанцы, Болгаре, Влахи). Далѣе граница направляется отъ Дѣвола чрезъ Касторійское озеро, города Влахо-Клисуру, Нѣгущъ, Солунъ, Сересъ (Сѣръ), захватывая тамъ окрестности Драмы и примыкая къ южному склону Родопы, оттуда идетъ на Димотику, Узункюпри, Бунаръ-Гиссаръ (у Киркилисы по болгарски Лозенъ) и Малый Самововъ до Чернаго моря. Изолированныя болгарскія села подходятъ къ самому Константинополю. Въ этихъ предѣлахъ территорія болгарскаго языка обнимаетъ площадь приблизительно въ 4,000 квадр. миль. Сверхъ того болгарская рѣчь слышится въ *Россіи* въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской и Таврической, въ *Румыніи* — въ городахъ Галацѣ, Браиловѣ, Плоештахъ, Букарестѣ, Ольтеницѣ, Журжевѣ, Александри и Крайовѣ, въ *Венгріи* — въ Банатѣ и Семиградской области и въ *Сербіи* — въ Зайчарѣ, Грлянѣ и въ Великомъ Изворѣ. Въ *Малой Азій* есть одна болгарская деревня Кизъ - Дербендъ (съ XVII стол.) между Никомидіей и Никеей.

Въ средніе вѣка, приблизительно отъ VII до XI (и кое-гдѣ до XIII ст.) языкомъ близкимъ къ болгарскому говорили славянскія племена, занимавшія значительныя части Фессалии, Эпира, Эллады и Пелопонеса и съ теченіемъ времени исчезнувшія въ греческомъ и албанскомъ населеніи. О такомъ распространеніи славянской рѣчи на югѣ Балканскаго полуострова говорятъ драгоцѣнныя свидѣтельства византійскихъ лѣтописцевъ (особ. Константина Порфиророднаго), множество мѣстныхъ названій, звучащихъ на славянской ладъ и сильная славянская стихія въ нынѣшнемъ греческомъ и албанскомъ языкахъ.

Общая численность населенія, говорящаго болгарскимъ языкомъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, впрочемъ, не вполнѣ еще точнымъ, значительно ниже той цифры (5 — 6 миллионъ), какую предполагали въ эпоху войны за освобожденіе. Она не превосходитъ 3,200,000. Изъ этого числа приходятся: на Болгарское княжество около 2 миллионъ, на Турцію — болѣе 1 миллионъ, на Россію — 120,000, на Австро-Венгрію — 30,000, на Румынію — 30,000 и на Сербію — 10,000.

При опредѣленіи границъ болгарской рѣчи, кромѣ этнографическихъ картъ, указанныхъ выше, на стр. 3, слѣдуетъ имѣть въ виду карты Лежана (Этнографическій Сборникъ Имп. Географическаго Общества 1864), Сакса (Ethnographische Karte der Europäischen Türkei und ihrer Dependenz zu Anfang des Jahres 1877. Mittheilungen der K. K. geographischen Gesellschaft in Wien. 1878. Bd. XXI) и Иречка (Исторія Болгаръ, русскій переводъ Бруна и Палаузова. Одесса, 1878. Ср. также приложение къ этой книгѣ (стр. 743 и слѣд.). „Жилища и численность Болгаръ“ и данныя по этнографіи и статистикѣ, содержащіяся въ двухъ другихъ сочиненіяхъ того-же автора: 1) Cesty po Bulharsku. V Praze, 1888 и 2) Das Fürstenthum Bulgarien. Wien. 1891).

Спорный вопросъ о народности македонскихъ Славянъ и вообще о предѣлахъ распространенія болгарскаго языка на западѣ и юго-западѣ имѣетъ уже цѣлую литературу, развившуюся, впрочемъ, сравнительно въ недавнее время. Подробный обзоръ этой литературы предлагается въ курсѣ этнографіи. Здѣсь достаточно указать два изданія, представляющія собой въ своемъ родѣ попытку свести въ одно цѣлое доводы въ пользу того и другаго спорнаго мнѣнія: 1) La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par Ofeicoff. (псевдонимъ) Philippopoli, 1888 и 2) Gorčević Spiridion Makedonien und Altserbien. Mit 67 Original-illustrationen und einer ethnographischen Karte. Wien. 1889. Въ первомъ изъ нихъ вопросъ рѣшается въ болгарскомъ смыслѣ, во второмъ — въ сербскомъ. (Ср. рецензію Т. Флоринскаго въ изд. Живая Старина Спб. 1890, I).

3. Историческія судьбы болгарскаго языка.

Исторія болгарскаго языка представляетъ еще много неяснаго, загадочнаго. Сохранившіеся до нашего времени, древнѣйшіе памятники болгарской письменности не восходятъ далѣе XII — XIII вв. (Евангеліе Григоровича XII в., Струмицкій Октоихъ XII в., Болонская псалтырь 1186—1196, Охридскій апостоль XII в., Слѣпченскій апостоль XII в., Погодинская псалтырь XII в., Григоровичевъ Паремейникъ XII—XIII в., Терновское четвероевангеліе 1273 г., Октоихъ Михановича XIII в., Берлинскій сборникъ XIII в. и др.¹⁾; древнѣй-

¹⁾ Сюда надо присоединить и рядъ меньшихъ, но весьма важныхъ памятниковъ, изданныхъ И. И. Срезневскимъ въ книгѣ „Древніе памятники юсоваго письма“.

шія грамоты царя Іоанна Асѣня II, ок. 1218 г. и 1230 г. и Константина Асѣня до 1278 г.). Въ нихъ мы видимъ тотъ-же книжный языкъ, старославянскій или церковнославянскій, который въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ широко употреблялся, да и теперь употребляется и въ другихъ православныхъ славянскихъ земляхъ — въ Сербіи и на Руси. Въ рукописяхъ болгарскаго происхожденія онъ характеризуется лишь нѣкоторыми частными особенностями, совокупность которыхъ, однако, даетъ возможность установить на ряду съ русскимъ и сербскимъ изводами особый т. н. среднеболгарскій изводъ памятниковъ старославянскаго языка.

Важнѣйшія изъ этихъ особенностей слѣдующія:

1) Сохраненіе ж и л. Между тѣмъ какъ въ памятникахъ русскаго и сербскаго изводовъ носовые гласные обыкновенно замѣняются чистыми, рукописи среднеболгарскаго извода сохраняютъ юсы. Въ этомъ отношеніи онѣ, на-равнѣ съ древнѣйшими памятниками, представляющими церковно-славянскій языкъ въ наиболѣе чистомъ видѣ, по преимуществу могутъ быть названы юсовыми. Но употребленіе юсовъ въ нихъ весьма своеобразно и не всегда совпадаетъ съ требованіями обыкновенной нормы церковно-славянскаго языка. ж и л встрѣчаются на своихъ обычныхъ мѣстахъ лишь тогда, когда слѣдуютъ за твердыми согласными; напр.: водж, сѣть, повиновахжса, имѣхж, сѣщымъ, рѣжж, рекж, прѣмждрыи, пристжпи, са, списаса, хотжщии, творл, врѣмл, тѣготж и др. Въ другихъ же случаяхъ относительно употребленія носовыхъ гласныхъ наблюдаются частыя отклоненія отъ языка собственно церковно-славянскихъ памятниковъ.

2) Смѣшеніе ж и л, т. е. употребленіе ж тамъ, гдѣ въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ обязательно л и наоборотъ—л вм. ж. Въ болѣе части среднеболгарскихъ рукописей это смѣшеніе юсовъ отличается значительною послѣдовательностью и правильностью и какъ бы подчинено извѣстнымъ звуковымъ законамъ. Именно: 1) послѣ ш, ж, шт, жд вм. древняго л стоитъ ж: възложжть, лежжште, жжждж, гнашж, молишж, бышж, присташж (3 мн. ч. аор.) нашж (в. п. ж. р. мн. ч.), жжтва, доушж (р. п.) стражджщж (р. п.), летжщъ (др. наст.); 2) послѣ л, р, н, ъ, б, в, м + j, вм. древняго ж стоитъ л (все равно обозначена ли мягкость или нѣтъ): диваголл, зорл, земл и землл, коуплл, вечерл, господнл (в. п. ед. ч.), поставлл, оузрл, възлаголл, погоублл, тръплл, творл (1 л. наст. вр.),

глаголать, землать (3 л. наст. вр. мн. ч.), глаголаще. Сверхъ того въ некоторые памятники относительно замѣны юсовъ слѣдуютъ особымъ частнымъ правиламъ. Такъ въ однихъ (Болонская псалтырь) послѣ *и, ч, з, j* употребляется исключительно *ж* (вм. *л* и *љ*): *жыкъ, ж* (вин. мн. ч. вм. *љ*), *вѣроуж* (прич. наст.) *начужло, птицуж* (вин. мн. ч.) *стѣзж* (вин. мн.); въ другихъ (Григоровичевъ Паремейникъ) послѣ тѣхъ же согласныхъ встрѣчается только *л*: *части, птицл, ензлл* (вин. п. мн. ч.), *земныл* (вин. п. мн. ч.), *водол* (твор. п. ед. ч.), *сѣдилл* (вин. п. ед. ч.); въ третьихъ (Тръновское Четвероевангеліе) въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ употребляются смѣшанно то *ж* то *л*: *жыкъ* и *љыкъ, ѡшж* и *љшж, ж* (вин. п. мн. ч.), *љ* (вин. п. ж. р. ед. ч.), *властуж* и *властл*, *притчл* (вин. п. ед. ч.) и *притчж*, *багреницл* (вин. п. ед. ч.), *ползж* (род. п. ед. ч.), *стѣзж* (вин. п. мн. ч.).

3) Неразличеніе твердыхъ слоговъ отъ мягкихъ, выражающееся главнѣйше въ томъ что *з* смѣшивается съ *ь, о* съ *е, ы* съ *и, іотированные гласные съ неіотированными: твои и твоа, юмоу—емоу, чоудо—чудо, юсть—юсть, въ—въ, би, тысяща, боура, помышлати, мороу, люче, злю, творж* и т. д.

4) Чередованіе *ь* съ *л* и *а*: *краѣ, царѣ, боурѣ, морѣ, теба, поспрадѣ, трибоуемъ, трѣва, чѣсь, само, ппате.*

5) Чередованіе *ж* съ *з* и *а* (рѣдко и въ немногихъ памятникахъ особенно въ Октоихѣ Михановича): *странж* Исакова, *тогдаж, мѣдръ, брижеида* (вин. п. ж. р.), *стѣза, дѣхнж, многжци, мѣздж оваанаа ми дшж* (вин. п.) *дша бо имамъ* (вин. п.) *жтроба твож* (вин. п.), *величѣа* (1 л. ед. ч. наст. вр.), *жрѣтвж* (им. п. ед. ч.) *дшж моа* (им. пад.).

Какъ бы ни объяснять всѣ эти особенности памятниковъ среднеболгарскаго извода ¹⁾, въ нихъ нельзя не видѣть отраженія вліянія на книжный старославянской языкъ живыхъ народныхъ болгарскихъ говоровъ. Памятники болгарской письменности, представляющіе языкъ указаннаго типа, тянутся и черезъ четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія ²⁾, отличаясь между собой лишь немногими частностями, боль-

¹⁾ Наибольше споры и недоумѣній вызываетъ вопросъ о значеніи сохраненія и своеобразнаго употребленія юсовъ.

²⁾ Важнѣйшіе болгарскіе памятники XIV в.: Дечанское Четвероевангеліе, Хиландарское Четвероевангеліе 1322 г., Сборникъ 1345 г., Сборникъ 1348 г., Бѣлградскій Синаксарь 1330 г., Севастьяновскій Сборникъ, Псалтырь царя Іоанна Александра 1333 г., Грамоты царя Іоанна Александра 1342 и 1348 г., грамота Іоанна Шашмана 1379 г. и др.

шимъ или меньшимъ развитіемъ приведенныхъ особенностей. Только въ XVII в. послѣ значительнаго пробѣла въ письменной традиціи являются памятники, въ которыхъ, выступаетъ наружу языкъ, близкій къ современному народному, съ его оригинальною фонетикою и бѣдностью грамматическихъ формъ. Для XVII и XVIII ст. такихъ болгарскихъ текстовъ пока извѣстно весьма немного (Люблянская рукопись, открытая В. И. Ламанскимъ, Софійскій сборникъ XVII в., Берлинскій сборникъ XVII в., Бѣлградскій сборникъ XVIII в. Абагаръ первая извѣстная печатная книга на новоболгарскомъ языкѣ), но съ XIX ст. число ихъ умножается и, наконецъ, съ успѣхомъ національнаго возрожденія народный болгарскій языкъ дѣлается орудіемъ мѣстной болѣе или менѣе значительной литературы и образованности.

Какъ же нужно представлять себѣ отношеніе языка новоболгарскаго (народнаго) къ языку славянскихъ памятниковъ среднеболгарскаго извода и къ настоящему древнему церковно - славянскому языку? Вопросъ этотъ, занимавшій уже многихъ ученыхъ, не можетъ быть рѣшенъ окончательно въ настоящее время какъ по трудности своей, такъ и по недостаточной разработкѣ относящихся къ нему частныхъ. Но одно изъ предложенныхъ его рѣшеній постепенно приобретаетъ все болѣшую вѣроятность и не можетъ быть здѣсь оставлено безъ вниманія. Я разумѣю упомянутое выше мнѣніе о томъ, что старо - славянскій языкъ, какъ мы его знаемъ по древнѣйшимъ кирилловскимъ и глаголическимъ памятникамъ и есть по преимуществу языкъ древнеболгарскій. Если это мнѣніе, отстаиваемое Лескинымъ, Соболевскимъ, Дриновымъ, Облакомъ и особенно Калиной и оспариваемое Мильошичемъ и Ягичемъ, считать болѣе или менѣе правдоподобнымъ, то исторія болгарскаго языка должна получить особенно важное значеніе въ наукѣ славянскаго языкознанія. При такомъ рѣшеніи спорнаго вопроса т. н. среднеболгарскій языкъ долженъ представлять лишь одну изъ стадій развитія старославянскаго языка, а на нынѣшній болгарскій языкъ приходится смотрѣть какъ на прямого потомка нашего славянскаго санскрита.

Въ пользу даннаго мнѣнія, независимо отъ историческихъ соображеній, о которыхъ распространяться здѣсь не умѣстно, говорятъ: 1) болѣшая, сравнительно съ другими изводами, близость среднеболгарскаго извода къ нормальному типу старославянскаго языка; 2) очень близкое, притомъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ, сход-

ство языка старославянского съ новоболгарскимъ. Съ одной стороны нѣкоторыя важнѣйшія звуковыя особенности древняго церковно-славянскаго языка сохранены въ среднеболгарскомъ языкѣ и отсутствуютъ въ русскомъ и сербскомъ изводахъ старославянскихъ памятниковъ; напр. различіе носовыхъ гласныхъ отъ чистыхъ съ удержаніемъ правильного употребленія юсовъ въ весьма многихъ случаяхъ; или двойное смягченіе губныхъ (п, б, в, м) посредствомъ л или безъ него (земл и земля, любль и любь), или употребленіе ѣ вм. я, въ такихъ словахъ какъ ѣко, морѣ (род. ед. ср. р.) и т. п. Съ другой стороны нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ чертъ древняго церковно-славянскаго языка доселѣ присущи только болгарскому языку или нѣкоторымъ его говорамъ и неизвѣстны другимъ славянскимъ языкамъ, напр.: смягченіе *т* и *д* въ *шт* и *жд* (свѣшта, къшта, рожденъ); тожество *ъ* и *я* весьма обычное въ древнихъ глаголическихъ памятникахъ и наблюдаемое въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ; частое отсутствіе *ј* передъ начальнымъ *а* (азъ, агода, агне и др.). Наконецъ, не безъ значенія фактъ сохраненія носовыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ и въ языкѣ Трансильванскихъ Болгаръ.

Считаясь со всѣми этими фактами и принимая основанныя на нихъ соображенія за болѣе или менѣе вѣроятныя, приходится признать историческое развитіе болгарскаго языка весьма характернымъ. Едва-ли какой-либо другой славянской языкъ испыталъ столько превращеній, сколько понесъ ихъ болгарскій языкъ. Они коснулись въ значительной степени лексикальнаго состава языка, усвоившаго не мало словъ греческихъ, турецкихъ, частью албанскихъ и румынскихъ но еще болѣе отразились на его звуковой системѣ и грамматическомъ строѣ. Правда, въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ встрѣчаются, какъ увидимъ, въ изобиліи остатки глубокой старины; тѣмъ не менѣе въ общемъ контрастъ между древне-болгарскимъ (старославянскимъ) языкомъ и новоболгарскимъ весьма разителенъ. Въ области звуковъ особенно рѣзкимъ измѣненіямъ подвергся вокализмъ: носовыя гласныя, за немногими исключеніями, исчезли на всей площади болгарскаго языка, глухіе гласныя (ъ, ь) перешли въ чистыя и наоборотъ нѣкоторыя чистыя гласныя получили глухой выговоръ, твердыя гласныя, перестали отличаться отъ мягкихъ и т. д. Въ морфологіи произошло полное разстройство склоненія и утрата многихъ формъ спряженія.

Полную послѣдовательность этихъ превращеній, ходъ историческаго развитія звуковъ и формъ болгарскаго языка трудно установить съ желательною обстоятельностью въ настоящее время частью по недостатку въ матеріалѣ, частью вслѣдствіе неполноты детальной разработки вопроса, частью, наконецъ, по причинѣ затемненія вопроса искусственными теоріями и гипотезами. При всемъ томъ новѣйшее сочиненіе львовскаго профессора Калины (*Studyja nad historyjã języka bułgarskiego*), представляя довольно цѣльную общую картину исторической жизни болгарскаго языка, въ значительной степени выясняетъ постепенное развитіе многихъ звуковыхъ и формальныхъ чертъ нынѣшняго болгарскаго языка.

Судя по сохранившимся историческимъ даннымъ о колонизаціи Болгаріи и о раздѣленіи славянскаго народа, составившаго ядро болгарской націи, на множество мелкихъ племенъ и колѣнъ, слѣды которыхъ сохранились и въ настоящее время, нужно допустить, что болгарскій языкъ и въ древности, въ эпоху существованія старыхъ царствъ, распадался на нѣсколько нарѣчій и говоровъ. Среднеболгарскіе памятники съ ихъ частными звуковыми особенностями только подтверждаютъ это предположеніе. Что это были за нарѣчія, какъ шла ихъ исторія—объ этомъ конечно, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Еще очень недавно обращено вниманіе на разнообразіе современныхъ болгарскихъ говоровъ и, хотя въ этой области имѣются уже болѣе или менѣе цѣнныя данныя и хорошія наблюденія, все-таки приходится признать, что изученіе болгарской діалектологіи находится въ самомъ зародышѣ. Обыкновенно принимаютъ два главныхъ болгарскихъ нарѣчій: восточное и западное, при чемъ изъ послѣдняго справедливо выдѣляютъ въ особую группу македонскіе говоры. Каждое изъ этихъ нарѣчій обнимаетъ весьма значительное количество поднарѣчій и говоровъ. Съ филологической точки зрѣнія всѣ болгарскія нарѣчія и говоры представляютъ одинаково важный предметъ наблюденія и изслѣдованія. Но одно изъ нихъ, восточное, въ которомъ выражены наиболѣе типическія особенности болгарскаго языка, получаетъ особенное значеніе потому, что лежитъ въ основаніи современнаго литературнаго болгарскаго языка. Хотя послѣдній далеко еще не установился слишкомъ недостаточно обработанъ, обнаруживаетъ на себѣ сильное вліяніе другихъ языковъ, особенно русскаго, тѣмъ не менѣе господствующій элементъ въ немъ особенно со

стороны формы составляет восточное нарѣчіе. Впрочемъ, за послѣднее время нельзя не замѣтить участія и западныхъ говоровъ въ разработкѣ общаго литературнаго языка. Ниже дается общая характеристика болгарскаго языка, съ указаніемъ существенныхъ различій между восточнымъ и западнымъ нарѣчіями. Частныя діалектическія отличія собраны въ особой главѣ.

4. Звуковыя особенности.

Г р а ф и к а.

Составъ звуковой системы болгарскаго языка и его разнообразныхъ говоровъ въ настоящее время еще не опредѣленъ съ научною точностью. Тѣмъ не менѣе, кажется, нужно признать, что онъ представляетъ 30 простыхъ звуковъ, для обозначенія которыхъ служатъ или могутъ служить слѣдующія буквы:

- а) гласныя: а, е, и, о, у, ѣ, ъ, ѿ, ѣ, ѧ (послѣднія четыре буквы для обозначенія глухихъ звуковъ);
 б) согласныя: р, л, в; т, д; ц, б, в, ф, м; к, г, х; ч, ж, ш, ј;
 ц, з, с.

Сверхъ того въ болгарской графикѣ употребляются или еще до недавняго времени употреблялись слѣдующіе знаки: й, ю, я, ю, ѿ, ѧ, ѡ; изъ нихъ послѣдніе два (ѧ и ѡ), какъ не имѣющіе для себя соответствующихъ звуковъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ, теперь уже вышли изъ употребленія; ю, я, ю, ѿ служатъ для обозначенія сложныхъ или йотированныхъ гласныхъ, а й играетъ ту же роль, что и въ русскомъ правописаніи.

Болгарское правописаніе еще не установилось и не представляетъ сколько нибудь стройной, общепризнанной системы. Въ Болгаріи трудно встрѣтить двухъ писателей, которые держались бы одинаковыхъ правилъ орфографіи. Нѣкоторые звуки (особенно глухіе) въ разныхъ книгахъ обозначаются самымъ различнымъ образомъ. Такой же хаосъ и произволъ наблюдается въ изданіяхъ, имѣющихъ цѣлью воспроизведеніе образцовъ народнаго языка, что конечно, служитъ однимъ изъ важныхъ препятствій для возможно обстоятельнаго и точнаго изученія звуковыхъ особенностей болгарскаго языка и его говоровъ. Извѣстно нѣсколько попытокъ, имѣвшихъ цѣлью разрабо-

татъ нормальную, удовлетворяющую современному состоянію языка, болгарскую орфографію; онѣ принадлежатъ В. Караджичу (Додатак см. стр. 47), М. Дринову (Періодич. Спис. II) и Миклошичу (Lautbezeichnung см. стр. 48). Но ни одна изъ этихъ попытокъ не имѣла пока успѣха, и путаница въ правописаніи болгарскихъ книгъ не прекращается. Наиболѣе обоснованной и примиряющей болѣе или менѣе удачно требованія современнаго языка со старой рукописной традиціей нужно считать систему правописанія, которой держится согласно указаніямъ проф. Дринова органъ Софійскаго Литературнаго Общества „Періодическо Списание“. Въ учено-литературномъ Сборникѣ Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія также видно стремленіе къ установленію научнаго правописанія и къ болѣе точному воспроизведенію памятниковъ народнаго языка.

А) Г л а с н ы е.

Глухіе звуки (ъ, ъ, ж, ѣ).

Одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей болгарскаго языка составляютъ т. н. глухіе звуки. Извѣстно, что такіе звуки существовали въ старославянскомъ языкѣ, а изъ живыхъ славянскихъ языковъ, кромѣ болгарскаго существуютъ въ словинскомъ. Вопросъ о болгарскихъ глухихъ представляется не вполне яснымъ. Ученые не согласны между собой относительно числа глухихъ и ихъ выговора, при чемъ такое разногласіе мнѣній наблюдается и среди болгарскихъ филологовъ, безъ сомнѣнія хорошо знакомыхъ съ роднымъ языкомъ. Миклошичъ признавалъ только одинъ глухой, который предлагалъ обозначать б. з; существованіе въ болгарскомъ языкѣ мягкаго глухаго, соответствующаго старославянскому ъ, онъ категорически отрицалъ (Vergl. Gram. I, 361. Lautbezeichn. 7, 44). По его мнѣнію въ словахъ *късно* и *тънка* слышится одинъ и тотъ же глухой звукъ. Напротивъ болгарскій филологъ Теодоровъ доказываетъ, что во многихъ болгарскихъ говорахъ ясно слышится рядомъ съ твердымъ глухимъ, отличный отъ него мягкій глухой ъ, который онъ опредѣляетъ какъ — „переходный звукъ отъ з къ и и близко родственннй съ е“; напр. *стъкло*, *тъмно*, *крѣст*, *прѣс* (Періодич. Сп. IV, V, XV). Проф. М. Дриновъ, относясь скептически (по крайней мѣрѣ въ 1870 г. Пер.

Спис. II, 28) къ существованію мягкаго глухаго *ъ*, признаеть (Arch. V, 3, 370) два глухихъ — сильный и слабый, при чемъ въ первомъ различаетъ два выговора. Одинъ сильный глухой (*stark - dumpf*), по его мнѣнію, звучитъ какъ англійское *и* въ словахъ *but, dust, cut* и можетъ быть означенъ б. ж (рѣжа, пѣт), другой выговаривается близко къ русскому *ы* и можетъ быть передавъ б. з (брѣзам, длѣго). Оба глухихъ встрѣчаются только въ ударяемыхъ слогахъ. Слабый глухой (*schwach-dumpf*), слышимый въ неударяемыхъ слогахъ, звучитъ какъ закрытое *а*, окрашенное въ *о* (*wie ein nach o gefärbtes a*), этотъ звукъ Дриновъ предлагаетъ обозначать б. *á* (мѣка, лѣжа, трѣгна). Проф. Калина въ своей исторіи болгарскаго языка, допуская нѣсколько отгѣнковъ въ провозношеніи глухихъ по разнымъ мѣстамъ болгарской территоріи говоритъ собственно о двухъ основныхъ звукахъ: *з*, звучащемъ какъ закрытое *а*¹⁾ и *ъ* (существующ. лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ — Систово, Батакъ) приближающемся въ своемъ выговорѣ къ краткому *і*.

Не можетъ быть сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ такого разногласія ученыхъ заключается въ природной неопредѣленности и неуловимости глухихъ звуковъ, съ трудомъ поддающихся наблюденію даже самаго чуткаго уха. Съ другой стороны оно объясняется недостаткомъ точныхъ, строго-научныхъ наблюденій надъ болгарскими говорами. Не удивительно, поэтому, что въ школьныхъ грамматикахъ и современномъ книжномъ языкѣ не дѣлается различія между глухими и для обозначенія ихъ употребляются смѣшанно то одни, то другіе знаки, именно: *з, ъ, ж, љ, а, â*.

Тѣмъ не менѣе, основываясь на наблюденіяхъ и заключеніяхъ болгарскихъ филологовъ, необходимо признать въ болгарскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ четыре типа глухихъ, степень распространенности которыхъ по говорамъ и частные случаи употребленія по отдѣльнымъ нарѣчіямъ еще не выяснены съ достаточной опредѣленностью.

Именно: 1) сильный глухой ж („широкій“), соотвѣтствующій по выговору авгл. *и* въ сл. *but, cut*, наблюдаемый только въ ударяемыхъ слогахъ, напр. мѣж, пѣт, рѣка, мѣка).

¹⁾ При выговорѣ его задняя часть языка поднимается вверхъ, между тѣмъ какъ передняя опирается на нижніе зубы, и ротъ остается открытымъ какъ при выговорѣ звука *а*.

2) Сильный глухой *з* („узкій“), близкій по выговору къ краткому русскому *ы*, также слышный только въ ударяемыхъ слогахъ; напр. бѣлгарин, брѣзам, дрѣпам, длѣго или бѣлгарин, бѣрзам, дѣрпам, длѣго и т. п.

Точное разграниченіе области употребленія каждаго изъ сильныхъ глухихъ по мѣстности пр. Дринова, впервые обратившаго вниманіе на двойной выговоръ ударяемыхъ глухихъ, въ настоящее время не осуществимо. Можно только допустить, что при *л*, *р* слышится *з* (а не *ж*). Намъ кажется также, что *ж* долженъ занимать мѣсто во всѣхъ случаяхъ, гдѣ глухой, стоящій подѣ удареніемъ, соотвѣтствуетъ большому юсу старославян. яз. Этими указаніями приходится ограничиваться при опредѣленіи правописанія словъ съ глухими подѣ удареніемъ; ихъ, конечно, недостаточно и потому смѣшеніе обоихъ знаковь *з* и *ж* представляется не только возможнымъ, но неизбежнымъ¹⁾.

3) Слабый глухой *а*, произносимый какъ краткое *а*, слегка окрашенное въ *о*²⁾ и встрѣчающійся только въ неударяемыхъ слогахъ, напр.: трѣгнѣ, лѣжѣ, кѣштѣ, кнѣгѣ.

4) Мягкій глухой *ь*, звучащій какъ нѣчто среднее между краткими *е* и *і*, напр.: вѣрба, дѣрво, смѣрт, льн.

Глухой *ь* слышится только спорадически въ разныхъ мѣстахъ восточнаго нарѣчія (Свистово, Батакъ, Копривштица) и кое-гдѣ на Западѣ (Татарь-Базарджикъ, Кратово), преимущественно при *р* предѣ слѣдующей мягкой согласной. Какъ противоположность твердому глухому *з* онъ, очевидно, соотвѣтствуетъ старославянскому *ь* и въ большей части говоровъ замѣнился звукомъ *з* или полными гласными: дѣн, вѣрба, сѣрце, тенки, оген, звенец, черни. Слабый глухой *а* —

¹⁾ Вслѣдствіе этого, быть можетъ, слѣдовало-бы до поры до времени, т. е. до точнаго уясненія области употребленія *ж* и *з*, удержать въ правописаніи лишь одинъ изъ этихъ знаковь, какъ и совѣтовалъ Миклошичъ (*з*).

²⁾ Проф. Дриновъ, отмѣтившій довольно рѣзкую разницу въ выговорѣ между сильными и слабыми глухими, тѣмъ не менѣе относитъ оба рода звуковь къ одной категоріи *а* звука. Физиологическая разница между ними состоитъ въ томъ, что при выговорѣ сильнаго глухаго *а* зв. происходитъ болѣе сильное движеніе языка назадъ, чѣмъ при произнесеніи слабаго глухаго; въ первомъ случаѣ ротъ открывается меньше, чѣмъ во второмъ. Само собой понятно, что своеобразный выговоръ болгарскихъ глухихъ можно усвоить лишь собственнымъ ухомъ.

необходимъ во всѣхъ говорахъ восточнаго нарѣчія до р. Осмы и Марицы. Въ западныхъ и македонскихъ говорахъ этотъ глухой замѣняется чистыми *a* или *o*; напр. рачица (при рѣка), санувам (при сѣн), лажа, со. Что касается двухъ сильныхъ глухихъ *ж* и *з*, то они свойственны болгарскому языку почти на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи. Исключеніе составляютъ сѣверная Македонія (Велесъ, Скопле, Кюстендилъ), верхняя и нижняя Родоба, Добра, Этропольскій Балканъ, восточная часть Софійской долины, гдѣ глухіе замѣняются чистыми *a* и *o*: кашта, даб, паднаха, маж, мова, рова, добор и т. п.

Если глухому предшествуетъ *j*, то онъ звучитъ очень близко къ краткому тупому *я*. Таковой глухой, приближающійся къ чистому, обозначаютъ то *ѣ*, то *я*; напр. биѣ, биѣтъ и бия, биятъ, говорѣ, работѣ, спѣ, купѣ и куця.

Происхожденіе глухихъ. Находясь въ несомнѣнной фізіологической связи со старославянскими *з* и *ъ*, болгарскіе глухіе, однако, соответствуютъ имъ лишь въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ, случаяхъ (въ срединѣ словъ), напр.: късно, пѣсъ, мѣгла, пѣстъръ, лѣно, снѣха, прѣво, гѣрло, дѣлбоко. Большею-же частью они самостоятельнаго, своеобразнаго происхожденія. Именно, глухой звукъ образовался: 1) изъ *o* (рѣдко): гѣлѣби, вѣйвода, къга, тѣгай;

2) изъ *a*, преимущественно неударяемаго: грамѣдѣ, гривѣ, мотикѣ, слѣткѣ, влѣвѣ, мухѣ, рѣкиѣ, глѣвѣта, водѣ;

3) изъ старославянскаго *ѣ*: мѣж, гѣлѣб, пѣт, дѣб, ѣ, зѣби, рѣка, несѣ, идѣ, отехѣ, расбрахѣ;

4) глухой нерѣдко является вставочнымъ звукомъ: вѣтѣр, бистѣр, добѣр, мрѣтѣв, рѣтѣл, сѣм.

Что касается старославянскихъ глухихъ, то они въ современномъ болгарскомъ, за немногими указанными случаями, или исчезли (на концѣ словъ, какъ въ русскомъ языкѣ), или замѣнились полными гласными *ъ—o*, (иногда *a*) *ь—e* (*a*, *и*): сон, собрахѣ, темен, ден, осем, оген, оган (Шумла, Струмица), огин (Битоля, Татаръ - Базарджикъ). Въ современномъ литературномъ языкѣ въ силу рукописной традиціи сохраняются на концѣ словъ оба знака *з* и *ъ*, при чемъ первый совсѣмъ лишній, а второй служитъ для обозначенія удержавшейся кое-гдѣ по говорамъ мягкости согласнаго, предшествовавшаго

древнему глухому: огань, огень, день (Котель), зеть, пѣть¹⁾ и т. д.

Историческое развитіе болгарскихъ глухихъ и связанныхъ съ этимъ процессомъ другихъ указанныхъ звуковыхъ явленій можно отчасти прослѣдить по памятникамъ. Такъ смѣшеніе *з* и *ъ* и замѣна ихъ чистыми гласными восходитъ уже къ древнѣйшимъ памятникамъ старославянскаго языка. Съ другой стороны уже въ старѣйшихъ среднеболгарскихъ текстахъ (начиная съ XII ст.), наблюдается чередованіе *ж* и *л*, смѣшеніе *ж* съ *з*, замѣна *ж* черезъ *а*, наконецъ появленіе *зи* на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ современномъ болгарскомъ языкѣ слышатся глухіе звуки. Все это указываетъ съ одной стороны на давность, съ другой на послѣдовательность образованія данной любопытной особенности болгарскаго вокализма. Главной причиной, вызвавшей процессъ образованія болгарскихъ глухихъ, нужно считать удареніе. По основному закону болгарскаго вокализма гласные, не стоящіе подъ удареніемъ, понижаютъ свой музыкальный тонъ. Для *а*, *о* и *ж* (по утратѣ носоваго признака), пониженіемъ музыкальнаго тона былъ именно глухой категоріи *а*—звука. Предполагаютъ (Калина), что первоначально перешли въ глухіе гласные неударяемые, а затѣмъ съ перемѣной ударенія въ однихъ и тѣхъ-же словахъ по разнымъ говорамъ и гласные ударяемые были вовлечены въ указанный процессъ звуковаго превращенія. Впрочемъ, явленія втораго рода получили болѣе всеобщій характеръ, тогда какъ явленія перваго рода сдѣлались достояніемъ говоровъ лишь одного восточнаго нарѣчія.

Носовые гласные и ихъ соответствія.

Болгарскій языкъ, одинъ изъ немногихъ славянскихъ языковъ и единственный изъ южно-славянскихъ, сохраняетъ въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ носовые гласные — опять черта, близко роднящая его съ церковнославянскимъ. Заслуга открытія этихъ звуковъ въ Македоніи принадлежитъ В. И. Григоровичу. Послѣ его коротенькаго, но въ высшей степени важнаго сообщенія по этому вопросу, сдѣланнаго въ его извѣстномъ „Очеркѣ Путешествія по Европейской Турціи“ накопилось не мало данныхъ, собранныхъ другими изслѣдователями:

¹⁾ Впрочемъ въ болгарскихъ книгахъ, это *ъ* нерѣдко встрѣчается въ такихъ словахъ, гдѣ конечный согласный уже утратилъ свой древній мягкій выговоръ.

Гатгалой, Миклошичемъ, Иречкомъ, Дриновымъ, Теодоровымъ, Шапкаревымъ, Драгановымъ и Сырку. Теперь можно утверждать, что носовые гласные доселѣ живутъ въ южно-македонскихъ говорахъ по линіи отъ Костура до Сереса и на западѣ отъ Костура—въ Преспѣ, и встрѣчаются въ остаткахъ въ Охридѣ и на сѣверѣ подъ Битодемъ и Демиръ-Хиссаромъ. Въ Солунскомъ и Костурскомъ округахъ эти звуки сохранились въ значительной полнотѣ и на довольно обширной территоріи, въ другихъ же мѣстностяхъ употребленіе ихъ ограничивается отдѣльными селами и немногими выраженіями. Сверхъ того носовые гласные встрѣчаются въ Брациговскомъ нарѣчій въ западныхъ Родопахъ, на востокъ отъ Пештеры (основанной колонистами изъ Костура). Наконецъ ихъ можно слышать въ отдѣльныхъ словахъ на протяженіи всей территоріи болгарскаго языка.

Стар. *ѡ*=*zn, zm* (иногда передъ *n, m* выступаетъ и чистый гласный *a* или *e*: павт, пент), дѣмб, мѣндро, зѣмби, гѣмби, пѣнт, вѣнзел, пѣнда, бѣнда (буду), крѣнг, мѣнка, нѣкѣнде, оттонде, порѣнчам, рѣнка, сѣнсѣд, трѣмба. (У Сырку—ср. стр. 54—приведено до 80 словъ).

Стар. *ѡ*=*en, em*: рендове, йснзикъ, гренда, чендо, гленда, пендесе, девендесе, клентва, месецъ, свентецъ, пенток.

Еще недавно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія носовые гласные слышны были въ языкѣ семиградскихъ Болгаръ: band, dobanda, manka, poronczenie, trombenie, csenzto, deszenta, deventa, vidant.

Отдѣльныя слова съ носовымъ выговоромъ гласныхъ встрѣчаются спорадически на всемъ протяженіи болгарской территоріи: шкембе-то, менча, манджа, мандри, трандафил, ангула, бендисам, пендесет, теленги, детенце, братенца. Иногда *ѡ* звучитъ какъ *ин*: инзикъ, колинда, пиндисет. Встрѣчаются слова, въ которыхъ слышенъ носовой, гдѣ ему нѣтъ мѣста: сренда (Брицигово), вендр, пентел, стенки, терпенза и т. д. Ср. польск. między.

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно заключать, что носовые гласные составляли коренное свойство болгарскаго языка, сохранившееся и доселѣ въ весьма достаточномъ количествѣ остатковъ. Когда-же началось исчезновеніе носовыхъ гласныхъ и переходы ихъ въ другіе звуки чистые и глухіе — вопросъ этотъ пока остается нерѣшеннымъ. Въ XII в. носовые еще существовали, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ошибочное (съ точки зрѣнія нормальнаго старославянскаго правописанія), написаніе словъ: сѣжнѣдѣльникъ, въ сѣжнѣ-

дѣльныхъ създѣхъ (Слѣпченскій апостоль), сомбота (Болонская псалтырь), съиграждане (Охридскій апостоль). О томъ-же говорить указанная выше извѣстная правильности употребленія юсовъ вообще въ среднеболгарскихъ памятникахъ. Но въ какомъ объемѣ и во всѣхъ-ли болгарскихъ говорахъ или только въ нѣкоторыхъ жили носовые въ средній періодъ—на этотъ счетъ любознательность филолога остается неудовлетворенною за недостаткомъ давныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Ягичъ), юсы въ болгарскихъ памятникахъ XII—XV в. уже не означали гласныхъ съ носовымъ выговоромъ, съ чѣмъ, однако, едва-ли можно согласиться, принявъ во вниманіе вышеприведенныя сообщенія. Другіе (Бодуэнъ де-Куртенэ) полагаютъ, что среднеболгарскіе ж и љ обозначали одинъ и тотъ-же носовой звукъ *ǰ* (носовое *a*), при чемъ љ смягчалъ предшествующій согласный, а ж оставлялъ его твердымъ. Не разъясненъ съ достаточною убѣдительною вопросомъ о природѣ болгарскаго носоваго, соотвѣтствовавшаго старославянскому ж. Проф. Ягичъ (Arch. III, 2), видитъ въ немъ носовое *a*, между тѣмъ какъ Миклошичъ признавалъ въ немъ основнымъ гласнымъ *o*. (Ср. Lautbezeichnung 10). Если имѣть въ виду разнородную замѣну ж въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, то кажется, правильнѣе всего будетъ допустить для даннаго звука нѣсколько отгѣнковъ выговора и въ древнюю эпоху.

Но если въ среднеболгарскій періодъ носовые гласные еще существовали, то несомнѣнно въ этомъ-же періодѣ можно наблюдать и процессъ происшедшихъ съ ними перемѣнъ, который къ новому времени закончился исчезновеніемъ носовыхъ гласныхъ почти во всей области болгарскаго языка. Въ XII—XV вв онъ выражался въ смѣшеніи ж и љ, чередованіи ж съ з, замѣнѣ ж гласнымъ *a*, љ — гласнымъ *e*. (Ср. выше стр. 61—62). Въ памятникахъ XVII в. юсы въ ихъ древнемъ значеніи носовыхъ гласныхъ уже не встрѣчаются.

Современный болгарскій языкъ представляетъ слѣдующія *соотвѣтствія древнимъ носовымъ гласнымъ*:

ж перешелъ въ одинъ изъ глухихъ звуковъ ж, з, или въ одинъ изъ чистыхъ: *a*, *o*, *y*, *e*.

Глухіе выступаютъ вообще въ восточномъ нарѣччіи, при чемъ въ ударяемыхъ слогахъ слышны сильныя глухіе (ж, з), въ неударяемыхъ—слабый (*ǰ*); мѣж (мѣж), дѣб (дѣб), рѣва, пѣт, идѣ, несѣ, сѣ, отѣ, чухѣ, станѣ, гѣлѣб, вѣжѣт, мѣдро. Во многихъ западныхъ гово-

рахъ также встрѣчается глухой вмѣсто древняго юса, но только въ ударяемыхъ слогахъ (Видин. Зайчар., Южно-Софійск., Струмицк., Сѣресск., Южно-Макед., Родопск., Татаръ-Базардж. окр.): рѣка, мѣка, пѣт, мѣж и т. п. Примѣры замѣны ж глухими з или ъ можно найти уже въ памятникахъ XII—XIII вв.: льщю (Погод. Пс.), съще (Бѣлград. Евангеліе), лѣщю, тѣчю, заблѣждшаго (Окт. Михан.), мѣдръ (Троян. пр.); а въ XVII—XVIII вв. они составляли обычное явленіе: мѣжа, да съди, мѣчи, да бѣде (Любл. рук.), пѣтници, рѣкътъ, бѣдетъ, въ вѣчна мѣка (Соф. Сборн. № 1).

а свойственно большей части западныхъ говоровъ и нѣкоторымъ восточнымъ (Копривштица, Етрополь); въ однихъ изъ нихъ этимъ звукомъ замѣняется каждый древній ж, въ другихъ только такой, который находится въ неударяемомъ слогѣ (ср. выше ж=з, ж, á): рачица, взминаха, даб, рака, баде, три пати (Соф.), са, машко, мадро, пѣт и патувам. — Изъ древнихъ памятниковъ замѣна ж чистымъ *а* наиболѣе рѣзко представлена въ Октоихѣ Михановича: въ жтроба твож, кяпина (вин. п.), въ другихъ - же среднеболгарскихъ текстахъ она встрѣчается очень рѣдко. Поэтому, быть можетъ, и въ Октоихѣ Михан. сказалось діалектическое вліяніе одного изъ болгарскихъ говоровъ, въ которомъ раньше чѣмъ въ другихъ началось превращеніе носовыхъ въ чистые. Съ XVII в. *а* вм. ж весьма обычно; напр. въ Люблянскій рукописи: мога, бѣда (1 л.), бѣха, имаха, станать; но въ коренныхъ слогахъ — ъ: бѣда, кѣща, мѣва, са. (Бѣлгр. и Соф. сб.) и т. д.

о слышно въ Дибрѣ, Нижней Родопѣ, но только въ коренныхъ слогахъ: мова, рока, мошко, пот; въ окончаніяхъ же вм. ж выступаетъ *а*: вишна, паднаха.

у встрѣчается въ отдѣльныхъ словахъ въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверной Македоніи (Кратово, Скопле, Щипъ): рука, не можю, отнесу, виду. Быть можетъ такая замѣна носоваго гласнаго объясняется вліяніемъ сербскаго языка. Впрочемъ она попадаетъ и въ языкѣ угорскихъ Болгаръ: *su uzeli, ruku, pogu.*

е вм. др. ж — діалектическая особенность, встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ восточнаго (Котель-Шуменъ, Ени-Махале, Сазьрджи, Стара Загора), такъ западнаго нарѣчій (Павловскъ, Мервицкая обл., Кратово, Прилѣпъ, Велесъ, Кукушь, Воденъ, Струга, Дибра), моге, хог'е (*г'=d*), иде, думахе, се (=сжтъ), плетет, палнет (3 л. мн. ч.). Тоже явленіе наблюдается и въ нѣкоторыхъ памят-

никахъ: приемень, снидеть, сниде (3 л. мн. ч. аор.), (Макед. ап.), потурчихе, избрахе, затворихе, идехе, додохе (Пер. Сп. Ш).

Въ связи съ такимъ *e* стоитъ зв. *ä* вм. др. *ж*, слышимый въ окрестностяхъ Тетевена и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ: мѣш, пѣт, гѣба, сконнѣх, сконпѣхте, сконнѣха (Пер. Сп. 6. Kalina 393). Въ замѣнѣ *ж* черезъ *e* и *ä*, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть рефлексы среднеболгарскаго смѣшенія *ж* и *л*.

Другой древній носовой *л*—перешелъ въ *e* или (рѣже) въ *a* (*я*). Переходъ въ *e*—самый обычный и распространенный на всемъ протяженіи территоріи болгарскаго языка: дете, пет, гледам, месо, ред, чедо, зайец, агне. Въ письменныхъ памятникахъ онъ обнаруживается съ XII в., при чемъ въ такихъ случаяхъ рядомъ съ *e* нерѣдко встрѣчается *ъ*: ѣвлен ти сѣ (Слѣпч. ап.), ме (Болон. пс.), движеть сѣ (3 л. мн. ч. Окт. Мих.), творе (Охр. ап.), грѣдетъ (Слѣпч. ап.), помѣни (Погод. пс. Охр. ап.). Въ XIV в. *e* вм. *л* попадаетъ все чаще, а въ позднѣйшихъ памятникахъ такая замѣна становится общераспространенной, хотя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (напр. Люблянской) удерживается и старое правописаніе (*л*).

a вм. др. *л* встрѣчается въ восточныхъ и западныхъ говорахъ, но въ немногихъ словахъ и грамматическихъ формахъ; чаще всего въ винит. п. личныхъ мѣстоименій: ма, та, са (Павловско, Тетевенъ, Зайчаръ, Тат.-Базарджикъ) и 3 л. мн. ч. настоящ. вр.: молат, затворат, видат, носат (Тат.-Базарджикъ); три мѣсяца (Котелъ), пят, ряд, (Казанл.), влатва (Павагюриште), ячмен (Скопле, Битоль, Прилѣпъ), азик (Прилѣп). Ср. въ древнихъ памятникахъ: изыкъ (Струм. Окт.), видѣша (Болон. пс.), начаток (Македонск. ап.), чада, жатва, та, са (Бѣлгр. Сб.).

Такъ какъ *e* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (см. ниже) переходитъ въ *и*, (въ неударяемыхъ слогахъ) и *о* (въ ударяемыхъ слогахъ), то оба эти звука иногда замѣняютъ первоначальное *л*: десить, девить, пиндисеть, ими (Шуменъ, Терново), мисо, свита, на ими (Котелъ), изив (Чукуркѣи), гл'одам, м'осо, йозик (Дибра и нѣкотор. Родоупскіе говоры).

Равнымъ образомъ вслѣдствіе перехода въ восточномъ нарѣчіи *a* — въ глухой звукъ, послѣдній также является на мѣстѣ древняго *л*: мѣ, тѣ, сѣ, (вездѣ въ восточномъ нарѣчіи, гдѣ въ употребленіи глухіе звуки) девѣт, десѣт (Ковончія), лубѣт, работѣт.

Чередующіеся между собой въ разныхъ нарѣчіяхъ глухой звукъ и *a*, на мѣсто древн. *л*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть объяснены какъ результатъ утраты различія между *ж* и *л* въ среднемъ періодѣ, т. е. эти замѣнительные звуки развились не прямо изъ *л*, а изъ *ж* послѣ того какъ послѣдній въ сознаніи говорящаго сталъ смѣшиваться съ узкимъ носовымъ и звучать на его мѣстѣ. Сюда, напр., нужно отнести формы 3 л. мн. ч. наст. вр., гдѣ въ современномъ языкѣ вм. древн. окончанія *лтъ*, *лтъ* слышится *эт*—*жт*, *јт* (*ят*)—*шт*, *ат*: врытъ, учѣт, ваят, бият (биѣт).

Соотвѣтствія старославянскому ѣ.

Старославянскій *ь*, все еще остающійся относительно своей фізіологической природы загадочнымъ звукомъ, имѣетъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ весьма близкія звуковыя соотвѣтствія, которыя въ старой письменности въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, да и въ новѣйшей графикѣ обозначаются тѣмъ-же старославянскимъ знакомъ. Звуковое значеніе *ь* въ болгарскомъ можетъ пролить свѣтъ на темный вопросъ о природѣ этого звука въ языкѣ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ. На основаніи наблюденій надъ правописаніемъ этихъ памятниковъ, авторитетные філологи приходятъ къ заключенію, что старославянскій *ь* означалъ въ одно время *ja*¹⁾ = *я* и отличный отъ него звукъ, который по всей вѣроятности былъ „открытое мягкое *e*, въ значительной степени, приближавшееся къ *a* и, рѣзко отличавшееся отъ *e*“ (Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1891. 35). По мнѣнію Миллошича (Vergl. Gram. I, 46—47. Lautbezeichn. 20) старославянскій *ь* первоначально звучалъ какъ протяженное *ě*, изъ котораго развился звукъ *ea*, *ia*, *ja*. Въ болгарскомъ языкѣ, въ разныхъ его говорахъ, въ соотвѣтствіе старославянскому *ь* оказываются звуковыя явленія, близко подходящія къ указаннымъ предположеніямъ ученыхъ.

Старославянскому *ь* въ болгарскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *ja* (*я*), *ěa*, *e* (*je*).

¹⁾ Въ глаголическихъ памятникахъ одна и таже буква служитъ для обозначенія звуковъ *ja* и *ě* кирилловскихъ памятниковъ.

ja (я)—слышно въ восточныхъ говорахъ и кое-гдѣ на сѣверо-западѣ (Зайчаръ, Търнъ, Кратово), въ ударяемыхъ слогахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдующій гласный твердый: хлѣб (хляб), мѣсто (място), млѣко (мляко), снѣг (снаг), брѣг (браг), мѣра (мѣра), бѣл (бял), дѣл (дял), цѣл ден (цял ден).

ea — т. е. характерный зв. *e*, произносимый съ сильной окраской *a*¹⁾ — наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ: Шуменскомъ, Търновскомъ, Карнобатскомъ, а также за Балканами въ Маломъ Търновѣ, въ Доспатѣ, въ Дебрѣ: вѣра (вѣара), мѣра (мѣара), млѣко (млеяко), рѣката (рѣаката), бѣли (бѣали), излѣз (излѣаз).

e—произносимое то какъ мягкое *je* (какъ въ русскомъ), то какъ твердое, но нѣсколько протяжное, *e* — выступает 1) въ западныхъ говорахъ: невѣста (невеста), човѣк (човек), бѣла (бела), снѣг (снѣг), дѣдо (дѣдо); 2) въ восточныхъ говорахъ въ неударяемыхъ слогахъ или-же такихъ, за которыми слѣдуетъ мягкій гласный или одинъ изъ небныхъ—*ж, ч, ш, щ, j*: звѣзда, пѣсенъ, бѣгъ, млѣчна, смѣшна, бѣли, гнѣвѣт, вѣри, вѣрен, вѣчност, свѣштѣ, грѣж (ведѣ ъ произносится какъ *e*).

Какъ частныя діалектическія особенности нужно отмѣтить встрѣчающіяся кое-гдѣ замѣны ъ — глухимъ *з* и *ш*: орѣжъ, прилѣжъ, прѣз, мляко, гнѣзда, свишта, дивойка (Ср. Калина, I, 167).

Всѣ различныя оттѣнки современнаго болгарскаго выговора древн. ъ подтверждаются письменными памятниками, въ которыхъ рядомъ съ древнимъ обозначеніемъ этого звука встрѣчается и фонетическое его воспроизведеніе черезъ *a, m, e, ъ, и*; напр. сѣдо, насладиши, вде, сѣде, древле (Болонск. пс.), помозате, отъ чрава, отметание, вароваша, въ вѣца семь, не видѣ (Макед. ап.), време - то, сась техъ, отъ тахъ, голѣмо въкъ, пропвѣтеть (Погод. пс.) стрѣла-та (Бѣлгр. сб.).

Чередованіе *ja* и *e* въ выговорѣ др. ъ въ однихъ и тѣхъ-же (восточныхъ) говорахъ объясняютъ закономъ ассимиляціи: гласный послѣдующаго слога вліяетъ на гласный предшествующаго. Тоже самое бываетъ съ обыкновеннымъ *ja*, не имѣющимъ отношенія къ ъ: *jak* — зајечѣвам, *pijan* — пијени. Подобное явленіе наблюдается и въ польскомъ языкѣ: *wiąga*—*wierze*, *swiat*—*swiecie*, *las*—*lesie*, *biały*—*bielić*. Труднѣе объяснить отношеніе *ja*, *ea*, къ *e* (*je*) западныхъ го-

¹⁾ Усвоить выговоръ этого звука можно только на мѣстѣ.

воровъ. Здѣсь опять встрѣчаемся съ разногласіемъ ученыхъ. По мнѣнію однихъ (Миклошичъ) основнымъ, праболгарскимъ нужно считать *ja*, съ которымъ тождественно *ĕa*, а западно-болгарское *e* есть какъ бы результатъ сближенія съ сербскимъ языкомъ. По мнѣнію другихъ (Калина) первоначальное звуковое значеніе болгарскаго *ъ* — есть *je*. Но, быть можетъ, вѣрнѣе видѣть коренной типическій выговоръ загадочнаго звука въ *ĕa*, сохранившемся теперь лишь въ немногихъ говорахъ, а когда-то вѣроятно болѣе распространенномъ. Изъ этого звука въ живой рѣчи въ разныхъ мѣстахъ могли выработаться и *ja* и *je*, смотря по тому, какой изъ двухъ элементовъ смѣшаннаго звука бралъ перевѣсъ. Если это предположеніе можетъ имѣть какое-либо основаніе, то позволительно поставить вопросъ: не сохранилось-ли въ новоболгарскомъ *ĕa* основное звуковое значеніе и старославянскаго *ъ*? Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно согласиться съ утвержденіемъ Миклошича (Vergl. Gram. I, 365. Lautbezeichn. 20), что болгарское *ъ* означало только *ja*. Изъ сказаннаго видно, что данный звукъ отражаетъ въ себѣ въ большей или меньшей степени всѣ важнѣйшіе звуковыя оттѣнки старославянскаго *ъ*. Сохраняя въ этимологическомъ отношеніи значеніе звука = *ĕ*, онъ, между прочимъ, выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимъ въ этой функціи *ъ* въ старославянскомъ языкѣ; именно: а) въ многократныхъ глаголахъ: лѣгамъ, мѣтамъ; б) въ имперфектѣ: бодѣхъ, бияхъ, бијеше, фалѣхъ, пишѣхъ; в) при перестановкѣ *e*: мрѣхъ изъ мърхъ; г) нѣ=неје; д) въ корняхъ: вѣра, блѣдна, стрѣла, тѣсна и др.

Въ современной графикѣ болшею частью удерживается буква *ъ*; но не рѣдкость въ болгарскихъ изданіяхъ и фонетическое правописание т. е. *я* и *e* вм. *ъ*.

А.

Звукъ *a* выговаривается какъ *a* только въ ударяемыхъ слогахъ. Если-же на него не падаетъ удареніе, то онъ сохраняетъ свое настоящее произношеніе только въ западныхъ говорахъ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области восточнаго нарѣчія (Татарь-Базарджикъ, Казанлыкъ, Рупчосъ, Тетевень). Вообще-же въ восточныхъ говорахъ, неударяемое *a* переходитъ въ глухой (слабый) звукъ, „а затворено“ (по болгарской терминологіи), который обозначаютъ различнымъ образомъ (*ж*, *з*, *ь*, *a*), но который удобнѣе всего было-бы передавать зна-

вомъ *á* (согласно предложенію пр. Дринова. Ср. выше стр. 68), напр.: гривá, главá, влѣнá, мѹхá, кáтáн. Конечное *a* существительныхъ основъ переходить въ глухой и тогда, когда стоитъ подъ удареніемъ: плáтѣ, водѣ, слѣзѣ, вѣрбѣ, блѣхѣ. Но есть и рядъ исключеній; удерживаютъ *a*: 1) названія родства: бáба, баштá, дѣдá, сестрá, снѣхá, стрийка, уйкá, злѣвá и женá; 2) существительныя, образованныя суффиксомъ *aa*: безѹмла, вѣшла, грáбла, крáдла, мáмла, ревла, скѣпла, сѣнла; 3) нѣкоторыя существительныя на *ия*: зѣмйá но и зѣмѣ, лѣжвá но и лѣжѣ, мравия и мравѣ, свинйá и свинѣ, слободйá и слободѣ.

Нѣкоторые восточные говоры въ такихъ случаяхъ сохраняютъ *a* предпочительно передъ глухимъ, напр. въ Татарь-Базарджикѣ, Казанлыкѣ, Тетевенѣ: мáйка, жабá, вѣра, чáша и т. п.

Глухой *вм. a* встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: жизнь нашá (Струми. Окт.), из безнá (Окт. Михан.), троиоушá кралѣ (Троянск. пр.), за брѣздá (Бѣлгр. Синакс), тѣзи работа, на главъ та му (Любл. рк.) и т. д.

Въ современномъ книжномъ языкѣ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ обыкновенно удерживается историческое правописаніе т. е. *a*, что слѣдуетъ считать вполне правильнымъ, если принять во вниманіе, что въ западныхъ говорахъ *вм. глухаго* большею частью слышно то совершенно ясное и полное, то нѣсколько краткое *a*.

Аналогичное явленіе представляетъ словинскій языкъ: dǎlj, mǣz, mǣza, gesrditi se, seni ср. ниже словин. яз.

Въ сосѣднихъ съ болгарскимъ, румынскомъ и албанскомъ языкахъ переходъ *a* въ глухой звукъ выдержанъ съ большею послѣдовательностью. Это обстоятельство дало основаніе Миклошичу высказать предположеніе о томъ, что болгарскій глухой изъ *a* обязанъ своимъ происхожденіемъ древнему иллиро-эракійскому языку (Beiträge zur Lautlehre der rumunischen Dialekte. Vocalismus I, II. Wien. 1881).

Новѣйшій историкъ болгарскаго языка проф. Калина, сопоставляя чередованіе *a* и глухаго звука въ болгарскомъ съ чередованіемъ долгихъ и краткихъ гласныхъ въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ (страх—страху, брег—брегу, mǣz—mǣzu, sǎl—solǐ и т. п.), происходящимъ вслѣдствіе той-же общей причины—перемѣщенія ударенія, дѣлаетъ, не безосновательное предположеніе о существованіи въ древне-болгарскомъ языкѣ долгаго и краткаго *a*. Тамъ, гдѣ удержалось

a—оно есть, по мнѣнію назвавшаго автора, рефлексъ долгаго *a*; глухой-же звукъ развился изъ краткаго *a*. Слѣдовательно западные говоры, съ этой точки зрѣнія, должны представлять болѣе древнюю особенность языка, восточные—болѣе новую.

Рядомъ съ указаннымъ явленіемъ въ болгарскомъ языкѣ весьма распространено другое—*переходъ a въ e*. Оно имѣетъ мѣсто преимущественно послѣ *j* и *ч*, *ж*, *ш* и согласныхъ, когда-то смягченныхъ *j*-мъ, но утратившихъ въ современномъ языкѣ мягкое произношеніе, и возможно какъ въ срединѣ словъ такъ и въ окончаніяхъ; напр.: вечерѣ, буре, кѣдѣле, бане, дѣне, мреже, душе, чѣша и чаша, чѣка и чака, черпије, джемије, трава, глева, језе — яз, еще и яйце, целувам и цалувам, земѣ, собѣ. Частности относительно чередованія *a* и *e* по разнымъ говорамъ не достаточно выяснены. Тотъ и другой гласный въ однородныхъ случаяхъ возможенъ какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ говорахъ; напр. цалувам—въ восточн. н., целувам—въ западн. н., приятел—западн. н., пријетель—восточн. н., јасен—въ западн. н., јесеп—въ восточн. н. Это чередованіе *a* и *e* послѣ *j* стоитъ въ связи съ средне-болгарскимъ чередованіемъ *a*, *ja* и *je* (выше стр. 62) и напоминаетъ соотвѣтствующій переходъ *a* въ *e* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ въ современномъ чешскомъ яз. (*duše, země, vůle, koupě, vůle* им. ед. ч. вм. *duša, země* и т. д.).— Во многихъ случаяхъ переходъ *a* въ *e* (*ja* въ *je*) вызывается, вслѣдствіе закона ассимиляціи, мягкостью слѣдующаго слога: Стојене, јам—једѣми, јак—јѣки, овчѣре, јѣничѣре, жабѣ — жеби, шапка по шѣпки и т. д. Ср. чередованіе звуковъ, развившихся изъ старослав. *ъ* (стр. 77).

Въ Тетевенѣ и его окрестностяхъ подмѣченъ переходъ ударяемаго *a* въ концѣ основъ на *a* въ особое „глухо-горловое долгое *e*“. Изслѣдователь этого говора Васильевъ означаетъ этотъ особый звукъ знакомъ *ě*, а пр. Калина, находя въ немъ сходство съ широкимъ нѣмецкимъ *ā*, отмѣчаетъ его этимъ послѣднимъ знакомъ: главѣ (главѣ), метлѣ, свештѣ вм. свѣшта-та, рек'ѣ вм. рѣкѣ; если удареніе переходитъ на другой слогъ, то восстанавливается чистое *a*: главатар.

Е.

Болгарское *e* въ общемъ соотвѣтствуетъ старослав. *є* и имѣетъ твердый выговоръ. Мягкое произношеніе этого звука составляетъ частную діалектическую особенность, свойственную отдѣльнымъ говорамъ

(Котель, Шумень, Родопы) и наблюдаемую въ особыхъ случаяхъ, именно: 1) когда оно замѣняетъ *je* (въ началѣ словъ и въ концѣ послѣ *и*), ёдин, ёзеро, етьрва, знамение, или 2) когда слѣдуетъ за гортанными, небными и плавными *л, р, н*: морје, желје, лозје, здравје, чјервен, кажје, девойе'е (зв. п.). Въ современной графикѣ обыкновенно не употребляютъ особаго знака для обозначенія мягкаго *e*. Только при изданіи памятниковъ народнаго языка и словесности иногда пользуются для этого звука древнимъ начертаніемъ *ю* или придуманными знаками 'е, *ie* и т. п.

Древнее *e* сохраняетъ свойственный ему выговоръ только тогда, когда стоятъ подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ-же слогахъ оно переходитъ въ *и* въ восточныхъ говорахъ почти повсемѣстно и послѣдовательно, въ западныхъ - же кое-гдѣ и спорадически: тилé, видéш, мбжиш, жинá, да сиди, уплита, три видѣли, дбди, думаши, збирéти, мижду (Пирот.), знаит (Струмница), плачш (Прилѣп.). Въ языкѣ угорскихъ Болгаръ: *idin, pi, sestri*. Такъ какъ удареніе въ болгарскомъ языкѣ по разнымъ мѣстностямъ не одинаково, то вслѣдствіе указаннаго закона, одни и тѣже слова иногда звучатъ весьма различно, напр. тéле, тилé, тэли.

Переходъ *e* въ *и* можно прослѣдить и по памятникамъ: въ срѣци своим' (Болон. пс.), иже (ср. р. Мае. ап), въпиасти (2 л. мн. ч. Овт. Михан.), да плачш (Люблян. рук.). Въ текстахъ XVIII в. *и* вм. *e* встрѣчается уже довольно часто.

Кое-гдѣ по говорамъ, въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчается и иной переходъ: *e* въ *о*: ошта—шоште (восточ. гов.), ош (Софія), пудјо (пойдетъ).

e въ болгарск. яз. обыкновенно замѣняетъ старослав. *ь*: тенки, лен, песен, черни; ср. выше стр. 70.

О.

Въ болгарскомъ языкѣ *о* произносится какъ *о* только въ ударяемыхъ слогахъ. Находясь-же въ неударяемыхъ слогахъ, оно удерживаетъ свой основной выговоръ только въ западныхъ говорахъ, и то не всегда. Въ восточныхъ же говорахъ неударяемое *о* обыкновенно звучитъ какъ *у*: Бугдане, гурá, на óколу, мумá, гулѣм, дбдуф и дудбх вм. дбдох—дойдохъ, вудá—та, куга, мурé, рáбута, вдувѣца (восточн. гов.), млбгу, нбгу (вм. много), мálку, кóлку, гулѣм, гулаба, от

дѣлеку (западн. н. Зайчаръ, Търнъ, Самоковъ, Кратово, Велесъ, Прилѣпъ); *gulëta, ud gudina du gudina* (угорск. болг.). Впрочемъ, иногда и въ восточныхъ говорахъ *o* сохраняется въ неударяемыхъ слогахъ, напр. въ Татарь-Базарджикскомъ округѣ: роса, мома, дѣрво, хоро; въ Тетевенскомъ: тѣнко, колѣно; въ Казанлыкскомъ: вода, войска, въ *Копчи* въ зват. п.: свѣто, кончо, мамо и т. д. (Ср. Калина, I, 141).

у вм. *o* встрѣчается и въ древнихъ памятникахъ: Ѹтворена, тѣло невкоушеноу породѣ, бракоунеискусна (Окт. Михан.), Ѹнь, вѣрѣваше, поѣри, мѣмѣ (Макед. ап.), куга, утидоха, забурави (Бѣлгр. сб.).

Какъ діалектическія особенности, встрѣчающіяся по разнымъ мѣстностямъ и въ отдѣльныхъ словахъ, наблюдаютъ и другія замѣны неударяемаго *o*. Иногда оно переходитъ въ глухой зв. (*з, á*), иногда въ *a*: вѣйвода (Шумень), гѣлби (Търново), звѣнец, вѣга, тѣкѣ, (Пиротъ), вайвода (Павловско), два галаба (Велесъ), монастыр (Макед.).

Наоборотъ иногда (въ восточныхъ говорахъ) является чистое *o* вм. ожидаемаго глухаго, именно, въ именахъ существительныхъ на *з* въ случаѣ присоединенія члена *тз*: умб-тъ и умб (вм. умътъ), кракѣтъ и кракѣ (вм. кракътъ), грѣхотѣ, но долѣ - тѣ. Это *o* въ свою очередь можетъ перейти въ *у*: блу или вѣлу (вм. воль-тъ).

o чередуется съ *e*: дробен и дребен, нѣкѣтъ и нѣкет. Это чередованіе нужно отличать отъ обще-славянскаго подъема *e* въ *o*: гроб, одбор, оброк, стол.

o (*y*) можетъ выпадать: плетѣхми, плетѣхте, бѣхме, орахе, сирмах.

И.

и въ болгарск. яз. имѣетъ мягкое произношеніе (*ji*) только въ немногихъ случаяхъ: име, бройш, живот, ливадѣ. Обыкновенно оно звучитъ твердо: дѣдитѣ, сѣдбина, всичко, език, писмо и т. п.

Старослав. *ы=и*. Современный болгарскій яз. за немногими исключеніями, не различаетъ *ы* отъ *и*. Гдѣ прежде было слышно *ы*, тамъ теперь звучитъ *и*: бив, били, син, питам, ми, ги, високи, жени, рибѣ. Древнее *ы* сохранилось какъ частная діалектическая особенность лишь въ немногихъ мѣстахъ и отдѣльныхъ словахъ: въ нѣкоторыхъ деревняхъ Солунскаго округа (вѣй, сын, мышца, кытка), въ Шумлѣ (сыр), Тетевенѣ (камыв), Татарь-Базарджикѣ (язык), въ селахъ близъ Велеса (кытка, мака, книги).

Судя по памятникамъ исчезновеніе *ы* и смѣшеніе этого звука съ *и* началось съ XII ст. Въ рукописяхъ оно выразилось въ смѣшанномъ употребленіи знаковъ *и* и *ы*. Иногда *ы* стоитъ тамъ гдѣ ожидается *и*: *жыветъ*, *носишы* (Слѣпч. ап.), *оуслышы* (Болон. пс.), *носиты* (Берл. Сб.), *быты* (Бѣлгр. Синакс.), *помозы*, *въ моры* (Любл. рук.), иногда *и* вм. *ы*: *тысящи*, *посилажъ би* (Болон. пс.), *нинѣ*, *бихомъ*, *бишжъ* (Слѣпч. ап.), *не бихъ билъ* (Охр. ап.), *праведнихъ*, *погибаемъ*, *малихъ* (XIII—XIV в.), *рибе*, *бити*, *ми* (XVII в.). Чѣмъ ближе къ новому времени, тѣмъ чаще употребляется *и* вм. *ы*. Въ памятникахъ XVIII в., какъ напр. въ Бѣлградскомъ сборникѣ, встрѣчается почти исключительно *и*. Въ среднеболгарскомъ написаніи словъ *оржи*, *сжи* (Слѣпч.), *всегожи* (Погод. пс.), *живжи*, *бж* (Бѣлг. Син.) и т. п. *ж*, по мнѣніи Калины (I, 182), означаетъ зв. *ы*, въ чемъ можно видѣть доказательство существованія этого звука, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ еще въ XII—XIV вв.

Какъ въ восточныхъ, такъ и западныхъ говорахъ неударяемое *и* иногда переходитъ въ *е*. Чаще всего этотъ переходъ наблюдается въ именит. пад. мн. ч., и въ формахъ настоящ. и прошедшихъ простыхъ временъ: *госте*, *дошле*, *циганке*, *череше*, *садете*, *сторете*, *чинехме*, *говоре* (3 л. ед. ч.), *да видеш*.

иже обыкновенно стягивается въ *е*: *биле*, *грозде*, *здраве*, *имане*, *листе*, *лозе*, *трѣне*.

Въ Конопціи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ иногда (послѣ *ч*, *ж*, *ш*) слышно *у* вм. обычнаго *и*: *жуфъ*, *скромаси*, *бюул* (вм. *би-вол*), *откувам*.

У.

Болгарское *у* соотвѣтствуетъ общеслав. *у* и сверхъ того употребляется повсемѣстно замѣнъ *о* и діалектически вм. старослав. *ѡ*, *и* и глухихъ звуковъ (см. стр. 70, 74).

По разнымъ говорамъ *у* чередуется съ *и*: *либи*, *либила*, *либовникъ* (Татарь-Базарджикъ), но *люби* (зап. в.), *влич* и *влюч*, *слина* и *слюна*, *добро итро* (Кюстендилъ). Ср. въ чешскомъ яз. переходъ *и* въ *і* послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ: *jitro*, *voli*, *klíč*, *lid*, *duši* (вин. п. ед. ч.).

у вм. старослав. *ѡ*, встрѣчающееся кое-гдѣ въ западныхъ говорахъ (Тръвъ, Паланка, Скопье, Пиротъ) въ такихъ словахъ какъ—*удо-*

вица, унув, узимаш, ючер, кажется, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ сербскаго языка.

Слѣды слоогообразующихъ л и р. Гласные при л и р.

Славянскій праязыкъ не зналъ слоогообразующихъ или гласныхъ л и р (*l, r*). При сочетаніяхъ л, р + согласный въ немъ были необходимы гласные звуки, звонкіе или глухіе, впереди плавныхъ или позади ихъ (*ал, ар (ол, ор), ер, ел, эл, эр, ѡл, ѡр* или *ре, ле, рѡ — лз, рѡ — м*). Эти первичныя звуковыя сочетанія въ различныхъ славянскихъ языкахъ имѣли свою особую судьбу, характеръ которой отчасти зависѣлъ отъ положенія гласнаго по отношенію къ плавному. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ чешскомъ, словацкомъ, сербскомъ, изъ такихъ сочетаній въ извѣстныхъ случаяхъ развились плавные гласные (*квр, грло, брзо, vlna, plk, hgméti*). Тоже явленіе, по мнѣнію авторитетныхъ филологовъ (Миклошича, Ягича, Лескина, Соболевскаго), произошло въ церковно-славянскомъ языкѣ, въ памятникахъ котораго начертанія *рѡ, рѡ, лз, м* нерѣдко служатъ лишь графическимъ обозначеніемъ гласныхъ л и р (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ славянскомъ праязыкѣ гласный предшествовалъ плавному: *чръвь, длгъ, грдъ*¹⁾).

Въ современномъ болгарскомъ языкѣ при сочетаніяхъ плавнаго съ слѣдующимъ согласнымъ обыкновенно необходимъ гласный зв., большею частью глухой: *вълк* или *вльк*. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ говорахъ особенно въ Панагюриште, по утверженію проф. М. С. Дринова, удержались слоогообразующіе л и р: *бркна, прн, врст, квр, прст, црва, тргнѡ, врба, срце, дрво, клне, млчи, слнце*²⁾. Тоже самое наб-

¹⁾ Нельзя того съ увѣренностью утверждать относительно такихъ словъ какъ *плгъ, крвь*, для которыхъ и въ славянскомъ праязыкѣ предполагается гласный послѣ плавнаго.

²⁾ Проф. Дриновъ (Період. Сп. XI — XII. Браила, 1876, стр. 148), говоритъ объ этой диалектической особенноти слѣдующимъ образомъ: „При л и р, когато прѣдъ тѣхъ се намира съгласна, старобългарскій ѡ (и ѡ) нѣма никакъвъ гласъ. Това показва, че въ тие случае л и р и въ Панагюрското, както и въ много други Български изговаряния сѡ гласни. Любопитно е, че въ таква случае при р, то по нѣкога се губѣтъ и гласнитѣ а и и: на мѣсто *страна* и *примича*, изговарять: *стрна, прмича*. Проф. Калина (Studyja, I, 826), самъ наблюдавшій панагюрскій говоръ не признаеть ни въ немъ, ни вообще въ болгарскомъ языкѣ гласныхъ плавныхъ. Мы, однако, не имѣемъ основанія не вѣрить проф. Дринову, природному болгарину.

людается въ говорахъ Пирота, Кратова, Скопья, Велеса, Чепина. Въ частности степень выдержанности и распространенности этой черты еще не выяснена. Существуетъ даже мнѣніе, совсѣмъ отрицающее для болгарскаго языка возможность гласнаго произношенія плавныхъ *л* и *р*. Противъ такого скептицизма, однако, говорить не только приведенное авторитетное свидѣтельство, но и показанія древнихъ памятниковъ, въ которыхъ иногда встрѣчаются такія написанія словъ: оумртвити (Болон. пс.), възврстисѧ (Бѣлгр. Ев.), крста (Овт. Михановича), крвь (Макед. апост.), Грѣѣх (Троянск. пр.) и др. Едва-ли можно во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ отсутствіе гласнаго при *р* объяснять только ошибкой писца.

Впрочемъ, общее правило для болгарскаго языка, какъ уже замѣчено,—присутствіе гласныхъ при плавныхъ *л* и *р*. Этотъ гласный—глухой въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ старо-славянскихъ памятникахъ плавные сопровождаются *з* и *ь*, и чистый—*а* или *ь* (=ѣ) тамъ, гдѣ и въ старославянскомъ яз. выступаютъ тѣже гласные (trāt изъ праслав. tort, trēt изъ праслав. tert).

Что касается глухого, то онъ слышится и передъ плавными и послѣ нихъ. Такимъ образомъ старославянскимъ *лз*, *рз*, *ль*, *рь* въ болгарскомъ соотвѣтствуютъ *лз*, *рз* или *зл*, *зр*: влък и вълк, блъгарин и българин, длъг и дѣлг, врьба и вѣрба, крвь и кѣрв, прѣви и пѣрви. Въ какихъ именно говорахъ и въ какихъ словахъ глухой употребляется передъ *л* и *р* и когда послѣ нихъ—этотъ вопросъ еще ждетъ болѣе или менѣе подробнаго обследованія. Въ литературномъ языкѣ и въ записяхъ образцовъ народной рѣчи вслѣдствіе неопредѣленности правописанія дѣло представляется крайне неяснымъ и запутаннымъ. Какъ относительно мѣста глухого при плавныхъ, такъ и относительно способа обозначенія его наблюдается полный произволь. Въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, нерѣдко въ одной и той-же книгѣ или въ одной и той-же записи народной пѣсни, глухой помѣщается то передъ *л* и *р*, то послѣ нихъ, и обозначается то *з*, то *ж*, то *а*. Первую попытку разобратся въ этомъ трудномъ вопросѣ сдѣлалъ проф. Калина. Главные его выводы слѣдующіе: въ западныхъ говорахъ глухой по преимуществу слышенъ передъ плавными, въ восточныхъ-же послѣ плавныхъ; но и въ восточныхъ говорахъ возможны сочетанія *зр*, *зл*, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они стоятъ въ открытомъ слогѣ, за которымъ слѣдуетъ согласный, связанный съ дру-

гимъ гласнымъ (*tar — t + voc*); напр.: сълзи, обълки, расърди, първа, цървена, жълти; образцовый литературный языкъ слѣдуетъ восточному нарѣчію, но допускаетъ сочетанія *зл, зр* и въ закрытыхъ слогахъ, оканчивающихся на *к, г, л*: търг, вълк, вълна, Търново и т. п. Выводы эти въ общемъ вполне вѣрны, но въ частностяхъ, по отдѣльнымъ говорамъ, наблюдается не мало отступленій отъ указанныхъ правилъ. Выясненіе въ подробностяхъ вопроса о выговорѣ и употребленіи группъ плавныхъ съ глухими — дѣло будущаго. По своей природѣ глухой при плавныхъ, кажется, относится въ категоріи сильнаго („узкаго“) глухаго, произношеніе котораго напоминаетъ краткое русское *ы* (ср. выше стр. 69).

Діалектически, въ западныхъ говорахъ, вм. глухого иногда выступаютъ звонкіе гласные: *а, е, о, у*: сребарна, жалтици, барза, ябалка (Етрополь, Родопа), черно, червено (Скопье, Щипъ), солдзи, яболка, волна, жолти (Охрида, Чепино), ябулка (Пирдопъ). Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ (Търнъ, Кратово, Скопье, Разлогъ), употребительна полная вокализациа *лз* въ *у*, сближающая болгарскій языкъ съ сербскимъ: бугарин, муна, вук, вуна, пуно, дуго и т. п. Эта діалектическая особенность несомнѣнно—результатъ скрещиванія двухъ родственныхъ языковъ.

Относительно происхожденія глухихъ при плавныхъ возможны только одни предположенія. По мнѣнію Миклошича, которое представляется намъ весьма правдоподобнымъ, сочетанія *зл, зр* и *лз, рз* развились изъ гласныхъ *л* и *р* (*Ľ, ŕ*), нѣкогда составлявшихъ общую черту всего болгарскаго языка, а нынѣ сохранившихся лишь въ нѣкоторыхъ его говорахъ. Если это такъ, то получается еще одинъ фактъ близкаго родства болгарскаго яз. со старославянскимъ. Но возможна и другая постановка вопроса: не восходятъ ли данныя болгарскія звуковыя группы непосредственно къ общеславянскимъ группамъ *зр—зл, зр—ъл* и *рз—лз, рз—лз*? Въ частности для однихъ болгарскихъ словъ въ славянскомъ праязыкѣ гласный оказывается передъ плавными, для другихъ послѣ плавныхъ. Къ первой категоріи относятся такія слова какъ: вълк, вълна, дълго, чървен, първи, гърло, сърце и др.; ко второй такія, какъ: блъха, кльне, слъза, връв, кръс, гръми. Иногда болгарск. *рз* (*зр*), произошло изъ общеславянскаго *ръ*: чръдѣ, чръво, тръбух.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ старославянс. языкѣ общеславянскія группы *er—ea—or—oa* (*ar—al*), передъ послѣдующей согласной измѣнились (вслѣдствіе перестановки) въ группы *rn—mь, pa—la*, и въ болгарскомъ языкѣ произошло тоже самое звуковое явленіе: брѣг (стар.-слав. брѣгъ язъ бергъ ср. нѣм. Berg), влѣкж (стар.-слав. влѣкж изъ велкж ср. лит. *velkù*), мрѣл (изъ мер-ль), брада (стар.-слав. брада, лит. *bagzda*), глава (стар.-слав. глава, лит. *galva*), град (стар.-слав. град, ср. лит. *gardas*). Въ восточныхъ говорахъ это *a* можетъ переходить въ глухой звукъ: глава-та (см. выше стр. 78). Въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ изрѣдка наблюдается какъ-бы первоначальная форма данныхъ звуковыхъ группъ—*ar*: гардина вм. градина, старна вм. страва.

Употребленіемъ плавныхъ группъ *pa, rn*, болгарскій языкъ сближается кромѣ старославянскаго съ сербскимъ, словинскимъ и чешскимъ языками (брижег, *brèh, břèh*, град, *grad, hrád* и т. п.). Въ русскомъ языкѣ этимъ группамъ соотвѣтствуетъ т. н. полногласіе.

Г л а с н ы е в ъ н а ч а л ѣ с л о в ѣ .

Славянскіе языки обыкновенно избѣгаютъ употребленія чистыхъ гласныхъ въ началѣ словъ, что достигается посредствомъ прибавки *j* или нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ (*o, x*). Болгарскій языкъ въ этомъ отношеніи не особенно требователенъ и въ нѣкоторыхъ его говорахъ, чаще въ восточныхъ, чѣмъ западныхъ, слова, начинающіяся чистыми гласными, довольно употребительны; напр.: агне, аз, абълка, ако, едеш, езе, ере, овен, оште, ода, ол (вм. вол), оськъ, оро (вм. хоро), оди (вм. ходи), един, езеро, есен, убава (вм. хубава), утре (Габрово, Казанлыкъ, Сливенъ, Македонія и др.). Въ другихъ говорахъ тѣже самыя слова звучатъ иначе, съ согласнымъ привкусомъ въ началѣ: ягне, јоште, вода и т. п.

З і я н і е .

Въ болгарскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, зіяніе устраняется посредствомъ вставочныхъ согласныхъ: *j, o, n*: бия, отивам, него. Но рядомъ съ этимъ общимъ явленіемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ (особенно македонскихъ) нерѣдко наблюдается наклонность

къ допущенію зіянія; напр.: петли пропеали, букаица, неестица, сватон, маштеа, сна'а, ослепеа (аор.), дойдо'а, меана, пра'о, уби'а, чо'ек, да'ам, него'ата.

К о л и ч е с т в о г л а с н ы х ъ .

Въ настоящее время болгарскій языкъ, на сколько онъ извѣстенъ вообще и въ своихъ говорахъ, не различаетъ долготы и краткости гласныхъ. Но, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ древними памятниками болгарскаго языка, и на звуковыхъ явленіяхъ въ области современнаго болгарскаго вокализма, кажется, нельзя не раздѣлять предположенія проф. Калины (I, 128), о томъ, что прежде не было такого безразличія и когда-то существовали долгіе и краткіе гласные.

В) С о г л а с н ы е .

Л, Н, Р.

Въ болгарскомъ языкѣ существуетъ тройкое *л*: твердое (какъ въ русскомъ и польскомъ яз.), среднее (какъ въ нѣмец. *loben*) и мягкое, свойственное и многимъ другимъ славянскимъ языкамъ. Всѣ три выговора слышатся на всемъ протяженіи области болгарскаго языка, но не въ одинаковой степени. Въ восточныхъ говорахъ преобладаетъ *твердое л*, которое слышно не только передъ твердыми гласными, но и тамъ, гдѣ по аналогіи съ старославянскимъ слѣдовало ожидать мягкаго выговора, напр. въ окончаніи основъ жен. р. на *i* (ъ) и муж. р. на *jo* (ъ), передъ первоначальными суффиксами *ынъ, ынъ, ьба, ов*, въ словахъ производныхъ отъ основъ на *jo* и др.: сол, трендафил (*τραντάφυλλον*), крал, април, учител, болна, молба, пилци, постелека, разболвам са, кралова та. Въ западныхъ говорахъ во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдается *мягкое л*: учитель, больна, соль и т. д. Только битольскій говоръ слѣдуетъ правилу восточнаго нарѣчія и представляетъ *твердое л*, кромѣ приведенныхъ примѣровъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, напр. въ основахъ жен. р. на *ja*: постела, неделя, Битола; въ такихъ словахъ какъ: лут, лупам. Впрочемъ и нѣкоторые восточные говоры (Котель, Елена) въ отношеніи употребленія мягкаго *л* сближаются съ западными говорами.

Среднее л слышно во всѣхъ говорахъ передъ простыми *е, и*, преимущественно въ неударяемомъ слогѣ и чаще въ восточномъ нарѣчїи, чѣмъ западномъ, которое и въ этомъ случаѣ предпочитаетъ мягкое *л*. Въ Софійскомъ округѣ *л* выговаривается твердо и передъ *е*: *пиле, излезне, голем*.

Мягкое л наблюдается передъ іотованными гласными и узкими *е, и* съ мягкимъ выговоромъ: *любе, люде, ключ (влич), клѣкам, поле, колѣно, гледам, слина*.

н имѣетъ двойной выговоръ — твердый и мягкій, при чемъ первый нерѣдко слышится тамъ гдѣ по этимологіи ожидается второй (именно въ концѣ основъ и словъ); напр.: *кон, ден, огън, оган, огон, песен, долна, горна*. Разграничить употребленіе того и другаго выговора *н*, при современномъ состояніи діалектологіи, довольно трудно. Достаточно замѣтить, что замѣна древняго мягкаго выговора твердымъ имѣетъ мѣсто какъ въ западныхъ, такъ въ восточныхъ говорахъ. Мягкое *н* слышно преимущественно внутри словъ, передъ іотованными гласными и мягкими *и, е*: *сино, нѣшто, пенувам, баня, нива, книга*. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ и на концѣ словъ *н* звучитъ мягко: *конь (Свистовъ, Котель, Щипъ, Велесъ, Битоль), огинь, каминь (Скопье, Велесъ, Битоль)*.

р произносится двойнымъ образомъ—твердо и мягко, совершенно такъ какъ въ русскомъ языкѣ. Но твердый выговоръ и этого согласнаго въ современномъ языкѣ беретъ перевѣсъ надъ мягкимъ. Онъ наблюдается не только передъ твердыми гласными, во и передъ іотованными и мягкими, особенно въ концѣ основъ; напр.: *цар, цара, хлебаро, рибар, вечерам, говоръ*. Такая замѣна первоначальнаго мягкаго *р* твердымъ наблюдается преимущественно въ западныхъ говорахъ, а изъ восточныхъ чаще встрѣчается въ говорахъ Търновскомъ, Габровскомъ, Конопційскомъ и Родопскихъ. *Мягкое р* передъ іотованными и мягкими гласными сохранилось преимущественно въ восточномъ нарѣчїи; въ западномъ - же оно чаще слышится передъ *е*: *цара, вечера (Котель), ср'ед, отговаря, двор'е (Велесъ, Дебра)*.

Д, Т.

Зубные *д* и *т*, соединяясь со слѣдующимъ *ј* подвергаются т. н. смягченію, т. е. переходятъ въ другіе болѣе мягкіе звуки. Въ болгарскомъ яз. это смягченіе не одинаково для разныхъ говоровъ. Именно:

Первичное $dj = жд, i (i'), ж, ѣ, d', дж.$

Первичное $tj = шт, к (к'), ч, ѣ, т', ш, ж, з, с.$

Самыми распространенными и характерными нужно считать двѣ звуковыя группы: $жд$ — $шт$ и i' — $к'$. Первая господствуетъ въ восточномъ нарѣчїи (за исключенїемъ Котелскаго и южно-эракійскаго говора): *вижд ма, между, раждам, распѣждам, преждѣ, гражданив, свѣштѣ, сретштѣ, кѣштѣ, плаштам, праштам, маштеха.* Вторая составляетъ особенность западныхъ говоровъ и лишь нѣкоторыхъ восточныхъ (Котель, Мал. Търнов.): *мегю, рог'ени, тугя, грагяне, ке (хоштеть), бракя, кув'я, веке, свеж'я.* Группы $жд$ — $шт$ возникаютъ только подѣ влиянїемъ j ; передъ мягкими гласными d и t въ восточномъ нарѣчїи остаются неизмѣнными или смягчаются въ d' t' : *дѣд, дете, отиде, родиш, пѣт, трети, работиш.* Иногда d и t удерживаются и передъ j : *роден, осѣдени, позлатен.* Между тѣмъ i' — $к'$ выступаютъ не только передъ j , но и передъ мягкими гласными (существующими или когда-то существовавшими): *г'ете, г'ядо, виг'ял, гявол, пѣк' пак' (пѣтъ), зек'ет (зѣтъ), треки, вруе'ина, девик (девалъ).*

dj — tj , напоминающія по выговору сербскія $ђ$ и $ћ$, слышны спорядически кое-гдѣ въ Македонїи: *медју — међу, врутјина — врућина, свеђа (Велесъ, Прилѣпъ, Битоль).*

$ж$ (вм. dj) и $ч$ (вм. tj) также встрѣчаются по разнымъ говорамъ только въ отдѣльныхъ словахъ: *чужбина, чужина, нужба, рожба, гражане, д'еча, кичам, че (хоштеть).*

$ж, ш, з, с$ (вм. tj) выступаютъ, сколько извѣстно, въ одномъ словѣ — въ 3 л. наст. вр. глагола хотѣтъ: *же, жа; ше, за, се.* Такимъ образомъ, эта глагольная форма, служащая для образованія будущаго времени, въ разныхъ болгарскихъ говорахъ звучитъ самымъ различнымъ образомъ; именно: *ште, штѣ* (восточн. нар.), *к'е, ке* (Македон. и Родоп.), *к'я* (Костур. Дебр.), *че* (сѣв. - зап.), *ше* (Шумен, Търнов, Слив, Родоп.), *се* (Угор. Болг.), *же, жа* (Сливен, Широка Лѣка), *за* (Банатъ, Ени-Махале, Висока).

Весьма любопытна встрѣчающаяся кое гдѣ въ сѣверо-западныхъ говорахъ группа $dж$ (вм. dj): *господжа, меджи, роджена.*

Взаимное отношеніе этихъ разнообразныхъ замѣстителей первичныхъ dj, tj и процессъ образованія ихъ изъ этихъ послѣднихъ остаются неясными. Переходъ мягкихъ d — t въ $жд$ — $шт$ несомнѣнно представляетъ сколько типическую, столь же и древнюю особен-

ность болгарскаго языка. Онъ роднитъ средне- и ново-болгарскій яз. съ языкомъ древнѣйшихъ старо-славянскихъ текстовъ, въ которомъ тѣже самыя звуковыя группы имѣютъ значеніе строго выдержанной характеристической примѣты. Всѣ остальные указанныя замѣны смягченныхъ зубныхъ, кажется, слѣдуетъ считать относительно позднѣйшими новообразованиями; нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, явились результатомъ встрѣчи или скрещиванія болгарскаго языка съ сербскимъ.

Наиболѣе недоумѣній вызываетъ столь распространенный въ западныхъ говорахъ переходъ *mj—dj* въ *z (z) — k (k')*. Какъ объяснить превращеніе зубныхъ въ гортанные? Еще недавно, вслѣдствіе отсутствія положительныхъ свѣдѣній по болгарской діалектологіи былъ возбужденъ вопросъ о выговорѣ этихъ *z* и *k*, при чемъ утверждалось, что начертанія *z — k*, находящіяся въ записяхъ народныхъ пѣсенъ, означаютъ не гортанные звуки, а тѣ самыя, которые въ сербскомъ правописаніи обозначаются буквами *ђ* и *ћ* т. е. *дъжъ — тчь*. Эту мысль нѣсколько нерѣшительно высказалъ Миллопичъ во второмъ изданіи (1879) своей Сравнительной Грамматики (I, 378 — 379), а Ст. Новаковичъ (1889) посвятилъ обоснованію и развитію ея цѣлую работу (ср. выше стр. 55). Тѣмъ не менѣе въ настоящее время послѣ критическихъ замѣтокъ Облака (*Arch. f. Slav. Phil.*, XII, 4), послѣ пересмотра вопроса въ спеціальной монографіи Мазинга (ср. выше стр. 55) и особенно послѣ появленія ряда новѣйшихъ критическихъ изданій текстовъ на западномъ нарѣчій—вполнѣ обнаружилась несостоятельность указаннаго предположенія. Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что *z — k (z' — k')* въ качествѣ замѣстителей *dj — mj*, отнюдь не тождественны съ серб. *ђ, ћ* и звучать въ живой рѣчи какъ обыкновенныя *гортанные* согласные, лишь съ большимъ или меньшимъ смягченіемъ. О степени древности этихъ звуковъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ среднеболгарскихъ памятникахъ они не встрѣчаются; впервые ихъ (собств. *k*) находимъ въ текстахъ XVII в. За-то для выясненія вопроса, объ ихъ происхожденіи быть можетъ, не лишено значенія то обстоятельство, что тѣ-же *z — k*, въ той-же роли замѣстителей *dj — mj*, были извѣстны древне-сербскому языку (кука, маъеха, мега. Ср. ниже отд. о Сербскомъ языкѣ).

Н, Б, В, М.

Губные *н, б, в* и губно-носовой *м*, при соединеніи съ *ј*, смягчаются, въ противоположность сербо-хорватскому и русскому яз. и согласно съ сѣверо-западными славянскими языками, безъ посредства *л*; т. е. первичн. *nj, bj, vj, mj = n', b', v', m'*: къпя (*н*), сабя, земя, ловен. Въ старо-славянскомъ языкѣ возможно было двоякое смягченіе этихъ согласныхъ—съ *л* или безъ него: люблѣ и любѣ, земля и земѣ.

Въ восточномъ нарѣчій *н, б, в, м*, произносятся мягко не только передъ *ј* но и передъ мягкими гласными (*и, е*), между тѣмъ въ западныхъ говорахъ въ послѣднемъ случаѣ слышится исключительно твердый выговоръ: дев'ет, теб'е, п'ет, м'еко (вост. н.) и девет, тебе, пет (зап.).

Губные, въ разныхъ говорахъ, иногда чередуются между собой: Арапи, ламба, втичка, лоф, фнукъ, сфой и т. д.

Г, К, Х.

Гортанные *г* и *к*, обыкновенно звучатъ какъ въ русскомъ (великорусскомъ) языкѣ.

х произносится очень слабо и въ западномъ нарѣчій часто совсѣмъ не слышно: убав вм. хубав, му'а вм. муха, оро вм. хо'ро, ора вм. хора, дойдо'а, сна'а, ладна, ме'ана, Арватин (Шив.).

Какъ въ восточныхъ (напр. Шумен, Свиштовъ, Этрополь), такъ и въ западныхъ (особ. зап. македонскихъ) говорахъ *х* нерѣдко звучитъ какъ *ф*, а въ срединѣ словъ, между двумя гласными, и какъ *с*: тѣргнаф, страф, ореф, додуф, казаф, фатифме, фодиф, суво дѣрво, руво.

Вм. группы *хв* обыкновенно слышно *ф*: фали (вм. хвали), фѣрли, фатиш, фаштам, фал'ба и др.

Такой-же слабый выговоръ *х* и переходъ его въ *ф*—*с*, и равно произношеніе *хв* какъ *ф* наблюдаются и въ сербскомъ языкѣ: ора (орѣхъ), грије, фала, фатити, сув.

Передъ узкими гласными (*е, ѣ, и* древн. *э, ѡ*), или *ј*, первоначальные *г, к, х* въ тѣхъ-же случаяхъ, что въ старо-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, переходятъ въ свистящіе—*з, ц, с* или шипящіе—*ж, ч, ш*: белези (им. п. мн. ч.), бележе (зв. п. ед. ч.), войници—войниче, кожюси—кожюше, печеш, можеш, блазѣ, новѣ,

плаче (вм. плачѣ). Если *и* = ст.-слав. *ы*, то оно не вліяетъ на смягченіе предшествующаго гортаннаго въ свистящій: майки, книги.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ для *з* и *к* возможны, кромѣ указанныхъ, и другіе виды смягченія. Вм. *з* въ восточномъ (Сливень, Котель, Габрово, Конопція) и западномъ (Трнѣ, Кратово, Мавед.) нарѣчїи, а также въ угро-болгарскомъ говорѣ нерѣдко слышно *дз*: врадзи, ковчедзи, друдзи, бладзе, дзвизда, дзвѣзда, помодзи, мнодзина, подзе. *дз* рядомъ съ *з*, какъ извѣстно, существовало и въ старо-славянскомъ языкѣ; полагаютъ, что *з* и образовалось изъ *дз*. Для обозначенія послѣдняго звука служатъ знаки *з* и *ѣ* которые удержаны и въ средне-болгарскихъ памятникахъ и въ разныхъ текстахъ ново-болгарскаго языка (мнози, мноѣи, звѣзда, ѣбло и др.).

Менѣе употребителенъ переходъ *з* въ мягкое *д* (*д'*) и *к* въ мягкое *т* (*т'*), встрѣчающійся, кажется, только въ западныхъ говорахъ и въ языкѣ угорскихъ Болгаръ: друдѣ, дѣлдѣ, майте, девойта, помотѣ, човет', челет' (чловѣкъ). Эти мягкіе *д* и *т* по произношенію близко подходятъ къ сербскимъ *ђ* и *ћ*. Они слышны и въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ на мѣстѣ *з* — *к*: т'ерамидѣ (вьерамидѣ), т'ердосвам (вьердосвам), Дердев ден, Лед'ен град (Леген град. Ср. серб. Леѣан град). Въ одномъ словѣ во всѣхъ говорахъ перв. *з* перешло въ *д*: дѣлбоки, длібоки, длабоки, далбоки, длубоки (стар. глѣбокъ); ср. и серб. дубок.

Группы *шт*, *кт* въ болгарскомъ, какъ въ старо-славянскомъ, переходятъ въ *шт*: помопшт, помупшт и помопшт, дѣштерка, штерка, сношти, пештера, пешт. Въ западныхъ говорахъ и здѣсь (какъ въ случаѣ смягченія *т*), вм. *шт* слышно *к*, *к'*: вьерка, керка, нокъ, помокъ.

З, ДЗ, Ц, С — Ж, ДЖ, Ч, Ш.

Въ болгарскомъ яз., какъ уже сказано, рядомъ съ *з* существуетъ и *дз*. Этотъ звукъ діалектически слышенъ не только въ первичнаго *з*, при образованіи основъ и словъ, но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ ожидается именно *з*; напр.: мелдзи, дзвезда, дзвѣнец, дзвери, сълдзи, солдзи, дзид, нейдзин, ондзи, дзързало. Зв. *дз*, особенно тамъ, гдѣ онъ является смягченіемъ первичнаго *з* передъ *и*, *ь* — есть любопытная особенность болгарской фонетики, опять сближающая болгарскій языкъ со старо-славянскимъ (ср. выше).

Подобнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (западныхъ) рядомъ съ *ж* употребляется *дж*: бедже (зват. п.), лѣджица, джелѣзо, джен, Маджари, калуджерски.

Свистящiе з, и, с при встрѣчѣ съ *ј* переходятъ (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ), въ *шипящiе ж, ч, ш*: кажѣ, немче, пишѣ.

Шпящiе ж, дж, ч, ш обыкновенно звучатъ очень мягко какъ будто слѣдующiе за ними гласные были iотованные: жяба, влючюве, чюдо, шюм, джямiя.

Группы *ст* и *ск* передъ *ј* даютъ, какъ въ старо-славянск., *шт*: крѣштам, праштам, иште, штица изъ дѣштица, воштен, трѣговиште, зимовиште; въ западныхъ говорахъ въ этихъ случаяхъ чаще слышно *ш*: ище, крѣщам и т. д.

Въ западныхъ говорахъ иногда вм. свистящихъ слышны шпящiе: черева, кажвам, опашал, пишаха; наоборотъ иногда (при *р*) и свистящiе стоятъ на мѣстѣ шпящихъ: цервен, церва, дзиздане, стамба. Последнее явленiе наблюдается и въ восточныхъ говорахъ (Стара-Загора, Татарь-Базарджикъ).

Ј.

ј въ болгарскомъ яз. соединяется со всѣми гласными, не исключая *и*: сѣджи, земѣи, сабѣи. Поэтому внесенiе въ болгарскую графика начертанiя этого звука, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (передъ *и*, глухими зв.), было бы вполне уместно. Теперь онъ обозначается различнымъ образомъ: *ј*, *й* ъ.

Въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ *ј* звучитъ какъ стиснутое мягкое *ј'*: гiа, гiаска (= я Милад.), ги (в. п. ихъ = старосл. ѣ), погiа, г'едно, г'ярми. Мивлошичъ видитъ въ этомъ *ј'* мягкое *д'*: *гг* = *д'и* = *ји*. (Lautbez. 29).

Послѣ шпящихъ *ч, ж, ш*, часто (особенно передъ *у*) слышенъ *ј*: чюжди, чюдни, кожую.

Ассимиляція согласныхъ.

Уподобленiе согласныхъ въ живой болгарской рѣчи, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, составляетъ весьма обычное явленiе. Согласные звуки, различные по степени звучности или по органу произношенiя, при сочетанiи между собой обыкновенно приравлива-

ются одинъ въ другому, большею частью предшествующій къ послѣдующему; напр. звучные (*г, д, б, ж, з, в*), переходятъ въ отзвучные (*к, т, н, ч — ш, с — ц — ф*) и наоборотъ, твердые въ мягкіе и т. п.: велигден, чѣпѣа, прозбѣа, свадбѣа, фля'зах, догде, бес тебе, леннали (легнали), бѣд'ни вечер, зим'ни.

Переходъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные имѣеть мѣсто и въ другихъ случаяхъ, помимо ассимиляціи, именно когда они находятся въ концѣ словъ: назат, глат, рок, бек, ас (азъ), мѣш (мѣж).

Выпаденіе гласныхъ и согласныхъ.

Характерную особенность болгарскаго языка составляетъ довольно частое исчезновеніе въ живой рѣчи звуковъ гласныхъ и согласныхъ, въ тѣхъ слогахъ, гдѣ по этимологіи они должны быть слышны. Это явленіе захватываетъ спорадически всѣ говоры и наблюдается въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ.

Изъ гласныхъ выпадаютъ: *а, е, о, и*; *а*: удре, удрила, набројвам (вм. наброявам), тук(а), вад(а), наш(а)тъ; *е*: (е)вангелие, (је)го, (је)му, (је)си, (је)сме, (је)сте, војвода, понделник, въ 3 л. ед. ч. глаг.: печ(е), милуј(е); мен(е), твој(е)то; *о*: сирмах, бѣхме, орахме, катри, какво, негва, опасва, казва, (о)вамо, (о)рало, там(о), кам(о); *и*: немаш, додѣ, волко, жвот, (и)скаи (макед.), сношти, зарад(и).

Изъ согласныхъ чаще другихъ выпадаютъ: *т, д, в, х*; *т*: богатство, педесе, двојсе, младос, бос, нош(тъ), свѣш; *д*: клаенец, сърце, кла(д)вам, о(д)ат, изва(д)и (особ. въ македонск. говор.), дваж, триж; *в*: сички, (в)се, (в)си, (в)ол, (в)ода, (в)чера (въ западн. н.), (в)дувица, стори, д(в)ор, д(в)игам, земе, чол'акъ — чо(в)ек, кумо'и, уба(в)а, я(в)ор; *х*: лѣп — дѣп (хлѣбъ), (х)ладен, (х)рисяни (Макед.), маче'а, каза'а, (х)ора ср. выше стр. 92. Сверхъ того иногда исчезаютъ и другіе согласные; *н*: чила, шеница, (п)сета; *г*: ле(г)нали, де, ниде; *к*: вели(в)ден, ту(в)а, па(в); *с*—*з*: доне(с)л, изле(з)л; *м*: (м)ного.

Группы *дн — тн, дл — тл* обыкновенно теряютъ зубные звуки, но не всегда: праз(д)ник, (д)нес, среш(т)на, крѣсник, пус(т)на, плел, чел, довел, ошѣл; но *и*: падна, седна, наметна, пустна, израстло, метла, сидло. Сохраняются *д — т* при *н — л* чаще въ западномъ нарѣчьи, чѣмъ въ восточномъ.

5. Удареніе.

Имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о болгарскомъ удареніи очень скудны. Миклошичъ (Vergl. Gr. I, 376) говоритъ о немъ въ пяти строкахъ; проф. Калина совсѣмъ обходитъ молчаніемъ этотъ трудный вопросъ, а проф. Брандтъ, написавшій прекрасное сочиненіе объ удареніи въ славянскихъ языкахъ (Начертаніе славянской акцентологии, Спб., 1880), самъ признаетъ изложенный имъ очеркъ болгарской „акцентовки“ весьма краткимъ и неполнымъ, хотя едва-ли можно отрицать у него заслугу перваго выясненія важнѣйшихъ особенностей ударенія въ болгарскомъ. Немногія спеціальныя работы (Мазинга, Ворачка-Стойнова и Цонева), посвящены частнымъ вопросамъ объ удареніи въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ¹⁾. Наиболѣе существенныя данныя о болгарскомъ удареніи представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Удареніе въ болгарскомъ языкѣ *однородное* и *разномѣстное* или подвижное т. е. оно 1) состоитъ только въ усиленіи голоса, а не въ различномъ измѣненіи его интонаціи и 2) не прикрѣплено къ какому-либо опредѣленному слогу, а можетъ стоять на какомъ угодно мѣстѣ въ словѣ. Въ первомъ отношеніи оно отличается отъ сербскаго и чешскаго ударенія, а во второмъ, отличаясь отъ чешскаго и польскаго, сближается съ русскимъ, сербскимъ и словинскимъ.

Каждый слогъ многосложнаго слова можетъ имѣть удареніе: крѣсник, крѣснице, ювѣк—ювѣче, бѣкове, работницѣтѣ, учѣлището.

Удареніе не вездѣ одинаково; оно различается по говорамъ и мѣстностямъ. Одни и тѣже слова въ разныхъ областяхъ Болгаріи или даже въ разныхъ городахъ и селахъ одной области, произносятся съ различнымъ удареніемъ; напр.: злато и златѣ, урѣх и ѡрѣх, вѣлове и волѣве, нѣжюве и нѣжѣве, бѣкове и бѣковѣ, сѣрце и сѣрцѣ, вѣзахъ и вѣзѣхъ, дѣйдохъ и дѣйдѣхъ, вѣреме и времѣ, глѣва и глѣвѣ, плѣнина и плѣнинѣ, зѣконъ и закѣнъ. Опредѣлить — гдѣ именно господ-

¹⁾ Leonhard Masing, Zur Laut—und—Akzentlehre der Macedoslavischen Dialekte. Спб., 1891. West-Macedonische Betonung; И. Ворачекъ и Д. Стойновъ, Удареністо въ новобългарскій языкъ—в журн. Наука, 1884, XI—XII. Пловдивъ. Цоневъ, Удареністо въ источно-българско-то нарѣчїе. Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Кн. VI, 1891.

ствуется одно удареніе и гдѣ другое въ настоящее время не возможно. По утвержденію К. Иречка (Пер. Сп., 1884, кн. VIII), въ западномъ нарѣчій удареніе обыкновенно падаетъ на начальные слоги словъ и никогда не чувствуется на послѣднемъ слогѣ; въ восточныхъ же говорахъ оно нерѣдко переходитъ и на конецъ слова. Въ сѣверо-западныхъ македонскихъ говорахъ удареніе также отодвигается дальше отъ конца слова и чаще всего падаетъ на третій слогъ, между тѣмъ въ юго-западныхъ частяхъ Македоніи оно слышно обыкновенно на предпослѣднемъ слогѣ.

Въ общемъ, въ большей части случаевъ болгарское удареніе совпадаетъ съ русскимъ, особенно въ восточныхъ говорахъ; напр.: дѣля, дѣлі, берѣ, текѣ, вода, душа, жена, крило, сребро, чолѣк, желѣзні, богатство, бѣгам, бѣли, горница, вечер, трѣговец, работник, орѣл, слуга, пила, пѣвица, свиня, борба, рѣва и др. Но и не мало отступленій, сближающихъ болгарское удареніе съ сербскимъ и словинскимъ; напр.: вино, лице, пѣсок, огън, писал, раждам, рибар, пѣні, болесті, морѣ, полѣ.

Удареніе въ болг. яз. не отличается такою гибкостью какъ въ русскомъ и сербскомъ; напр. мн. ч.: женѣ, водѣ, рѣби, юнаци, ребра.

Въ частностяхъ относительно мѣста ударенія (главн. въ восточномъ нар.), можно замѣтить слѣдующее:

1) Имена существительныя женск. рода на согласный во множ. ч. имѣютъ удареніе на окончаніи: ношт, пешт, свешт, кост, хубост—ношти, пешти, свешти, кости, хубости; иногда, впрочемъ, возможно удареніе на коренномъ гласномъ: мѣсли, длѣни, жѣлчи.

2) Имена существительныя женск. рода на *a—я*, имѣющія удареніе на конечномъ гласномъ, удерживаютъ его и во множеств. ч., но переносятъ на предпослѣдній слогъ въ звательномъ падежѣ единств. ч.: глава—глави—главо, вода—води—водо, свобода—свободи—свободо, главна—главни—главниjo (исключеніе составляютъ: овца, блѣха, съля, дѣска, свиня, которые въ множеств. ч. переносятъ удареніе на предпослѣдній слогъ, какъ и въ русск. яз.). Тѣже имена, въ которыхъ удареніе не падаетъ на окончаніе *a (я)* и во множ. ч. удерживаютъ тоже удареніе, какое въ единственномъ: скала—скали—скало, птица—птици—птицо, долина—долини—долино.

3) Односложныя существительныя муж. р., имѣющія именит. п. множ. ч. на *и*, сохраняютъ удареніе на коренномъ гласномъ: зѣб—

зѣби, сноп—снопи, лист—листи; тѣже имена, которыя во множ. ч. оканчиваются на *ове—еве* могутъ имѣть двойное (на первомъ или послѣднемъ слогѣ), а иногда и тройное удареніе (на каждомъ изъ трехъ слоговъ): ред—редове и редовѣ, стол—столове и столовѣ (и столове), вол—волове и воловѣ (воллове).

4) Существительныя средн. род. съ основой на согласный *т* во множ. ч. сохраняютъ удареніе формъ единств. ч.: агне—агнета, прасе—прасета, теле — телета, пиле — пилета, куче — кучета; имена же средн. р. съ основой на *н*, безусловно слѣдуютъ правилу русскаго языка: врѣме—врѣменá, племе—племенá, име—именá, рамо—раменá.

5) На послѣдній слогъ (въ восточн. нар.), падаетъ удареніе въ большей части словъ, образованныхъ слѣдующими суффиксами: *а* (двусложн.) *ак, ач, ар, ай, еж, ец* (двусложн. слова) *ок, от, ун, ба, да, га, на* (но не *ина*) *та, ло* (съ предшеств. согласн.) *во, но* (рѣдко): слугá, пашá, баштá, ржá, рѣкá, дѣскá, трѣскá, юнáк, простáк, крѣстáк, сирак, рогáч, ковáч, овчáрь, говедáрь, столáрь, хлѣбáрь, свадбáрь, ратáй, кравáй, сарáй, грабѣж, дѣлѣж, кроѣж, вдовѣц, отѣц, звѣнец, паток, младок, врьтоп, пискун, паун, борба, молба, сждба, торба, брада, вода, звѣзда, свобода, игла, пчела, метла, жена, страна, хранá, суета, грѣхотá, срамотá, гребло, крило, тегло, облекло, дрово, рождество, платно, сено, лайно. Однако имѣется не мало исключеній изъ этого правила: старец, мѣсец, горец, скáла, жила, сила, влѣна, рана, врана, работа, служба, свáдба, прóсба, жáлба, рíба, гáба, кражба, правда, нúжда, грамáда, гърло, мáсло, шíло. — Сверхъ того на послѣднемъ слогѣ имѣютъ удареніе: а) слова, образованныя отъ именъ прилагательныхъ суффикс. *има*: височинá, величинá, длъжинá, планинá, общинá, свѣтлинá, дебелинá, слабинá, киселинá; б) слова, заимствованныя изъ турецкаго языка, или образованныя посредствомъ турецкихъ суффиксовъ *к, джии—чии*: свнджír, хамáл, бабър, алтѣн, агá, аскѣр (войско), берекѣт (плоды), пазарлѣк, овчарлѣк, чорбаджий, бояджий, догромаджий, панталонджий.

6) При соединеніи съ членомъ (см. ниже формальныя особенности), имена существительныя обыкновенно сохраняютъ свойственное имъ удареніе; но иногда оно переходитъ и на членъ, именно: въ большей части односложныхъ словъ мужскаго рода и во всѣхъ словахъ женскаго рода на согласный (первон. *ь* изъ *и*): вратѣт, гладѣт, градѣт, гласѣт, зѣбѣт, вълкѣт, прахѣт, крѣв-тá, нопт-тá, смърт-тá,

соль-тá, болест-тá, любов-тá, радост-тá, младост-тá, длан-тá, кост-тá. Рядомъ съ этими примѣрами: цáрът, вóньт, рóбът, гнóйт, грóмът.

7) Въ сравнительной и превосходной степени прилагательныхъ удареніе падаетъ на словообразующія приставки *по*, *най*: пó-хубав, нáй-хубав, пó-силен, нáй-силен.

8) По отношенію къ глагольнымъ формамъ трудно установить общія правила ударенія. Здѣсь можно указать лишь немного: а) 2 л. ед. ч. повелит. накл., оканчивающееся на *и*, всегда принимаетъ удареніе на окончаніи: бждí, четí, несí, чинí, вьртí, ори; б) однократные глаголы, образованные приставкой *нж*, всегда имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ: дíгнж, скóбнж, грáбнж, лéгнж, вíвнж, бóднж, гíнеш, гíнѣх; в) нерѣдко удареніемъ отличаются формы, звучащія совсѣмъ одинаково, но имѣющія различное значеніе: вíках (имперф.), вика́х (аор.), дúмах и думáх, бóдете (наст. вр.) и бодéте (повел. н.), гíнете (наст. вр.) и гинéте, (пов. н.).

10) Личныя мѣстоименія: *ми*, *ти*, *си*—эпелитики, не принимаютъ ударенія.

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

П а д е н і е с к л о н е н і я .

Важнѣйшую особенность морфологіи современнаго болгарскаго языка составляетъ полное разстройство склоненія. Въ извѣстной степени паденіе склоненія наблюдается и во всѣхъ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Ни въ одномъ изъ нихъ не оказывается такого богатства и разнообразія формъ, какое представляетъ склоненіе въ старо-славянскомъ языкѣ. Напротивъ, во всѣхъ нихъ по сравненію со старославянскимъ видимъ болѣе или менѣе значительное количество утратъ, выражающихся то въ отождествленіи склоненія словъ, принадлежащихъ (по своимъ основамъ) къ различнымъ категоріямъ, то въ смѣшеніи падежныхъ окончаній. Но въ болгарскомъ языкѣ разстройство склоненія достигло такихъ необычайныхъ размѣровъ, что въ этомъ отношеніи онъ рѣзко выдѣляется изъ семьи славянскихъ язы-

ковъ и близко подходит къ романскимъ языкамъ. Въ именномъ склоненіи удержались лишь два падежа: общій (именительный или винительный) и звательный. Другіе падежи встрѣчаются только спорадически въ отдѣльныхъ словахъ, преимущественно въ пѣсняхъ. Отъ мѣстоименнаго склоненія также сохранились лишь обломки. Наибольше рѣзко выражена эта любопытная особенность въ восточномъ нарѣчій; въ западномъ нарѣчій наблюдается больше остатковъ древняго склоненія, а въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ падежныя формы, вообще не составляютъ большой рѣдкости. Падежныя отношенія, взаимныя окончаній, выражаются посредствомъ предлоговъ, присоединяемыхъ къ тахъ назыв. общему падежу (*casus genialis*); именно для обозначенія родительнаго и дательнаго падежей употребляется пр. *на*, творительнаго—*с* (*сз*), мѣстнаго—*у*, *в* (*сз*): *риба*, *на* *риба* (род. дат. п.), *с* *риба* (твор.), *в* *риба* (м. п.). вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе большей части настоящихъ падежныхъ формъ повело къ употребленію въ болгарскомъ языкѣ (какъ въ романскихъ языкахъ), такъ наз. члена: *риба-та*, *риби-тѣ*, *родѣ-т*, *роди-тѣ*, *огнище-то*, *огнища-та*.

Причины, вызвавшія полное разстройство склоненія въ болгарскомъ яз., остаются не вполне ясными. Миклошичъ (*Vergl. Gram.*, III, 178), видѣлъ здѣсь вліяніе языка туземнаго иллиро-ѳракійскаго населенія на языкъ болѣе позднихъ переселенцевъ Славянъ. По его мнѣнію, Славяне, поселяясь въ VI ст. въ области Гема (Балканы), не нашли ее пустою. На основаніи языка мы должны принять, что въ то время ѳракійскимъ полуостровомъ владѣли племена, родственныя теперешнимъ Шкипетарамъ (Албанцамъ). Изъ смѣшенія этихъ двухъ народовъ и образовался болгарскій народъ, изъ смѣшенія ихъ языковъ — болгарскій языкъ. Настоящіе-же Болгары (народъ тюркофинскаго происхожденія), позже вторгшіеся въ эти земли, правда дали названіе народу и языку, но языкъ ихъ, по утверженію Миклошича, не произвелъ никакого вліянія на языкъ подчиненнаго славянскаго племени. Элементы стараго ѳракійскаго языка въ ново-болгарскомъ связываются именно въ паденіи склоненія и появленіи члена. Это мнѣніе, однако не раздѣляется многими учеными¹⁾, главнѣйше потому, что оно не обставлено прочными доказательствами. На смѣ-

¹⁾ Впрочемъ, прежде и самъ Миклошичъ думалъ объ этомъ вопросѣ иначе (*Starine. Zagreb.* III, 150). Ср. также *Arch. f. Slav. Philol.* XII, 592.

ну ему все болѣе выступаетъ иной, также не новый, взглядъ, который, кажется, и нужно считать болѣе правильнымъ. Помимо вліянія чужихъ языковъ данное явленіе болгарскаго языка могло быть естественнымъ результатомъ историческаго развитія языка, зависѣвшимъ прежде всего, отъ крупныхъ перемѣнъ въ вокализмѣ болгарскаго языка. Эта мысль высказана была еще Билярскимъ и развита проф. В. И. Ламанскимъ. За нее стоитъ и Калина въ своей исторіи болгарскаго языка (II, 1—15). Въ самомъ дѣлѣ вполне естественно, что вслѣдствіе такихъ звуковыхъ превращеній, какъ смѣшеніе, а потомъ исчезновеніе носовыхъ гласныхъ, переходъ *ъ* то въ глухой гласный, то въ *а*, появленіе глухихъ вмѣсто чистыхъ, переходъ *ы* въ *и*, *е* въ *и*, *о* въ *у* и т. п., неодинаковыя прежде окончанія различныхъ падежей стали звучать совершенно тождественно; отсюда-же становилось необходимымъ усвоеніе одной изъ падежныхъ формъ значенія общаго падежа и употребленіе предлоговъ для дифференціаціи падежныхъ отношеній. Напр. въ основахъ женск. р. на *а* три падежа—именит. (рыба), винит. (рыбѣ) и творит. (рыбѣ—рыбою), по причинѣ указанныхъ измѣненій вокализма, съ теченіемъ времени стали произноситься почти одинаково—*р ѣ б ѣ*(а). Въ мягкомъ склоненіи тѣхъ-же основъ сюда могъ присоединяться и родит. п.—*душѣ*, который въ среднеболгарскихъ памятникахъ является съ суффикс. *ѣ* (вм. *ѣ*), затѣмъ перешедшимъ въ глухой звукъ.

Въ подробностяхъ любопытный процессъ постепеннаго разстройства болгарскаго склоненія еще не раскрытъ, главнѣйше по недостатку матеріала, особенно для XV и XVI ст., но въ общемъ основныя черты его уже указаны съ достаточною обстоятельностью. Начало этого процесса восходитъ къ XII в. Въ среднеболгарскихъ памятникахъ весьма не рѣдки случаи смѣшенія склоненій и падежей; такъ основы муж. р. на *о* принимаютъ часто падежныя окончанія основъ на *у*: *кръстови*, *мирови* (Окт. Струм.), *дарове*, *бѣсове*, *волове*, *грѣховъ*, *родовъ* (Погод. пс.), *воиновомъ* (Мак. ап.), *градохъ*, *вльховохъ*, *дарьми* (Погод. пс.); основы на *и* слѣдуютъ основамъ на *о*, *пѣто-съ* (Болон. пс.), *пѣту* (Мак. Ап.) и наоборотъ: *мѣжи* (дат. п. Слѣпч. Ап.); въ мягкомъ склоненіи основъ жен. р. на *а* смѣшиваются пять падежей: родит., винит. и творит. ед. и именит. и винит. мн.: *доушѣ*, *вошѣ*; или именит. и винит. ед. (тамъ гдѣ *ѣ* перешло въ *а*): *маньна* (Окт. Струм.), *кѣпина* (Окт. Мих.), *вѣра* (вин. п. Мак. Ап.). На не-

достатокъ чутья у болгарскихъ писцовъ къ различенію падежныхъ формъ указываютъ попадающіяся уже въ текстахъ XII—XIII в. не-правильности въ согласованіи въ родѣ слѣдующихъ: множество *ръгы*, покрываемъ злѣ тяжестиа *ръгы*, потоки *сказы* (имен. п. вм. род. п.), чудеси, дѣлеси злыхъ (твор. п. вм. род. Окт. Михан.), при исходиш-тихъ водамъ (Бол. пс.), въ брѣждахъ женъ (вм. женахъ, Берл. Сб.). Ср. Калина, II, 110—111). Чѣмъ ближе къ XIV в., тѣмъ чаще на-блюдаются въ памятникахъ явленія упадка склоненія. Въ XIV в. бол-гарскій языкъ уже рѣшительно стоялъ на пути къ полной потерѣ падежныхъ формъ. Въ сохранившихся текстахъ этого времени не рѣдки случаи употребленія члена, который впервые попадаетъ и въ болѣе раннихъ памятникахъ. Когда окончательно выработался общій падежъ и когда предлоги при общемъ падежѣ получили значеніе за-мѣстителей исчезнувшей падежной флексіи—этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ положительнымъ образомъ за скудостью данныхъ. Въ рукописяхъ XIV в. и немногихъ извѣстныхъ намъ XV в. еще не ви-димъ того типа склоненія, какой представляетъ современный болгар-скій языкъ, но онъ выступаетъ вполне въ памятникахъ XVII и XVIII ст., гдѣ мы находимъ такія формы: Ѡ негово - то име (род. п.), на свѣтъ - ть (дат. п.), на море - то (Люблян. рук.), Ѡ мѣсто на земля (мѣстн. п.), сьсь масло (твор. п.), на икона, на негово-то повелѣніе, съ свѣщи, от градъ (Соф. Сбор., XVII в.), синь на баца, на грижа, на душа - та, на земля - та, сась страхъ, сась душа - та, на небе - то (мѣстн. п. Григоров. Сб. XVII в.). Такимъ образомъ указанная фаза разстройства болгарскаго склоненія падаетъ на XV—XVI ст. т. е. на самый темный періодъ въ исторіи болгарскаго языка и письмен-ности. Впрочемъ, самый процессъ паденія склоненія совершался по-степенно и довольно медленно, въ теченіе многихъ столѣтій. Въ па-мятникахъ XVII—XVIII ст. при господствѣ новой системы (общій падежъ, предлоги для обозначенія падежей, членъ), еще весьма упо-требительны древнія падежныя формы; напр. въ *Григоровичевомъ Сборникѣ*: Господа - Бога, светаго апостола, светаго Духа, апостола (род. п.), душе грѣшнихъ, душе праведныхъ, прьви часъ ноци, Богу, брату, цару, сѣкиму чловѣку, Духомъ светимъ, устнами, страхомъ, въ пустинахъ, на Синаистѣи горе; въ *Собійскомъ Сборникѣ*: Господа Бога, помощника, Духа светаго, добротѣ твоей, члѣку, Богородици Прѣстѣе Бѣе, сыну, аггелу, на земле, у землю гробъ, Св. Петки,

царю, до Драча, Марка митрополита великаго, Св. Димитрію, до славинскаго князя; въ *Българскомъ Сборникѣ*: отца, Бога, сына, Богу, Авгарю царю, Богородици, человеку.

Ч л е н ъ.

Существованіе члена (въ томъ значеніи какъ въ романскихъ языкахъ) представляетъ такую - же характерную особенность болгарскаго языка, какъ и указанная выше утрата падежныхъ флексій. Членъ—явленіе рѣдкое, не обычное на почвѣ славянскихъ языковъ. Кромѣ болгарскаго яз. онъ наблюдается кое-гдѣ въ русскихъ народныхъ говорахъ въ такихъ словахъ какъ: парень-тъ, парене-тъ и парень-то, сватьи-тъ, само-тъ, жена-та, домо-тъ, другою-тъ, одно-тъ и т. п. Указываютъ еще на существованіе члена въ словинскомъ, верхне-лужицкомъ и ниже-лужицкомъ языкахъ, какъ въ старомъ книжномъ языкѣ, такъ въ говорахъ городского населенія, живущаго смѣшанно съ нѣмцами; напр. въ такихъ выраженіяхъ: *le to sò te bukvi, vi ste ta sol te zemlje* (Слав.), *ve tym času Krala Heroduša* (в.-луж.); *ve tom casu togo Krala Herodesa* (н.-луж.). Но этотъ словинскій и лужицкій членъ обязанъ своимъ происхожденіемъ влиянію нѣмецкаго языка, есть простое подражаніе нѣмецкому члену и не можетъ быть сближаемъ съ болгарскимъ членомъ, который представляетъ собой коренное свойство живаго народнаго языка. Въ болгарскомъ языкѣ членъ стоитъ позади слова, какъ въ языкахъ румынскомъ, албанскомъ и скандинавскихъ языкахъ и можетъ соединяться не только съ именами существительными, но и съ прилагательными, числительными и мѣстоименіями.

Формы члены весьма разнообразны; именно:

- 1) *т* (м. р.) *та* (ж. р.) *то* (ср. р.)—*те* (мн. ч.)—*та* (мн. ч. ср. р.).
- 2) *в* " *ва* " *во* " *ве* " *ва*.
- 3) *н* " *на* " *но* " *не* " *на*.
- 4) *с* " *са* " *со* " *се* " *са*.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ эти виды члена восходятъ къ указательнымъ мѣстоимѣніямъ: *тъ, та, то, овъ, ова, ово, онъ, она, оно* и *съ, си, се*.

Самая распространенная форма члена—*т, та, то, тъ (те)—та*. Она наблюдается во всѣхъ болгарскихъ говорахъ и исключительно

употребляется въ восточномъ и сѣверо-западномъ нарѣчіяхъ, а также въ литературномъ языкѣ; напр.: вълкъ-т, жена-та, вълци-тѣ, жени-тѣ, дѣте-то—дѣца-та, войвода-та, баца-та, врата-та, дърва-та, хора-та.

Вторая (*в, ва, во*) и третья (*н, на, но*) формы — свойственны македонскимъ говорамъ: йозико-в, човѣко-в, вода-ва, земля-ва, момче-во, сърце-во; юнакан, гора-на, мома-на, пушка-на, сынце-но, поле-но.

Членъ *с, са, со* составляетъ особенность Рупаланскаго нар.: во-лас, конес, оглав-са, брашно-со. Но въ этомъ нарѣчїи употребительны и всѣ другіе виды члена: волат, конет, оглавта, волам, конен, воли-се, воли-те, воли-не, воли-ве. При этомъ членъ *с, са, со* служитъ для опредѣленія болѣе близкаго предмета, а *н, на, но* — болѣе отдаленнаго.

Членъ встрѣчается, хотя и не особенно часто, уже въ среднеболгарскихъ памятникахъ; напр.: пѣто-съ (вм. пѣтъ-съ), псаломо-съ (Болон. пс.), свѣто-съ (Окт. Микан.), гласо-съ, хлѣбо-съ (Охрид. ап.), домо-тъ, родо-съ (Бѣлград. Ев.), орѣжие-то (Троян. пр.), роуменаата лѣвѣа рѣвѣа, селото (руч. 1348 г.). Въ рукописяхъ XVII—XVIII в. — членъ — обычное явленіе: закона-тъ, свѣтъ-тъ, корема-т (Любл. рук.), грѣха-тъ, града-тъ, душа-та, свадьба-та, небе-то, земля-та, година-та, име-то, слнцѣ-то (Григоров. Сб.), време-то, сячки-те работи, деца-та, души-те, лажа-та, снага-та, хора-та, крѣста-тъ (Бѣлгр. Сб.).

Указаніе на членъ можно найти и въ нѣкоторыхъ древнихъ текстахъ старо-славянскаго языка (Зогр. Ев. и др.): работъ, дньтъ, чловѣкотъ, родось, народось, образось.

Возможно, что членъ существовалъ и въ славянскомъ праязыкѣ (ср. Мьялошичъ, Vergleich. Gram., IV, 126).

Всѣ эти данныя позволяютъ заключать, что и болгарскій членъ возникъ на славянской почвѣ, независимо отъ вліянія иллиро-эракійскаго или албанскаго языка, какъ полагалъ Мьялошичъ и нѣкоторые другіе ученые. Происхожденіе и распространеніе его находится въ связи съ упадкомъ склоненія.

Остатки древняго склоненія.

Древнее склоненіе не исчезло совсѣмъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Отъ него уцѣлѣло болѣе или менѣе значительное количество обломковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что отсутствіе па-

дежныхъ флексій не составляетъ кореннаго, прирожденнаго свойства болгарскаго языка, а есть результатъ исторической жизни языка. Въ древности болгарскій языкъ несомнѣнно обладалъ такою-же богатой флексіей, какъ и другіе славянскіе языки. Остатки старины, удержавшіяся преимущественно въ народно-пѣсенномъ языкѣ, оазываются во всѣхъ видахъ склоненія: именномъ, мѣстоименномъ и сложномъ.

Именное склоненіе.

Звательный пад. ед. ч. сохранился болѣе или менѣе полно, и послѣдовательно, именно у существительныхъ муж. р. съ осн. *о* и жен. р. съ осн. *а*. Существительныя муж. р. сохраняютъ или древнія окончанія *е*, *у* или принимаютъ болѣе новое *о*: Бѣже, кѹме, брѣте, побрѣтѣме, стѣрче, челѣче, капетѣне, Мѣтре, Пѣтре, Стојѣне, Стојѣну, сѣне, и сѣну, вѣню, цѣру, брѣту, бѣну; *о*: свѣто, сѣно, вѣню, господѣро, мѣжѣю, рѣдо, зѣтѣю. Повидимому *е* преобладаетъ въ западныхъ говорахъ, а *о* въ восточныхъ. *у* (*ю*) обыкновенно встрѣчается послѣ гортанныхъ и мягкихъ согласныхъ. Въ однихъ случаяхъ это *у*—падежная флексія склоненія осн. *у* (сѣну), въ другихъ—(и чаще) въ немъ слѣдуетъ видѣть результатъ обычнаго въ болгар. яз. перехода неударяемаго *о* въ *у* (ср. стр. 81—82). По мнѣнію Миклошича *о* въ *свѣто* тождественно съ тѣмъ *о*, которое слышится передъ членомъ: свѣто-т. Къ звательному на *е*, *у* въ народныхъ пѣсняхъ часто присоединяется *ле*, а къ звательному на *о* (*ю* — *ѣ*) — *лѣю* (*лѣ*): Бѣже-ле, мѣле-ле, Пѣтре-ле, сѣну-ле, цѣрко-лѣ.

Существительныя жен. р. на *а* (*ѣ*) обыкновенно принимаютъ *о*: мѣико, вѣдо, гѣро, бѣбо, дѣшо. Въ именахъ на *ка*, *ца* зват. п. оканчивается на *е*: Стѣнке, бѣлке, цѣрице, рѣжице. Здѣсь также употребительна приставка *ле*: Стѣнкѣ-ле, вѣдо-ле.

Имена собственные муж. р. на *а* имѣютъ звательный пад. сходный съ именит.: зѣту Никола, свѣти Илія. Если конечное *а* переходитъ въ глухой зв. (*ѣ*), то послѣдній удерживается и въ зват. п.

Независимо отъ собственныхъ именъ и нарицательныя существительныя съ осн. *о*, *а* кое-гдѣ въ народныхъ говорахъ не имѣютъ особыхъ формъ для звательнаго падежа, а приравниваютъ его къ общему падежу (именит. или винит.): мѣмѣ-ле (Татарѣ-Базардж.), дружинѣ вѣрно, сговорно, попѣ (соф.), цѣрь (Кюстенд.).

Дательный пад. ед. ч., въ своемъ древнемъ видѣ встрѣчается довольно часто въ народныхъ пѣсняхъ, при именахъ существительныхъ личныхъ и одушевленныхъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго рода; напр.: майка Стояну думаше, Богу се молише, Ювану отговори, куму извадила, Янколу главѣ отрѣза, брату, кралю, майци, Неди, Тодори, невести говори, майце, сестре, тете (Мавед. гов.), Павлету говори (Велесъ), девойкѣ (Охр.), жене си (Охр.), миле свекрве; въ языкѣ семиградскихъ Болгаръ: *angelu, bogu, duhu, Karstu, sinu, slugii*.

Иногда дательный пад. употребляется вм. родительнаго (*dativus possessivus*): царю слуги, кралю керва, краль Богдану сестра, Марку стара майка.

Родительный пад. ед. ч. преимущественно сохранился отъ основъ муж. р. на *о*: да вечера суа леба, градъ гради, сила ветра, су не видела татва и майки, град глада не прави, тако ми Бога того дѣня, дома, вчера, доста (вм. досыта), и особенно послѣ предлоговъ: от коня, от Бога, от Игната до божича, од рода христианска, от оваа црна арапина, насред двора, до султан Мурата, край Дунава, низ Йордана, без брата родженог. Основы жен. р.: че си пиеш конски църни кърви, ини вери клетки Турци, до пол пѣти, среди нощи, от жалби, уд радости, от глави, из вѣшти, окол вѣшти. Основ. на согласн.: от небеси.

Иногда встрѣчается родительный падежъ вм. винительнаго: има майка една мила сына, та си роди млада Бога, изведи коня, Бог да биет краля от Трояна, гонят рогата елена, ковавам ти врана коня, Господь комаря послуша, та си буня цара-та голема.

Мѣстный пад. ед. ч. удержался въ такихъ словахъ, какъ: зимѣ, лѣтѣ, утрѣ, врѣху, долу, вѣтрѣ (внутри), гѣрѣ, снощи, лани, пладне; и съ предлогами: на яве, на сѣне, по двори, по малку, на сърци, вѣв вѣшти, на земи, на небеси, на рамени, на старости.

Творительный пад. ед. ч. сохранился въ рядѣ словъ, употребляющихся въ значеніи нарѣчій: ничкум, чудом, скокум, гласом, редум и редом, с Богом, тихом, текум тече, градусъ сълзи ронит, пѣтем, денем, ноштем, деня, ноштя (ст.-слав. дѣнѣж, ноштиж), сутром с добрум. Весьма употребительное *редома* вѣр. образовано по аналогіи—двама, трима; ср. русск.: ливья леть, бѣжма бѣжить, стойма стоить и т. п.

Двойственное число именнаго склоненія уцѣлѣло въ очень скудныхъ остаткахъ, а падежныя флексіи множеств. ч. сохранились лишь въ нѣсколькихъ выраженіяхъ. Двойств. ч. словъ муж. р. при числительныхъ отъ два и далѣе: два вола, два дома, три свата, седум краля, девет мила сина, сто коня. Но возможно и множ. ч.: девет кралеви, три овчере. Послѣ неопредѣленныхъ числительныхъ также встрѣчаются формы двойств. ч.: кѣлко стола, много рода; отъ существит. *ръжа*, *нога* употребляются формы: рѣце, нозе, раце, нодзе (Мак.).

Родительный пад. мн. ч. чаще встрѣчается отъ двухъ словъ—*година* и *стотина*, стоящихъ при числительныхъ: девет годин, три годин, четири стотин. Сверхъ того находимъ въ пѣсняхъ: сто глав, хиляда душ, иляда дукат.

Дательный пад. мн. ч. сохранился, кажется, только въ нѣкоторыхъ родопскихъ говорахъ: овцѣам, сиромасѣам, женѣам (Ахърчелеб. гов.), коням, дружинам.

Именительный и винительный падежи ед. и мн. ч. исполняютъ функціи общаго падежа. О нихъ будетъ сказано ниже.

Мѣстоименное склоненіе.

Личныя мѣстоименія—*аз*, *ти* и возвратное *себе* удержали нѣсколько древнихъ падежей, рядомъ съ которыми чаще употребляются формы новаго образованія. Склоненіе этихъ мѣстоименій представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единств. ч.

И. аз, яз, яс, яси, я, азика.
Р. мене, на мене.
Д. менѣ, мене, мени, ми, мен, на [мене].
В. мене, ме, ма (мѣ), мен, менека.

Единств. ч.

И. ти, ты, тизека.
Р. тебе, на тебе.
Д. тебѣ, тебе, теби, ти, теб, на тебе.
В. тебе, теб, те, та.

Множ. ч.

И. ми, мие (рѣдко), ни, ние, ний.
Р. на нас.
Д. нам, ни, на нас, на нази.
В. ни, нас, на (нѣ), не.

Множ. ч.

И. ви, вие, вий.
Р. на вас.
Д. вам, ви, на вас, на вази.
В. ви, вас, ва (вѣ), ве.

Возвратное мѣстоименіе.

Р. себе (рѣдко), на себѣ си.

Д. на себѣ си, на себѣ си, си.

В. себѣ си, се, са.

Въ частности относительно отдѣльныхъ формъ нужно замѣтить слѣдующее:

1) *яз, яс* и другія формы 1 л. ед. ч. съ *ј* передъ *а* наблюдаются преимущественно съ сѣверо-западныхъ, средне-македонскихъ и родопскихъ говорахъ и только кое-гдѣ въ восточномъ нарѣчїи (Шумень, Калоферъ); *ты* (вм. общеупотребительнаго *ти*), слышно въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ, особенно въ солунскомъ округѣ; *ми* (1 л. мн. ч.), встрѣчается очень рѣдко лишь въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ (Пиротъ); *ни, ви* (им. п. мн. ч.) суть старосл. вин. *ны, вы* и обозначаютъ также винит. и дат. п.

2) Изъ энклитическихъ формъ винит. п. ед. ч. *ме, те, се* восходятъ непосредственно къ старо-слав. *мѣ, тѣ, сѣ*, а *ма, та, са—мъ, тъ, съ*, объясняются изъ среднеболгарскихъ *мѣ, тѣ, сѣ*, возникшихъ въ эпоху смѣшенія юсовъ и употребленія *ѣ* вм. др. *ѣ*. Формы *ме, те, се* свойственны преимущественно западнымъ говорамъ, а *ма, та, са (мъ, тъ, съ)* — восточнымъ. Формы множ. ч. *не (на, нъ), ве (ва, въ)*, образованы по аналогіи формъ ед. ч. *ме, те, се* и т. д.

3) Для дат. п. 1 и 2 л. ед. ч. самыя распространенныя формы: *мене, тебе* и *ми ти; менть, тебть* встрѣчаются преимущественно въ западн. говорахъ, а также приняты въ литературномъ языкѣ. Въ пѣсняхъ народныхъ обѣ формы — полная и энклитическая часто соединяются въ одну: *мене-ми, тебе-ти, менть-ми, тебть-ти*: мене-ми ка-заха, мене ми се чини, како ти тебѣ нарѣча. Отъ возвратнаго мѣстоименія въ живой рѣчи только и употребительна эта соединенная форма: *на себе си* или энклитич. *си*.

4) Энклитическія формы дат. п. — *ми, ти, си, ни, ви* часто соединяются съ существительными и въ такомъ случаѣ имѣютъ значеніе притяжательныхъ мѣстоименій; напр.: баштá ми, брат-а ми, нивитѣ ти, полé-то ни (въ знач.: мой отецъ, мой братъ, наше поле и т. п.).

Мѣстоименія неличныя.

Изъ старо-славянскихъ неличныхъ мѣстоименій удержали нѣкоторые падежныя флексіи въ современномъ болгарскомъ слѣдующія девять: *и, тз, онз, овз, кзто, юдинз, самз, вьсь, чьто*.

1) *и*.

Единств. ч.

Множ. ч.

Муж. и сред. р.

Жен. р.

Вс. р.

В. не́го, го, не́га, га.		я́ (я), я, не́я, је, ю.		не (хе), ги, нх.
Д. не́му, му.		ней, и.		им, ним.

нега, га—свойственны сѣверо-западнымъ говорамъ. Близъ Шумена отмѣчена и древн. ф. вин. п. *и (ју)*.

Различныя видоизмѣненія др. *я* объясняются характерными особенностями вокализма разныхъ болгарскихъ говоровъ; *я́* слышно близъ Охриды и Струги, *ю (ју)*—въ сѣверо-западныхъ говорахъ.

Въ макед. гов. часто соединяются въ одно обѣ формы дат. п.: му нему дума, нему в'е му даит.

Въ дат. п. жен. р. весьма употребительна приставка *зе* или (въ зап. говор.) *дзе*: *нейзе, нейдзе*.

х вм. начальн. *ј (хи, хе)* встрѣчается въ родопскихъ говорахъ.

Дат. п. *му, и, им*, какъ въ личныхъ мѣстоименіяхъ, употребляются въ значеніи притяжательныхъ: *женá-та му*.

Мѣстоименія притяжательныя: *мой, твой, свой, наш, ваш, не-юв, неим, нижен, тпхен, чий*—совсѣмъ утратили падежныя формы за исключеніемъ именительнаго и рѣдкаго винительнаго и дательнаго пад. муж. р.: моего, нашего, твоего, моему, нашему. Обыкновенно эти мѣстоименія замѣняются энклитическими формами дательнаго п.: *ми, ти, си, ни, ви, му, и, им*, или употребляются съ членомъ и предлогами; напр.: *мой-тѣ или мѡя-т, на мѡя-т, мѡя-та, на мѡя-та, мѡе-то, на мѡе-то, мѡи-тѣ, на мѡи-тѣ, нáша-та, на нáша-та* и т. д.

2) *тз*.

Единств. ч.

Муж. р.

Сред. р.

Жен. р.

И. той, тойзи, тоя.		туй, това, то.		тая, тия, тя.
В. того-зи.				

Множ. ч. в с. р.

И. тѣя, тие, тии, тѣ, тези, тѣва.

В. тѣх.

Д. тѣм, на тѣх.

Древнія формы указательнаго мѣстоименія *тъ, та, то, ть* употребляются въ значеніи члена. Формы *той, тоя, тая, тѣ, то, тѣя, ть, тѣх, тѣм, на тѣх* означаютъ третье лицо. Имен. мн. ч. *тія* — свойственно преимущественно западнымъ говорамъ, а *тии* — восточнымъ.

Уцѣлѣвшія формы мѣстоимѣнія *тъ* нерѣдко соединяются съ приставками *я, ва, зи*.

3) *онъ*.

Единств. ч.

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. он, онзи, онзица.	онуй, онова.	ония, она-зи.
В. оногози, онога.		
Д. оному.		

Множ. ч.

И. ония, оние, они.

4) *овъ*.

И. м. р. овай; ж. р. оваа (Мае.), мн. ч. овия, овии.

В. овего.

5) *къи, кто*.

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. кой, кто, който, [котрий.]	кое, кое-то.	коя, боя-то, котра.
В. кого, вога.		
Д. кому, на кого-то.		

Подобнымъ образомъ отъ мѣстоименій *нѣкой, никой, едикой, всекой* встрѣчаются формы: нѣкого, никого, едикого, всекого и севого (зап. г.), нѣкому, никому, едикому, севиюму.

6) *ѣдинъ*.

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. един, једън, идин.	еднѣ.	една.
В. едного, еднога.		едну.
Д. одному. Им. В. мн. ч. едни.		

7) *самъ*.

И. м. р. сам, самси, самичек, самниничек; ж. р. сама, самичка;
ср. р. само, самичко, саминко, самниничко.

Д. м. р. самому.

8) *всь*.

И. вес (вост. н.), съв (зап. н.); ср. р. все, све, сво; ж. р. вся, сва.

В. всего.

Д. мн. ч. всѣм.

9) *что*, звучить въ разныхъ болгарскихъ говорахъ различно: што (вост. н.), що (зап.), шо (Родоп., Прилѣп.), чо (Струмн.). Дат. п. *чуму* (въ Мак. гов.).

Такимъ образомъ отъ склоненія неличныхъ мѣстоименій сохранились кромѣ именит. п., преимущественно формы винит. и дательн. п. ед. ч. муж. р. Въ женскомъ родѣ косвенные падежи уцѣлѣли только у мѣст. *и*; а отъ формъ множеств. ч. остались лишь ничтожные обломки.

Сложное склонение.

Отъ сложнаго склоненія въ болгарск. языкѣ удержалось очень немногое: именительный падежъ ед. ч. всѣхъ трехъ родовъ съ нѣсколько измѣненными суффиксами, родит. и дат. падежи ед. ч. муж. рода и кое-гдѣ (совсѣмъ рѣдко) мѣстный пад. ед. ч.

Именит. пад., который обыкновенно имѣетъ значеніе общаго падежа, оканчивается въ единств. ч. муж. р. на *ий*, вм. чего въ народной рѣчи обыкновенно слышно *и*, въ жен. р.—*а* (стануто изъ *аја*), въ средн. р.—*о* (*е*); во множеств. ч. для всѣхъ родовъ выступаетъ одно окончаніе — *и*: цару честити, помали брату, свети Василия, вишни госпуди, златни сандуко, мили сине; студѣний изворе, малко дърво, добро дитѣ, сине морѣ, млада жено, малка мома, светаа Петка (макед.), добри юнаци, млади жени, малки дѣца.

Формы родит. (винит.) п. муж. р. ед. ч. встрѣчаются съ суффиксами: *ою*, *оа*, *ею*, *аю*; изъ нихъ *ою* употребляется въ восточн. нар. и въ литературномъ языкѣ, *оа*—въ сѣверо-западныхъ говорахъ (Тръвъ, Пиротъ), *ею*—въ юго-западн. Македоніи, *аю*—въ сѣверо-западной; *ою*: старого свата, тогъ кривого коня, за светого Іована, идногу Турчина, при милного Бога; тотъ-же суффиксъ встрѣчается въ средне-болгарскихъ памятникахъ: бѣлого, златого, пространного

(Троян. пр.). Банатскіе Болгаре (въ Вингѣ) говорятъ: свѣтугу, дрѹгу-гу, сѣкугу; *ею*: чеснего кума, во белого града, вишнего Бога, дрѹбнего, стареого, бѣрзего, светего, стареого; тоже окончаніе иногда и въ мѣстоименномъ склоненіи: бнего, единеого, нѣшего; *оа*: коня врилатога, шаренога, новога кума, помлагога брата; *аю*: болен здраваго носи, Бога и светаго Ивана, от добраго коня, у нашего зетка над мѣртваго мѣжа. Сверхъ того встрѣчаются формы на *ио*—другого, всѣкого, рядомъ съ *ѣ*. — другого, другега, другеого. Какое изъ этихъ окончаній нужно считать основнымъ или характернымъ болгарскимъ—трудно сказать. Въ противоположность Миклошичу, который готовъ признать такое значеніе за оконч. *ею*, намъ кажется, что—основными болгарскими суффиксами слѣдуетъ считать именно *аю*—*ою*, роднящіе современный болгарскій языкъ со старо-славянскимъ; *оа* сближаетъ нѣкоторые болгарскіе говоры съ сербскимъ и словинскимъ нарѣчіями, а *ею*—съ чешскимъ и польскимъ.

Дательный пад. встрѣчается (довольно рѣдко) съ суффикс. *ому*, *ему*, *иму*; напр.: светому Іовану, злому, всѣкому и всѣкиму, другому, светему (зап. н.).

Еще рѣже указанія на мѣстн. пад.: на Петканинем разбоя-т.

Общій падежъ.

Съ упадкомъ склоненія, съ потерей многихъ падежныхъ флексій въ языкѣ естественно возникаетъ новая форма имени, которая въ соединеніи съ предлогами или безъ нихъ служитъ для обозначенія прежнихъ падежей. Эту форму называютъ общимъ падежемъ (*casus generalis*).

Въ болгарскомъ языкѣ общій падежъ является въ соединеніи съ членомъ или безъ него. Въ томъ и другомъ случаѣ форма его имѣетъ свои особенности. Безъ члена общій падежъ представляетъ собою большею частью форму старо славянскаго именительнаго падежа, насколько то дозволяютъ звуковые законы языка (исчезновеніе *ъ* и *ь* на концѣ, переходъ неударяемаго *а* въ глухой зв. и т. п.): мѣж, брат, орѣх, майка, башта, баба, глава, мѹха, войвода, сѣдя, пѣт, кост, слово, име, дѣрво, теле, село Марко; есен месец, млад, стар, друго чедо, мило, голѣма, сѣня. Въ такой формѣ общій падежъ употребляется преимущественно въ народныхъ пѣсняхъ: царо на майка го-

вори, от леп монастир, без огън, до султан Мурата, от мила сестра, по дервишка зѣмя, чѣша (в. п.) отпущи, у гѣра зелена, и му падна от деснѣ нога палец, дека ходиш со млѣда нѣвеста. Въ литературномъ языкѣ предпочитаютя формы съ членомъ.

Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ (Пиротъ, Трнъ, Софія, угроболгар. н.), для словъ жен. р. съ основой на *a* общимъ падежемъ служить форма не именительнаго, а винительнаго пад. на *y*: за ружу, имали одну ябуку, нана ми купи одну барлу од белу кожу, од чер'еску вѣру, със войску, на годину, даде сина на черку, сос душу, у Клисору.

Въ македонскихъ говорахъ нерѣдко наблюдается особый способъ обозначенія падежныхъ отношеній. Для передачи извѣстнаго падежа отъ именной основы употребляется соотвѣтствующій падежъ указательнаго мѣстоименія, помѣщаемый передъ именемъ или послѣ него въ томъ родѣ какого данное имя, остающееся неизмѣняемымъ; напр.: Стоян је майка велеше (вм. майкѣ или на майка), майка Павел му продумвит, наше дето да го загубила, како майка ке је кажам.

Соединяясь съ членомъ, общій падежъ принимаетъ въ разныхъ говорахъ различныя окончанія для основъ муж. и жен. р.; слова-же сред. р. сохраняютъ во всѣхъ нарѣчійхъ и говорахъ одинаковую форму: морѣ-то, село-то, бгнице-то.

Основы муж. р. въ соединеніи съ членомъ могутъ имѣть слѣдующія окончанія: *z-t*, *ъ-t*, *й-t*, *a-t*, *я-t*, *o-t*, *-a*, *-я*, *-o*: вълкѣ-т, вълка-т, вълко-т, вълка, вълко; учитель-т, учителя-т, учителя; злодѣй-т, злодѣя-т, злодѣя. Въ твердыхъ основахъ выступаютъ гласныя *z*, *a*, *o*, въ мягкихъ—*ъ-я*, въ основахъ на гласн. *j*—*й*, *я*. Всѣ эти формы общаго падежа въ большей или меньшей степени употребляются въ разныхъ говорахъ восточнаго и западнаго нарѣчій и, за исключеніемъ формы на *om*, *o*, приняты въ литературномъ языкѣ. Въ однихъ говорахъ преобладаетъ одна форма, въ другихъ—другая; такъ форма на *am*, *a* наиболѣе распространена въ восточныхъ говорахъ: човѣка, брата, царя Костадина, човѣка-т, брата-т (говоря при-Дунайскіе, Средн. Горы и т. д.); напротивъ въ западныхъ, особенно македонскихъ, господствуетъ форма *om*, *o*: човѣко-т, царо-т, мажо-т, законо, царо, дво-ро; то же и съ членомъ *o*: йозиков, човѣко-в.

Относительно образованія этихъ формъ и взаимныхъ ихъ отношеній не все ясно. Формы на *a*, *я*, *o* очевидно произошли изъ формъ

на *а-т*, *я-т*, *о-т* вслѣдствіе исчезновенія конечнаго *т*, которое въ живой рѣчи иногда могло звучать совсѣмъ не слышно. Что - же касается чередованія передъ *т* гласныхъ: *з*, *а*, *о* или *ъ*, *я*, то оно толкуется различнымъ образомъ. По мнѣнію однихъ (Милетичъ) *а*, *о* суть объясняемыя изъ болгарскаго вокализма звуковыя замѣны первоначальнаго *з*, а *я* (*та*) — первичн. *ъ*, а слѣдовательно и всѣ формы общаго падежа представляютъ собой одинъ и тотъ-же, различающійся только по выговору, древній именительный падежъ. Напротивъ, другіе (Теодоровъ) полагаютъ, что указанныя формы общаго падежа различнаго происхожденія, при чемъ *ът*, *от*, если и не тождественны въ звуковомъ отношеніи, то все-же представляютъ именительные падежи, между тѣмъ какъ формы на *ат*—*ят* суть винительные падежи (ср. Пер. Спис. Софія, XXI—XXII, XXV—XXVI). Последнее объясненіе, кажется, нужно считать болѣе удовлетворительнымъ въ виду существованія въ разныхъ говорахъ значительнаго числа остатковъ винит. пад. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что въ однихъ говорахъ значеніе общаго падежа получилъ именительный падежъ, въ другихъ — винительный, а затѣмъ въ литературномъ языкѣ могло произойти смѣшеніе формъ.

Основы жен. р. на *а* въ соединеніи съ членомъ удерживаютъ *а* въ западномъ нарѣчій, а въ восточномъ измѣняютъ его на глухой зв. (*á*) довольно часто, если это *а* стоитъ подъ удареніемъ, и почти всегда если оно не имѣетъ ударенія (исключенія см. выше стр. 79): глава-та и глава́-та. Литературный языкъ слѣдуетъ правилу западнаго нарѣчія. Въ нѣкоторыхъ родопскихъ говорахъ вм. *а* общій падежъ оканчивается на *о*: вода-та, ково-та, жено-та. Очень возможно, что это *о* образовалось изъ первон. *ъ*; въ такомъ случаѣ въ приведенныхъ примѣрахъ форма общаго падежа есть винительный падежъ. (Калина, II, 23. О переходѣ *ъ* въ *о* въ родопскихъ говор. ср. выше стр. 74).

Основы жен. р. на *и*, при образованіи общаго падежа принимаютъ членъ *та* безъ посредства гласнаго звука: власт-та, милост-та, смърт та. Въ живой рѣчи *та* часто совсѣмъ сливается съ согласнымъ основы, при чемъ конечное *а* члена можетъ перейти въ глухой звукъ: власта, смъртъ. Подъ вліяніемъ основъ муж. р. и основы жен. р. на *и* иногда теряютъ членъ и вмѣсто него принимаютъ зв. *а*: една реча, мисля, пѣсна (мак. гов.).

Основы муж. р. на *а*, при образованіи общаго падежа, сохраняютъ *а*, но членъ принимаютъ въ формѣ жен. р.: владыка-та, войвода-та, уйка-та, папá-та, баштá-та.

Имена существительныя, заимствованныя изъ турецкаго языка, оканчивающіяся на *джи*, *чи*, принимаютъ членъ жен. р. *та*, присоединяемый посредствомъ суффик. *я*: механджі — (хозяинъ гостинницы) — механджія-та, чорбаджи — чорбаджия-та, кафеджи — кафеджия-та, хаджи — хаджія-та, топчи — (пушварь) — топчія-та.

Собственныя имена, а также *Бог* и *Господ* употребляются въ имен. пад. безъ члена, а въ остальныхъ падежахъ выступаетъ суфф. *а*: на Бóга, на Госпóда. Впрочемъ, если эти имена употребляются съ именемъ прилагательнымъ, то появляется членъ: добриятъ Петър, силниятъ Господ.

Форма общаго падежа съ членомъ служитъ для обозначенія различныхъ падежей смотря по тому, съ какимъ предлогомъ она соединяется или какое мѣсто занимаетъ въ предложениі. При предлогѣ *на* — она можетъ быть родит. или дателън. п. (иногда винит. п.) при предл. *из*, *от* — родит. п., при *в*, *у* — мѣстн. п., при *съ* (*със*) — твор. п. Занимая мѣсто подлежащаго, она есть именит. п., а представляя собой дополненіе она — винит. п. Только звательный падежь употребляется безъ члена и сохраняетъ древнюю флексію (см. выше стр. 105). Примѣры: орель-т е царя-т на птици-тѣ, Никола учи брат-а си на книга, речі на слугá-та, вол падна у вода-та, градъ-т е малъкъ или града-е малъкъ, вѣшти-тѣ на града, момчѣ-то играе с дѣтѣ-то, вино то течѣ от бѣча-та, донесѣте ми свѣшт-та, дайте трѣва-та на крава-та, дадох на Никола книга-та, излѣзе из град-а.

Въ нѣкоторыхъ западныхъ (особ. македонскихъ и родопскихъ) говорахъ наблюдаются случаи склоненія члена: човѣка — того, чилѣка — того, попа — того стареого, воню — туму, людем — тем, конче — нуму, хайдутина — ног. (Ср. Пер. Сп., XIX — XX, Филолог. Зап., 1883; Ofeicoff. La Macedoine и т. д. ср. выше стр. 54).

Образованіе множественнаго числа.

Во множеств. числѣ въ современномъ болгарскомъ яз. возможна только одна падежная форма, представляющая собой большею частью именительный падежь. Этотъ общій падежь употребляется съ чле-

номъ или безъ него, съ предлогами или безъ нихъ, соотвѣтственно придаваемому ему, тому или иному значенію. Относительно образованія его нужно замѣтить слѣдующее.

Имена муж. рода обыкновенно оканчиваются на *и*; но сверхъ того могутъ принимать и другія окончанія: *је* (изъ *иѣ*), *ове*, *еве* (*ой*, *ей*), *овци*, *евци*, *а*, *ишта*, *иѧ—я*.

и: гаврани, извори, зѣби, овчѣри, учителя, славен; стоящій передъ конечнымъ согласнымъ *е*, *з* (если онъ соотвѣтствуетъ старослав. *ъ*, *ь*, или же вставленъ для благозвучія) выбрасывается: орѣл—орлі, пѣтел—пѣтлі, овѣн—овні, отѣц—отці, владенец—владенци, котѣл—котлі. Гортанные *г*, *к*, *х* передъ *и* переходятъ въ свистящіе: *з*, *ч*, *с*: бѣлѣзи, ученици, кожѹси; впрочемъ нѣкоторыя слова (въ восточн. нар.) не смягчаютъ *х*: женихи, сиромѧхи, брѣхи, тѣрбухи (но діалект. и ореси); раки и раци. Слова на *им*—теряютъ этотъ суффиксъ: блѣгарин—блѣгари, срѣбин—срѣби, турчин—турци, селянин—селяни, душманин—душмани; въ восточномъ нар. для этихъ словъ возможно оконч. *е*: славяне и славяни.

иѣ—е (*ѣе*) принимаютъ (преимущ. въ восточн. нар.) нѣкоторыя основы на *и*, *јо*, а по аналогіи съ ними и нѣкоторыя другія (на *о*): царѣ, кралиѣ, воние, мѧжие и царѣ, кралѣ, конѣ, мѧжѣ (пишутъ и такъ: царѣе, кралѣе), гостие (но и гости), робие (и роби), денѣ, лѧхтѣ, нохтѣ.

ове (*еве*) принимаютъ преимущественно односложныя существительныя: волове, родове, духове, домове, врагѣве, бојѣве, змѣјѣве, краеве, дворове—двореве, коневе, ключеве (зап. нар.), топове, мостове, ножѣве. Въ македонскихъ говорахъ преобладаетъ окончанія *ови*, при чемъ *в* можетъ выпастъ, а *и* переходитъ въ *ј*: сватѣи, братѣи, дворѣи, кралѣи, ключѣи, покой вѣ сватѣве, дворѣве и т. п.

овци—евци: имена собственныя на *а*, *о*, *е*, *ей*, *иѧ*—Никѣловци, Пѣтковци, Мѧрковци (отъ Никола, Петко, Марко), Андрѣевци, Добрѣвци, Благбевци (отъ Андреи, Добрѣ, Благой). Имена на *ю* имѣютъ во множ. ч.—*ювци*: Злѧтѣвци, Нѣдѣвци, Стѣвѣвци.— Сюда-же относятся такія слова какъ *кралѣ* (воръ), *мамлѣ* (обманщикъ), которыя во множ. ч. принимаютъ *ѣвци*: кралѣвци, мамлѣвци.

а: немногія существительныя, образующія множ. ч. по аналогіи именъ средн. р.: кракѧ, рѣгѧ (отъ крак, рѣг). Членъ ставится тоже въ среднемъ родѣ: кракѧ-та, рѣгѧ-та.

ишта: градишта, друмишта (дороги), краишта, пѣтишта, траишта (ямы), грѣбшта (при: градове, друмове и т. д.).

и—*я*: болгарія и болгаря, брѣтия—брѣтя, турчя—турчя, чифуця—чифуця (жиды), биволя—биволя вм. болгары, турцы и т. д.

камъ и *кремъ* имѣютъ во множ. ч. *камъци*, *кремъци*, а также *камъни*, *кремъни*.

Вм. множ. ч. от *челъ* употребляется *хора*.

Имена женск. рода обыкновенно образуютъ множ. ч. на *и*: краи, жени, земли, майки, кости, пещи, крѣви, цѣрки. Въ западныхъ говорахъ не рѣдко окончаніе *е*: девок'е, жене, године, краве; встрѣчается оно и въ нѣкоторыхъ словахъ и въ восточномъ нар.: овцѣ, свянѣ. Въ солунскомъ округѣ сохранилось древнее окончаніе основъ на *а*—*и*: жены, рыбы, нивы. (Ср. Пер. Сп., XV, 403; XVII, 322, XIX—XX, 258).

Подобно словамъ муж. р. и нѣкоторыя женск. р. принимаютъ окончанія *и*—*я*: нивия—нивя, вѣштя, внижя. Отъ древн. дъшти—мн. ч. дъштеря.

Имена средн. рода оканчиваются на *а*, *я*: стада, лозя, знѣмения. Основы на согласный сохраняютъ этотъ звукъ и во множ. ч.: племена, времена, имена, рамена, агнета, тѣлета, небеса, чудеса, словеса.

По аналогіи основъ на *т* (др. *ит*) образуютъ множ. ч. нѣкоторыя другія основы: морѣ—морѣта, полѣ—полѣта, момчѣ (парень)—момчѣта, момичѣ (дѣвушка)—момичѣта, либе (возлюбленный—ая)—либѣта; также: пилѣ—пилѣта, кучѣ (собака)—кучѣта, вине—винѣта, брѣме—брѣмета (а не бремена). Въ македонскихъ говорахъ эти слова часто встрѣчаются съ суффик. *и*ня: поле — полия, море — мория. Слова, означающія молодыхъ животныхъ, принимаютъ, по аналогіи съ основами муж. р., и другой суффик. — *и*и: тѣлци, прѣсци, пилци, агнѣци. *Дѣте* имѣетъ во множ. ч. *дѣца* и *дѣца*.

Формы съ членомъ: войниця-тѣ, биковѣ-тѣ, овчаря-тѣ, горя-тѣ, пустыни-тѣ, иженя-та, лозя-та; вѣни-не, девѣйки-не, вѣли-се, брашна-са; на гаврани-тѣ у планини-тѣ, с жени-тѣ, на дѣрва-та.

Въ народной рѣчи общій падежъ множ. ч. именъ существительныхъ муж. и жен. рода нерѣдко соединяется съ членомъ не множ. ч., а единств. средн. рода — *то* (вм. *тъ*): кумове-то, овчаре-то, конѣ-то, людѣ-то, селяне-то, Бугаре-то, гостѣ-то, царѣ-то, мѣжѣ-то, чоба-

ни-то; также и подзѣ-то, рѣцѣ-то. Эти и подобныя имъ формы объясняются характерною особенностью болгарскаго языка — образовывать имена среднего рода въ значеніи собирательныхъ изъ основъ муж. и женск. р. посредствомъ суфф. *ије* (*је*) и члена *то*: тѣрн—тѣрниѣ-то, цвѣт—цвѣтѣ-то, лист—листѣ-то (изъ тѣрније-то, листије-то и т. д.); юначе то, вниже-то, булче-то (собр. отъ булка—женщина); вог'е-то (отъ вода); сираче-то (отъ сирак—сиромах). По аналогіи съ такими собирательными существительными могли образоваться и приведенныя формы множественнаго числа въ соединеніи съ членомъ *то*: овчаре-то, селяне-то и т. п.

И м я п р и л а г а т е л ь н о е .

Имена прилагательныя въ болгарскомъ языкѣ имѣютъ двоякую форму, простую (усѣченную) и сложную (членную), только для муж. р. един. ч. и сред. р. множ. ч. Въ женск. и сред. р. един. ч. и во множ. ч. муж. и женск. р. утратилось различіе между простыми и сложными формами; тѣ и другія образуются посредствомъ однородныхъ суффиксовъ.

Простая форма.

	М. р.	Ж. р.	С. р.
Ед. ч.	Согл. зв.	а, я	о, е
Мн. ч.	и	и	а

Сложная форма.

	М. р.	Ж. р.	С. р.
Ед. ч.	ий, (и).	а, я	о, е
Мн. ч.	и	и	и

Примѣры простой формы: млад челѣкъ, синь лед, млада агнета, синя морета. Примѣры сложной формы: младий (млади) юнакъ, синий лед, три мѣшки децѣ. Одинаково къ той и другой формѣ можно отнести прилагательныя въ слѣдующихъ примѣрахъ: млада жена, първо либе, млади коваче, ситни дзвезди, синя вода, сине море, сини огнѣве. Тождество формъ произошло, по всей вѣроятности, вслѣдствіе уподобленія и стяженія однородныхъ гласныхъ въ древней флексіи членныхъ прилагательныхъ; напр. млада (ж. р.) могло произойти изъ младая; младо изъ младою, млади (мн. ч. муж. р.)—изъ младии и т. д. Кое-гдѣ въ Македоніи и теперь сохранились сложныя формы: малкая мома, свѣтаа Петка (Милад.). Смѣшеніе флексій прилагательныхъ разныхъ родовъ во множ. ч., вѣятно, находится въ связи съ общимъ разстройствомъ болгарскаго склоненія. При образованіи

простой формы муж. р. часто являются вставочные гласн. *з, е*: дѣбър, сладък, малък, мѣдър, днѣшн, таен, достоен, буен; сложныя формы: добрый, мѣдрый, тайный.

Прилагательныя въ простой формѣ рѣдко соединяются съ членомъ. Въ случаѣ-же употребленія члена соблюдаютъ тѣже правила, что и при именахъ существительныхъ: бащинъ - т дом или бащин - а дом; въ разныхъ говорахъ *вм. з-т* можетъ стоять *о*: добро мѣж, мило брате. Напротивъ прилагательныя въ сложной формѣ обыкновенно употребляются съ членомъ. Находясь при существительныхъ, они занимаютъ у послѣднихъ членъ, который и здѣсь, смотря по діалектамъ, принимаетъ тѣже различныя формы какъ и при соединеніи съ именами существительными. Для единств. числа употребительныя формы члена *т, в, н* всѣхъ трехъ родовъ, а для множеств. ч. возможна лишь одна общая форма для всѣхъ родовъ: *тъ, не, се*; напр.: млáдй-т момаъ, млáда-та жена, мáлко-то дѣтѣ, млáди-тѣ момци, млáди-тѣ жени, мáлки-тѣ дѣца, морска-ва ламия, благо-но вино, студени-не кладенци, зелени-не ливаде, десна-ва рака.

Весьма разнообразны формы прилагательнаго съ членомъ муж. р. ед. ч. Форма *младий-т* употребляется рѣдко; *вм. ия* обыкновенно слышны формы *младия-т* и *младия*, принятыя и въ литературномъ яз. Формы эти образованы, вѣроятно, по аналогіи съ именными формами: *брата-т, брата, коня-т, коня*. Въ западныхъ говорахъ *вм. а, я* можетъ явиться *о, jo (ѣ)*, какъ и при именахъ существительныхъ: *църнио-т* Арапин, *помладийот* браток, *другийо* юнак, *среднио-в* брат, *старисв* чоек. Формы на *а, я, о, ѡо (ѣ)* (бѣлна Дунав, *младия, постарио, другийо*), могли образоваться изъ формъ на *а-т, ят, от, ѡот* (бѣлиат, *младия - т, другийот* и т. д.). Ср. выше стр. 113—114.

Отъ древняго склоненія именъ прилагательныхъ сохранились лишь немногіе остатки, которые уже указаны выше, стр. 106—107 и 111—112. Падежныя отношенія выражаются посредствомъ общаго падежа и предлоговъ, какъ и при именахъ существительныхъ.

Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ попадаются любопытныя формы прилагательныхъ въ соединеніи со склоняемымъ членомъ: *църно-тогоа, на средня-тогоа* (Търн. гов.).

Степени сравненія. Болгарскій языкъ не знаетъ степеней сравненія, образованныхъ какъ въ древне-славянскомъ и большъ

шинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ, при посредствѣ особыхъ, характерныхъ суффиксовъ (*иш*, *ьши*, *ю*; *нй*, *нйши*, *ню*, *ай*, *айши*, *аю*); вмѣсто послѣднихъ употребляются особыя приставки *по* и *най*, которыя присоединяются спереди къ прилагательнымъ и служатъ—первая для образованія сравнительной степени, а вторая — превосходной. Примѣры *сравн. ст.*: *по* — голѣм, *по* — добър, *по* — млад, *по* — стар, *по* — умен, *по* — тѣжко, *по* — мѣдри; *превосх. ст.*: *най* — голѣм, *най* — добър, *най* — млад, *най* — стар, *най* — малко.

Примѣч. 1. Послѣ прилагат. въ сравнит. или превосходн. степени слѣдующее существительное, обозначающее предметъ, съ которымъ производится сравненіе, ставится съ предлогомъ *от* или (рѣже) съ нарѣчіями *нежели*, *като*: *моя-та* кѣшта е *по* — хубава от *твоѣя-та*, *нежели* *твоѣя-та*, *като* *твоѣя-та*, Иван е *по* — умен от Никола, *алѣтото* е *най* — тѣжко от *сѣчки-тѣ* метѣли.

Примѣч. 2. Приставка *по* въ значеніи частицы, показывающей степень сравненія, иногда присоединяется къ именамъ существительнымъ и даже глаголамъ; напр.: *по* — юнак, *по* — обичам (больше люблю).

Имя числительное.

Количественныя числительныя:

1, единъ, една, едно.	17, седьмѣйс.
2, два, двѣ.	18, осьмѣйс, осемнаесе.
3, три.	19, деветѣйс.
4, чѣтире, чѣтири.	20, двѣйсѣ, двѣис, двѣест.
5, пет.	21, двѣйсѣ и единъ.
6, шест, шес.	25, двѣйсѣ и пет.
7, седѣм, седем, седам, седум (мак.).	30, трѣйсѣ, трѣйс, триест (с.-з. г.).
8, осьм, осум.	40, четѣрис.
9, дѣвет.	50, пендесѣ, педесѣ.
10, дѣсет.	60, шейсѣт, шейсѣ, шесдесе (сѣв.-
11, единѣйсѣт, единѣйсѣ, единѣйс.	[зап. г.).
12, дванѣйс, дванѣесе.	70, седѣмдесѣ, седумдесе (мак.),
13, тринѣйс, тринѣесе.	[седѣмдесе.
14, четирнѣйс.	80, осѣмдесѣ.
15, петнѣйс, петнаесе.	90, девендесѣ, деведесѣ.
16, шеснѣйс.	100, сто.

101, сто и еди́н.	700, се́дѣм стѣтин.
150, сто и пендесѣ.	800, ѡсѣм стѣтин.
200, двѣ стѣ, две сти.	900, дѣвет стѣтин.
300, три ста.	1,000, тѣсяща, хилѣда, хилѣдо.
400, чѣтире стѣтин.	10,000, дѣсет хилѣди.
500, пет стѣтин.	100,000 сто хилѣди.
600, шест стѣтин.	1000,0000, миллиѡн.

Греческая форма х и лѣдо, и лѣдо употребляется въ языкѣ предпочтительнѣе передъ славянскою—т и с я щ а.

При именахъ личныхъ, вмѣсто числительныхъ количественныхъ, отъ 2 до 9, употребляются особыя производныя существительныя, принимающія также членъ *та*: двойца, двѣма и двамѣна, тройца и трѣма, четвѣрица и четѣрма, петѣма, шестѣма, седѣмтѣма, осѣмтѣма, девѣтѣма; напр.: двойца-та момци, четѣрма-та синовѣ.

Находясь при существительныхъ, обозначающихъ извѣстный или опредѣленный предметъ, числительныя количественныя обыкновенно принимаютъ членъ *тъ*, напр.: шейсет-тѣ юнаци, петнаис-тѣ жени. Но двѣ стѣ и три ста принимаютъ *та*: двѣ стѣ-та кѣшти, три ста-та годѣни. Всѣ остальные обозначенія сотенъ: чѣтире стѣтини, пет стѣтин и ч. д. употребляются съ членомъ въ двойной формѣ: *тъ* и *тъх*: шест-тѣ стѣтин или шест-тѣх стѣтин.

Числит. *един*, соединяясь съ членомъ, обыкновенно употребляется въ сложной формѣ: еди́ний-т, еди́ния-т, еди́ния. Жен. р.—една́-та, ср. р.—одно́-то; множ. ч. всѣхъ трехъ родовъ—едни-тѣ.

Числит. *два* съ членомъ имѣеть двѣ формы: два-та (м. р.), двѣ-тѣ (жен. и ср. р.).

Порядковыя числительныя:

1, пѣрвий, пѣрв, а, о.	9, девѣтий, девети.
2, втѣрйй, втори, а, о.	10, десѣтий, десети.
3, трѣтий, трети, я, е.	11, единѣйстий.
4, четвѣртий, четверти, четвѣрт.	12, дванайстий.
5, пѣтйй.	13, тринайстий.
6, шѣстйй.	14, четирнайстий.
7, седмйй.	15, петнайстий.
8, ѡсмйй.	16, шеснайстий.

17, седьмѣна́дцѣтъ.

18, осьмѣна́дцѣтъ.

19, девѣтѣна́дцѣтъ.

20, двѣна́дцѣтъ.

21, двѣйс и пѣрвѣй.

30, трѣйцѣтъ.

40, четѣрѣйцѣтъ.

50, пѣдесѣтъ.

60, шейсѣтъ.

70, седьмдесѣтъ.

80, осьмдесѣтъ.

90, девѣдесѣтъ.

101, сто и пѣрвѣй.

1000, тѣсѣцѣтъ.

Числительныя порядковыя измѣняются по родамъ, числамъ и падежамъ (иногда) какъ имена прилагательныя, и на равнѣ съ послѣдними могутъ принимать членъ. Тоже относится къ множительнымъ числительнымъ: двойнѣй и двѣен, а, о, трѣйнѣй и троен, четворнѣй—четвѣрен, петокрѣтен, шестокрѣтен, седмовкрѣтен, осмокрѣтен, девѣтокрѣтен, десѣтокрѣтен, двѣйсекрѣтен, стовкрѣтен, хѣлядокрѣтен.

Неопредѣленныя числительныя: нѣколица, малцѣна, мнозѣна, мѣлко, много—обыкновенно не принимаютъ члена; напр.: мнозѣна тѣрговци, мѣлко кони.

Числительныя *нарѣчѣя*: веднѣжд, двѣжды, трѣжды, едѣн пѣтъ, двѣ пѣтъ, чѣтири пѣтъ, двѣйсе пѣтъ, сто пѣтъ.

Образцы склоненія.

1) Имена существительныя безъ члена.

Единств. ч.		Множ. ч.	
И. воѣнѣкъ	сват	воѣнѣци	свѣтовѣ
З. воѣнѣче	свѣто	воѣници	свѣтовѣ
В. воѣник	сват	воѣници	свѣтовѣ
Р. на воѣник	на сват	на воѣници	на свѣтовѣ
Д. на воѣник	на сват	на воѣници	на свѣтовѣ
Т. с воѣник	с сват	с воѣници	с свѣтовѣ
М. в (у) воѣник	в (у) сват	в (у) воѣници	в (у) свѣтовѣ
И. водѣ	сѣбя	водѣ	сѣби
З. водѣ	сѣбѣ (ѣ)	води	саби
В. водѣ	сѣбя	води	саби
Р. на водѣ	на сѣбя	на води	на саби
Д. на водѣ	на сѣбя	на води	на саби
Т. с водѣ	с сѣбя	с води	с саби
М. в (у) водѣ	в (у) сѣбя	в (у) води	в (у) саби

Единств. ч.		Множ. ч.	
И. чедо	полé	чедá	полéта
З. чедо	поле	чеда	полета
В. чедо	поле	чеда	полета
Р. на чедо	на поле	на чеда	на полета
Д. на чедо	на поле	на чеда	на полета
Т. с чедо	с поле	с чеда	с полета
М. в (у) чедо	в (у) поле	в (у) чеда	в (у) полета
И. пѣт	власт	пѣтишта	власти́
З. пѣтю	властé	пѣтишта	власти
В. пѣт	власт	пѣтишта	власти
Р. на пѣт	на власт	на пѣтишта	на власти
Д. на пѣт	на власт	на пѣтишта	на власти
Т. с пѣт	с власт	с пѣтишта	с власти
М. в (у) пѣт	в (у) власт	в (у) пѣтишта	в (у) власти
И. Драгáн	Злáтю	Драгáновци	Злáтюрци
З. Драгане	Злате	Драгановци	Златюрци
В. Драгана	Златя	Драгановци	Златюрци
Р. на Драгана	на Златя	на Драгановци	на Златюрци
Д. на Драгана	на Златя	на Драгановци	на Златюрци
Т. с Драгана	с Златя	с Драгановци	с Златюрци
М. в (у) Драгана	в (у) Златя	в (у) Драгановци	в (у) Златюрци
И. Неда	Стойка	Недини	Стойкани
З. Недо	Стойке	Недини	Стойкани
В. Неда	Стойка	Недини	Стойкани
Р. на Неда	на Стойка	на Недини	на Стойкани
Д. на Неда	на Стойка	на Недини	на Стойкани
Т. с Неда	съ Стойка	с Недини	съ Стойкани
М. в (у) Неда	в (у) Стойка	в (у) Недини	в (у) Стойкани

2) Имена существительныя съ членомъ.

Единств. ч.		Множ. ч.	
И. вѣль-т	вѣль-а	вѣлци-тѣ	
З.	вѣлче	вѣлци	

Единств. ч.		Множ. ч.	
В. вълкъ-т	вълк-а	вълци-тѣ	
Р. на вълкъ-т	на вълк-а	на вълци-тѣ	
Д. на вълкъ-т	на вълк-а	на вълци-тѣ	
Т. с вълкъ-т	с вълк-а	с вълци-тѣ	
М. в (у) вълкъ-т	в (у) вълк-а	в (у) вълци-тѣ	
И. женá-та	смърт-та	женѣ-тѣ	смѣрти-тѣ
З. жéно	смъртé	женѣ	смѣрти
В. женá-та	смърт-та	жени-тѣ	смърти-тѣ
Р. на жена-та	на смърт-та	на жени-тѣ	на смъртитѣ
Д. на жена-та	на смърт-та	на жени-тѣ	на смъртитѣ
Т. с жена-та	с смърт-та	с жени-тѣ	съ смъртитѣ
М. в (у) жена-та	в (у) смърт-та	в (у) жени тѣ	в (у) смъртитѣ
И. ребрó-то	плéме-то	ребрá-та	племенá-та
З. ребрó	плéме	ребрá	племенá
В. ребро-то	племе-то	ребра-та	племена-та
Р. на ребро-то	на племе-то	на ребра-та	на племената
Д. на ребро-то	на племе-то	на ребра-та	на племената
Т. с ребро-то	с племе-то	с ребра-та	с племената
М. в (у) ребро-то	в (у) племе-то	в (у) ребра-та	в (у) племената

3) *Имена прилагательныя съ членомъ.*

Единств. ч.		Множ. ч.	
И. добрый-т (добрият, добрия)	учител	добри-тѣ	учители
З. добрый	учителю	добри	учители
В. добрый-т (добрият, добрия)	учител	добри-тѣ	учители
Р. на добрыйт (добрият, добрия)	учител	на добри-тѣ	учители
Д. на добрыйт (добрият, добрия)	учител	на добри-тѣ	учители
Т. с добрыйт (добрият, добрия)	учител	с добри-тѣ	учители
М. в (у) добрыйт (добрият, добрия)	учител	в (у) добри-тѣ	учители
И. умна-та	момá	умни-тѣ	момѣ
З. умна	мóмо	умни	момѣ
В. умна-та	момá	умни-тѣ	моми
Р. на умна-та	мома	на умни-тѣ	моми

Единств. ч.

Д. на умна-та мома
 Т. с умна-та мома
 М. в умна-та мома
 И. малко-то дѣте
 З. малко дѣте
 В. малко-то дѣте
 Р. на малко-то дѣте
 Д. на малко-то дѣте
 Т. с малко-то дѣте
 М. в (у) малко-то дѣте

Множ. ч.

на умни-тѣ моми
 с умни-тѣ моми
 в умни-тѣ моми
 малки-тѣ дѣца
 малки дѣца
 малки-тѣ дѣца
 на малки-тѣ дѣца
 на малки-тѣ дѣца
 с малки-тѣ дѣца
 в (у) малки-тѣ дѣца

4) Склоненіе имени прилагательнаго безъ члена.

И. светій Иван.
 З. светий Иване.
 В. светого (—ога) Ивана.
 Р. светого (—ога) Ивана, на светого Ивана.
 Д. светому Ивану, на светого (—ога) Ивана.
 Т. с светий Иван.
 М у светий Иван.

B) Спряженіе.

Болгарское спряженіе не подверглось такому полному разгрому, какой наблюдается по отношенію въ склоненію; оно представляетъ еще достаточное богатство формъ, между которыми не рѣдки остатки глубокой старины. Тѣмъ не менѣе въ общемъ болгарское спряженіе значительно отошло отъ формы старо-славянскаго спряженія: оно пережило разнородныя превращенія, понесло цѣлый рядъ утратъ въ формахъ и въ настоящее время изобилуетъ новообразованіями. Старина и новизна сочетаются здѣсь удивительнымъ образомъ. Утративъ формы неопредѣленнаго наклоненія и трехъ причастій (настоящаго и прошедшаго дѣйств. залога и настоящаго страд. з.), болгарскій глаголь сохранилъ столь рѣдкія въ живыхъ славянскихъ языкахъ прошедшія простыя—аористъ и преходящее—и рядомъ съ ними все древнее разнообразіе прошедшихъ сложныхъ временъ; не признавая двойствен-

наго числа, онъ различаетъ довольно отчетливо личныя окончанія въ единственномъ и множественномъ числѣ; измѣнивъ многія древнія флексіи примѣнительно къ звуковымъ законамъ языка, или подъ вліяніемъ общаго закона аналогіи, онъ все-таки удержалъ не мало архаическихъ элементовъ въ образованіи отдѣльныхъ формъ. При изученіи разнообразныхъ болгарскихъ говоровъ открывается все болѣе такихъ чертъ древности и яснѣе выступаетъ связь между спряженіемъ ново-болгарскимъ и старо-славянскимъ.

Обозрѣніе всѣхъ характерныхъ особенностей болгарскаго спряженія можетъ быть представлено въ слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) утрата неопредѣленнаго наклоненія и причастій настоящаго и прошедшаго I (склоняемаго) дѣйств. зал. и прошедшаго страд. з.; 2) сохранившіяся причастныя формы; 3) личныя окончанія; 4) настоящее время; 5) повелительное наклоненіе; 6) аористъ и переходящее вр.; 7) прошедшія сложныя; 8) образованіе будущаго времени и условнаго наклоненія; 9) возвратный и страдательный залогі; 10) спряженіе по классамъ.

Утрата неопредѣленнаго наклоненія и трехъ причастій.

Неопредѣленное наклоненіе уже не существуетъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ; оно замѣняется цѣлымъ предложеніемъ, образованнымъ посредствомъ союза *да* и настоящаго (или будущаго) времени; напр.: той ште да иде, не штем да излѣземъ, ѿскам да пѣшъ, дайте ни нѣшто да ядемъ, можете да ми отговаряте и т. п.

Слѣды неопредѣленнаго накл. можно видѣть въ формѣ, служащей вмѣстѣ со *штъ* (старо-слав. *хощѣ*), для образованія будущаго времени (ср. ниже): прода - штъ, прода - штеп, прода - ште, писа - штъ, писа - штем и т. д. Эта форма, очевидно, образовалась черезъ отпаденіе суффикс. *ти*. Подобнымъ образомъ, черезъ отпаденіе суффикс. *ге* изъ латинскихъ *cantare*, *facere* возникли румынскія неопредѣленныя *kъnta*, *faсе*. Сюда можно присоединить и нерѣдкіе примѣры употребленія сокращеннаго неопредѣленнаго при глаголахъ помимо *штъ*: не дѣй ходѣ, можеш ли испѣ, не могъ зе, смѣеш ли каза (вм. ходити, испити, зети, казати). Сверхъ того нужно замѣтить, что 1) вообще въ болгарскомъ языкѣ удержались формы неопредѣленнаго отъ двухъ глаголовъ—*видѣтъ* и *познать*, напр. въ такихъ выраженіяхъ: не е видѣтъ ништа, познать го е по гласа и 2) что въ нѣкоторыхъ

западныхъ говорахъ (Търнъ, Вранья, кое-гдѣ въ Македоніи) встрѣчаются древнія формы неопредѣленнаго на *ти*: бити, ити, пити, изгинути, погубити, на груди ѡем душá дати (Макед.).

О времени, когда исчезло, изъ языка неопредѣленное наклоніе—трудно сказать что-либо положительное. Въ болгарскихъ памятникахъ XII—XV вв. употребляется не только неопредѣленное, но и суинъ. Въ текстахъ-же XVII в. неопредѣленное накл. составляетъ рѣдкое исключеніе; какъ въ современномъ языкѣ, оно или замѣняется сложной формой съ союзомъ *да*, или-же является въ неполномъ видѣ, безъ суфф. *ти*; напр.: ще да се развали, ще да бѣде, щѣть да паднать, може да в'дигне камакъ, не може да досегне дьно, не мога да гледамъ (Григоров. Сб.); не могоха да се у сѣтъ, не може да тръпи, не може ничто друго да очисти ч'лку дшъ - та като пустына (Соф. Сб.); щем каза, не дѣйте събыра, не дѣйте прави и кры (Любл. руж.); кой езъкъ може искáза (Соф. Сб.); азъ имъ ща сѣди, не могатъ влѣ (т. е. влѣсти), не може помогна (Григор. Сб.). Такимъ образомъ въ XVII в. данная морфологическая особенность представляла установившееся явленіе въ языкѣ. Относительно болѣе ранней эпохи приходится ограничиться одними предположеніями. Весьма вѣроятно, что въ зародышѣ эта особенность существовала въ XIII—XIV в.; въ памятникахъ она могла не выступать вслѣдствіе крѣпости стараго книжнаго преданія, терпѣвшаго извѣстныя отступленія отъ нормы въ правописаніи словъ, но не охотно допускавшаго перемѣны въ синтаксисѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя указанія на измѣненіе формы неопредѣленнаго содержатъ и древніе тексты, въ которыхъ она встрѣчается иногда не съ суфф. *ти* а *тѣ* или *т'*; напр.: потъщитса избавить люди, како можетъ любить (Слѣпч. ап.); хошѣ тѣ сътворить, понест'щѣ можъ главѣ, не можешъ сѣдитъ, не може его погоубить (Троян. пр. по Ватик. сп. XIV в.), что възбранѣт ми крстит сѣ (Макед. ап.). Едва-ли справедливо видѣть въ этихъ формахъ — супины, такъ какъ глаголы, при которыхъ онѣ стоятъ, не означаютъ движенія и, слѣдовательно, требуютъ послѣ себя неопредѣленнаго, а не супина. Вѣрнѣе всего онѣ говорятъ объ исчезновеніи конечнаго гласнаго *и* въ суффиксѣ неопредѣленнаго. Затѣмъ могло исчезнуть *т*, какъ оно исчезло въ окончаніи глаголовъ 3-го лица и, такимъ образомъ, получились тѣ оригинальныя усѣченныя формы, которыя видимъ въ текстахъ XVII в. и въ современной живой рѣчи.

Относительно причинъ, вызвавшихъ отсутствіе въ болгарскомъ языкѣ неопредѣленнаго накл., Ф. Миклошичемъ были высказаны два предположенія, взаимно исключаютія другъ друга. Первоначально (Starine, IX, 1871) знаменитый славистъ видѣлъ эти причины въ обстоятельствахъ развитія языка, въ происходившихъ въ немъ звуковыхъ превращеніяхъ: исчезновеніе конечныхъ гласныхъ въ суффиксахъ неопредѣленнаго и 3-го лица настоящаго времени сдѣлало необходимой дифференціацію этихъ формъ посредствомъ замѣны первой изъ нихъ—новой сложной формой, цѣлымъ предложеніемъ. Позже (Vergl. Gram., II, 1876) онъ объяснялъ данную особенность болгарскаго языка вліяніемъ языка иллиро-эракійцевъ на языкъ болгарскихъ Славянъ, при чемъ опору этому новому своему мнѣнію онъ находилъ въ томъ обстоятельстве, что въ языкѣ Шкипетаровъ (Албанцевъ) не существуетъ неопредѣленнаго накл., которое замѣняется особымъ описательнымъ оборотомъ, цѣлымъ предложеніемъ. Изъ этихъ двухъ предположеній мы болѣе склоняемся въ пользу перваго, какъ сдѣлали это и при рассмотрѣніи вопроса о паденіи болгарскаго склоненія. Въ виду приведенныхъ данныхъ изъ древнихъ памятниковъ и современной рѣчи постепенность исчезновенія изъ языка разбираемой формы представляется вполне естественнымъ, вѣроятнымъ процессомъ, имѣющимъ аналогіи по отношенію ко многимъ другимъ утраченнымъ формамъ. Если-же, напротивъ, на недостатку неопредѣленнаго накл. смотрѣть какъ на исконную особенность болгарскаго языка, выработавшуюся въ незапамятныя времена, въ эпоху слитія славяно-болгарь съ иллиро-эракійцами, то останутся совершенно загадочными отмѣченные выше слѣды неопредѣленнаго накл., уцѣлѣвшіе въ разныхъ частяхъ территоріи болгарскаго языка. Откуда могли взяться эти остатки неопредѣленнаго, если самая форма отрицалась исконнымъ строемъ языка?

Не менѣе любопытную особенность болгарскаго глагола составляетъ потеря двухъ склоняемыхъ причастій дѣйствительнаго зал.—настоящаго и прошедшаго—и настоящаго причастія страдательнаго залога.

Причастіе настоящее дѣйств. зал. въ обыкновенной рѣчи и литературномъ языкѣ не употребляется. Исключеніе составляютъ немногіе глаголы, отъ которыхъ возможна эта форма: сѣштий, сѣшт, сѣшта, сѣшто, настоящтій, настоящт, настоящта, настояште, бждѣштій, бждѣшт, -а, -е, слѣдуюштій, слѣдуюшт, -а, -е, го-

рѣштый, горѣшт, -а, -о, вонѣштій, вонѣшт, -а, -о¹⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ, преимущественно въ народныхъ пѣсняхъ, сохранились немногочисленные остатки причастія настоящего времени, имѣющія значеніе дѣепричастій. Чаще всего эти древнія формы, уже въ измѣненномъ видѣ, наблюдаются въ сѣверо-западныхъ (Търнѣ, Враня, Софія) и македонскихъ (Скопле, Велесъ, Охрида, Струмица) говорахъ, но иногда встрѣчаются и въ восточномъ нарѣчїи (Шумень). Онѣ имѣютъ слѣдующія окончанія: я (=старо-слав. ѣ): оставя, сенувая, спая (с.-зап. г.); *ешти, ечи, еки (ки), ючи, ячи (яче)*, (=ѣштити, суф. ж. р.): берешти (Шум.), пишешци (Охр.), метешци, гледаешци, готешци, плачешци, чекаеки, печеешки, метеешки (Милад.), дайки, работайки (Велес, Скопле), гледаючи, лежаючи, чуваючи (с.-зап. гов.), переячи, служающе (Качан.); *ештем, еком* (=твор. п., соотв. лат. герундію): одештем, плачештем, свакаештем, играештем, четаештем, отиваештем, даештем, седевком, пиееком, одейком (Маб. г.).

По аналогіи съ указанными діалектическими формами на *ештем, еком* образовались вообще довольно употребительныя въ болгарскомъ глагольныя формы на *ешком*, также исполняющія службу дѣепричастій; напр.: пеешком, орешком, седешком, видешком. Наконецъ нужно отмѣтить еще новообразованныя, не вполне понятныя, формы на *щеш, ящеш*, также употребляющіяся въ значеніи дѣепричастій: ходящещ, говорящещ, пѣящещ.

Причастіе прошедшее дѣйств. з'а л. не существуетъ въ современномъ болгарскомъ яз. какъ самостоятельная глагольная форма. Слѣды его сохранились только въ отглагольныхъ прилагательныхъ, какъ *бишій* и въ такихъ формахъ какъ *скришем, скришема* (твор. п.).

Причастіе настоящего вр. страд. зал. также совсѣмъ исчезло изъ живой рѣчи; въ литературномъ языкѣ оно встрѣчается лишь отъ немногихъ глаголовъ; напр.: видим, а, о, говорим, а, о, нарицаем, а, о, називаем, а, о.

Въ болгарскихъ рукописяхъ формы всѣхъ трехъ причастій употребительны до XVIII ст.; но въ текстахъ XVII—XVIII ст. онѣ довольно рѣдки и чаще замѣняются описательными оборотами.

¹⁾ По распространенію въ Болгаріи правоисацію эти слова и другія пишутся съ буквой *щ* вм. болѣе правильнаго *шт*.

Сохранившіяся причастія.

Остальные два причастія старо-слав. яз.—прошедшее дѣйств. II и прошедшее страдат. зал. вполне сохранились въ современномъ болгарскомъ языкѣ.

Причастіе прошедшее дѣйств. II, служащее для образованія прошедшихъ сложныхъ временъ, въ единств. ч. имѣетъ тѣ же окончанія, что въ старо-слав. яз.: *л* (м. р.), *ла* (ж. р.), *ло* (ср. р.); во множ. ч. обыкновенно употребляется одно окончаніе *ли* для всѣхъ трехъ родовъ; напр.: *оралъ, орала, орало, орали; училъ, учила, учило, учили*. Въ тѣхъ говорахъ (македонскихъ и восточныхъ), въ которыхъ неударяемое *и* переходитъ въ *е*, общимъ суффиксомъ для множеств. ч. является *ме*: *дошле, викале*. Въ Тернскомъ говорѣ наблюдаются различныя окончанія для всѣхъ трехъ родовъ и во множ. ч.: *ли* (м. р.), *ле* (ж. р.), *ла* (ср. р.): *падли, плеле, рекла*.

Причастія на *л* образуются въ болгар. яз. не только отъ предполагаемой основы неопредѣленнаго (какъ въ старо-слав. яз.), но и отъ основы преходящаго и настоящаго: *пил, знал, видѣл, рекъл, бегнѣл, зачул; бодѣл* (и *бол*), *учѣл* (и *учил*), *пѣшел* (писал), *миѣл* (мил), *пѣял, грѣял, умрѣл, вѣлел, забѣлел, отѣдел*. Если основа неопредѣленнаго оканчивается на согласный зв., то между нимъ и *л* является въ восточныхъ говорахъ глухой (*з*), на мѣсто котораго въ западныхъ говорахъ выступаетъ полный гласный: *а, о, е*: *могъл, могал, могол* (можел—род. гов.), *рѣкъл—рекол, пекъл—пѣвал, пекол, излѣзъл, несъл* (и *нел* зап. гов.). Зубные *д, т* передъ *л* обыкновенно выпадаютъ: *дѣшел, дошол, отѣшал* (мак.), *плел, довел*. Ср. 95 стр.

Въ нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ говорахъ (Вранья, Дупница, Кюстендилъ) вм. *л* встрѣчается *о* (какъ въ сербскомъ яз.): *био, изкидао, водио, поклонио, изламяо*. Въ Кратовѣ это *о* иногда звучитъ какъ краткое *ѹ* или переходитъ въ *я*: *рѣкал, рекаѹ, рѣкая*.

Причастіе прошедшее страд. зал. образуется (какъ въ старо-слав. яз.) посредствомъ суфф. *н, т*, при чемъ наиболѣе употребителенъ суфф. *н*, а суфф. *т* обыкновенно присоединяется къ основамъ, оканчивающимся на носовой звукъ или *но* (*ня*): *учинет, опленет, мигнѣт, проклет, заклан, удобен, кован, пишан, изменен*. Въ книжномъ языкѣ *т* принимаютъ и основы на *и, а*: *крит, бит, мит, шит, знат*. Формы жен. и сред. рода образуются посредствомъ обычныхъ

суфф. *а, о, а* во мн. ч. употребительна одна общая для всѣхъ трехъ родовъ форма на *и*: *учен, -а, -о, учени*.

Оба причастія, соединяясь съ именами существительными, могутъ употребляться, какъ прилагательныя съ членомъ или безъ него; напр.: *бит човѣкъ и бития - т човѣкъ, умрѣла - та овца, изгнило и изгнило - то дърво*.

Личныя окончанія.

Въ старо-славянскомъ языкѣ различаютъ двоякія личныя окончанія—полныя (первичныя) и усѣченныя (вторичныя); первыя являются въ настоящемъ времени, вторыя въ прошедшихъ (простыхъ) временахъ и повелительномъ наклоненіи. Въ болгарскомъ языкѣ выступаютъ тѣ и другія окончанія со своими особенностями, объясняемыми главнѣйше изъ звуковыхъ законовъ языка. Соответственно старо-славянскимъ они представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Полныя окончанія. (Наст. вр.).

Старо-славянскій яз.	Ново-болгарскій яз.
Ед. ч. 1 л. <i>мь, ѡ</i> (=гласн.+м) <i>ѡ</i>	<i>м, ѡ (ѡ), а, ѡ (ѡ), я.</i>
2 л. <i>си, ши</i> (=хи=си).	<i>и (иъ).</i>
3 л. <i>тъ.</i>	<i>(т)</i>
Мн. ч. 1 л. <i>мъ.</i>	<i>м, ме, ми, мо.</i>
2 л. <i>те.</i>	<i>те.</i>
3 л. <i>ѡтъ, ѡтъ</i> (=гласн.+ [нтъ), ѡтъ.	<i>ѡт (ѡт), ат, ѡт, ят, ет.</i>

Усѣченныя окончанія. (Прош. вр.).

Старо-славянскій яз.	Ново-болгарскій яз.
Ед. ч. 1 л. <i>з (м).</i>	—
2 л. —(с) } <i>отпали.</i>	—
3 л. —(т) }	—
Мн. ч. 1 л. <i>мъ.</i>	<i>ме (ми), мо.</i>
2 л. <i>те.</i>	<i>те.</i>
3 л. <i>ѡ, ѡ</i> (гласн.+ит).	<i>ѡ (ѡ), а, е.</i>

1) Окончанія настоящаго времени.

1-е лицо единств. ч. Древнее окончаніе *м*, образовавшееся изъ *мь* (черезъ отпаденіе конечнаго *ь*), присоединяется не только къ глаголамъ первообразнымъ, какъ въ старо-славянскомъ яз., но и къ глаголамъ другихъ типовъ, какъ это наблюдается во многихъ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ (сербск., слов., чешск.). Относительно степени распространенія этого окончанія, однако, нѣтъ полнаго сходства между болгарскими говорами; въ однихъ оно господствуетъ почти исключительно, въ другихъ употребляется предпочтительно передъ прочими возможными окончаніями, въ третьихъ захватываетъ значительный классъ глаголовъ, но не занимаетъ преимущественнаго положенія въ ряду другихъ окончаній. На всей площади болгарскаго языка *м* необходимо является 1) въ первообразныхъ глаголахъ: *сѣм*, *дам*, *ям*; 2) въ глаголахъ съ основой настоящ. на *а*: *вѣкам*, *вѣлям*, *дѣлам*; 3) въ новообразованныхъ формахъ условнаго склоненія съ суфф. *ва*: *учвам*, *орѣвам*, *бѣдѣвам*, *вѣртѣвам*. Въ говорахъ западно-македонскихъ (по правому берегу Вардара) исключительно употребляется окончаніе *м*, оно примѣняется къ глаголамъ всѣхъ классовъ: *сам*, *сум*, *стрижам*, *печам*, *станам*, *влязам*, *вечерам*, *знаям*. Въ говорахъ сѣверо-западныхъ окончаніе *м* преобладаетъ, но рядомъ съ этимъ окончаніемъ встрѣчаются другія—*а*, *у*: *бѣгам*, *кѣпам*, *пѣтам*, *ймам*, *йдем*, *смѣм*, *кѣлнем*, *мѣжем*, *мѣлим*, *нѣсим*, *слѣжим*, *фѣлим*, *вѣдим*, *дѣржим*; *има*, *пропѣва*, *идѣ*, *могѣ*, *пта*, *могу*, *чу*, *кю видѣ*, *женѣ*, *мола*, *гору* (=горю). Напротивъ въ говорахъ восточныхъ, юго- и восточно-македонскихъ употребленіе окончанія *м* гораздо рѣже, не выходитъ изъ области случаевъ, указанныхъ для болгарскаго языка вообще; напр.: *зовѣм*, *пишѣм*, *бодѣм*, *пекѣм*, *гѣснѣм*, но: *сѣдам*, *дѣвам*, *дѣмам*. Родоупскіе (Рупаланскіе) говоры въ данномъ отношеніи ближе подходятъ къ восточнымъ, чѣмъ западнымъ говорамъ. Отступленія отъ древней нормы въ употребленіи ок. *м* изрѣдка встрѣчаются уже въ текстахъ XIV в.: *оставлѣмъ*, *проливамъ* (Троян. пр.); въ текстахъ-же XVII в. болѣе широкое употребленіе этого окончанія вполне соответствуетъ современному состоянію языка: *знамъ*, *чакамъ*, *гледамъ*, *думамъ*, *радѣвамъ* (Григ. Сб.), *живимъ*, *пазимъ*, *казувамъ* (Любл. р.).

Окончанія *ж*, *з*, *а* соотвѣтствуютъ старо-славянскому носовому *ж* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣдній въ ново-болгарскомъ не уступилъ

своего мѣста оконч. *м*. Глухой звукъ, обозначаемый различнымъ образомъ (*ж*, *з*), выступаетъ преимущественно въ восточномъ нарѣчїи, а чистый—*а*—въ западномъ нар. (ср. выше, стр. 73—74); напр.: *ковѣ* и *ковá*, *дерѣ*—*дерá*, *могѣ* и *могá*. Ввиду того, что старо-славянскому *ж* въ разныхъ говорахъ соотвѣтствуютъ различные звуки, удобнѣе всего при обозначенїи даннаго окончанїя 1-го лица держаться историческаго правописанїя т. е. *ж*, какъ это принято многими писателями и издателями. — Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ по содѣйствию съ сербскимъ языкомъ (Широтъ, Кратово), а иногда и въ Македонїи, вм. *ж* встрѣчается *у*: *могу*, *хочу*, *однесу*, *можу*.

Окончанїя *ѣ*, *ь*, *я* соотвѣтствуютъ старо-слав. носовому *ѣ*. Въ сущности это—различныя обозначенїя одного звука: *jъ* т. е. глухой, предшествуемый *і*отомъ звучитъ въ болгарскомъ почти какъ *ja* (*я*). Правописанїе съ *ь* мало употребительно, напр.: *горь*, *пишь*. Относительно написанїя *ѣ* и *я* мнѣнїя расходятся. И здѣсь, кажется, правильнѣе держаться историческаго правописанїя, т. е. съ *ѣ*: *бѣѣ*, *пѣѣ*, *трѣѣ*, *брѣѣ*, а не съ *я*: *бїя*, *пїя*, *трїя*, *брїя*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Шуменъ, Свистово, Родопа) вм. *ѣ* или *я* встрѣчается *е*: *пїше*, *горє*; *ште* (рядомъ съ *штѣ*) вообще употребительно на всей площади болгарскаго языка. Въ средне-болгарскихъ памятникахъ, начиная съ XII в., въ оконч. 1-го л. наблюдается *л* рядомъ съ *ж*: *поставл*, *оузрл*, *творл*, *любл*, *видл*; съ другой стороны *ж* нерѣдко является вм. *л*: *творж*, *зрж*. Въ этихъ явленїяхъ, вѣроятно, нужно видѣть указанїе на процессъ измѣненїя звуковаго значенїя древняго окончанїя *ж*. Въ памятникахъ XVII в. находимъ уже вм. носоваго глухїе и чистые: *станж*, *надѣлсе*, *сторь* (Соф. сб.); *мога*, *завида*, *покажа*, *плача*, *мола*, *издава*, *трьпа* (Григ. сб.); *удара* (Любл. сб.), *хода*, *насита* (Бѣлгр. сб.).

2-е лицо единств. ч. Оконч. *си* сохраняется только у вспомогат. глаг. *сѣм* (*юсѣм*): *си* (вм. *юси*). Остальные глаголы принимаютъ *ш*, звучащее нѣсколько мягко (*шъ*); *орѣш*, *печѣш*, *гїнѣш*. Въ средне-болгарскихъ памятникахъ обыкновенно употребляются формы на *ш*; но иногда встрѣчаются и на *шъ*: *чюдишъ* (Берл. сб.), *вратишъ*, *любишъ*, *оставишъ*, *похвалишъ*, *прїмѣшъ*, *поустишъ*, *хоцѣшъ*. Не можетъ быть сомнѣнїя, что *шъ* образовалось изъ *ш*.

3-е лицо единств. ч. въ большей части говоровъ утратило окончанїе *т*; напр.: *е* (*юсть*), *орѣ*, *печѣ*, *може*; но въ западной Македо-

ніи формы съ *т* весьма употребительны: вѣдит, дѣват, вѣдит, именуват, метѣт, рѣнит, запрашоват. Сохранилось окончаніе *т* спорадически вое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ въ области западнаго нарѣчія: чухат, играет, пукнет, правит, родит (Радом., Кюстенд., Джум.).

1-е лицо множ. ч. Окончанія *м*, *ме* свойственны всѣмъ говорамъ болгарскаго языка и почти одинаково употребительны. Первое изъ нихъ только не присоединяется въ основамъ, оканчивающимся на *а*, во избѣжаніе звуковаго сходства между формами 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч.; напр.: печѣм и печѣме, гинем—гинеме, мѣсим—мѣсиме; но только—бѣгае, дѣмае, затвѣрае. Рядомъ съ *ме* нерѣдко слышится *ми*, большею частью въ говорахъ, измѣняющихъ безударное *е* въ *и*: думами (ср. выше стр. 81). Окончаніе *мо* встрѣчается въ сѣверо-западныхъ говорахъ (Търнѣ, Вранья, Кюстендилѣ, Кратово) и, вѣроятно, заимствовано изъ сербскаго языка: бѣгамо, тражимо, идемо, знаемо.

Древнимъ нужно считать окончаніе *м*, образовавшееся изъ старослав. *мъ* вслѣдствіе исчезновенія конечнаго глухаго *з*. Формы на *ме* могли возникнуть подъ вліяніемъ необходимости дифференціаціи формъ 1 л. ед. и мн. ч. въ глаголахъ, принимающихъ въ 1 л. ед. ч. окончанія *м* (Калина, II, 122); потомъ окончаніе *ме* могло распространиться и на другіе классы глаголовъ; оно встрѣчается уже въ памятникахъ XII—XIII в.: имае (Окт. Струмн.), есме (Окт. Михан.); а съ XVII в. уже весьма употребительно: отхождае, вѣрувае, дѣмае, гледае, плачима (Любл. рук.); сме, гледае, отричае, радвае (Григор. сб.). Окончаніе *ми* можно объяснять не только какъ замѣну первоначальнаго *ме* (вслѣдствіе перехода безударнаго *е* въ *и*), но и еще болѣе древняго *мы*, которое попадаетъ въ средне-болгарскихъ текстахъ: есмы (Погод. пс., Берл. сб., Охрид. ап.), имами (Окт. Струмн.); въ новѣйшее время *мы* находимъ *ми*: имами, оставими, смислими (Григ. сб.). Окончаніе *мо* вѣроятнѣе всего сблизить съ тѣми-же самыми окончаніями въ сербскомъ яз.; но и оно, хотя рѣдко, встрѣчается въ древне-болгарскихъ рукописяхъ: придемо (Охрид. ап.), можемо (Мав. ап.).

2-е лицо множ. ч. удерживаетъ общеславянское окончаніе *те*, которое въ нѣкоторыхъ говорахъ можетъ звучать какъ *ти*, въ томъ случаѣ, когда стоитъ въ неударяемомъ слогѣ: дѣлате, дѣлати.

3-е лицо множ. ч. Окончания *ѣт* (*zt*), *ат* развились изъ старо-слав. *ѣтз*, при чемъ глухой (*ж*, *з*) и чистое *а* вм. старо-слав. носоваго *ѣ* чередуются между собой смотря по говорамъ, какъ и въ 1 л. ед. ч.: *ѣт* господствуетъ въ восточномъ нарѣчии (отъ р. Янтры), *ат*—въ македонскихъ и родопскихъ говорахъ; напр.: орѣѣт, пѣпѣт, пѣѣѣт и брат, пѣпат, пѣкат. Окончание *ѣт* соотвѣтствующее не только старо-слав. *ѣтз* но и *ѣтз* звучитъ обыкновенно какъ *ят*¹⁾, а иногда въ македонскихъ говорахъ (Велесъ, Прилѣпъ, Струга, Дебрь) какъ *ет*; напр.: знѣѣѣт—знѣѣѣт, врьѣѣт—врьѣѣт, крьѣѣт—крѣѣт, бѣѣѣт—бѣѣѣт, чѣѣѣт, именѣѣѣт; но: даѣѣѣт, слушаѣѣт, веруѣѣѣт. Окончание *ет* могло образоваться только изъ *ѣтз*, но уже въ ту эпоху, когда вслѣдствіе смѣшенія юсовъ *ѣ* стало слышно на мѣстѣ *ж*; какъ въ старыхъ, такъ и болѣе новыхъ памятникахъ, а равно и въ современной живой рѣчи, оно наблюдается почти исключительно въ тѣхъ формахъ, гдѣ въ старо-славянскомъ было *ѣтз*, *ѣтз*; напр.: движеть сѣ, радуует сѣ (Окт. Михан.), приеѣѣт, не послушаѣѣт (Мак. ап.), прѣѣѣѣт, прогнѣѣѣѣт (Григор. сб.), летаѣѣѣт (Мак. гов.). Формы въ родѣ видѣѣѣт (Любл. руц.) рѣдки. Гораздо чаще на мѣстѣ др. *ѣтз* въ рукописяхъ XV—XVIII в. встрѣчается оконч. *ѣтъ*, которое можетъ имѣть двойное звуковое значеніе: *етъ* и *ятъ*: водѣѣѣт, сторѣѣѣт, носѣѣѣт, видѣѣѣт, отворѣѣѣт, слаѣѣѣт (Григор. сб.) Рядомъ съ *ѣт*—*ят*, на мѣстѣ древн. *ѣтз* въ нѣкоторыхъ говорахъ является *ат*: молат, затворат, носат, видат (Татарь-Базарджикъ). Распространеніе этихъ окончаній на тѣ глагольныя основы (на *и* и безъ соединит. гл. рѣ пастоящ. вр.), которыя въ старо-слав. яз. принимаютъ окончанія *ѣтз*, объясняется какъ результатъ средне-болгарскаго смѣшенія юсовъ. Впрочемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ говорахъ *ѣ* переходитъ въ *а* (*я*), въ отдѣльныхъ случаяхъ можно допустить и непосредственное измѣненіе древн. *ѣтз* въ *ат*—*ят* (ср. выше стр. 62, 75—76). Формы на *ат*—*ят* можно прослѣдить только съ XVII ст.: идать, могать, кльнать, умирать, знаѣѣѣт, плаѣѣѣт (Григор. сб.), падпаяѣѣт, озидаяѣѣт, пѣѣѣѣт. (Любл. сб.). Окончанія съ глухимъ звукомъ встрѣчаются уже въ памятникахъ XIV в.: всплаѣѣѣѣт, съѣѣѣѣт (Калина, П, 126), реѣѣѣѣт, зовѣѣѣѣт (Соф. сб.).

¹⁾ Въ этомъ окончаніи *ѣ* (*ж*) и *ѣа*—даютъ почти однородный звукъ *я*, который въ первомъ случаѣ звучитъ лишь нѣсколько короче, отрывистѣе.

Въ глаголахъ съ основой на *a*, окончаніе 3 л. мн. ч. *аѣтъ* стягивается въ *ат*, *яѣтъ* въ *ят*: вѣкат, дават, думат, вѣлят, кланят се, затвѣрят; даватъ, убивать, радватъ са (Григор. сб.).

Въ западныхъ болгарскихъ говорахъ, пограничныхъ съ сербскими (Широтъ, Търнъ, Вранья, Скопле) встрѣчается окончаніе *ут*, или чаще (послѣ отпаденія *т*), *у*: идут, фатают; викаю, дигаю, иду, могу, чую. Эта діалектическая особенность несомнѣнно есть результатъ скрещиванія говоровъ двухъ родственныхъ языковъ. Подобныя формы попадаются и въ старыхъ болгарскихъ памятникахъ: *имоутса*, наричють, творуть, веруть (Калина, II, 126).

т (древн. *тъ*, *ть*) въ 3 л. мн. ч. составляетъ общую примѣту болгарскаго языка, которою онъ отличается, между прочимъ, отъ сербскаго. Оно отсутствуетъ только въ существит. гл. — *сѣ*. Но въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ (Софія, Родопа, Кюстендилъ, Дупница, Търнъ) иногда *т* исчезаетъ: глѣда, лѣта, давая, бѣра, пѣа, ѣда, говора, отвѣря; чаще всего отпаденіе *т*, наблюдается въ окончаніи *ут*: играю, зѣмаю. Тоже явленіе спорадически видимъ и въ древнихъ памятникахъ, особенно въ формахъ, соотвѣтствующихъ старослав. *сѣтъ*: соу (Берл. сб.), съ, са (Люблян. рук., Соф. сб.). Наконецъ, нужно отмѣтить еще одну діалектическую особенность окончанія 3 л. мн. ч.: въ Кратовѣ рядомъ съ формами на *ѣт* — *ат* употребляются формы на *ав*, *ев*: играв, пишев.

2) Окончанія прошедшихъ временъ.

Въ единств. ч. личные окончанія исчезли не только во 2 и 3 л., какъ въ старо-славянскомъ, но и въ 1 л., которое въ старо-слав. яз. еще сохраняло слѣдъ личнаго окончанія въ *з* (реко-х-ъ = реко-х-ом), уже исчезнушемъ въ ново-болгарскомъ языкѣ, согласно общему фонетическому закону. Во мн. ч. 1-е и 2-е л. имѣютъ полныя окончанія, какъ въ настоящемъ времени: *ме* (*ми*), *мо*, *те*; при чемъ ок. *мо* встрѣчается только въ сѣверо-западныхъ говорахъ (пояхмо, пойдо(х)мо).

Больше объясненій требуетъ окончаніе 3-го л. мн. ч. Въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ сохранился только сложный или сигматическій аористъ (аор. II, съ характер. времени). Въ старо-слав. яз. окончаніе 3 л. мн. ч. этого аориста отличалось отъ окончанія переходящаго (имперфекта): въ первомъ случаѣ было *л* (*шл* изъ *хл*), во

второмъ ж (*ж*). Въ современномъ болгарскомъ языкѣ для обоихъ временъ служить одно окончаніе ж (*ж*), перенесенное съ формъ преходящаго, на формы аориста: бодѡхж, бодѣхж, гѣнѣхж, гѣнѣхж, вѣкахж, вѣкахж. Это ж—смотря по нарѣчіямъ звучитъ различно: въ восточномъ нар. какъ глухой звукъ (ж, ѓ), въ западныхъ и родопскихъ говорахъ какъ чистое *a*: пекохж(ъ) и пѣкоха, орахж — браха. Въ сѣверо-западныхъ говорахъ (Вранья, Пиротъ, Търнъ, Софія) встрѣчаются формы аориста на *ше* (изъ *шж*): даваше, испише, посѣкоше, отидоше, турише. Эти формы могли образоваться подъ вліяніемъ сербскаго языка. Болѣе оригинальны западно-македонскія формы аориста и преходящаго на *је* вм. *ж*: доидоје, сторије, облекоје, пойдое (аор.), пасеје, зобеје, даваје, одее, седее (прех.; Струга, Дебрь). Съ ними нужно сопоставить встрѣчающіяся въ разныхъ говорахъ, а также сохранившіяся и въ старинныхъ памятникахъ формы на *хе*: думахе, избрахе, додохе (ср. выше стр. 74—75).

Двойственное число въ спряженіи не существуетъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Исчезновеніе его приходится, вѣроятно на XV—XVI ст.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основа настоящаго въ болгарскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, оканчивается почти всегда на гласный звукъ. Изъ четырехъ такъ наз. архаическихъ глаголовъ старо-славянскаго языка, составляющихъ въ этомъ отношеніи исключеніе и имѣющихъ основу настоящаго на согласный, въ современномъ болгарскомъ ни одинъ не сохраняетъ во всѣхъ лицахъ единств. и множ. ч. древняго вида основы. Старо-слав. *юсмь* звучитъ въ болгар. яз. съ гласнымъ послѣ кореннаго *с*: *сѣм*, *сѣм*, *сам*, *есѣмъ* (древн. памятн. напр., Триодъ XIII в. Пловдивской библ.); но во всѣхъ остальныхъ формахъ настоящ. вр. выступаетъ согласный основы: *си*, *е*, *сме*, *сте*, *сѣ* (*са*, *се*), *есу* (Берл. сб., Соф. сб.). *Да-м* (изъ *дад-м*), *я-м* (изъ *яд-м*) только въ 1 л. ед. ч. сохраняютъ древнюю основу; въ остальныхъ - же формахъ наблюдаются основы новѣйшаго образованія на гласный: *дад-ѣ-ш*, *дад-ѣ*, *дад-ѣм*, *дад-ѣ-те*, *дад-ѣт*; *ед-ѣ-ш*, *ед-ѣ*, *ед-ѣм*, *ед-ѣте*, *яд-ѣт*. Въ нѣкоторыхъ македонскихъ и сѣверо-западныхъ говорахъ и въ 1 л. ед. ч. выступаетъ гласная основа: *дадем*, *дадам*, *ядам*, *едем*,

яда, дада. Глаголь *въмъ* совсѣмъ не употребляется въ современномъ языкѣ.

Всѣ остальные основы настоящаго врем. оканчиваются на *о* — *е* или *-и*. У первыхъ гласный *о* предполагается въ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. (въ окончаніяхъ *ѡ, ѡ, а, я, ѡт, ѡт, ат, ят*), а *е* является въ остальныхъ лицахъ; у послѣднихъ *и* удерживается во всѣхъ лицахъ кромѣ 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. Такъ бываетъ преимущественно въ восточномъ нар. и у глаголовъ, представляющихъ въ 1 л. ед. ч. отраженіе древняго окончанія *ѡ, ѡ*; у глаголовъ - же, принимающихъ въ 1 л. ед. ч. *м* (преимущ. въ западн. гов.) и въ этой формѣ выступаютъ гласные *е, и*. Примѣры: берѡ — бера, бер е-ш, бер-е, бер-е-м, бер-е-те, бер-ѡт — бер-ат; пек-ѡ — пек-ѡ, печ-е-ш, печ-е, печ-е-м, печ-е-те, пек-ѡ-т — пек-ат; гин-ѡ, гин-е-ш, гин-е, гин-е-м, гин е-те, гин-ѡт; гон-ѡ — гон-я, гон-и-ш, гон-и, гон-и-м, гон-и-те, гон-ѡт — гон-ят, въ западн. гов.: гон-и-м (1 л. ед. ч.), гин-е-м, печ-е-м (1 л. ед. ч.).

Глаголы, у которыхъ предполагаемая основа неопредѣленнаго оканчивается на *а*, стягиваютъ этотъ звукъ съ *о, е* (*je*) основы настоящаго въ одно *а*: думам, дума-ш, дума, дума-ме, дума-те, думат. Что эти формы подверглись указанному фонетическому процессу, это доказывается существованіемъ весьма распространенныхъ въ западныхъ говорахъ (особ. македонскихъ) нестяженныхъ формъ: незная, играя, играем, орает (3 л. ед. ч.), играют, викаят, викает (3 л. мн. ч.).

На основаніи различія гласныхъ, появляющихся въ основѣ настоящаго передъ личными окончаніями (особ. во 2 л. ед. ч.), въ практическихъ болгарскихъ грамматикахъ установилось довольно удобное дѣленіе глагола на три спряженія: 1) спряженіе на *е*, 2) спряженіе на *и*, 3) спряженіе на *а* (*я*).

Повелительное наклоненіе.

Формы повелительнаго наклоненія по своему образованію и по своимъ окончаніямъ, болѣе или менѣе близко подходятъ къ соответствующимъ формамъ старо-слав. яз.

2-е лицо единств. ч. обыкновенно оканчивается на *и* (изъ *ъ=oi*), которое послѣ гласныхъ переходитъ въ *ј* (*и*), а послѣ согласныхъ и гласнаго *и* можетъ иногда совсѣмъ исчезнуть; напр.: берѣ, метѣ, ведѣ,

помозій, гасні, учі, сжді, леті, ший, бай, вікай; впес, излиз, влез, диг се (и дигни се), напи се, оми се, извед, помодз, отворь; *језж, вижж* соотвѣтствуютъ старо-слав. *паждь, виждь*, но-*дай* вм. *даждь*. Въ нѣкоторыхъ (особенно западныхъ) говорахъ *к, з* передъ *и* переходятъ въ шипяціе, вм. свистящихъ: пресѣчій, помозій, помож, печій.

Во множеств. ч. старо-славянской примѣтъ повелит. накл. *ъ* соотвѣтствуетъ *е* (изъ *ъ*), которое обыкновенно примѣняется къ глаголамъ всѣхъ классовъ, удерживающихъ *и* въ ед. ч.: берете, метете, ведете, поможете, печете, гаснете, учете. Глаголы, превращающіе въ единств. ч. *и* въ *ј* (*й*), удерживаютъ послѣдній звукъ и во множ. ч.: пейте, викайте, стрѣляйте. Въ нѣкоторыхъ говорахъ (Родоп., Макед.) вм. *е* является *ej* (*ей*): плачайте, идите, пустнейте, пишайте, речейте. Иногда, въ основахъ настоящихъ на *и*, слышно (согласно со старо-славянскимъ) *и* вм. обычнаго *е*: хвалите, изгорите. Не рѣдки формы и безъ гласной примѣты: несте, станте, кажите, чинте. Попадаются и формы, соотвѣтствующія старо-слав. на *ате*: пияте, беряте, не дяте (Плевен. гов.). — Основы, заключающія въ себѣ зв. *д*, иногда теряютъ этотъ согласный во множ. ч.: пойте (вм. пойдете), хойте (вм. ходете), вейте (вм. ведете), глейте (вм. гледете).

Для обозначенія 3 л. ед. ч., 1 и 3 л. мн. ч. повелительнаго наклоненія служатъ соотвѣтствующія формы изъявительнаго накл. съ частицами *да, нека, нека да*: да четѣ, да четѣм, нека четѣ, нека четѣм, да четѣѣт, нека да четѣѣт, да берѣ, да берѣм, нека да берѣѣт.

Аористъ и переходящее.

Прошедшія простыя времена несомнѣнно составляли достояніе славянскаго праязыка и еще въ историческое время были въ живомъ употребленіи во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Въ настоящее время эти глагольныя формы исчезли на большей части территоріи славянской рѣчи и сохранились кромѣ болгарскаго еще въ сербо-хорватскомъ и сербо-лужицкомъ языкахъ.

Аористъ въ современномъ болгарскомъ сохранился только въ одной формѣ—аориста сложнаго или сигматическаго (аористъ II), и въ этой формѣ весьма употребителенъ. Образованіе его въ общемъ сходно съ образованіемъ въ старо-славянскомъ яз., но и представляетъ нѣкоторыя свои особенности. Какъ въ старо-славянскомъ, онъ

образуется отъ основы предполагаемаго неопредѣленнаго, при чемъ основы, оканчивающіяся на согласный зв., принимаютъ соединительные гласные *o*, *e* (вед-о-х, вед-е); примѣтой времени служить *x*, которое удерживается передъ окончаніями вездѣ, гдѣ можно. Отличія отъ старо-славянскаго аориста состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ 1 л. ед. ч. глухой въ окончаніи *xz*—исчезъ; 2) въ 1 л. множ. ч. окончаніе соединяется съ характеромъ времени (*x*) безъ посредства гласнаго зв.—*xme*, въ старо-слав. *xomz*; 3) въ окончаніи 3 л. множ. ч. является *x* вм. болѣе древняго *s*: *xte* старо-слав. *ste*; 4) въ 3 л. мн. ч. возобладалъ суффиксъ, заимствованный изъ переходящаго вр.—*xж* (*xa*). (Ср. выше стр. 137). Такимъ образомъ для болгарскаго аориста получаютъ слѣдующія окончанія:

Единств. ч.		Множ. ч.	
1 л. (o)x.		(o)xme.	
2 л. (e).		(o)xte.	
3 л. (e).		(o)xж(xa).	
Старо-славянскій яз.		Ново-болгарскій яз.	
Ед. ч. 1 л. вед-о-хъ.	би-х-ъ.	вед-о-х.	би-х.
2 л. вед-е.	би.	вед-е.	би.
3 л. вед-е.	би.	вед-е.	би.
Мн. ч. 1 л. вед-ох-о-мъ.	би-хомъ.	вед-ох-ме.	би-хме.
2 л. вед-ос-те.	би-сте.	вед-ох-те.	би-хте.
3 л. вед-о-ша.	би-ша.	вед-ох-ж(а).	би-хж(а).

Въ разныхъ говорахъ, согласно требованіямъ мѣстной фонетики, *x* можетъ выпадать или перейти въ *ѣ*, *е*; такъ въ западныхъ говорахъ слышно: дойдо, мого, дадо, погребо, уплаши (Търнъ, Вранья, Самаковъ, Родопя); отидоме, сведоме, найдоме, запалиме; станова, доведоа или доведоя (зап. Макед.); казаѣ, думаѣ, рекаѣ, фатифме, фодиф, търгнав. (Ср. выше 92).

Въ сѣверо-западныхъ говорахъ (Търнъ, Софія) 2 л. мн. ч. иногда сохраняетъ древнее окончаніе *ste* (какъ и въ сербск. яз.): найдосте, видосте. Въ современномъ болгарскомъ *x* вм. *s* могло явиться по аналогіи съ окончаніями 1 и 3 л. множ. ч. *xte* встрѣчается уже въ XVII в.: познахте, почетохте, быхте (Любл. рук.).

Другія діалектическія особенности нѣкоторыхъ окончаній указаны выше (стр. 136—137).

Въ средне-болгарскихъ памятникахъ (какъ Погодинская псалт., Струми. окт., Слѣпченск. ап., Бѣлградское Еванг., Пловдив. тріодъ, Охридск. ап. и др.) весьма не рѣдки оригинальныя формы другихъ видовъ аориста (простаго, сложнаго на *с*, сложнаго на *х* безъ соединительнаго гласнаго), свойственныя древнѣйшему типу старо-славянскаго языка: обрѣтъ, придѣ, изыдѣ, прибрѣгѣ, възнесѣ (1 л. ед. ч.); обрѣтомъ, вѣсомъ (1 л. мн. ч.); идѣ, прѣидѣ, обрѣтѣ, оужасѣ сѣ, възмогѣ (3 л. мн. ч.); падѣтъ, придѣтъ (3 л. мн. ч.); рѣхъ, тѣшл; пригѣсѣ, вѣсѣ, пригѣсомъ.

Преходящее время. Образование преходящаго времени въ славянскихъ языкахъ еще не получило общепризнаннаго, вполне удовлетворительнаго объясненія¹⁾. Трудность въ рѣшеніи вопроса представляють не окончанія, близко сходныя съ окончаніями аориста, а характеристическіе гласные, находящіеся между глагольной основой и зв. *х*, т. е. примѣтой прошедшаго времени. Въ старо-славянскомъ языкѣ такими признаками преходящаго могутъ быть *па*, *аа*, *па* или *ъ*, *а*, *а*; несѣахъ, горѣахъ, печеахъ, люблаахъ и несѣхъ, горѣхъ, печеахъ, люблаахъ. Какіе изъ этихъ суффиксовъ—двузвучные или однозвучные—нужно считать основными, первичными—это остается пока неяснымъ. Впрочемъ, формы *несѣахъ*, *печеахъ*, кажется, правильнѣе принимать за вторичныя, образованныя черезъ стяженіе *па—аа*—въ *ъ—а*. Въ болгарскомъ преходящемъ видимъ только однозвучныя примѣты *ъ*, *а*, *я*; именно: *а*—выступаетъ въ основахъ на *а*, *я*—въ основахъ на *я*, *ъ*—во всѣхъ остальныхъ основахъ; напр.: бодѣхъ, орѣхъ, гинѣхъ, метѣхъ, мбѣхъ, учѣхъ, шйѣхъ, баяхъ, давахъ, изгаряхъ. Это *ъ* произносится различно смотря по говорамъ и примѣнительно къ свойствамъ слѣдующаго звука: въ западныхъ говорахъ оно большею частью звучитъ какъ *е*; тоже и въ восточномъ нарѣчій, если *ъ* стоитъ въ безударномъ слогѣ или за нимъ слѣдуетъ *ш* (во 2 и 3 лл. ед. ч.), въ другихъ случаяхъ *ъ* въ восточныхъ говорахъ произносится какъ *я*: бо-

¹⁾ См. *Миклошичъ*, Das imperfectum in den slavischen Sprachen. Sitzungsberichte Wien. Akad. B. 77, 1874. Vergleichende Grammatik, III, 92—94; *Johannes Schmidt*, въ Zeitschrift für Vergl. Sprachforschung XXVI, 394 слѣд.; *В. Ничъ*, Маринское Евангелие. Сиб. 1883, 455 стр. и Arch. f. Slav. Phil. VI, 293.

дѣх, бодѣше, бодѣше (произн. въ восточн. нар.: бодѣх, бодѣше, бодѣше), дѣгнѣх, дѣгнѣше, дѣгнѣше (дѣгнях, дѣгнеше, дѣгнеше).

Болгарское преходящее естественно поставить въ близкую связь съ старо-слав. преходящимъ. Изъ разнообразныхъ формъ этого времени, представляемыхъ старо-славянскимъ языкомъ, развились въ ново-болгарскомъ стяженные формы. Впрочемъ, кое-гдѣ въ Македоніи встрѣчаются распространенныя формы: очи-те играеха. Что касается окончаній, они тѣже, что въ аористѣ, за исключеніемъ 2 и 3 л. ед. ч., вполне совпадающихъ со старо-славянскими. Схема спряженія этого времени представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единств. ч.		Множ. ч.	
1 л. ѣх (ях)	ах	ѣхме	ахме
2 л. ѣше (еше)	аше	ѣхте	ахте
3 л. ѣше (еше)	аше	ѣхѣ(а)	ахѣ(а)

Старо-славянскій яз.		Ново-болгарскій яз.	
Ед. ч	1 л. несѣхъ	несѣахъ	несѣх
	2 л. несѣше	несѣаше	несѣше
	3 л. несѣше	несѣаше	несѣше
Мн. ч.	1 л. несѣхомъ	несѣахомъ	несѣхме
	2 л. несѣсте	несѣасте	несѣхте
	3 л. несѣхѣ	несѣахѣ	несѣхѣ(а)
Ед. ч.	1 л. давахъ	даваахъ	давах
	2 л. даваше	давааше	даваше
	3 л. даваше	давааше	даваше
Мн. ч.	1 л. давахомъ	даваахомъ	давахме
	2 л. давасте	даваасте	давахте
	3 л. давахѣ	даваахѣ	давахѣ(а)

Какъ въ аористѣ, *x* въ нѣкоторыхъ говорахъ совсѣмъ исчезаетъ или переходитъ въ *j*, *ѣ*, *е*: строяя, знаее, давае, оее (3 л. множ. ч. ср. 137 стр.); знаеѣ, донесеѣ, бевме.

Вслѣдствіе сходства большей части окончаній преходящаго и аориста оба прошедшихъ въ народномъ языкѣ нерѣдко смѣшиваются между собой. Въ глаголахъ отъ основъ на *a* и *ъ* тѣ и другія формы совершенно совпадаютъ и иногда различаются лишь по ударенію;

напр.: горѣх, горѣ, горѣ (аор.) и горѣх, горѣше, горѣше (прех. вр.);
виках, вика, вика (аор.), но виках, викаше, викаше (прех. вр.).

Прошедшія сложныя.

Кромѣ прошедшихъ простыхъ, современный болгарскій языкъ, сохраняетъ три прошедшихъ сложныхъ, образуемыхъ черезъ соединеніе причастія прошедшаго дѣйствительнаго II съ разными формами существительнаго глагола *сѣм* (=старосл. ѣсмь) Именно:

а) *Прошедшее совершенное I* (perfectum, преминáло неопредѣлено), означающее дѣйствіе, совершенное въ неопредѣленномъ прошедшемъ времени. Оно состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и настоящаго глагола существительнаго; напр.: бил сѣм, чел сѣм, учил сѣм, учил си, учили сме, викали сте, пили сѣ.

б) *Прошедшее совершенное II* (отдавна преминáло), означающее дѣйствіе, совершенное въ неопредѣленно давнемъ времени. Оно образуется посредствомъ соединенія причастія прош. дѣйств. II съ прошедшимъ совершеннымъ вспомогательнаго глагола — сѣм бил; напр.: чел сѣм бил, учил сѣм бил (т. е. нѣкогда, когда-то), учили сте били, викали сѣ били.

в) *Давнопрошедшее* (plusquamperfectum, преминáло предварительно), означающее дѣйствіе, совершенное прежде другаго прошедшаго. Оно состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и преходящаго или аориста вспомогательнаго глагола — бѣх; напр.: чел бѣх, учил бѣх, орали бѣхме; ти катѣ се събуди, аз бѣх легнах; писал бѣ, besse parisal, besse umgal (яз. семиградск. Болгарь).

Въ 3 л. прошедшаго совершеннаго I вспомогательный глаголъ (особенно въ западномъ нарѣчій) часто опускается, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Будущее вр. и условное наклоненіе.

Будущее время въ глаголахъ совершеннаго вида образуется, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, при помощи предлоговъ изъ настоящаго времени; напр.: излезнах, погледнах, издадем, узмем, испратим, дойда, влезнах, отворнах и т. п.

Независимо отъ того въ современномъ болгарскомъ будущемъ вр. выражается описательными формами тройкаго вида.

1) *Будущее определенное* (бѣдуще опредѣлено), которое обозначаетъ дѣйствіе, имѣющее совершиться въ извѣстное время, образуется изъ соединенія настоящаго времени съ неизмѣняемой глагольной формой — *ште* (*штѣ*) = старосл. *хоштѣ*; напр.: *ште четѣѣ*, *ште четѣш*, *ште чете*, *ште четѣм*, *ште четѣте*, *ште четѣтъ*; *ште идѣѣ*, *ште идѣте*, *ште идѣтъ*. Въ разныхъ говорахъ это *ште* (*штѣ*), характеризующее собственно восточное нарѣчіе, звучитъ различно: *к'е*, *ке* (макед. и родопск. гов.), *к'я* (Костуръ, Дебрь), *че*, *те*, *тѣе* (сѣв.-зап.), *ше* (Шумен, Търнов, Слив, Родоп.), *се* (угорск.-болг. гов.), *же*, *жа* (Слив, Широка Лѣка), *за* (Банатъ, Ени-Махале, Висока). Ср. 90 стр.—Напр.: *че играм*, *че идеш*, *че бере*, *ше гинете*, *те никне*, *ке влезе*, *ке дойдеме* и т. п. Конечный гласный въ *ште* (*штѣ*, *шта*) звучитъ глухо, на что указываетъ различное правописаніе слова, и по всей вѣроятности происходитъ изъ старо-славянскаго *ж*. Отсюда слѣдуетъ заключать, что эта неизмѣняемая форма, служащая для образованія будущаго времени есть видоизмѣнившаяся и застывшая форма 1 л. ед. ч. настоящаго времени глагола *хоштѣ*. Подобный же способъ обозначенія будущаго времени наблюдается въ албанскомъ языкѣ.

2) *Будущее неопределенное* (бѣдуще неопредѣлено), обозначающее дѣйствіе, которое должно совершиться въ неопределенное время, образуется посредствомъ прибавленія настоящаго времени глагола *штѣ* (*штѣ*, *шта*) къ соvrраcченному (безъ суфф. *ти*) неопредѣленному наклоненію (ср. выше стр. 127); напр.: *ицѣсѣ-штѣѣ*, *писа-штѣш*, *писа ште*, *писа-штѣм*, *писа-штѣте*, *писа-штѣтъ*. При образованіи этого сокращеннаго неопредѣленнаго исчезаетъ не только суфф. *ти*, но и конечный согласный глагола: *пле-штѣѣ* (кор. *плет*), *не-штѣѣ* (кор. *нес*), *гре-штѣѣ* (кор. *греб*), *пе-штѣѣ* (кор. *пек*). Встрѣчаются иногда и другія новообразованія: *до-штѣѣ* (= *приду*), *дадѣ-штѣѣ* (*дамъ*), *боде-штѣѣ* (*заколю*). Аналогичнымъ образомъ возникаетъ будущее вр. въ сербскомъ языкѣ: *писа-ћу*, *писа-ћеш*, *писа-ће*.

3) *Будущее совершенное* (бѣдуще предварительно), обозначающее дѣйствіе, которое должно совершиться раньше другаго будущаго, образуется посредствомъ соединенія причастія прошедшаго дѣйств. П съ будущимъ глагола существительнаго; напр.: *ште бѣдѣѣ чел* или *ште сѣм чел*, *ште бѣдѣш чел*, *ште бѣдѣм чели*, *ште бѣдѣтъ чели*; *до катѣ се завърнеш*, *аз ште сѣм вечерѣял* и *ште бѣдѣѣ заспѣл*.

Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ грамматикахъ (Илиева, Икономова, Вѣженова) отмѣчается еще одна описательная форма будущаго вр.—

условнаго навл. (прѣминѣло бѣдно, бѣдѣще прѣминѣло), образуемая соединеніемъ переходящаго отъ глагола *штѣхъ* съ настоящимъ спрягаемаго глагола; напр.: щѣхъ (штѣхъ), плетѣхъ, щѣше плетешъ, щѣше плете, щѣхме плетемъ, щѣхте плетете, щѣхѣхъ плетѣхъ. Иногда обѣ спрягаемыя формы соединяются союзомъ *да*: щѣхъ да плетѣхъ и т. д. Въ памятникахъ народной рѣчи и лучшихъ произведеніяхъ новѣйшей литературы, сколько намъ извѣстно, почти не встрѣчается этотъ видъ будущаго времени.

Условное накл. дѣйств. з. въ современномъ болгарскомъ языкѣ образуется посредствомъ особыхъ суффиксовъ: *вамъ, ивамъ, увамъ, явамъ* для настоящаго времени, и *вахъ, ивахъ, увахъ, явахъ* для прошедшаго вр. Эти суффиксы присоединяются или непосредственно къ корню или къ предполагаемой основѣ неопредѣленнаго, при чемъ послѣдняя иногда теряетъ конечный гласный: мий-вамъ, мий-вахъ, бай-вамъ, бай-вахъ, ков-а-вамъ, ков-а-вахъ, бер-вамъ, бер-вахъ, мет-вамъ, мет-вахъ, мог-вамъ, мог-вахъ, пек-вамъ, пек-вахъ, уч-вамъ, уч-вахъ, пис-вамъ и пис-увамъ, брой-вамъ и бро-явамъ, вик-вамъ, вик-вахъ, гин-вамъ, лет-ѣ-вамъ, лет-ѣ-вахъ.—Ядвамъ грѣздѣе, аѣбъ има.

Рядомъ съ указанными формами условнаго навл., хотя и рѣдко, употребляются формы, аналогичныя старо-славянскимъ, образованныя посредствомъ соединенія причастія прош. дѣйств. П съ аорист. *бихъ*: ораѣлъ бихъ,—би—би, ораѣли бихме,—бихте,—бихѣхъ.

Возвратный и страдательный залого.

Возвратный и страдательный залого въ современномъ болгарскомъ яз. обыкновенно обозначаются присоединеніемъ мѣстоименія возвратнаго *се (са)* къ формамъ дѣйствительнаго залого. Примѣры *возвратнаго залого*: той *се* умива всѣки денъ; вчера много бѣхъ *се* уморилъ; Петъръ не *се* облача чисто; тий *се* хранѣтъ много добрѣ; чувайте *се* отъ развратни хора; само неразвитѣ хора *се* прѣсищѣтъ с много яденіе. Примѣры *страдательнаго залого*: ораѣли *се* търговци; гласъ *се* чува; Плѣвенъ *се* прѣвзе, а Шуменъ *се* прѣдаде; прѣди освобожденіето на нашето отечество, наши Българи ежедневно *се* затварѣхѣхъ, наказвахѣхъ *се* за ништо и никакво, проваждахѣхъ *се* на заточеніе и *се* обѣсвахѣхъ по градиштата; много отъ затворенитѣ *се* уморявахѣхъ насилственно въ тѣмницитѣ.

Гораздо рѣже страдательный залогъ передается посредствомъ соединенія причастія страдательнаго съ глаголомъ существительнымъ *сѣм*: бит *сѣм*, бити *сѣм*, бит *бѣх*, бити *бѣхѣ*, бит *сѣм бил*, бити *сте били*, бит *бѣ*, *ште сѣм бит*, *ште сѣ бити*.

Спряженіе по классамъ.

Вспомогательный глаголъ *сѣм*.

Настоящее вр.		Преходящее вр.	
Ед. ч. 1 л. <i>сѣм</i>		Ед. ч. 1 л. <i>бѣх</i>	
2 л. <i>си</i>		2 л. <i>бѣше</i>	
3 л. <i>е (је)</i>		3 л. <i>бѣше</i>	
Мн. ч. 1 л. <i>сѣм</i>		Мн. ч. 1 л. <i>бѣхѣ</i>	
2 л. <i>сте</i>		2 л. <i>бѣхте</i>	
3 л. <i>сѣ</i>		3 л. <i>бѣхѣ</i>	

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. <i>бѣх</i>	<i>или бих</i>	Мн. ч. 1 л. <i>бѣхѣ</i>	<i>или бихѣ</i>
2 л. <i>бѣ</i>	<i>би</i>	2 л. <i>бѣхте</i>	<i>бихте</i>
3 л. <i>бѣ</i>	<i>би</i>	3 л. <i>бѣхѣ</i>	<i>бихѣ</i>

Прошедшее соверш.

Ед. ч. 1 л. <i>бил, а, о сѣм</i>
2 л. <i>бил, а, о си</i>
3 л. <i>бил, а, о е</i>

Мн. ч. 1 л. <i>били сѣм</i>
2 л. <i>били сте</i>
3 л. <i>били сѣ</i>

Давнопрошедшее.

Ед. ч. 1 л. <i>бил, а, о бѣх</i>
2 л. <i>бил, а, о бѣ</i>
3 л. <i>бил, а, о бѣ</i>

Мн. ч. 1 л. <i>били бѣхѣ</i>
2 л. <i>били бѣхте</i>
3 л. <i>били бѣхѣ</i>

Будущее.

Ед. ч. 1 л. <i>ште сѣм</i>	<i>или ште бѣдѣ</i>
2 л. <i>ште си</i>	<i>ште бѣдеш</i>
3 л. <i>ште е</i>	<i>ште бѣде</i>
Мн. ч. 1 л. <i>ште сѣм</i>	<i>ште бѣдем</i>
2 л. <i>ште сте</i>	<i>ште бѣдете</i>
3 л. <i>ште сѣ</i>	<i>ште бѣдѣт</i>

Будущее совершенное.

Ед. ч. 1 л. ште съм бил, а, о	<i>или</i> ште бѣдѣ бил, а, о
2 л. ште си бил, а, о	ште бѣдеш бил, а, о
3 л. ште е бил, а, о	ште бѣде бил, а, о
Мн. ч. 1 л. ште сме били	ште бѣдем били
2 л. ште сте били	ште бѣдете били
3 л. ште сѣ били	ште бѣдѣтъ били

Будущ. неопред.

Повелит. накл.

Ед. ч. 1 л. бѣштѣ	Ед. ч. 1 л. —
2 л. бѣштеш	2 л. бѣдѣ
3 л. бѣште	3 л. да бѣде
Мн. ч. 1 л. бѣштем	Мн. ч. 1 л. да бѣдем
2 л. бѣштете	2 л. бѣдѣте
3 л. бѣштѣтъ	3 л. да бѣдѣтъ

Условное наклоненіе.

Настоящее время.

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. бѣвам	Ед. ч. 1 л. бѣвах
2 л. биваш	2 л. биваше
3 л. бива	3 л. биваше
Мн. ч. 1 л. биваме	Мн. ч. 1 л. бивахме
2 л. бивате	2 л. бивахте
3 л. биват	3 л. бивахѣ

Прошедшее совершенное.

Будущее.

Ед. ч. 1 л. бил, а, о бих	Ед. ч. 1 л. штѣх (да) бѣдѣ
2 л. бил, а, о би	2 л. штѣше бѣдеш
3 л. бил, а, о би	3 л. штѣше бѣде
Мн. ч. 1 л. били бихме	Мн. ч. 1 л. штѣхме бѣдеме
2 л. били бихте	2 л. штѣхте бѣдете
3 л. били бихѣ	3 л. штѣхѣ бѣдѣтъ

Причастія.

Настоящее: сѣштѣ (иѣ), а, о.

Прошедшее II: бил, била, било.

Причастія прилагательныя: бившій, а, е; бѣдѣштіи, а, е.

Въ нѣкоторыхъ грамматикахъ приводятся еще слѣдующія новообразованныя и, вѣжета, малоупотребительныя, формы аориста и прошедшаго условнаго:

А о р и с т ъ .			П р о ш е д ш е е у с л о в н о е .		
Ед. ч. 1 л.	бѣдох		Ед. ч. 1 л.	бѣдѣх	
2 л.	биде		2 л.	бѣдѣше	
3 л.	биде		3 л.	бѣдѣше	
Мн. ч. 1 л.	бидохме		Мн. ч. 1 л.	бѣдѣхме	
2 л.	бидохме		2 л.	бѣдѣхте	
3 л.	бидохѣ		3 л.	бѣдѣхѣ	

О спряженіи другихъ архаическихъ глаголовъ *ям*, *дам* см. стр. 137.

Все разнообразіе формъ славянскаго глагола восходитъ къ двумъ главнымъ основамъ: основѣ настоящаго и неопредѣленнаго. Суффиксы этихъ двухъ основъ обыкновенно и принимаются за основаніе для дѣленія глаголовъ на классы. Такъ какъ въ современномъ болгарскомъ яз. не существуетъ неопредѣленнаго наклоненія, то удобнѣе всего за исходную точку при классификаціи глаголовъ принять основу настоящаго. Послѣдняя, за исключеніемъ указанныхъ архаическихъ глаголовъ, можетъ имѣть слѣдующіе суффиксы: 1) *-о*, *-е*; 2) *-но*, *-не*; 3) *-ѣо*, *-ѣе*; 4) *и*; 5) *а* (= *аѣо*, *аѣе*). Отсюда получается пять классовъ глаголовъ. Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ предполагаемой основы неопредѣленнаго (такъ наз. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго гласнаго корня.

Первый классъ.

О с н о в ы н а *-о*, *-е*.

А) *Вторая основа не имѣетъ суффикса* (т. е. равна корню).

1. Корень *нес*, *пек*, *бод*.

Н а с т о я щ е е .

Ед. ч. 1 л.	несѣ	пекѣ	бодѣ	Мн. ч. 1 л.	несѣм	пекѣм	бодѣм
2 л.	несѣш	пекѣш	бодѣш	2 л.	несѣте	пекѣте	бодѣте
3 л.	несѣ	пекѣ	бодѣ	3 л.	несѣѣтъ	пекѣѣтъ	бодѣѣтъ

Преходящее.

Единств. ч.			Множ. ч.		
1 л. несѣх	печѣх	бодѣх	несѣхме	печѣхме	бодѣхме
2 л. несѣше	печѣше	бодѣше	несѣхте	печѣхте	бодѣхте
3 л. несѣше ¹⁾	печѣше	бодѣше	несѣхж	печѣхж	бодѣхж

Аористъ.

Единств. ч.			Множ. ч.		
1 л. нѣсох	пекѣх	бодѣх	нѣсохме	пекѣхме	бодѣхме
2 л. нѣсе	печѣ	бодѣ	несохте	пекѣхте	бодѣхте
3 л. нѣсе	печѣ	бодѣ	песохж	пекѣхж	бодѣхж

Повелительное накл.

Единств. ч.			Множ. ч.		
1 л. —	—	—	нева	несѣм, печѣм, бодѣм	
2 л. несѣ	печѣ	бодѣ	несѣте, печѣте, бодѣте		
3 л. нева	несѣ, печѣ, бодѣ		нева несѣт, пекѣт, бодѣт		

Причастія.

Прошедшее дѣйст. II: нѣсъл, пѣкъл, бол (бодѣл), а, о.

Прошедшее страд.: несѣн, печѣн, бодѣн, а, о.

Прошедшее совершенное I.

нѣсъл, а, о сѣм, пѣкъл, а, о сѣм, бол, а, о сѣм.

Прошедшее совершенное II.

нѣсъл, а, о сѣм бил, а, о, пѣкъл, а, о сѣм бил, бол, а, о, сѣм бил.

Давнопрошедшее.

нѣсъл, а, о бѣх, пѣкъл, а, о бѣх, бол, а, о бѣх, бѣ и т. д.

¹⁾ Считаемъ нужнымъ напомнить, что во 2 и 3 л. ѣ во всѣхъ говорахъ произносятся какъ е; почему употребительно правописаніе этихъ формъ съ е: несеше, печеше. Ср. 77 стр.

Б у д у щ е е.

ште несѣ́, ште пекѣ́, ште бодѣ́.

ште несѣш, ште печѣш, ште бодѣш и т. д.

Будущее неопределѣнное

нештѣ, пештѣ, бодѣштѣ, бодѣштеп, -е, -ем, ете, жт.

Будущее совершенное.

ште съм нѣсъл, ште съм пѣвъл, ште съм бол; или

ште бждѣ нѣсъл, ште бждѣ нѣвъл.

Условное навл.

Настоящее: нѣсвам, пѣквам, бѣдвам, -ваш, -ва, -ваме, -вате, -ват.*Преходящее:* нѣсвах, пѣквах, бѣдвах, -ваше, -ваше, -вахме, -вахте,*Прош. соверш.:* нѣсъл, пѣвъл, бол бих, би, би и т. д. [вахж.2. Корень *кльн, мр.*

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. кълнѣ́	мрѣ	Мн. ч. 1 л. кълнѣ́м	мрем
2 л. кълнѣ́ш	мреш	2 л. кълнѣ́те	мрете
3 л. кълнѣ́	мре	3 л. кълнѣ́т	мрѣт

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. кълнѣ́х	мрѣх	Мн. ч. 1 л. кълнѣ́хме	мрѣхме
2 л. кълнѣ́ше	мрѣше	2 л. кълнѣ́хте	мрѣхте
3 л. кълнѣ́ше	мрѣше	3 л. кълнѣ́хѣ	мрѣхѣ

А о р и с т ѣ.

Ед. ч. 1 л. кле́х	мрѣх	Мн. ч. 1 л. кле́хме	мрѣхме
2 л. кле́	мрѣ	2 л. кле́хте	мрѣхте
3 л. кле́	мрѣ	3 л. кле́хѣ	мрѣхѣ

П о в е л и т е л ь н о е н а в л .

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. нека кълнѣ́ме	нека мреме
2 л. кълнѣ́	мри	2 л. кълнѣ́те	мрете
3 л. да кълнѣ́	да мре	3 л. нека кълнѣ́т	нека мрѣт

Причастія.

Прошедшее дѣйств. II: влел, а, о, мрѣл, а, о.

Прошедшее страд.: влет, а, о.

Прошедшее совершенное I.

влел, а, о, съм.

мрѣл, а о съм.

Прошедшее совершенное II.

влел, а, о съм бил, а, о, мрѣл, а, о съм бил, а, о.

Давнопрошедшее.

влел, а, о бѣх.

мрѣл, а, о бѣх.

Будущее.

Будущее неопред.

ште кълнѣ, ште мрѣ.

кле-штѣ, мре-штѣ.

Будущее совершенное.

ште съм влел, а, о, ште съм мрѣл, а, о; или

ште бѣдѣ влел, а, о, ште бѣдѣ мрѣл, а, о.

Условное накл.

Настоящее: влѣвам, мрѣвам, -аш, -а, -аме, -аше, ат.

Преходящее: клѣвах, мрѣвах, -ше, ше, -хме, хте, хѣ.

Прош. соверш.: влел, а, о бих, мрѣл, а, о бих.

Б) Вторая основа оканчивается на а.

1. зова, рева.

Настоящее время.

Ед. ч. 1 л. зовѣ	ревѣ	Мн. ч. 1 л. зовѣм	ревѣм
2 л. зовѣш	ревѣш	2 л. зовѣте	ревѣте
3 л. зовѣ	ревѣ	3 л. зовѣт	ревѣт

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. зовѣх	ревѣх	Мн. ч. 1 л. зовѣхме	ревѣхме
2 л. зовѣше	ревѣше	2 л. зовѣхте	ревѣхте
3 л. зовѣше	ревѣше	3 л. зовѣхѣ	ревѣхѣ

А о р и с т ъ .

Ед. ч. 1 л. зова́х	рева́х	Мн. ч. 1 л. зова́хмѣ	рева́хмѣ
2 л. зова́	рева́	2 л. зова́хте	рева́хте
3 л. зова́	рева́	3 л. зова́хѣ	рева́хѣ

П о в е л и т е л ь н о е .

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. да зове́м	да реве́м
2 л. зови́	реви́	2 л. зове́те	реве́те
3 л. да зове́	да реве́	3 л. да зове́тъ	да реве́тъ

П р и ч а с т і я .

Прошедшее дѣйств. II: зова́л, а, о, рева́л, а, о (рева́л).

Прошедшее страд.: зова́н, а, о.

П р о ш е д ш е е с л о ж н о е I .

зова́л, а, о съм.

рева́л, а, о съм.

П р о ш е д ш е е с л о ж н о е II .

зова́л, а, о съм бил, а, о, рева́л, а, о съм бил, а, о.

Д а в н о п р о ш е д ш е е .

зова́л, а, о бѣх.

рева́л, а, о бѣх.

Б у д у щ е е .

Б у д у щ е е н е о п р е д .

ште зова́ѣ, ште рева́ѣ.

зова́-штя́, рева́-штя́.

Б у д у щ е е с о в е р ш е н н о е .

ште съм зова́л, а, о, ште съм рева́л, а, о; *или*

ште бѣдѣ зова́л, а, о, ште бѣдѣ рева́л, а, о.

У с л о в н о е н а в л .

Настоящее: зова́вам, рева́вам, -аш, -а, -аме, -ате, -ат.

Преходящее: зова́вах, рева́вах, -аше, -аше, -ахмѣ, -ахте, -ахѣ.

Прош. соверш.: зова́л, а, о бих, рева́л, а, о бих.

2. *ора, бра.*

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. орѣ́	берѣ́	Мн. ч. 1 л. оре́м	бере́м
2 л. оре́ш	бере́ш	2 л. оре́те	бере́те
3 л. оре́	бере́	3 л. орѣ́т	бере́т

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. орѣ́х	берѣ́х	Мн. ч. 1 л. орѣ́хмѣ	берѣ́хмѣ
2 л. орѣ́ше	берѣ́ше	2 л. орѣ́хте	берѣ́хте
3 л. орѣ́ше	берѣ́ше	3 л. орѣ́хж	берѣ́хж

А о р и с т њ.

Ед. ч. 1 л. ора́х	бра́х	Мн. ч. 1 л. ора́хмѣ	бра́хмѣ
2 л. ора́	бра	2 л. ора́хте	бра́хте
3 л. ора́	бра	3 л. ора́хж	бра́хж

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. нева оре́м	нева бере́м
2 л. ори́	бері́	2 л. оре́те	бере́те
3 л. да оре́	да бере́	3 л. нева орѣ́т	нева бере́т

П р и ч а с т і я.

Прошедшее дѣйств. II: ора́л, а, о, бра́л, а, о.

Прошедшее страд.: ора́н, а, о, бра́н, а, о.

Прошедшее совершенное I.

ора́л, а, о съм.

бра́л, а, о съм.

Прошедшее совершенное II.

ора́л, а, о съм бил, а, о, бра́л, а, о съм бил, а, о.

Д а в н о п р о ш е д ш е е.

ора́л, а, о бѣ́х.

бра́л, а, о бѣ́х.

Б у д у щ е е.

ште орѣ́, ште берѣ́.

Б у д у щ е е н е о п р е д .

ора-штѣ́, бра-штѣ́.

Будущее совершенное.

ште съм ора́л, а, о, ште съм бра́л, а, о; или
ште бѣдѣ́л ора́л, а, о, ште бѣдѣ́л бра́л, а, о.

Условное накл.

Настоящее: ора́вам, бе́рвам, -аш, -а, -аме, -ате; -ат.

Преходящее: ора́вах, бе́рвах, -аше, -аше, -ахме, -ахте, -ахѣ.

Прош. соверш. ора́л, а, о бих, бра́л, а, о бих.

(*Будущее:* ште́х да ора́, ште́х да бе́рѣ).

По образцу А) 1. спрягаются слѣдующіе глаголы: влѣ́жѣ, гребѣ́, метѣ́, мо́гѣ, плетѣ́, текѣ́, ведѣ́, четѣ́, везѣ́; ѣдѣ, пов. видѣ́, преход. ѣдѣ́х; прич. прошед. дѣйств. II обыкновенно отъ основы *идѣ*: дошел, дошал, отишал (Макед.), но встрѣчается и *отидѣл* (Кратово), одѣл (Прилѣпъ). Отъ корня *дадѣ*, *ѣдѣ*—аор. *да́дох*, *ѣдох*, преход. *дадѣх*, *ѣдѣх*, прич. II *ѣл*, прич. страд. *ѣден*.

Коренные *д*, *т* въ прич. дѣйств. II исчезаютъ передъ *л*: плел, вел. Глухой *з* въ *несѣл*, *некъл*—вставочный зв. Въмѣсто *несѣл* говорятъ и *нѣл*: та на три стрѣни разнѣло.

Къ отдѣл. Б) 1. относятся: *дерѣ́*, аор. — драх, прех. — дерѣ́х, условное—дравам; *перѣ́* (мою), аор.—прах, преход.—перѣ́х, условное—первам; *порѣ́*, аор.—прах, преход.—порѣ́х, условное—порвам.

Къ отдѣл. Б) 2. относятся: *зовѣ́*, аор.—зовѣ́х, преход.—зовѣ́х, условное—зовѣ́вам, *ковѣ́*, аор.—ковѣ́х, преход.—ковѣ́х, условное—ковѣ́вам.

Второй классъ.

Основы на -но, -не.

Вторая основа *нѣ*.

Кор. *нѣ*, *диг*.

Настоящее время.

Ед. ч. 1 л. гинѣ́ж	дигнѣ́ж	Мн. ч. 1 л. гинѣ́м	дигнѣ́м
2 л. гинѣ́ш	дигнѣ́ш	2 л. гинѣ́те	дигнѣ́те
3 л. гинѣ́	дигнѣ́	3 л. гинѣ́т	дигнѣ́т

Условное.

Настоящее: гѣнвам, дѣгновам -ваш, -ва, -ваме, -вате, -ват.

Преходящее: гѣнвах, дѣгновах, -ше, -ше, -хме, -хте, -хж.

Прош. соверш.: гѣнѣл, а, о бих, дѣгнѣл, а, о бих.

Къ этому классу относятся: 1) тѣ глаголы, которые и въ старо-славянскомъ образуютъ вторую основу посредствомъ суф. *нж*: гаснѣ, тѣнѣ, стѣнѣ, бѣгнѣ, нѣвнѣ, дунѣ, гѣлтнѣ, тѣргнѣ, вѣнѣ, плюнѣ; 2) глаголы, не принимающіе въ старо-слав. яз. приставки *нж*: хванѣ (вм. хват-нѣ), отѣмнѣ, лѣгнѣ, пѣстнѣ, сѣднѣ, свѣнѣ (вм. сватнѣ), отворнѣ, вѣднѣ; 3) глаголы, относящіеся въ старо-слав. яз. въ другіе классамъ: стѣнѣ, жѣнѣ, аор.—жѣнѣх, прех.—жѣнѣх, условн.—жѣн-вам. Въ сѣверо-западныхъ говорахъ причастіе прош. дѣйств. II иногда образуется отъ болѣе враткой основы безъ прист. *но*: истѣргал, дѣгал, замѣркал.

Третій классъ.

Основы на -*jo*, -*je*.

А) Вторая основа равна корню.

1. Корень *ми*, *зна*.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Ед. ч. 1 л. мѣнѣ (я)	знѣнѣ (я)	Мн. ч. 1 л. мѣнем	знѣнем
2 л. мѣнеш	знанеш	2 л. мѣнете	знаете
3 л. мѣне ¹⁾	знане ¹⁾	3 л. мѣнѣт	знаѣт

П р е х о д я щ е е .

Ед. ч. 1 л. мѣнѣх	знѣнѣх	Мн. ч. 1 л. мѣнѣхме	знѣнѣхме
2 л. мѣнѣше	знанѣше	2 л. мѣнѣхте	знанѣхте
3 л. мѣнѣше	знанѣше	3 л. мѣнѣхж	знанѣхж

А о р и с т ѣ .

Ед. ч. 1 л. мих	знах	Мн. ч. 1 л. мѣхме	знѣхме
2 л. ми	зна	2 л. мѣхте	знахте
3 л. ми	зна	3 л. мѣхж	знахж

¹⁾ Въ общепринятомъ правописаніи *j* не обозначается: мѣнеш, знае, знаете.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—		Мн. ч. 1 л. нека миѣм	нека знаеѣм
2 л. мий	знай		2 л. мийте	знайте
3 л. нека миѣ	нека знаѣ		3 л. нека миѣт	нека знаѣт

Причастіа.

Прошедшее дѣйст. II: мил, а, о (миѣл); знал, а, о (знаѣл).

Прошедшее страд.: мит, а, о.

Прошедшее совершенное I.

мил, а, о съм.

знал, а, о съм.

Прошедшее совершенное II.

мил, а, о съм бил, а, о.

знал, а, о съм бил, а, о.

Давнопрошедшее.

мил, а, о бѣх.

знал, а, о бѣх.

Будущее.

Будущее неопред.

ште миѣ, ште знаѣ.

ми-штѣ, зна-штѣ.

Будущее совершенное.

ште съм мил, а, о, ште съм знал, а, о; или

ште бѣдѣ мил, а, о, ште бѣдѣ знал, а, о.

Условное накл.

Настоящее: мийвам, знайвам.

Преходящее: мийвах, знайвах.

Прош. соверш.: мил, а, о бих, знал, а, о бих.

2. Кор. мел, кол.

Вторая основа: млѣ, клѣ.

Ед. ч. 1 л. мѣлѣ (я)	кѣлѣ (я)		Мн. ч. 1 л. мѣлем	кѣлем
2 л. мѣлеш	кѣлеш		2 л. мелете	колете
3 л. мѣле	кѣле		3 л. мелѣт	колѣт (ят)

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. мѣлѣх	кѡлѣх	Мн. ч. 1 л. мѣлѣхмѣ	кѡлѣхмѣ
2 л. мелѣше	колѣше	2 л. мелѣхте	колѣхте
3 л. мелѣше	колѣше	3 л. мелѣхѣ	колѣхѣ

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. млѣх	клях	Мн. ч. 1 л. млѣхмѣ	кляхмѣ
2 л. млѣ	кля	2 л. млѣхте	кляхте
3 л. млѣ	кля	3 л. млѣхѣ	кляхѣ

Повелительное накл.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. да мѣлем	да кѡлем
2 л. мелѣ	колѣ	2 л. мелѣте	колѣте
3 л. да мѣле	да кѡле	3 л. да мелѣт	да кѡлѣт

Причастія.

Прошедшее дѣйст. II: млѣл, а, о, клял, а, о.

Прошедшее страд.: млѣн, а, о, клян, а, о.

Прошедшее совершенное I.

млѣл, а, о съм. клял, а, о съм.

Прошедшее совершенное II.

млѣл, а, о съм бил, а, о, клял, а, о съм бил, а, о.

Давнопрошедшее.

млѣл, а, о бѣх. клял, а, о бѣх.

Будущее.

ште мѣлѣ, ште кѡлѣ.

Будущее неопред.

млѣ-штѣ, кля-штѣ.

Будущее совершенное.

ште съм млѣл, ште съм клял: или

ште бѣдѣ млѣл, ште бѣдѣ клял.

Условное.

Настоящее: мѣлвам, -ваш, -ва, -ваме, -вате, -ват.

Преходящее: мѣлвах, -ше, -ше, -хмѣ, -хте, -хѣ.

Прош. соверш.: млѣл, а, о бих, клял, а, о бих.

Б) *Вторая основа на -а.*

Кор. *ла, пис.*

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. <i>лаѣ</i> (я)	<i>пѣшѣ</i>	Мн. ч. 1 л. <i>лаѣм</i>	<i>пѣшем</i>
2 л. <i>лаѣш</i>	<i>пѣшѣш</i>	2 л. <i>лаѣте</i>	<i>пѣшете</i>
3 л. <i>лаѣ</i>	<i>пѣше</i>	3 л. <i>лаѣт</i>	<i>пѣшѣт</i>

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. <i>лаях</i>	<i>пѣшѣх</i>	Мн. ч. 1 л. <i>лаяхме</i>	<i>пѣшѣхме</i>
2 л. <i>лаяше</i>	<i>пѣшѣше</i>	2 л. <i>лаяхте</i>	<i>пѣшѣхте</i>
3 л. <i>лаяше</i>	<i>пѣшѣше</i>	3 л. <i>лаяхѣ</i>	<i>пѣшѣхѣ</i>

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. <i>лаях</i>	<i>пѣсах</i>	Мн. ч. 1 л. <i>лаяхме</i>	<i>пѣсахме</i>
2 л. <i>лая</i>	<i>писа</i>	2 л. <i>лаяхте</i>	<i>пѣсахте</i>
3 л. <i>лая</i>	<i>писа</i>	3 л. <i>лаяхѣ</i>	<i>пѣсахѣ</i>

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. <i>да лаѣм</i>	<i>да пѣшем</i>
2 л. <i>лай</i>	<i>пиши</i>	2 л. <i>лайте</i>	<i>пѣшѣте</i>
3 л. <i>да лаѣ,</i>	<i>да пѣше</i>	3 л. <i>да лаѣт</i>	<i>да пѣшѣт</i>

Причастія.

Прошед. соверш. дѣйст. II: *лаял, а, о, писал, а, о.*

Прошедшее страд.: *лаян, а, о, писан, а, о.*

Прошедшее совершенное I.

лаял, а, о съм.

писал, а, о съм.

Прошедшее совершенное II.

лаял, а, о съм бил, а, о, писал, а, о съм бил, а, о.

Давно прошедшее.

лаял, а, о бѣх.

писал, а, о бѣх.

Будущее.

Будущее неопред.

ште лаѣ, ште пѣшѣ.

лая-штѣ, писа-штѣ.

Будущее совершенное.

ште съм лаял, а, о, ште съм писал, а, о; или
ште бждж лаял, а, о, ште бждж писал, а, о.

Условное.

Настоящее: лайвам, писвам, -ш, -а, -аме, -ате, -ат.

Преходящее: лайвах, писвах, -ше, -ше, -хме, -хте, -хж.

Прош. соверш.: лаял, а, о бих, писал, а, о бих.

В) Вторая основа на ъ.

Кор. *люл, жел.*

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. люлѣѣ (я)	желѣѣ (я)	Мн. ч. 1 л. люлѣѣм	желѣѣм
2 л. люлѣѣш	желѣѣш	2 л. люлѣѣте	желѣѣте
3 л. люлѣѣ	желѣѣ	3 л. люлѣѣт	желѣѣт

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. люлѣях	желѣях	Мн. ч. 1 л. люлѣяхме	желѣяхме
2 л. люлѣяше	желѣяше	2 л. люлѣяхте	желѣяхте
3 л. люлѣяше	желѣяше	3 л. люлѣяхж	желѣяхж

А о р и с т ъ.

Ед. ч. 1 л. люлѣх	желѣх	Мн. ч. 1 л. люлѣхме	желѣхме
2 л. люлѣ	желѣ	2 л. люлѣхте	желѣхте
3 л. люлѣ	желѣ	3 л. люлѣхж	желѣхж

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. да люлѣѣм	да желѣѣм
2 л. люлѣй	желѣй	2 л. люлѣйте	желѣйте
3 л. да люлѣје	да желѣје	3 л. да люлѣѣт	да желѣѣт

П р и ч а с т і я.

Прошед. соверш. дѣйст. II: люлѣл, а, о, желѣл, а, о.

Прошедшее страд.: люлѣн, а, о, желѣн, а, о.

Прошедшее совершенное I.

любѣл, а, о съм.   желѣл, а, о съм.

Прошедшее совершенное II.

любѣл, а, о съм бил, а, о, желѣл, а, о съм бил, а, о.

Давно прошедшее.

любѣл, а, о бѣх.   желѣл, а, о бѣх.

Будущее.

Будущее неопред.

ште любѣѡ, ште желѣѡ.   ;   любѣ-штѡ, желѣ-штѡ.

Будущее совершенное.

ште съм любѣл, а, о, ште съм желѣл, а, о; или

ште бѣдѡ любѣл, ште бѣдѡ желѣл, а, о.

Условное навл.

Настоящее: любѣвам, желѣвам, -ш, -а, -аме, -ате, -ат.

Преходящее: любѣвах, желѣвах, -ше, -ше, -хме, -хте, -хѡ.

Прош. соверш.: любѣл, а, о бих, желѣл, а, о бих.

Къ отд. А) 1. относятся глаголы: пѣѡ, вѣѡ, вѣѡ, пѣѡ, крѣѡ, гнѣѡ, пѣѡ, лѣѡ, плѣѡ.

Къ отд. Б): бѣѡ, кѣѡ се, блѣѡ, сѣѡ, мѣѡ се, дремлѡ; дрѣштѡ— аор. дрѣсках, грѣчѡ — аор. грѣцах, ѣштѡ—аор. ѣсках, лѣжѡ — аор. лѣзах, лѣжѡ—аор. лѣгах, мѣжѡ — аор. мѣзах, плѣчѡ—аор. плѣках, рѣжѡ—аор. рѣзах, чѣшѡ—аор. чѣсах, кѣжѡ—аор.—кѣзах. Сюда же относятся нѣкоторыя глаголы V-го класса: копѣѡ, игрѣѡ, сѣдѣѡ, вѣнчѣѡ.

Къ отд. В): блѣднѣѡ, грѣѡ, желтѣѡ, живѣѡ, зрѣѡ, умѣѡ, чернѣѡ.

Четвертый классъ.

О с н о в ы н а -и.

А) *Вторая основа также на -и.*Кор. *вод, лов.*

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Ед. ч. 1 л. вѣдѣхъ (я)	лѣвѣхъ (я)	Мн. ч. 1 л. вѣдимъ	лѣвимъ
2 л. вѣдиши	лѣвиши	2 л. вѣдите	лѣвите
3 л. вѣди	лѣви	3 л. вѣдятъ (ят)	лѣвятъ (ят)

П р е х о д я щ е е .

Ед. ч. 1 л. вѣдѣхъ	лѣвѣхъ	Мн. ч. 1 л. вѣдѣхмѣ	лѣвѣхмѣ
2 л. вѣдѣше	лѣвѣше	2 л. вѣдѣхте	лѣвѣхте
3 л. вѣдѣше	лѣвѣше	3 л. вѣдѣхѣ	лѣвѣхѣ

А о р и с т ѣ .

Ед. ч. 1 л. вѣдихъ	лѣвихъ	Мн. ч. 1 л. вѣдихмѣ	лѣвихмѣ
2 л. вѣди	лѣви	2 л. вѣдихте	лѣвихте
3 л. вѣди	лѣви	3 л. вѣдихѣ	лѣвихѣ

П о в е л и т е л ь н о е н а в л .

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. да вѣдимъ	да лѣвимъ
2 л. вѣди	лѣви	2 л. вѣдите	лѣвите
3 л. да вѣди	да лѣви	3 л. да вѣдятъ	да лѣвятъ

П р и ч а с т і я .

Прошедшее дѣйст. II: вѣдил, а, о, лѣвил, а, о.*Прошедшее страд.:* вѣден, а, о, ловен, а, о.

П р о ш е д ш е е с о в е р ш е н н о е I.

вѣдил, а, о съм.

лѣвил, а, о съм.

П р о ш е д ш е е с о в е р ш е н н о е II.

вѣдил, а, о съм бил, а, о, лѣвил, а, о съм бил, а, о.

Д а в н о п р о ш е д ш е е .

вѣдил, а, о бѣхъ.

лѣвил, а, о бѣхъ.

Будущее.

Будущее неопред.

ште вѣдѣ, ште лѣвѣ.

вѣди-штѣ, лѣви-штѣ.

Будущее совершенное.

ште съм вѣдил, а, о, ште съм лѣвил, а, о; *или*

ште бѣдѣ вѣдил, а, о, ште бѣдѣ лѣвил, а, о.

Условное накл.

Настоящее: вѣдвам, лѣвавам, -аш, -а, -аме, -ате, -ат.

Преходящее: вѣдвах, лѣвавах, -ше, -ше, -хме, хте, -хѣ.

Прош. соверш.: вѣдил, а, о бих, лѣвил, а, о бих.

(Будущее: штѣх да вѣдѣ, штѣх да лѣвѣ).

Б) Вторая основа на -ѣ.

Кор. *вид, търп.*

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. вѣдѣ (я)	търпѣ (я)	Мн. ч. 1 л. вѣдим	търпѣм
2 л. вѣдиш	търпиш	2 л. видите	търпѣте
3 л. види	търпи	3 л. видѣт(ят)	търпѣт(ят)

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. вѣдѣх	търпѣх	Мн. ч. 1 л. вѣдѣхме	търпѣхме
2 л. вѣдѣше	търпѣше	2 л. вѣдѣхте	търпѣхте
3 л. вѣдѣше	търпѣше	3 л. вѣдѣхѣ	търпѣхѣ

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. вѣдѣх	търпѣх	Мн. ч. 1 л. вѣдѣхме	търпѣхме
2 л. видѣ	търпѣ	2 л. вѣдѣхте	търпѣхте
3 л. видѣ	търпѣ	3 л. вѣдѣхѣ	търпѣхѣ

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. да вѣдим	да търпѣм
2 л. виж	търпи	2 л. видѣте (вижете)	търпѣте
3 л. да види	да търпи	3 л. да вѣдѣт	да търпѣт

Причастія.

Прошедшее дѣйст. II: видѣл, а, о, тьрпѣл, а, о.

Прошедшее страд.: видѣн, а, о, тьрпѣн, а, о.

Прошедшее совершенное I.

видѣл, а, о сѣм.

тьрпѣл, а, о сѣм.

Прошедшее совершенное II.

видѣл, а, о сѣм бял, а, о, тьрпѣл, а, о сѣм бил, а, о.

Давнопрошедшее.

видѣл, а, о бѣх.

тьрпѣл, а, о бѣх.

Будущее.

Будущее неопред.

ште видѣъ (я), ште тьрпѣъ.

видѣ-штѣ, тьрпѣ-штѣ.

Будущее совершенное.

ште сѣм видѣл, а, о, ште сѣм тьрпѣл, а, о; или

ште бѣдѣ видѣл, а, о, ште бѣдѣ тьрпѣл, а, о.

Условное накл.

Настоящее: видѣам, тьрпѣвам, -аш, -а, -аме, -ате, -ат.

Преходящее: видѣвах, тьрпѣвах, -аше, -аше, -ахе, -ахте, -ахѣ.

Прош. соверш.: видѣл, а, о бих, тьрпѣл, а, о бих.

(*Будущее:* штѣх да видѣъ, штѣх да тьрпѣъ).

Къ отд. А) относятся: бѣръ се, бѣръ, варѣъ, гасѣъ, глушѣъ, гѣнь, говорѣъ, гѣтѣъ, грѣшѣъ, гѣбѣъ, дѣнь, дѣшѣъ, клонѣъ, корѣъ, лѣгѣъ, мѣслѣъ (условн. мѣсловам), мѣль, мѣтъ, мѣчѣъ, прѣсѣъ, сѣдѣъ, слѣжѣъ, тѣчѣъ, ѣчѣъ, хѣдѣъ.—Глаголы—купѣъ, платѣъ, хвѣрлѣъ, родѣъ часто замѣняются глаголами пятого класса: купѣвам, платѣам, хвѣрлѣам, рѣждам.

Къ отд. Б): вѣртѣъ, вѣштѣъ, гѣлчѣъ, горѣъ, лежѣъ, лѣштѣъ (блещу), летѣъ, мѣлчѣъ, стоѣъ, сѣдѣъ.

Пятый классъ.

Основы на — а (= аје), я (= аје).

1) *Вторая основа на -а.*

Кор. *дѣл, куп.*

Настоящее время.

Ед. ч. 1 л. дѣлам	куп-ѹва-м		Мн. ч. 1 л. дѣламе	куп-ѹва-ме
2 л. дѣлаш	куп-ув-аш		2 л. дѣлате	куп-ува-те
3 л. дѣла	куп-ува		3 л. дѣлат	куп-ѹват

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. дѣлах	купѹвах		Мн. ч. 1 л. дѣлахме	купѹвахме
2 л. дѣлаше	купуваше		2 л. дѣлахте	купувахте
3 л. дѣлаше	купуваше		3 л. дѣлахѡ	купувахѡ

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. дѣлах	купувах		Мн. ч. 1 л. дѣлахме	купувахме
2 л. дѣла	купува		2 л. дѣлахте	купувахте
3 л. дѣла	купува		3 л. дѣлахѡ	купувахѡ

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—		Мн. ч. 1 л. да дѣламе	да купѹваме
2 л. дѣлай	купѹвай		2 л. дѣлайте	купѹвайте
3 л. да дѣла	да купѹва		3 л. да дѣлат	да купѹват

Причастія.

Прошедшее дѣйст. II: дѣлал, а, о, купѹвал, а, о.

Прошедшее страд. дѣлан, а, о, купѹван, а, о.

Прошедшее совершенное I.

дѣлал, а, о сѣм.

купѹвал, а, о сѣм.

Прошедшее совершенное II.

дѣлал, а, о сѣм бил, а, о, купѹвал, а, о сѣм бил, а, о.

Давнопрошедшее.

дѣлал, а, о бѣх.

купѹвал, а, о бѣх.

Будущее.

Будущее неопред.

ште дѣлам, ште купувам. | дѣла-штѣ, купува-штѣ.

Будущее совершенное.

ште съм дѣлал, а, о, ште съм купувал, а, о; или
ште бѣдѣ дѣлал, а, о, ште бѣдѣ купувал, а, о.

Условное накл.

Настоящее: дѣлвам, купвам, -аш, -а, -аме, -ате, -ат.

Преходящее: дѣлвах, купвах, -ше, -ше, -хме, -хте, хѣ.

Прош. соверш.: дѣлал бих, купувал бих.

(*Будущее:* штѣх да дѣлам, штѣх да купувам).

2) Вторая основа на — я.

Кор. вал.

Настоящее.	Преходящ.	Аористъ.	Повелит.
Ед. ч. 1 л. вѣлям	вѣлях	валѣх	—
2 л. вѣляш	вѣляше	валѣ	вѣляй
3 л. вѣля	вѣляше	валя	да вѣля
Мн. ч. 1 л. вѣляме	вѣляхме	валѣхме	да вѣляме
2 л. вѣляте	вѣляхте	валѣхте	вѣляйте
3 л. вѣлят	вѣляхѣ	валѣхѣ	да вѣлят

Прич. действит. II — вѣлял, а, о. *Прич. страд.* — вѣлян, а, о. *Давнопрошедшее* — вѣлял, а, о бѣх. *Будущее* — ште вѣлям. *Будущее неопр.* — валя-штѣ. *Будущее соверш.* — ште съм вѣлял, а, о; или — ште бѣдѣ вѣлял, а, о. *Условное* — вѣлвам (наст. вр.), вѣлвах (прех. вр.), вѣлял, а, о бих (прош. сов.).

Къ отд. 1) относятся: бѣгам, сѣдам, падам, давам, тичам, имам, нѣмам, думам, бивам, дигам, лѣгам, мѣрдам (двигаю), поливам, сѣрбам (хлебаю), връштам, гѣдувам, докарам, вѣкам, скѣчам, пѣрскам, пѣкам, мѣлувам, мѣнувам, вѣсам; а также многочисленные глаголы, сложенные съ предлогами, особенно на *вам* и *ждам*: въздѣгам, въздѣшам, излѣзам, измѣвам, приѣмам, нарѣждам, открѣвам, отсѣчам, постѣлам,

убѣвам, испѣвам, заливам, напѣсвам, преорѣвам, проливам, поучѣвам, раскопѣвам, разгледѣвам, раскрѣвам, съжальѣвам, забѣгвам, извѣждам, пробѣждам, обѣждам, прерѣждам се, поглѣждам, отхѣждам и др. Нѣкоторые изъ глаголовъ этой категоріи спрягаются по указаннымъ образцамъ только въ настоящемъ времени, а въ остальныхъ формахъ болѣе употребительны другія основы; напр.: казвам—аор. казах, напѣсвам—аор. напѣсах, прич. напѣсал, испѣвам—аор. испѣх, пробѣждам—пробѣдох, обѣвам—обѣх и т. п.

Къ *отд. 2)* относятся: хвѣрлям, стрѣлям, кланям се, затвѣрям, изгѣрям, нахрѣням (кормлю), тѣркѣлям, умѣрям, препрѣвям, похвѣлям, потѣглям, натовѣрям и др.

Безличные глаголы (разныхъ классовъ).

Бива, блѣска се, вали, гѣрми, зазорѣва се (занимается заря), росѣ, рамѣ, свѣтка се, стѣмѣва се (темнѣеть), мѣренѣва се, сѣмва или сѣмнува се (наступаетъ день), трѣштѣ, ѣма, нѣма, прилѣча, трѣба или трѣбува, стои се (добро), късно е (поздно), рѣно е, доста е, стига е (довольно), мѣчное, лесное, сраме (и другіе сложныя съ е); пише се, казува се; боли ме (те, го, я, ни, ви, ги), мѣрзи ме (те, го и т. д.), сѣрби ме; игрѣе ми (ти, мѣ, ѣ, ни, ви, им) се, пие ми се, плаче ми се, спи ми се, ѣде ми се (мнѣ хочется играть, спится и т. п.).

7. Неизмѣняемыя слова.

Н а р ѣ ч і я.

1) Туе, тѣка (здѣсь), там, тадѣзи (тамъ), гдѣ (дѣ), бѣзо, вѣнка (зап. н.), далеч, надалеч, сѣкадѣ (всюду), нѣгдѣ, нѣйдѣ, дѣгодѣ (гдѣ-то), нѣйдѣ, нѣвѣдѣ (нигдѣ), вѣтрѣ (внутри), вѣн (внѣ), насрѣд, посрѣд (среди), ѡколо, гѣрѣ, долу, поврѣй, оттѣк, отзѣд, ѡгвѣн, отбѣзу, отдалѣч, отпрѣд, от навсѣдѣ, вѣдѣ, догдѣ, от вѣдѣ, от гдѣ, дома, домака (зап. н.).

2) Нѣнѣ, сегѣ, прѣди (прежде), подѣр, послѣ, сѣтнѣ (потомъ), дѣчас, дѣпѣти (въ другой разъ), днесъ, вѣера, зѣвчера, ѣтрѣ, дѣруги-ден, денѣ (днемъ), нощѣ, нощем (ночью), сѣтрин (завтра), зѣранка, рано, сѣтрин-та (рано утромъ), попѣднѣ, вѣчер, срѣд-нощѣ, наврѣ-

мѣ, пролѣтеть, лѣтъ, лѣтось, есенесь, зѣмѣ и зимас, рано, вѣсно, пак (снова), найпослѣ, взи́во (снова), тѣзгодѣна, онѣзгодѣна, кога, нѣкога, нѣкога, винаги (всегда), до сегá, от сегá, до когá, до тогáз, до когá-то, тога, тогива (зап. н.), тега (маб. н.).

3) Как, тѣи (такъ), ѣнак, ѣначе, кáкъ годѣ, тѣтакси, еште, опште, еш, набако, добрѣ, лошо, злѣ, хубаво (прекрасно), бѣрзо, полѣка (по-немногу), задрѣжно, сиромáшки (бѣдно), яко (сильно), мѣчно (трудно), по нашенски.

4) Кóлько, мнóго, мáлко, нѣколко, доста, пóвече (больше), кол-ото, колегодѣ, толкози, кóлко пѣти, заштó, за кавбó.

5) Точно, да, наздрáво, найстина, навѣрно, ништо, никак, вове, едвам, комай и комахай (едва), óсвен (сверхъ этого), сáмо (только), сѣвсѣм.

П р е д л о г и.

Без, в, до, за, зад, из, кѣм, на, над, низ, о, от, по, под, при, прѣд, прѣз, слѣд, с, у, чрѣз; вѣрху, зарáд, между, намѣсто, óколо, осѣвн, погрáй, прóтив, срѣштѣ, прек-преко (зап. н. черезъ).

Только при образованіи сложныхъ словъ употребляются: вѣз, при, пра, пре, про, раз.

Въ народной рѣчи предлоги *в, е* часто удваиваются: *вѣв, еев, сѣс, сас, сес, сос.*

Въ западномъ нар. *в* иногда звучить какъ *у*.

С о ю з ы.

1) *Соединительные*: и, па (и), и па, пай, и най, та (зап. н.), нелѣ, нел (зап. н. и вотъ).

2) *Противительные*: а, нѣ, но, ала, але, али, аль, аладем (но), ама, ами (но), между товá, обáче (всетаки).

3) *Раздѣлительные*: ли, или, аль, яли - яли, ель - ель, дали - дали, ем - ем, ту - ту, ни - ни, нито, нека - нека.

4) *Сравнительные*: както-тѣи, колкото-толкози, тѣи-штото, кáво (зап. н.), сѣшто такá—както.

5) *Изяснительные*: че, што, дека.

6) *Причинные*: зáради товá, заштóто, по нѣже, тѣи кáто, зер (зап. н.), оти (= греч. *ὅτι*).

7) *Союзы цѣли*: да, за да, зарад.

8) *Временные*: ега, ага, яга, дорѣ, дор, дурѣ, дорѹ (пока), докле, додека, како, вада, кога, одкад, одкако.

9) *Условные*: ако, али (ели), едали, нали (нели зап. н.).

10) *Уступительные*: да, нека, ако и да—нѣ.

Ч а с т и ц ы.

Отрицательныя: не, ни

Вопросительныя: ли, али, ели, дали, нель, запито.

М е ж д о м е т і я.

Кромѣ общеупотребительныхъ въ славянскихъ языкахъ междометій, въ родѣ: ай, эй, ой, ух, на и т. п. болгарскому языку свойственны еще слѣдующія характерныя: Богме, бѣме, бѣме (клятва), бре (братъ! въ обращеніи къ старшимъ или равнымъ), море (= бре, къ старшимъ), эла (ура! гей), яо (увы!), пома (помоги!), ле, леле (о! ой! увь!). Въ народныхъ пѣсняхъ особенно распространено междометіе *ле*. Въ простой формѣ оно присоединяется къ именамъ существительнымъ въ звательномъ пад. для выраженія отгѣнка нѣжной ласки; въ двойной-же формѣ (леле) оно обыкновенно предшествуетъ существительному: Боже ле, куме ле, горо ле, горо ти зелена, Радо ле, сестро ле; леле коню, леле майко, леле, леле я сиромаф. (Мил.). Иногда это *ле* получаетъ значеніе суффикса, служащаго для образованія ласкательныхъ и уменьшительныхъ существительныхъ; напр.: брале (братецъ), селе (сестрица), мале (мама).

8. Нарѣчія и говоры болгарскаго языка.

Изученіе болгарской діалектологіи, какъ уже замѣчено выше, находится въ зачаточномъ состояніи. За послѣднее время въ болгарскихъ ученыхъ изданіяхъ печатается не мало цѣннаго діалектологическаго матеріала¹⁾, свидѣтельствующаго о значительномъ количествѣ

¹⁾ Уже во время печатанія настоящаго труда мы получили возможность воспользоваться цѣлымъ рядомъ новѣйшихъ изданій и работъ болгарскихъ філологовъ, не указанныхъ въ перечнѣ на стр. 54—56. Они приведены въ „дополненіяхъ“ къ этому сочиненію.

и разнообразіи болгарскихъ говоровъ, но детальная разработка этого матеріала едва начинается. Поэтому строго - научная классификація говоровъ и обстоятельная характеристика ихъ въ настоящее время не только представляетъ большія трудности¹⁾, но и едва ли возможна. Нѣкоторые обобщенія, подсказываемыя современнымъ состояніемъ вопроса, должны быть принимаемы съ значительною осторожностью, какъ положенія, еще нуждающіяся въ болѣе подробномъ изслѣдованіи и обоснованіи.

Все разнообразіе болгарскихъ говоровъ обыкновенно подводятъ подъ два нарѣчія: восточное (ѳрако-мизійское) и западное. За границу между ними принимаютъ: р. Искеръ, Ихтиманъ, Татаръ-Базарджикъ, р. Топольницу. Но, кажется, правильнѣе, согласно мнѣнію лучшихъ знатковъ болгарской этнографіи (П. Славейковъ, К. Иречекъ) выдѣлить изъ западнаго нарѣчія еще двѣ болѣе или менѣе самостоятельныя группы говоровъ — *родопскіе* говоры (Рупаланское нарѣчіе), представляющіе по своимъ особенностямъ средину между восточнымъ и западнымъ нарѣчіями, и *македонскіе* говоры, значительно отличающіеся какъ отъ восточнаго нарѣчія, такъ отъ говоровъ западной части болгарскаго княжества. Такимъ образомъ всѣ говоры болгарскаго языка можно подвести подъ четыре главныхъ нарѣчія: восточное, сѣверо-западное, македонское (юго-западное) и рупаланское (родопское, южное) Территорію каждаго изъ этихъ нарѣчій приблизительно можно опредѣлять слѣдующимъ образомъ.

1) *Восточное нарѣчіе*, самое распространенное, лежащее въ основѣ современнаго литературнаго языка, господствуетъ въ Болгарскомъ княжествѣ, именно въ сѣверной его части, за исключеніемъ страны *Шоповъ*, и въ южной (Восточной Румелии) за исключеніемъ территоріи *Рупиовъ* или *Рупаланъ*. На востокъ оно простирается до Черноморскаго побережья, на югъ доходитъ до нижней части ѳракійской равнины между Адрианополемъ и Константинополемъ, касается подошвы Родоповъ, захватываетъ клинообразнымъ полуостровомъ христіанскіе города Пештеру и Батакъ и мусульманское плато Доспада, уступая страну у истоковъ Марицы западному нарѣчію, а на западѣ

¹⁾ Для объективнаго изслѣдователя изученіе болгарскихъ говоровъ нерѣдко затрудняется неисправностью изданій текстовъ народной рѣчи и завѣдомою тенденціозностью записывателей и наблюдателей этой рѣчи.

доходить до Искера. У Ихтимана и Вакареля, между Искеромъ и Видомъ, слышится смѣшанный говоръ, скорѣе западное нарѣчіе, чѣмъ восточное. Софійское плоскогорье всецѣло принадлежитъ западному нарѣчію. Въ при-Дунайской равнинѣ по направленію къ западу восточное нарѣчіе слышится до Рахова. Къ этому-же нарѣчію относится говоръ угорскихъ и бессарабскихъ Болгаръ. Самый чистый болгарскій языкъ, съ наименѣе испорченнымъ вокализмомъ, наблюдается въ центральной Средней Горѣ на границѣ трехъ нарѣчій — западнаго, восточнаго и южнаго (рупаланскаго).

Западные нарѣчія господствуютъ въ западной части болгарской территоріи, именно въ княжествѣ — на западъ отъ указанной границы — р. Искеръ-Ихтиманъ — и въ Македоніи. Они представляютъ много говоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые соприкасаются съ сербскимъ, албанскимъ и греческимъ языками. Въ лексикальномъ отношеніи и по отдѣльнымъ формамъ эти нарѣчія имѣютъ извѣстное сходство съ сербскимъ языкомъ. Отсюда споръ о принадлежности этихъ нарѣчій къ болгарскому или же сербскому яз. Рѣшеніе этого спора возможно только въ пользу болгарскаго языка, такъ какъ западныя нарѣчія, при нѣкоторомъ частномъ сходствѣ съ сербскимъ яз., имѣютъ свою особую звуковую систему и представляютъ въ области фонетики и морфологии, не мало типическихъ явленій, повторяющихся въ другихъ болгарскихъ нарѣчіяхъ — восточномъ и южномъ. Главныя черты отличія западныхъ нарѣчій отъ восточнаго — слѣдующія.

Восточное нар.

Западное нар.

1) Старосл. ѣ (въ удар. слог.)=я:	ѣ = е (је)
хлѣб = хляб	хлѣб = хлѣб, хлеб
снѣг = сняг	снѣг = свѣг
бѣл = бял	бѣл = бѣл
мѣра = мэра	мѣра = мѣра
млѣко = млѣко	млѣко = млѣко
2) Неудар. а = ѡ, ѣ, ѥ, ѧ:	а не переходитъ въ <i>глухой зв.</i> :
грѣва, глава (ѣ), муха	грива, глава, муха.
3) Неудар. е = и, о = у:	е, о сохран. первонач. выговоръ:
телѣ, дѣди, плачѣш	телѣ, дѣде, плачеш
момá, гулѣм, дѣдуф	момá, голѣм, дѣдох

4) Старосл. ж=глух. зв. (ъ, ж, ѧ): мѧж, дѧб, пѧт, чухѧ. 5) <i>dj = жд, tj = шт</i>: между, раждам, прежде свѣшта, вѧшта, плаштам 6) Полное распаденіе склоненія. 7) Въ 1 л. ед. ч. наст. вр. преобл. окон. ж (глух. зв.): пѧшж, пекѧ, мољж.	Старосл. ж = а, о, у: маж, даб, рака, рока, ружа. <i>dj = г, г', tj = к, к'</i>: мегю, рогени, прег'а свек'я, вук'я, плак'ям Сохраненіе ббльшого количества падежныхъ формъ. Въ 1 л. ед. ч. наст. вр. преобл. окон. ж: пишем, печем, молим.

Другія болѣе частныя отличія обоихъ нарѣчій отмѣчены въ предшествующемъ изложеніи. Впрочемъ, указанныя примѣты не имѣютъ безусловнаго значенія. Нѣкоторыя изъ нихъ, представляя характерную черту восточнаго нарѣчія, попадаютъ въ отдѣльныхъ говорахъ западнаго, и наоборотъ. Смѣшанные говоры, вообще, не рѣдки въ области болгарскаго языка. Иногда два села или мѣстечка, лежація въ близкомъ сосѣдствѣ, принадлежатъ по говору жителей къ двумъ различнымъ нарѣчіямъ. Таковы напр. историческія Панагюриште и Копривштица; въ первомъ изъ нихъ, лежащемъ южнѣе, слышится восточное нарѣчіе, между тѣмъ во второмъ—въ Копривштицѣ, расположенномъ къ сѣверу отъ Панагюриште, наблюдаются особенности западныхъ нарѣчій.

2) Въ частности изъ двухъ западныхъ нарѣчій, *сѣверо-западное* (Шопско-Търнское) обнимаетъ слѣдующія города, съ прилегающими къ нимъ областями: Виданъ съ Кудой и Бѣлградчикомъ, Ломъ и Рахово на Дунаѣ, Берковицу и Врацу, Самаковъ, Дупницу, Джумаю, Разлогъ, Кюстендилъ, Осоговъ, Радоміръ, Софію, Брезникъ, Търнъ, Царибродъ и Пиротъ¹⁾.— Въ нарѣчій этомъ можно отличить слѣдующіе говоры: *Търнскій*—въ горной странѣ между Искеромъ, Струмой и Нипавой (Враня, Търнъ, Брезникъ, Царибродъ, Пиротъ); *Рымскій*—на который іеромонахъ Неофитъ перевелъ въ 1840 г. Св. Писаніе, — въ области Самакова, Дупницы, Кюстендила и Разлога;

¹⁾ Въ Орханіи и Златицѣ преобладаетъ восточное нарѣчіе. Ср. Період. Спмс., IX, 1884, стр. 116.

Шопскій — на Софійскомъ полѣ (Софія, Радомір¹⁾); *Тимокскій* — по правому берегу средняго и нижняго Тимока и въ Зайчарскомъ округѣ Сербскаго королевства. Нѣкоторые говоры, близко подходящіе къ сербской границѣ или переходящіе ее, имѣютъ не мало особенностей, свойственныхъ сербскому языку, и должны быть разсматриваемы какъ переходные говоры между сербскимъ и болгарскимъ языкомъ. Таковы особенно тимокскій и пиротскій говоры.

3) *Юго-западное* или *македонское нарѣчіе* слышно въ т. н. Македоніи, т. е. въ Солунскомъ, Битольскомъ и Призренскомъ вилайетахъ. Точнѣе, это—страна, лежащая на югъ отъ Шара-планины, Кара-дага и Осоговскихъ горъ, въ области Струмы, Вардара, Охридскаго и Преспанскаго озеръ. На югѣ македонское нарѣчіе доходитъ до полуострова Халкидики и Архипелага, на западѣ граничитъ съ Албаніей, въ которой, впрочемъ, отдѣльныя славянскія поселенія идутъ далеко вглубь страны, до самаго побережья Адриатическаго моря; на востокѣ, у Родопскихъ горъ, оно граничитъ съ рупаланскимъ или южнымъ нарѣчіемъ. Македонское нарѣчіе также представляетъ весьма значительное разнообразіе говоромъ. Важнѣйшими нужно признать слѣдующіе четыре: а) *стверо-македонскій* или *Скопско-Кратовскій* (говоръ Копановцевъ и Пиянцевъ)—въ окружѣяхъ городовъ Скопья, Куманова, Кратова, Тетова, Щипа; на югъ границы его доходятъ до р. Брегалница и Щипа, на западѣ—до Шара-планины, на востокѣ—до Струмы. Говоръ этотъ соединяетъ въ себѣ особенности восточнаго и западнаго нарѣчія и сверхъ того довольно близокъ къ сербскому языку; поэтому вполне справедливо и его отнести къ смѣшаннымъ, переходнымъ болгаро-сербскимъ говорамъ; б) *западно-македонскій*—въ странѣ между Охридскимъ и Преспанскимъ озерами и р. Вардаромъ. Въ немъ различаютъ два подрѣчія: Дебръянь-Мыяковъ (въ Дебрѣ) и Барзаковъ (Бабунновъ—въ окрестностяхъ Велеса, Битоля и Прилѣпа); в) *южно-македонскій*—въ южной части области, отъ Костура черезъ Воденъ, Кукущь до Сереса (говоръ Бандовцевъ или Крановцевъ, Горно-Полѣнцевъ, Дольно-Полѣнцевъ); г) *восточно-македонскій*—на востокъ отъ Щипа, по обѣимъ сторонамъ средней Струмы и Струмицы (Малешевъ, Струмица, Петричъ). Говоръ Мърваковъ въ юго-восточной части

¹⁾ Въ широкомъ смыслѣ имя Шоповъ приурочивается къ болгарскому населенію и другихъ мѣстностей западной Болгаріи, напр. Врачанскаго, Търнскаго округовъ.

Македоніи, между нижней Струмой и Родопой, относятся къ Рупаланскому нарѣчію.

4) *Рупаланское (южное)* нарѣчіе распространено по всей горной странѣ Родопы, отъ нижней Струмы до Эноса, за исключеніемъ Разлога (относящагося въ области западн. нар.), а также Батака и Доспада (относящ. въ области вост. нар.); слѣдовательно, оно слышится въ округахъ Мельника, Демиргиссара, Сереса, Драмы, Неврокопа, Чепина, Ахър - Челеби, Рупчоса, Хаскіоя, Димотиѣи и Фере. Сверхъ того оно раздается и на востокъ отъ нижней Марицы, въ равнинахъ Узункюпри и Странджи до Бургаса, при чемъ въ этой части страны многократно прерывается восточнымъ нарѣчіемъ. Населеніе, пользующееся этимъ говоромъ, называется *Рупцами* или *Рупаланами*. Представители этого говора въ юго-восточной Македоніи болѣе извѣстны подъ именемъ *Мърваковъ*.

Въ предшествующей характеристикѣ болгарскаго яз. на первомъ мѣстѣ поставлено восточное нарѣчіе. Отмѣтимъ здѣсь важнѣйшія особенности Шопско-Търнскаго, Македонскаго и Рупаланскаго нарѣчій.

Шопско-Търнское нарѣчіе.

(*Сѣверо-западное*)

П. Байкушевъ, Народни пѣсни и привазки по Търнскій говор (Период. Спис. София, 1884, кн. XI—XII); Вацовъ, Народни пѣсни Пиротски (Период. Спис., 1886, кн. XIX—XX); В. Качановскій, Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ, Спб., 1882; Н. Тиховъ, Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болгарскихъ пѣсенъ В. В. Качановскаго, Казань, 1891; П. Славейковъ, Нѣколко думи за Шопитѣ (Период. Спис., 1884, кн. IX); А. Теодоровъ, Западнитѣ български говори (Пер. Спис., 1886, кн. XIX—XX); К. Иречекъ, *Cesty po Bulharsku*, V Praze, 1888, 369; Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава министерството на народното просвѣщение, кн. I—IX; М. Миличевъ, Кнежевина Србија 1876 и Кралевина Србија, 1880.

1) *Dj = жд, тј = ч*: прѣжда, нарѣждамо, граждане, Люберажде, Драгобужде; *ноч, свѣча, среча, прачам; чу, че, че идем* (будущ. вр.); иногда *тј = к'*: брак'а, трек'ата година, вуйк'а (вѣшта). Тимочане смягчаютъ *д* въ *дж*: меджа, роджен. Въ Краиштѣ слышно *д'*: мед'ата.

2) Глухой *з* удерживается, если онъ соотвѣтствуетъ старо-слав. *з*, *ь* или происходитъ изъ *о*, *е*: дѣн, сѣгá, тѣгáй, снѣхá, опѣнци, конѣцъ, покровѣцъ, листѣцъ; но: собрали се, собни се. Глухой изъ *ж* и неудар. *а*—не возможенъ въ сѣверо-западн. нар.

3) Старо-слав. *ж* = *у*: скуцъ, путъ, два пути, истинѹл, врбѹ, рукáта, седѹ (3 л. мн. ч.), ю, ню (вин. п. жен. р.), су, несу, несѹт (въ Краиштѣ); рѣже (въ Видд, Зайчарѣ, Софiи, Драголевцахъ) *ж* = *а*: сат, несат.—Это *у* напоминаетъ переходъ *ж* въ *у* въ сербскомъ языкѣ; но кое-гдѣ оно встрѣчается и въ восточныхъ говорахъ: сѹмракъ, сѹврѣвица, рѹга се, дубрáва, понуда; руку, ногу (угорск. болг. в.).

4) Старосл. *лз*—*лм* въ сред. словъ переходить, какъ въ сербскомъ, въ *у*: вуна, вуѣ, бугарин, пуно, дуго; но въ окончанiи прич. прош. дѣйств. *л*, *л* всегда сохраняется: дошъл, легъл, станул. Впрочемъ, нерѣдко старо-слав. *лз*—*лм* въ срединѣ словъ соотвѣтствуетъ гласное *!* или *л* съ глухимъ звукомъ: Българе, дълбоко. Тоже самое нужно сказать относительно старо-слав. группъ *рз*, *рм*: трн, дрво, кървь, гърло. Ср. выше стр. 84—86.

5) Мягкiе *л'*, *н'* довольно употребительны: угл'ен, угл'еве, кол'е, земл'я, крал'е, н'ива, кон', кон'и. Встрѣчается (хотя рѣдко) и мягкое *р*: цар'я. (Ср. 88—89 стр.).

6) *Ф* звучитъ какъ *с*: чивлик, Вилиц, вранѣ (франкъ).

7) Слова муж. р. съ членомъ оканчиваются на *т* или *о*: градѣт, царѣт, путѣт, манастиро, бего. Въ жен. р. членъ *та*. Въ Пиротск. окр. встрѣчаются формы члена — *ва*, *во*, *на*, *но*, свойственныя македонскимъ и родопскимъ говорамъ: дете-во, дете-но, жена-ва.

8) Изъ падежей сохранились три: именительный, звательный и винительный. Винительный падежъ имѣетъ значенiе общаго падежа и замѣняетъ всѣ падежи кромѣ звательнаго и именительнаго; напр.: *взвнит. п.*: на Турчина, да видиш нашу вал'явицу, дай свѣчу-ту, извели водѹту, ударише на плячку; *родит. п.*: от проклету Турцию, от горугу, дойде сабя до гушу, от криву реку, от Паланку (Ср. К. Jireček, Cesty, 369); *дат. п.*: при женѹту; *творит. п.*: сос душу, сос войску, работа под тоягу; *мѣстн. п.*: у нашу реку работише, у планинѹту, манастириште у влисуру (Ср. выше стр. 113).

9) Членъ при винит. п. иногда принимаетъ флексiю: попатога, волатога, конятога, човегатога, прнотога, белотога. Склоненiе члена наблюдается также въ македонскихъ и родопскихъ говорахъ.

10) Слова жен. р. оканчив. во множ. ч. на *e*: девок'е, жене, године.

11) Дательный пад. личн. мѣст. жен. р.: *гой* (Търн) *вой* (Пирот, Лесковацъ).

12) Въ 1 л. мн. ч. наст. и прош. вр. ов. *мо*: *смо*, *чемо*, *седи-мо*, *идемо*, *бѣгамо*, *копа(х)мо*. Въ Соф. окр. *ме*: *сме*, *чѣме*, *идеме*.

13) Въ переходящемъ и аористѣ *x* часто исчезаетъ: *вршѣмо*, *косимо*, *жнемо*; но и: *береме*, *косиме*. 1 л. ед. ч.: *идо*, *видо*, *дава*, *несо*.

14) Въ 3 л. множ. ч. аор. оконч. *ше* (какъ въ сербск. яз.), а не *хж* (*ха*), какъ въ остальныхъ болгарскихъ нарѣчіяхъ: *даваше*, *отидоше*, *писаше*, *работише* (ср. выше стр. 137).

15) Въ 3 л. множ. ч. наст. вр. ов. *т* обыкновенно исчезаетъ, особенно когда ему предшествуетъ *у*: *иду*, *несу*, *чую*, *гледаю*, *даду*. Вм. старо-слав. *амь* иногда является *e*: *изводе*, *оде*, *уче*.

Македонское нарѣчіе.

(Юго-западное)

Ст. Верковић, Народне песме Македонски Бугара, у Београду, 1860; Миладиновци Дм. и К., Болгарски народни пѣспи, 2-е изд., Софія, 1891; И лиевъ Ат., Сборникъ от народни умотворения, обичаи и др. събрани изъ разни болгарски покрайнини, кн. I, Народни пѣсни, Софія, 1889; Шапкаревъ К., Сборникъ отъ болгарски народни умотворения, кн. I—VIII, 1891—92; Ястребовъ И. С., Обичаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ, Спб., 1886, 2-е изд., 1889; Статьи (П. Р. и Никольскаго) по поводу этого сочиненія въ Изв. Слав. Благ. Общ., 1886, № 9—11; Дриновъ М., Народныя пѣсни съ замѣчаніями о Дебрскомъ и Костурскомъ говорахъ (Пер. Спис. Браила, XI—XII, 1876); Е го-же, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ Дебрскихъ Славянъ, 1888 (Изъ Изв. Слав. Благ. Общ. 1887); Народныя пѣсни въ изд.: а) Периодическо Списание на Болгарското Книжовно Дружество, Браила, Софія; б) Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, издава Министерството на народно-то просвѣщение, кн. I—IX; в) Книжици за прочитъ, Солунъ и др.; Сыркю П., De la phonologie bulgare, Dialecte Macedonien (въ Сборникѣ La Macedoine au point de vue ethnographique, historique et philologique, Par Ofeicoff, Philippopolis, 1888; Ср. рец. Драганова въ Журн. Мин. Народ. Просв., 1888, апрѣль); Драгановъ Д., Носовые гласные звуки въ современныхъ македонско-славянскихъ и болгарскихъ говорахъ (Рус. Фил. Вѣстн., 1881, I); Е го-же, Этнографическій очеркъ славянской Македоніи (Изв. Слав. Благотв. Общ., 1888, № 1—3, 6—7, 9); Замѣчанія и поправки къ этой работѣ—Шопова (Пер. Спис., 1879, XXXI); Шапкарева (Изв. Слав. Общ., 1888, 6—7 и Сборникъ за нар. умотвор. II) и Дринова (Изв. Слав. Общ., 1888, 6—7); Г. Карановъ, Материали по этнографіята на нѣкои мѣстности въ сѣверна

Македония, които сж смѣжни съ България и Сърбия (Сборн. за нар. умотв., кн. IV, 1891); Имъ-же изданы пѣсни по Кратовскому говору въ Период. Спис., Браила, XI—XII (1876) и София, XVI (1885); Теодоровъ, Единъ приносъ къмъ Височкия говоръ (Пер. Спис., XV, 1885); Думи и рѣчи по говоръ въ Солунскя окръжие (Пер. Спис., XVII, 1885); Матовъ, Кратка расправия по етнографията на Македония (Пер. Спис., XXXIV—XXXV); Новаковић, ѣ и ѣ у македонским народним дијалектима (Глас Српске Краљевске Академије, Београд, XII, 1889); Его же, Ein Beitrag zur Kunde der Macedonischen Dialekte (Arch. f. Slav. Phil., XII, 1881, XIII, 1891, 4); Masing L., Zur Laut und Akzentlehre der Macedoslavischen Dialekte, Сиб., 1891; За ударението върху думитѣ въ рѣсенскій говоръ отъ западно-македонското нарѣчие (Пер. Спис., кн. XII—XIII, 1893); Пулевски, Рјечник од три језика: македонски, арнаутски и турски, Београд, 1875; (Ср. его-же, Рјечник од четире језика: српско-албански, арбанаско-арнаутски и турски, Београд, 1875).

1) Старо-слав. ж или сохраняетъ носовой выговоръ *жн, он, жм, ом*, или замѣняется чистыми гласными *о, а, у, е* и глухимъ *з (ж)*.

Старо-слав. ж соотвѣтствуютъ или носовые гласные *ен, ин, ем, им*, или чистое *е*.

Носовые гласные, составляющіе особенность *южнаго говора*, слышны главнымъ образомъ въ *Костурскомъ* и *Солунскомъ* округахъ, гдѣ они сохранились въ значительной полнотѣ и на довольно большой территоріи (говоръ Бандовцевъ¹⁾); но спорадически, въ отдѣльныхъ селахъ, или извѣстныхъ словахъ они встрѣчаются по всей южной Македоніи — отъ Костура до Сереса, а также въ Преспѣ, Битольскомъ, Охридскомъ и Демиръ-Хиссарскомъ округахъ и еще далѣе на востокъ въ Брациговѣ, за Пештерой (ср. выше 72 стр.). Примѣры: бѣндѣм, бѣнде, всеканде, глѣмбоко, глѣмб, гѣмба, гѣнглив, дѣмб, зѣмб, кренг, мѣндро, мѣнжки, мѣнка, пѣнт, два пѣнты, рѣнка, рѣнчица, порѣнчам, скѣмпо, сѣмбота, сѣнд, сонд, есѣвт (сѣтъ); глендам, говендо, гренда, девен, десен, деведесент, јензик, заенц, оглендало, монсо, пенток, пен, пенда, ренд, свентец, чендо, братучед, клентра, жентва, брѣмен, врѣмен, имен. Неорганическій носовой, вызванный вліяніемъ аналогіи, слышенъ въ такихъ словахъ: длѣнго, лѣнжа, тѣрпенза, теленга, пентел и др. Въ тѣхъ мѣстностяхъ южнаго говора, гдѣ ж утратилъ носовой выговоръ, вм. него слышенъ глухой звукъ *з: рѣжа, мѣж, пѣт* и т. п.

¹⁾ Отъ слова бандем = бѣлѣ.

Звуки *а, о* вм. *я* свойственны вообще *западнымъ* говорамъ, при чемъ *о* господствуетъ въ языкѣ Дебрянъ, *а* — въ говорѣ Барзаконъ; напр.: *мож, пот, рѣка, рѣчица, мока, голоб; маж, пат, рачица, баде* и т. д.

У вм. *я* употребительно въ *сѣверномъ* говорѣ (*Скопско-Кратовскомъ*): *рука, мука, муж, майку* (вин п.), *викну, сѣду, беру* (1 л. ед. ч.); но въ Кюстендилѣ и Щипу: *пишем, мислим, викам.*

Е вм. *я* встрѣчается въ разныхъ (особенно западныхъ) говорахъ, преимущественно въ глагольной формѣ *сет, се* (сѣть), и въ окончаніи 3 л. мн. ч. преходящаго (и аориста) *хе* (вм. хѣ) или *је*: *доидоје, одеје, писеје, думахе, избрахе.* Ср. выше стр. 74—75, 137, 142.

Старо-слав. *а*, за исключеніемъ тѣхъ говоровъ и случаевъ, гдѣ сохраняетъ носовой выговоръ, замѣняется, какъ и вообще въ болгарскомъ языкѣ, черезъ *е*: *чедо, агне, пет; рѣже* встрѣчаются *а* (*я*) и *о* (*ю*): *язик, йозик* (Дебрь), *м'осо* и т. п.

2) Старо-слав. *з, ѣ*, какъ вообще въ болгарскомъ, исчезли на концѣ словъ, а въ срединѣ замѣнились чистыми *о, е* (рѣже *а*): *сон, огон, цорковъ, весдеп.* Но въ *сѣверныхъ* говорахъ (*Кратовскомъ, Кумановскомъ*) не рѣдко слышны глухіе: *сън, пѣс, мѣгла, дѣн, тѣрговѣц, едѣн.* Въ сербскомъ яз. старо-слав. глухимъ соотвѣтствуетъ *а*: *сан, оган, дан.* Въмѣсто восточно-болгарск. глухихъ (изъ *ж, а*, вставочн. зв.) въ македонскихъ говорахъ большею частью являются звонкіе гласные *а, о, у*: *лажа, рука, дѣбор, со, даб, мока* и т. п. но иногда возможны и глухіе: *рѣжа, мѣж.* (Ср. предш. параграфъ и выше стр. 69—70).

3) Старо-славянск. *лз* (лъ), *рз* (ръ) соотвѣтствуютъ или (рѣдко) гласные *л, р* (л, г) или группы: *гласный + л, р.* Гласные *л, р* слышны спорадически въ *Велескомъ, Кратовскомъ* говорахъ: *трг, влна.* Наибольше употребительны сочетанія *зл, зр*, которыя наблюдаются чаще всего въ южной и средней части Македоніи: *вълна, тѣрг.* Въ *Дебромъ* говорѣ передъ плавными обыкновенно выступаетъ чистый гласный *о*: *яболка, волк, сонце, волна, полно, Болгарин, Сорбин, горло, доржем.* Въ *сѣверныхъ* говорахъ (*Кратовскомъ, Кумановскомъ, Скопскомъ*) господствуетъ *у* вм. *лз* (какъ въ сербскомъ яз.): *вук, пуе, жут, нун, ябува;* но сверхъ того здѣсь встрѣчаются *зл* (кълну, дължен) и *з*: *жзт, взна* (Щипъ, с. Кочани. Ср. Сборн. за народни умотворенія, IV, 315 — 316). Въ бѣльшей части Македоніи имя *Болгаринъ* произносится *Бугарин.*

4) Въ южномъ и нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ, именно — въ Солунскихъ селахъ (Заровѣ, Высокѣ, Сухѣ, Джалювицѣ, Илиницѣ и Негуванѣ), въ Воденѣ, Охридѣ и въ окрестностяхъ Велеса — сохранилось древнее *ы*, въ болгарскомъ (какъ и въ сербскомъ) вообще перешедшее въ *и*; напр.: сын, пытам, мышва, котрый, жувыи, кысял, кытка, крыло, рыба, крыена, мы, вы, быде, быдох, четыре, четырнадесент, жены, рыбы, книги.

5) Смяченіе зубныхъ *д, т*. Древняя форма смяченія—*жд, шт*, свойственная восточному болгарскому нар. и старо-славянскому яз. сохранилась только въ южномъ говорѣ, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наблюдаются носовые гласные и *ы*; напр.: рожден, свѣшта. Общераспространенной замѣной мягкихъ *д, т* служатъ зв. *і'—к'* (*иь, къ*), возникающіе въ македонскихъ говорахъ какъ въ Търнскомъ нарѣчій, подъ вліяніемъ не одного *ј*, но и узкихъ гласныхъ; напр.: мегю, вегъи, доагям, рагям, гаџи, ливагѣ; ке, кье, хоем, треки, цевекье, кука, нока, свѣбья, керка, Кралевике. Въ Дебрскомъ и другихъ западныхъ говорахъ вм. *тј*—возможно и *шч*: зашчо, градвшча, кошча. Въ сѣверномъ говорѣ иногда (особенно въ причаст. страдательномъ) *д* совсѣмъ не смягается: виден, роден, сѣграден, ураден. Спорадически (Прилѣпъ, Велесъ) наблюдается выговоръ мягкихъ *д, т*, напоминающій сербскія *ђ, ћ*: међу, врућина. Ср. выше стр. 90—91.

6) Звукъ *и* (передъ *и, њ*), смягается въ *дз*: врадзи, ковчедзи, дзвѣзда, помодзи, подзѣ (особ. въ южномъ и сѣверномъ говорахъ).

7) Троякій (постпозитивный) членъ: *а) т, та, то, те, та;* *б) в, ва, во, ве, ва;* *γ) н, на, но, не, на;* напр.: вълѣот, жена-та, врата-та, хбра-та, вода-ва, моя-ва старост, вино-во, дѣтево, со дѣвойки-те, клетки-не власи, боарзи-не коне, тенка-на пушка.

8) Членъ можетъ склоняться: човѣка - того, попа - того стареого, коню - туму, людем - тем, конче - нуму, хайдутина - ног. Тоже въ Родопскомъ нар.

9) Болѣе частое, чѣмъ въ восточномъ нарѣчій, употребленіе надежей: винительнаго и дательнаго—въ южномъ и западномъ говорахъ, родительнаго, мѣстнаго и творительнаго въ сѣверномъ; напр.: майцѣ, сестрѣ, тетѣ, женѣ си; у землю Латинску, залюби убаву дѣвойку, проклетяго Вука, славнаго Лазара, на двори, на пѣти, с тобум (Кратово, Скопія). Ср. выше 106—107, 111—112.

10) *Мѣстоименія*. Въ южномъ говорѣ (особ. Солунск. окр.) мѣстоименія 1 и 2 л. — *аз, ты*; въ другихъ говорахъ *яз, я, ти*. Въ западномъ и сѣверномъ говорѣ 1 л. мн. ч. *ми, мие* вм. восточно-болгарск. *ние*; вин. п. 3 л. *за, нега* вм. восточно-болгарск. *ю*; мѣст. *вс* и производныя отъ него въ формѣ съ перестановкой согласныхъ (какъ въ сербск. яз.) *сѣв, сва. сваки, сваща*. Ср. выше 108—109.

11) Неопредѣленное наклоненіе на *ти*, изрѣдка встрѣчающееся въ *Дебрскомъ* и *Кратовскомъ* говорахъ: молчати, поробити

12) Исключительное употребленіе въ 1 л. ед. ч. наст. вр. окончанія *м* составляетъ особенность *западнаго* говора (Барзаковъ, Дебрянъ): стрилям, печям, станам, знаям. Въ *сѣверномъ* и *южномъ* говорахъ употребленіе окон. *м* не выходитъ изъ области правилъ, общихъ для всего болгарскаго языка; рядомъ съ этимъ окончаніемъ, и гораздо чаще, являются замѣны древн. *ж* — *а* (зап.-южн.), *у* (сѣв): зова, плета, зову, влену, беру.

13) Оконч. 3 л. ед. ч. наст. вр. *т* удерживается въ *западномъ* говорѣ: вѣдит, рѣнит, метѣт.

14) Оконч. 3 л. мн. ч. наст. вр. *т*, свойственное вообще болгарскому яз. и отсутствующее въ сербскомъ, выдержано во всѣхъ македонскихъ говорахъ. Исключенія изъ этого правила рѣдки. Въ *Караповскомъ* гов. наблюдается характерное окончаніе на *ев, ав*: берев, царуев, викав.

15) Окончаніе 1 л. мн. ч. наст. вр. *мо* свойственно *сѣверному* говору: смо, можемо, идемо, беремо. Относительно существованія этого окончанія въ *Дебрскомъ* говорѣ мнѣнія расходятся (Ср. Изв. Слав. Общ., 1887, № 5 и 1888, № 2).

16) Причастіе прошедшее дѣйств. II муж. р. обыкновенно оканчивается (какъ въ восточномъ нар.) на *л*: плел, брал, пил. Но коегдѣ по говорамъ это *л* иногда вокализуется. Переходъ этого звука въ *о* (какъ въ сербскомъ) въ западномъ говорахъ еще не установленъ съ достовѣрностью. Если въ одномъ селѣ Дебрской области (с. Галичнѣвъ) дѣйствительно говорятъ: закупио, био, бесѣдио, говорио, какъ утверждаетъ г. Драгановъ (Изв. Слав. Общ., 1888, № 2, 96), то эта особенность не подтверждается изданными текстами дебрскаго говора и, быть можетъ, представляетъ частную диалектическую черту одной мѣстности. Достовѣрнѣе указываемыя формы на *о* въ *сѣверо-македонскомъ* говорѣ: дошао, био, бесѣдио (Куманово, Тетово). Но здѣсь

(особ. въ *Кратовъ*) болѣе извѣстны формы на *ѹ*, *я*: пуниѹ, пуния, викаѹ, викая, мислиѹ—мислия (рядомъ съ *викал*, *пунил*, *мислил*).

17) Въ *западномъ* говорѣ 3 л. мн. ч. переход. и аор. оканчивается на *хе* или *је*: *паднахе*, *ручате*, *седее*, *одее*.

18) Въ *южномъ* (соб. *Костурскомъ*) говорѣ слышны древнѣйшія формы существительнаго глагола: *есъм*, *еси*—*есымт*.

19) Въ *Кратовскомъ* говорѣ 1 л. ед. ч. переходнц. вр. совпадаетъ со 2 и 3 л.: *я плетеше* (вм. *плетех*), *я береше*, *я пишеше*, *я викаше*¹⁾.

20) Удареніе въ общемъ менѣе подвижно, чѣмъ въ восточномъ нар.; обыкновенно оно переносится дальше отъ конца слова и не падаетъ на послѣдній слогъ. Въ *сѣверномъ* и *западномъ* говорахъ, въ многосложныхъ словахъ удареніе чаще всего находится на третьемъ слогѣ отъ конца, а въ *южномъ* (Костурскомъ гов.)—на второмъ слогѣ; напр.: *вода*, *бгон*, *сѣстра*, *седумдесет*, *блджица*; *молба* - та, *седумдесет*.

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе по спорному вопросу о народности македонскаго нарѣчія. Настоящихъ сербскихъ особенностей въ ряду указанныхъ примѣтъ немного; напр.: *у* вм. *ѡ*, *у* вм. *лз* и окончаніе 1 л. мн. ч.—*мо*. Эти особенности наблюдаются только въ сѣверномъ говорѣ, въ которомъ несомнѣнно нужно признать нѣкоторое вліяніе сербскаго яз., хотя общая основа и этого говора—болгарская (членъ, паденіе склоненія, глагольныя формы, глухіе зв., *к'*, *г'* вм. *тј*, *дј*). Въ другихъ-же македонскихъ говорахъ нѣтъ никакихъ характеристическихъ признаковъ сербскаго языка. Звуковыя и формальныя особенности этихъ говоровъ вполне соотвѣтствуютъ духу и строю болгарскаго языка и повторяются спорадически въ говорахъ сѣверо-западнаго и восточнаго нарѣчій. Сюда относятся: сохраненіе носовыхъ гласныхъ, замѣна *ѡ*—зв. *а*, *о*, удержаніе (въ извѣстныхъ случаяхъ) глухихъ гласныхъ, замѣна старо-слав. *з*, *ь* чистыми *о*, *е*, смягченіе *т*—въ *шт*, *шч*, *к'*, а *д*—въ *жд*, *г'* постпозитивный членъ, потеря большей части надежныхъ формъ и употребленіе общаго падежа, сохраненіе *т* въ оконч. 3 л. мн. ч., удержаніе *х* въ оконч. *хме*, *хте*, *ха* (*хе*). Во всѣхъ этихъ признакахъ, составляющихъ свойство маке-

¹⁾ Все спряженіе этого времени въ Кратовск. гов. представляется въ слѣдующемъ видѣ: *я береше*, *ти береше*, *он* (*той*) *береше*, *мие берехмо*, *вие берехте*, *они береша*.

донскихъ говоровъ, нѣтъ ничего сербскаго. Въ противоположность имъ сербскій языкъ совсѣмъ не знаетъ носовыхъ, замѣняетъ ж черезъ у, глухихъ звуковъ не терпитъ и замѣняетъ старо-слав. з, ѓ черезъ а, смягчаетъ т, д въ ѣ, ѣ, не знаетъ члена, сохраняетъ склоненіе, утратилъ т въ оконч. 3 л. ед. и мн. ч., превращаетъ х въ с, ш въ оконч. прошед. вр. *смо, сте* (ходисмо, ходисте), *ше* (ходише).

Особенно замѣчательнъ южный (*Костуро-Солунскій*) говоръ, отражающій въ себѣ характерныя черты болгарскаго языка въ его древнемъ состояніи: *носовые гласные, ы, жд—шт* (вм. *дј, тј*) и такія формы какъ *аз, юсѣм, юсѣнт*. Эти черты невольно сближаютъ южномакедонскій говоръ съ книжнымъ языкомъ знаменитыхъ Солунскихъ уроженцевъ, Свв. Кирилла и Меѳодія.

Рупаланское нарѣчіе.

(Южное)

В. Чолаковъ, Българскій народенъ Сборникъ, Болградъ, 1872; Шишковъ С. Н. Родопски старини или сборникъ отъ обичаи, суевѣрія, пѣсни, пословици, нарѣчіе и пр. на Родопскитѣ жители, Пловдивъ, 1887; П. Константиновъ, Матеріалъ за изучаваніе Родопското нарѣчіе (Сборникъ за народни умотворенія, кн. I—II); П. Славейковъ, Рупското и Рупаланското българско население и нарѣчіе (Журн. „Наука“, 1882, II); П. Сырку, Рупаланы или Рупцы, замѣтка по болгарской діалектологіи (Филол. Записки, Воронежъ, 1883, в. 4); К. Иречекъ, Помашки пѣсни отъ Чепино (Пер. Спис., кн. VIII); Его-же, *Cesty po Bulharsku*. стр. 290—291; Пѣсни въ издан. Болгарск. Мин. Нар. Просв.; „Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина“, кн. I—IX.

1) Глухіе звуки существуютъ (какъ въ восточномъ нарѣчіи), но чаще замѣняются чистыми (особ. при л, р)—*о, јо (ѣе, ѣ), е, а*: дръбно камъоніе, тенко, желто, глзвата, слонце, пзрво любово и порво любово, ракона с порстин сребаран (Сборн. Соф., IV, 26), рзженица, солдзи (Чепино), тразнала и торгнала, бистар, сздево, не сом, сан сановам; на соне ми се, амав, присѣнило (Сб., IV, 37), магла, огон, в, ва, во (=въ). Въмѣсто глухихъ, происшедшихъ въ восточн. нар. отъ носовыхъ, обыкновенно являются чистые *о, а, јо, е*; напр.: испили ти сме водо студено, опасохме ти трево зелено, кой какъ мине девойко собуди, откачи ми мой-во сабіе, дополни ми малка чаше, рока (Чепино), рака, рјод, жнјот, пијот, посадјот; окончан. 3 л. мн. ч. прошедш. прост. *аѣ = ха*: найдуха, купиха; ма, са.

2) Старослав. *ъ* обыкновенно выговаривается какъ *я* (*ja*) независимо отъ свойствъ слѣдующаго слога: *вяра*, *вяри*, *вятре*, *бял*, *ляпо*, *бялоно* лице; но въ нѣкоторыхъ говорахъ Рупчоса слышится западный выговоръ *е*: *бел* Дунав, *бело* вино, *бела* пчинца, село големо (Соф. Сборн., IV, 23). Въ Ахър-Челеби наблюдается дугласное произношеніе *ъ = ѣа* (т. е. *е*, произносимое съ окраской звука *а*), *беа*ла, *веа*ра, *беа*га, *нидеа*ля.

3) Кромѣ древ. *ъ* и другіе гласные въ родопскихъ говорахъ могутъ имѣть дифтонгическое произношеніе; именно *я* (*ja*) сохраняетъ свой выговоръ на концѣ словъ и послѣ гласныхъ, и то лишь въ томъ случаѣ, если на него не падаетъ удареніе; напр.: *равія*, *садовія*, *земя*; если же *я* стоитъ въ ударяемомъ слогѣ, то оно измѣняется въ *joa* (бъ): *ламjoa* (ламя), *земjoata* (земята), *сгурjoa* (сгуря); въ началѣ и срединѣ словъ *я* произносится какъ *ѣа*: *ѣа*гне, *ѣа*ха, *ѣа*в, христѣа^нив, Стоен. — Точно также *е* удерживаетъ (и то не всегда) свое настоящее произношеніе только въ ударяемомъ слогѣ: *мѣтла*, *пѣру*, *сѣлу*, *утѣкал*, *нѣбу*, *нѣма*; въ противномъ случаѣ оно переходитъ въ *ѣа* или *joa* (ѣа): *рѣчеа*, *теа*чѣ, *шоа*там, *чоа*рни, *мjoa*ку (мекó); *е* изъ *ъ* обыкновен. звучитъ какъ *ѣа*: *свеа*ти Никола, *свеа*та Нидеа^ля.

4) Безударное *о* въ большей части говоровъ звучитъ какъ *у*: на *нѣбу*, *вату*, *ду* дванаесе, *мумá*, Гóспут, при *либету*, *найдуха*, *пилету*, *вутрум*, *фибгу*, *ут-уд* (предл. отъ).

5) Зубн. *д*—*т* смягчаются (какъ въ восточн. нар.) въ *жд*—*шт*: *изваждат*, *дохожда*, *ште*, *штат*, да *врашта*, *пусрештам*. Но встрѣчаются и западные *г*, *к*: *вогъа*, *вигъа*, *сегъа*, *извагъа*, *сегъа*ла, *зюкіо* (зять), *брагъа*, *цвеке*; иногда вм. *дж* слышно *зд*: *чужда* е *земъа* (Ахър-Челеби), или *д* совсѣмъ не смягчается: *заградени*.

6) Употребленіе тройнаго члена: *т*, *та*, *то* (*ту*), *те* (*тъ*—*тѣа*), *та*; *с*, *са*, *со* (*су*), *се* (*съ*—*сѣа*), *са*; *н*, *на*, *но* (*ну*), *не* (*нъ*—*нѣа*), *на*¹⁾; напр.: *либето*, *чоарни*—*те* очи, *волат*, *волите*, *жеана*—*та*, *искарай* *волас*, *зьоми* *оглав*—*са*, *пресей* *брашно*—*со*, *дорво*—*со*, *чюрни*—*не* очи, *беалу*—*ну* лице, *порву*—*ну* *любѣ*, *главо*—*на*. *Тачи* *си* *коньям* *восьадна*. — *Вруть* *си* *свеатцине* *дойдаха*.

Иногда встрѣчается и четвертый видъ, члена — *в*, *ва*, *во*, *ве*, *во*: *водá*—*ва*, *сорцѣ*—*во*. Такимъ образомъ Рупаланское нарѣчіе—единствен-

¹⁾ Во множеств. ч. слова среднего рода часто принимаютъ форму члена муж. р.

ное, въ которомъ представлены всѣ типы болгарскаго члена. Относительно употребленія разныхъ видовъ члена подмѣнены слѣдующія правила: *с, са, со, се (са)* употребляется при обозначеніи предмета, который находится при говорящемъ лицѣ; *т, та, то, те (та)* — при обозначеніи предмета, находящагося при томъ, которому говорятъ; *н, на, но, не (на)*, а также и *в, ва, во, ве (ва)* при опредѣленіи предмета, который не находится ни при говорящемъ, ни при томъ, къ кому обращаются съ рѣчью.

7) Нерѣдкое удержаніе формъ *дательнаго* и *винительнаго* падежей отъ существительныхъ, обозначающихъ одушевленные предметы: Та не помогна Караджу, Ами помогна Мерджану; Коню е малка паха-на, Дельо майцѣ му говоре; жени, чилѣ(ѣа)ку; Скалесай *ю*, доведи *ю*, Левен Петра, с триста момци; Та разлюти и юнака буди. Но рядомъ съ этимъ даже въ народныхъ пѣсняхъ весьма употребительны формы дат. пад. безъ флексіи, съ предлогами: Та *на* Караджа думаше, помогни *на* Мерджана. Въ соединеніи съ членомъ встрѣчается дат. пад. множ. ч.: чилѣаѣам теам, женѣам сеам (Ср. Сборн. за нар. умотв., София, I, 141).

8) Винит. пад. ед. ч. жен. р. во многихъ говорахъ оканчивается на *о* (вм. *ж*) и имѣетъ значеніе общаго падежа:

Доди шти брат ти каза шта

Главона ште ти отреза (Сборн. за нар. умотв. IV, 25).

Заспал юнак в горо зелена

И девойко во поле широко,

Испили ти сме водо студено.

9) Членъ (какъ въ македон. нар.) можетъ принимать падежные суффиксы: чилѣакутуму, чилѣакусуму, чилѣакунуму, чилѣакатул (вин. пад.), пилуѣатеам, женѣа^тухи, женѣасухи, женѣанухи (дат. пад.), високутуму.

10) Особенное стремленіе къ образованію собирательныхъ: даніе, ноціе, гласіе, дюканіе, ковве. Ср. выше стр. 118.

11) Мѣстоименія: *ма, та, са, е* (=я); мени, *сое, сае, сова* (сва), *сее*; *тое, тае, това* (тва), *тее*; *ное, нав, нова* (нва), *нее*; *кутри* (котра), *кутрѣа, кутрѣа*, дат. п. — кутрѣаму, кутрѣахи, вин. п. муж. р. — кутрѣаг, вин. п. мн. ч. — кутрѣах, дат. п. мн. ч. — кутрѣам, *вритѣа, врутѣа*, *вру* (общ. р. вѣвій); дат. п. — вритѣам, врутѣам, врум; вин. п. — вритѣах, врутѣах; теазинци, сеазинци, неазинци; *будин, буднои, будно*; *будни* (нѣкой).

12) Для образованія будущаго времени рядомъ съ *ште* (*шта*) служатъ *ше* (*ша*), *же* (*жа*—особ. въ Старо-Загорскомъ окр.), *жда* и *ке*, напр.: *ша* сегъа, *ша* яхам; — Знам шту *ша* ти сторя; — Ша та жалъа, сино, *ша* та тожа; — Плевна *ша* си дадемъ; — С дьульбун *жда* хи утлича; — Я *жда* си прода коніе-го; — Вярана ли *ште* си изварипш, Или главана *ште* си дадеш? — Же идете; ке дума.

13) Особенности нарѣчія: *ага* (вм. когапо), *кайно* (вм. както), *дтно* (вм. дѣто), *лу*, *лю* (вм. щом, какъ только), *дѣту*, *дѣсу*, *дѣну* (гдѣ-то), *тува* (вм. тука), *тулава*, *сулава*, *чулава* (вм. толава).

Въ словарномъ отношеніи Рупаланское нарѣчіе представляетъ (въ сравненіи съ восточнымъ и западнымъ нарѣчіями) много любопытныхъ особенностей.

Говоры восточнаго нарѣчія.

Восточное нарѣчіе не представляетъ такого разнообразія говоровъ, какое наблюдается въ западной половинѣ болгарской рѣчи. Правда, число діалектологическихъ работъ въ области этого нарѣчія весьма незначительно, тѣмъ не менѣе на основаніи сообщений Цонева о Ловченскомъ говорѣ¹⁾, В. Стоянова о Шуменскомъ говорѣ²⁾, Васильева о Тетевенскомъ говорѣ³⁾, Гжбова о говорѣ въ Конопчѣ⁴⁾, а главное на основаніи образцовъ народнаго языка, изданныхъ въ разныхъ болгарскихъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ, можно признать, что на всемъ протяженіи области восточнаго нарѣчія слышится болѣе или менѣе однородная рѣчь и, что частныя различія между говорами отдѣльныхъ мѣстностей сравнительно ничтожны.

Наиболѣе характернымъ является *Котленскій говоръ*⁵⁾, въ которомъ при рѣзко выраженныхъ особенностяхъ восточнаго нарѣчія встрѣчаются черты южнаго и западныхъ нарѣчій. Говоръ этотъ опредѣляется слѣдующими примѣтами:

¹⁾ Сборникъ за народни умотворенія, София, III, IV.

²⁾ Період. Списание, София, I.

³⁾ Тамъ-же VI.

⁴⁾ Тамъ-же XVIII.

⁵⁾ Ср. пѣсни изъ Котленскаго округа и примѣчанія къ нимъ *Кирова* въ Сборникѣ за народни умотворенія, София, I, а также и всѣ слѣдующія книги этого „Сборника“.

Зв. *о* почти всегда произносятся какъ *у*: *жильязуту*, *утидѣ*, *ублечи*, *Майну ле*, *мумче*, *гу*, *стурихми*, *ут*, *пубегна*; *о* удерживается въ односложныхъ словахъ, находясь между двумя согласными, а въ двусложныхъ—на концѣ слова; напр.: *стол*, *двор*, *ковъ* (но-*стулови*, *дурони*, *куне*), *сенó*, *млекó*, *силó* (но *уко* = *око*).

2) Зв. *е* въ глагольныхъ флексіяхъ настоящаго и прошедшихъ временъ, а также въ корняхъ двусложныхъ словъ, переходитъ въ *и*; напр.: *думаши*, *хлопахми*, *играхти*, *чило*, *сидло*, *дрибно*, *миво*, *пиро*, *мисо*, *сило*.

3) Членъ множ. ч. *тъ* (*тѣ*) звучитъ *ти*: *кравити*, *конити*.

4) Зв. *д*—*т* иногда смягчаются въ *г*—*к*: *Вуйници сѣ чуду чуютъ*;—*Изнес ми*, *Радке*, *ватету*;—*иадо* (дѣдо), *утховам*; *У Давь-уви свешти свекъѣт*;—*На срикъ* градъ направилъ; *девикъ* гудини.

5) Будущее вр. образуется посредствомъ *шѣ* (*ша*), какъ въ южномъ нар.; напр. *аз шѣ подѣ* с вуйницити;—*Той шѣ* ходи лов дѣ луди;—*Аз шѣ* си казвам грьахуве; но возможно и *штѣ*: *Цар штѣ* стани, *цар шѣ* бѣди.

Въ *Шуменскомъ* говорѣ, кромѣ характернаго выговора *ъ* какъ *ѣа* (слышнаго также въ *Търновѣ*, въ *рупаланскомъ* и *македонскомъ* нарѣчійхъ, ср. стр. 77 и 183), наблюдаются: а) весьма частое употребленіе ок. *м* въ 1 л. ед. ч. наст. вр.: *знам*, *копам*, *сѣм*, *чувѣм*, *лѣм*, *лъулѣм*, *пѣм*, *вѣм* (вм. *вѣѣм*) *пролѣм*; б) дѣепричастныя формы на *ици*: *свокащици*, *гледащици*, *ходещици*, *бѣгащици*.

Въ *Тетевенскомъ* говорѣ вм. глухихъ *ж*, *з* и чист. *а* слышится звукъ средней между *е* и *я*, напоминающій нѣмецкое и словацкое *ä*¹⁾: *маш* (*мѣж*), *пѣт* (*пѣт*), *ловѣт*, *главѣ*, *свѣшпѣ*, *лѣжа*, *сѣн*.

Вымершій говоръ Семиградскихъ Болгаръ.

Выше (стр. 59) было упомянуто о существованіи незначительныхъ болгарскихъ поселеній (ок. 22,000 душъ) въ южной Угрии (*Банатѣ*), именно въ *Темешскомъ*, *Торонталскомъ* и *Крашовскомъ* комитатахъ²⁾. Поселенія эти основаны выходцами преимущественно изъ сѣверной Болгаріи, которые стали переселяться за Дунай еще въ

¹⁾ Т. Васильевъ (ср. выше стр. 75) обозначаетъ этотъ звукъ черезъ *ѣ*.

²⁾ Главныя болгарскія мѣстечки—*Винга*, *Старъ-Бешеновъ*, и *Крашова*.

XIV в., но особенно утвердились въ указанныхъ мѣстахъ въ XVII и XVIII ст. Угорскіе Болгары всѣ католики, имѣютъ небольшую письменность на родномъ нарѣчій, но съ латинской графикой, и говорятъ тѣмъ же языкомъ, какимъ ихъ соплеменники, живущіе въ собственной Болгаріи¹⁾. Говоръ ихъ относится въ восточному нарѣчію и не представляетъ особыхъ характерныхъ особенностей за исключеніемъ развѣ употребленія *se* (*se*), *za* (*za*, *xa*) вм. *ште* для будущ. врем.²⁾, если только эти загадочныя формы не есть простое недоразумѣніе, обусловленное произвольной латинской графикой угроболгарскихъ текстовъ, по которымъ доселѣ приходится судить о данномъ говорѣ³⁾.

Болѣе замѣчательнъ по чертамъ древности говоръ Болгаръ-протестантовъ, нѣкогда обитавшихъ въ Семиградіи, въ Рейсдорфѣ, Чергедѣ и нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ Германштадтскаго и Карлсбургскаго округовъ, а въ настоящее время совсѣмъ орумунившихся и забывшихъ свою родную рѣчь. Любопытными памятниками этого вымершаго говора служатъ сохранившіеся отъ XVIII в. (впрочемъ, въ весьма испорченномъ видѣ) тексты протестантскаго катехизиса, молитвъ и пѣсенъ, изданныя Фр. Миклошичемъ⁴⁾ и частью Кочубинскимъ⁵⁾. Языкъ этихъ текстовъ Миклошичъ первоначально (1856 г.) призналъ языкомъ болгарскимъ, но позже (*Vergl. Gram.*, 201, *Gesch. d. Lautbez.*, 31) отказался отъ своего мнѣнія и назвалъ этотъ языкъ словѣнскимъ, видя въ немъ остатки языка Словѣнъ, нѣкогда занимавшихъ всю древнюю Дакію или нынѣшнюю Румунію, и впоследствии вытѣсненныхъ или поглощенныхъ Румунами. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ согласился и проф. Кочубинскій. Но, кажется, правильнѣе старое возрѣніе Миклошича. Если въ Славянахъ Чергеда и видѣтъ не раннихъ переселенцевъ изъ Болгаріи, а представителей

¹⁾ О Болгарахъ въ Угріи см. *Die südongarischen Bulgaren. Eine ethnographische skizze von Prof. Géza Csirbusz.* Wien und Teschen, 1884. (*Die Völker Oesterrcich Ungarns*, B. XI). Перев. на болг. яз. въ Пер. Спис., XII—XIV.

²⁾ Ср. выше стр. 90, 144.

³⁾ Ср. *Miklosich*, *Gesch. der Lautbezeichnung im Bulgarischen*, 27, 35.

⁴⁾ *Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen.* Wien, 1856 (*Denkschriften d. K. Akad. d. Wissenschaften*, Bd. VII) и *Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen.* Wien, 1883 (*Denkschriften*, B. XXXI).

⁵⁾ Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями. Одесса, 1826 (*Записки Новороссійскаго университета*, т. XX).

Словѣнъ, утвердившихся въ предѣлахъ древней Дакии въ эпоху расселенія славянскихъ народовъ, то во всякомъ случаѣ эти дакійскіе Словѣне должны были составлять одну вѣтвь со Словѣнами, расселившимися за Дунаемъ—въ Мизіи, Фракіи и Македоніи, позже получившими имя Болгаръ. По крайней мѣрѣ вымершій говоръ семиградскихъ Славянъ представляетъ самыя характерныя особенности болгарскаго языка, напр. членъ, и по нѣкоторымъ признакамъ (напр. по сохраненію носовыхъ гласныхъ) близко совпадаетъ съ южно-македонскимъ говоромъ. Отмѣтимъ его главныя черты.

1) *Носовые гласные.* Старо-славянскому *ъ* соотвѣтствуетъ правильно въ корняхъ и суффиксахъ *en*: *csenzto*, *dessenta*, *deventa*, *gienti*, *glenda*, *szvent*, *ssvenssa*, *darsent*, *habent*, *videnste* (видѣште), *deten-to*; гораздо рѣже *ъ = in, an, un*: *inzic* (языкъ), *vidant*, *buiunt* (боуѣтъ). На концѣ словъ *ъ = a*: *ma*, *sa*, *ta*, *za* (възъ). Старо-слав. *ж* соотвѣтствуютъ *an, am* рѣже *on, om*: *bande*, *zabande*, *trombenie*, *manka*, *mans*, *pantista* (пѣтъ), *poronczenie*, *rantze*, *zandi*, *dumant*, *jessant*, *ottpocsivant*, *pomagant*, *idanste*; въ концѣ словъ *ж = a*: *digna*, *stana*, *zagina*, *biaha*, *dodoha*.

2) Старо-слав. *ь* въ ударяемыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ *ea* или *ia* (*a*): *besseada*, *deal*, *issbeagna*, *meassto*, *teaf*, *szveat*, *veara*, *vearuva*, *biaha*, *csliak*, *goliam*, *liab*, *viak*, *bessada*, *isslazuva*; переходъ *ь* въ *e* наблюдается въ тѣхъ же случаяхъ, что въ восточномъ нарѣчій, т. е. при перенесеніи ударенія на другой слогъ или подъ вліяніемъ узкаго гласнаго (*e, i*) слѣдующаго слога; напр.: *besme*, *besse*, *devitza*, *golemi*, *veri*, *ssvetie*, *venetz*.

3) Глухіе гласные (*ъ, ъ*) несомнѣнно существовали, хотя за недостаткомъ въ латинской графיקѣ соотвѣтствующихъ знаковъ, они изображены въ данномъ памятникѣ начертаніями чистыхъ гласныхъ *a, o, e*; напр.: *lasse* (лъжь), *szass*, *ssam* (съм), *ssan* (сънъ). Вслѣдствіе колебанія въ написаніи такихъ словъ, какъ *mille* и *mila*, *volie*—*volia*, *zeme*—*zemia*, слѣдуетъ допустить (по мнѣнію Миклошича), что конечное *a* словъ женск. р. звучало (какъ въ ново-болгарскомъ) глухо (= *ъ*).

4) Старо-слав. *ль* (*ль*), *рль* (*рль*) соотвѣтствуютъ группы *al, la, ol, ar*: *isspalni*, *kalnam*, *ssoltze*, *zlantz*, *dolgo*; *bardo*, *karf*, *karst*, *ssmort*, *szartze*.

5) Зв. *e, o* часто замѣнены черезъ *i, u*: *daiti*, *deti*, *barsi*; *attui*, *bui*, *mui-te*.

6) Вм. *и* послѣ мягкаго *l* нерѣдко *i*: *blid, klics, libi, lissto*. Наоборотъ вм. *i*—*и* въ слова *jume* (имѣ).

7) Частое употребленіе *f* вм. *ch, chw* и *w*: *befme, ssif, praf, fala, fatame, davidof, ftoro, dusofna*.

8) Членъ — *t, ta, to, te*: *prassnikot, csliakot, denio-t, veara-ta, szmartata, carstenieto, ftoroto, gressite, dedite*. Во множ. ч. иногда—*to*: *angele-to, volove-to*. Встрѣчаются формы: *bogo, volo, carsto*.

9) Сохраненіе (при общемъ разстройствѣ склоненія) нѣкоторыхъ надежныхъ формъ; именно: Родит. п. ед. ч.: *apostola, Boga, duha, gosspodina, gyaula; karstiana, szina, zandetza; dussi, veri; dobra, draga, goliama, prava; tvoia szina* (твоего), *nasz gospodina* (нашего); *kotrago, szventiago*. Дат. п. ед. ч.: *angelu, Bogu, duhu, gosspodinu, karstu, ssvetu, szlugii; ssventu, muju* (моему); *drugimu, kotrumu, szventumu* Зват. п. ед. ч.: *bose, cslecse*. Дат. п. мн. ч.: *gressim, karsstenem, ligem, slugim; съ членомъ: apostolen-tem, pastiren-tem, sidoven-tem, shenien-tem, dobrien-tem*.

10) Оконч. 1 л. мн. ч. — *me*: *bandeme, dodeme, darsime, falime, glendame, befme*.

11) Въ 3 л. множ. ч. наст. вр. удержано древнее окончаніе— носов. гласн.—*m* (*ѣт, ѣт*): *iedant, giemant, mogant, dumant, habent, fallent, sstorent, vidant*.

12) Причастныя формы съ носовымъ гласнымъ въ суффиксѣ: *idanste, ottidanste*.

II. СЕРБО-ХОРВАТСКІЙ ЯЗЫКЪ.¹⁾

1. Изученіе сербо-хорватскаго языка.

Первые опыты грамматическихъ трудовъ по сербо-хорватскому языку относятся въ XVII ст. Въ 1604 г., въ Римѣ, вышла по латыни грамматика „иллирскаго языка“ Барт. Кашича, составленная по образцу латинской грамматики Алда Мануція (*Institutionum linguae illyricae libri duo, Authore Bartholomaeo Cassio Curictenis, Soc. Jesu. Editio prima, Romae, 1604*²⁾). Въ 1665 г. въ Тобольскѣ знаменитымъ католическимъ священникомъ Юріемъ Крижаничемъ закончено въ рукописи (изданное только въ нынѣшнемъ столѣтіи) „Грамматично извазавје“, представляющее замѣчательную по времени попытку характеристики искусственнаго обще-славянскаго языка, въ основу котораго положенъ „боснійско-хорватскій языкъ“, сближенный съ церковно-славянскимъ, русскимъ и отчасти чешскимъ и польскимъ³⁾). Въ XVIII ст. у австрійскихъ православныхъ Сербовъ печатались буквари т.-наз. славяно-сербскаго языка, т. е. собственно русско-славянскаго

¹⁾ Сербы и Хорваты въ этнографическомъ отношеніи составляютъ одинъ народъ, говорящій однимъ языкомъ, который правильнѣе и удобнѣе называть *сербо-хорватскимъ*. Этотъ терминъ мы предпочитаемъ болѣе сложнымъ обозначеніямъ этого языка, употребительнымъ у западно-славянскихъ филологовъ: 1) *сербскій и хорватскій языкъ*, 2) *сербскій или хорватскій языкъ*, 3) *хорватскій или сербскій языкъ*.

²⁾ Объ этой книгѣ см. статью Шрепеля въ *Rad Jugo-slav. Akad.*, кн. СII (1890 г.).

³⁾ Изд. О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ М. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1848, кн. 1 и 1859, кн. 4. Ср. статью Даничича въ *Rad Jugo-slav. Akad.*, XVI (1871).

съ примѣсью сербизмовъ¹⁾, а у католиковъ въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи явились на нѣмецкомъ и итальянскомъ яз. практическія грамматики (Рельковича, Ланошовича) и словари книжно-народнаго („Славонскаго“) языка. Позже, въ 1808 г. издана въ Дубровникѣ написанная по итальянски грамматика живаго сербо-хорватскаго языка: *Grammatica della lingua illirica compilata dal padre Francesco Maria Apprendini*²⁾, а двумя годами равьше хорошій словарь: *Stulli, Rjecsoldxie, slovinsko-italiansko-latinsko*, 1806 (u Dubrovniku, 2 части).

Научное изученіе сербо-хорватскаго языка началось съ первой четверти нынѣшняго столѣтія и въ настоящее время ознаменовалось уже весьма значительными успѣхами. Главныя заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ славнымъ мѣстнымъ сербскимъ и хорватскимъ изслѣдователямъ и знатокамъ роднаго языка: Вузу Караджичу, Ю. Даничичу, В. Ягичу, С. Новаковичу, П. Будмани.

Съ именемъ В. Караджича (1786—1864) тѣсно связана исторія новѣйшаго національнаго и духовнаго возрожденія сербскаго народа. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ и тонкою наблюдательностью, Караджичъ былъ энергичнымъ народнымъ дѣятелемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и многочисленными своими трудами и изданіями положилъ первое и прочное основаніе научному изученію своего языка и народа. Его драгоценные сборники сербскихъ пѣсенъ, раскрывая все богатство, разнообразіе и живучесть сербскаго народнаго творчества, вмѣстѣ съ тѣмъ представили обильныя доказательства силы, звучности и мелодичности живаго сербо-хорватскаго языка. Его заботы о допущеніи народнаго языка къ употребленію въ книгѣ привели его къ выработкѣ того типа литературнаго языка, который вскорѣ былъ принятъ всѣми частями сербо-хорватскаго народа и въ настоящее время служитъ органомъ сербо-хорватской образованности. Ему-же принадлежитъ установленіе новаго правописанія, которое подъ именемъ *вуковицы* употребляется въ православныхъ сербскихъ земляхъ. Наконецъ, его грамматика, мелгія филологическія работы и замѣчательный словарь (1818), уже выпедшій третьимъ изданіемъ, сдѣлались первымъ источникомъ точныхъ свѣдѣ-

¹⁾ Наиболее замѣчательный изъ нихъ приписывается изв. славяно-сербскому писателю Орфеллину и былъ напечатанъ въ Венеціи въ 1767 г.

²⁾ Она выдержала три изданія; послѣднее въ 1848 г.

ній о строѣ и составѣ сербо - хорватскаго языка и послужили твердымъ основаніемъ для дальнѣйшаго его изслѣдованія¹⁾.

Юрій Даничичъ (1825 — 1882) — горячій послѣдователь В. Караджича и неутомимый, даровитый продолжатель его дѣла. Образованный филологъ, прошедшій хорошую школу, онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію роднаго языка и его прошлыхъ судебъ, примѣнивъ въ этому изученію новые приемы, выработанные современной наукой о языкѣ. Свою дѣятельность Даничичъ началъ въ 1847 г. сочиненіемъ „Рат за српски језик и правопис“, написаннымъ въ защиту реформы Вука Караджича. Въ 1850 г. вышла его „Мала српска граматика“, впоследствии передѣланная и выдержавшая подъ заглавіемъ „Облици српског језика“ восемь изданій, а въ 1858 г. — „Српска синтакса“. Одновременно съ этимъ и позже въ журналахъ Бѣлградскаго Ученаго Общества и Загребской Юго-славянской Академіи печатались частныя филологическія изслѣдованія Даничича: о сербскомъ удареніи, о различіи между сербскимъ и хорватскимъ языками, о звукахъ ѣ и ѣ и т. п. Въ 70-хъ годахъ появились одно за другимъ три его большія сочиненія: 1) Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека (1874); 2) Основе српскога или хрватскога језика (1876); 3) Коријени српскога или хрватскога језика (1879). Въ сочиненіяхъ этихъ, по словамъ покойнаго русскаго слависта И. И. Срезневскаго, сербскій языкъ былъ разработанъ съ такою глубиной и обстоятельностью, какою въ то время не отличалось изученіе ни одного другаго славянскаго языка. Независимо отъ теоретическаго изученія сербо - хорватскаго языка, за Даничичемъ остается заслуга изданія многихъ памятниковъ старо-сербской письменности и составленія опыта историческаго словаря сербскаго языка (Рјечник из книжевних старина српских, 1862—64). Но особенно его занимала мысль объ изданіи полнаго, научнаго словаря, который обнималъ - бы и всѣ живые говоры, и литературный сербо - хорватскій языкъ въ его историческомъ развитіи, и собралъ для этого труда обильный матеріалъ. Осуществленіе этого важнаго предпріятія приняла на себя Юго - славянская Академія въ Загребѣ, продолжающая его и въ

¹⁾ О Вукѣ Караджичѣ ср. Платона Кулаковскаго, Вукъ Караджичъ его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ, М. 1882; Іов. Бошковича, Светковина Вукове стогодишњице. У Београду, 1888.

настоящее время. При жизни Даничича, подъ его редакціей, вышли въ свѣтъ только четыре выпуска академическаго „Rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika¹⁾).

Академикъ В. Ягичъ, замѣчательнѣйшій изслѣдователь во всѣхъ областяхъ славянской филологіи, началъ свою ученую дѣятельность цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ работъ по грамматикѣ и исторіи роднаго языка, особенно по его фонетикѣ и синтаксису. Таковы его: Grammatika jezika hrvatskoga, osnovana na starobugarskoj slovenštini (звуки), Iz prošlosti Hrvatskoga jezika, Podmladjena vokalizacija, статьи по серво-хорватскому синтаксису съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, по вопросу о правописаніи въ хорватской письменности и др. Объясненію разныхъ звуковыхъ явленій въ серво-хорватскомъ яз. напр. перехода слогообразующаго *l* въ *y*, образованія вторичнаго *a* и т. п. посвящены и его позднѣйшія изслѣдованія, появившіяся въ его журналѣ Archiv für slavische Philologie. Здѣсь-же заслуживаютъ вниманія обстоятельныя рецензіи редактора о всѣхъ новыхъ книгахъ и работахъ по изученію серво-хорватскаго языка. Наконецъ, немаловажную заслугу знаменитаго слависта составляетъ сдѣланное имъ критическое изданіе многихъ памятниковъ серво-хорватскаго языка и литературы, преимущественно въ сборникахъ Югославянской Академіи (Starine, Stari pisci hrvatski), и отдѣльно (Primjeri starohrvatskoga jezika, грамота Милутина 1318 г., миссалъ Хервой и др.).

Къ Даничичу и Ягичу близко примыкаетъ по своей дѣятельности извѣстный знатокъ и неутомимый изслѣдователь сербской старины Стоянъ Новаковичъ. Среди многочисленныхъ и разнородныхъ работъ его въ этой обширной области, нѣкоторыя относятся къ изученію языка. Ему принадлежатъ: фізіологія сербскихъ звуковъ, изслѣдованія объ удареніи въ старопечатныхъ сербско-славянскихъ книгахъ, о буквѣ *z* въ сербско-славянской письменности XV—XVI ст., и обстоятельная, построенная по научному методу, школьная грамматика сербскаго языка (4 части — ученіе о звукахъ, ученіе объ основахъ,

¹⁾ О Даничичѣ см. Ст. Новаковича: 1) Ћуро Даничић или филологија и књижевни језик српски, 1847—1817. У Бечу, 1878; 2) Белешке о Ћ. Даничићу. У Београду, 1883; М. Миличевић, Помени о Даничићу (Годишњица Николе Чуића, кн. V, 1883); П. Павић, Djugo Daničić (Rad Jugo-slav. Akad., кн. 77, 1885 г.); Т. Флоринскій, Юрий Даничичъ (1825—1882) въ „Слав. Ежегодникъ“, VI, Кіевъ, 1884.

ученіе о формахъ, синтаксисъ). Точно также не мало имъ издано старыхъ текстовъ и матеріаловъ, болѣе или менѣе важныхъ для исторіи сербскаго языка. Въ ряду этихъ изданій видное мѣсто занимають его „Примери књижевности и језика старога и српско - славенскога“ (1877, 2 изд. 1889 г.).

Петръ Будмани, еще въ 60-хъ годахъ составившій себѣ извѣстность своей грамматикой сербо-хорватскаго языка (*Grammatica della lingua serbo-croata*, Виenna, 1867), со смертью Даничича завѣдываетъ редакціей и изданіемъ академическаго „Rječnika“. Въ настоящее время словарь доведенъ до буквы *I* (включительно). Это — трудъ монументальный, по обширности представляемаго имъ матеріала, по широтѣ задачъ и отчетливости исполненія не имѣющій себѣ равнаго среди другихъ славянскихъ словарей.

Рядомъ съ именами указанныхъ мѣстныхъ филологовъ, потрудившихся надъ строго-научнымъ, систематическимъ изученіемъ сербо-хорватскаго языка, нужно поставить имена двухъ ученыхъ представителей родственнаго словенскаго племени, славныя имена Копитара и Миклошича. Оба знаменитые слависта принимали самое живое участіе въ научной разработкѣ сербо-хорватскаго языка и въ значительной степени повинны въ тѣхъ успѣхахъ ея, какіе указаны выше. Копитаръ имѣлъ огромное, весьма благотворное, вліяніе на Вука Караджича, даровитаго поселявина-самоучку, не пошедшаго дальше народной школы и не имѣвшаго понятія ни о наукѣ, ни о филологіи. Копитаръ былъ его настоящимъ учителемъ и руководителемъ. Онъ убѣдилъ Вука записывать и издавать народныя пѣсни, онъ побудилъ его написать сербскую грамматику, онъ посоветовалъ ему заняться составленіемъ словаря и усердно помогалъ ему во всѣхъ его филологическихъ занятіяхъ и изданіяхъ. Вопросъ о литературномъ языкѣ и реформѣ правописанія былъ разработанъ и рѣшенъ Вукомъ Караджичемъ также при живомъ содѣйствіи Копитара. Равнымъ образомъ и Фр. Миклошичъ (1813—1891), какъ профессоръ Вѣнскаго университета, имѣлъ большое вліяніе на своихъ учениковъ — Даничича и Ягича; вліяніе это ясно замѣтно на работахъ того и другаго. Былъ онъ близокъ и съ Вукомъ Караджичемъ. Но и самъ Миклошичъ много занимался сербскимъ языкомъ, прекрасно владѣлъ имъ и внесъ въ изученіе его цѣнныя вклады. Въ его „сравнительной грамматикѣ“ отдѣлъ сербскаго языка изложенъ полнѣе и об-

стоятельныѣ многихъ другихъ отдѣловъ. Его Monumenta Serbica— (сборникъ сербскихъ грамотъ, 1858), изданія Законника Стефана Дупана, Шипатовецкаго апостола, писемъ Черноевича и друг. памятниковъ сербской старины представили важныя матеріалы для исторіи сербскаго языка ¹⁾).

Живое участіе въ разъясненіи исторіи сербо-хорватскаго языка принялъ еще одинъ изъ старѣйшихъ западно-славянскихъ изслѣдователей Славянства П. I. Ш а ф а р и е в ъ. Его книга Serbische Leseböcher (1833) была первымъ трудомъ, посвященнымъ болѣе точному опредѣленію элементовъ живаго сербскаго языка въ старо-славянскихъ текстахъ сербскаго извода. Не меньшее значеніе въ наукѣ имѣетъ другое его изданіе—Památky dřevního písemnictví Jihoslovánův (1851, 2-е изд., 1873), содержащее рядъ старыхъ памятниковъ сербскаго письма и языка.

Кромѣ указанныхъ крупныхъ изслѣдователей сербо-хорватскаго языка, въ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годахъ и позже работаютъ въ той-же области другіе почтенныя мѣстные ученые какъ Мажураничъ, Пацель, Веберъ, Іов. Бошковичъ, Вальявецъ. Съ основаніемъ въ Загребѣ Юго-славянской Академіи и университета, съ преобразованиемъ Великой школы въ Бѣлградѣ, съ усиленіемъ дѣятельности юго-славянскихъ матиць и увеличеніемъ числа среднихъ школъ въ сербо-хорватскихъ земляхъ, все болѣе развивается мѣстное изученіе сербо-хорватскаго языка. Число грамматикъ, грамматическихъ изслѣдованій и матеріаловъ для рѣшенія частныхъ вопросовъ изъ области даннаго языка постоянно возрастаетъ, а число научно-подготовленныхъ работниковъ умножается. Филологическія работы по фонетикѣ и морфологіи, по синтаксису и акцентологіи, по діалектологіи и исторіи сербо-хорватскаго языка появляются у Хорватовъ и Сербовъ, въ Загребѣ и Бѣлградѣ, Новомъ-Садѣ и Дубровникѣ. Въ ряду авторовъ этихъ работъ, новѣйшихъ мѣстныхъ филологовъ, оказавшихъ болѣе или менѣе существенныя услуги дѣлу изученія роднаго языка, особенно выдаются: I. Живановичъ, Л. Зима, Г. Неманичъ, Р. Строгаль, I. Милетичъ, Г. Маре-

¹⁾ Изъ массы статей о Миклошичѣ, отмѣчу здѣсь Т. Флоринскаго Памяти Миклошича (Унив. Изв., 1891); Л. Милетича, Ф. Миклошичъ и славянската филологія (Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, кн. V, 1891; Т. Margetića, Životi kujiževni rad Fr. Miklošića (Rad Jugo-slav. Akad., 1892, кн. CXII).

тичь, Курелаць, М. Кушарь, А. Мусичь, А. Павичь, И. Брозь, Ф. Пажурь, М. Шрепель, М. Решетарь, П. Дьорджевичь, И. Вуловичь, М. Дивковичь, Стояновичь и др.

Изъ русскихъ славистовъ, занимавшихся сербо-хорватскимъ языкомъ, оставили болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ исторіи его изученія: И. И. Срезневскій, О. М. Бодянский, В. И. Григоровичь, В. И. Ламанскій, А. А. Майковъ, П. А. Лавровскій, В. В. Макушевъ, А. Кочубинскій, Шахматовъ, и др. Связанный узами тѣсной дружбы съ Вукомъ Караджичемъ, а также съ Даничичемъ и Ягичемъ, Срезневскій былъ прекраснымъ знатокомъ живаго сербскаго яз. и въ своемъ „Обозрѣніи главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ Славянскихъ“ (1845) и въ другихъ позднѣйшихъ работахъ высказалъ намъ не мало мѣткихъ мыслей и сужденій; но главная его заслуга состояла въ описаніи, изданіи и коментированіи многихъ древнихъ памятниковъ сербскаго письма и языка (напр. Аѳонскаго Евангелія XII в., Кормчей XIII в. и др.). Въ послѣднемъ направленіи, работали для сербскаго языка Бодянский, Григоровичь, Ламанскій, Макушевъ, Арх. Леонидъ, А. Гильфердингъ, А. Поповъ, А. Викторовъ, Горскій и Невоструевъ, М. Соловьевъ и другіе описыватели славянскихъ рукописей, хранящихся въ русскихъ и западно-славянскихъ бібліотекахъ, открывшіе для историковъ сербо-хорватскаго письма и языка огромное количество цѣннаго матеріала. Ап. А. Майковъ еще въ 1857 г. написалъ важную для своего времени „Исторію сербскаго языка, по памятникамъ писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіей народа“. П. А. Лавровскій составилъ и издалъ два словаря — сербо-русскій и русско-сербскій, служащіе какъ для Сербовъ, такъ и Русскихъ полезнымъ подспорьемъ при изученіи обоихъ родственныхъ языковъ. Шахматовъ, напечаталъ (1890 г.) прекрасную работу по исторіи сербо-хорватскихъ удареній.

Наконецъ нужно отмѣтить обстоятельныя работы (о количествѣ гласныхъ и удареніи въ сербо-хорватскомъ языкѣ) двухъ нѣмецкихъ ученыхъ, занимающихся славянскимъ языковѣдѣніемъ — Лескина и Мазинга.

Въ общемъ научная разработка сербо-хорватскаго языка находится въ удовлетворительномъ состояніи. Всѣ основные факты грам-

матери языка, его истории и диалектологии въ большей или меньшей степени выяснены или постепенно выясняются. Обликъ живаго языка, въ разныхъ его нарѣчiяхъ и говорахъ, обрисованъ уже достаточно отчетливо. Полной истории сербо-хорватскаго языка, правда, еще не написано, но все существенное для построения ея подготовлено. Съ окончанiемъ академическаго „Словаря“ выполненiе этой важной задачи значительно облегчится. Въ данное время дѣло сводится къ обстоятельному изученiю частныхъ, согласно новѣйшимъ приемамъ и требованiямъ науки о языкѣ. Въ этомъ направленiи разработка предмета ведется съ большимъ успѣхомъ. Особеннаго вниманiя заслуживаютъ появившiяся за послѣднее десятилѣтiе хорошия наблюденiя и изслѣдованiя по диалектологии и акцентологии сербо-хорватскаго языка.

Изъ практическихъ грамматикъ для Сербовъ лучшею остается „Српска граматика“ Новаковича; на французскомъ яз.—Парича, *Grammaire de la langue serbo-croate, traduite par le docteur S. B. Feuvrier, Paris, 1877*; на нѣмецкомъ языкѣ — Вымазала (*Vymazal*), *Serbische Grammatik, Brunn, 1882*; на чешскомъ яз. его же, *Gramaticke základy jazyka srbského čili chorvatského (serpsal Fr. Vymazal), v. Brně, 1885*; на русскомъ яз. — Блѣнькаго, *Сербская грамматика, 1875* и Новаковича „Грамматика сербскаго языка переводъ А. Григорьева, Спб., 1890 г. (съ выпускомъ 2-й ч.—объ основахъ, — и другими сокращенiями, съ прибавленiемъ краткой хрестоматiи текстовъ и небольшого словарика).

а) Грамматики и грамматическiя изслѣдованiя, посвященныя современному сербо-хорватскому языку.

Appendini Francesco Mario, *Grammatica della lingua illirica. Ragusa, 1808. Terza edizione. Ragusa, 1848.*

Adamović J. *Kako je postalo é i đ u hrvatskom jeziku, osobito u riječima kao peći, noć i evanđelje (Gimnaz.-progr. U Gospiću, 1881).*

Бошковић Јован. Скупљени списи, св. I—II: О српском језику. У Београду, 1887, 1888.

Broz Ivan. *Prilozi za sintaksu jezika hrvatskoga. U Zagrebu, 1885 (Rad Jugo-slav. Akad., кн. LXXVI).*

Budmani P. *Grammatica della lingua serbo-croata (illirica). Vienna, 1867 (ср. рецензiю Даничича „Književnik“, III).*

- Valjavec M. Imperfekta kako se tvori u staroj slovenštini i prema njoj u hrvaštini ili srbštini pak u kajkavštini.
- Veber A. 1) Slovnica hrvatska za srednja učilišta. U Zagrebu, 1873; 2) O vremenih u hrvatsko-srbskom jeziku. 1868 (Rad II); 3) O pridavniku. 1871 (Rad. XIV); 4) O naravi hrvatske izreke. 1874 (Rad XXVIII); 5) Pabirci po slovnici hrvatskoj (Rad XCII).
- Вуловић Св. Приложак српској синтакси. Београд, 1888.
- Вумазал Fr. 1) Serbische Grammatik zunächst für den Selbstunterricht. Brünn. 1882; 2) Gramatické základy jazyka srbského čili charvatského. V Brně, 1885.
- Hattala M. Početne skupine suglasah hrvatskih i srbskih. 1868 (Rad IV).
- Geitler L. Prilozi k hrvatskoj gramatici i glasoslovlju (Rad LVIII).
- Даничић Ђ. 1) Рат за српски језик и правопис. Будим. 1847; 2) Мала српска граматика. У Бечу, 1850; 3) Српска граматика. Дво III. Облици српскога језика. У Београду, 1863. 7-е изд. 1874 г., 8-е изд. 1892 (въ Загребѣ); 4) Српска синтакса. У Београду, 1858; 5) Основе српскога или хрватскога језика. У Београду, 1876; 6) Корјени с ријечима од њих посталијем у хрватском или српском језику. На свијет издала Југо-славенска Академија знаности и умјетности. У Загребу, 1877 (ср. рецензију А. Bruckner'a, Arch. III); 7) Нешто о српскијем акцентима (Slavische bibliothek, herausgegeben von Fr. Miklosich, I, 1851); 8) Српски акценти (Гласник друштва србске словесности, кн. 8, 10); 9) Српска деминуција и аугментација (Гласник, кн. XII); 10) Акценти у глагола (Rad VI); 11) Акценти у adjektiva (Rad XIV); 12) Nom. sing. masc. на о и на е (Rad XXVI).
- Mirko Divković. 1) Nauka o izreci za školu, 3 izd. Zagreb, 1885; 2) Oblici hrvatskoga jezika za srednje škole, 2 izd. Zagreb, 1887; 3) Hrvatska sintaksa za školu, 2 izd. Zagreb. 1889.
- Пера Ђорђевић. Прилози за синтаксу српскога језика. О падежима без предлога. У Београду. 1889 (Гласник, кн. LXVIII, LXIX).
- Живановић Јов. 1) Пабирци по хрватској словници (Програм гимн. у Карловцима 1878—79); 2) О српском језику. У Новоме Саду, 1888; 3) Српска синтакса. Нови Сад, 1889.
- Караџић Вук. 1) Писменица србскога езика по говору простога народа. У Виенни, 1814; 2) Wuk's Stephanowitsch Kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jakob Grimm., Leipzig und Berlin bei g. Reimer, 1824; 3) Мелкія статьи въ защиту новаго литературнаго языка и правописанія въ изд. „Србске Новине“, „Даница“ и отдѣльными брошюрами и книгами. Изъ послѣднихъ особ. важна: Вука Стефановића и Саве Текелије писма високопреосвеште-

номе господину Платону Атанацковићу православноме владици будимскоме о српскоме правопису са особитијем додацима о српском језику. У Бечу, 1845. Болђе подробнија библиографическія указанія см. въ сочиненіи П. Кулаковскаго „Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербској литературѣ. М., 1882, стр. 120—139, 237—244.

- Кочубинскій А. Звукъ А отличительная черта сербскаго вокализма, 1871 (Филологическія Записки, 1871).
- Kurelac Fr. 1) *Silva* 1870 (Rad XII); 2) *Stariji oblici samostavni*, 1872 (Rad XX); 3) *Brojanica ili deset glagolskih zrnac*, 1871—73 (Rad XV, XVI, XX, XXV); 4) *Koje su u nas reči za vuhvenike, vuhvenice*, 1873 (Rad XXIV); 5) *Maljgovora ili o barbarizmih*, 1873 (тавъ-же).
- Kušar M. 1) *Nauka o pravopisu jezika hrvackoga ili srpskoga (fonetičkom i etimologijskom)*. Dubrovnik, 1889; 2) *Neke primjedbe Vukovu pravopisu (Program Dubrovnič. gimnaz., 1888—89)*.
- Kuhač Fr. *O hrvatskom ili srpskom pravopisu na temelju glazbene eufonije*, Zagreb, 1889.
- Kriztjanovich. *Grammatik der kroatischen Mundart*. Agram, 1837.
- Leskien. *Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantität im serbischen*, Leipzig. 1885, 1893 (ср. рецензій Ягича и Маретича въ *Archiv. f. Slav. Phil.*, VIII 597, IX 129, XV 603).
- Mažuranić A. 1) *Slovnica Hrvatska za gimnazije i realne škole. Dio I. Rečoslovje*. U Zagrebu, 1859, 4-е изд., 1869; 2) *O važnovti akcenta*.
- Mazing L. *Die Hauptformen des serbisch-chorvatishen Accents, nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre, insbesondere des griechischen und des Sanskrit*. St.-Petersburg, 1876 (*Mémoires de l'Académie Imperiale*, t. XXIII, 66).—Ср. рец. Ковачевича *Arch. f. Slav. Phil.*, III, 685.
- Maretić T. 1) *Iz Eneide P. Vergilija Marona I i II pjev. preveo i prilog o akcentu napisao* (Прорп. Загреб. гимн., 1878—79); 2) *O njekim pojavima kvantitete i akcenta u jeziku hrvatskom ili srpskom*, U Zagrebu, 1883 (Rad LXVII); 3) *O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba* (Rad LXXXI—LXXXII); 4) *Slavenski nominalni akcentat s obzirom na litavski, grčki i staroindijski*, 1890 (Rad CII); 5) *Ruske i česke riječi u književnom hrvatskom jeziku* (Rad CVIII).
- Miklosich Fr. *Vergleichende Grammatik* (ср. выше стр. 39).
- Musič M. *Gnomički aorist u grčkom i hrvatskom jeziku* (Rad CXII).
- Новаковић Ст. 1) *Физиологија гласа и гласови српскога језика*. У Београду, 1873 (Гласник XXXVII); 2) *Српска граматика за ниже гим-*

назије и реалке. У Београду; I део, Наука о гласовима, 1879, 2-е изд., 1881; II део, Наука о основама по Ф. Миклошићу и Ћ. Даничићу, 1880; III део, Наука о облицима по Ћ. Даничићу и Ф. Миклошићу, 1879; IV део, Наука о реченицима (синтакси). Четврто издање, 1879. Рускиј преводъ Григорьева—Грамматика сербскога јзыка. Спб., 1890 г.

Раџић А. Studije o hrvatskom akcentu. U Zagrebu, 1881 (Rad LIX).

Раџур F. Filozofijsko-filologijske razprave. I. O postanku jezika. II. Genetičko-sintaktične misli. III. Čestica „da“ u hrvatskom jeziku. U Varazdinu, 1886.

Расел V. 1) Naglas u rieči hrvatskoga jezika, u Zagrebu (Književnik, I); 2) Oblici književne hrvaštine. U Karlovcu, 1865; 3) Slovnica jezika hrvatskoga ili srbskoga, u Zagrebu, 1860.

Раџић. Grammaire de la langue serbo-croate, traduite par le docteur Feuvrier. Paris, 1877.

Томић С. Н. О номиналним сложеним речима у српском језику (Просветни Гласник, Београд, 1891, XII).

Šrepić M. Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama. Zagreb. 1886.

Јагић V. 1) Deklinacija imena samostavnoga usporedjena, kako se razvi u staroslovenskom - srbskom - hrvatskom jeziku (Letnik s. k. gimnazije v Zagrebu, 1862); 2) Grammatika jezika hrvatskoga. Osnovana na starobugarskoj slovenštini. Dio prvi, Glasovi. U Zagrebu, 1864; 3) Naš pravopis (Književnik, I); 4) Primjetbe k našoj sintaksi s gledišta sravnjujuće gramatike (Književnik, II); 5) Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku, 1869 (Rad IX); 6) Zur Frage ueber den Uebergang des silbenbildenden *l* in *u*, 1880 (Archiv f. Slav. Phil., IV, 386); 7) Woher das secundäre *a* (Archiv, IV, 397); 8) Lautlicher Uebergang von *tl* in *kl*, *dl* in *gl* (Archiv, I, 157); 9) Neue Erscheinungen im serbischen Auslaut, 1891 (Archiv, XIII, 627); 10) Многочисленныя библиографическія замѣтки и рецензиі преим. въ журн. Književnik, Rad Jugo-slav. Akad, Archiv für Slavische Philologie.

Јакшић Г. М. Нешто о српским акцентима (Кратки преглед) 1891 (Просветни Гласник, Београд, 1891, Април).

б) Монографији по историји сербо-хорватскога јзыка.

Даничић Ћ. 1) Grammatika Gjurgja Križanića, 1871. (Rad XVI); 2) Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske, 1872 (Rad XX); 3) Prilog za istoriju komparativa u hrvatskom ili srpskom jeziku, 1874 (Rad XXVI); 4) Историја облика српскога или хрватскога јзыка до свршетка XVII вијека. У Биограду, 1874.

- Живановић Ј. Кратак историјски преглед слова ћ и њ 1872 (Летопис Матице српске, кн. 114).
- Зора L. Naš jezik tijekom naše književnosti u Dubrovniku (въ альманахъ Dubrovnik, 1871).
- Караџић Вук. Примјери српско-словенскога језика. У Бечу, 1857.
- Кушаг М. Povijest razvitka našega jezika hrvackoga ili srpskoga od naj-davnijih vremena do danas. U Dubrovniku, 1885 (ср. замѣч. Ягича въ Archiv, IX, 316).
- Майковъ А. Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Москва, 1857 (ср. отзывъ Срезневскаго въ XXVII присуд. Демидов. нагр. Спб., 1859).
- Маретић Т. 1) Nov prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske, 1884 (Rad LXX, LXXI, LXXIII); 2) Istorija hrvatskoga pravopisa latinskim slovima. U Zagrebu, 1889 (ср. замѣч. Ягича въ Archiv, XII, 602 и отвѣтъ Маретича въ Rad CI).
- Новиковић Ст. 1) Акценти штампаних српско-словенскихъ књига црногорскихъ и млетачкихъ. Биоград, 1877 (Гласник Српског ученог друштва, кн. 44); 2) Ђ u srpsko-slovenskoj i bugarsko-slovenskoj književnosti od XV vijeka na dalje (Rad XLIV); 3) Zwei veraltete Sprachformen im Serbischen (Archiv f. Slav. Phil., IV, 515).
- Сафаѣик Р. J. Serbische Lesekörner. Peszt, 1833.
- Шахматовъ А. Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній, 1888—1890 (Рус. Фил. Вѣстн., 1888 (XX), 1890 (XXIII, XXIV)).
- Šgerel M. Latinski izvor i ocjena Kašičeve gramatike, 1890 (Rad CII).
- Јагић В. Iz prošlosti hrvatskoga jezika, 1864 (Književnik, I).

в) Материалы для исторіи сербо-хорватскаго языка.

- Аврамовичъ. Описаніе древностей србски у Светой гори. У Београду, 1847.
- Акты русскаго на Св. Аѳонѣ монастыря Св. Пантелеимона. Кіевъ, 1873.
- Барсовъ Е. Акиръ премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. („Чтенія“, М., 1886, III).
- Вегѣић Ів. 1) Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta (глаголич. п.) I—V, Praha, 1864—1871; 2) Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu sv. Cirila i Metuda. Zagreb, 1870.
- Бодянской О. М. 1) Граматично изказанје об рускомъ језику, попа Јурка Брижанища, писано въ Сибири лета 1770 („Чтенія“ М. Общ. Истор. и Древн., 1848, кн. I, 1859, кн. 4); 2) Шестодневъ составленный Иоанномъ ексархомъ болгарскимъ, по списку 1263 года. М., 1879 („Чтенія“, 1879 г. приготовлено О. М. Бодянскимъ, издано А. Поповымъ).

- Викторовъ А. Е. Стефанитъ и Ихнилатъ (по серб. славян. рукоп., XIII—XIV и XV ст.). М., 1881. Изд. Общества Любителей Древней письменности, № 64 и 78.
- Вукомановић А. 1) Повест от битија и о царствих васех родов (Гласник Српск. учен. друштва, кн. X); 2) О князу Лазару, из рукописа 17 века (Гласник XI); 3) Живот архиепископа Маексима, из рукописа 17 века (тамъ-же); 4) Летопис царем српским, из рукописа 17 века (тамъ-же).
- Григоровичъ В. И. О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Казань, 1859 (двѣ грамоты XIV в. и лѣтопись). Въ прекрасномъ собраніи рукописей, составленномъ В. И. Григоровичемъ во время путешествія по южно-славянскимъ землямъ, значительная доля сербскихъ; въ настоящее время онѣ принадлежатъ частью Московскому Румянцевскому Музею, частью Новороссійскому университету: первыя описаны А. Е. Викторовымъ (Собраніе рукописей В. И. Григоровича, М., 1879), вторыя Мочульскимъ (Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, 1, Одесса, 1890).
- Гильфердингъ А. Ф. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія (1859). Собраніе сочиненій, т. III. (Надписи, отрывки изъ старыхъ рукописей). Гильфердингомъ собрано также не мало сербскихъ рукописей; онѣ принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ и описаны въ „Отчетѣ“ ея за 1868 г.
- Даничић Ѕ. 1) Рукопис Кипријанов (Гласник IX); 2) Рукопис Александров (тамъ-же); 3) Пролог на кожи (Гласник X); 4) Три српске хрисовуље (Гласник XI); 5) Рукопис архиепископа Никодима (тамъ-же); 6) Живот св. Саве, написао Доментијан. Београд, 1860; 7) Никольско Еванђеље. Београд, 1864; 8) Живот св. Симеуна и св. Саве, написао Доментијан. Београд, 1865; 9) Животи кралева и архиепископа српских. Написао архиепископ Данило и други. Затреб, 1866; 10) *Rukopis Vladislava Gramatika, pisan godine 1469* (Starine, izd. Jugo-slav. Akad., 1869, кн. 1); 11) *Indijske priče prozване Stefanit i Ihnilat* (Starine кн. II, 1870); 12) *Muka blaženoga Grozdija* (тамъ-же); 13) *Hvalov rukopis 1404 г.* (Starine III, 1871); 14) *Tri stare priče*, ркп. XVI в. (Starine, IV); 15) *Proróštvo despota Stefana Lazarevića*, по ркп. XV — XVIII в. (тамъ-же); 16) *Apokalipsa iz Hvalova rukopisa* (тамъ-же); 17) *Tondal*, ркп. XVI в. (тамъ-же); 18) *Dva apokrifna jevangjelja*, ркп. XVI в. (тамъ-же); 19) *Poslanica sv. Save arhiepiskopu srpskogu iz Jerusalima u Studenicu igumnu Spiridonu, Poslanica Teofila patriarha Jerusalimskoga despotu srpskomu Stefanu*, ркп. XV в. (тамъ-же).

- Драговић М.** 1) Крусовоъ княза и господара црногорского Ивана Црнојевића. Цетиње, 1885; 2) Материјали за историју Црне горе (Гласник, LV, LXIII, LXV, LXXII, LXXIII).
- Дучић Н.** (архимандритъ). 1) Врађина у Зети и Хрисовуље на Цетињу (Гласник XXVII); 2) Хронограф житомишљички (Гласник XXXII); 3) Старине Хиландарске (Гласник LVI); 4) Крмчаја Морачка, реп. 1613 (Гласник, друго одељење, кн. VIII, 1877). См. также собраніе сочин. Књижевни радови Нићифора Дучића, архимандрита, у Београду, кн. 1—3, 1891—1893.
- Живковић М.** Србуле у Сарајеву (реп. XIV — XVIII) 1885 (Гласник LXIII).
- Жиречек Конст.** 1) Споменици српски (Дубровн. арх.). Београд, 1892 (Споменик Срп. Кр. Акад., XI); 2) Типик св. Саве за манастир Студеницу (Гласник XL); 3) Уговор Стефана Первовенчаного с Дубровчанима (Гласник XLVII); 3) Eine altserbische Glockeninschrift (Archiv VIII, 133); 4) Zur glagolitischen Handschriften - literatur, 1886 (Archiv IX, 307).
- Кашичъ Барт.** Institutionum linguae illyricae libri duo. Romae, 1604. Ср. выше стр. 190.
- Карано-Тврткиовић.** Српския споменицы или стари рисовуљъ, дипломе повелѣ и пр. Београд, 1840.
- Качановскій В.** 1) Spomenici srbski i bugarski (Starine XII); 2) Apokrifne molitve, gatanja i priče, 1881 (Starine XIII); 3) Iz srbsko - slovjenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa Joanna Zonare, реп. XV в. (Гласник XIV); 4) Образцы дубровницкаго языка и письма. Спб., 1882.
- Ковачевић Л.** 1) Nekoliko priloga staroj srpskoj književnosti, 1878 (Starine X); 2) Белешке и натписи. Друга руковет, Београд (Гласник LVI).
- Ковачић Р.** 13 писама српских у архиву дубровачке републике (1593—1705, Гласник LXIII).
- Косановић Сава** (митрополит). 1) Српске старине у Босни. Неколике биљешке (Гласник XXIX, XXXVIII); 2) Биљешке о Богомилима. Исписао из старог рукописа (XXXVII).
- Кочубинскій А.** Eine serbische Evangelien-handschrift vom j. 1436 aus Zeta (Archiv IX, 580).
- Крижаничъ Юр.** Граматично изказанје писано въ Сибири, лета 1760д. Издао О. М. Бодянскимъ („Чтенія“ М. Общ. Ист. и Др., 1848, к. I, 1859, IV)—Важны для исторіи сербо-хорватскаго языка и другія сочиненія Крижанича, писанныя на смѣшанномъ славяно-руско-хор-

- ватскомъ яз. Ср. новое Собрание сочиненій Юрія Крижанича („Чтенія“, 1890, 1891 г.).
- Kukuljević Sakcinski Ivan.** 1) Putne uspomene iz Dalmacije, Albaniji, Krfi i Italije. U Zagrebu, 1873; 2) Povjestni spomenici južnih Slavenah (Monumenta historica Slavorum meridionalium), кн. I; Listine Hrvatske, u Zagrebu, 1863 (1100 — 1599); 3) Разные матеріалы въ изданіи Кукулевича—Arkiv za pověstnicu jugo-slavensku.
- Лавровски П. О** Манастири Раваницы, Стари Запис (Гласник XII).
- Ламанскій В. И.** О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб., 1864 (Прилож. къ VI т. Зап. Имп. Ак. Н.).
- Леонидъ Архимандритъ.** 1) Типик или устав српске царске лавре Хиландара у св. Гори, који је написао ъезин основалац св. Сава (Гласник XXIV); 2) Стара српска писма. Из руског манастира св. Пантелеимона у Светој Гори (тамъ-же); 3) Хрисувоља цара Стефана, дата у Скопљу 1347, којом се оснива епископска столица у Леснову (Гласник XXVII); 4) Словеносрпска вѣжница на св. гори Атонској (Гласник XLIV); 5) Сказаніе о святой Аеонској горѣ игумена Іоакима (Памятники древней письменности, 1882).
- Leskien A.** Das dalmatinisch-serbische cyrillische Missale romanum der Leipziger Stadtbibliothek, 1881 (Berichte der König. Sachs. Gesellschaft, 1881).
- Ljubić S.** Rukoviet jugo-slavenskih listina (грамоты XV — XVIII в.), (Starine X).
- Макушевъ В. В.** 1) Прилози к српској исторіи 14 и 15 века (Гласник XXXII); 2) Рукопись сербскаго деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (Рус. Фил. Вѣст., 1881); 3) О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библиотеки въ Бѣлградѣ. II. Рукописи сербскаго письма (Р. Фил. Вѣст., 1882).
- Maretić T.** Lekcionarij Bernardina Splječanina. Po prvom izdanju od god. 1495. Izdala Jugo-slav. akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1885.
- Мартиновъ И.** 1) Бдинскій Сборникъ, 1360, рукопись Гентской библиотеки, Спб., 1881 (Памятники древней письменности, 1881, № 14); 2) Житіе св. Симеона сербскаго, Спб., 1880 (Памятники древн. письменности, № 3).
- Миклошичъ Фр.** 1) Apostolus e codice monasterii Šišatovacensis, 1853; 2) Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858; 3) Psaltir s tumačenjem pisan 1346 za Branka Mladenovića. U Zagrebu, 1872 (Starine IV); 4) Lex Stefani Dušani. Fasciculus prior textum continens, 1856; 5) Die Serbischen Dynasten Crno-

jević. Ein Beitrag zur Geschichte von Montenegro. Wien, 1886 (письма XVI в.).

Милојевић М. С. Дечанске хрисовуље. Београд, 1880 (Гласник XII, другог оделъка).

Милићевић М. Сврљишки одломци јеванђеља и запис од год 1279 (Гласник XX).

Milčetić Iv. Prilozi za literaturu hrvatskih glagolskih spomenika. U Zagrebu, 1890 (Starine XXIII).

Невоструевъ К. 1) Двије старинске српске молитве (Гласник XX).

Новаковић Ст. 1) Прилог српској историји око 1790 (Гласник XX); 2) Хрисовуља краља Милутина (тамъ - же); 3) Служба и живот св. Ђорђа Кратовца. По рукопису XVII в. (Гласник XXI); 4) Нешто о везу Лазару. По рукопису XVII в. (тамъ - же); 5) Прилози к историји српске књижевности. По рукопису XVI—XVII в. (Гласник, XXII, XXV, XXIX, XXXI, XXXII); 6) Повеља краља босанскога Стјепана Остоје војводи Хрвоју и сину му Баоши од 1400 (Гласник XXIII); 7) Писмо св. Саве од 1193, или уговор којим је од Светогораца купио земљу за виноград Хиландарски (Гласник XXV); 8) Хрисовуља Душанова од 20 сент. 1351 (Гласник XXVII); 9) Из Хронике деспота Ђурђа Бранковића, с додатком некојих докумената који се њега тичу (Гласник XXXIII); 10) Стари српско - словенски буквар, с неколиким белешкама за историју буквара у опште (Гласник XXXIV); 11) Два прилога к српским старинама. I. Звона градачка. II. Хрисовуља краља Стефана Душана манастиру Тресковачком (Гласник XLI); 12) Српски поменици 15 до 18 века (XLI); 13) Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности (Гласник IX, друг. оделъка, 1878); 14) Dvanaest petaka. U Zagrebu, 1872 (Starine IV); 15) Odlomak srpskoga ljetopisa (Starine VI); 16) Apokrif jednoga srpskog ćirilovskog zbornika XIV vieka (Starine VIII); 17) Srpsko-slovenski zbornik iz vremena despota Lazarevića (Starine IX); 18) Članci hronografa trojadika o Srbima i Bugarima ркп. XV в., (Starine X); 19) Apokrifno protojevangjelje Jakovljevo ркп. XV в. (тамъ-же); 20) Afroditijana Persijanca priča o rogjenju Hristovu (тамъ-же); 21) Apokrifna priča o Jovu (тамъ - же); 22) Narodna predanja o boju Kosovskom pobilježena prve pole XVIII vieka (тамъ-же); 23) Teodosija mniha Hilandarca pohvala svetome Simeunu i Savi (Starine XI); 24) Physiologus. Слово о вештехъ ходештихъ и летештихъ (тамъ-же); 25) Dva crnogorska pisma 1792, 1829 (тамъ-же); 26) Teodosija mniha Hilandarca djelo o Petru Koriškom ркп. XV в. (Starine XVI); 27) Život srpskoga patrijarha Jefrema (тамъ - же); 28) „Carostávník“ Narodne

Biblioteke u Beogradu (тамъ-же); 29) Odlomci srednjevjekovne kosmografije i geografije (тамъ-же); 30) Apokrifi iz štampanih zbornika Voždara Vukovića (тамъ-же); 31) Apokrif o Enoche рп. XVI в. (тамъ-же); 32) Priča o Antihristu (тамъ-же); 33) Apokrifi Kijevskoga rukopisa рп. XVI в. (тамъ-же); 34) Trebinje, Tvrdoš i Savina. Pisma iz hraniocе manastira Savine s nekolikim primetbama XVII—XVIII в. (тамъ-же); 35) Apokrifski zbornik našega vijeka (Starine XVIII); 36) Zapisi od grada, moljca i crvi po pivama (тамъ-же); 37) Apokrifске рриче о Bogorodičinoj смрти и još неке sitnice apokrifске о Bogorodici (тамъ-же); 38) Otkrivenje Vaguhovo (тамъ-же); 39) Примери књижевности и језика старога и српско-словенскога. Београд, 1877. Друго издање, 1889; 40) Светостефанска хрисуваља краља Милутина. У Београду, 1890 (Српска краљевска Академија. Споменик IV. Тотъ же памятникъ изданъ и Ягичемъ см. ниже); 41) Хрисуваља цара Стефана Душана гробу майке му краљице Теодоре. У Београду, 1891 (Српска Краљ. Акад. Споменик IX); 42) С археолошке изложбе у Кијеву. Београд, 1874; 43) Законик Стефана Душана, цара српског. Београд, 1870.

Общество любителей древней письменности. Лѣтовникъ съкращенъ ѿ различныхъ лѣтописецъ же и повѣданъи, избранъ и съставленъ отъ Георгіа грѣшнааго инока. Факсимиле рукоп. 1386 г. (Изд. Общ. № 26, 56, 69).

Р а в и ć А. Regule sv. Benedikta, рп. XIV в. глагол. (Starine VII).

Р а г ĉ и ć С. Appendi ad missale Romano-slavonicum anni MDCCXLI Romae, ex typographia polyglotta 1881.

Петровскій М. 1) Сказаніе о возстановленіи иконопочитанія (по сербской рукописи XV в.) Казань (Православный Собесѣдникъ 1886); 2) Анастасій Синаитъ. Слово на Преображеніе (тамъ-же); 3) Сказаніе Константинопольскаго патриарха Нектарія о Θεодорѣ Тиронѣ (тамъ-же 1887); 4) Поученіе Василя Великаго въ память сорока мучениковъ (Рус. Фил. В., 1886, т. XV).

П а в л о в и ћ Ив. 1) О св. Луци и пренашању његовог тела. Рукопис српски друге половина XV века (Гласник 41); 2) Српска писма у француским архивама (тамъ-же); 3) Житија краљ српских (Гласник VII други део).

Р о л и њ к а G. Opisi i izvodi iz nekolika jugo-slavenskih rukopisa u Prahu („Nomosanon cum parergis“ XV в. Starine, XVI, XXII).

Ш у ц и ћ М е д о. Споменици српски. I—II, 1863.

Р а ĉ к и Fr. 1) Starohrvatski glagolski nadpis u crkvi sv. Lucije kod Boške na Krku (Starine VII); 2) Dopisi izmedju krajiskih turskih i hrvat-

skih častnika. Документы XVI—XVII в. (Starine, XI, XII); 3) Najstarija hrvatska cirilicom pisana listina (XII—XIII в.). U Zagrebu, 1881 (Starine XIII); 4) Povelja bosanskoga kralja Tvrtka od god. 1366 (Starine XXI).

Relkovich M. A. Nova Slavonska i Nimacska gramatica. Neue Slawonische und Deutsche Grammatik. Agram, 1767, 2-е изд. Wien, 1774, 3-е изд. 1789.

Руварац Ил. (архимандритъ). 1) Натпис у цркви села Богдашића близу Котора (Гласник XXI); 2) Житије цара Уроша, од Паисија Пећског патријарха (Гласник XXII); 3) Бегство патријарха Арсенија IV, по опису његова протосинђела Партенија (тамъ-же); 4) О парису на епитрахиљу (Rad XVI).

Соколовъ М. И. Материалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. В. I, М., 1888 (Сербскій Сборн. XIII—XIV в.).

Срезневскій И. И. 1) Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ 1864 (Христіанскія Древности и Археологія, Прохорова, 1864, вн. 7—11); 2) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, 2 ч., 1867—1876 (Особ. важны № XII—книга Евангельскихъ чтеній XII в. № XLVI—Мирославово Евангелие); 3) Крмчаја књига српскога писма XIII—XIV вијека (Starine III).

Срећковић П. 1) Двије старинске молитве српске (Гласник XX); 2) Родословије сербскихъ царей (Гласник XXI); 3) Зборник попа Драгаља ркп. XIII—XIV (Српска Краљевска Академија. Споменик V); 4) Неколико српскихъ споменика, 1892 (Споменик XV).

Стојановић Л. 1) Српски родослови и летописи (Гласник LIII); 2) Неколико рукописа из царске библиотеке у Бечу. Ркп. XVI—XVII в. (Гласник LXIII); 3) Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типиси, поменици, записи и др. 1890 (Споменик III); 4) Мирослављево јеванђеље (одломци). У Београду, 1893 (Споменик XX); 5) Сербское описаніе Святыхъ Мѣстъ, составленное въ первой половинѣ XVI ст. (Православный Палестинскій Сборникъ, 1886, в. 4); 6) Nekoliko srpskih ljetopisa (Starine XIII); 7) Jeden prilog k poznavanju bosanskih bogumila (Starine XVIII).

Stari pisci hrvatski. Izdaje Jugo-slavenska Akademije znanosti i umjetnosti. Knj. I—XIX. U Zagrebu, 1869—1892.

Statuta lingua croatica conscripta. Hrvatski pisani zakoni: Vinodolski, Polički, Vrbanski, donekle i svega krčkoga otoka, Kastavski, Vepri-nački i Trsatski. Uredili Fr. Rački, V. Jagić, I. Crnčić. U Zagrebu, 1890.

- Успенскій **Ө. И.** Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в. Одесса, 1883 (Хиландарскій практикъ, Опись владѣній Тетовскаго мон.).
- Флоринскій **Т.** 1) Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб., 1886; 2) Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы, Сербскій законникъ, Сборники византійскихъ законовъ. К. 1888.
- Črnič **И.** Rimsko - slovinska služba sv. Kirilu i Metodu. U Zagrebu, 1882 (Starine XIV).
- Šafařík **Р. J.** 1) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. V Praze, 1851, 2-е изд. 1873; 2) Památky hláholského písemnictví. Praha, 1853.
- Шарик **Я.** 1) Србска диплома султана Селима са снимком, 1517 г. (Гласник IV); 2) Описаніе свію досад познаты србски новаца и Додатак к описанію (Гласник III, V—IX); 3) Житіе Стефана Оуроша, списано Григориємъ Мнихомъ (Гласник XI); 4) Хрисовула цара Стефана Душана, коіом оснива монастир св. Арх. Михаила и Гавриила у Призрену, год 1348 (Гласник XV); 5) Живот деспота Стефана Лазаревича (Гласник XXVIII).
- Шапчанин **Милорад.** Летопис Раванички (Гласник XX).
- Јагиć **V.** Primjeri starohrvatskoga jezika. Zagreb, 1866; 2) Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. U Zagrebu, 1868; 3) Oglеди stare hrvatske proze (рпк. XV в.). U Zagrebu, 1869 (Starine I); 4) Život Aleksandra Velikoga (Starine III); 5) Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa (Starine V, VI, IX, X): a) Tipik Romanov (рпк. XIV в.); б) Nedjelna propoviedanja Konstantina prezvitera bugarskoga po starosrpskom rukopisu XIII vieka; в) Novi prilozi za literaturu biblijskih apokrifa; г) Krmčaja ilovička godine 1262; д) Sitna gradja za crkveno pravo (рпк. XIV в.); е) Odlomak srpsko-slovenskog apostola Teodorova od god. 1277; ж) Odlomak Radinova srpsko-slovenskog jevangolja od god. 1308; з) Odlomak grčko-slovenske liturgijske knjige (XIII — XIV в.); и) Odlomak jevangolja bosanskoga pisanja; ѝ) Sredovječni liekovi, gatanja i vraćanja (рпк. XV в.) 6) Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung 1877 (Archiv II); 7) Condemnatio Uvae. Ein serbisch-slovenische Text verglichen mit der griechischen Originalerzählung 1876 (Archiv I); 8) Константин философ и његов живот Стефана Лазаревича, деспота српског (Гласник XLII); 9) Законъ Винодольскій, подлинный текстъ, съ русскимъ переводомъ, критическими замѣчаніями и объясненіями, Спб., 1880 (Изд. Общ. Люб. древней письм., № 54); 10) Статутъ острова Крка 1388 (Изд. Общ. Любит. древн. письм., № 44); 11) Светостефански хрисовуль краља Стефана Уроша

П Милутина. Из старог Сараја изнесла на свијет земаљска влада за Босну и Херцеговину. Са 4 снимка. У Бечу, 1890. Ср. Archiv XIII, 253; 12) Missale Glagoliticum Hervojae ducis Spalatensis. Vin-dobonnae, 1891 (Ср. статью Т. Флоринскаго въ Унив. Изв. 1892); 13) Статут Пољички (Monumenta historico-juridica. Izd. Jugo-slav. Akad. IV. Ср. выше Statuta); 14) Ein Glagolisches Manuscript in Parto (Archiv VIII, 517); 15) Katharinen-Legende in altkroatischer Fassung (Archiv IX); 16) Разум и философија из српских књижевних старина. Београд, 1892 (Српска Краљевска Академија. Споменик XIII); 17) Prilog za glagoljsku paleografiju (Rad II).

Ястребовъ И. С. Податци за историју српске цркве (надписи, грамоты). У Београду, 1879.

Vučetić. Pisma kalugjera srpskih manastira na Svetoj Gori knezu i vlasteli Dubrovačkoj (XVI—XVIII ст.). У Загребу (Starine XVII).

Kolunićev Zbornik, hrvatski glagolski rukopis od godine 1486. Izdala Jugo-slavenska Akademija znanosti i umjetnosti. У Загребу, 1892.

Зигель О. Законник Стефана Душана. Спб., 1872.

Ljubić S. Opis jugo-slavenskih novaca. У Загребу, 1875.

Кромѣ указанныхъ работъ и матеріаловъ данныя о памятникахъ сербскаго языка содержатъ извѣстныя описанія славянскихъ рукописей, хранящихся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ (Востокова. Викторова), въ Московской Синодальной Библиотекѣ (Горскаго и Невоструева), въ Собраніи Хлудова (А. Попова), въ Императорской Публичной Библиотекѣ (А. О. Бычкова) въ Троице-Сергіев. Лаврѣ (Арх. Леончда), Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ (Арх. Амфилохія и Леонида) и нѣкоторыхъ другихъ библиотекахъ и музеяхъ Россіи (напр. въ Киевскихъ Духовной Академіи и Церковно-Археологическомъ Музеѣ).

г) Словари и словарныя работы.

Fausti Verantii. Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, *Dalmaticae* et Ungaricae. Venetiis ap. Nic. Morettum 1595, 4°.

Thesaurus linguae *Illyricae*, sive dictionarium Illyricum, in quo verba Illyrica Italice et Latine reddantur labore P. Jacobi Micalia S. J. collectum et sumtibus sacrae cogr. de propag. fide impressum. Laureti, 1649.

Dizionario Italiano-Latino-Illyrico, cui si premettono alcuni avvertimenti per inscrivere e con facilità maggiore leggere le voci Illiriche, scritte con caratteri Italiani, ed anche una breve grammatika per apprendere con proprietà la lingua Illirica, con in fine l'indice Latino-Italico, opera del P. Ardelio Dellabella della compagnia di Giesù. In Venezia. 1728. Второе изд. (подъ ред. Pet. Bašića). Ragusa, 1785.

Joakima Stulli Dubrocsanina svechenika reda s. Franc. Seraf. Rjecso-
loxje, u komu donosu se upotreblenia, urednia, mucsnia istich jezika
krasnoslavlja nacsini, izgovaranja i prorjecsia. U Dubrovniku, 1806, 2
тома. Того-же автора: 1) Lexicon Latino-Italico-Illyricum. Pestanae,
1801 и 2) Vocabolario Italiano-Illyrico-Latino. Ragusa, 1810.

Jose Voltiggi. Ricoslovník (Vocabolario, Wörterbuch) Illiricskoga, Ita-
lianskoga i Nimacskoga jezika s jednom pridpostavljenom Grammati-
com ili pismenstvom. U Bescu, 1803.

Mathiae Petri Katancsich. Etymologicon Illyricum, ad leges philo-
logiae dialecto Bosnensi exactum, in quo vocabula tam domestica quam
peregrina, usu recepta, cum suis etymis afferuntur, illustrium gentis
scriptorum testimonio firmata, cum accuratu syllabularum dimensione, ad
calcem index latino-illyricus et quaedam grammaticae observationes,
Budaе а 1815 constanti ac petinaci studio elaboratum. Рукопись, хра-
нящаяся въ Университетской типографіи въ Пештѣ.

Караџић В. С. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским рјеч-
ма. Lexicon Serbico-Germano-Latinum. У Бечу, 1818, 2-е изд. 1852,
3-е изд. у Биограду, 1892 (ср. рец. Јагича Archiv XVI).

Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. 3 тома, 1863—
1864. У Биограду.

Лавровскій П. 1) Србско-рускій Словарь. Спб., 1870; 2) Русско-серб-
скій Спб., 1880.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Aka-
demija znanosti i umjetnosti. Sv. 1—13. U Zagrebu, 1880—1892 (Obr.
Daničić i Budmani).

Kurelc. Vlačke reči u jeziku našem (Rad XX).

Поповић Ђ. Турске и друге источанске речи у нашем језику. Грађа за
велики српски речник (Гласник LIX).

Sulek Bog. Jugoslavenski imenik bilja. U Zagrebu, 1879.

Kolombatović Juro. Imenik kraljevnika Dalmacije, I—II. Split, 1885—
1886.

Zoga L. Paljetkovanje (алфавитный указатель малоизвѣстныхъ или требу-
ющихъ объясненія словъ). U Zagrebu, 1892 (Rad CVIII, CX, CXIV).

Filipović Iv. Novi Rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezika. Zagreb,
1875—77.

д) Работы по сербо-хорватской діалектологіи.

Budmani P. Dubrovački dijalekat kako se sada govori. U Zagrebu (Rad
LXV).

Даничић Ђ. Разлике између језика српскога и хрватскога (Гласник IX).

- Живановић** J. Особине Ресавског или Косовопольског диалекта, 1882. У Ср. Карловцима (Програм српске православне велике гимназије Карловачке за школску годину 1881—82).
- Zima** L. Nekoje većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine. U Zagrebu, 1887.
- Kušar** M. Čakavske osobine u današnjem dubrovačkom dijalektu. U Dubrovniku, 1889 (Program C. K. velike državne Gimnazije u Dubrovniku za 1888—89).
- Leskien** A. 1) Ueber den Dialekt der „Narodne pripovietke iz hrvatskoga primorja“, gesammelt von Fr. Mikuličić, 1880 (Archiv V, 181); 2) Zur Kroatischen Dialektologie Dalmatiens (Sitzungsberichte der Kön. Sächs. Ges. d. Wissens, 1888).
- Miklosich** Fr. Eine Sprachprobe des Kroatischen Dialektes von Neupre-
rau bei Nikolsburg (Archiv XII, 317).
- Milaš** M. Današni trpański dijalekat. U Zagrebu, 1891 (Rad 103).
- Milčetić**. Das silbenbildende und Silbenschiessende *l* im Kroat. čadialekte (Archiv XI, 3).
- Nemanić** D. Čakavisch-Kroatische Studien. Wien, 1883—1884 (Sitzungs-
berichte d. k. Ak., 1883—1884).
- Rešetar** M. 1) Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen, 1890 (Archiv XIII); 2) Zur Aussprache und Schreibung des *ъ* im Serbo-Kroatischen (тамъ-же).
- Strohal** R. 1) Osebine današnjega riečkoga narječja. U Zagrebu, 1883 (Izvjēše Kraljevske velike gimnazije na Rieci koncem školske godine 1882—83; 2) Osebine današnjega stativskoga narječja. Zagreb, Karlo-
vac, I, 1887; II, 1888; III, 1889; IV, 1890; V, 1891 (Izvjēše Kr.
više realne gimnazije u Rakovcu, 1887—1891).
- Horvatić**. Eigenthümlichkeiten des čakavischen dialektes (Program des Gymnaziums zu Karlstadt). Agram, 1859.

е) Памятники народнаго сербо-хорватскаго языка.

I. По записямъ XVII—XVIII ст.

- Гильфердингъ** А. Θ. 1) Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, 1859 (Собраніе сочиненій, т. III. Спб., 1873); 2) Старинный сборникъ сербскихъ пословиць. Спб., 1868.
- Miklosich** Fr. Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. Volksepik der Kroaten. Wien, 1870 (Denkschriften d. W. Akademie, XIX).
- Богишић** В. Народне pjesme из старијих, највише приморскихъ записа. Књига I. У Београду, 1878 (Гласник II-ог одељка, X).

Кагаман. Marjanska Vila ili sbirka narodnih pjesama, sakupljenih u Spljetu, 1885.

Николић. Српске народне песме из Срјема, Лике и Босније. Нови Сад, 1889.

Glavić B. M. Narodne pjesme iz usta i rukopisa, I. U Dubrovniku, 1889

Pavić A. Dvije stare hrvatske narodne pjesme (Rad XLVII).

Vetler Th. Das Volkslied über Miloš Kobilić und Vuk Branković (Archiv VI).

II. По записямъ XIX ст.

Караџић В. С. 1) Мала престонародна славено - сербска песнарица. У Виенни, 1814; 2) Народна србска пѣснарица, часть втора. У Виенни. 1815; 3) Народне српске пјесме. Књига друга (Пјесне јуначке). У Липисци, 1823; Књига трећа, 1823. Књига четврта. У Бечу, 1833. Второе изданіе этого сборника: Српске народне пјесме. У Бечу. Књ. I, 1841, књ. II, 1845, књ. III, 1846, књ. IV (пјесме јуначке новијех времена) 1862, књ. V (Черногор. юнацкія пѣсни) 1865. Књига друга (најстарије пјесме јуначке), новое изданіе. У Бечу, 1875. Новѣйшее изданіе сборника пѣсенъ В. Караџича предпринято въ Бѣлградѣ, вышелъ пока первый томъ — Женске пјесме (Српске народне пјесме. Књ. I, у Биограду, 191. Ср. Archiv XV, 274); 4) Српске народне пјесме из Херцеговине (женске). У Бечу, 1866; 5) Народне Српске приповјетке, 1821 (Додатак къ ММ Новинъ Сербскихъ 89, 90, 91, 95, 98, 100); 6) Српске народне приповјетке. У Бечу, 1853. Друго умножено издање. У Бечу, 1870; 7) Народне српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. На Цетињу, 1836. Новое изданье у Бечу, 1849.

Милутиновић С. Пѣвања црногорска и херцеговачка. Пешт, 1833. Лейпцигъ, 1837 (нѣкоторыя пѣсни не народныя).

Тораловић. Tamburaši Ilirski. Osiek, 1842 (39 пѣсенъ).

Петровић Петръ владыка „Огледало Србско“ (Черногорскія юнацкія пѣсни). Београд, 1845.

Zupan L. Narodne pjesme. Izdanje svijuh dosad izdatih i više nikada još neizšavših pjesamah hrvatskih, dalmatinskih, bosanskih i srbskih. U Zagrebu, 1846 (Около 800 пѣсенъ, большая часть заимствована изъ сборниковъ В. Караџича).

Ljubić S. Običaji kod Morlakah u Dalmaciji. Zadar, 1846.

Илић Л. Народни Славонски обичаји. У Загребу, 1846, кн. II (130 пѣсенъ).

Kukuljević-Saksinski. Različita djela. Kn. II Pesme. S dodatkom narodnih pjesamah puka hrvatskoga. U Zagrebu, 1847.

- Влаић Т. Србскиј венац од народни србски исторически и наравоучителни прича, песама, басни, пословици и заговетки исплетен. Биоград, 1850.
- Jukić i Martić. Narodne pjesme Bosanske i Hercegovacke. Skupili Ivan Franjo Banjalučanin i Ljubomir Hercegovac. Sv. prvu. Pjesme junačke. U Osieku, 1858.
- Поповић А. Песме разне јуначке народне. Биоград, 1857.
- Поповић Ст. Црногорске гусле или народне пиесме, приче, подскочице и напјалице. Биоград. 1858.
- Valjavec Mat. Narodne pripoviedke skupio u i oko Varaždina M. V. U Varaždinu, 1858. 2-е изд. U Zagrebu, 1890.
- Станковић. Србске народне пјесме, 1862.
- Бошковић Ст. Бачванске песме. Нови Сад, 1863. 2-е изд. 1879.
- Р. Г. Банатске песме. Нови Сад, 1863. 2-е изд. 1866.
- Marjanović. Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u gornjoj Hrvatskoj krajini i u Turskoj Hrvatskoj. Sv. I. U Zagrebu, 1864.
- Juranić A. Vienčić narodnih pjesama Zadar, 1865.
- Kurelac. 1) Bunje i pahulice, pesnie porugljive i pastirske, ponajvece Dubrovačke. Zagreb, 1866—68; 2) Jačke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka Hrvatskoga po župah Šoprunskoj, Mošonjskoj i Železnoj na Ugrih. Zagreb, 1871.
- Петрановић Богољуб. 1) Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске песме. Београд, I 1867, II 1870; 2) Српске народне пјесме из Босне. У Сарајеву, 1867 (Женскія пјѣсни).
- Stojanović M. Ručke pripoviedke i pjesme. Zagreb, 1867.
- Narodne pjesme. Izdala Matica Dalmatinska. Zadar, 1868 (Перепечатки пјѣсенъ изъ другихъ сборниковъ).
- Plol Gerdvigov. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke u Vrbovcu. I 1868, II 1869, III 1876 (на кайкавскомъ нар.).
- Рајковић. Српске народне песме (женске). Нови Сад, 1869.
- Стојадиновић. Српске народне песме. I—II. У Биограду, 1869.
- Милосављевић М. Песме народне. У Биограду, 1869.
- Станић М. 1) Српско-народне песме и народне приповедке. Београд, 1869; 2) Српске народне песме (јуначке). Београд, 1870; 3) Царица Милица. Песме из Старога Влаха. Београд, 1871; 4) Драгалевка, Песме и приповедке. Београд, 1872.
- Милојевић М. С. Песме и обичаји укупног народа српског. У Београду, I 1869, II 1870, III 1875 (некритическое изданіе).
- Алексић. Српске народне јуначке песме и народне приповедке. Београд, 1871.

- Д а н и ч и ћ Њ. Poslovice. U Zagrebu, 1871.
- Р а д и ч е в и ћ Ф. Гусле црногорске. Београд, 1872.
- Р и с т и ћ К о с т а. Српске народне песме, покупљене по Босни. Београд, 1873.
- П о п о в и ћ А л е к с а. Народне јуначке песме. У Београду, 1874.
- М у ш и ц к и Б р а н к о. Српске народне песме. Скупио их у Срему В. М. Панчево, 1875.
- М и к у л и ћ и ć. Narodne pripovietke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. Kraleвица, 1876.
- Н а к о в и ć М. Jačkar, narodne jačke pjesme. Ugor. Starograd, 1876.
- М а ж у р а н и ć S t. Hrvatske narodne pjesme, sakupljene stranom po Primorju a stranom po granici. Seń, 1876.
- К у х а Ć F r. Južno-slovenske narodne popievke, većim ih dielom po narodu sam sakupio, ukojdio, glasovirsku pratnju udesio, te izvorni im tekst pridodao. Zagreb, I 1878, II 1879, III 1880, IV 1881.
- Б о г и ш и ћ В. Народне pjesме из старијих, највише приморских записа. Књ. прва. Са расправом о бугарштицама и с рјечником. У Београду, 1878. Ср. выше.
- Р а в л и н о в и ć М. Narodna pjesmarica, izd. Matica Dalmatinska. Zadar, 1879.
- Н р в а т с к е н а р о д н е п ј е с м е, што се пјевaju у Istri и на Kvarnerskih otocih, preštampane из „Naše Sloge“. Trieste, 1879.
- К р а с и ћ В. Српске народне pjesме старијег и новијег времена. Панчево, 1880.
- Ф и л и р о в и ć. Kraljević Marko u narodnih pesmah. U Zagrebu, 1880, 2-e изд. 1891.
- Д ж у р и ћ Л е п а в и ћ. Песме самоуког песника ратара Карловичког. Нови Сад, 1881.
- Т о г д и н а с N. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke из Bosne. Vukovar, 1883.
- Д а в и д о в и ћ С. Н. Српске народне pjesме из Босне (женске). Панчево, 1884.
- К а р а т а п. Marjanska Vila или sbirka narodnih pjesama, sakupljenih у Spljetu. Spljet, 1885.
- Б е г о в и ћ Н. Српске народне песме из Лике и Баније. Загреб, 1885.
- К р а u s s F r. 1) Tri riječi Hercegovaca. U Mostaru, 1885; 2) Pandžić Huso i Pavečić Luka pobra. Pjesan naših Muhamedovaca. U Mostaru, 1885; 3) Smailagić Meho. Pjesan naših Muhamedovaca. U Dubrovniku, 1886.
- М и р к о в и ћ П. Српске народне pjesме (герзовске и ђевојачке) из Босне, Панчево, 1886.

Влагаяѣ Каміло. Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke iz Bosne. U Zagrebu, 1886.

Ястребовъ И. С. Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ въ Призренѣ, Иекѣ, Моравѣ и Дибрѣ. Спб., 1886. 2-е изд. 1889.

Junačtvo i mejdan kapetana Sorića i Kukulića Alage. Izd. Matica Hrvatska, U Zagrebu, 1887.

Освјетникъ Милан. Разне српске народне пјесме. Сакупио по Боци Которској и околина Дубровачкој и тумач додао М. О. Нови Сад. 1888.

Нѳршанп К. Narodne pjesme Mohamedovaca u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, I 1888, II 1889.

Николић А. 1) Српске народне песме. Нови Сад, 1888; 2) Српске народне песме из Срема, Лике и Баније. Нови Сад, 1889.

Главић Валде. Narodne pjesme iz usta i rukopisa I. U Dubrovniku, 1889.

Врчевић Вук. 1) Херцеговачке народне пјесме (које само Срби Мухамедове вјере пјевају). У Дубровнику, 1890; 2) Narodne pripovietke, ponajviše kratke i šajlive. U Dubrovniku, 1887 (Nar. Bibl. XXIII); 3) Narodne basne, sakupio ih po Boki, Crnoj gori, Dalmaciji u najviše po Hercegovini V. V. U Dubrovniku, 1883 (Nar. Bibl. XIII); 4) Narodne pripoviesti i presude iz života po Boki Kotorској, Hercegovini i Crnoj gori. Dubrovnik, 1890.

Народно Благо, по Босни, Херцеговини и сусједним крајевима сакупио Мех-мед-бег Капетановић-Лјубушаѣ. Сарајево, 1886.

Косовска споменица 1389—1889. Бој на Косову године 1389 у народним песмама. Београд, 1889.

Новиковић Ст. Српске народне загонетке. Панчево, 1877 (Издање задужбине Чулићеве).

Вукочић М. Sbirka zagonetaka. Zagreb, 1890.

и) Периодическія изданія, въ которыхъ содержатся тѣ или другія данія для изученія сербо-хорватскаго языка.

1) „Сербскій лѣтописъ“ (съ 1825 г.) въ послѣдствіи „Летопис матице српске“ (изд. въ Новомъ Садѣ, до 1893 г. вышло 174 кн.).

2) „Гласник Дружтва србске словесности“ (съ 1847 г.), въ послѣдствіи „Гласник српског ученог друштва“ (изд. въ Бѣлградѣ, 75 кн. 1892).

3) „Arkiv za pověstnicu jugo-slavensku“, uredio Ivan Kukuljević Sakcinski. U Zagrebu (1851—1872).

4) „Književnik“. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znanosti. Podporom Matice ilirske uredjuju i izdaju Dr. Fr. Rački, V. Jagić, J. Torbar. U Zagrebu (1864—1866).

- 5) „Rad jugo-slavenske Akademije znanosti i umjetnosti“ (изд. въ Загребѣ, съ 1867 г., 115 кн.).
  - 6) „Starine“, izdaje Jugo-slavenska Akademija znanosti i umjetnosti (Загребъ, 26 кн., 1893).
  - 7) „Vjestnik hrvatskoga arkeologičkoga Društva“ (Загребъ, съ 1879 г.).
  - 8) „Старинар српског археолошког друштва“ (Бѣлградъ, съ 1883 г.).
  - 9) Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini (Сараево, съ 1889 г.).
- Въ послѣднихъ трехъ археологическихъ журналахъ напечатано значительное количество древнихъ сербо-хорватскихъ надписей.
- 10) „Глас“ Српске Краљевске Академије (Бѣлградъ, съ 1887 г.).
  - 11) „Споменик“ Српске Краљевске Академије (Бѣлградъ, съ 1887 г.).
  - 12) „Просветни Гласник“, службени лист министарства просвете и црквенихъ послова краљевине Србије (Бѣлградъ, съ 1880 г.).
  - 13) „Наставник“, лист професорскога друштва (Бѣлградъ, съ 1890).
  - 14) „Nastavni vjesnik“, časopis za srednje škole (Загребъ, съ 1892 г.).
  - 15) Годишњица Николе Чупића (Бѣлградъ, съ 1877 г. Кн. I—XII).
  - 16) Danica Hirska (Загребъ, 1833—1849; 1853).
  - 17) „Kolo“ (Загребъ, 1842—1853).
  - 18) „Бачка Вила“ (Новый Садъ, 1844).
  - 19) „Зора Далматинска“ Задръ, 1844—1848.
  - 20) „Сербско-Далматинскій Магазинъ“ (Задръ, 1836—1867).
  - 21) „Вила“ (Бѣлградъ 1866—1868).
  - 22) Vijenac zabavi i pouci (Загребъ, съ 1869).
  - 23) „Dubrovnik“ (Дубровникъ, 1849—50).
  - 24) „Јавор“ Лист за забаву, науку и књижевност (Новый Садъ, 1874—1892).
  - 25) „Отаџбина“. Књижевност, наука друштвени живот (Бѣлградъ, 1882—1892 г.).
  - 26) „Босанска Вила“, лист за забаву, поуку и књижевност (Сараево, съ 1886 г.).
  - 27) „Slovinac“, list za književnost umijetnost i obrtnost (Дубровникъ, 1878—1884).
  - 28) „Стражилово“, лист за забаву, поуку и књижевност (Новый Садъ, 1887—1892).
  - 29) „Нова Зета“, мјесечни књижевни лист (Цетинье, съ 1889).
  - 30) „Iskra“, list za književnost i umjetnost (Задръ, 1891).

2. Площадь сербо-хорватскаго языка.

Сербо-хорватскимъ языкомъ говоритъ славянскій народъ, обитающій въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, между Дунаемъ и Адриатическимъ моремъ, между рр. Савой и Дравой, а также кое-гдѣ по лѣвому берегу Дравы, по лѣвому берегу Дуная на протяженіи отъ устья р. Пека до Могача, по низовьямъ р. Тисы, въ восточной части полуострова Истріи и на многочисленныхъ островахъ Адриатики, прилегающихъ къ Приморью и Далмаціи. Точнѣе (но все же только приблизительно вѣрно) площадь сербо-хорватскаго языка можно опредѣлить слѣдующею пограничною линіей. Начинаясь отъ устья р. Драгони въ Истріи, она направляется вдоль побережья Адриатическаго моря почти до устья Бозны въ Албаніи. Отсюда линія идетъ по западному берегу Скадарскаго озера, въ сѣверной части его сворачиваетъ на В и ЮВ и долиной р. Зеты, черезъ города Гусинье, Дьякову доходитъ до Призрена; затѣмъ поворачиваетъ на СВ и С, горами, расположенными на лѣво отъ Болгарской Моравы, направляется къ Нишу, черезъ Нишевцы къ Тимоку, и Тимокомъ достигаетъ Дуная выше Видина. Отсюда пограничная черта идетъ нѣсколько южнѣ праваго берега Дуная, занятаго Румынами, и потомъ поворачиваетъ на СЗ и снова подходит къ Дунаю у устья Поречки. Далѣе она переходитъ черезъ Дунай и въ сѣверномъ направленіи тянется черезъ Бѣлую Церковь и Темешварь до Арада; здѣсь поворачиваетъ на З къ Сегедину и Баѣ, и затѣмъ на Ю, черезъ Мухачъ и Шиклошь къ Дравѣ, идетъ Дравою до границы Штиріи, при чемъ захватываетъ нѣсколько поселеній на лѣвомъ берегу Дравы и Муры, наконецъ, вдоль границъ Штиріи и Крайна возвращается къ устью Драгони въ Истріи.

Въ этихъ предѣлахъ площадь сербо-хорватскаго языка обнимаетъ немного болѣе 4,000 квадр. миль и, слѣдовательно, почти равняется площади болгарскаго языка. Въ политическомъ отношеніи она не представляетъ одинаго цѣлаго и раздѣлена между двумя независимыми южно-славянскими государствами, Турціей и Австро-Венгріей. Именно, на территоріи сербо-хорватской расположены: Сербское королевство и Черногорское княжество; турецкія провинціи — Новобазарскій и Призренскій пашалыки съ Косовымъ Полемъ (т. н. Старая Сербія), бывшія турецкія области — Боснія и Герцеговина, отписанныя къ Австріи (по Берлинскому трактату) для временной оккупациі,

цислейтанскія (т. е. собств. австрійскія) провинці Истрія и Далмація; транслейтанскія (т. е. венгерскія) провинці Хорватія, Славонія, Срѣмъ, Бачка, Банатъ и Приморье. Австріи же принадлежатъ прилегающіе къ славянскому берегу Адриатики многочисленныя острова, заселенныя сербо-хорватскимъ народомъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Рабъ, Керкъ, Велья, Оссоръ, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула. За границами указанной территоріи сербо-хорватская рѣчь слышится въ Угріи въ отдѣльныхъ селахъ дальше на сѣверъ до Пресбурга (Пожовъ) и Пешта, кое-гдѣ въ при-Дунайской Румыніи, въ Западной Болгаріи и Македоніи, въ Россіи (Херсонской губ.) и Америкѣ.

Съ двухъ сторонъ сербо-хорватскій языкъ сосѣдитъ съ родственными славянскими языками, на востокѣ съ болгарскимъ, на западѣ— со словинскимъ (хорутанскимъ). Точно разграничить его съ этими сосѣдями трудное дѣло; съ каждой стороны существуютъ переходные говоры, приурочиваніе которыхъ въ тому или другому языку служитъ предметомъ спора между мѣстными патриотами и филологами. Выше было указано на переходныя сербо-болгарскіе говоры. Также и на западѣ, въ Хорватіи, наблюдается кайкавское нарѣчіе, которое служитъ переходнымъ говоромъ отъ сербо-хорватскаго языка къ словинскому и приурочивается то къ одному изъ этихъ языковъ, то къ другому. Равнымъ образомъ и на сѣверѣ, въ разсѣянныхъ славянскихъ поселкахъ подъ Пресбургомъ и Пештомъ, сербо-хорватская рѣчь встрѣчается со славянскимъ родичемъ — языкомъ словацкимъ или словенскимъ, принадлежащимъ къ сѣверо-западной вѣтви славянскихъ языковъ. Независимо отъ славянскихъ языковъ сербо-хорватская рѣчь на длинномъ протяженіи своей пограничной линіи сосѣдитъ или встрѣчается съ значительнымъ количествомъ иноплеменныхъ языковъ, именно: албанскимъ (со стороны Черногоріи и Старой Сербіи) и итальянскимъ (въ Далмаціи и Истріи) на югѣ, румынскимъ (со стороны Баната) на сѣверо-востокѣ, мадьярскимъ (вообще въ Угріи) на сѣверѣ, нѣмецкимъ — на сѣверо-западѣ (въ Хорватіи) и турецкимъ на юго-востокѣ (въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи).

Границы сербо-хорватской территоріи, конечно, измѣнялись въ историческое время, но измѣненія эти въ концѣ концовъ не произвели замѣтнаго увеличенія или уменьшенія площади территоріи. Такъ въ періодъ существованія сербскаго государства Неманичей (XIII—XIV в.) сербская рѣчь распространялась дальше на юго-востокѣ, къ

Македоніи; въ турецкое же время, особ. въ XVII—XVIII, вслѣдствіе выселенія Сербовъ изъ странъ, прилегающихъ къ Косову полю, границы ея на юго-востокѣ суживались. Зато онѣ расширились на сѣверѣ въ предѣлахъ Угріи, куда преимущественно выселились сербскіе эмигранты, спасавшіеся отъ турецкихъ насилій.

Сербо-хорватскій народъ разъединенъ не только въ политическомъ отношеніи, но и культурномъ. Одна часть его (большая) принадлежитъ православному міру, другая—католическому, третья исповѣдуетъ магометанство. Въ однихъ частяхъ сербо-хорватской территоріи господствуетъ западная образованность, въ другихъ—славянская первобытная простота, въ третьихъ замѣтно турецкое вліяніе. Соответственно такому разъединенію отдѣльныя вѣтви одного народа въ разныхъ мѣстахъ носятъ разныя названія: Сербы, Шумадинцы, Черногорцы, Босняки, Герцеговинцы, Далматинцы, Морлаки, Славонцы, Хорваты, Граничары (прежде) и др. Но всѣ онѣ говорятъ однимъ языкомъ, представляющимъ сравнительно (напр. съ болгарскимъ или словацкимъ), незначительное число діалектическихъ различій. Языкъ этотъ удобнѣе всего назвать сербо-хорватскимъ, такъ какъ наименованія *Сербовъ* и *Хорватовъ* служатъ общеупотребительными обозначеніями всего народа, первое—восточной его части, второе—западной.

Общая численность населенія, говорящаго сербо-хорватскимъ языкомъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ составляетъ 6,179,000. Цифра эта распредѣляется такимъ образомъ: въ Сербскомъ Королевствѣ 1,646,000, въ Черногорскомъ княжествѣ — 260,000, въ Босніи и Герцеговинѣ 1,197,000, въ Австро-Угріи—2,960,000, въ Турціи—50,000, въ Румыніи—45,000, въ Болгаріи 2,000, въ Россіи—8,000, въ Италіи—1,000, въ Америкѣ—10,000.

При опредѣленіи границъ сербо-хорватской рѣчи приняты во вниманіе слѣдующія карты: 1) Czoernig, Die Vertheilung der Völkerstämme in Oesterreich. Wien, 1856; 2) H. Kiepert, Ethnographische Uebersichtskarte des Europäischen Orients (1876—1882) Berlin. Verlag v. Reimer; 3) A. Ficker, Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860; 4) H. Kiepert, Völker—und—Sprachen-Karte von Oesterreich und den Unter-Donau-Ländern. Zweite Auflage. Berlin. Verlag von Reimer; 5) Sax, Ethnographische Karte der Europäischen Türkei und ihrer Dependenz zu Anfang des Jahres, 1877 (Mittheilungen der K. K. geograph. Gesellschaft in

Wien, 1878, Bd. XXI); 6) R. v. Le Monnier, Sprachen-Karte von Osterreich-Ungarn. Wien, 1888. Verlag von Ed. Hölzel.

3. Судьбы сербо-хорватского языка.

Происхожденіе сербо-хорватскаго языка скрыто въ глубокой древности. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Сербо-Хорваты переселяясь (по свидѣтельству Константина Порфиророднаго) въ VII в. изъ при-Карпатскихъ земель на Балканскій полуостровъ, уже представляли извѣстную этнографическую индивидуальность и говорили своимъ особымъ языкомъ, отличнымъ отъ языка другихъ славянскихъ вѣтвей. Съ другой стороны вполне вѣроятно, что въ новыхъ жилищахъ переселенцы нашли болѣе или менѣе значительные остатки прежнихъ обитателей: туземныхъ Иллировъ, болѣе раннихъ „словѣнскихъ“ колонистовъ и кочевыхъ Аварь. Сербо-Хорватамъ предстояло претворить въ своей пародности всѣ эти этнографическіе элементы, которые въ свою очередь не могли не оказать извѣстнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе сербо-хорватскаго языка: окончательная выработка его въ тотъ опредѣленный характерный типъ, который возстаетъ по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, нужно думать, произошла на новой территоріи, занимаемой племенемъ и въ настоящее время, въ періодъ VII—IX ст. Приблизительно къ этой же порѣ, вѣроятно, нужно отнести возникновеніе въ зародкѣ главнѣйшихъ нарѣчій сербо-хорватскаго языка: штокавщины (восточн.), чакавщины (въ Приморьѣ) и кайкавщины (въ сѣверо-западной Хорватіи). Въ этомъ процессѣ дальнѣйшей дифференціаціи языка независимо отъ указаннаго то болѣе, то менѣе сильнаго вліянія мѣстныхъ этнографическихъ элементовъ, могли дѣйствовать и многія другія причины, напр. условія географическія, историческія обстоятельства и т. п.

О состояніи сербо-хорватскаго языка въ этотъ древнѣйшій періодъ приходится судить по очень немногимъ, въ высшей степени скуднымъ даннымъ. Письменные памятники на *славянскомъ* языкѣ у Сербо-Хорватовъ начинаются только съ XII ст. Правда, западная часть народа (собств. Хорваты), гораздо раньше этого времени (съ IX в.) образовала значительное государство и, подвергшись вліянію міра романо-германскаго, усвоила его образованность, а равно обзавелась

письменностью, но эта образованность и письменность были латинскія: грамоты хорватскихъ князей, древнѣйшія хорватскія лѣтописи писаны по латыни. Впрочемъ, имѣется одно прямое указаніе на то, что въ XI ст. въ хорватскомъ государствѣ грамоты писались и на славянскомъ языкѣ; въ сожалѣнію ни одна изъ нихъ не сохранилась до нашего времени. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о сербо-хорватскомъ языкѣ до XII ст. служатъ отдѣльныя слова (имена мѣстныхъ, личныхъ и немногія нарицательныя), сохраненныя латинскими и византійскими лѣтописцами, или занесенныя въ латинскія грамоты сербо-хорватскихъ князей и королей. Тщательный выборъ этихъ словъ сдѣланъ знаменитымъ П. Шафарикомъ въ его „Исторіи южно-славянскихъ литературъ“¹⁾, а разъясненіе многихъ изъ нихъ дано въ другомъ, болѣе раннемъ, трудѣ того же ученаго *Serbische Lesekörner* (1833).

Какъ ни скуденъ этотъ матеріалъ, онъ даетъ извѣстную возможность сдѣлать опредѣленныя заключенія о нѣкоторыхъ особенностяхъ сербо-хорватскаго языка IX—XI в. Важнѣйшія изъ нихъ оказываются тѣже самыя, какими этотъ языкъ характеризуется по сравненію съ другими славянскими языками въ позднѣйшія времена. Именно: 1) вм. носовыхъ гласныхъ слышались чистые, *y* вм. *ж*, *e* вм. *л*, напр. Тоѡγα (Кон. Порфир. = Тѡга) Луца (жупа лѡка, грам. 1059 г.) *dubgave* (грам. 1078), *Svetoslauus* (грам. 1067), Τζεεσθλαβος (Кон. Порфир. (X в.) = Члславъ), *Vekenego* (грам. 1052²⁾); 2) старо-слав. *ь* соотвѣтствуютъ *i* (на западѣ) или *e* (на востокѣ), напр.: *billa* (вм. *bjela*), *stipiza*, *tribis* (вм. *trjebisc*, грам. 1000 г.), *suidoz* (вм. *svjedok*, грам. 1069 г.), *Osic* (вм. *Osjek*, грам. 1078 г.), *Belegradum* (письмо папы Іоанна VIII 878 г.) Велѣграда, Велόγραδον, Плѣза, Τερβουία (Конст. Порфир.); 3) вм. старо-слав. *ы*, которое въ нынѣшнемъ сербо-хорватскомъ яз. звучитъ какъ *и*, въ старое время въ нѣкоторыхъ словахъ

¹⁾ Geschichte der Südslawischen Literatur. Aus dessen handschriftlichem Nachlässe herausgegeben von Josef Jireček. Prag, 1865, III, 139—165.

²⁾ Впрочемъ, встрѣчаются примѣры и другаго рода, какъ Τζέντινα, Μοντεμѣρος (К. Порфир.), *Montemerus* (письмо папы Іоанна VIII, 874 г.), *Muncimir* (грамота 892 г.). Но примѣры эти въ виду другихъ, приведенныхъ, болѣе многочисленныхъ, не могутъ говорить въ пользу существованія носовыхъ гласныхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ въ историческую пору, такъ какъ и неизвѣстно въ какой формѣ — сербо-хорватской или какой-либо иной они занесены въ историческія записи.

слышался звукъ болѣе твердый, отличный отъ нын. *и*, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: *Zatimustlo*, *Nedamustlo*, *Nemustlo* (грам. 837), *Cresamustlo* (грам. 892), *Βοισέσδλαβος*, *Βουσεβούτζη* (Кон. Порфир.); 4) глухія звуки, соотвѣтствующіе старо-слав. *з*, *ъ*, а въ современномъ сербо-хорватскомъ языкѣ перешедшіе (въ срединѣ словъ) въ ясное *а*, кажется, еще были слышны въ древнѣйшую эпоху, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ объ этомъ можно заключать на основаніи несовершеннаго латинскаго правописанія такихъ словъ какъ: *setnico* (грам. 1052 г.), *Debriz* (грам. 1078 г.), *Butina viso* (Боутина вьсь, грам. 1018 г.); 5) гласные *р*, *л*, по-видимому, также были свойственны сербо-хорватскому языку въ это отдаленное время: *Tirpimigus* (грам. 852 г.), *Dircislavo* (грам. 994 г.), *Drizislavus* (грам. 1066 г.), *Cernecha* (грам. 986 г.), *berda* (грам. 1056 г.), *Σέρβλοι*, *Τζερναβουσκή* (Кон. Порфир.), *Tarnova* (грам. 994 г.), *barda* (грам. 1000 г.), *Στόλπον*, *Χλούμ*, *Ζαχλούμα*, *Velcano* (грам. XI в.), *Vilcodrug* (грам. 1103 г.); 6) *д*, *т* смягченныя *ј*-мъ, вѣроятно, звучали совершенно такъ какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ т. е. *ђ*, *ћ* (*д'ж'*, *г'ч'*, *dj*, *ć*); звуки эти обозначались въ греческихъ и латинскихъ источникахъ буквами *γ*, *κ*, *τ*, *τς*, *ch*, *k*, *c*: *Μεγυρέτους*, *Vekenego* (грам. 1052 г.), *Radosich* (грам. 1078 г.), *Vlassici* (грам. 1071 г.), *Κοσέντζης*, *Βουσεβούτζη* (Кон. Порфир.). Буквы *ј* и *к* для обозначенія *dj*, *tj* выступаютъ и позже въ сербскихъ памятникахъ.

Письменности на народномъ языкѣ въ сербо-хорватскихъ земляхъ предшествовало широкое распространеніе старо-славянскаго языка, который въ качествѣ языка литургическаго, богословскаго и вообще литературнаго, сохранялъ здѣсь и позже въ теченіе многихъ вѣковъ свое важное значеніе, хотя и не одинаковое на востокѣ и западѣ. Славянскіе тексты священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ стали извѣстны Сербамъ и Хорватамъ, несомнѣнно, еще въ Кирилло-Меодіевскую эпоху, но древнѣйшія рукописи ихъ не восходятъ далѣе XII ст., при чемъ самыя раннія изъ нихъ принадлежатъ хорватскому западу. На сербскомъ востокѣ успѣшное развитіе письменности на старо-славянскомъ языкѣ стало возможнымъ только со времени политическаго объединенія Сербовъ при Стефанѣ Неманѣ (1157—1190 г.) и просвѣтительной дѣятельности св. Савы, перваго сербскаго архіепископа. На западѣ, въ хорватскомъ государствѣ, распространеніе языка Кирилла и Меодія тормозилось шедшими со стороны римской

куріи и латинскаго духовенства гоненіями на славянское богослуженіе. Въ теченіе X и XI ст. четыре раза издавались на сплѣтскихъ соборахъ (924, 927, 1059, 1064 г.) запрещенія славянской литургіи для Хорватіи и Далмаціи. Тѣмъ не менѣ эти преслѣдованія не могли совершенно искоренить употребленіе славянскаго языка въ церкви. Оно продолжало держаться во многихъ мѣстахъ хорватской территоріи и, наконецъ, въ половинѣ XIII в. было официально разрѣшено папой Иннокентіемъ IV (буллы 1248 и 1250 г.). Съ этого времени до конца XV ст. среди католическихъ Хорватовъ успѣшно развивалась старо-славянская письменность, представленная главнѣйше служебниками (миссалами) и часословами (бревіарами) римскаго обряда, кодексами псалтыри, евангелія, апостола и немногими произведеніями переводной богословско-моральной литературы. Всѣ эти старо-славянскіе памятники хорватскаго происхожденія писаны *т. н. угловатой глаголицей*, отличающейся по виду буквъ отъ *круглой глаголицы*, какою написаны древнѣйшіе тексты старо-славянскаго языка: Зографское Евангеліе, Маріинское Евангеліе, Клоцовъ Сборникъ и др.¹⁾ Въ XV и XVI ст. многіе памятники этой глагольской письменности попадаютъ въ печать (въ типографіяхъ Венеціи—съ 1483, Сенья—съ 1507, Рѣки—1561 и Рима съ 1631²⁾). И доселѣ богослуженіе на старо-славянскомъ языкѣ по глагольскимъ книгамъ отправляется въ четырехъ хорватскихъ католическихъ епархіяхъ: керекской, задрской, сплѣтской и шибеницкой. Между тѣмъ на востокѣ, въ православныхъ сербскихъ земляхъ, въ противоположность западу развивается *кирилловская* письменность. Старо-славянскій языкъ получаетъ здѣсь болѣе широкое примѣненіе и значеніе; онъ является языкомъ не только литургическимъ и церковнымъ, но и государственнымъ, общественнымъ и вообще литературнымъ. На немъ пишутся не только тексты священнаго писанія, литургическія и духовно-педагогическія книги, но и грамоты, юридическіе памятники, лѣтописи, произведенія апокрифической и повѣствовательной литературы. Сербскія изданія старо-славянскихъ текстовъ священнаго писанія и бого-

¹⁾ Впрочемъ акад. Ягичемъ недавно открытъ памятникъ сербо-хорватской редакціи XII в., письма котораго по типу буквъ занимаютъ средину между угловатой и круглой глаголицей (Вѣнскіе листки).

²⁾ Миссалы 1483, 1528, 1531 г., Бревіарь 1561.

служебныхъ книгъ печатались въ XV — XVI ст. въ Венеціи, Ободѣ (Черногорія), Скадрѣ, въ герцеговинскихъ монастыряхъ Гораждѣ и Милешевѣ, и въ сербскихъ — Руянскомъ и Бѣлградскомъ. У турецкихъ и австрійскихъ православныхъ Сербовъ старо-славянскій языкъ, хотя и видоизмѣненный подѣ влияніями то мѣстнаго живаго языка, то книжнаго русскаго языка, сохраняетъ свое обще-литературное значеніе до нынѣшняго столѣтія, когда съ развитіемъ литературы на народномъ языкѣ за нимъ осталось мѣсто только въ церкви, какъ за языкомъ исключительно богослужебнымъ.

Сербскіе и хорватскіе памятники старо-славянскаго языка, столь рѣзко отличающіеся между собой по формѣ письма, въ сущности болѣе или менѣе однородны въ отношеніи языка. Старо-славянскій языкъ въ нихъ носитъ на себѣ извѣстные слѣды влиянія мѣстнаго сербо-хорватскаго языка. Это т. н. **сербо-хорватская редакція старо-славянскаго языка**, отличная отъ другихъ редакцій: древнѣйшей (древне-болгарской, паннонско-моравской) средне-болгарской и русской. Въ однихъ памятникахъ на старо-славянской основѣ отразилось болѣе сербо-хорватскихъ особенностей, въ другихъ менѣе, смотря по роду памятниковъ, мѣсту и времени ихъ происхожденія. Такъ, въ произведеніяхъ свѣтскаго содержанія элементы народной рѣчи писца или сочинителя гораздо численнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ въ книгахъ литургическихъ; въ жалованныхъ грамотахъ сербскихъ королей церквамъ и монастырямъ стиль старо-славянской рѣчи выдержаннѣе, чѣмъ въ другихъ актахъ тѣхъ же королей, памятники боснійскіе по языку вообще народнѣе памятниковъ, ведущихъ происхожденіе изъ стараго сербскаго королевства, въ рукописяхъ XVII в. вообще больше уступокъ въ пользу народнаго языка, чѣмъ въ рукописяхъ XIV—XV в. и т. п. Самой собой понятно, что всѣ эти памятники старо-славянскаго языка, возникшіе на сербо-хорватской территоріи, представляютъ болѣе или менѣе цѣнный матеріалъ для исторіи сербо-хорватскаго языка. По тѣмъ уклоненіямъ отъ нормы старо-славянскаго языка древнѣйшаго типа, какія въ нихъ замѣчаются, можно судить о важнѣйшихъ особенностяхъ сербо-хорватскаго языка въ сравненіи со старо-славянскимъ въ первые періоды культурной жизни народа. Особенно важны извлекаемыя отсюда данныя для эпохи XII—XIII в., отъ которой памятники на народномъ языкѣ сохранились лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Да и для позднѣйшаго

времени старо-славянскіе памятники сербо-хорватской редакціи представляют не мало любопытнаго для характеристики народнаго языка какъ въ грамматическомъ, такъ лексикальномъ отношеніяхъ.

Къ древнимъ памятникамъ даннаго типа относятся слѣдующія:

- I. *Кирилловскіе*: 1) Мирославово (Аѳонское) Евангеліе (до 1200 г.); 2) Симеоново (Вуканово) Евангеліе (до 1200 г.); 3) грамота Стефана Немани Хиландарскому мон. 1198 г.; 4) Типикъ св. Савы (XIII в.); 5) дарственная запись краля Стефана Первовѣнчаннаго и сына его Радослава въ церкви монастыря Жичи (1222—1228); 6) грамота короля Владислава монастырю св. Николая во Вранинѣ (1234—1240); 7) Житіе св. Симеона (Парижская рукоп. XIII в.); 8) Иловицкая Кормчая 1262 г.; 9) Шестолневъ Іоанна Экзарха 1263 г.; 10) отрывкъ Сверлижскаго Евангелія 1273 г.; 11) отрывокъ апостола 1277 г.; 12) Тріодъ Михановича (XIII в.); 13) Румявцовскій Прологъ (XIII в.); 14) Поученія Константина, пресвитера болгарскаго (XIII ст.); 15) Сборникъ попа Драголя (рѣк. XIII—XIV в., собств. П. Сретъковича); 16) дарственныя грамоты короля Милутину Хиландарскому мон. (1293 — 1321); 17) Святостефанскій хрисовулъ Милутина 1318 г.; 18) Шишатовецкій апостолъ 1324 г.; 19) грамоты короля Стефава Дечанскаго Хиландарскому мон. (1321 — 1330); 20) хрисовулъ того же короля Дечанскому мон. (1330 г.); 21) Оливеровская Минея 1332 г.; 22) Поученія Ефрема Сирина 1337 г.; 23) Псалтырь 1346 г.; 24) многочисленные хрисовулы короля и царя Стефана Душана (1333—1355 г.); 25) Карловецкій (Пшинскій) сборникъ (XIV в.) и многія другія рукописи и грамоты второй половины XIV в.¹⁾
- II. *Глагольскіе*: 1) надпись въ церкви св. Люциліи на о. Керкѣ конца XI в.; 2) Вѣнскіе листки миссала XII в.; 3) Люблянскій отрывокъ бревиарія XII в.; 4) Бирбинскій отрывокъ миссала XII в.; 5) Загребскій отрывокъ миссала XII в.; 6) Загребскіе отрывки сборника XII в.; 7) Люблянскіе отрывки сборника XIII в.; 8) Твонійскій (на о. Пасманѣ) отрывокъ бревиара XIII в.; 9) Бирбинскій отрывокъ бревиара XIII в.; 10) Псалтырь Николая Рабскаго 1222 г. (нѣкогда бывшая въ распоряженіи Рафаила Леваковича и неизвѣстно гдѣ находящаяся); 11) Пражскій бревиаръ діакона Кирика 1359 г.; 12) Миссалъ Новака,

¹⁾ Памятники старо-славянскаго языка сербскаго извода XIV—XV ст. многочисленны. Ихъ еще больше для XVI—XVII ст.

князя Крбавскаго 1368 г. (въ Вѣнск. придв. библ.); 13) Римскій бревіаръ 1379 г.; 14) Римскій миссалъ 1387 г.; 15) Врбницкій бревіаръ 1391 г.; 16) вторая половина Реймскаго Евангелія 1395 г.—и другіе болѣе поздніе памятники ¹⁾.

Отмѣтимъ главнѣйшія особенности языка этихъ памятниковъ.

1) Юсы встрѣчаются очень рѣдко, въ весьма немногихъ памятникахъ (напр. Мирославомъ Евангеліи, Симеоновомъ Евангеліи), и въ послѣднемъ случаѣ обозначаютъ не носовые гласные, а чистые (лсть, лдинь, домж). Обыкновенно они замѣняются другими гласными, ѡ = у (ю), ѡ = е напр: мужь, рука, буди, помышлѣху, глубина, събота, мячить (Мирослав. Еванг.); светаго, ме, те, се, гредеть, юзыкь, чеда, въпросише (3 л. мн. ч.), просещи.

2) Изъ двухъ знаковъ глухихъ гласныхъ з встрѣчается очень рѣдко; обыкновенно его замѣняетъ ѣ, которое употребляется вм. ѣ и з; напр.: вьль, вльь, съть, богъ, мирь, обрѣтохъ. На концѣ словъ и въ словахъ сложныхъ съ предлогами нерѣдко опускается и ѣ, откуда можно заключать, что въ этихъ случаяхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ, какъ въ болгарскомъ и другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, глухіе исчезли. Но такъ какъ въ срединѣ словъ употребленіе ѣ вообще выдержано послѣдовательно, то слѣдуетъ допустить, что глухой звукъ не былъ совсѣмъ чуждъ сербо-хорватскому уху.

3) Появленіе а вм. ѡ: са, чрѣсаль, срьдаць, даждь, двари, бравьно. Наоборотъ иногда ѡ вм. а: вьсь (вм. вась), сьмь (вм. самъ), дърь (вм. дарь).

4) Двойное ѣ (ѣѣ), обыкновенно въ окончаніи родит. пад. мн. ч. (въ кирил. памятникахъ): апостолѣѣ, пророкѣѣ, сельѣѣ, царѣѣ, слъзѣѣ, словесѣѣ. Вѣроятно, это двойное ѣ обозначаетъ а, которое слышно въ этомъ падежѣ въ современномъ сербскомъ языкѣ.

5) Сохраненіе сочетанія ѣ въ срединѣ словъ: Гльбочица, тльсто, Влькославь, Стльбица, Вльь. Позже въ этомъ случаѣ ѣ = у: Вукъ.

6) У (оу) вм. ѡ, ѡ: у светую гору, у ризницу, у црьвовь, у бацину, у Пеки, у Моравѣ, узети, удовица.

¹⁾ Тексты этихъ памятниковъ см. въ изданіяхъ: 1) Šafařík, Památky hláholského písemnictví. Praha, 1854; 2) Berčić Iv., Chrestomathia linguae veteroslovenicae characterе glagolitico. Jaderae, 1859; 3) Jagic, Priměri starohrvatskoga jezika. Zagreb, 1866—и Glagolitika. Wien, 1890 (Denkschriften. Bd. XXXVIII).

7) Смѣшеніе *и* съ *ы* и предпочтительное употребленіе *и* вм. *и* и *ы*: не разлучаты се, мысли, створишы; синь, вѣвчани, свѣтими отъ главы, завѣси, ти, ви (дат. п. мн. ч.). Въ глагольскихъ текстахъ исключительно *и*.

8) Употребленіе *ъ* вм. *ю*: земля (им. п.), царь (р. п.), краль, болъры, трѣва, ѣво.

9) Появленіе вм. *жд* (= *дј*)—*з* и вм. *шт* (= *тј*)—*к*: с туже землю, Гюргевикъ, съ мезами, мезю, мезе, у Пеки, се вракаю, да плакяю, Петровикъ, Домушки, двѣ тисуки, помокию. Уже съ XII в. появляется буква *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, а въ глаголич. памятникахъ ПР = нынѣшнему *ђ* (дј): ѣорьгиѣ, евангелие (Мирослав. Ев.), ѣурьгево (грам. Немани).

10) *Р* обыкновенно не смягчается: цара, повлисара, манастиру, прѣтвараю.

11) *Ж* переходитъ въ *р* въ частицѣ *же*: ере, никомуре (грамота Немани), никюре области; ничесаре, тагоре.

12) Родит. п. ед. ч. твердыхъ основъ жен. р. на *а* иногда оканчивается на *е* вм. *ы*: отъ жене, отъ палате, съ оне стране. Тоже окончаніе въ именит. и винит. пп. мн. ч.: жоупе, паше, кобиле.

13) Творит. п. ед. ч. жен. р. иногда оканчивается на—*овь* вм.—*оь*: сиюь землоь, сръбскоь, божиюь помокию (грамота Немани), съ великоь печалию, съ Заклопишоь Лоукоь, с помокию божиоь, рукоь. Въ памятникахъ XIII в. является и другое окончаніе — *омь*: Чръновъ рѣкомъ (надпись въ Жичи), с королевомъ печатю.

14) Употребленіе одного *и* и *ы* вм. *ии* и *ыи* въ именахъ прилагательныхъ: свети, богъ прѣмилостивы, други, всемоги, вѣчны.

15) Для родит. п. ед. ч. муж. и ср. р. появляется окончаніе *иа*: отъ всакога зьла, велиега жупана, инога кога, тѣлесе никакога же неимы.

16) Въ 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени окончаніе *тъ* нерѣдко опускается: бѣжи, се вракаю, приходе, соуди, да соу, не има, да узима.

17) Появленіе въ 1 л. мн. ч. окончанія *мо*: сьмо дали, благословисмо (надпись въ мон. Жичѣ), живемо (Шшат. ап.).

Всѣ эти звуковыя и формальныя особенности, выдѣляющіяся то болѣе, то менѣе рѣзко на старо-славянской основѣ древнихъ памятниковъ сербо-хорватской редакціи, естественно нужно разсматривать какъ наиболѣе характерныя черты народнаго сербо-хорватскаго языка.

Дѣйствительно всѣ онѣ выступаютъ ярко, послѣдовательно, въ полномъ развитіи, въ другихъ памятникахъ, отчасти современныхъ указаннымъ, но такихъ, въ которыхъ не видно уже старо-славянской основы, и которые слѣдуетъ считать произведеніями настоящаго сербо-хорватскаго языка. Такого рода памятники сохранились съ конца XII ст. Древнѣйшій изъ нихъ грамота боснійскаго бана Кулина 1189 г. Несомнѣнно, однако, что возникновеніе письменности на народномъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ западной части сербо-хорватской территоріи, относится къ болѣе раннему времени. Имѣются прямыя указанія относительно существованія хорватскихъ грамотъ отъ начала XI в. (1025 г.). Для XIII ст. такихъ памятниковъ еще не много, но затѣмъ число ихъ быстро увеличивается и, наконецъ, сербо-хорватскій языкъ постепенно дѣлается органомъ общественной, литературной и вообще умственной жизни народа и даже пріобрѣтаетъ себѣ весьма почетное положеніе на греко-славянскомъ востокѣ. Въ исторіи внѣшняго развитія сербо-хорватскаго языка можно подмѣтить четыре періода. Первый обнимаетъ время XII—XV ст.—періодъ употребленія сербо-хорватскаго языка въ дѣловой письменности и законодательныхъ памятникахъ; второй—XV—XVIII ст.—періодъ далматинской литературы; третій—XVIII в.,—время славяно-сербской письменности; четвертый—новое время, періодъ выработки общаго литературнаго языка для всего племени и развитія національной литературы.

Главными свидѣтелями состоянія сербо-хорватскаго языка въ XIII—XV ст. служатъ грамоты, законники, общинныя постановленія и статуты. Грамотъ сохранилось до нашего времени весьма значительное количество. По мѣсту происхожденія, содержанію и отчасти языку, ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ: 1) грамоты сербскія и зетскія, 2) гр. боснійскія, 3) гр. дубровницкія, 4) гр. хорватскія и 5) грамоты иноземныхъ владѣтелей (турецкія, угорскія, румынскія, албанскія). Самую численную, наиболѣе любопытную и важную группу составляютъ дубровницкія грамоты. Дубровникъ—удивительное полуславянское, полуитальянское государство на берегу Адриатики—составившій себѣ извѣстность обширною торговлей и дѣятельнымъ участіемъ въ развитіи литературы, науки и искусства, находился въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ со всѣми славянскими землями Балканскаго полуострова, особенно съ Сербіей, Босніей, Захолмьемъ

(нын. Герцеговиной) и Зетой. Сношенія эти, между прочимъ, привели въ заключенію торговыхъ договоровъ Дубровницкой республики съ сербскими королями, царями и деспотами, боснійскими банами, съ захолмскими и зетскими князьями, властелями, воеводами, а также къ оживленной заграничной перепискѣ и обстоятельному внутреннему канцелярскому дѣлопроизводству. Такъ въ богатомъ дубровницкомъ архивѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ неисчислимое количество разнородныхъ документовъ на латинскомъ и итальянскомъ языкѣ, составилъ большой запасъ грамотъ, договоровъ, дѣловыхъ писемъ и записокъ на сербо-хорватскомъ языкѣ. Значительная доля этихъ драгоценныхъ памятниковъ погибла, но многое и уцѣлѣло и издано въ давнее время Карано-Твертковичемъ, М. Пуцичемъ и Миклошичемъ, а въ новое время К. Ирѣчкомъ. Дубровницкія грамоты, касающіяся сношеній съ сосѣдними славянскими землями, писаны кириллицей и не на мѣстномъ (чакавскомъ) нарѣчій, а на штокавскомъ, господствовавшемъ въ Сербіи (или Расѣ) Зетѣ, Травуни, Захолмѣ и Боспѣ, причемъ принимались во вниманіе и болѣе частныя діалектическія отличія въ языкѣ населенія тѣхъ странъ, съ которыми были заключаемы договоры. Такъ въ языкѣ грамотъ, предназначавшихся для Босны съ одной стороны и для сербскаго королевства съ другой наблюдается нѣкоторое различіе: въ первыхъ не трудно узнать западное разнорѣчіе штокавщины, вторыя писаны на южно-штокавскомъ нарѣчій. Тотъ же народный говоръ—штокавщина—выступаетъ въ сербскихъ и боснійскихъ грамотахъ, посланныхъ въ Дубровникъ. Разница между ними состоитъ въ томъ, что въ боснійскихъ грамотахъ (до короля Твертка) языкъ чистый сербо-хорватскій, безъ примѣсей, между тѣмъ какъ грамоты сербскихъ государей и властелей, касающіяся сношеній съ Дубровникомъ, хотя и отличаются по стилю отъ жалованныхъ грамотъ церквамъ и монастырямъ тѣхъ же государей и властелей, но все же не свободны отъ примѣсей элементовъ церковно-славянскаго языка къ лежащему въ основѣ ихъ народному нарѣчій. Тѣже примѣсы чувствуются въ языкѣ Законника Душана (1349 г.), даже въ наиболѣе древнихъ спискахъ (Григоровичевъ, Призрѣнскій). — Хорватскія грамоты ведутъ свое происхожденіе изъ хорватскаго и далматскаго Приморья, Истріи, сѣверной Далмаціи и прилегающихъ къ этимъ областямъ острововъ, слѣдовательно изъ того края, гдѣ въ области церковной процвѣтала глаголица. Онѣ также писаны угловатой глаго-

лицей и изданы въ сборникѣ Кукульевича Сакцинскаго (*Monumenta historica Slavorum meridionalium* 1863). Древнѣйшая изъ этихъ грамотъ, сохранившаяся въ оригиналѣ, относится къ 1309 г.; большая часть ихъ принадлежитъ знаменитой хорватской княжеской фамилии Франкопановъ. Глагольскія грамоты по своему содержанию не имѣютъ такого общенсторическаго значенія, какъ писанныя кириллицей. Въ нихъ идетъ рѣчь отчасти о дарованіи или продажѣ пашенной земли, виноградниковъ и т. п. церквамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ, отчасти же — о судебныхъ распоряженіяхъ и процессахъ между общинами и отдѣльными лицами. Тѣмъ не менѣе грамоты эти весьма важны для выясненія внутренняго быта въ Далмаціи и Хорватіи въ данную эпоху, и особенно для исторіи сербо-хорватскаго языка: онѣ писаны на чистомъ мѣстномъ народномъ языкѣ, т. е. на чакавскомъ нарѣччіи. Тотъ же народный языкъ выступаетъ въ сохранившихся славянскихъ законникахъ и статутахъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ; Винодольскомъ Законѣ (1280 г.), Врбенскомъ или Керьскомъ статутѣ (1362—1549), Полицкомъ статутѣ, Законѣ города Каствы (1490), в Вепринской общины (1507). Всѣ эти законодательные памятники, весьма важные по языку, писаны глаголицей и на чакавскомъ нарѣччіи. Исключеніе составляетъ Полицкій статутъ, который написанъ т. н. босанской кириллицей и на западномъ равнорѣччіи штокавщины¹⁾. Такимъ образомъ въ XIII—XV ст. оба главныхъ нарѣччія сербо-хорватскаго языка—штокавщина и чакавщина—получили обработку въ письменности. Но изъ нихъ двухъ уже тогда наибольшею распространенностью, извѣстностью и значеніемъ пользовалась штокавщина, обязанная этимъ въ значительной степени Дубровнику. Въ XV ст., съ наступленіемъ турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, штокавщина становится дипломатическимъ языкомъ турецкаго, угорскаго и румунскаго дворовъ. Высокая Порта въ XV—XVI ст. сносилась не только съ Дубровникомъ, но и Угорскимъ королевствомъ и Московскимъ царствомъ грамотами на сербскомъ языкѣ. Это и понятно, такъ какъ всѣ почти султаны XV—XVI в., до Солимана включительно, были сербы по матерямъ; равнымъ образомъ великіе визири, паши, беги и другіе высшіе турецкіе сановники того

¹⁾ Къ сожалѣнію всѣ эти статуты дошли въ рукописяхъ относительно позднихъ (XIV—XVI вв.). Статутъ г. Каствы извѣстенъ только въ латинской транскрипціи.

времени большею частью также были славянскаго происхожденія. Такъ, въ извѣстномъ сборникѣ сербскихъ грамотъ Миклошича (*Monumenta Serbica*), находятся письма Мурата II отъ 1430 и 1442 г. республикѣ Дубровницкой, письма Магомета II, Али-бега, Гамза-бега, Баязета II, Селима I, Солимана II. Той же сербской штокавщины придерживались для дипломатическихъ сношеній угорскіе государи и молдавскіе воеводы. Такъ Матвѣй Корвинъ пожаловалъ писанную на этомъ языкѣ кириллицей (1465 г.) дарственную грамоту фратру Александру Дубровчанину¹⁾, и другую (въ 1463 г.) глагольскую — Свято-Нивольскому монастырю въ Гвоздѣ (въ Хорватіи²⁾). Отъ угорскаго контр-короля Іоанна Заполю сохранились сербскія письма къ Мегмедь-бегу³⁾ (1537 г.). Отъ Александра, воеводы Молдавскаго извѣстна грамота на сербскомъ языкѣ къ Дубровницкой республикѣ (1366⁴⁾). Знаменитый вождь и герой Албанцевъ Георгъ Кастриотъ Скандербергъ переписывался съ Дубровникомъ на томъ же штокавскомъ нарѣчій⁵⁾. Не пренебрегали сербо-хорватскими языками въ эту пору и австрійскіе императоры. Такъ императоръ Сигизмундъ пожаловалъ нѣскольکو грамотъ на сербскомъ языкѣ волошскимъ монастырямъ⁶⁾ (1418—1429), а Фердинандъ I далъ (1527) глагольскую грамоту сеньскому капитулу⁷⁾.

Указанный довольно обширный матеріалъ даетъ возможность уяснить состояніе сербо-хорватскаго языка въ XIII — XV ст. Къ тѣмъ чертамъ его, какія извлечены выше изъ старо-славянскихъ памятниковъ сербо-хорватской редакціи, здѣсь можно присоединить еще слѣдующія наиболѣе характерныя: 1) глухой *ъ* въ срединѣ словъ, еще сохраняемый памятниками XIII ст., обыкновенно переходитъ въ чистое *a* въ XIV и XV ст.: *любавъ*, *часть*, *есамъ*, *вазда*, *са*, *ва* (но и *y*), *босаньске*; 2) *p* и *l* уже имѣютъ значеніе гласныхъ (слоγο-образующихъ): *црикав*, *керстити*, *твердо*, *керьсть*, *кърьсть*, *керьль*, *герльо*,

¹⁾ Миклошичъ, *Monumenta Serbica*, № 494.

²⁾ Кукульевичъ-Сакцинскій, *Monumenta historica*, № 91.

³⁾ *Monumenta Serbica*, № 479—481.

⁴⁾ Тамъ-же, № 483.

⁵⁾ Тамъ-же, № 356, 385, 386.

⁶⁾ Венеличъ, Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты. Спб., 1840, стр. 36, 49, 52, 55.

⁷⁾ Кукульевичъ, *Monumenta historica*, № 223.

Гргоурь, брвы, држимо (XIII в.); вьнемо, Влькь, Влк, дльгь, велми; въ XIV в. *л* въ концѣ слоговъ начинаетъ переходить въ *о*: владоаца, био, купио, Павао, веоми; а *ль* въ *уо*, *у*: дуожань, вуокасиь, Вук, дуг; 3) старо-славян. *ь* выговаривалось на востокѣ какъ *е*, на западѣ какъ *и*, на югѣ какъ *ие* — *је*: где, у вере, у граде человекъ, ви висте, пирьно, лито, чловику, до вика, лиете, виек; 4) *дј* звучало на востокѣ какъ *д'ж'* и обозначалось буквами *ц*, *ћ*, а на западѣ какъ *ј*: граћам, мею, мею, граћне; *тј* произносилось какъ *т'ч'* и обозначалось букв. *к* или *ћ*: обкина, придуже, стоеке, тисука, тисућа; 5) на востокѣ слышалось мѣстоименіе *што*, на западѣ *ча*; 6) двойственное число соблюдалось въ склоненіи и спряженіи; 7) въ склоненіи смѣшеніе основъ и падежныхъ флексій еще не было выражено рѣзко и языкъ изобиловалъ древними формами; 8) въ спряженіи болѣе всего особенностей представляло настоящее время: въ 1 л. смѣшеніе формъ на *у* съ формами на *м* (примамаь, вьну), 2 л. оканчивалось на *ш* (а не на *ши*), въ 3 л. ед. и мн. ч. *т*—отпадало (су, пише, иде, гредe), въ 1 л. мн. ч. обыкновенно *мо* (кльнемо, држимо, смо). Остальныя времена и причастія сохраняли древній видъ.

Если сопоставить этотъ краткую характеристику ¹⁾ стараго сербо-хорватскаго языка съ характеристикой современнаго народнаго языка, то въ грамматическомъ отношеніи наиболѣе существенное различіе между старымъ и новымъ окажется въ области формъ. Звуковая же система, въ XV ст. опредѣлившаяся болѣе или менѣе окончательно для всей сербо-хорватской территоріи, представляетъ почти полное сходство съ звуковой системой новаго языка. Да и въ морфологій различіе касается собственно одного, правда, господствующаго и самаго распространеннаго нарѣчія — *штокавицины*, которое въ теченіе исторической жизни восприняло въ себя не мало новшествъ. Западное же — *чакавица* — осталось болѣе вѣрно старинѣ и стоитъ очень близко къ древнему языку.

Важное значеніе памятниковъ сербо-хорватскаго языка XIII — XV ст. заключается и въ томъ, что они содержатъ драгоценныя данныя для исторіи сербо-хорватской діалектологіи. На основаніи ихъ можно заключать что въ XIII ст. въ сербо-хорватской рѣчи несомнѣнно существовали **діалектическія различія** ²⁾. Въ памятникахъ этихъ

¹⁾ Въ подробностяхъ картина древняго языка выяснится въ послѣдующемъ изложеніи.

²⁾ Происхожденіе ихъ нужно относить еще къ болѣе ранней эпохѣ.

мы видимъ тѣ два главныхъ нарѣчія, что и теперь, восточное и западное, которымъ усвоены не вопли удачныя и точныя названія штокавицины и чакавицины. Различіе между ними въ XIII—XV вв. ограничивается звуковыми особенностями. Въ *штокавицинѣ* преобладаетъ выговоръ мѣстоименія *что* — какъ *што*, *шта*, *ъ = е* (векъ, вера), *дј = ѣ*, *ѣ* (меѣу, мегю), *л* переходитъ въ *о*, *у* (Вук, имао). Въ *чакавицинѣ*—*что* звучитъ какъ *ча*, *ъ = и* (викъ, вира), *дј = ј* (мею), *л* не переходитъ въ *о*, *у* (Вльк, имал). Въ формахъ оба нарѣчія совпадаютъ. Указанныя звуковыя примѣты также не всегда строго и послѣдовательно выдержаны въ памятникахъ того и другаго нарѣчія, что можетъ быть объяснено постепенностью развитія нѣкоторыхъ примѣтъ и смѣшеніемъ нарѣчій. Разграниченіе области штокавицины и чакавицины въ данное время—трудный вопросъ, въ которому обратимся ниже въ отдѣлѣ о нарѣчійхъ и говорахъ сербо-хорватскаго языка. Здѣсь достаточно указать, что чакавица въ XIII—XV в. захватывала большую область, чѣмъ въ настоящее время; она слышна была во всей Далмаціи и, вѣроятно, въ части Босны. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что въ рассматриваемый періодъ обнаружилось и еще одно разнорѣчіе — южное, характерную особенность котораго составлялъ выговоръ *ъ* какъ *ие*, переходящее въ *је* (лиета, до виека, хотименемъ—грам. 1313 г.). Такимъ образомъ въ XIV в. существовали три основныя нарѣчія подъ которыя можно подвести, соотвѣтственно различному выговору *ъ*, всѣ современные сербо-хорватскіе говоры: *екавица*, *икавица*, *ијекавица*. Что касается кайкавскаго нарѣчія, то первыя свѣдѣнія о допущеніи его въ письменность относятся лишь къ болѣе позднему времени, не ранѣе XVI ст., когда на этомъ нарѣчій явились переводы протестантскихъ книжекъ.

Во второй половинѣ XV ст. Турки закончили покореніе Балканскаго полуострова. На развалинахъ Византійской имперіи, на обширной территоріи южно-славянскихъ государствъ и областей раскинулось могущественное Османское царство, вскорѣ раздвинувшее свои предѣлы еще дальше за Дунай. Для сербо-хорватскаго народа наступили тяжелыя вѣва политическаго рабства и національнаго униженія, постепеннаго замиранія умственной жизни и крайняго паденія письменности. Въ двухъ только краяхъ уцѣлѣли слѣды самостоятельной жизни: въ Зетѣ (впослѣдств. Черногоріи) и Далмаціи. Въ первой изъ

этихъ областей въ 1490 г. основана были древнѣйшая изъ славянскихъ типографій (Октоихъ 1493 г.); второй суждено было почти три столѣтія оставаться важнѣйшимъ умственнымъ и образовательнымъ средоточіемъ сербо-хорватскаго народа. Старые далматинскіе города—общины: Сплѣтъ, Трогиръ, Задръ, Шибеникъ, Старый Градь, и особенно Дубровникъ—слава и краса южнаго славянства,—уже издавна пріобщившіеся западной образованности, съ XV ст., со временъ возрожденія и гуманизма, принимаютъ самое живое участіе въ новомъ умственномъ движеніи, охватившемъ всю Европу. Здѣсь возникаютъ школы, пробуждается интересъ въ наукѣ и искусству, развивается литература на латинскомъ и итальянскомъ языкѣ и параллельно съ этимъ открывается широкій доступъ въ книгу мѣстному славянскому языку, которому усваивается названіе сперва „словинскаго“, а позже „иллирскаго“. Такъ въ Далмаціи и особенно въ Дубровникѣ возникаетъ и развивается изящная сербо-хорватская литература, которая при всей ея подражательности итальянскимъ образцамъ не лишена значительной оригинальности и временами представляла замѣчательныя произведенія съ чисто-народной окраской. Всѣ виды изящной литературы въ области лирики, эпоса и драмы обрабатывались на сербо-хорватскомъ языкѣ въ XVI—XVIII ст. Сочиненія многочисленныхъ далматинскихъ писателей этого періода теперь болѣе или менѣе приведены въ извѣстность и критически изданы Юго-славянскою Академіей¹⁾. Они писаны латиницей и содержатъ драгоцѣнный матеріалъ столько же для исторіи сербо-хорватской литературы, сколько для исторіи языка. Въ послѣднемъ отношеніи по нимъ можно прослѣдить два любопытныхъ явленія: 1) развитіе въ штокавцинѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, которыми характеризуется новѣйшее состояніе языка и 2) постепенное распространеніе штокавщины въ Далмаціи и дальше на сѣверо-западъ и вытѣсненіе ею чакавщины.

Въ штокавцинѣ за этотъ періодъ все послѣдовательнѣе развиваются слѣдующія черты: 1) переходъ *маснаю л* въ *у* (вуна, пун, пук,

¹⁾ Stari pisci hrvatski. Kn. I—XIX. U Zagrebu, 1869 — 1892. Важнѣйшіе изъ далматинскихъ писателей этого періода: Маруличъ (1450—1524), лирики Менчетичъ (1457—1501) и Држичъ († 1510), Лучичъ (1480 — 1540), М. Ветраничъ (1482—1576), П. Гекторевичъ (1486 — 1572), Чубрановичъ († 1550), Налѣшковичъ (1510 — 1587), Гундуличъ (1588 — 1638), Пальмотичъ (1606 — 1657), Джорджевичъ (1676 — 1777), Качичъ-Миошичъ (1690—1760) и др.

дуг); 2) переходъ твердаго *л* (заканчивающаго слога) въ *о* (вео, дао, мисао); 3) исчезновеніе *х* (муа, ора, смије, рвацки, лад); 4) род. п. мн. ч. на *а* (женá, синова, юнака); 5) смѣшеніе флексіи дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей множ. ч. и употребленіе вмѣсто нихъ общей формы на *ма* (женама, зубима, краљевима); 6) исключительное употребленіе въ 1 л. един. ч. наст. вр. оконч. *м* (говорим, чујем, знам).

Распространеніе штокавщины на западѣ въ значительной степени вызвано было передвиженіемъ народныхъ массъ въ Далмацію и Хорватію, а потомъ на сѣверъ за Дунай и Саву изъ восточныхъ сербскихъ земель. Эту колонизацію можно наблюдать уже при Немачахъ (XIII — XIV в.), а позже въ XV — XVII, въ періодъ турецкаго ига, она приняла весьма широкіе размѣры. Выселенцы, конечно, несли съ собой въ новыя жилища свой говоръ — восточное нарѣчіе, которое между тѣмъ, въ это время, въ большей степени, чѣмъ западное подверглось существеннымъ измѣненіямъ въ звуковомъ, формальномъ и лексикальномъ отношеніи главнѣйше благодаря важнымъ историческимъ событіямъ, совершавшимся въ восточныхъ сербскихъ земляхъ, т. е. борьбы народа съ Турками и развитію народнаго эпическаго творчества¹⁾. Такъ, западное, чакавское нарѣчіе постепенно должно было уступить часть своей области восточному нарѣчію, которое мало-по-малу распространило свое вліяніе по всему адриатическому приморью до Истріи, а въ сѣверномъ направленіи не только утвердилось въ Срѣмѣ, Банатѣ, Бачкой, но и достигло верховьевъ Тисы (Раць-Дорогъ, Раць-Бесерменъ) и виноградныхъ горъ къ сѣверу отъ Будина. На почвѣ Далматинской литературы эти два нарѣчія встрѣтились; между ними началась борьба, которая кончилась побѣдой штокавщины. Произведенія первыхъ поэтовъ этого періода напр. Менчетича († 1501), Держича († 1510), Марулича († 1524 г.) и Луцича († ок. 1534), писаны еще на томъ же чакавскомъ нар., какое видимъ въ указанныхъ глагольскихъ грамотахъ и статутахъ XIII — XV ст., но чѣмъ дальше въ глубь XVI в., тѣмъ больше выдѣляется штокавскихъ особенностей на чакавскомъ фонѣ далматинскаго литературнаго языка. Такъ въ сочиненіяхъ Ветранича († 1576), Чубрановича († ок.

¹⁾ Уже Шлейхеръ указалъ, что языкъ претерпѣваетъ тѣмъ больше видоизмѣненій, чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ тревожнѣе идетъ историческая жизнь народа.

1559), Налѣшковича († 1585) наблюдается смѣсь нарѣчій, старина постоянно чередуется съ новизной. Къ концу XVI в. у Дубровчанъ уже преобладаетъ (особ. въ области звуковъ) штокавщина, какъ это видно на произведеніяхъ Динка Равьины († 1607) и Динка Златарича († 1610), а позже во второй половинѣ XVII ст. она достигаетъ такого же успѣха и въ остальныхъ частяхъ Далмаціи (ср. напр. произведенія Корчульда - Канавелича † 1690 или сплѣтца Каваньина, род. 1640 и др.). Въ XVII ст. вполне воспользовались штокавщиной въ своихъ сочиненіяхъ три замѣчательнѣйшіе дубровницкіе поэта: Эпикъ Гундуличъ († 1638), драматургъ Пальмотичъ († 1657) и лирикъ Джорджичъ († 1737), тѣмъ самымъ окончательно рѣшившіе побѣду въ пользу штокавщины. Въ началѣ XVIII ст. штокавщина получила и теоретическую обработку въ упомянутой выше (стр. 190) иллирской грамматикѣ Барт. Кашича (урож. о. Пага). Наконецъ послѣдній ударъ чакавщинѣ былъ нанесенъ извѣстной книгой Качича-Миошича († 1760) *Razgovor ugodni naroda slovinskoga* (1756), въ которой воспѣты въ духѣ юнацкихъ народныхъ пѣсенъ всѣ важнѣйшія событія сербо-хорватской исторіи, и которая получила широкое распространеніе среди Хорватовъ¹⁾. Штокавщина, утвердившаяся въ далматинской лигатурѣ и проникшая отсюда, въ XVIII ст., въ Славонію (ср. произведенія Канижлича † 1777, Рельковича † 1798) и Катанчича († 1825) — отличалась отъ штокавщины, господствующей въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ: ъ сохраняло здѣсь выговоръ і какъ вообще въ западной части сербо-хорватской области (въ Далмаціи, западной Боснѣ, Хорватскомъ Приморьѣ); это была штокавщина ибавскаго выговора.

Съ конца XVII ст., со времени страшнаго землетрясенія, разрушившаго Дубровникъ (1667 г.), и особенно въ началѣ XVIII ст. далматинская литература приходитъ въ упадокъ; очень слабые отголоски ея тянутся въ Славонію, а въ сосѣдней Хорватіи держится кое-какая письменность на кайкавскомъ нарѣчьи (Хорватская хроника Павла Витезовича, морально-поучительныя книжки канониковъ Коціанчича († 1806) и Миклоушича († 1833), произведенія юриста Домина (р. 1776). Еще безотраднѣе было положеніе дѣлъ на православному востокѣ, гдѣ сербская письменность вслѣдствіе крайностей

¹⁾ До 1862 г. она выдержала 14 изданій.

турецкаго угнетенія почти совсѣмъ прекратила свое существованіе. Въ это трудное время возникаютъ новые просвѣтительные и литературные центры въ другой сторонѣ—въ Угріи, въ Воеводинѣ, особенно въ Карловцахъ, Новомъ Садѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Здѣсь подѣ влияніемъ учителей, вызванныхъ изъ Кіева для новоучрежденныхъ школъ, и привезенныхъ ими русскихъ учебниковъ и другихъ книгъ вырабатывается особый **славяно-сербо-русскій языкъ**, который въ теченіе XVIII столѣтія, да и долгое время въ нынѣшнемъ вѣкѣ—оставался орудіемъ весьма значительной литературы (т. н. славяно-сербская школа: Орфелинъ, Раичъ, Соларичъ, Мушицкій и друг.). Но языкъ этотъ вслѣдствіе своей крайней искусственности не могъ сдѣлаться органомъ литературы для всего сербо-хорватскаго народа, не могъ онъ упрочиться даже въ православномъ сербствѣ. Со временемъ онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто народному языку.

Этотъ **новый поворотъ** въ судьбѣ сербо-хорватскаго языка совершился въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, но подготовленъ онъ былъ уже въ XVIII ст. Происхожденіе его тѣсно связано съ именами двухъ видныхъ представителей сербства—Досиея Обрадовича (1739—1811) и Вука Стефановича Караджича (1786—1864).

Досиеей, родомъ банатецъ, замѣчательнѣйшій сербскій писатель самоучка, посвятившій всю свою жизнь исканію самаго широкаго просвѣщенія съ цѣлью распространенія его среди дорогаго ему сербо-хорватскаго народа, впервые послѣ долгаго перерыва заговорилъ въ своихъ цѣнныхъ сочиненіяхъ, вмѣсто знакомаго ему съ юныхъ лѣтъ искусственнаго славяно-сербскаго языка, на языкѣ народной массы. Однако, языкъ его произведеній еще не былъ вполне народнымъ. Въ основѣ его лежало родное срѣмское нарѣчіе писателя, отчасти смѣшанное съ элементами другихъ сербо-хорватскихъ говоровъ, съ которыми онъ познакомился во время своихъ продолжительныхъ скитаній; но къ этой основѣ прибавлено не мало стихій, заимствованныхъ изъ древняго церковно-славянскаго языка или позднѣйшаго славяно-сербскаго¹⁾. Въ литературномъ языкѣ Досиея видна смѣлая по-

¹⁾ Таковы напр. старо славянскія слова: *обаче, сирѣчь, аки, ибо, чрезъ, полза, весьма, всегда, благополучіе, вниманіе, житіе* и др., или формы словъ, несогласныя съ фонетикой сербо-хорватскаго языка: *домота, исполнити, чадо, часть, любовь, советъ, союзь, между, рождение, общество, священникъ* и т. п.

пытка связать требованія новаго времени со старыми книжными преданіями. Но выполненіе этой попытки не отличается ни законченностью, ни послѣдовательностью: разнородные діалектическіе элементы здѣсь еще не сливаются въ одно органическое цѣлое. Не нашла эта попытка и продолжателей. Досиеей по языку представляетъ единичное явленіе въ сербской литературѣ; послѣ него никто не писалъ такимъ языкомъ, какимъ написаны знаменитые „Животъ и приключенія“, или „Басне“ или „Совѣти здравога разума“. Между тѣмъ языкъ этотъ легокъ, простъ и очень близокъ къ народному. Во всякомъ случаѣ за Досиеемъ остается заслуга народнаго писателя и начинателя новаго направленія въ сербской литературѣ¹⁾.

Гораздо дальше пошелъ въ томъ же направленіи Вукъ Караджичъ, котораго и считаютъ настоящимъ реформаторомъ современнаго сербо-хорватскаго литературнаго языка (ср. выше 191 стр.). Онъ совсѣмъ порвалъ со старыми литературными преданіями и ввелъ въ книгу чистый простонародный языкъ, именно свое родное²⁾ южно-штолавское нар. которое затѣмъ постепенно возвысилось до значенія обще-литературнаго языка для всѣхъ разрозненныхъ частей сербо-хорватскаго народа. Осуществилъ и узаконилъ эту важную реформу Вукъ столько же употребленіемъ этого нарѣчія въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этнографическому изученію роднаго народа, сколько изданіемъ на немъ замѣчательнѣйшихъ произведеній народнаго эпическаго творчества и составленіемъ его грамматики и словаря³⁾. Сверхъ того успѣху реформы содѣйствовали многія другія обстоятельства: широкая распространенность южно-штолавскаго нарѣчія, которое слышится не только въ южной Сербіи, но и въ Полимльѣ, Черногоріи, Боснѣ и Герцеговинѣ, Южной Далмаціи; близость этого нарѣчія къ языку лучшихъ далматинскихъ писателей — Гундулича, Пальмотича, Джорджича и Качича-Міошича; освобожденіе Сербіи; наконецъ, поддержка стремленій Вука со стороны сербскихъ князей Обреновичей и Карагеоргиевичей, и такихъ авторитетныхъ славистовъ,

¹⁾ Ср. Списки Доситеја Обрадовића. Новое изданіе братьевъ Јовановичей; Н о в а к о в и ћ, Историја српске књижевности. У Београду, 1867; Ј а г и ć, Iz prošlosti hrvatskoga jezika (Knjizevnik, I, 451—454).

²⁾ Вукъ родился въ селѣ Тершичѣ, въ южной Сербіи.

³⁾ Ср. П. К у л а к о в с к а г о, Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М., 1882.

какъ Кошитаръ и Миклошичъ. Тѣмъ не менѣе безъ борьбы дѣло не обошлось. Славяно-сербскій языкъ не остался безъ защитниковъ и еще долго сохранялъ свое значеніе въ литературѣ православнаго сербства. Окончательное, болѣе или менѣе всеобщее признаніе реформы въ полномъ ея видѣ, т. е. не только по отношенію къ языку, но и новому правописанію состоялось лишь за нѣсколько лѣтъ до смерти Вука (1863). Такъ южно-штокавское нарѣчіе постепенно возвысилось до значенія обще-литературнаго языка для всего сербо-хорватскаго народа. На западѣ, у Хорватовъ, переходъ къ Вуковой штокавщинѣ совершился благодаря Людевиту Гаю († 1872) еще въ концѣ 30-хъ годовъ. Загребскіе писатели (напр. Бабуничъ, Раковецъ, Ив. Мажураничъ, Вукотиновичъ и др.) охотно оставили мѣстное довольно слабое и мало обработанное вайкавское нарѣчіе и приняли для литературнаго употребленія діалектъ болѣе распространенный, болѣе богатый, уже прославленный превосходными созданіями народной поэзіи и выдающимися произведеніями національныхъ писателей. Съ той поры у Сербовъ и Хорватовъ, у православныхъ и католиковъ, въ Бѣлградѣ и Загребѣ, Новомъ Садѣ и Задрѣ, Панчевѣ и Дубровникѣ, въ Сераевѣ и Цетинѣ книги пишутся и печатаются на общемъ литературномъ языкѣ. Онѣ различаются только по внѣшнему виду, по формѣ письма: Хорваты и вообще католическая часть народа уже со временъ Гаю остановились на латинской абecedѣ, принаровленной къ обозначенію славянскихъ звуковъ; въ православномъ сербствѣ утвердилась вуковица т. е. преобразованная Вукомъ, отчасти видоизмѣненная, отчасти дополненная новыми знаками, русская гражданская азбука.

Въ настоящее время новый литературный языкъ имѣетъ уже прекрасную обработку въ произведеніяхъ такихъ крупныхъ писателей-художниковъ какъ владыка П. Нѣгошъ, Бранко Радичевичъ, Миличевичъ, Лаза Костичъ, Матія-Банъ, Веселиновичъ, Иличъ, Князь Николай Черногорскій, Змай-Иовановичъ, Станко Вразъ, Прерадовичъ, Тернскій, Ив. Мажураничъ, Марковичъ, Шенов и др. Онъ служитъ мощнымъ выразителемъ всей умственной и духовной жизни сербо-хорватскаго народа. На немъ имѣется значительная научная литература, поддерживаемая главнѣйше трудами членовъ двухъ высшихъ школъ—Загребскаго университета и Бѣлградской великой школы—двухъ Академій—Юго-славянской (въ Загребѣ) и Сербской Королевской (въ

Бѣлградъ¹⁾ — трехъ матиць (сербской, хорватской и далматинской) и въсколькихъ другихъ учено-литературныхъ учреждений и обществъ—и посвящаемая преимущественно изученію съ разныхъ сторонъ сербо-хорватскаго народа и занимаемой имъ территоріи, въ ихъ прошломъ и современномъ состояніи. На этомъ языкѣ ведется преподаваніе въ школахъ—низшихъ, среднихъ и высшихъ. Онъ пользуется функціями языка общественнаго и государственнаго. Наконецъ (и въ этомъ его главное значеніе) новосозданный литературный языкъ служитъ связующимъ звеномъ между всѣми развитыми и разрозненными частями сербо-хорватскаго народа. Въ дальнѣйшемъ его развитіи и успѣхахъ принимаютъ участіе всѣ вѣтви и разновидности Сербо-Хорватовъ, столь разъединенныя между собой въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ.

Этотъ современный литературный языкъ и будетъ поставленъ на первомъ планѣ въ нижеслѣдующей характеристикѣ сербо-хорватскаго языка. Штокавское нарѣчіе слышно на большей части сербо-хорватской территоріи, въ настоящее время оно играетъ первенствующую роль въ духовной жизни народа, а въ прошломъ подверглось большимъ измѣненіямъ въ своемъ строѣ, чѣмъ другія нарѣчія; потому естественно отправляться именно отъ него при выполненіи вышеуказанной задачи. вмѣстѣ съ этимъ, однако, будутъ приняты во вниманіе всѣ выясненныя доселѣ особенности другихъ нарѣчій и говоровъ.

4. Звуковыя особенности.

Г р а ф и к а.

Въ способахъ обозначенія звуковъ сербо-хорватскаго языка въ старое время не было единства, нѣтъ его и теперъ. Изъ предшествующаго изложенія видно, что сербо-хорватская письменность и литература съ давнихъ временъ пользовались тремя азбуками: *кириллицей*, *глаголицей* и *латиницей*. Къ этимъ азбукамъ нужно присоединить четвертую, т. - наз. *боснійскую кириллицу* или *буквицу*, которая отличалась отъ древней кириллицы особымъ начертаніемъ нѣкоторыхъ

¹⁾ Последняя заимѣла многозаслуженное „Српско учено друштво“.

буквъ (б, в, д, ч) и употреблялось католиками въ Боснѣ, Герцеговинѣ и частью Хорватіи въ XIV—XV ст. и позже¹⁾.

Всѣ эти разнообразныя типы письменъ, за исключеніемъ буквѣцы, представляетъ и современная сербо-хорватская графика. *Угловатая латиница* все еще живетъ въ печатныхъ литургическихъ книгахъ католическаго обряда, употребляемыхъ немногочисленными среди Сербо-Хорватовъ — католиковъ приверженцами славянскаго богослуженія. Старая кириллица уже въ XVIII ст. стала замѣняться русскою гражданкой, которая въ свою очередь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, была преобразована Вукомъ Караджичемъ примѣнительно къ свойствамъ сербо-хорватскаго языка. Сущность преобразованія состояла въ томъ, что изъ новой азбуки были исключены нѣкоторыя буквы русскаго алфавита, именно: щ, з, ѣ, ы, ъ, ю, я, ѓ и съ другой стороны въ нее внесены новыя начертанія для шести звуковъ: ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, j, џ. *Вуковица* и установленное Вукомъ фонетическое правописаніе окончательно усвоены письменностью и литературой всей православной половины сербо-хорватскаго народа. На католическомъ западѣ со временъ Людевита Гая утвердилась *латиница* по той-же орфографической системѣ диакритическихъ знаковъ, кака я уже раньше была выработана для чешскаго языка. Преобразование латинской абцеды, столь недостаточной для выраженія славянскихъ звуковъ, продолжается на сербо-хорватской почвѣ въ новѣйшее время и, кажется, еще не закончено²⁾. Характерныя знаки сербо-хорватской латиницы слѣдующіе: dj, đ, gj (=вукъ. ѣ), ć (=вукъ. ѣ), ž (ж), lj, ḷ (љ), pj, p̣ (п̣), č (ч), š (ш), ġ dž (=вукъ. џ). Соответственно мѣсту возникновенія и распространенія азбукъ латиница обыкновенно называется хорватскимъ письмомъ, а вуковица — сербскимъ. Между обѣими азбуками существуетъ извѣстное соперничество, которое, впрочемъ, съ каждымъ годомъ сглаживается. Теперь не рѣдки изданія, въ которыхъ латиница и вуковица одинаково пользуются равноправностью; не составляютъ

¹⁾ Замѣчательнѣйшій памятникъ, писанный этою азбукой—Полицкій статутъ. Образцы письменъ см. у И. в. Берчича, *Bukvar staroslavenskoga jezika glagolskimі pismeni. U Zlatnom Pragu, 1862.*

²⁾ Въ старое время примѣненіе латиницы къ сербо-хорватской письменности отличалось большимъ произволомъ и создавало путаницу въ правописаніи, особенно при обозначеніи шиплящихъ и свистящихъ.

исключенія писатели чуждые узко-національнаго фаватизма, пользующіеся попеременно то одною, то другой азбукой¹⁾).

Сербо-хорватскія письмена.

Глаголица (угловатая).	Кириллица.	Вуковица.	Латиница.	Числовыя значенія.	
				Кирил.	Глагол.
А а	А а	А а	A a	1	1
Б б	Б б	Б б	B b	—	2
В в	В в	В в	V v	2	3
Г г	Г г	Г г	G g	3	4
Д д	Д д	Д д	D d	4	5
Е е	Е е	Е е	E e	5	6
Ж ж	Ж ж	Ж ж	Ž ž	—	7
З з	З з	—	—	6	8
З з	З з	З з	Z z	7	9
И и	И и	И и	I i	8	10
Ј ј	Ј ј	Ј ј	J j	10	20
Љ љ	Љ љ	Љ љ	Dj dj, Đ đ	—	30
К к	К к	К к	K k	20	40
Л л	Л л	Л л	L l	30	50
М м	М м	М м	M m	40	60
Н н	Н н	Н н	N n	50	70
О о	О о	О о	O o	70	80
П п	П п	П п	P p	80	90
Р р	Р р	Р р	R r	100	100
С с	С с	С с	S s	200	200
Т т	Т т	Т т	T t	300	300
У у	У у	У у	U u	—	400

¹⁾ Ср. напр. изданія Юго-славянскої Академіи: *Starine, Statuta lingua croatica conscripta*; Сараевскій *Glasnik Zemaljskoga Musea* и др.

Глаголица (угловатая).	Кириллица.	Вуковица.	Латиница.	Числовые значенія.	
				Кирил.	Глагол.
Ф ф	Ф ф	Ф ф	F f	500	500
Ъ ъ	Х х	Х х	H h	600	600
Ѡ ѡ	Ѡ ѡ	—	—	800	700
ѡ ѡ	шт ѡ	шт	št	—	800
Ѣ ѣ	Ц ц	Ц ц	C c	900	900
Ѥ ѥ	У у	Ч ч	Č č	90	1000
Ш ш	Ш ш	Ш ш	Š š	—	—
—	(Ъ ѡ)	—	—	—	—
—	Ы	—	—	—	—
Ѧ ѧ	Ь ь	—	—	—	—
А а	Ѧ ѧ	je, ije	ê, je	—	—
Ш ш	Ю ю	ju	ju	—	—
—	Ѫ ѫ	ja	ja	—	—
—	Ѭ ѭ	je	je	—	—
—	(Ѭ ѭ)	—	—	(900)	—
—	(Ѯ ѯ)	—	—	(90)	—
—	(Ѱ ѱ)	—	—	—	—
—	(Ѳ ѳ)	—	—	—	—
—	Ѵ ѵ	kc	ks	60	—
—	Ѷ ѷ	pc	ps	700	—
Ѹ ѹ	Ѹ ѹ	—	(th)	9	—
Ѻ ѻ	Ѻ ѻ	—	—	400	—
—	Ѽ ѽ Ѿ	ħ ħ	Ć ć	—	—
—	—	љ љ	Lj lj, Ľ ľ	—	—
—	—	њ њ	Nj nj, Ń ń	—	—
—	—	Ѵ ѵ	Dž dž, Ğ ğ	—	—

Частныя замѣчанія.

1) Угловатая глаголица несомнѣнно образовалась пзъ болѣе древней круглой.

2) Заключенныя въ скобки, кирилловскія буквы: ъ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ почти не встрѣчаются въ памятникахъ сербскаго письма; весьма рѣдко употребляется и ы.

3) Знакъ ѣ, обозначающій мягко *д* (*dj*, *h*), встрѣчается въ кирилловскихъ памятникахъ съ XII в. (грамота бана Кулина). Съ половины XIV в. этотъ знакъ и однородный съ нимъ *и* служатъ также для обозначенія и мягкаго *т* (*tj*, *h*): меѣа, хоѣе.

4) Введенные Вукомъ Караджичемъ знаки *ђ* (= *д'ж'*) и *ћ* (= *т'ч'*) представляютъ видоизмѣненіе указанныхъ древнихъ начертаній *и*, *ѣ*.

5) Изобрѣтенные Вукомъ знаки *љ*, *њ* и соотвѣтствующіе имъ хорватскіе *l*, *ñ* (*lj*, *nj*) обозначаютъ мягкія *л*, *н*.

6) Начертаніе *џ* совсѣмъ лишнее, такъ-какъ обозначаетъ тотъ самый согласный дифтонгъ, который удобно передается двумя буквами—*дж*. Вуъ Караджичъ заимствовалъ этотъ знакъ изъ румынской графики. Онъ употребляется почти исключительно въ заимствованныхъ словахъ: џамија, џин (= джиг), Маџар (но п Мађар). Съ этимъ знакомъ писалъ свою фамилію и самъ реформаторъ сербской азбуки—Караџић.

7) Вуковица заключаетъ въ себѣ всего 30 знаковъ. Порядокъ размѣщенія въ ней новыхъ письменъ слѣдующій: *ј* послѣ *и*, *ђ* послѣ *д*, *љ* послѣ *л*, *њ* послѣ *н*, *ћ* послѣ *т*, *џ*—предпоследній знакъ (передъ *ш*) въ азбукѣ.

8) Въ новѣйшихъ печатныхъ изданіяхъ старыя глагольскія памятники сербо-хорватскаго происхожденія обыкновенно воспроизводятся въ кирилловской или латинской транскрипціи. Такъ, напр., изданы Юго-славянской Академіей хорватъ-далматскіе статуты, Колуничевъ сборникъ 1480 г. и другіе тексты.

А) Г л а с н ы е.

Важнѣйшія, наиболѣе характерныя, особенности сербо-хорватскаго вокализма составляютъ слѣдующія явленія: 1) исчезновеніе глухихъ и переходъ ихъ въ ясныя гласныя, преимущественно въ *а*;

2) замѣна старо-слав. ж, л чистыми у, е; 3) своеобразныя и разнородныя соотвѣтствія старо-слав. њ; 4) особенно широкое развитіе функціи гласнаго а; 5) неразличеніе ы отъ и; 6) слогообразующіе л и р и вокализациа перваго изъ нихъ въ у; 7) различеніе количества гласныхъ, ихъ долготы и краткости; 8) широкое примѣненіе закона стяженія гласныхъ.

Утрата глухихъ гласныхъ и замѣна ихъ ясными (звонкими).

Сербо-хорватскій языкъ, въ противоположность своимъ сосѣдямъ—языкамъ болгарскому и словинскому, не любитъ глухихъ, неопредѣленныхъ звуковъ и напротивъ стремится къ отчетливому и ясному произношенію гласныхъ. Эта черта наблюдается почти на всемъ протяженіи территоріи, занимаемой языкомъ (за исключеніемъ Черногоріи и областей, сосѣдящихъ съ болгарскимъ языкомъ) и должна быть признана одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей сербохорватскаго вокализма.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ старо-слав. яз. слышны были з и ѝ, сербо-хорватскій языкъ или совсѣмъ безслѣдно устраняетъ эти звуки, или же замѣняетъ ихъ яснымъ а (рѣже е). Безслѣдное исчезновеніе глухихъ наблюдается: 1) въ концѣ многосложныхъ словъ: гром, пут, камен, поток; 2) въ концѣ односложныхъ словъ (какъ предлоги), употребляющихся только въ связи съ другими словами, въ томъ случаѣ если при произношеніи они сливаются съ послѣдними въ одно цѣлое: *к матери, с кошем* (но *са мною*); 3) въ срединѣ словъ между такими согласными, которые легко можно произнести вмѣстѣ или при выговорѣ раздѣлить между предыдущимъ и послѣдующимъ слогами, напр. при суффиксахъ: *ѣна, ѣно, ѣма, ѣство, ѣскъ, ѣта, ѣба, ѣда, ѣка, ѣче, ѣча*: сестрична, вечерња, достојанство, молба, тетка и др. — Обыкновенно вм. з, ѝ выступаетъ а: сан, сат, лав, дан, магла, бадар, част, данас (двньсь), танак (тънъкъ), таман (тъмьнь), сабор, ован, различан, рожац, седам, јесам. Въ кайкавскомъ нарѣчьи вм. а во всѣхъ этихъ случаяхъ е: *otec, sedem, јesem*. Изрѣдка является е въ чакавщинѣ и штокавщинѣ: *stegno* (стыгна), *pravedan* (правдьнь). Въ Черногоріи до сихъ поръ удержались глухіе звуки; тамъ говорятъ: *сѣн, отѣц, дѣн, пѣс, мѣгла*.

Окончательное исчезновеніе глухихъ и появленіе на мѣстѣ ихъ яснаго гласнаго (а) произошло уже въ историческое время. Данныя,

приведенныя выше (стр. 222, 226, 231), свидѣтельствуютъ о томъ, что древнѣйшіе памятники сербо-хорватскаго языка XII—XIII хорошо знали начертаніе одного глухаго ѣ (глаг. г). Употребленіе этого знака такъ послѣдовательно и широко распространено, что можетъ только подтверждать предположеніе о существованіи глухаго звука въ сербо-хорватскомъ языкѣ въ ранній періодъ его исторической жизни. Но уже тогда совершался процессъ исчезновенія глухихъ. Памятники знаютъ только одинъ глухой-узкій ѣ, который исполняетъ функціи ѣ и з и не только въ образцахъ настоящей народной рѣчи (напр. въ глагольскихъ и дубровницкихъ грамотахъ), но и въ текстахъ старославянскаго языка сербо-хорватской редакціи; напр.: ѣ банъ босънски приѣтель быти вамъ, дѣвъкъ, съвѣтъ, сътвори, богъ, законъ, днь и т. д. Очевидно, въ языкѣ было утрачено чутье къ различенію видовъ глухихъ, хотя вообще глухой еще не былъ совсѣмъ чуждъ уху сербо-хорвата. Слѣдующимъ моментомъ въ этомъ процессѣ было исчезновеніе глухихъ въ концѣ и срединѣ словъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ не затруднялся выговоръ согласныхъ. Примѣры опущенія ѣ въ срединѣ словъ весьма многочисленны уже въ памятникахъ XIII в.; напр. *саки, все, поповска, тко, створить* (надпись въ Жичѣ 1228 г.), *босънски, добиткъ* (грам. 1234—1240). Въ XIV—XV ст. такихъ примѣровъ встрѣчается еще болѣе. На концѣ словъ ѣ обыкновенно сохраненъ въ памятникахъ, но тамъ онъ не обозначаетъ никакого звука, а есть простой знакъ, державшійся въ письменности только въ силу орфографической традиціи (подобно тому какъ з въ русскомъ письмѣ). Тоже самое нужно замѣтить относительно ѣ въ сочет. *ръ* (*въръсть, сръбски*); онъ служитъ лишь показателемъ гласности *р*, какъ это будетъ доказано ниже. Наконецъ, послѣднимъ моментомъ въ исторіи сербо-хорватскаго глухаго было появленіе вм. него яснаго гласнаго, сперва *е*, а потомъ почти исключительно *а*. Явленія этого рода также наблюдаются въ памятникахъ XIII ст., но въ ту пору они еще очень рѣдки и относятся исключительно къ замѣнѣ ѣ гласнымъ *е*, напр.: *босеньски, добитекъ* (грам. бана Нинослава 1240 г.), *любевь, добитекъ* (грам. 1247 г.), *доходекъ* (грам. 1253 г.). А вм. ѣ появляется только съ XIV ст.¹⁾: *ва* *име, дубровачки, добитакъ, босанцемъ* (грам.

¹⁾ Въ грамотѣ бана Кулина (1189 г.) по изданію Шафарика (*Památky*) встрѣчается слово „босански“; но въ изданіи Миклошича (*Monumenta Serbica*) по рук. XIII в. тоже

бана Стефана 1332 г.), данась, ва виеки, земалних, васелени, избрань, ванукъ, часть, любовь, са всѣми меѣнами, на великъ дань, казнаць (грам. 1333 г.). Къ концу XIV ст. число подобныхъ примѣровъ увеличивается, а въ XV в. замѣна стараго глухаго звукомъ *a* (въ срединѣ словъ и предлогахъ *къ, съ, съ*) становится общимъ правиломъ въ памятникахъ кирилльскихъ, глагольскихъ и латинскихъ. *E* вм. ѣ выступаетъ въ памятникахъ этой эпохи какъ исключеніе; напр. юсемъ (грамота Стефана Первовѣнч. въ сп. XIV в.) *Редь* рядомъ съ *Рѣтъ* и *Ратъ* (грам. 1334 г.).

Соотвѣтствія старо-славянскимъ ж, ѡ.

Были ли въ сербо-хорватскомъ языкѣ носовые гласные, по выговору напоминавшіе старо-славянскіе ж, ѡ, нынѣшніе польскіе *ą, ę*, или носовые гласные македонскихъ говоровъ? На этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: если и были, то въ самый ранній періодъ жизни сербо-хорватскаго языка, о которомъ собственно говоря ничего не извѣстно; въ историческое время Сербо-Хорваты уже не знали носовыхъ гласныхъ. Предположенія о томъ, что сербо-хорватскій языкъ, по выдѣленіи изъ славянскаго праязыка, нѣкоторое время сохранялъ носовые гласные, подтверждается существованіемъ въ современномъ языкѣ ряда словъ, въ которыхъ нельзя не видѣть слѣдовъ прежняго носоваго произношенія: брѣчати, брѣнчати, гондрати, жвѣчати, клѣпетати, мѣнчати и друг. Если принять это предположеніе, то нужно допустить, что процессъ перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые начался очень рано, а къ X—XI ст. онъ уже закончился. Сохранившіяся въ греческихъ и латинскихъ текстахъ сербо-хорватскія собственныя имена представляютъ чистые гласные, вм. ожидаемыхъ носовыхъ: Тоῦγα=Тѣга, Τζεεσδλαβος=Чѣславъ, Ζετλήβη=Зета (X ст. Конст. Порф.), Luca=Лѣва (названіе жупы въ грам. 1059 г.), Dubrave=Дѣбрава (грам. 1078), Svetoslavus=Свѣтославъ (грам. 1052), Mucimir=Мѣтимиръ (грам. 1076), Cetina (грам. 1066, 1078), Vekenego=Вѣщенѣгъ (грам. 1052), Vekiedrago (грам. 1190).

слово напечатано: босьнски. Такъ и въ критическомъ изданіи грамоты, сдѣланномъ И. И. Срезневскимъ въ Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, 1852, 344. Подлинная грамота бана Кулина хранится въ Петербургѣ, въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ уже указано выше, (стр. 221) встрѣчаются въ древнихъ источникахъ въ иной формѣ, съ правописаніемъ, указывающимъ на носовое произношеніе *Tčéntiva*, *Tčéntčřna* (назв. Жупы), *Zéntiva* (назв. рѣки), *Mountčřros* (Конст. Порфир.), *Montemerus* (грам. 874), *Muncimir* (грам. 892). Сюда же нужно присоединить *Sarento*=Хоржъ (грам. 837). Шафарикъ (*Serbische Leseköfner* 31, 34) и видѣлъ въ этихъ словахъ немногіе и слабые слѣды носовыхъ гласныхъ въ IX—X вв. Но малочисленность примѣровъ даннаго рода, происхожденіе которыхъ непремѣнно изъ сербохорватскаго источника не всегда можетъ быть доказано, не подрываетъ высказаннаго положенія. Быть можетъ, въ IX—X ст., въ отдѣльныхъ словахъ какъ Мутимиръ еще слышенъ былъ носовой гласный (*Mountčřros*, *Montemerus*, *Muncimir*), который въ XI ст. въ тѣхъ же словахъ замѣнился чистымъ *y* (*Mucimir*). Тѣмъ не менѣе законъ перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые въ ту пору имѣлъ всеобщее значеніе и широкое примѣненіе. Въ древнѣйшихъ памятникахъ сербохорватскаго языка, какъ глагольскихъ, такъ кириловскихъ, уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ носовыхъ гласныхъ; вмѣсто нихъ всегда выступаютъ чистые (ср. выше стр. 226).

Въ старомъ и новомъ, книжномъ и народномъ, сербо-хорватскомъ языкѣ старо-слав. *ж = y*. Этотъ законъ послѣдовательно выдержанъ какъ въ корняхъ, такъ въ флексіяхъ. Примѣры: *буде*, *праву*, *вѣру*, *тръгуюке*, *буду*, *книгу*, *тисука* (грам. бана Кулина 1189 г.); *свою дѣдину*, *суда* (грам. Стефана Немани 1193 г.); *греду* (3 л. мн. ч.), *у землю*, *у коемъ годѣ судѣ*, *да се не прю* (грам. 1222—1228); *губа*, *угао* (жгль), *рука*, *гусле*, *круг*; *дуб*, *муж*, *зуб*, *јесу*, *иду*, *беру* (3 л. мн. ч.), *умејући*, *жену*, *стварју* (твор. п.), *вашу* и т. п.

Старо-слав. *л = е*. Примѣры: *присезаю*, *у име*, *светога*, *кнеже*, *ходе* (3 л. мн. ч.), *десеть*, *деветъ*, *мѣсеца* (грам. бана Кулина 1189); *ѡпшпшља*, *пшъмз*, *яз* (Любл. брев. XII в.); *usegez* (Маруличъ), *зет*, *гледати*, *везати*, *ред*, *пета*, *племе*, *земле* (род. п. ед., имен., вин. пп. множ. ч.), *ме*, *те*, *се* (мл, тл, сл), *влек*, *виде* (3 л. мн. ч.), *носе* (3 л. мн. ч.), *видећи* и т. д.

Въ старомъ языкѣ, а кое-гдѣ на западѣ и теперь, послѣ *j*, *č*, *ж* старо-слав. *л* иногда переходитъ въ *а* (вм. *е*); напр.: *засмо*, *пригати* (Микл. Monum. Serb.), *ѡлѡвѡл*, *почамши* (Monum. Serb.), *čado*, *јати*, *oduјati*, *јазик*, *zajac* и *zec* (у Далматинск. писателей). По мнѣнію В.

Ягича (Književnik I, 341 — 342) это звуковое явление есть остатокъ глубокой, до-исторической старины. Оно сближаетъ сербо-хорватскій языкъ съ русскимъ, чешскимъ и сербо-лужицкимъ языками, въ которыхъ переходъ узкаго носоваго=л въ *ja* составляетъ общее правило.

Иногда въ западныхъ говорахъ вм. *e* (изъ л) слышно и *je* (*uje*): джетао, јастријѣб, осјекнути. Ср. чешское рѣт, мѣ, тѣ.

Относительно процесса образованія *y* и *e* изъ древнихъ носовыхъ гласныхъ не все ясно. Для старо-слав. ж обыкновенно предполагаютъ основной выговоръ *om*, для л—*en*. Что изъ *en* при выговорѣ гласнаго безъ участія полости носа получился чистый гласный *e*—это повятно. Но почему изъ *om* или *o*, произносимаго съ носовымъ привзвукѣмъ получилось *y*—не такъ легко объяснить. Очень возможно, что *om* на сербо-хорватской почвѣ первоначально перешло въ *um*, которое впоследствии при разившейся въ языкѣ наклонности къ чистому выговору гласныхъ, стало звучать какъ *y*. Миклошичъ (Vergl. Gram. I, 93) допускаетъ этотъ процессъ для *y* (изъ ж) въ чешскомъ и русскомъ языкахъ. Отчего бы не предположить его и для сербо-хорватскаго языка. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого предположенія могутъ служить, кромѣ приведенныхъ выше словъ Μουττιήρος, Μυσιμίγ, употребительныя въ чакавскомъ нарѣчїи формы твор. пад. ед. ч. отъ основъ на *a* (вм. старо-слав. ож или ж): жепит, гукит.

У вм. ж можетъ быть долгимъ или краткимъ. Долгое *y*: дѹб, гѹлѹб, вѹпати, несѹ (3 л. множ. ч.), идѹћи и др.; краткое: мѹв, дѹти, жену, хоѹ и т. д.

Е вм. л можетъ быть долгимъ или краткимъ. Долгое *e*: дѣсѣт, грѣда, мѣсо, видѣ (3 л. мн. ч.), видѣћи, рибѣ (род. п.); краткое: зѣт, тѣле, плѣме, језик, везати, ред.

Переходъ ж въ *y*, кромѣ сербо-хорватскаго существуетъ, въ русскомъ, чешскомъ, словацкомъ и сербо-лужицкомъ; л=е кромѣ сербо-хорватскаго въ словенскомъ и болгарскомъ.

Соотвѣтствїя старо-славянскому ѣ.

Старо-славянскому ѣ въ различныхъ областяхъ сербо-хорватскаго языка соотвѣтствуютъ различные звуки: *e*, *uje* или *je*, *u* (*i*), *ѣ*.

Выговоръ *e* (широкое *e*—*екавщина*) господствуетъ на востокѣ (срѣмскїй или восточный говоръ), въ Срѣмѣ, Банатѣ, въ сѣверной и

восточной части сербскаго королевства по Ресавѣ, Моравѣ, до Тимока, Неготина и Ниша, а также въ Старой Сербіи. Примѣры: лепо, дете, сено, време, цена, цвет, гнездо, грех, хлеб, мед, редак, сед, вера.

Выговоръ *ије, је* (*јекавица*, южный или герцеговинскій говоръ) слышится въ Черногоріи, Бокѣ Которской, Дубровникѣ, сѣверной Далмаціи, большей части Босны, Герцеговины и Славоніи, а также въ сербскихъ комитатахъ Угріи. Двугласное *ије* замѣняетъ долгое *ѣ*, *је*— краткое. Примѣры: *лијец, дијете, вријеме, цијена, двијет, гнијездо, гријех, риједак, сијед; дјело, сјеме, завјет, савјет, мјед; вједро, вјера*.— Передъ *о* и *ј* вм. *је* слышно *и*: *био* (бѣль), Биоград, *сијати*. Относительно выговора *ије* не все ясно. По авторитетному свидѣтельству Вука Караджича *ије*, замѣняющее долгое *ѣ*, произносится какъ двуслоговой звуковой комплексъ со слабымъ короткимъ удареніемъ на *е*: *ријэка, бијэла*. Иное утверждаетъ новѣйшій филологъ, тонкій наблюдатель сербо-хорватскихъ говоромъ, М. Решетаръ (Arch. f. Slav. Phil., XIII, 592). По его мнѣнію долгое *ѣ* выражается въ южномъ говорѣ посредствомъ двугласнаго *ие*, который произносится или какъ одинъ слогъ *иэ*: *сиэно, тиэло, лиэпо* или же распадается на два слога равной продолжительности съ удареніемъ на первомъ изъ нихъ: *сијено, тијело, лијепо*. Послѣдній выговоръ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда *ѣ* стоитъ подъ сильнымъ удареніемъ. Если же на *ѣ* падаетъ слабое удареніе, то двугласный *иэ* произносится какъ одинъ слогъ, имѣющій слабое, но долгое удареніе: *риэка, биэла*.

Выговоръ *и* (*икавица*, юго-западный) господствуетъ на юго-западѣ: въ Истріи, Приморьѣ, сѣверной Далмаціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Босны, Герцеговины, прежней Военной Границы и Славоніи. Сюда же нужно присоединить говоръ Хорватовъ, живущихъ въ нижней Италіи, въ Молизскомъ графствѣ. Примѣры: *липо, дите, врѣме, цина, цвѣт, гниздо, грих, ридак, сид, вира*.

Выговоръ *ѣ* (узкое *е*, напоминающ. франц. *é*) составляетъ особенность кайкавскаго нарѣчія, господствующаго въ сѣверо-западной Хорватіи (Загребская, Вараждинская и Крижевецкая столицы). Этотъ говоръ можно назвать сѣверо-западнымъ (*ѣкавица*). Примѣры: *лѣро, дѣте, врѣме, свѣт, вѣга, грѣх* и т. д. Такой же выговоръ *ѣ* наблюдается въ восточныхъ говорахъ словинскаго языка.

Точное разграниченіе областей каждаго изъ этихъ различныхъ выговоровъ древняго *ѣ* еще не сдѣлано, да и врядъ ли возможно. Иногда

на одной территоріи встрѣчаются два неодинаковыхъ говора, напр. въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Точно также недавно было указано Решетаромъ (Arch. f. Slav. Phil., XXII, 591) на случаи выговора *ъ* какъ *e* (въ Истріи и Приморьѣ) и какъ *je* (на островѣ Лагостѣ) въ предѣлахъ икавщины. Поэтому не правильно было бы принимать икавщину и *јекавщину* за примѣты штокавскаго говора, а икавщину — разсматривать какъ характерную особенность чакавщины и еще болѣе неправильно называть первые два говора сербскими, а послѣдній хорватскимъ, какъ это сдѣлано Миклошичемъ въ его Сравн. Грам. (Vd. I, 391—392).

Разнообразіе выговора др. *ъ* въ сербо-хорватскомъ языкѣ восходитъ къ глубокой древности. Указаніе на него можно видѣть даже въ немногочисленныхъ (сербо-хорватскихъ словахъ, сохраненныхъ латинскими и византійскими источниками IX—XI в.: *billa* (бѣла) *stiniza* (грам. 1000), *suidoz* вм. *svjedok* (грам. 1069), *Belegradum* (письмо папы Іоанна VIII, 878 г.), *Βελέγραδα*, *Πλέβα* (Конст. Порфир.¹⁾). Съ появленіемъ у Сербо-Хорватовъ письменности разнообразныя отгѣнки звуковаго значенія древн. *ъ* уже выражены въ памятникахъ XIII—XIV вв.; напр. *ъ = e*: тебе (дат. п.), верно, света (грам. 1238) повелѣнью и повѣленію, гневомъ, съ (вм. *se*), у вере (грам. 1254 г.), у Призрене, у граде, у то време бепе (грам. 1347); *ъ = u*: мисеца, симену *викта* (грам. 1332), ви висте *виру*, до *вика* (втор. полов. XIV в.), *пльятъзъ*, *пъязчъ*, *възпър* (грам. 1309 г.) *ъ = ie*: *лиета*, хотиениемъ, до *виека* *векама*, *свиета* (грам. 1313 г.) *виекникъ*, *свидиение* (1399), с *диецомъ*, *миесто* (1410 г.). (Ср. выше стр. 232, 233).

Указанные разнообразные рефлексы древняго *ъ* наблюдаются при образованіи словъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ *ъ* произошло изъ удлинненія первоначальнаго *e*; именно: 1) при образованіи многократныхъ глаголовъ: *погриѣбати*, *загрибати*, *рогрѣбати*; *лѣгати*, *лиѣгати*, *литати*, *смѣтати*, *смиѣгати*, *смитати*, *смѣтати*; *лѣгати*, *лиѣгати*, *налигати* 2); 2) при образованіи преходящаго времени: *бодѣих*, *бодѣх*, *бодѣх*, *гредѣих*, *гредѣх*, *кладѣих*, *кладѣх*, *кладѣх*; 3) при образованіи аори-

¹⁾ Ср. выше стр. 221.

²⁾ Въ глаголахъ многократнаго вида, представляющихъ въ старо-славянскомъ яз. *и* вм. *ъ*, выступаетъ *и* во всѣхъ нарѣчіяхъ сербо-хорватскаго яз. напр.: *избирати*, *издирати*, *умирати* и др.

ста съ замѣнительнымъ удлиненіемъ кореннаго гласнаго: *поднијех*, *поних* (=поднесхъ), *ријех* (=рехъ); 4) при перестановкѣ *e*: *мријети*, *млјети*.

А.

Звукъ *a* составляетъ характеристическую черту сербо-хорватскаго вокализма. Онъ выступаетъ не только въ тѣхъ корняхъ и суффиксахъ, гдѣ старо-славянскій и другіе славянскіе языки также содержатъ *a* (*рана*, *баба* и др.), но и во многихъ другихъ случаяхъ гдѣ остальные славянскіе языки представляютъ иные гласные (*z*, *ь*, *o*, *e*) или совсѣмъ не имѣютъ гласнаго; напр.: *сан*, *дан*, *добар*. Наклонность къ широкому употребленію звука *a* составляетъ такое же отличительнѣйшее свойство сербо-хорватскаго языка, какимъ служить напр. въ русскомъ языкѣ полногласіе. По приблизительному разсчету¹⁾, на 100 звуковъ гласныхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ звуку *a* приходится 33,8⁰/₀, звуку *o*—20,2⁰/₀, звуку *u*—18,1⁰/₀, *e*—16,7⁰/₀, звуку *y*—11,03⁰/₀, т. е. звукъ *a* слышится чаще всѣхъ другихъ звуковъ. Между тѣмъ въ другихъ языкахъ процентное отношеніе гласныхъ звуковъ совершенное иное; напр. въ старо-славянскомъ: *a*—12,7⁰/₀, *o*—13,4⁰/₀, *u*—20,4⁰/₀, *e*—13,4⁰/₀, *y*—5,5⁰/₀, *z*—13,9⁰/₀, *ь*—6⁰/₀.

Такимъ образомъ въ сербо-хорватскомъ яз. нужно отличать двоякое *a*: 1) соответствующее *обще-славянскому a* и 2) возникшее на мѣстной почвѣ, по отдѣленіи языка отъ общаго корня. Последнее *a*, въ отличіе отъ обще-славянскаго называютъ *вторичнымъ* (*секундарнымъ*²⁾).

Вторичное *a* выступаетъ прежде всего вм. старо-славянскихъ глухихъ *z*, *ь*. Это явленіе уже рассмотрѣно выше (стр. 245). Переходъ въ ясный гласный здѣсь, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ происходилъ въ силу закона равновѣсія: конечный *z*, *ь* исчезалъ, срединный *z*, *ь* возвышался въ *a* (иногда *e*). Но кромѣ закона равновѣсія въ этомъ процессѣ принимаетъ участіе удареніе; напр. *магла*

¹⁾ Ср. статья проф. Кочубинскаго въ Филолог. Зап., 1870 г., вып. VI.

²⁾ Разъясненіемъ весьма важныхъ вопросовъ о происхожденіи вторичнаго *a* и употребленіи его въ языкѣ наука обязана главнѣйше замѣчательнымъ изслѣдованіямъ Акад. Ягича: 1) *Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku* (Rad. IX); 2) *Woher das secundäre a* (Arch. f. Slav. Phil., IV, 397). Ср. также указанную выше статью проф. Кочубинскаго.—Звукъ *a* отличит. черта сербскаго вокализма, въ Фил. Зап., 1870, кн. VI.

(старо-слав. *mgla*, въ друг. яз. односложное: *mgla*, *mhla*) *изддирати*, *обдзирати*, *роздгнати*. Роль вторичнаго *a*, однако, не ограничивается замѣной старо-слав. глухихъ. Этотъ звукъ является въ сербо-хорватскомъ языкѣ нерѣдко тамъ, гдѣ въ старо-славянскомъ, или въ другихъ славянскихъ языкахъ были чистые гласные (*e*, *u*, *o*) или совсѣмъ не было и нѣтъ никакого гласнаго элемента. Онъ служитъ для облегченія выговора словъ въ случаяхъ скопленія многихъ согласныхъ и наблюдается въ срединѣ и концѣ словъ, въ коренныхъ слогахъ и флексіяхъ.

Вторичное *a* въ срединѣ словъ: *бадар* (бѣдръ, р. *бодръ*), *павал* = *пакао* (пѣкль, р. *пекло*, ч. *reklo*), *вапaj* = *вапаль* (вѣплъ, р. *воплъ*) *мисал* = *мисао* (мысль), въ *вайкавск. нар.* *misel*, *мосак* (р. *мозгъ*, ч. *mozk*, *pozek*), *осам*, *седам*, *остар*, *восак*, *свекар*.

Вторичное *a* въ концѣ словъ: *ча* (старо-слав. *что*), но съ предлогами безъ гласн. *a*: *нач*, *зач*; *ништа* (старо-слав. *ничто*), *са*, *саj* (*съ*), *та* или *таj*; предлоги: *ка*, *са*, *ва*, *беза*, *кроза*, *иза* или *к*, *с*, *в*, *без*, *кроз*, *из*; года (изъ старо-слав. *годъ*, которое первоначально звучало въ сербо-хорв. *годи*, потомъ *и* отпало: *год* (Марул.), позже явилось *a*: года); *куд*—*вуда*, *сада* (*сѣдъ*), *опет*—*опета*, *пак*—*пава*, *свуда* (всюду), *веома* (*вельми*), *соба* (*особь*, *особѣ*), *jera*, *jer*, *jere* (= *еже*).

Позднѣйшей вокализацией окончанія черезъ звукъ *a* объясняются нѣкоторыя характерныя формы склоненія: 1) род. п. множ. ч.: *отацѣ*, *сѣлѣ*, *женѣ*, *племенѣ*, *весалѣ* (вм. *отецъ*, *сель*, *женъ*, *племень*, *весель*); 2) дат. твор. мѣстн. пп. мн. ч. на *ма*: *женама*, *селима*, *пољима*, *племенима* (вм. старо-слав. *отцемъ*, *отцы*, *отцѣхъ*, *женамъ*, *женами*, *женахъ* и т. п.); 3) родит. п. един. ч. муж. и ср. р. мѣстоименнаго склоненія на *га*: *самога*, *нашега*, *кога*, *добрѣга* (такъ и въ словинск. яз., во всѣхъ остальныхъ *го*). Полагають (Ягичъ) что сербо-хорв. яз. уже очень рано сталъ отбрасывать конечное *o*, а потомъ уже прибавилъ секундарное *a*. Это *a* и теперь часто не слышно: можно сказать *добрѣга* и *добрѣгъ*, *самѣга* и *самѣгъ*¹⁾.

Какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, *a* можетъ быть удлинениемъ первичнаго *o*: 1) при образованіи глаголовъ многократнаго вида:

¹⁾ Относительно процесса образованія этихъ формъ см. ниже въ отдѣлѣ формальныхъ особенностей. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что объясненіе указанныхъ формъ прибавкой вторичнаго *a* не всѣми раздѣляется. Ср. Миклошича, *Vergl. Gram.*, I, 388.

бáдати, разговáрати, кáлати, помáгати, залáмати, потвáрати; 2) при перестановкѣ въ сочетаніяхъ формулы *totg*: зláто, градъ.

Е.

Звукъ *e* имѣеть въ сербо-хорватскомъ языкѣ твердый выговоръ и соотвѣтствуетъ старо-слав. *є*: жéна, Боже, земьях, пече, иде, и т. д.

Независимо отъ общеславянскаго значенія *e* замѣняетъ 1) старо-слав. *л*: име, чедо, греду, виде (3 л. мн. ч.), душе (род. п. един. ч.), (ср. выше стр. 248) и 2) старо-слав. *ъ, ъ*—въ кайдавскомъ нар.: деп, сен (ср. стр. 245).

Подобно зв. *a* гласн. *e* можетъ играть роль секундарнаго звука, служащаго для вокализаціи окончанія: *јесте* (и *јест*), добрбме (дат. мѣстн. п.), добријеме (твор. п.), тиме, њоме, тобоме, собоме (твор. п.—въ нар. пѣсняхъ), богоме, срцоме (у Дубровн. писат.).

О.

Гласный *o* въ сербо-хорватскомъ яз., кромѣ соотвѣтствія общеславянскому *o*, можетъ имѣть значеніе вторичнаго (секундарнаго) гласнаго.

Въ этомъ отношеніи особенно характерна вокализація согласнаго *l*, стоявшаго послѣ гласнаго и заканчивавшаго собою слогъ. Такой *l* (средній, а не смягченный *j*-мъ) въ срединѣ и концѣ словъ обыкновенно переходитъ въ *o*: *писао* (писалъ), *био* (былъ), *плео* (плель), *дао* (далъ), *чинио* (чинилъ), *певао* (певал), *узео* (узел), *мисао* (мысль), *во* (= *воо* = вол), *соко* (= *сокоо* = сокол), *владаоца* (владалца), *моба* (мольба), *диоба* (старо-слав. дѣльба), *криоце* (крыльце). Въ кайдавщинѣ всегда, а чакавщинѣ обыкновенно *l* въ этихъ случаяхъ удерживается: *stol*, *čul*, *dobil*, *rekal*, *misal*, *dal*, *sokol*¹⁾.

Если конечный *l* стоитъ послѣ *њ*, то въ южномъ нарѣчьи (жекавщина) возможенъ двойной выговоръ: *l* остается неизмѣннымъ, или переходитъ въ *o*, а *њ* въ *u*; напр.: *бијел*, *цијел*, *дијел* и *био*, *цно*, *дио*²⁾.

¹⁾ Утверждать положительно, что современная чакавщина не знаетъ перехода конечнаго *l* въ *o* преждевременно, такъ какъ частныхъ наблюденій по сербо-хорватской диалектологіи еще очень мало. Въ литературѣ видимъ противорѣчивыя взгляды. Акад. Ягичъ склоненъ признать это явленіе и въ чакавщинѣ (*Gramatika jezika hervatskog*, 73, Rad IX, 120). Миклошичъ (*Vergl. Gram.*, I, 409) отрицаетъ его. Съ послѣднимъ соглашается и Милчетичъ (*Arch. f. Sl. Phil*, XI, 366).

²⁾ Впрочемъ, независимо отъ указанныхъ случаевъ, вообще въ штокавщинѣ сохранилось не мало словъ, удерживающихъ *l* въ концѣ слога; напр.: *анѣлка*, *бѣл* (дубъ), *вал*,

Переходъ *л* въ *о* можно прослѣдить по памятникамъ съ XIV в. Онъ наблюдается въ текстахъ кирилльскихъ, глагольскихъ и латинскихъ, писанныхъ штокавщиной и чакавщиной; напр.: био, владоаца, купио (грам. 1332), пъявчз (глаго. грам. X в.), sromenuo, potio, umio (Pistule i Evangelia po sfe godischie harvatschim jazichom stupacena и т. д. V Bnetcich, 1586. Ср. Гласник, IX, 16). У далматинскихъ писателей (напр. Лучича и Гекторовича) формы на *л* и *о* чередуются: sokol, vesel, dilnik, posal и dio, bio, tgrio (Луч.). Отсюда нужно заключать, что вокализация *л* въ *о* есть процессъ, развившійся въ историческое время; онъ захватилъ ббльшую часть области сербо-хорватскаго языка, но съ особою послѣдовательностью и постоянствомъ выдержанъ въ штокавщинѣ. Весьма, вѣроятно, что этотъ процессъ стоитъ въ связи съ переходомъ гласнаго *л* въ *у* (влк—вук). По мнѣнію акад. Ягича¹⁾ посредствующимъ звеномъ при переходѣ *л* въ *о* служили звуки: *е* и какой-то глухой *уо*; нѣкоторымъ подтвержденіямъ этого предположенія могутъ служить встрѣчающіяся въ грамотахъ XVI в. формы: бигше разаслае, није пошас, би могае, одлучиу, заповидау. Такъ какъ переходъ *л* въ *е*, а *е* въ *у* довольно обыченъ въ славянскихъ яз. (ср. напр. малорусск. нар., словин. аз. словацкіе говоры), то вокализация согласн. *л* черезъ указанные посредствующія ступени не представляетъ чего-то необъяснимаго.

Кромѣ указаннаго общаго закона вокализаціи конечнаго *л*, характерный примѣръ появленія вторичнаго *о* представляетъ окончаніе 1 л. мн. ч. всѣхъ временъ: јесмо, хлалимо, печемо, пекосмо, идѣмо, иђасмо. Окон. мо вм. м (= старо-слав. *мѣ*) развилось въ языкѣ вслѣдствіе необходимости дифференцировать формы 1 л. мн. ч. настоящаго времени отъ формъ 1 л. ед. ч., когда послѣднія усвоили одно общее окончаніе *м*: хвалим, идем, печем. (Ср. ниже отд. спряженія).

врагоство (шалость), дулац—дулца (тростникъ), ѓаволки, захвалност, калпак, малко, убилца—убилца (Ср. Новаковича, Грамматика Серб. яз. рус. пер. стр. 27). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области чакавскаго нарѣчія (на островахъ Керкѣ, Силбѣ, Олибѣ) конечное *л* совсѣмъ не слышно: Zatѣke bada (badal), misle (mislil), novi, bi (bil) и т. п. Ср. Arch. f. Slav. Phil., XI, 367.

¹⁾ Rad IX, 121—122.

²⁾ Иначе думаетъ проф. Кочубинскій (Ср. Фил. Зап., 1870, в. VI, 35), объясняющій *о* въ словахъ био, рекао, дионица и т. д. изъ старо-славянскаго *лз* (*лѣ*), въ которомъ *л*—пропалъ, а глухой звукъ по закону равновѣсія усилился въ *о*.

И.

Гласный *и* въ сербо-хорватскомъ яз. соотвѣтствуетъ не только старо-славянскому *и*, но и *ы*. Вездѣ, гдѣ въ старо-славянскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ необходимо широкое *ы* (польск. *y*), вмѣсто него въ сербо-хорватскомъ (во всѣхъ говорахъ) слышно узкое *и*; напр.: бити (быти), рити, бистар, риба, висок, кидати, мити, питати, мисао, ми, ти, (ты).

Есть нѣкоторое основаніе думать, что въ IX—X в. въ языкѣ еще сохранялись слѣды звука *ы*. На это указываетъ характерное правописаніе нѣсколькихъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ латинскихъ грамотахъ хорватскихъ королей и въ извѣстномъ историческомъ сочиненіи византійца Константина Порфиророднаго: *Zatimustlo*, *Nedamustlo*, *Nemustlo*, *Cresamustlo* (Затимысль и т. д.). Βοιπέσδλαβος (Выпеславъ), Βοοσεβούτζη (Вышевичъ). Ср. выше 222 стр. Но уже въ XII в., насколько можно судить по древнѣйшимъ памятникамъ сербо-хорватской письменности, *ы* замѣнялось звукомъ *и*. Въ кирилловскихъ текстахъ XII—XIV в. еще сохраняется начертаніе *ы*, очевидно подъ вліяніемъ церковно-славянскаго письма, но употребленіе его весьма неправильно; а позже оно и совсѣмъ исчезаетъ. Глагольскія рукописи даже не имѣютъ знака *ы* и представляютъ исключительно *и* (в). Ср. выше стр. 227.

Относительно различенія *ы* отъ *и* сербо-хорватскій сближается съ болгарскимъ, словинскимъ, чешскимъ и сербо-лужицкимъ.

Въ западномъ нарѣчій *и* соотвѣтствуетъ старо-слав. *ѣ*: *вира*, *липо*, *дите*. Ср. выше, стр. 250.

У.

Гласный *у* въ сербо-хорватскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ общеславянскому *у* и сверхъ того замѣняетъ: 1) старо-слав. *ж*: *муж*, *рука*; 2) согласный *ѡ* (= старо-слав. *ѡз*): *у* море, *унув*; 3) гласный *л* (= старо-слав. *лз*, *ль*). Относительно замѣны старо-слав. *ж* чистымъ гласнымъ *у* было сказано (стр. 248). О переходѣ слогаобразующаго *л* въ *у* будетъ рѣчь въ слѣдующемъ параграфѣ. Здѣсь слѣдуетъ рассмотреть вокализацию *ѡ* въ *у*.

Переходъ *ѡ* въ *у* имѣетъ мѣсто въ двухъ предлогахъ, соотвѣтствующихъ старо-славянскимъ *ѡз* и *ѡзъзъ*, которые въ сербо-хорватскомъ языкѣ обыкновенно звучатъ—*у*, *уз*: *у* околину, *у* опште, *у* име, *удо*.

вица, *улавити*, *унутрашњи*, *устанак*, *уторник* (*уторак*), *узети*, *уздржати*, *узносити*, *узвести*, *узмахивати*, *узраст*. Это звуковое явление наблюдается во всей области сербо-хорватскаго языка, за исключеніемъ кайкавщины, гдѣ остается неизмѣннымъ *o* (*v ime*, *v dovina*, *vzeti*). Въ чакавщинѣ рядомъ съ *y*, *uz*, чаще *oa*, *oaz* или *o*, *oz*, при чемъ *a* по общему правилу замѣняетъ прежде исчезнувшій глухой: *oa dne*, *oa ime*, *oa riti*, *oa zeti*. Но и въ штокавщинѣ въ нѣкоторыхъ словахъ удерживается болѣе древній выговоръ *oa*, *oaz*; напр. *vaskrs*, *vaskrsnuti*, *oa vek*, *oa slavu* (рядомъ съ *uskrs*, *uskrsnuti*). Переходъ *o* въ *y* наблюдается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, начиная съ XII в.; напр.: *y име*, *y дьвадесети и девети днь* (грам. бана Кулина 1189 г.), *y Призърѣнѣ*, *y Зетѣ* (грам. Стефана Немани), *y градъ*, *y недѣлу* (грам. Попов. общ. XII в.), *унукуъ*, не *уземле*, *y си градъ*, *y томъ* (грам. 1234 г.). Особенно рѣзко выражена эта черта въ сербскихъ памятникахъ. Чѣмъ народнѣе по языку памятникъ, тѣмъ послѣдовательнѣе въ немъ употребленіе *y* вм. *o*. Тѣмъ не менѣе и въ древнихъ штокавскихъ текстахъ встрѣчаются *o*, *oa*: *oъ име*, *oъсходе* (1234 — 1240), *oa име* (грам. 1332 г.), *oazъведе*, *oa битие*, *oa честитои oaisези* (грам. 1392). Чаще выступаетъ *o* (*oa*) въ хорватскихъ грамотахъ, писанныхъ чакавщиной, которыя, однако, знаютъ и *y*: *vazmu*, *va svrhu*, *vaz buru*, *u tom*, *u srikveničkoj dragi*, *u zaklad*. (Ср. Književnik, I, 344).

Постепенное развитіе указанныхъ соответствій старо-слав. *oъ*, кажется, нужно представлять въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего исчезъ глухой гласный. Оставшееся *o* или вокализировалось посредствомъ прибавки секундарнаго *a* или перешло въ *y*. В несомнѣнно древнѣе *oa* и *y*; но что раньше развилось *oa* или *y*—трудно сказать. Въ восточномъ нарѣчій окончательно возобладало *y*, на западѣ удержалось *o* и *oa*.

Переходъ согласнаго *o* въ гласный *y* представляетъ фізіологическій процессъ, довольно обычный въ славянскихъ языкахъ, напр. словинскомъ языкѣ, моравскихъ говорахъ, бѣлорусскомъ нарѣчій и др.

Слогообразующіе л, р. Переходъ гласнаго л въ у.

Сербо-хорватскій языкъ, подобно чешскому и словацкому, имѣетъ гласные или слогообразующіе *л*, *р*, которые, вѣроятно, существовали и въ старо-славянскомъ языкѣ и отчасти удержались въ ново-болгар-

скомъ (ср. выше стр. 84). Современный языкъ знаетъ главнымъ образомъ гласный *p*; другой же плавный гласный—*л* сохранился лишь кое-гдѣ, какъ діалектическая особенность; обыкновенно онъ переходитъ въ *y* или (рѣже) въ *o*.

Гласный *p* (*r*) одинаково свойственъ всѣмъ нарѣчіямъ сербо-хорватскаго языка: *врх*, *врба*, *Срб*, *срце*, *брдо* — *brg*, *смрт* — *smrt* (кайк.), *прст*, *крст*, *црв* — *črn* (чак.), *црв* — *črv* (чак.), *грло*, *гроце*, *мр-о* — *mr̄l* (кайк.), *зрно*, *вртати*, *гр̄м*¹⁾, *Хрват*, *Hrvatski*. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далмаціи, въ предѣлахъ чакавскаго нарѣчія, вм. гласнаго *p* слышно *ар*: *карв*, *парст*, *даржати*²⁾. Это *a*, по мнѣнію акад. Ягича, есть обычное въ сербо-хорватскомъ яз. секундарное *a*.

Точно усвоить выговоръ гласнаго *p* можно, конечно, только собственнымъ ухомъ при непосредственномъ знакомствѣ съ живою рѣчью Сербо-Хорватовъ. По объясненію Новаковича, при произношеніи этого звука главную роль играетъ движеніе передней части языка къ внутренней сторонѣ верхнихъ зубовъ³⁾.

Гласный *л* удержался спорадически на Керѣѣ и нѣкоторыхъ другихъ далматинскихъ островахъ; напр. въ такихъ словахъ: *vlna*, *plk*, *pln*, *dlgovanje*⁴⁾.

По общему же правилу вмѣсто гласнаго *л* выступаетъ въ штокавинѣ и чакавинѣ *y*, въ кайкавинѣ—*y* и *o*; напр.: *вуь* (влькъ), *сунце*, *дуг* (дльгъ), *пун*, *суза* (сльза), *мучати*, *куне* (кльне), *пук*, *муѡа*, *буха*, *тусти*, *sonce*, *dog* (кайк.).

¹⁾ Сербо-хорватскіе писатели стараго (XVI—XVIII ст.) и новаго времени (до 70 г.), пользовавшіеся латиницей обыкновенно обозначали гласный *p* черезъ *er*, *ar*. Но теперь уже окончательно утвердилось на западѣ и востокѣ однообразное обозначеніе этого звука посредствомъ обыкновеннаго *r*, *p*. Если за гласнымъ *p* слѣдуетъ глухой гласный, то обѣ буквы раздѣляются знакомъ апострофа *gr'oce*, *umr'o*.

²⁾ Эта діалектическая особенность была извѣстна одному изъ старѣйшихъ сербо-хорватскихъ лексикографовъ Миколѣ (Thesaurus linguae illyricae. Laureti, 1649).

³⁾ Гласник Српског ученог друштва. Кн. XXXVII, 45.

⁴⁾ Это мнѣніе, принятое, на основаніи сообщеній Черничча, Миклошичемъ (Vergl. Gram., I, 409) и Ягичемъ (Gramat. jez. hërv. 23 и Arch. f. Slav. Phil., IV, 391) въ новѣйшее время оспаривается другимъ туземнымъ наблюдателемъ И. Мичетичемъ (Arch. f. Slav. Phil., XI, 364), который утверждаетъ, что и на далматинскихъ островахъ, какъ въ другихъ частяхъ сербо-хорватской земли не слышно гласнаго *л*: оно или переходитъ въ *y* (*o*) или звучитъ какъ *ал*, *ел*, *ол*: *velk*, *pekn*, *delg*, *valna*, *paen*, *dalg*, *võna*, *dõg* (*l*—отпаю). Однако, едва ли можно принять на вѣру это новѣйшее сообщеніе и совсѣмъ отвергнуть свидѣтельство такого знатока чакавскаго нарѣчія какъ Черниччъ. Указаніе Мичче-

Переходъ гласнаго *л* въ *у* развился въ историческую пору, приблизительно въ XIV—XV в. Древній языкъ одинаково зналъ оба пляныхъ гласныхъ. Для IX—XI ст. объ этомъ свидѣтельствуесть правописание славянскихъ словъ въ латинскихъ грамотахъ: *Vilcan, Velcan, Vilcina, Velcasa, Chelmennani, Stilbiza; Tirpimirus, Dircislavo, Drizislavus, berda, barda* и др. (ср. выше стр. 222). Въ древнихъ кирилловскихъ текстахъ гласные *л—р* подъ вліяніемъ орфографической традиціи старо-славянскаго языка, обозначаются посредствомъ *ль—рл*: *трыгуюке, срьцемь, дръжати, крьститела* (грам. бана Кулина, 1189 г.), *срьбсковь, Гльбочица* (гр. Стеф. Немани), *Тльсто Брьдо, Чр ни Врьхъ, Влькославъ* (надп. въ мон. Жичѣ), *вьнемо, дльгъ, Хльмьски* и др. Не можетъ быть сомнѣнія, что *ь* здѣсь не имѣетъ самостоятельнаго значенія и служить только для показанія гласнаго выговора *л, р*. Доказательствомъ тому служатъ: 1) нерѣдкое опущеніе *ь* (даже въ древнихъ памятникахъ): *Гргоурь, крвы* (надп. въ мон. Жичѣ), *држимо* (грам. 1233 г.), *краль српски* (грам. 1234, 1240 гг.), *прваго, црве* (грам. Стеф. Деч., 1330 г.), *државу, срчану* (грам. 1333), *Влк, длг*; 2) появленіе *м.* *ь* или при немъ другаго гласнаго передъ или послѣ *л, р*: *кельнемо, кельну, серблинь, твердь* (гр. 1240 г.), *кльрьсть* (гр. 1243 г.), *керьму, герьлу, кельнемо* (гр. 1247 г.), *керьсть, тверьдо* (гр. 1249 г.), *дльгъ* (грам. 1254 г.), *терьге, делгъ, делжень* (гр. 1304 г.). Глагольскія грамоты обыкновенно опускаютъ *ь* (*и*) или замѣняютъ его знакомъ *’*; напр.: *пл’пльблльгъ* (в’држані), *рльопльпльблльи* (прітврділь), *рльпль* (прві), *льблльчлльль* (глобокога), *пльб’льпльгъ* (л’говане)—въ грам. 1309 г., *льмльовъ* (семрті)—въ гр. 1351 г. и др. (ср. Кпјиѣвник, I, 34).

Древнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный для XIII в. примѣръ перехода гласнаго *л* въ *у* представляетъ грамота Холмскаго жупана Радослова 1254 г.: бугарскомъ¹⁾. Въ XIV в. подобныя явленія

гича на разнообразіе гласныхъ, которые слышатся передъ *л* въ такихъ словахъ, какъ *вльи, пльи*, невольно внушаетъ подозрѣніе—дѣйствительно ли передъ *л* отчетливо слышится опредѣленный гласный *и*, наоборотъ, не заключается ли гласность выговора въ самомъ *л*. Во всякомъ случаѣ вопросъ остается нерѣшеннымъ до новыхъ болѣе систематическихъ наблюденій, несомнѣнно требующихъ болѣе или менѣе чуткаго уха. Ничего нѣтъ не возможнаго, что и въ настоящее время кое-гдѣ сохранился гласный *л*, такъ какъ существованіе его въ старое время, даже въ XV ст., не подлежитъ сомнѣнію.

¹⁾ Если только изданіе Миклошича (Мон. Serb., p. 44) вѣрно воспроизводитъ чтеніе этого слова. Въ изданіи Шафарика (Památky, Listiny 22, по друг. сп.) оно читается иначе: *бульгарскимъ*.

чаще: Хумсцемь (1332), Вукапинь (1398), Вук, дугъ. Съ XV ст., а особенно въ XVI ст. гласный *л* обыкновенно замѣняется *у*. Эта полная вокализация *л* развилась первоначально на востоѣ, а потомъ распространилась и въ западной области языка. Кромѣ *у* вм. *л* (= *ль*) въ текстахъ XIV—XVII в. нерѣдко *уо*: *дуога*, *дуожань*, *дуогомь* (гр. 1332 г.), *пуотью* (гр. 1442 г.), на *пуоне* (гр. 1442 г.), *шюпсе*, *риок*, *риот*, *рионите* (Еванг. Раньины, 1508 г.), *шюѣе*, *k stuopu* (Divković, Sto čudesaa, 1611). Послѣднія формы съ *уо* даютъ ключъ къ объясненію процесса перехода *л* въ *у*. По мнѣнію Ягича¹⁾, этотъ процессъ, стоявшій въ связи съ вокализацией *л* въ *о* (въ концѣ слоговъ и словъ, послѣ гласнаго), шелъ такимъ путемъ: гласный *л* развилъ изъ себя (вслѣдствіе близости *л* къ *е*, а *е* къ *ѣ*) неопредѣленный двугласный *ѣо*, въ которомъ первый звуковой элементъ *у*, первоначально слабый, постепенно взялъ перевѣсъ надъ вторымъ—*о* и, наконецъ, поглотилъ его, получивъ слогообразующее значеніе²⁾. Въ кайбавскомъ нар. могъ брать перевѣсъ элем. *о*. Иначе думалъ Мильошичъ, представлявшій себѣ постепенность перехода гласнаго *л* въ *у* по слѣдующей схемѣ: *tlt—tolt—tout—tut* (Vergl. Gram., I, 389³⁾. Приведенныя историческія данныя, однако, говорятъ въ пользу мнѣнія ак. Ягича.

Гласный *р* можетъ быть долгимъ и краткимъ: *прѣст*, *трговац*, *трѣг*, *грма*, *крѣв*, *крѣви*, *прѣст*, *срѣце*, *срѣчим* се. Также и *у* изъ гласн. *л* бываетъ долгимъ и краткимъ: *дуг* (длгъ), *дѣг* (долгій), *вѣд*, *Вукан*, *пѣн*, *пѣк*, *мѣчати*, *кѣвати*, *кѣвамъ*.

Сербо-хорватскимъ гласнымъ *р*, *л* (*у*) въ славянскомъ праязыкѣ соотвѣтствуютъ сочетанія плавныхъ съ гласнымъ, стоящимъ впереди или позади плавнаго. Сербо-хорватская формула *trt* большею частью образовалась изъ праславянской формулы *tert* (или *trzt*, *trzt*); напр.: *црн*, *црв*, *грло*, *смрт*, *срце*, *пун*, *вук*, *дуг*—ср. *русскія*: *черный*, *червь*, *горло*, *смерть*, *сердце*, *полный*, *волеъ*, *долгъ*, *польскія*: *swatny*, *czerw*, *gardlo*, *smierc*, *rečny*, *wilk*. Но нерѣдко формулы *trt* соотвѣтствуютъ праслав. *trzt*, *trzt*; напр.: *крв*, *крст*, *ускрснути*, *прѣија* (*проиѣн*), *обрва*, *рт*, *рж*, *буха* (блѣха); ср. *русскія*: *кровь*, *крестъ*, *воскреснуть*, *бровь*, *рожь*, *блоха*; *польскія*: *krew*, *krzest*, *brew*, *reż*, *blcha*.

¹⁾ Rad IX, 121 и Arch. f. Slav. Ph., IV, 393.

²⁾ Графическая послѣдовательность этого звуковаго процесса можно изобразить такимъ образомъ: *ʎ*, *ʎо*, *ʎо*, *ʎ*.

³⁾ Ср. также Кочубинскій, Основная вокализация плавныхъ сочетаній. Одесса, 1877, 139.

Изъ праслав. *tert* въ сербо-хорв. яз. не всегда образуется формула съ гласнымъ *r* т. е. *trt*. Иногда *e* подвергается перестановкѣ и удлинению въ *ъ*, черезъ что получается формула *trēt*, свойственная также старо-славянскому, болгарскому, словинскому, чехо-моравскому и словацкому языкамъ; напр.: *бријег* (брег, бриг), *чреда*, *чрида*, *млјети*, *повријесло*, *поврисло*, *чрез* (*čez*).

Подобнымъ образомъ изъ праслав. *tort* въ сербо-хорват. получается *trāt*: *глава*, *брада*, *прѣх*, *хлѣд*, *млѣд*, *влѣк*, *влѣда* и др. Ср. выше 87 стр.

Долгота и краткость гласныхъ.

Одну изъ характерныхъ особенностей сербо-хорватскаго вокализма составляетъ различіе количества, т. е. долготы и краткости гласныхъ. Въ этомъ отношеніи сербо-хорватскій языкъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ.

Общеславянскій языкъ, на сколько можно судить по даннымъ сравнительнаго языкованія, зналъ гласные краткіе и долгіе; при этомъ количество гласныхъ и удареніе представляли въ немъ два самостоятельныя, независимыя одно отъ другаго явленія. Такъ было и въ древнихъ классическихъ языкахъ: санскритскомъ, греческомъ и латинскомъ. По отдѣленіи отъ общаго корня лишь немногіе славянскіе языки сохранили въ той или иной степени это свойство языка праотца; большая часть ихъ во время исторической жизни подверглась существеннымъ перемѣнамъ и въ этомъ отношеніи. Главная изъ нихъ состояла въ томъ, что удареніе постепенно получило господствующее значеніе въ словѣ и подчинило себѣ количество: долгимъ сталъ разсматриваться только слогъ, стоящій подъ удареніемъ. Затѣмъ утратилось и всякое различіе между долготою и краткостью: гласные, прежде различавшіеся по количеству, стали звучать съ одинаковою продолжительностью и различаются только по ударенію: одни произносятся съ большимъ усиліемъ голоса, другіе — съ меньшимъ. Относительно количества въ старо-славянскомъ языкѣ ничего положительнаго неизвѣстно¹⁾, хотя существованіе въ немъ долгихъ глас-

¹⁾ Ср. Miklosich, Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen. Wien, 1879 (Denkschriften der Wien Akad. phil.-hist. Cl. B. XXXIX).

ныхъ можно допустить съ значительною вѣроятностью. Языки—русскій, болгарскій, польскій и сербо-лужицкій въ настоящее время совсѣмъ не различаютъ количества и сохранили лишь немногіе слѣды прежнихъ долготъ. Словинскій (хорутанскій) языкъ знаетъ долгіе и краткіе гласные, но отступилъ отъ старины въ томъ отношеніи, что поставилъ количество въ зависимость отъ ударенія: долгимъ здѣсь можетъ быть только ударяемый гласный. Чешскій и словацкій языки уже представляютъ цѣлую систему долгихъ и краткихъ гласныхъ и большую самостоятельность количества по отношенію къ ударенію: долгота здѣсь возможна и помимо ударяемаго слога, хотя послѣдній обыкновенно бываетъ только долгимъ; при чемъ самое удареніе позднѣйшаго типа—однородное и постоянное (на первомъ слогѣ).

Еще совершеннѣе и ближе къ древнему типу сербо-хорватскій языкъ: въ немъ каждый гласный, не исключая *р*, *л*, можетъ быть краткимъ и долгимъ; количество не обуславливается удареніемъ, такъ что долгимъ бываетъ гласный и не стоящій подъ удареніемъ и, наоборотъ, ударяемые гласные могутъ быть не только долгими, но и краткими. Примѣры: 1) краткіе гласные: *магма*, *сѣло*, *бисер*, *поток*, *ускрс*, *срѣна* (серебро), *слава*, *дѣло*, *сила*, *вѣло*, *вѣна*, *бѣдо*¹⁾; 2) долгіе гласные: *сабор*, *рэка*, *дѣва*, *рода*, *вѣба*, *душа*, *лад*, *зѣе*, *мисао*, *сокѡ*, *пѣ*, *тѣ*²⁾; 3) долгіе гласные, не имѣющіе ударенія: *бѣлѣст*, *кѣмѣн*, *кѣрѣст*, *пѣшѣва*, *свекрѡва*.

Въ частности вопросъ о долготѣ и краткости гласныхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ представляетъ большія трудности и далеко не разъясненъ. Въ послѣднее время за систематическое изученіе его взялся профессоръ Лескинъ³⁾. Весьма важны также наблюденія и замѣчанія Мильошича⁴⁾, Ягича⁵⁾, Маретича⁶⁾ и др. Главные выводы,

¹⁾ Знаки ` и ^ служатъ для передачи различныхъ отгѣнковъ ударенія, падающаго на краткіе гласные. См. ниже статью объ удареніи.

²⁾ Посредствомъ ` и ^ обозначаются два вида ударенія, падающаго на долгіе гласные.

³⁾ Untersuchungen ueber Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen.... A. Feste Quantitäten der Wurzel—oder Stammsilben der Nomina bei bestimmten stammbildenden Suffixen. Leipzig, 1885.— B. Das Verhältniss von Betonung und Quantität in den zweisilbigen primären Nomina. C. Das Verhältniss von Betonung und Quantität in den stammbildenden Suffixen mehrsilbiger Nomina. Leipzig, 1893.

⁴⁾ Ueber die langen Vocale. Ср. выше примѣч.

⁵⁾ Ср. Arch. slav. Phil., VII, 488; VIII, 597—609, XV, 608.

⁶⁾ O njekim pojavima kvantitete i akcenta u jeziku hrvatskom ili srpskom (Rad LXVII).

которые можно извлечь изъ современнаго изученія вопроса, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Сербо-хорватскій языкъ, въ настоящее время удержавшій въ полной силѣ и свѣжести вынесенный изъ обще-славянскаго языка принципъ различенія количества гласныхъ, далъ этому принципу своеобразное развитіе и примѣненіе на мѣстной почвѣ. Сербо-хорватскія долготы не соотвѣтствуютъ праславянскимъ, а имѣютъ самостоятельное происхожденіе. Онѣ возникли а) черезъ стяженіе двухъ гласныхъ или б) черезъ удлиненіе первоначально-краткихъ гласныхъ. Случаи стяженія весьма многочисленны; напр.: *пѣс*, *мѣга*, *твѣга*, *сѣ* (соля) свѣдно, *нѣсам*: и т. д. (ср. слѣд. главу). Долготы, образованныя черезъ удлиненіе краткаго гласнаго могутъ быть различнаго происхожденія: одни болѣе древняго, другія болѣе новаго. Къ первымъ относятся тѣ случаи, для которыхъ и въ другихъ слав. языкахъ оказываются прямыя намеки на долгіе гласныя; напр.: *мѣка* (р. *мука* но — *мѣка* — мученіе), *дѣб*, *лѣтати*, *глад*, *брѣда*, *млѣд*, *млѣжо* (ср. ч. *шюка*, старо-слав. *лѣтати*, *гладъ* (р. *голодь*), *брѣда* (борода) и т. д.). Ко вторымъ нужно причислить большую часть остальныхъ долготъ, преимущественно образованныхъ изъ краткихъ гласныхъ вслѣдствіе положенія послѣднихъ передъ группами согласныхъ (особенно передъ *л*, *р*, *ж*, *ч*, *ш*, *ж*, *ш* + *согласный*); напр.: *страшѣвца* *доброчѣнца*, *живодѣрца*, *пѣльца*, *жалѣст*, *млѣст*, *бѣг* (р. п. *бѣга*) *ѣрла* (*ѣрао*), *рѣбѣ* (*рѣб*), *зрѣне* (*зрѣно*), *ѣблѣче*, *кѣчѣни*, *жѣнѣж*, *рѣбар* и т. д.

2) Количество гласныхъ не отличается постоянствомъ и неизмѣняемостью. Какъ въ корняхъ, такъ въ суффиксахъ основъ и флексіяхъ краткость и долгота чередуются между собой; напр.: *глава*, *ѣглавѣ*, *ѣглава*, *главница*, *главица*, *заглавак*, *поглаварство*, *жѣнѣж* — *жѣнѣжина*, *дѣвојка* — *дѣвојчина*, *рука* — *ручѣтина*, *мѣдар* — *мѣдрѣст*, *млѣд* — *млѣдрѣст*, *зѣб* — *зѣбић*, *ѣм* — *ѣма*, *лѣв* — *лѣва*, *гѣлѣб* — *гѣлѣбница*, *врѣме* — *врѣмена* (р. п.), *нѣвац* — *нѣваца*. Законы чередованія долгихъ и краткихъ гласныхъ не установлены съ точностью. Но не можетъ быть сомнѣнія, что это звуковое явленіе обусловлено взаимодействіемъ трехъ главныхъ факторовъ: дифференціаціи значенія слова, измѣненія объема слова (при образованіи производныхъ словъ или при склоненіи и спряженіи) и ударенія.

3) Весьма своеобразное, подвижное (по мѣсту) и разнородное (по качеству) сербо-хорватское удареніе несомнѣнно имѣетъ особен-

ное, болѣе или менѣе значительное, вліяніе на указанное чередованіе долгихъ и краткихъ гласныхъ. Для отдѣльныхъ группъ фактовъ довольно ясно установлена связь между количествомъ гласныхъ и мѣстомъ ударенія (Лескинъ). За основное (вполнѣ доказанное) правило нужно принять, что слогъ, стоящій передъ ударяемымъ слогомъ, не можетъ быть долгимъ: долгіе гласные возможны или въ ударяемомъ слогѣ или въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ; напр. рука—ручѣтина, брада—брадѣтина, врѹћ—врѹћина и др.

Въ чакавинцѣ, представляющей болѣе древнее удареніе, возможна долгота и передъ ударяемымъ слогомъ: студѣнца (штокав.—студѣнца).

Въ сербо-хорватской графическѣ долготы и краткости обыкновенно не отмѣчаются особыми знаками. Введенные Вукомъ знаки служатъ собственно для показанія ударенія, но такъ какъ два изъ нихъ (` и ` `) ставятся на краткихъ гласныхъ и два (' и ^) на долгихъ, то по этимъ знакамъ можно судить и о количествѣ гласныхъ. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ вирилловскихъ рукописяхъ долготы слога обозначалась удвоеніемъ гласныхъ, напр.: записе, мношмь, добруу, могаахъ, на все свовга.

Стяженіе гласныхъ.

Звуковой законъ, извѣстный въ грамматикѣ подъ названіемъ *стяженія гласныхъ*, имѣетъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ весьма широкое примѣненіе. Сущность закона состоитъ въ томъ, что два одинаковыхъ гласныхъ звука, встрѣчаясь рядомъ въ одномъ словѣ, стягиваются въ однородный же *домій* гласный. Если встрѣчающіеся гласные не однородны, то стяженію предшествуетъ *уподобленіе*. Стяженіе нерѣдко имѣетъ мѣсто и тогда, когда гласные раздѣлены звуками *j, v, x*, конечно, исчезающими въ такихъ случаяхъ.

Стяженіе подобныхъ гласныхъ: 1) *aa = â*: снага — снаа — сна̂, страга — страа — стра̂, сирмаха — сирмаа — сирма̂, влага — влаа — вла̂, појахати — појаати — поја̂ти, за права Бога — за праа Бога — за пра̂ Бога; 2) *ee = ê (é)* не-једем — неедем, нѣдем, свеједно — сведно, свѣдно, не-јесам — неесам — нѣсам (несам, нисам, нијесам); 3) *ии = î*: кутѣица — кутѣица — кутѣица, Андриѣица — Андриѣица — Андриѣица, Илиѣић — Илиѣић — Илиѣић, Станиѣић — Станиѣић — Станиѣић; 4) *oo (изъ ол) = ô*: сокол — сокоо — соко̂, вол — воо — во̂, бивол — бивоо — биво̂, сол — соо — со̂; 5) *уу = û*: добрују — добру̂.

Стяженіе послѣ уподобленія: 1) *ao* = *oo* = *ô*: *као*—*вô*, *дошао*—*дошô*, *копао*—*копô*, *орао*—*орô* (орель), *посао*—*посô* (работа), *саонице*—*сôнице* (сани), *пескаовница*—*пескôница* (песочница); 2) *ao* = *aa* = *â* (у Черногорцевъ): *као* — *кâ*, *дошао*—*дошâ*, *орао* — *орâ*, *заова* — *зâва*; 3) *ae* = *ee* = *ê* (*é*): *дванаест* — *двавêст*, *петнаест* — *петнêст*, *заец* — *зêц* (но и *зајац*); 4) *ae* = *aa* = *â*: *чуваш* (чувајеш), *чува* (чуваје), *чувамо* (чувајемо); 5) *ei* = *ee* = *ê*: *неимати*—*нêмати*, *неимаѣе*—*нêмаѣе*; 6) *oe* = *oo* = *ô*: *нео* — *нео*—*ноо*—*нô*, *преко*—*прео*—*проо*—*прô* (черезъ); 7) *oja*—*aa*—*â*: *која*—*кâ*, *бојат се*—*бâт се*, *госпа* (госпоја), *пâс појас*, *свакâко* (свакојако); 8) *oje* = *oo* = *ô*: *добрô* (доброје), *добрôга*, *мôга* (мојега), *твôга* (твојега), *двôга* (двојега); 9) *oje* = *ee* = *e*: *ке*, *ме*; 10) *oји* = *â*: *ких* (којих) ср. Миклош. *Vergl Gr.*, I, 404.

З і я н і е.

Т. н. *зіяніе*, неизбежное при встрѣчѣ двухъ гласныхъ, устраняется въ сербо-хорватскомъ языкѣ не только путемъ стяженія, но и другими способами, существующими во всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ; именно вставкой *j*, *e*, *n*, или переходомъ *и* въ *j*, *у* въ *e*.

Появленіе согласныхъ между гласными: *j*: *стаја*, *стајати* (ста-ти), *издаја* (издати), *бијем*, *пијеш*, *кујемо*; *e*: *бизати*, *спазати*, *знавати*, *поливати*, *чужен*, *давати* и *дајати*, *мизен* (ми-ти) *лизен* (ли-ти); *n*: *унићи* (ићи).

Переходъ гласныхъ въ согласныя: *покој*, *крос*, *најме* (на име), *кошен*, (косиен—*косјен*), *мољен* (молиен), *најти*—*најдем* или *наћи*—*наћем*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *зіяніе* не устраняется; именно: 1) когда на мѣстѣ втораго гласнаго стоитъ *o* (изъ *л*) *стао*, *знао*, *умео*, *мисао*; 2) въ сложныхъ словахъ, особенно, образованныхъ черезъ сложеніе съ предлогами: *самоук*, *поочим*, *црнооок*, *наумити*, *паоштрити*.

Отпаденіе, выпаденіе, приставка и вставка гласныхъ.

Въ сербо-хорватскомъ языкѣ наблюдаются случаи какъ исчезновенія первичныхъ гласныхъ, такъ и наоборотъ—появленіе вторичныхъ гласныхъ. При этомъ примѣры втораго рода гораздо численнѣе и обычнѣе, чѣмъ примѣры перваго рода.

Отпаденіе гласныхъ: пискупъ (гр. 1330 г.), перьпера (Уперпера), сам, си (вм. јесам, јеси), смо, сте, су (вм. јесмо, јесте, јесу), рало, ратар (отъ кор. орати); добром (дат. п. ед. ч.), куд, туд, оруд — вм. куда, туда, отуда; въ кайкавскомъ нар.: оват, оват, кат, там, оуак, так, сад, кад, тад вм. штокав. и чакавск.: овамо, онамо, камо, тамо, овако, тако, сада, када, тада.

Выпаденіе гласныхъ: е — памтити и запаметити, одсле, одслен, досле, до слен вм. отселѣ, доселѣ, можда (може да), јур вм. јуре (јуже), никтор вм. никтоже; њ — надати се; о — покле, докле, одкле и одакле, одатле вм. поколѣ, доволѣ, дотолѣ, въ оконч. 1 л. мн. ч. имперф. и аор. — смо (вм. хомз) — певосмо, пладне (вм. поладне); а — удрити (Полиц. ст.); и — доста (вм. досита), љати (вм. лијати) смоѣ вм. синоѣ.

Приставка и оставка гласныхъ вызывается стремленіемъ языка упростить и облегчить выговоръ словъ, заключающихъ въ себѣ нѣсколько согласныхъ. Вторичныя (секундарныя) гласныя являются какъ на концѣ, такъ въ серединѣ словъ, чаще всего а, затѣмъ е, о; напр.: безазлен, одатле, изазвати, одасвуд, одагнати, узаѣ, обамрети, восак, мозак, мисао, јесам, весала (р. п. мн. ч.), мноме, самое, доброе, киме, идемо, видесмо. Сюда же относятся встрѣчающіяся въ памятникахъ начиная съ XIV в. формы мѣстоименій: тои, таи, овомуи, сами. (Здѣсь и приставочное, въ новомъ языкѣ оно перешло въ j: тај, овај, сај). Ср. выше стр. 254.

Гласныя въ началѣ словъ.

Гласныя въ началѣ словъ не всегда допускаются. Передъ начальнымъ гласнымъ обыкновенно выступаютъ j, e, x: јавно — еавно, јабука (абѣлка), јагне (agnus), ја (болг. аз.); харапин, јесам, једин, хучац — еучац; јутро, јур. Рѣже другихъ слышится e: ѣли, ѣда, ѣво; нѣсколько чаще а: аво, али и во многихъ иностранныхъ словахъ: авлија (улица), апостол, анѣсо, алат (рыжій конь), ашив (влюбленный) и др. И произносится какъ и и какъ ji: игра, игла (јигла), исвати, има (јима); о и у, какъ въ старо-славянскомъ, могутъ начинать слово безъ помощи согласныхъ; только въ кайкавщинѣ передъ у (особ. изъ ж) обыкновенно слышится e: vugel (шток. угао), vuzek (узак), vudica (удица), vutrova (утроба).

В) С о г л а с н ы е.

Л, Н, Р.

Сербо-хорватский языкъ знаетъ только двойное *л*: среднее и мягкое; твердое *л*, существующее въ русскомъ, польскомъ и частью болгарскомъ языкахъ, вовсе ему чуждо. Среднее *л* одинаково звучитъ передъ узкими и широкими гласными: *лѣват*, *лѣн*, *лѣд*, *лѣж*, *лѣб*, *лѣд*; *лѣн*, *лѣзати*, *лиса*, *лице*, *ловац*, *ломпти*, *лѣд*, *лукав*. Мягкое *л* возможно только передъ іотованными гласными и выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ и въ старо-славянскомъ яз.; по Вуковскому правописанію оно обозначается зн. љ, по хорватскому *lj, ĺ*: *љубав*, *људи*, *љут*, *кључ*, *хваљах*, *zemlja*, *kurjaĥ*, *kurljen* — пѣсвати. Иногда љ позднѣйшаго происхожденія: *веселье*, *зеље*, *биље*, *бѣлети*, *љепота* (южн. г.), (*веселије*—*веселье*), *і* и *ѣ* отпали, *љпота*—*ѣ* перешло въ *је*. Ср. Миклош. Vergl. Gram., I, 407).

Точно также и *н* смягчается только подъ вліяніемъ *ј*; въ такомъ случаѣ оно обозначается њ, *nj, ñ*: *њега*, *њива*, *њупити*, *коња*, *knjiga*, *branjaĥ*, *branjen* и *braĥen*. Новѣйшее смягченіе: *камење*, *заклињање*, *промишљање*, *поређење*, *њемота* (нѣмота).

Въ хорватскомъ Приморьѣ въ такихъ словахъ какъ *веселье*, *камење* *ј* не сливается съ *л*, *н*, и слышится передъ гласнымъ: *веселје*, *каменје*.

Узкіе гласные (не іотованные) *е*, *и*, а равно исчезнувшій еще въ историческую пору ѣ никогда не смягчаютъ предшествующихъ *л*—*н*: *ледина*, *лежање*, *леђење*, *лист*, *липа*, *нико*, *низина*, *недјеља*, *дан* (дѣнь), *сб* = *сол* (соль), *во*—*воњ*, *учитель* (*конјѣ*, *учителјѣ*).

Р совсѣмъ не способно къ смягченію; передъ *ј*, *е*, *и* оно произносится совершенно такъ, какъ передъ широкими *а*, *о*, *у* (ѣ): *ред*, *риба*, *рад*, *роб*, *рука*, *рибар*, *цар*, *разговарати*, *вечера*, *буру*.—Слѣды прежняго смягченія *р* можно видѣть въ сохраненіи *е* вм. *о* при образованіи нѣкоторыхъ формъ: *море*, *царевн*, *царевати*, *царем* (но и *царом*). Впрочемъ, кое-гдѣ на западѣ, особенно въ области чакавщины встрѣчаются случаи мягкаго *р*: на *morji*, *odurjavati*.

Указанія на твердый выговоръ *р* представляютъ уже древнѣйшіе памятники: *цара*, *манастиру* (гр. Стеф. Немани). Ср. выше стр. 227.

Мягкое љ иногда замѣняется *ј*: *богomoјство*, *робојшање*, *вапај* (вопаљ).

О переходѣ *л* въ *о* см. выше стр. 254.

Д, Т, ѣ, ѣ.

Зубные *d, t* подъ вліаніемъ *j*-та превращаются въ своеобразные мягкіе шипящіе звуки, представляющіе собой одну изъ характерныхъ особенностей сербо-хорватской фонетики: *dj = ѣ, đ (gj), tj = ѣ, ć*.

Буква *ѣ*, по опредѣленію Вука Караджича, обозначаетъ звукъ, въ которомъ сливаются самые мягкіе *d* и *ж*, какъ бы *d'ж'* (*дъжъ*), а буква *ѣ* — звукъ, въ которомъ совпадаютъ мягкія *t* и *ч*, какъ бы *t'ч'* (*тъч'*). Эти смягченія соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ *жд — шт*. Примѣры: *меѣа, меѣу, туѣи, роѣен, преѣа, воѣ (вождь), граѣа, граѣанин, краѣа, млаѣи, пахоѣenje, gosroѣа, куѣа (кѣшта), хоѣу, ѣу, среѣа, свеѣа, враѣати, будуѣи, позлаѣен, iduci, ljući (люѣе)*. Въ чакавщинѣ (особ. въ Приморьѣ) вм. *ѣ* слышно *j*: *меја, gosroја, гојеп, крај* и т. д. Тоже и въ словинскомъ языкѣ.

Нерѣдко штокавскіе *ѣ* и *ѣ* ведутъ свое происхождение не отъ праславянскихъ, а болѣе позднихъ *dj, tj*, развившихся въ періодъ обособленной жизни сербо-хорватскаго языка; въ такомъ случаѣ они не имѣютъ себѣ соотвѣтствій въ старо-славянскихъ *жд — шт*. Чаше всего это наблюдается въ тѣхъ созвучіяхъ, гдѣ старо-слав. *ъ* и суф. *иѣ* замѣняются черезъ *је*, напр. *дјед — ѣед, питје — пиѣе (дѣдъ, питіе)*. Впрочемъ, переходъ новѣйшихъ *dj, tj* въ *ѣ, ѣ* не представляетъ такого общаго правила, какъ это можно утверждать относительно праславянскихъ *dj, tj*: въ однихъ говорахъ *dj, tj* удерживаются, въ другихъ вм. нихъ слышно *ѣ, ѣ*. Последнее обыкновенно въ Герцеговинѣ и Черногоріи, гдѣ говорятъ *леѣети, ѣшети, виѣети, ѣевојка, ѣед, между тѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ южнаго нарѣчія (екавщина) слышно: летјети, тјешети, видјети, дјевојка, дјед, а въ восточномъ нарѣчій (екавщина): летети, тешети, видети, девојка, дед*. Болѣе обще-употребительны *ѣ* и *ѣ* въ такомъ словахъ, какъ: *пиѣе, прољеѣе, пролиѣе, цвијеѣе, биѣе (Дуброви), треѣе, гвожѣе, грожѣе; сюда же относятся ѣак (учениѣ — діакѣ), ѣакон, лаѣа (ладья) браѣа (братія)*. Въ древнемъ языкѣ произносилось *питје, братја*, какъ это видно изъ памятниковъ (братью гр. 1333 г.).

Первичное смягченіе *ѣ, ѣ* восходитъ къ глубокой древности: его находимъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ сербо-хорватской письменности. Обозначались мягкіе *d — t* различнымъ образомъ. Въ кирилловскихъ памятникахъ нынѣшнему *ѣ* соотвѣтствуютъ *ѣ, ѣ, г, нын*.

Сочетанія *дл*, *мл* обыкновенно избѣгаются, особенно на концѣ словъ (въ причастіи на *л*): плео (плетль), пао (паль = польск. *pał*), вео (чешск. *vedl*), јела (*jedla*); но въ частности возможны: дјетла (дјетло), пијетла (пијетло), метла, седло, вратло. Иногда, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, *д—т* передъ *л* переходятъ въ *с*: гусле (к. гуд), јасле (к. јад), преслица (к. прлд).

Сочетанія *дт*, *тт*, какъ въ старо-слав. яз., переходятъ въ *ст*; напр.: плести, прести, пасти, нашаств, област.

Ц, Ъ, В, М, Ф.

Губные *п*, *б*, *в* и губно-носовой *м* въ соединеніи съ іотованными гласными, принимаютъ вставочное *л*, которое смягчается; т. е. *пја*, *бја*, *вја*, *мја* превращаются въ *пља*, *бља*, *вља*, *мља*; напр.: куплях, куплен, скупљи, љублен, грубљи, ловлях, ловлен, живљи, рыбљи, земля, *lovljenje*.

Такия сочетанія *п*, *б*, *в*, *м* съ *л* иногда развились уже въ историческое время; именно въ тѣхъ случаяхъ, когда суфф. *је* образовался изъ болѣе древняго *ије* (*ѳје*); напр.: дубље, сноплѣ, безумље, здравље, гробље; въ древнемъ языкѣ было дубје, здравје, корје (Гундул.). И теперь кое-гдѣ въ хорватскомъ Приморьѣ—*krvji*, *ljubavji* вм. обычн. *крвљу*, *љубављу*. Ср. выше аналогичныя формы на *ље*, *ње*, *ђе*, *ње*.

Смягченіе *п*, *б*, *в*, *м* при помощи вставочнаго *л* свойственно также старо-славянскому, русскому и словинскому языкамъ.

Согласный *ф*—не коренной славянскій звукъ; въ сербо-хорватскій языкъ, какъ въ другіе славянскіе языки, онъ проникъ очень поздно, съ иностранными словами; напр.: *фамилија*, *ферман*, *фортеца* (крѣпость), *фратор*, *фрталъ*, *фес*, *Фрушвагора* (*Φραγγοχώριον*), *шафран*, *шеаф*; но затѣмъ, разъ понавъ въ языкъ, нашель себѣ мѣсто и въ словахъ славянскаго корня: *уфати* (упѣвати), *фала* (хвала), *фатити* (хватити). Тѣмъ не менѣе вм. *ф* часто слышны другіе губные—*п*, *б*, *в*: *насуљ*, *подумента*, *бакља* (*Fackel*), *Вилип*, *елинта*, *ератор* и т. д.

Вм. сочет. *ми* нерѣдко слышно: *ви*, *ма*, *и*: много, *виного*, Думно—Дувно, гумно—гувно, много—млого, охронути.

О переходѣ *в* въ *у* см. выше стр. 256—257.

Г, К, Х:

Гортанные *г, к, х*, какъ въ старо-славянскомъ и другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, смягчаются не только передъ *ј*, но и передъ узкими гласными. Смягченіе возможно двоякое: *г, к, х* переходятъ или въ шипящіе *ж, ч, ш* или въ свистящіе *з, ш, с*. Переходъ перваго рода имѣеть мѣсто передъ *ј, е, и* (при образованіи основъ), древними *ъ (= ѣ)* ѣ (изъ *і, јѣ*), напр.: стража, сјеча, душа, јачи (јак—ји), дражи, тиши; Боже, друже, јуначе, човече, Влаше, сиромаше, рече, може, биче; вучина, ножица, стожина, тишина, рожина, страшив, скочити, обичај, бјежати, бужати, мижати, вршај; наруч, дуж, стиж (добра стиж), вражда, страшан, вључ, плач. Переходъ втораго рода наблюдается передъ *и* (въ окончаніяхъ), которое обыкновенно (въ склоненіи и спряженіи) замѣняетъ и старо-слав. *ъ*, и иногда передъ *ј*: вуци, јунаци, друзи, власи, сиромаси; реци, пеци, руци, нози; дизати, влещати, муцати, пуцати, уздисати.

Гортанные переходятъ въ свистящіе и передъ такимъ *и*, которое замѣняетъ старо-слав. *ы*: роци, уздаси (чак. н.), засельци (но и засельки—въ грамотахъ) ѡшѡпяча, ѡшѡпяти, ѡ шѡпяма, нашиемъ дразимъ (Mon. Serb. 106, грам. 1333 г.), съ малыми и велицѣми (грам. 1349 г.), кралевъ угрсцихъ (грам. 1419 г.).

Напротивъ *е*, замѣняющее другіе гласные, напр. *ы* (въ склоненіи) не вліяетъ на смягченіе предшествующаго гортаннаго: ноге, руке (род. п.), духе (в. п. мн. ч.).

Въ вайкавскомъ нар. *ки, ми, хи* не переходятъ въ *ци, зи, си*: јунаки, сиromachi, руки.

Гортанно-придыхательный *х* въ настоящее время слышенъ лишь кое-гдѣ на территоріи сербо-хорватскаго языка, яснѣе всего въ Дубровникѣ, гдѣ еще говорятъ *храна, орах, глух, жених, хитар*. Въ Герцеговинѣ *х* выступаетъ *г*: ораг, реког, смег; иногда *х*—*к*: женик. Въ другихъ мѣстностяхъ *х* совсѣмъ не слышно, вслѣдствіе чего для устраненія зіянія *х* являются другіе согласные *ј, в*: итар, усанути, леб, рана, реко, мува, сува, смеј, греј, снаја, глув, уво. Нужно думать, что въ старомъ языкѣ *х* сохранялъ свое настоящее произношеніе; объ этомъ свидѣтельствуетъ правильное и послѣдовательное обозначеніе этого звука не только во всѣхъ древнихъ вирилловскихъ и глагольскихъ памятникахъ, но и въ текстахъ далматинскихъ поэтовъ XV—XVI в. (ср. Jagić, Грам. jez. hégv. 69).

Обще-слав. сочетанія *кт, тт, хт* переходять въ *ћ (с)*: *пећи, моћи, тећи, врећи, сећи, моћ, ноћ*. Изъ *дћи—ћи* и *кћи*, но и *ћера, ћерка*. Ср. старо-слав. *тешти, мошти, ношти* и др. Изъ *хзтъахъ* — въ сербо-хорв. *ћах* (изъ *тијах*), *ћадијах*.

Г и *к, к* и *х, з* и *д* чередуются между собой по говорамъ: *завран—кавран* (кайк. н.), *зусар—хурсарь* (грамоты), *зрч—крч* (кайк. н.), *крушка* (шток.) — *хрушка* (кайк. н.), *маза—масак, кто—тео—гдо* (кайк. н.), *дрозд—дрозак, длето—глето—глетва* (кайк. н.).

Хв переходить въ *ф*: *фала, фатити*.

Въ иностранныхъ словахъ *к, з* передъ *и, е* переходять въ *ћ (с)*, *ђ (г, дј)*; Маѣдонија (*Македонија*), прѣија (*проијија*), ћеремида (*ћерамидс*), ћесар, ћирил (*Кѳрилос*), ћивот (*кѳвотос*), Еванђелије, калуђер, панађур, но и паназирь (*панѳѳорис*), анђел.

Въ словѣ *лак* двузвучіе *ж* замѣнилось *к* (льгъкъ).

З, С, Ц.

Зубные *з, с, ц*, соединяясь съ іотованными гласными, переходять, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ шипящіе *ж, ш, ч*; напр.: *мажен, грижа, мужа* (доеніе), *бржи*; *виша, паша, кошен, ношен*; *Ужичанин, Поличанин*.

Ц и *з* (возникшее на славянской почвѣ) переходять въ шипящіе *ч, ж* не только передъ *ј*, но и передъ узкими гласными: *венац—венче, Сремац—Сремче, мјесец—мјесечина, венчић, лисица—лисичина, сечива, вез—везеже, витез—витеже, везжити*. Такъ и въ старо-славянскомъ языкѣ.

З и *с* переходять иногда въ *ж, ш* передъ мягкими согласными (*л, н*): *машъика* (*euonimus eugoraеus*), *прошъа, ш бим, ш-гавъ, ношъа, Бошъак, људежълив, мржъа, ижъубити*.

Въ герцеговинскомъ говорѣ *цј, зј, сј* иногда звучатъ какъ польскія *ć, ź, ś*: *ćedilo, ćelokup, źenica, śeme, višeti*. (Ср. Miklos. Vergl. Gr., I, 419).

Сочетанія *ст, зд* передъ *ј* (древнимъ) переходять въ *шт, жђ* (*žg*): *пушт, вјештица, гушта, опроштај, пуштен, ображђивати, гвожђе, грожђе*. Въ чакавскомъ нар. вм. *шт—шђ* (*šć*); *vešća, rušćen, kršćenje*. Тоже и въ штоващинѣ, когда *ј*, слѣдующій за *ст*, позднѣйшаго происхожденія: *кршћанин, лишће*.

Сочетанія *ск, зг* передъ *ј* и узкими гласными переходять въ *шт—жд*: *иштем, иштеш, ближѣштити, воштити, пишмати, шит, таит,*

градиште, огњиште; но дашчица, плошчица, мождани, звиждати, бриждати. Въ чакавщинѣ и въ этомъ случаѣ шћ (šć), жћ (žg): tašč, godišće, možgiani, zvižgati.

Ж, Ч, Ш.

Вм. старо-слав. ж въ сербо-хорватскомъ яз. иногда р, особенно въ частицѣ же: кюре, какоре, колиборе, (грам. бана Кулина, 1189 г.), ере, никомуре (грам. Стефана Немани), зъз, гвчпъъз (Кукул. Мопш., 23, 28), ничесаре, ништаре, sagdar, sagdir; морешъ (грам. XIII в.), пьъз (Винод. Зак.), изренем (вм. изженем), јур (уже). Такой же переходъ ж въ р наблюдается въ словинскомъ языкѣ.

Группа чр въ сербо-хорватскомъ яз. обыкновенно звучитъ чр: чрн (но и чарни), Црнагора, чрв, чрвен, чрта, чријево, чрпати. Въ старомъ языкѣ весьма употребительно чр; въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ чрв, оно держится до XVI в. (ср. Rječnik Загр. Акад.). Въ западныхъ говорахъ (въ хорватскомъ Приморьѣ, въ Шопрунскомъ, Мопшонскомъ и Желѣзномъ комитатахъ) и теперь иногда слышно чр: чрв, чрн, чрида.

Группа чт (= старо-слав. чѣт) переходитъ въ шт: што, шта, ништа, штити (чатити), штовати, штовање, поштен.

Шипящіе ч, ж, ш, какъ и другіе согласные, нерѣдко соединяются съ ј: божји, божјега, божјак, оружје, орашје.

Ј.

Ј можетъ соединяться со всѣми гласными, не исключая и: јагье, једнако, Јован, јутро, јисти, скупљи, живљи. Въ современной графикѣ, какъ сербской, такъ хорватской, усвоено латинское начертаніе этого звука. Въ древней письменности онъ обозначался далеко не всегда; въ кирилловскихъ текстахъ для этой цѣли служили особыя начертанія т. н. іотованныхъ гласныхъ: ја, ю, ю; хорватская глаголица имѣла особый знакъ только для іотованнаго у — ш, а вм. ја, ю употребляла љ, з, служащіе и для обозначенія а, е. Впрочемъ, вм. ја весьма употребительно начертаніе њ, обозначающее и кирилловское њ, чтд наблюдается и въ болѣе древнихъ славянскихъ памятникахъ, писанныхъ круглой глаголицей. Въ сербскихъ кирилловскихъ текстахъ также уже съ древнѣйшихъ временъ встрѣчается њ вм. ја; напр. въ грам. 1189 г.: њ (т. е. ја) бань (3 раза), въ грам. 1198 г. њко, њже,

молениѣ, царѣ (р. п.¹). Но тоже глаголическое ѡ и кирилловское ѣ, (особенно первое) нерѣдко служило для обозначенія j: напр.: ѡѣ, ѡѡѡѡ, кнезь Радивоѡ, воѡскоѡ, своѡ опѣини и т. д.

Вліяніе j-та на согласные разсмотрѣно выше.

Ассимиляція согласныхъ.

Уподобленіе согласныхъ, неодинаковыхъ по степени звучности или мягкости произношенія, составляетъ весьма обычное явленіе въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Чаще всего звучные (г, д, б, ж, з, в, ц) переходятъ въ отзвучные (к, т, н, ш, с (ф), ч) и, наоборотъ, отзвучные въ звучные, причемъ послѣдующій согласный вліяетъ на предшествующій.

Звучный переходитъ въ отзвучный (глухой): Срб, сриски, Срнство, ѡбвити — ѡвика, други — друкчије, тежак — тешко, сладак — слатка, распети (разпети), исток (изток).

Отзвучный становится звучнымъ: сват — свадьба, зрада (сграда), зборник (сборник), задужбина (задушбина), нарудбина (наручбина), Велигдан (Великдан). Однако группа *дс* не переходитъ въ *тс*: градски, одслужити.

Наиболѣе характерный примѣръ смягченія вслѣдствіе уподобленія представляетъ переходъ *з, с* въ *ж, ш* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго: ражѡутити, грожѣ, мажѡва, гвожѣ, Бошѡак, прошѡва, ср. выше стр. 272.

Въ современномъ правописаніи, основанномъ на фонетическомъ принципѣ, обыкновенно обозначаются эти измѣненія въ выговорѣ согласныхъ; такъ напр. пишутъ Срб, Srb, но — сриски, srpski и т. п.

Выпаденіе согласныхъ.

По общему правилу при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, сходныхъ по степени звучности или органамъ произношенія, одинъ выпадаетъ: оделити (от-делити), расипати (разсипати), расудити (разсудити), деведесет (девет — десет), безаконикъ, бесмртан. Сверхъ того, если встрѣ-

¹) Ср. выше стр. 227, гдѣ необходимо исправить слѣдующую опечатку: Употребленіе ѡ вм. ѡ; нужно читать: Употребленіе ѡ вм. ѡа.

чаются два неподобныхъ согласныхъ, то одинъ изъ нихъ нерѣдко выпадаетъ. Это явленіе возможно какъ въ срединѣ такъ и въ началѣ и концѣ словъ. Чаше всего исчезаютъ *д, т, в, н, х, ј*; *д*: дваи (дважде), штица (дъштица), влаислав, обоци (ободци) оцепити (одцепити), го-спство, кинути; *т*: оца, оци (отца), оче (отче), чисна, милосна, позоришњи, браство, богаство, грнути; *в*: обарити (обварити), обалити (обвалити), обиснути, обичај, област, забальати, црљен; *н*: шеница (шеница), канути, трнути; *х*: лад, ром, реко. Ср. стр. 271; *ј* (преимуществ. въ южномъ нар.): грешан, бремена, дерем, оруже, божа (въ Черногоріи).

Вставка согласныхъ.

Кромѣ вставочныхъ *ј, в, н*, служащихъ для устраненія зіянія (см. стр. 265) и *л*, выступающаго при смягченіи *п, б, в, м* (ср. стр. 270), возможны вставочные: *д, т* въ сочетаніяхъ *зр, ср*: здрео (и зрео) саздренути, здрети — здрим, здрака (зрака, жрака), страмота, страшљика, стријеш (въ Черногоріи); *н*—въ суф. *аство*: божанство, човјечанство, свједочанство (въ древн. яз.: божанство).

Перестановка согласныхъ.

Наиболѣе характерные примѣры перестановки согласныхъ: *сав, сва, сев, свагда, сваки* (вс, все, всьгда и т. д.), *водје* (овдје), *нодје* (ондје), *наћи* (наити—најти—натји), *поћи* (поити, појти, потји), *тко* (кто), *пладовати* (пладновати), *цвтити* (цватити), *Гарван* (гавран), *љемеш* и *јемљеш*.

5. Удареніе.

Удареніе, на ряду съ количествомъ гласныхъ, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ, наиболѣе любопытныхъ особенностей сербо-хорватскаго языка. По свойствамъ ударенія сербо-хорватскій языкъ рѣзко отличается отъ остальныхъ современныхъ славянскихъ языковъ и отчасти можетъ быть сближенъ съ классическими языками—греческимъ и санскритомъ. Сербо-хорватское удареніе не только *разномѣстное* или *вольное* какъ въ болгарскомъ, словинскомъ и русскомъ языкахъ,

не только *разнородное* по качеству (въ отношеніи силы или напряженія голоса), но вмѣстѣ и *музыкальное*, т. е. состоитъ не въ простомъ усиленіи голоса при произношеніи извѣстнаго гласнаго звука, но въ измѣненіи интонаціи голоса, въ повышеніи и пониженіи тона. Нужно думать, что всѣ эти свойства были присущи и праславянскому ударенію; вѣроятно знали ихъ въ ббльшей или меньшей степени и другіе славянскіе языки, въпслѣдствіи отступившіе отъ старины. По этому не безъ основанія считаютъ сербо-хорватское удареніе наиболѣе близкимъ къ праславянскому. Отсюда донятно, почему оно по преимуществу останавливало на себѣ вниманіе славянскихъ филологовъ и гораздо чаще было предметомъ наблюденія и изученія, чѣмъ ударенія многихъ другихъ языковъ. Вопросъ о сербо-хорватскомъ удареніи имѣетъ уже весьма значительную литературу, въ которой наиболѣе цѣнныя труды принадлежатъ Вуку Караджичу, Ю. Даничичу, М. Шуничу, А. Мажураичу, В. Ягичу, С. Новаковичу, Мазингу, Р. Брандту, Маретичу, Павичу, Неманичу, Лескину, Шахматову ¹⁾ и др. Изученіе этого вопроса, однако, не можетъ считаться законченнымъ. Въ настоящее время установлены нѣкоторыя общія положенія и законы, намѣчены пути и методы изслѣдованія отдѣльныхъ явленій, но въ частностяхъ вопросъ еще нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ. Да и относительно об-

¹⁾ В. Караджичъ, Писменица србскога језика. У Виенни, 1814; Српски рјечник, 1818 и 2-е изд. 1852; Писмо о српској просодији (Slavische Bibliothek von Miklosich, P, 1858; Даничичъ, Нешто о српскимъ акцентима (Slavische Bibliothek, I, 1851); Српски акценти (Гласник, кн. 8, 11), Akcenti u glagola (Rad VI), Akcenti u adjektiva (Rad XIV), Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske (Rad XX); М. Шуничъ, De ratione depingendi rite quaslibet voces articulatas seu de vera orthographia. Viennae, 1853; А. Мажураичъ, Slovnicа hrvatska. U Zagrebu, 1859, 4-е изд. 1869; Будмани, Grammatica della lingua serbo-croata. Vienna, 1867; В. Јагичъ, Paralele k hrvato-srpskomu naglasivanju (Rad XIII); С. Новаковић, Акценти штампаних српско-словенскихъ књига (Гласник XLIV); L. Мазингъ, Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents S.-Petersburg, 1876 (Mémoires de l'Academie Imperiale, t. XXIII); Р. Брандтъ, Начертаніе славянској акцентології. Спб., 1880; Т. Маретичъ, О нјекимъ појавима квантитете и акцента у језику хрватскомъ или српскомъ (Rad LXVII);—Nov prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske, 1884 (Rad LXX, LXXI, LXXIII);—Slovenski nominalni akcentat s obzirom na litovski, grčki i staroindijski, 1890 (Rad CII); Павичъ, Studije o hrvatskom akcentu, 1881 (Rad LIX); Неманићъ, Čakavisch-Kroatische Studien (Sitz. ber. Wien. Akad., 1888—1884); Лескиенъ, Untersuchungen ueber Quantität und Betonung im Serbischen. Leipzig, 1885, 1893; Шахматовъ, Къ исторіи сербо-хорватскихъ удареній (Р. Ф. В., 1887, 1890); Ср. также Раселъ, Naglas u rieč. hrvatskoga jezika, (Književnik, I); Ковачевићъ, (Arch. f. Slav. Phil., III, 691) и др.

щихъ положеній (напр. числа удареній въ одномъ словѣ, квалификаціи отдѣльныхъ видовъ ударенія) мнѣнія ученыхъ не всегда согласны между собой, что объясняется естественной трудностью самаго вопроса, требующаго отъ изслѣдователя, кромѣ многого другаго, еще чуткаго музыкальнаго слуха.

Удареніе въ сербо-хорватскомъ яз. не прикрѣплено къ какому нибудь одному опредѣленному слогу, какъ напр. въ чешскомъ или польскомъ языкѣ, а можетъ, говоря вообще, стоять на какомъ угодно слогѣ, а равно свободно переходить съ одного слога на другой, соотвѣтственно требованіямъ словообразованія или значенія слова.

Удареніе стоитъ въ несомнѣнной связи съ количествомъ гласныхъ и представляетъ весьма разнообразныя отгѣнки какъ въ силѣ голоса, такъ въ его интонаціи. Все разнообразіе этихъ отгѣнковъ не поддается точному опредѣленію. Но обыкновенно различаютъ четыре главныхъ типа ударенія; два связаны съ краткими гласными, два съ долгими.

Удареніе, стоящее на краткихъ слогахъ, отмѣчаютъ знаками $\sim$ и $\grave{}$, при чемъ $\sim$ обозначаетъ болѣе краткій и отрывистый выговоръ гласнаго, а $\grave{}$ менѣе рѣзкое произношеніе ударяемаго слова; напр.: брѣт, глѣдати, дѣло, брѣдо, мѣка, кѣна и жѣна, вѣда, сѣло, кѣнац, нѣсих. Удареніе $\sim$ называютъ *краткимъ* или *рѣзкимъ*, удареніе $\grave{}$ — *острымъ* или *слабымъ*. Различіе между этими двумя удареніями заключается не только въ неодинаковой напряженности голоса, но и въ различной интонаціи: съ *рѣзкимъ* удареніемъ связывается нѣкоторое пониженіе тона, со *слабымъ* — повышеніе его. Впрочемъ такое различіе въ интонаціи для удареній на краткихъ гласныхъ признается не всѣми наблюдателями.

Яснѣе выступаетъ наружу музыкальная сторона сербо-хорватскаго ударенія на долгихъ слогахъ. Здѣсь отличаютъ двойное удареніе. Одно, изображаемое знакомъ $\wedge$, правильнѣе всего (по терминологіи проф. Брандта) назвать *нисходящимъ*: голосъ, усиливающийся при произношеніи долгаго гласнаго начинается съ высокой ноты и постепенно понижается, ударяемый гласный какъ бы удваивается, при чемъ вся сила ударенія сосредоточивается на первой части этого двойнаго гласнаго; напр.: тѣло (какъ бы тѣело), глѣд (глѣад), пѣр, мѣсо, Бѣг, зуб. Другое, отмѣчаемое знакомъ $\acute{}$, произносится съ меньшею силой и состоитъ въ постепенномъ повышеніи голоса къ концу долгаго глас-

наго; удобнѣ всего его назвать *восходящимъ*; напр.: глава, сабор, вино, река, пѣта, проламать, осѣпаты. По обыкновенной сербской терминологіи эти два ударенія называются: *облеченнымъ* (*високи ду*), *долгимъ* (*дуг*).

Л. Мазингъ (*Die Hauptformen d. Serb.-ch. Ac.*) подмѣтилъ между слабымъ и восходящимъ удареніями съ одной стороны и рѣзкимъ и нисходящимъ съ другой еще одну черту различія, кромѣ указанныхъ. Первые два ударенія онъ считаетъ *двуслоговыми* въ томъ смыслѣ, что вліяніе ударенія не ограничивается тѣмъ слогомъ, на который оно падаетъ, а простирается и на слѣдующій слогъ: въ главно-ударяемомъ слогѣ голосъ повышается, а въ слѣдующемъ за нимъ онъ понижается, начиная съ той высоты, которой онъ достигъ въ главно-ударяемомъ. Напротивъ, два другія ударенія Мазингъ называетъ *однослоговыми*: ихъ вліяніе не выходитъ изъ сферы ударяемаго слога. Это мнѣніе принято и авторитетными сербо-хорватскими учеными (напр. Ковачевичемъ, Маретичемъ) съ тою лишь поправкой, что второй слогъ двуслоговаго ударенія никогда не равняется первому ни по силѣ, ни по высотѣ.

Подводя итоги различнымъ мнѣніямъ о качественной сторонѣ сербо-хорватскаго ударенія, кажется, съ полнымъ правомъ можно установить четыре главныхъ ударенія: 1) *краткое восходящее* (´); 2) *долгое восходящее* (˘); 3) *краткое нисходящее* (˘) и 4) *долгое нисходящее* (˘). Относительно силы или напряженности голоса восходящія ударенія можно назвать *слабыми*, нисходящія — *сильными*.

Обозначеніе ударенія особыми знаками (´, ˘, ˘) наблюдается уже въ рукописяхъ, а потомъ старопечатныхъ книгахъ, но въ большинствѣ случаевъ оно представляется крайне запутаннымъ и сбивчивымъ¹⁾. Указанная система четырехъ знаковъ удареній установлена Вукомъ Караджичемъ, принята его ученикомъ Даничичемъ и по настоящее время пользуется наибольшею извѣстностью, хотя въ старое и новое время были выставлены и другія системы знаковъ (напр. Делла-Беллы, Мажуранича, Мазинга, Неманича).

¹⁾ Ср. Д а н и ч и ѳ, Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske. Rad Jugosl. Akad., XX; — Н о в а к о в и ѳ, Акценти штампаних српско-словенскихъ књига пригорскихъ и мѣстачкихъ (Гласник, XLIV, 1877). Историческій очеркъ обозначенія сербо-хорватскихъ удареній см. въ сочин. проф. Р. Брандта „Начертаніе славянской акцентологіи“, Слб., 1880, стр. 72 — 84. Система Вука Караджича принята и въ „Словарѣ“ Юго-славянской Академіи.

Приведенное выше мнѣніе Мазинга о двусловномъ удареніи находится въ связи съ вопросомъ, вызвавшимъ много споровъ между учеными, о числѣ удареній въ многосложныхъ словахъ. Въ сербо-хорватскомъ языкѣ всѣ слоги произносятся такъ ясно и отчетливо, что ударяемый слогъ звучитъ лишь немного сильнѣе остальныхъ; послѣдніе также произносятся съ нѣкоторымъ напряженіемъ и какъ бы получаютъ второстепенное или побочное удареніе, которое наиболѣе замѣтно на долгихъ гласныхъ; напр.: *pōjās, kāmēn, drāč, rāzbbj, rāzbbjā*. Вукъ Караджичъ считалъ это второстепенное удареніе равносильнымъ главному и обозначалъ его тѣмъ же знакомъ $\sim$. Его мнѣніе усвоилъ и защищалъ Даничичъ. Между тѣмъ Миклошичъ, и за нимъ Мажураничъ и Будмани признавали въ словѣ только одно удареніе и видѣли въ гласныхъ, слѣдующихъ за ударяемымъ слогомъ и также отмѣчаемыхъ знакомъ $\sim$, простыя долготы, для обозначенія которыхъ рекомендовали особые знаки $\bar{}$, $\hat{}$ (*pōjās, rāzbbj*). Нѣкоторымъ примѣреніемъ этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ была теорія Новаковича объ удареніяхъ главныхъ и побочных¹⁾. По мнѣнію этого ученаго, многосложныя слова могутъ имѣть одно или нѣсколько удареній. Въ первомъ случаѣ слогъ, стоящій подъ удареніемъ, выдѣляется самъ собой изъ среды другихъ слоговъ; напр.: *оглѣдало, лѣпама, пролѣмати, величина, поћи, вѣлено*; во второмъ одно изъ удареній, именно находящееся на первомъ ударяемомъ слогѣ, получаетъ значеніе *главнаго*, а остальные являются какъ бы *второстепенными* или *побочными*. Главнымъ можетъ быть каждое изъ четырехъ удареній, а побочнымъ — только облеченное (нисходящее) $\sim$. Примѣры: *бѣвблче, бблнне, сѣдѣм, намастѣрѣште, зѣбрѣе, зѣселѣкѣ*. Вопросъ о томъ, сколько второстепенныхъ удареній можетъ быть въ словѣ, остается открытымъ. По Новаковичу выходитъ, что каждый долгій слогъ, слѣдующій за главноударяемымъ можетъ имѣть удареніе; напр. въ словахъ *пѣшѣкѣ, зѣселѣкѣ* усматриваются какъ бы три ударенія, одно главное, два побочныхъ. Но съ этимъ взглядомъ едва ли можно согласиться. Кажется, правильнѣе, согласно съ Миклошичемъ, Ягичемъ, Маретичемъ, видѣть въ ббльшей части гласныхъ, принимаемыхъ за побочноударяемыми, простыя долготы, а потому допускать въ словѣ не

¹⁾ Физиологѣя гласа и гласови српскога језика, 1873 (Гласник, XXXVI), и Српска граматика.

болѣе одного второстепеннаго или побочнаго ударенія. Основываясь на изслѣдованіяхъ Мазинга, можно принять за общее правило, что побочное удареніе выступаетъ въ томъ случаѣ, когда предшествующій главноударяемый слогъ имѣетъ восходящее удареніе, долгое (´) или краткое (˘); напр.: Василь, везир, драч, певѣч, разбѣј, бивблче, лѣпѣв, Бачванѣ. Отсюда слѣдуетъ, что второстепенное удареніе можетъ падать не только на долгій гласный, какъ утверждалъ Новаковичъ и другіе, но и на краткій; напр.: вѣдѣ, рѣкѣ. Такимъ образомъ мнѣніе Ст. Новаковича о побочных удареніяхъ, правильное въ своей основѣ, можетъ быть принято лишь съ указанными поправками; въ частностяхъ оно требуетъ еще болѣе или менѣе обстоятельной разработки.

Всѣ указанные четыре вида удареній наблюдаются собственно въ штокавщинѣ; чакавщина не знаетъ одного изъ нихъ—слабаго, или краткаго восходящаго (˘). Главныя правила относительно употребленія удареній въ штокавщинѣ слѣдующія:

1) Главное удареніе вообще не можетъ падать на послѣдній слогъ: вѣно, рѣка, вода, жена, грѣбѣм, трѣсѣм.

2) Въ односложныхъ словахъ не возможны восходящія ударенія (˘, ˘), а только нисходящія: краткое (˘), или долгое (˘): рѣт, прав, рад, здрав, Бог, сѣх, свѣт, завој.

3) Въ двусложныхъ и многосложныхъ словахъ нисходящія ударенія имѣютъ мѣсто только на первомъ слогѣ: јабука, памѣт, блѣст, плѣмена, сѣнце, пишемо.

Качество ударенія иногда служитъ для различенія словъ, состоящихъ изъ однихъ и тѣхъ же звуковыхъ элементовъ, но имѣющихъ различное значеніе: сѣница (бесѣдка), сѣница (сивница), сѣјати (сѣять), сѣјати (сіять), јаѣница (молодая коза), јаѣница (яровая пшеница), паѣра (паръ), паѣра (назв. турец. монетъ), паѣша (пастбище), паѣша (папѣ), баѣцати (колоть), баѣцати (бросать), паѣс (поясъ), паѣс (песъ), раѣд (трудъ), раѣд (радъ), каѣд (ладонь), каѣд (когда), муѣка (мука), муѣка (мука), плаѣкати (плавать), плаѣкати (полосвать). — Равнымъ образомъ иногда только качествомъ ударенія различаются именныя и глагольныя формы, въ другихъ отношеніяхъ звучащія совсѣмъ одинаково. Сюда относятся, напр., дат. и мѣстн. падежи единств. числа: дат. пад.: брѣгу, вѣку, зѣбу, лѣгу, бѣју, лѣду, страѣху, глаѣви, дѣши, рѣци, вѣди, зѣмли, мѣтли, влаѣсти, рѣчи, стѣвари, гѣлѣни, мѣстн. п.: брѣгу, вѣку, зѣбу, лѣгу, бѣју, лѣду, страѣху, глаѣви, дѣши, рѣци, вѣди, зѣмли, мѣтли,

власти, речи, ств́ари, голéни; или прилагательныя краткой и полной формы: жу́ти, жу́те, жу́та (имен. п. мн. ч. кратк. ф.), жу́ти, жу́те, жу́та (полн. ф.); или преходящее и аористъ въ глаголахъ съ основной неопредѣленнаго на *a*: преходящее: бра́х, бра́смо, бра́сте, писа́х, писа́смо, писа́сте, чу́вах, чу́васмо, чу́васте; аористъ: бра́х, бра́смо, бра́сте, писа́х, писа́смо, писа́сте, чу́вах, чу́васмо, чу́васте.

Съ измѣненіемъ формы слова (въ склоненіи, спряженіи, при образованіи производныхъ словъ) можетъ мѣняться не только качество ударенія, но и мѣсто его въ словѣ; напр.: гра́д, гра́да, гра́ду, гра́дови, гра́довима, нѣвац, нѣвца, нѣваца, вре́ме, вре́мена (р. п.), вре́мена (им. мн. ч.), вре́ме́нѣ (р. п. мн. ч.) госпѣдар, госпѣдѣра, болѣсник, болесни́ка, трѣсох—трѣсе, грѣбох—грѣбе, пѣкох—пѣче, чу́х—чу́ж. Такое чередованіе удареній главнѣйше зависитъ отъ колебаній въ числѣ и составѣ слоговъ. Въ общемъ, однако, въ языкѣ наблюдается стремленіе къ сохраненію неподвижнаго ударенія, т. е. къ удержанію ударенія на опредѣленномъ слогѣ даннаго слова, независимо отъ измѣненій, какимы оно подвергается. Исслѣдованіе системы и смѣны удареній въ разныхъ классахъ словъ (именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголъ и пр.) посвящены работы Данничича, Пацеля, Мажураича, Будмани, Павича, Мазинга, Неманича, Лескина. Для нѣкоторыхъ частныхъ обобщеній эти работы даютъ значительный матеріалъ; но общіе законы употребленія и перехода удареній далеко еще не выведены. Опредѣлить, какое удареніе должно имѣть то или другое первообразное слово—почти невозможно. Равнымъ образомъ очень трудно установить съ точностью, въ какихъ случаяхъ слово при измѣненіи формы сохраняетъ свое основное удареніе и въ какихъ—мѣняетъ его на другое.

При опредѣленіи мѣста ударенія въ господствующемъ сербо-хорватскомъ нарѣчій, т. е. штокавинѣ нѣкоторымъ подспорьемъ служить русскій языкъ. Въ большинствѣ случаевъ штокавское удареніе не совпадаетъ съ русскимъ; именно оно стоитъ на одинъ слогъ ближе къ началу слова; напр.: вѣда, слѣга рѣка, вино, село, сѣкно, глава, мудрац, живот, вѣлач, јунаки, вѣлено, вѣпито, лѣпата, писати, градити, звѣнар, бѣрем, плѣтем и т. п. Совпаденіе съ русскимъ языкомъ чаще всего наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднемъ удареніе также падаетъ на начальный слогъ; напр.: сѣнце, вѣтар, лѣко, мѣсто, стадо, јутро, мѣсо, јѣма, рѣба, камѣн, вѣрен, йме, сѣме, слѣво, нѣбо, сабља, вѣла, маѣхеа и др. (Сравн. русскій выговоръ этихъ словъ).

Удареніе *чакавское* довольно рѣзко отличается отъ штокавскаго и (относительно мѣста) замѣчательно сходно съ русскимъ. Главныя черты его состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Чакавцы свободно ставятъ удареніе на какомъ угодно слогѣ, и, между прочимъ, на послѣднемъ, чего не бываетъ въ штокавщинѣ; напр.: водѣ, слугѣ, винѣ, главѣ, се-лѣ, сѣкнѣ, мудрѣц, живѣг, јунѣк, звонѣр; 2) ударенія $\grave{}$ и $\acute{}$ въ чакавщинѣ могутъ стоять не только на первомъ слогѣ, но и на другихъ: лопѣтѣ, копитѣ, писѣти, жељѣзо, копѣмо, деснѣм, рубѣм; 3) въ чакавщинѣ долгіе гласные возможны и передъ ударяемыми гласными; между тѣмъ въ штокавщинѣ только послѣ нихъ; напр.: зидѣти, чельѣдѣ, винѣ, слугѣ; 4) Чакавщина, какъ уже указано, совсѣмъ незнаетъ краткаго восходящаго ударенія ($\acute{}$) и 5) нерѣдко замѣняетъ долгое нисходящее ($\grave{}$) восходящимъ ($\acute{}$); напр.: краљ, нѣж, пѣт, двѣр, пишем (въ шток.: краљ, нѣж, пѣт, двѣр, пишем).

Кайкавское удареніе еще недостаточно обслѣдовано, но въ общемъ близко подходитъ къ штокавскому.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ штокавскаго и чакавскаго удареній и о близкомъ сходствѣ послѣдняго съ русскимъ удареніемъ былъ разбираемъ и рѣшаемъ въ разныхъ направленіяхъ. По мнѣнію однихъ (Даничичъ), обѣ системы удареній — штокавская и чакавская выработались изъ одной общей сербо-хорватской, будто бы совмѣщавшей начала обѣихъ современныхъ системъ; напр. штокавск. *одда* и чакавск. *вода* могли развиться изъ обще-сербо-хорватскаго *одда*, въ одномъ нарѣчій возоблададо удареніе на первомъ слогѣ, въ другомъ — на послѣднемъ. По мнѣнію другихъ (Брандтъ), чакавское удареніе есть первичное, а штокавское — не болѣе какъ измѣненіе, искаженіе болѣе древняго чакавскаго. Проф. Брандтъ считаетъ чакавское удареніе не только общимъ сербо-хорватскимъ, но и близкимъ къ праславянскому ударенію. Дѣйствительно, замѣчательно-близкое сходство чакавскаго ударенія съ русскимъ даетъ нѣкоторое право на подобное заключеніе. Наконецъ, третьи (Шахматовъ) принимаютъ за обще-сербскіе типы удареній праштокавскія ударенія, которыя нѣсколько отличались отъ современныхъ штокавскихъ; изъ этихъ праштокавскихъ удареній выводятся и чакавскія ударенія, праштокавскія же ударенія отождествляются съ обще-славянскими. Въ концѣ концовъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ чакавскаго и штокавскаго удареній остается все еще довольно темнымъ. Одно несомнѣнно ясно — замѣчательная

характерность сербо-хорватскаго ударенія и близость его къ праславянскому.

Въ сербо-хорватскомъ языкѣ не рѣдки слова, не имѣющія самостоятельнаго ударенія, а примыкающія къ предыдущему или послѣдующему слову и составляющія съ нимъ одно звуковое цѣлое, подъ общимъ удареніемъ. Къ этимъ словамъ или т. н. энклитикамъ относятся: 1) сокращенныя формы существительнаго глагола: сам, си, је, смо, сте, су; напр.: ја сам, како сте, ми смо дали; 2) сокращенныя формы глагола *хотѣти*: ћу, ћеш, ће, ћемо, ћете, ће; напр.: куда ћеш, за што ћеш, доћи ћу; 3) краткія формы личныхъ и возвратнаго мѣстоимѣній: ме, те, се, га, ми, ти, си, му; напр.: ако му, ёно га, Бога ми; 4) аористъ глагола быти, когда онъ служитъ для образованія сослагательнаго наклоненія: пѣкао би, брали бисмо, писали бисте; 5) частицы (бо, ли, но, ре, зи, ка), предлоги и союзы (и, те, ни, да): кадали, ђвази, каконо, у стрица, по дану, на рѹци, без воде, са земљом, од народа, и вода и ђвна.

Иногда нѣкоторыя энклитики (предлоги, союзы), сливаясь съ другимъ словомъ, принимаютъ на себя его ударенія. Это возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда главное слово имѣетъ нисходящее (краткое, или долгое) удареніе; при чемъ вм. " обыкновенно является ` , а вм. ^—" или `; напр.: од-цара (вм. од цѣра), за-брата (вм. за брѣта), преко-куће (вм. преко куће), по-селима (вм. по сѣлима), за-грош (вм. за грѣш), на-зид (вм. на зид), под-главу (вм. под главу), преко-сунца (по чакавски: преко сунца), на-двор, у Бѣч (по чакавски: у Бѣч); и коь и крава, и хлеба, и соли. Впрочемъ, иногда переносится на энклитику и " : на воду, за гору нѣа поље, под камѣн, на земљу, за-срце, на-поље, под-јесен. Чакавцы въ послѣднемъ случаѣ также переносятъ удареніе съ имени на предлогъ.

Подобнымъ образомъ иногда сливаются въ одно звуковое цѣлое подъ однимъ удареніемъ и два самостоятельныхъ слова, обыкновенно произносимыя каждое съ отдѣльнымъ удареніемъ. Такъ напр. это явленіе наблюдается при соединеніи именъ существительныхъ, имѣющихъ краткое или долгое нисходящее удареніе, съ именами прилагательными или количественными числительными, добар дѣн (вм. добар дѣн), добар вече (вм. добар вѣче), добрд јутро (вм. добро јутро), код светога Луке (вм. код светѡга Луке), седам пѣра (вм. седам пѣра), осам рѣна (вм. ђсам рѣна), десет вѡла (вм. дѣсет вѡла), три брата (вм. три брѣта).

Выдержанный въ штокавщинѣ съ большею послѣдовательностью переходъ ударенія съ главнаго слова на энклитики стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ стремленіемъ этого нарѣчія — отодвигать удареніе возможно дальше отъ конца слова.

Въ частныхъ сербо-хорватскихъ говорахъ удареніе представляетъ не мало характерныхъ чертъ и болѣе или менѣе значительныхъ отступленій отъ указанной общей нормы. Систематическое изученіе этихъ особенностей и отступленій въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе мѣстныхъ ученыхъ, знатоковъ роднаго языка, но пока все же ведется очень медленно и не богато результатами.

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Склоненіе въ сербо-хорватскомъ, какъ и въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, не представляетъ такого богатства формъ, какое можно предполагать для славянскаго праязыка и какое наблюдается въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-славянскаго языка. Въ области падежной флексіи, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, сербо-хорватскій языкъ значительно отступилъ отъ старины: многое изъ прежняго общаго достоянія онъ совсѣмъ утратилъ, кое-что измѣнилъ, кое-что самъ выработалъ вновь. Главнѣйшія изъ этихъ уклоненій отъ предполагаемой древней нормы состоятъ: 1) въ утратѣ двойственнаго числа; 2) въ смѣшеніи и сліяніи въ одно разнородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ суффиксовъ; 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ, характерныхъ окончаній. Всѣ три рода склоненія, именное, мѣстоименное и сложное въ большей или меньшей степени подверглись указаннымъ измѣненіямъ слагавшимся постепенно въ длинный періодъ самостоятельнаго историческаго развитія языка.

Именное склоненіе.

1) *Потеря двойственнаго числа.* Въ настоящее время сербо-хорватскій языкъ уже не знаетъ двойственнаго числа: оно замѣнилось во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ множественнымъ. Уцѣлѣвшія немно-

гя формы съ окончаніями двойств. ч., какъ ўшијѹ, дѣијѹ, гѣстијѹ, вѣстијѹ, нѣстијѹ и др., служатъ для означенія множ. ч. (род. п.). Въ старомъ языкѣ, XIII—XVII вв., еще были въ употребленіи формы двойственного числа. Объ этомъ свидѣтельствуя не только памятники, писанные кириллицей, въ которыхъ и въ этомъ отношеніи можно было бы видѣть вліяніе традиціи старо-славянскаго языка, но и тексты далматинскихъ писателей, пользовавшихся народнымъ языкомъ; напр.: по ѣ воли (грам. XIII в.), обѣ сель, годици, руци (грам. XIV в.), на црѣкву Светую Врачу (грам. 1327), правѣднику (грам. 1348 г.), приателю обѣю страануу (грам. 1432 г.), господинома и родителема (грам. XIII в.), братома (грам. 1395 г.), странама (грам. 1433 г.), вѣрма (сборн. 1520 г.); рами, коѣни, лица, дви воисци, на раму, по плѣу, очіју, ушију, плѣма, рукама (Маруличъ, Менчетичъ, Гекторевичъ). Впрочемъ, уже въ древнихъ памятникахъ двойственное нерѣдко замѣняется множественнымъ числомъ; въ XV—XVI ст. формы множественнаго чаще чередуются съ формами двойственного, наконецъ съ исхода XVII и въ XVIII ст. двойственное число почти не встрѣчается¹⁾.

2) *Смѣшеніе разнородныхъ основъ.* Въ современномъ сербо-хорватскомъ языкѣ не существуетъ такого разнообразія видовъ склоненія, какое представлялъ старо-славянскій яз. Въ общемъ склоненіе упростилось: имена различныхъ основъ, прежде имѣвшія свои падежныя флексіи, стали склоняться болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ. Изъ древнихъ пяти (а по нѣкоторымъ шести) типовъ именнаго склоненія, въ сербо-хорватскомъ вполнѣ удержались только два: склоненіе основъ на — о (роб, ковь, село, поље) и на — а (жена, земля); склоненіе основъ на — и (ѣ) сохранилось только для словъ женск. р. (вост, смрт); отъ склоненія основъ на согласные уцѣлѣли только два слова — мати и кѣи; склоненіе на — у (ѣ) совсѣмъ исчезло. Основы муж. р. на — и (гост, црв), на — у и на — и (камен) и средн. р. на — и (име), — с (небо), — т (теле) склоняются по образцу склоненія основъ на о; основы жен. р. на — е (црква=старо-слав. црѣкы) слѣдуютъ основамъ на — а. Такимъ образомъ для сербо-хорватскаго яз. можно установить четыре главныхъ склоненія: 1) склоненіе основъ на — о

¹⁾ Ср. Д а н и ч и њ, Исторія облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. У Београду, 1874, 221—236.

(муж. и ср. р.); 2) склонение основъ на—*a* (преимущ. ж. р.); 3) склонение основъ на—*и* (жен. р.) и 4) склонение на согласный *p* (жен. р.).— Въ древнихъ памятникахъ можно найти указанія на существованіе, въ языкѣ и другихъ исчезнувшихъ теперь видовъ склоненія. Напр. склон. осн. м. р. на *и*: род. п. зети (гр. Немани), тати, пути (гр. XIV в.), но и пута, зета (XIII—XIV в.); твор. п.: путемъ (XIV в.) и въ совр. яз. путем (и путем); мѣст. п. пути, дни (XIV в.); имен. п. мн. ч.: гостию, лудию (XIV в.); вин. п. мн. ч.: люди, гости, тати (гр. XIV—XV в.), лакти, нокти, дни (далмат. пис. XVI—XVII в.); род. п. мн. ч.: кмети, пути, црви (XIV—XVI в., въ современномъ яз., особенно на западѣ, также кмети, гости, људи); твор. п. мн. ч.: дньми, людми (XIV—XVII в.); мѣст. п. мн. ч.: дьнезь, людєзь, путєх (XIII—XVII в.). Склон. осн. на *y*: дому (род., дат. пп. грам. XIV—XV в.), сину (зв. п. XIII—XVII в.); синове, домове, волове (XIV—XVI в.). Склон. осн. на согласный: род. п. ед. ч.: камене, корене (грам. XIV в.), врѣмене, имене, племене, сѣмене, небесе (гр. XIV—XV в. Винод. зак. и друг. пам.), цръкве, любве (XIV в.); дат. п. ед. ч.: врѣмени, имени, словеси, тѣлеси (гр. XIV в. но очень давно и безъ согласнаго основы: слову, тѣлу); твор. п. ед. ч.: имень (XIV в. но тогда же: именовъ, врѣменовъ).

3) *Смѣшеніе падежныхъ окончаній.* Во всѣхъ живыхъ славянскихъ языкахъ подѣ влияніемъ закона аналогіи происходитъ смѣшеніе падежныхъ окончаній, т. е. окончанія, собственно свойственныя известному падежу, приурочиваются къ одному или нѣсколькимъ другимъ падежамъ, прежде имѣвшимъ свои особыя суффиксы; или же известное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному типу словъ, примѣняется въ томъ же падежѣ къ словамъ другихъ категорій. Въ сербо-хорватскомъ языкѣ эта сторона упадка формъ связывается въ слѣдующихъ явленіяхъ:

а) Мѣстный пад. ед. ч. обыкновенно совпадаетъ съ дательнымъ ед. ч.; основы на—*o* имѣютъ оба падежа на *y*, основы на—*a* и на—*и* оканчиваются въ обоихъ падежахъ на—*и*; напр.: *јелену*, *орачу*, *кѡбу*, *селу*, *пѡлу*, *жену*, *крви*. Разницу въ выговорѣ падежей, совершенно одинаковыхъ по звуковымъ элементамъ, нерѣдко обуславливаетъ удареніе; напр.: *брѣгу*, *зѣбу*, *лѣду*, *дѣши*, *рѣци*, *ствари* (дат. п.) и *брѣгу*, *зѣбу*, *лѣду*, *дѣши*, *рѣци*, *ствари*. Ср. выше стр. 280. Особенно характерно совпаденіе дательнаго и мѣстнаго у основъ на—*o*;

у основъ на—а и на—и эти падежи совпадаютъ и въ старо-славянскомъ яз. Для словъ первой категоріи перенесеніе окончанія дат. п. у на мѣстный наблюдается въ текстахъ XIII—XIV в.: *трьгу, длъгу, граду, врьсту, владаню, цару, Гюргю, банову, господню*; въ XV в. это новое окончаніе дѣлается уже господствующимъ. Тѣмъ не менѣе рядомъ съ нимъ въ памятникахъ XIII—XVI вв. встрѣчается древнее окончаніе ѣ или замѣна его е, и: *градъ, граде Призрѣнъ, мирѣ, свитѣ, Сплѣти, двори, зборѣ*. Въ западныхъ говорахъ и теперь еще иногда слышится мѣстн. п. на и вм. обще-сербскаго у: *часѣ, сунци*.

б) Винительный пад. мн. ч. основъ муж. р. на о въ твердомъ и мягкомъ склоненіи оканчивается одинаково на е: *робе, јелепе, коѣе, ораче*. Въ старо-славянскомъ эти формы различались: *рабы, конѣ*. Въ мягкомъ склоненіи сербское е правильно соотвѣтствуетъ старо-слав. ѣ; въ твердое склоненіе (*робе*) е, очевидно, перешло изъ мягкаго по аналогіи. Въ старомъ языкѣ встрѣчается болѣе древнее окончаніе: *чловѣки, правѣ, у веки, закоони, но рѣдко*; е вм. и (ы) является уже съ XIII в.: *боларе* (гр. 1238), *законе* (гр. 1370), *дуге* (гр. 1398), *виѣе, виѣе, реде, суде*.

в) Подобнымъ же образомъ объясняется е въ окончаніи трехъ совпадающихъ между собой формъ: родит. п. ед. ч., именит. и винит. п. множ. ч. твердаго склоненія основъ жен. р. на—а: *жене, рибе, земље, душе*. И здѣсь е, вм. ожидаемаго и (=ы) заимствовано изъ мягкаго склоненія. Форма род. п. един. ч. отличается отъ формъ множ. ч. количествомъ конечнаго е, которое здѣсь всегда долгое. Вліяніе флексій мягкаго склоненія на твердое восходитъ къ глубокой древности: *силе, главе* (род. п. грам. бана Кулина, 1189 г.), *Кобыле, Рѣке* (вин. п. грам. Стефана Немани). Впрочемъ, въ памятникахъ встрѣчается и древнее окончаніе: *глави* (надпись въ Жичѣ), *владыки* (гр. Немани). — Послѣднія формы Даничичъ и Миклошичъ считаютъ заимствованными изъ старо-слав. яз.

г) Дательный и мѣстный пп. ед. ч. основъ на—а имѣютъ окончаніе и, какъ и въ мягкомъ склоненіи: *женѣ, риби, зѣмљи, души*. Въ старо-слав. яз.: *женѣ, риби, земљи, души*. Въ древнихъ сербо-хорватскихъ памятникахъ до XV ст. сохраняется ѣ: *опкинь* (гр. XII в.), *вѣръ* (гр. 1234), *женѣ, силѣ* (гр. XIII в.), *жупѣ* (м. п.), *Моравѣ* (м. п.), *опкинь* (XV в.); но уже въ XIV и XV ст. вм. ѣ, является то е, то и: *Босне, воѣводе, опкине—и Босни, воѣводи,*

опѣни. Съ XVI ст. данная форма оканчивается исключительно на *и*: *госпи*, *жени*, *мајци*, *слузи*, *руци*. Такъ какъ *и* выступаетъ въ старыхъ текстахъ, отражающихъ въ себѣ не исключительно западное (ивавское) нарѣчіе, но и представляющихъ элементы южнаго и восточнаго нарѣчій, то едвали можно въ этомъ звукѣ видѣть фонетическую замѣну др. њ. Несомнѣнно и здѣсь *и* перешло въ твердое склоненіе изъ мягкаго по закону аналогіи.

д) Творительный пад. ед. ч. основъ на *а* имѣетъ одинаковое окончаніе съ основами на *о* твердаго склоненія, т. е. *ом*: *жѣнѣм*, *рѣбѣм*, *зѣмѣм*, *дѣшом*. Въ старомъ языкѣ и современныхъ сербо-хорватскихъ говорахъ наблюдаются и другія окончанія этого падежа: *овъ*, *у*, *ум*, *ун*, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, но ок. *ом* въ настоящее время является самымъ распространеннымъ и характернымъ для сербо-хорватскаго языка. Лучше всего оно можетъ быть объяснено вліяніемъ склоненія основъ на *—о*. Въ древнихъ памятникахъ эта форма встрѣчается уже съ XIII в.: Чръновъ *рѣкомъ*, Чечинѣмъ *кравекомъ* (надп. въ Жичѣ), *водомъ* (нач. XIII в.), съ *правовъ* веромъ (гр. 1240), *опьбиномъ*, *свободомъ*, *силомъ*, *судномъ*, *вепалиномъ* (XIV в.).—Тоже окончаніе въ творит. п. отъ *мати*—*матером*.

е) Дательный, творительный и мѣстный п. мн. ч. всѣхъ основъ имѣютъ одно общее окончаніе *ма*: *рѣбима*, *жѣленама*, *вѣьма*, *орачима*, *сѣлима*, *пѣьма*, *жѣнама*, *вѣьма*, *вѣстима*, *имѣнима*, *матерама*. Объясненіе этого окончанія вызываетъ разногласіе между учеными; мы коснемся ихъ въ слѣдующемъ параграфѣ. Здѣсь важно отмѣтить усвоенное языкомъ послѣдовательное смѣшеніе трехъ падежей. Судя по памятникамъ окончаніе *ма* прежде всего (съ XIV в.) является въ дат. п.: до вѣки *вѣкома*, у рѣкъ *вѣкома* (гр. XIV в.), *црквама* (XV в.); съ конца XV и въ XVI ст. оно выступаетъ въ творит. п. (*синовцима*, *гласима*, *дождима*, *дарима*, *вилама*, *женама*, *вѣьгама* и т. д. у далматинскихъ писателей) а въ XVII ст. и въ мѣстномъ п. (*вѣтрима*, *разговорима*, *дѣлима*—въ вн. *Vitala Andrijaševića Put od gađa Mleci*, 1886). Изъ изслѣдованій Ягича (*Književnik*, I) и Даничича (*Историја облика*) достаточно выяснилось, что процессъ усвоенія тремя падежами одного окончанія *ма* совершался постепенно. Окончательному смѣшенію падежей подъ тождественнымъ окончаніемъ предшествовало частое употребленіе творит. п. вм. дательн. и мѣстнаго и на-оборотъ дат. вм. творительнаго, а также передача

оконч. творит. п. основъ на—*и*—*ми* (постми) основамъ на *о* (кральми, градми, ковыми, царьми) и вообще частное упрощеніе окончаній. Современнымъ формамъ дательнаго п. на *има*—предшествуютъ въ XVI в. формы на *им*: старцим, ковым, гријесим, непријатељим; подобныя же формы въ XVI в. употребляются въ значеніи творительнаго падежа (анђелим, апостолим, динарим, зубим), а въ XVII в. въ значеніи мѣстнаго п. (дарим, законом, судим). Конечный гласный *а* въ *ма*, по всей вѣроятности, приставочный звукъ. Раньше всего, нужно думать, отождествились дательный и творительный основъ на—*а* (женам, женами), вслѣдствіе ихъ близкаго сходства. Затѣмъ, по закону аналогіи уподобленіе перешло и на другія основы, и наконецъ захватило мѣстный падежъ.—Независимо отъ смѣшенія формъ, не только въ древнемъ языкѣ, но и позднѣйшемъ (XVI—XVII в.) ясно держались первоначальные характерныя суффиксы для каждаго падежа; для дательнаго — *омъ, ом, емъ, ем, амъ, ам*: болгаромъ, тръголь, влеземъ, женамъ (XIII в.), храмомъ (XV в.), *angelom*, апостолом, *krvnikom*, учеником (XVI в.), народом, редовником (XVII в. Матије Дивковића, Наук карстиански Млечи, 1611), *otcem, starcem, sudcem* (рук. Никола Раньны, 1503 г.), *visinam, zmiјam, suzam* (XVI в.), удовицам, *rukam*, слугам (XVII в.); для творительнаго — *и* (вм. *ы*), *ми*: враги, гради (XIII в.), дары, записи (XIV в.), *anjeli*, апостоли, законы (XVI в.), *biskupi, zubi, obrazi* (XVII в. Мавра Орбини *Zrcalo duhovno*, Млечи 1621), братнями, господами (XIV в.), *vodati, dušati, suzati*, женами, муками (XVI—XVII в.), пѣсньми, болестми (XV—XVI в.); для мѣстнаго — *охъ, нхъ, ихъ, ахъ, ох, ех, их, ах*: тръгохъ, инокохъ, воиницхъ, градихъ, градехъ (XIII—XIV в.), гријесижех, дворијех, народих, пророцих, женах, горах, кућах, землях (XVI—XVII в.). Да и въ настоящее время въ чакавскомъ нар. всѣ три падежа, дательный, творительный и мѣстный сохраняютъ старинныя окончанія: робом, роби, робих, коьем, ковы, ковых, селом, сели, селих, поьем, полы, полых, женам, женами, женах, землям, землями, землях. И на юго-востоѣ въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются древнія формы: гавраном, Турком, момком, пријатељем, с јелени, хайдужи, на воловијех, по градовијех, по хайдужи¹⁾; Тешко Турком тргујући с Марком (Нар. пјесме, Вука Карадж., II, 348); Кака тебе

¹⁾ X часто не слышно; ср. выше стр. 271.

о ћера невоља (Врат ломити, по гори ходити); По хајдуци по лошу занату (Нар. пјесме, III, 1).

4) *Характерныя окончанія.* Къ характернымъ окончаніямъ именнаго склоненія, какеъ это отчасти видно изъ предыдущаго, относятся слѣдующія:

I. Въ склоненіи на—о:

- а) Мѣстн. п. ед. ч.—у: јелену, орачу, коњу, сѣлу, пљу, Мјрку, плѣмену.
- б) Винит. п. мн. ч. муж. рода—е: јелене, ораче, коње.
- в) Дат., творит. и мѣстн. пп. мн. ч.—има: јеленима, орачима, коњма, сѣлима, пљима, племѣнима.
- г) Род. п. мн. ч.—а̄: јелѣна̄, орача̄, коња̄, сѣла̄, пља̄, племѣна̄.

II. Въ склоненіи на—а:

- а) Родит. п. ед. ч.—е: жѣне, земље.
- б) Дат. и мѣстн. пп. ед. ч.—и: жѣни, земљи (д.), земљи (м. п.).
- в) Творит. п. ед. ч.—ом: жѣнѣм, земљѣм.
- г) Имен. и вин. пп. мн. ч.—е: жѣне, земље.
- д) Дат., творит. и мѣстн. пп. мн. ч.—ама: жѣнама, земљама.
- е) Родит. п. мн. ч.—а̄: жѣна̄, земља̄.

III. Въ склоненіи на—и:

- а) Творит. п. ед. ч.—ју (изъ древн. иж) или и: ствѣрју, кошћу, сољу и вѣсти, ствѣри.
- б) Родит. п. множ. ч.—и: ствѣрѣ, кости.
- в) Дат., творит. и мѣстн. пп. мн. ч.—има: ствѣрима, костима.

IV. Въ склоненіи на согласн.—р:

- а) Творит. п. ед. ч.—ом: мѣтерѣм (но кћерју).
- б) Родит. п. множ: ч.—а̄: мѣтерѣ̄ (но кћерѣ̄).
- в) Дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч.—ама: мѣтерама (но кћерима).

О происхожденіи большей части этихъ окончаній сказано въ предшествующемъ параграфѣ. Здѣсь необходимо сдѣлать дополнителныя замѣчанія лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ и подробнѣе остановиться на окончаніи родит. п. мн. ч.—а̄.

Употребленіемъ окончанія *е* въ род. п. ед. ч., именит. и винит. пп. множ. ч. основъ на—а и винит. п. множ. ч. муж. основъ на—о,

сербо-хорватскій яз. сближается со словинскимъ языкомъ, въ которомъ е обязательно въ тѣхъ же формахъ: *žene, volje, gobe, konje*. — Тоже самое нужно замѣтить относительно дат. и мѣстн. пп. един. ч., которые и въ словинскомъ яз. совпадаютъ и имѣютъ тождественныя съ сербо-хорватскими окончанія: *ženī, volji, gobi, konju*.

Творит. п. ед. ч. основъ на *a*, кромѣ современнаго, обще-распространеннаго окончанія *ом* въ старое время имѣлъ, а кое-гдѣ и теперь имѣетъ слѣдующія окончанія: *овъ (ов)*, *у*, *ум*, *ун* Оконч. *ом*, какъ сказано, появляется съ XIII ст.; *овъ* наблюдается въ памятникахъ еще раньше, уже съ XII ст., и вообще употребительнѣе въ старомъ языкѣ до половины XIII в.: *правовъ вѣровъ, свововъ воловъ, повеловъ бановъ* (гр. 1189 г.), *земловъ сръбсковъ* (гр. Немани), *луковъ, лозовъ, обькиновъ, правиновъ, главовъ, руковъ* (грам. XIII в.); *у* — встрѣчается въ памятникахъ западнаго нарѣчія: *своју добру вољу, роту* (Винод. зак.), *воиску, заставу, персидском землю, царицу* (рук. Александрии, XVI в., *Starine*, III); *ум*, попадающееся и въ памятникахъ XVII в. (господум), свойственно кайкавскому нар.: *водум, жевум, зи својум војсум; ун*—говору Приморскихъ Чакавцевъ: *z mláduŋ ženún, z rukún, sábljun, zvezdún, s travún, z glavún, s teškun míkup* (Mikuličić, *Narodn. pripov. i pjesme iz hrvatskoga Primorja*, 1876). Происхожденіе этихъ окончаній Даничичъ (Исторія облика, 37 — 39) объясняетъ такимъ образомъ: *овъ* должно быть сближено со старо-слав. *омъ*, которое на сербо-хорватской почвѣ звучало *ою* (теплотою—въ грам. Немани); по исчезновеніи *j*, *у* могло перейти въ *о*: *ою—оу—ов*; *у*—образовалось или изъ стяженія *оју*, или прямо соотвѣтствуетъ старо-слав. формѣ твор. п. на *ж*: *женя* (рядомъ съ *женомъ*); діалектическія формы на *ум*, *ун*, произошли изъ формъ на *у* черезъ позднѣйшую прибавку *м*. Обще-распространенное окончаніе—*ом*, какъ уже замѣчено, правильнѣе всего объяснить вліяніемъ флексіи основъ на *о*¹⁾.—Къ *м* иногда присоединяется *е*: *женоме, главоме, силоме*; тоже и при основахъ на *о*: *богоме, домоме, ледоме* (съ XVI в.).

Оконч. *ма* (*има, ама*), дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч. объясняютъ двояко. Одни (старое мнѣніе, котораго впрочемъ, держит-

¹⁾ Миклошичъ (Vergl. Gram., III, 7) выводитъ *рибом* изъ *рыбомъ* усматривая въ сербо-хорв. окончаніи древнее *м*, которое скрывается въ старо-слав. *ж*. Изъ объясненій Даничича, нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ толкованіе оконч. *ум*, *ун*. Откуда тутъ приставочное *м*, или *н*? Не есть ли *ум* діалектическій выговоръ болѣе общаго *ом*?

ся и проф. Брандтъ¹⁾ возводятъ его къ формамъ двойственнаго числа, допуская вліяніе послѣдняго на флексію единственнаго числа; другіе (Ягичъ, Даничичъ и Миклошичъ) считаютъ конечное *a*—секундарнымъ звукомъ, который сталъ слышаться на концѣ суффиксовъ дательнаго, а потомъ творительнаго падежей. Послѣднее мнѣніе нужно считать болѣе правильнымъ, такъ какъ во 1-хъ двойственное число вышло изъ употребленія въ языкѣ раньше, чѣмъ началось смѣшеніе трехъ падежей множ. ч. и, слѣдовательно, не могло вліять на измѣненіе древнихъ окончаній, еще долго потомъ сохранявшихъ свое значеніе въ рѣчи; во 2-хъ приставочное *a*—есть обычное характерное явленіе сербо-хорватскаго языка, вполне возможное и въ данномъ суффиксѣ (ср. выше стр. 252—253).

Самымъ характернымъ окончаніемъ нужно считать суффиксъ родит. п. множ. ч. *a*. Этотъ суффиксъ принимаютъ всѣ основы, за исключеніемъ основъ на *и*: *јеленâ*, *ковâ*, *селâ*, *полâ*, *женâ*, *земâ*, *именâ*, *матерâ*. Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ представляетъ собою позднѣйшее явленіе въ исторіи языка. Правда первые, хотя и немногочисленные, примѣры формъ родит. п. съ такимъ окончаніемъ относятся къ XIV в.: *апустола*, *синова*, *волова*, *жупа*, но широкое распространеніе ихъ падаетъ только на XVI—XVII вв. Въ болѣе старое время въ языкѣ были въ употребленіи формы, соответствовавшія старо-славянскимъ: *влахъ*, *апустоль*, *робъ*, *поповъ*, *апостоловъ*, *законовъ*, *земадь*, *слугъ*, *воеводъ*, *врѣмень*, *словесъ*, *матеръ* (XII—XIII в.). Да и позже въ XVI—XVII вв., съ распространеніемъ новаго окончанія долго еще продолжали держаться и старинныя формы (особенно въ языкѣ далматинскихъ писателей). Въ настоящее время мы ихъ находимъ во всей свѣжести въ чакавскомъ нарѣчьи, гдѣ говорятъ: *отâц*, *пѡп*, *ковъ*, *сведокѡв*, *жен*, *земâль*, *прикâв*, *говѣд* (вм. обще-сербохорв.: *отâца*, *пѡпâ*, *кѡвâ*, *сведокâ*, *женâ*, *земâльâ*, *приковâ*, *гѡведâ*). Въ черногорскомъ говорѣ вм. *a* слышно *ax*, *xh*: *ковâх*, *женъх*. Отсюда среди филологовъ 50—60-хъ годовъ явилось предположеніе о смѣшеніи въ данномъ случаѣ родительнаго п. съ мѣстнымъ. Въ то же время высказывалось утвержденіе о древности *x* въ род. п. множ. ч. именнаго склоненія. Такимъ образомъ ок. *a* выводилось изъ *ax* черезъ

¹⁾ Сравнительная Морфологія славянскихъ языковъ, переводъ Шлякова подъ ред. Р. Брандта. Вып. II, 269, примѣч.

опущеніе *x*, которое не слышно въ большинствѣ говоровъ. Увѣренность въ правильности такого толкованія этой формы была такъ велика, что хорватскіе писатели одно время узаконили въ литературномъ яз. правописаніе родит. п. съ суффиксомъ *al*. Но теперь послѣ обстоятельнаго разбора вопроса, сдѣланнаго акад. Ягичемъ (Književnik, I, Rad IX) и Миклошичемъ (Сравн. грам.) не можетъ быть сомнѣнія въ неудовлетворительности указанныхъ объясненій. По мнѣнію названныхъ ученыхъ и здѣсь *a* — звукъ вторичный, приставочный, съ чѣмъ, кажется, нельзя не согласиться (ср. выше стр. 253).—Весьма любопытно, что въ чакавщинѣ для род. мн. ч., кромѣ формъ безъ окончанія или на *ov*, возможны формы на —*u*: дѣлу, мрѣву, солдѣту, сини; тоже и въ древнихъ памятникахъ западнаго нарѣчія: кмети, кнези, мужи, поротняки (Винод. зак.). Попадаются однородныя формы, хотя и рѣже, въ штокавщинѣ: хвати, црви, гости (и гостију), људи, нокти (и ноктију) прѣсти (и прѣстију), сахѣти (ср. Миклошича, Сравнительная Морфология, II, 274).

б) *Звательный падежъ*. Въ ряду древнихъ окончаній именнаго склоненія, сохранившихся въ сербо-хорватскомъ языкѣ, наиболѣе любопытны окончанія звательнаго п. ед. ч. Они удержались во всемъ ихъ разнообразіи во всѣхъ сербо-хорватскихъ нарѣчіяхъ и въ литературномъ языкѣ. Въ склоненіи на—*o* зват. п. оканчивается на *e*, *y* (за исключеніемъ словъ, оканчивающихся въ имен. п. на *o*, *je*): *јелене, мѹже, вѹбу, дрѹчу*; въ склоненіи на—*a* выступаютъ древніи окончанія—*o* и *e*: *жѣво, зѣмьло, банице*; въ склоненіи на—*u* сохраняется, какъ въ старо-славянскомъ, *u*: *ствѣри, смрѣти; мѣти*, согласно со старо-слав. яз., не имѣетъ особаго суффикса въ зват. п. Относительно этихъ окончаній нужно замѣтить слѣдующее: *y*, и въ старо-славянскомъ яз. перешедшее въ склоненіе основъ на—*o* изъ склоненія основъ на *y*, въ памятникахъ XVI—XVII в. часто чередуется съ оконч. *e*: *бану, граду, животу*; а въ современномъ языкѣ оно является въ т. н. мягкомъ склоненіи (послѣ согласныхъ основы—*j*, *љ*, *њ*, *ћ*, *ћ*, *ж*, *ч*, *ш*, *р* (*р*)): *змају, пријатељу, смућу, Краљевићу, ножу, мачу, Милошу, господару* (но *царе*); древнее ок. *e* въ мягкихъ основахъ (на *ja*) уже рано стало замѣняться *o*: *душо, земьло*; *e*—удержалось въ словахъ на *ца*, при томъ имѣющихъ болѣе двухъ слоговъ: *банице, водице, Милице*, хотя говорятъ и съ *o*: *кукавицо, потурицо, пијаницо*.

Образцы именнаго склоненія.

I. Склоненіе на—о.

а) Имена мужескаго рода.

Единств. ч.

И. јелен	кѡъ	ѡрач	Мѣрко	Мѣлоје
З. јелене	кѡу	ѡрачу	Мѣрко	Мѣлоје
В. јелена	кѡа	ѡрача	Мѣрка	Мѣлоја
Р. јелена	кѡа	ѡрача	Мѣрка	Мѣлоја
Д. јелену	кѡу	ѡрачу	Мѣрку	Мѣлоју
Т. јеленом	кѡем	ѡрачем	Мѣрком	Мѣлојем
М. јелену	кѡу	ѡрачу	Мѣрку	Мѣлоју

Множеств. ч.

И. јелени	кѡи	ѡрачи		
З. јелени	кѡи	ѡрачи		
В. јелене	кѡе	ѡраче		
Р. јелѣнѣ	кѡѣ	ѡрачѣ		
Д. јеленима	кѡма	ѡрачима		
Т. јеленима	кѡма	ѡрачима		
М. јеленима	кѡма	ѡрачима		

б) Имена средняго рода.

Единств. ч.

И. село	пѡе	плѣме	тане (пуля)	небо
З. село	пѡе	плѣме	тане	небо
В. село	пѡе	плѣме	тане	небо
Р. села	пѡа	плѣмена	танета	неба
Д. сѣлу	пѡу	плѣмену	танету	небу
Т. сѣлом	пѡем	плѣмену	танетом	небом
М. сѣлу	пѡу	плѣмену	танету	небу

Множеств. ч.

И. сѣла	пѡа	плѣмена	танета	небеса
З. сѣла	пѡа	плѣмена	танета	небеса
В. сѣла	пѡа	плѣмена	танета	небеса

Р. сѣла̂	пѣла̂	племѣна̂	танѣта̂	небеса̂
Д. сѣлима	пѣлима	племѣнима	танѣтима	небесима
Т. сѣлима	пѣлима	племѣнима	танѣтима	небесима
М. сѣлима	пѣлима	племѣнима	танѣтима	небесима

По образцамъ категоріи а) склоняются 1) всѣ имена муж. рода съ основами на —о (*јо*); 2) большая часть тѣхъ существительныхъ, которыя въ старо-славянскомъ слѣдуютъ склоненію основъ на—и: *гбст, црѣв, гдлѣуб, нѣкат, лѣват, зет*; 3) существительныя отъ основъ на *у*: *син, вол*; 4) имена мужеск. р. отъ основъ на согласн. *н*: *кѣмен, кдрѣн, пламен, крѣмѣн* и др.; въ имен. п. ед. ч. эти слова могутъ и терять *н*: *кам* и *ками, плам, крем*.

По образцамъ категоріи б) склоняются имена средняго рода 1) отъ основъ на *о* (*јо*); 2) отъ основъ на *н, т, с*: *брѣме, вѣме, вриѣме, плѣме, рѣме, твѣло, чѣдо, јѣре, прѣсе, теле, јѣгѣе, клѣпче, ўже, јѣе*; согласный основы *с* выступаетъ только во множ. ч., *н* и *т*—также и въ един. ч. Слова съ основой на *т*, обозначающія дѣтенышей, замѣняются во множ. ч. другими производными: *теле*—*теоци, телѣд, близне*—*близнад, јѣгѣе*—*јагаѣци, дијете*—*дјѣца*.

Вслѣдствіе особыхъ условій сербо-хорватской орфографіи твердое и мягкое склоненія различаются для именъ муж. р. только въ зват. (*е, у*) и творит. пп. ед. ч. (*ом, ем*), а для именъ средн. р. только въ творит. п. ед. ч. (*селом, пољем*).

Въ именит. п. ед. склоненія категоріи а) при стеченіи на концѣ основъ двухъ согласныхъ (за исключеніемъ *жд, шт, зд, ст*: *дажд, пришт, грозд, лист*), является между согласными *а*, которое исчезаетъ во всѣхъ другихъ падежахъ (кромѣ род. п. множ. ч.): *бйрач, вѣсак, јѣрам, кѣпаль, кѣнац, лѣват, ъван, ъвас, ъгаѣ, пијѣсак, ўгаѣ, пѣс, сѣн*. Въ однихъ случаяхъ это *а* соответствуетъ старо-слав. *з, ѣ* (*кѣпац, јѣрам, кѣнац*); въ другихъ оно вставлено для благозвучія (*ѡгаѣ, ўгаѣ*). Прочіе падежи: *вѣска, вѣску, ѡвном, сну* и т. д. Многія односложныя слова сохраняютъ *а* и въ косвенныхъ падежахъ: *лѣв, лѣж, мѣч, рѣж; дѣн* имѣеть р. п. *дѣна* и *днѣ*.

Въ родит. п. множ. ч. вставочное *а* между согласными является въ обоихъ видахъ склоненія на—о, въ именахъ мужескаго и средняго рода: *кѣнаца, лѣватѣ, дѣна, посѣлѣ* (*посѣо*), *отѣца, просѣлаца, весѣлѣ, кѣленѣцѣ, копѣлѣ* (*кѣплѣ*), *рѣбѣрѣ, седѣлѣ, крилѣцѣ* (*крипце*).

Передъ *e* (зват. п.) и *и* (именит., дат., твор., мѣстн. пп. мн. ч.) гортанные *г, к, х*, согласно общему фонетическому закону, переходятъ въ первомъ случаѣ въ шипящiе, во второмъ въ свистящiе: *јуначе, Бѣже, сѣромаше, јуваџи, бѣзи, сѣромаси, јунаџима, бѣзима, сѣромасима*. Въ словахъ *кнез* и *витез* *з* въ зват. п. тоже переходитъ въ *ж*: *кнеже, витеже*. Отъ *француз*—зв. п. *французу*.

Многія слова, особенно односложныя, принимаютъ во всѣхъ падежахъ множеств. ч. слогъ *ов* или *ев*: *градови, градовима, градовѣ, соколѣви, голубѣви, краљеви, царевѣ, стричевѣ*. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются и формы на *ове*: *попове, врагове, тргове* (XIV в.).

Существительныя на *ин* теряютъ этотъ слогъ во множ. ч.: *грађанин—грађани, Србин—Срби, Турчин—Турци*. Въ древнихъ памятникахъ подобныя слова оканчиваются въ имен. п. мн. ч. на *e*: *болгаре, властеле, грагаане, Кућане, Србле* (XIII—XIV в.); еще болѣе любопытны формы дат. п.: *грађамъ, Дубровчамъ* (гр. 1189), *Дѣтчамъ* (гр. XIV в.); твор. п.: *Бошнами, Дубровчами* (XIV в.) и мѣстн. п.: *Височахъ, грагахъ, Дѣчяхъ*. Здѣсь, передъ *м, х* предполагаютъ *и* (отъ суф. *ин*), которое уподобилось предшествующему согласному (*грађанмъ, Височанхъ*).

Множеств. ч. для словъ: — *господин, властѣлин* и *брѣт* замѣняется собирательными именами жен. р. *господа, властѣла* и *брѣна*. Отъ *члвек* мн. ч. *људи*.

Окончаніе дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч. есть *има*; но *и* исчезаетъ въ трехъ словахъ: *кѣма, зѣма* и *љѣма* (при зубима, људима).

Винит. п. множ. ч. именъ муж. р. въ старомъ языкѣ могъ оканчиваться на *и*: *принатели* (XIV в.), *мужи, пѣнези* (XV в.), *родители, динари, венци* (XVI—XVII в.). Также окончаніе наблюдается въ современномъ чакавскомъ нарѣчiи: *грѣхѣи, хайлѣки, облаки, послѣи, вѣки, ѡбручи, змаји* (ср. Миклош., Сравнительная Морфологія слав. яз. р. перев., II, 275). О различеніи дательнаго и мѣстнаго пп. един. ч. по ударенію было сказано выше (стр. 280).

О переходѣ конечнаго *л* въ *о* въ именит. п. и сохраненіи его въ косвенныхъ падежахъ см. стр. 254: *пѣео, пепела, сѣкѣ, сокола, кѣтао, котла*. Напротивъ въ срединѣ словъ, особенно образованныхъ суффиксами *ац* (старо-слав. *ѣцѣ*) и *ак*, *л* переходитъ въ *о* въ косвенныхъ падежахъ (кромѣ род. п. множ. ч.) и удерживается въ именит. п.: *мастилац, маствоца, нѣсилац, носпоцу, ѣсталац, устаоци* (им. п.

мн. ч.), *зѣселек*, *зѣсеопи*, *прѣсилац*, *прѣсиопа*. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ словахъ *л* остается во всѣхъ падежахъ: *убилаци*, *убилца*, *крово-пйлац*, *кровопилцу*, *жѣлац*—*жалца*.

Вслѣдствіе того, что *х* обыкновенно не слышно, существительныя на *ижех* (старо-слав. *нхъ*) могутъ склоняться двоякимъ образомъ: *мйје* и *мйјех*, род. п. *мйја* и *мйјеха*, дат. п. *мйју* и *мйјеху*, зв. *мйју* и *мйјеше*, тв. *мијом*, *мијем* и *мијехом*; им. п. мн. ч. *мйјови*, и *мйјехови*, р. п. *мйјова* и *мйјехова*, дат., тв. и мѣстн. пп. *мйјовима* и *мйјеховима*.

Любопытный примѣръ смѣшенія разнородныхъ склоненій представляетъ склоненіе существ. *дан* (день):

Им. п. *дан*

Род. п. *дѣна*, *днѣ*, *днѣви*, *днѣва*

Дат. п. *дѣну*, *днѣ*, *днѣви*

Тв. п. *дѣном*, *дѣњу* и *днѣвљу*, *дѣьом*, *днѣвом*

М. п. *дѣну*, *днѣ*, *днѣви*, *днѣву*

Им. мн. ч. *дѣни*, *днй*, *днѣви*

Вин. *дѣне*, *днй*, *днѣви*, *днѣве*

Род. *дѣнѣ*, *днѣвѣ*

Дат., Тв., М. *дѣнима*, *днѣвима*

Отмѣчаютъ и остатокъ древняго двойственнаго числа въ такихъ выраженіяхъ, какъ: два *днй*, три *днй*, четири *днй*.

Сущ. *вѣчѣр* въ имен. п. потеряло *р* и въ живой рѣчи принимается за имя разныхъ родовъ: *добар* вече, но — *лијено* вече, *прву* вечер; р. п. *вечера*, д. *вечеру* и т. д.; р. п. мн. ч. *вечери*.

Око и *ухо* имѣютъ въ значеніи множ. ч. формы двойственнаго: *очи*, *уши*, *очију*, *ушвју*, *очима*, *ушима*.

Тйјело и *чўдо* могутъ и во множ. ч. не принимать согласнаго основы: *тйјѣла*, *чўда*.

Уже и *јаје* имѣютъ въ род. ед. ч. *ўжета*, *јајета* и *ўжа*, *јаја* и т. д.; во множ. ч. только форма безъ *т*: *ўжа*, *јаја*.

II. Склоненіе на — а.

Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. жѣна	зѣмља	жѣне	зѣмље
З. жѣно	зѣмљо	жѣне	зѣмље
В. жѣну	зѣмљу	жѣне	зѣмље

Единств. ч.		Множеств. ч.	
Р. жѣнѣ	зѣмљѣ	жѣнѣ	зѣмљѣ
Д. жѣни	зѣмљи	жѣнама	зѣмљама
Т. жѣнѣм	зѣмљѣм	жѣнама	зѣмљама
М. жѣни	зѣмљи	жѣнама	зѣмљама

Гортанные *г, к, х* передъ *и* въ дат. и мѣстн. пп. переходять въ *з, ц, с*: нѣзи, рѣци, снѣси.

Дательный и мѣстный пп. ед. ч. часто различаются по ударенію: глави, дѣши, рѣци, вѣди, зѣмљи (дат. п.), и глави, дѣши, рѣци, вѣди, зѣмљи. Ср. выше стр. 280.

Зват. п. ед. ч. не только оканчивается на *о* и *е* (словъ на *ца*, ср. выше стр. 293), но можетъ быть и сходенъ съ именительнымъ. Это наблюдается въ именахъ собственныхъ многосложныхъ и тѣхъ двусложныхъ, которыя имѣють на первомъ слогѣ какое-либо другое удареніе кромѣ *'*: Рѣжа, Мѣра, Сѣва, Мѣлка, Лѣка, Нѣкола, Жѣлена, Сѣкула.

Въ род. п. мн. ч. является вставочное *а* въ тѣхъ случаяхъ, что и въ склоненіи на *—о*: овца—оваца, сѣстра—сѣстарѣа, клѣтва—клѣтава, пѣшка—пѣшава, мѣтла—мѣтала.

Сущ. *лађа* (въз ладія) имѣеть род. п. мн. ч. *лађи*; *млада*—млади.

Рѣка и *нога* въ родит. и мѣстн. пп. множ. ч. кромѣ формъ, образованныхъ по общему правилу (*рѣка, ногѣ, рѣкама, ногама*), имѣють ок. *у*, происходящее изъ древняго двойственного: *рѣкѣу, ногѣу*. Такъ и отъ *слѣпа* род. мн. *слѣгу* и *слѣга*.

Существ. *дѣба* принадлежитъ въ словамъ средняго рода и не склоняется: вечерње дѣба, глухо дѣба, у ово дѣба.

III. Склоненіе на —и.

Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. ствѣр ¹⁾	кѣст	ствѣри	кѣсти
З. ствѣри	кѣсти	ствѣри	кѣсти
В. ствѣр	кѣст	ствѣри	кѣсти
Р. ствѣри	кѣсти	ствѣри	кѣсти
Д. ствѣри	кѣсти	ствѣрима	кѣстима
Т. ствѣр-ју, -и	кѣшћу	ствѣрима	кѣстима
М. ствѣри	кѣсти	ствѣрима	кѣстима

¹⁾ Дѣло.

Въ именит. и винит. п. ед. ч. въ случаѣ стеченія согласныхъ является бѣглое *a*, исчезающее въ другихъ падежахъ: *раван*, *равни*, *плијесан*—*плијесни*, *мйсао* (мысль), *мисли*, *смрзао*—*смрзли*, *прѣгйбао*—*прѣгйбли*, *пѣгйбао*—*пѣгйбли*, *нѣзѣбао*—*нѣзѣбли*. *Л* на концѣ, переходящее въ именит. и винит. пп. въ *o*, восстанавливается въ другихъ падежахъ: *сб*, *сбли*.

Окончаніе творит. п. *ју* (изъ древн. *ију*) вліяетъ на смягченіе предшествующаго согласнаго: *глад*—*глађу*, *смрт*—*смрђу*, *зелѣн*—*зелѣњу*, *сб*—*сбђу*; *маст*—*машђу*, *плијесан*—*плијешњу*, *мйсао*—*мйшљу*, *крв*—*крвљу*, *кап*—*капљу*. Тотъ же падежъ иногда оканчивается на *и*: *ствѣри*, *крви*. Полныя форма на *ио* находимъ въ древнихъ памятникахъ XII—XV в. *помокию*, *дѣтию*, *жалостию*; но уже очень рано (съ XIII в.) исчезаетъ *и*: *областью*, *благодѣтию*, *заповѣдью*. Формы на *и* также появляются въ XIII—XIV вв.; *помоки*, *области*, *милости*; въ XVI—XVII ст. онѣ весьма обычны: *žalosti*, *zeleni*, *misli*, *mladosti*, *памети*, *помоћи*. Съ XV в. встрѣчаются формы, образованныя по аналогіи съ основами на *о*: *печатимъ*, *smrtim*, *mislim*, *oblastim* (Далмат. пис.). Въ томъ же вѣкѣ и еще раньше находимъ формы и болѣе смѣшаннаго образованія: *милостиомъ*, *радостиомъ*, *помоћом*, *поћом* (Данч., Истор. облика, 42). Въ чакавинѣ твор. п. оканчивается на *ит*, *ип*: *гичит*, *раметип*, *z bdžjun ротоѣип*.

Въ род. п. мн. ч. сущ. *кѣст*, *оѣи* (или *уш*), *кѣкѣи* и *нрси* принимаютъ кромѣ *и* и другое оконч. *ију*, заимствованное изъ двойств. ч.: *ушѣ*, *ушију*, *кѣсти*, *кѣстију* и т. д. *Плѣћи*, *нѣти*¹⁾, *гўсли* и *јѣсли* имѣютъ род. п. *плѣћа* (но и *плѣћй*), *нѣћя*, *гўсѣлѣ*, *јѣсѣлѣ*.

Сущ. *зѣвр* и *глад* могутъ склоняться по склоненію на *о* и на *и*; въ первомъ случаѣ они муж. р., во второмъ—жен. р. Обончанія дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч. *има* можетъ терять *и*: *ствѣрима* и *ствѣрма*.

Собирательныя существительныя на *ад* (*мѣмчѣд*, *телѣд*, *унучад*), кромѣ формъ единств. ч. могутъ образовать дат., твор. и мѣстн. множ. на *ма*: *момчѣдма*, *телѣдма*, рядомъ съ *момчади*, *момчађу*.

Числительныя *нѣт*, *шѣст*, *сѣдам*, *ѣсам*, *ѣѣст*, *ѣѣсет*, прежде принадлежавшія къ склоненію на *и*, теперь не склоняемы.

¹⁾ Въ ед. ч. нѣт муж. р.

IV. Склоненіе на согласный (р).

Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. мѣти	кѣи	мѣтере	кѣери
З. мѣти	кѣери	мѣтере	кѣери
В. мѣтѣр	кѣѣр	мѣтере	кѣѣри
Р. мѣтерѣ	кѣѣри	мѣтерѣ	кѣѣри
Д. мѣтери	кѣѣри	мѣтерама	кѣѣрима
Т. мѣтерѣм	кѣѣрју -и	мѣтерама	кѣѣрима
М. мѣтери	кѣѣри	мѣтерама	кѣѣрима

V. Склоненіе прилагательныхъ (неопредѣленныхъ).

Именное склоненіе прилагательныхъ сохранилось въ современномъ языкѣ не въ полномъ видѣ. Болѣе или менѣе употребительны слѣдующіе падежи: для мужеск. и средн. род. — имен., винит., родит., дат. и мѣств. ед. ч. и именит. и вин. множ. ч.; для женск. р.: имен. и винит. ед. и мн. ч.

Единств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. дѣбар	дѣбро	дѣбра
В. дѣбар	дѣбро	дѣбру
Р. дѣбра	дѣбра	—
Д. дѣбру	дѣбру	—
Т. —	—	—
М. дѣбру	дѣбру	—

Множеств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. дѣбри	дѣбра	дѣбре
В. дѣбре	дѣбра	дѣбре

Остальные недостающіе падежи замѣняются формами опредѣленныхъ прилагательныхъ (сложное склоненіе). Последнія, впрочемъ, вообще нерѣдко употребляются вмѣсто неопредѣленныхъ прилагательныхъ, даже въ тѣхъ падежахъ, для которыхъ возможны формы имен-

наго склоненія; напр.: дѣбрѣга вѣм. дѣбра, дѣбрѣму вѣм. дѣбру. Однако въ томъ и другомъ случаѣ неопредѣленныя прилагательныя отличаются отъ опредѣленныхъ по ударенію; напр.: *дѣбриѣм* соотв. старослав. *дѣбромь*, а *дѣбриѣм* — старослав. *дѣбрымь*, дѣбрѣга, дѣбрѣму, дѣбрѣм (неопредѣлен. ф.) и дѣбрѣга, дѣбрѣму, дѣбрѣм (опредѣлен. ф.). Надо также замѣтить, что оконч. *и* именит. множ. ч. прилагательныхъ муж. р. и *е* — винит. мн. муж. и жен. р, и именит. множ. ч. жен. рода, а также *о*, *а* въ имен. и вин. ед. ч. и въ имен. и вин. множ. ч. въ именномъ склоненіи кратки, а въ сложномъ — долги: дѣбри, дѣбре, дѣбро, дѣбра и дѣбри, дѣбре, дѣбрѣ, дѣбрѣ, дѣбрѣ.

Прилагательныя, оканчивающіяся на *ов* (*ев*), *ин*, *ј*, обыкновенно удерживаютъ неопредѣленныя формы; напр.: Стојанов, царев, мајчин. Напротивъ другія, напр. образованныя суффиксами *ји*, *ски* употребляются только въ сложной формѣ, напр. сѣиски, рѣбљи, бѣжји.

Мѣстоименное склоненіе.

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

Единств. ч.

И. јѣ	тѣ	—
В. ме, мене	те, тебе	се
Р. мѣне, ме	тѣбе, те	себе
Д. мѣни, ми	тѣби, ти	себи (си)
Т. мнѣм, мнѣме	тѣбѣм	себѣм
М. мѣни	тѣби	себи

Множеств. ч.

И. мѣ	вѣ
В. нѣс (не)	вѣс (ве)
Р. нѣс	вѣс
Д. вѣма, нам, ни	вѣма, вам, ви
Т. вѣма	вѣма
М. вѣма	вѣма

Такъ какъ склоненіе личныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ вообще представляетъ много аналогій со склоненіемъ именнымъ, то понятно, что въ нѣкоторыхъ его падежахъ оказываются тѣ же са-

мыя особенности, какія были отмѣчены для склоненія именъ существительныхъ, напр. дат. и мѣстн. пп. ед. ч. на *и*: *мѣни, тебѣ, себѣ* (вм. старо-слав. *мнѣ, тебѣ, себѣ*), твор. п. ед. ч. *мною, тобою, собою*, дат. твор. и мѣстн. пп. мн. ч. — *нама, вама*. Впрочемъ, относительно всѣхъ этихъ формъ нужно замѣтить, что онѣ позднѣйшаго происхожденія. Въ дат. п. въ старинномъ языкѣ слышалось *мене, тебе*; да и теперь кое-гдѣ въ народной рѣчи можно слышать формы на *е*. Въ твор. п. формамъ *мною, тобою* предшествовали формы — *мноюю, тобоюю*; въ чакавщинѣ — *napim, tobim, sobim*. Дат., творит. и мѣстн. пп. множ. ч. въ старину также различались: *нам, вам, нами, вами, нас, вас*. Отожествленію формъ трехъ падежей предшествовало частое употребленіе творит. п. вм. дательнаго и мѣстнаго. Формы на *ма* идутъ съ XIV — XV в. Въ чакавскомъ нар. доселѣ сохраняются древнія формы: *нам, вам, нами, вами, нас, вас*. Въ чакавщинѣ характерны формы род. и дат. пп. един. ч. мѣстоименія 1-го лица: *манѣ* (р. п.) и *манѣ* (дат. п.).

Формы двойств. ч. — *нају, вају* сохранялись въ языкѣ до XVII ст.

Въ винит. п. множ. ч. вм. общепотребительныхъ *нас, вас* встрѣчаются *не, ве*: *Силни воѣи да не савијају. Што ве храним тридесет година* (Нар. пѣсни). Вѣроятно, это и есть настоящая форма вин. п. (старо-слав. *ны, вы*).

Дат. пп. *ми, ти*, рѣдкое *си, ни, ви* и вин. п. *ме, те, се* (а также и *не, ве*) энклитики.

II. Неличныя мѣстоименія.

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно—мѣстоименное склоненіе характеризуется по сравненію со старо-славянскимъ слѣдующими чертами:

1) Склоненіе основъ на—*о* и на—*ю* (т. н. твердое и мягкое скл.) гораздо ближе между собою, чѣмъ въ старо-славянскомъ; въ однихъ падежахъ мягкое склоненіе беретъ перевѣсъ надъ твердымъ, въ другихъ, наоборотъ, твердое надъ мягкимъ. Именно, въ склоненіи основъ на—*о* творит. п. ед. ч. муж. и ср. р., род., дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч. всѣхъ родовъ обыкновенно принимаютъ тѣже окончанія, что и въ склоненіи на *ю*: *тѣм, тѣх, мојѣм, мојѣх, самѣм, самѣх, нѣшѣм, нѣшѣх* (ср. старо-слав. *тѣмъ, тѣхъ, тѣми, самѣхъ*). Это и въ окон-

чаніи вм. древн. ѣ наблюдается не только въ западномъ нарѣчій (икавцинѣ), гдѣ оно было бы вполне ясно, но и въ восточномъ; только въ южномъ нарѣчій довольно употребительно *ије* рядомъ съ *и*: *тијем*, *тијех*, *самијем*, *самијех*, *тијема*—*самијема*. Тоже вліяніе мягкаго склоненія можно видѣть въ именит., винит. множ. ч. жен. р. и винит. мн. ч. муж. р.: *тѣ*, *самѣ*. — Напротивъ въ склоненіи мягкихъ основъ жен. р. выступаютъ окончанія твердаго склоненія—въ дат., мѣст. (*ој*) и твор. ед. ч. (*ом*): *мѡјѡј*, *нѡшѡј*, *тѡј*, *самѡј*, *мѡјѡм*, *нѡшѡм*, *тѡм*, *самѡм*. Такое смѣшеніе основъ наблюдается въ древнихъ памятникахъ XIII—XIV в.: *всьои* (гр. XIII в.), *вашои*, *всьомъ*, *моомъ* (XIV в.). Такимъ образомъ оба вида склоненія различаются только въ род., дат. и мѣстн. пп. ед. ч. муж. и сред. р.: въ основахъ на—*о* начальнымъ гласнымъ суффиксомъ бываетъ *о* (*тѡга*, *самѡга*, *тѡму*, *самѡму*, *тѡму*, *самѡм*), а въ основахъ на *јо—е* (*мѡјега*, *мѡјему*, *мѡјем*).

2) Смѣшеніе дат., творит. и мѣстн. пп. множ. ч., которые, какъ въ именномъ склоненіи, имѣютъ одно общее окончаніе *им* (*ијем*). Къ этому окончанію уже съ XIV в. стало прибавляться *а*: *ш нима*, *тима*, *онима*. Усвоенію тремя падежами одного окончанія предшествовало смѣшанное употребленіе дательнаго вм. творит. и мѣстн. Можно полагать, что процессъ смѣшенія трехъ падежей множ. ч. развился прежде всего въ области мѣстоименнаго склоненія, а потомъ распространился и на именное склоненіе. Древнія окончанія для каждаго падежа (*им*, *ијем*, *ими*, *ијеми*, *их*, *ијех*) долго держались въ письменности и печатныхъ книгахъ. Сохраняются они и доселѣ въ чакавскомъ нарѣчій: *тѡм*, *тѡми*, *тѡх*, *самим*, *самими*, *самих*, *нашим*, *нашими*, *наших*.

3) Родит. п. ед. ч. муж. и ср. р. имѣетъ окончанія *га*: *тѡга*, *самѡга*, *нѡшега*. Объясненіе этого окончанія представляетъ большія трудности. По мнѣнію Ягича (Rad IX) *а* здѣсь секундарный звукъ, который въ этой формѣ часто и отпадаетъ (*самог*, *тог*): онъ является въ замѣнъ *о*, которое раньше исчезло. Такое толкованіе, однако, не всѣми раздѣляется. Въ правильности его сомнѣвался и Даничичъ. Тѣмъ не менѣе другаго лучшаго объясненія пока не представлено. Если принять во вниманіе всю обширность и разнообразіе функций зв. *а* въ серво-хорватскомъ вокализмѣ, то и появленіе его въ род. п. мѣстоименнаго склоненія не можетъ представляться чѣмъ-то необычайнымъ (ср. выше 253 стр.). Кромѣ серво-хорватскаго *га* находимъ

и въ словинскомъ яз. Въ древнихъ памятникахъ *за* выступаетъ съ XII в.: *вьсега* (гр. 1189 г.), *всакога*, *инога* (грам. Немани), *ѣднога* (XIII в.), *овога* (XIII в.), *онога* (XIII в.). Формы на *го* попадаютъ до XV в. (*иного*, *вого*, *самого*), но, быть можетъ ихъ слѣдуетъ считать заимствованными изъ старо-слав. яз.

4) Родит. п. ед. ч. жен. р. оканчивается на *ѣ*: *самѣ*, *тѣ*, *мојѣ*, *нашѣ*; ср. старо-слав. *самомъ*, *томъ*, *моимъ*, *нашемъ*. По всей вѣроятности сербо-хорватское *е* образовалось черезъ уподобленіе и стяженіе *оје*, *еје*, послѣ того какъ *ъ*, по общему правилу, перешло въ *е*.

5) Окончаніе нѣкоторыхъ падежей могутъ видоизмѣняться вслѣдствіе то отпаденія, то появленія конечнаго гласнаго. Такъ дат. п. ед.—*ому*, *ом*, *оме* (*самоу*,—*самом*, *самоме*), *ему*, *ем* (*нашему*, *нашем*); род. п. ед. ч. муж. и ср. р.—*ога*, *ог* (*самога*, *самог*) *ега*, *ег* (*нашега*, *нашег*); мѣст. п. ед. ч. муж. и ср. р.—*ом*, *оме* (*самом*, *самоме*); дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч.—*им* (*ијем*), *има* (*ијема*): *самим*, *самима*.

6) Мѣстоименія *мој*, *твој*, *свој* въ род., дат. и мѣстн. ед. ч. муж. и сред. р., вслѣдствіе закона уподобленія и стяженія гласныхъ, могутъ образовать болѣе краткія формы: *мојега* и *мбга*, *твојега* и *твбга*; *мојему*—и *мбму*, *својем*—*свбм* и *свбме*.

I. Основы на — о.

Единств. ч.			Множеств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.	Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. З. <i>сам</i>	<i>само</i>	<i>сама</i>	<i>сами</i>	<i>сама</i>	<i>саме</i>
В. <i>сам</i> (<i>самбга</i>)	<i>само</i>	<i>саму</i>	<i>саме</i>	<i>сама</i>	<i>саме</i>
Р. <i>самога</i> (— <i>ог</i>)		<i>самѣ</i>	Для 3-хъ родовъ	<i>самѣх</i> (— <i>ијех</i>)	
Д. <i>самоу</i> (— <i>ом</i> , — <i>оме</i>)		<i>самбј</i>		<i>самѣм</i> (— <i>ијем</i>), <i>самѣма</i> (— <i>ијема</i>)	
Т. <i>самѣм</i>		<i>самбм</i>		<i>самѣм</i> (— <i>ијем</i>), <i>самѣма</i> (— <i>ијема</i>)	
М. <i>самбм</i>		<i>самој</i>		<i>самѣм</i> (— <i>ијем</i>), <i>самѣма</i> (— <i>ијема</i>)	

Единств. ч.			Множеств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.	Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. З. <i>тај</i>	<i>тб</i>	<i>таѣ</i>	<i>тѣ</i>	<i>таѣ</i>	<i>тѣ</i>
В. <i>тај</i> (<i>тбга</i>)	<i>тб</i>	<i>тѣ</i>	<i>тѣ</i>	<i>таѣ</i>	<i>тѣ</i>
Р. <i>тбга</i> (<i>тбг</i>)		<i>тѣ</i>	Для 3-хъ родовъ	<i>тѣх</i> (<i>тѣјех</i>)	
Д. <i>тбму</i> (<i>тбм</i> , <i>тбмѣ</i>)		<i>тбј</i>		<i>тѣм</i> (<i>тѣјем</i>), <i>тѣма</i> (<i>тѣјема</i>)	
Т. <i>тѣм</i> (<i>тѣјем</i>)		<i>тбм</i>		<i>тѣм</i> (<i>тѣјем</i>), <i>тѣма</i> (<i>тѣјема</i>)	
М. <i>тбм</i>		<i>тбј</i>		<i>тѣм</i> (<i>тѣјем</i>), <i>тѣма</i> (<i>тѣјема</i>)	

- И. вѣ (тво)
 В. вѣга
 Р. вѣга
 Д. вѣму (вѣме)
 Т. вѣм (вѣме)
 М. вѣм

Къ этому склоненію, кромѣ приведенныхъ образцовъ относятся слѣдующія мѣстоимѣнія: *овај, онај, њико, њѣко, свако, кајѣко, когод, свак*. Въ мѣст. *тај, овај, онај* гл. *а* соотвѣтствуетъ старо-слав. *з: тз, овз, онз; ј* образовалось изъ приставочнаго *и* въ позднѣйшее время (ср. выше стр. 266). *Ко* образовалось изъ древняго *кто*: послѣ исчезновенія глухаго произошла перестановка согласныхъ—*ткѣ*, затѣмъ исчезло начальное *т*; формы *ткѣ, нетко* и доселѣ живутъ въ народномъ языкѣ.

Вм. *она, ому* (р., д. ш.) въ литературныхъ памятникахъ (XVI—XVII в.) встрѣчаются ок. *ега, овега, онега, тему, онему* (ср. Даничичъ, Историја облика, 159, 163). Тѣже суффиксы слышны и въ современномъ дубровницкомъ говорѣ: *тѣга, тѣму*.

Къ мѣстоименіямъ данной категоріи какъ въ единственномъ, такъ особенно во множеств. ч. иногда присоединяется частица *зи*, которая можетъ сливаться съ основой въ одно цѣлое: *тогази, оногази, ономузи, онѣмзи* (грам. XIV в.), *tijeziĳeh, tizih, ovizijeh* (Далмат. пис.), *овизижмъ*.

II. Основы на — јо.

Единств. ч.

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. З. бн (н)	ѣно (је)	ѣна (ја)
В. вѣга, њ, га (н)	вѣга, га (је)	вѣу (ју), је
Р. вѣга, га	вѣга, га	вѣ, је (јеје)
Д. вѣму, му (јему)	вѣму, му (јему)	вѣј, јој (јеј)
Т. вѣм, -е (им)	вѣм, -е (им)	вѣм, -е (јеју)
М. вѣму (јем)	вѣму (јем)	вѣј (јеј)

Множеств. ч.			
	Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. З.	ѡни (и)	ѡна (ја)	ѡне (је)
В.	ѡих, их (је)	(ја)	(је)
Р.	Для 3-хъ родовъ	ѡих, их	
Д.		ѡйма, им	
Т.		ѡйма (ими)	
М.		ѡйма (их)	

Единств. ч.			Множеств. ч.		
	Муж. р.	Сред. р.	Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. З.	ѡѡп	ѡѡше	ѡѡши	ѡѡша	ѡѡше
В.	ѡѡп (-ега, -ег)	ѡѡше	ѡѡше	ѡѡша	ѡѡше
Р.	ѡѡшега (-ег)	ѡѡше	Для 3-хъ родовъ	ѡѡших	
Д.	ѡѡшему (-ем)	ѡѡшѡј		ѡѡшим (има)	
Т.	ѡѡшим	ѡѡшѡм		ѡѡшим (-има)	
М.	ѡѡшем	ѡѡшѡј		ѡѡшим (-има)	

И. В. штѡ, штѡ, чѡ, кај
 Р. чѡга, чѡса
 Д. чѡму
 Т. чѡм (чѡме)
 М. чѡм

Заключенныя въ скобки формы мѣстоименія *и, ја, је*—суть древнiя, въ настоящее время уже выпедшiя изъ употребленiя. Именительныя падежи ед. и множ. ч., какъ въ русскомъ и въ некоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, замѣняются формами мѣст. *он*.

Евфоническое *и*, употребительное въ старо-слав. яз. послѣ предлоговъ, въ сербо-хорватскомъ опускается только въ энклитическихъ формахъ *је* (р. п.), *јѡј, је* (вин. п.), *ју* (в. п.), *их, им*; во всѣхъ другихъ случаяхъ оно необходимо.

Винит. п. ед. ч. муж. р. *и* послѣ предлоговъ принимаетъ такую же форму какъ въ старо-славян. яз.: *поѡ, заѡ, наѡ*.

Слѣды двойств. ч. сохранились въ формѣ *ѡију*, встрѣчающейся еще въ XVII в.

Вин. п. множ. ч. муж. и жен. р. есть *је, ѡе*; но и въ старинномъ языкѣ эти формы встрѣчаются рѣдко; въ настоящее время обыкновенно онѣ замѣняются родит. п.

По указаннымъ образцамъ склоняются: *mōj*, *tvōj*, *svōj*, *vāu*; *īnito*, *nīnito*, *kojī*, *čij*, *īčij*, *nīčij*, *svāčij*, *śāv* (*vās*), *svākoji*, *śaj*, *se*, *sa* (старо-слав. *сь*), *кѣ*.

Moj, *tvōj*, *svōj*—въ род., дат. и мѣстн. пп. ед. ч. муж. и ср. р. могутъ имѣть двойкія формы—полныя и стяженныя: *mōjega* и *mōga*, *tvōjemu* и *tvōmu*, *svōjem*—*svōm*. Въ южномъ говорѣ (ижеавщина) многія изъ основъ на—*jo*, принимаютъ въ творит. п. ед. ч. муж. и средн. р., въ род., дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч. всѣхъ родовъ окончанія, свойственныя основамъ на—*o*: *ījem*, *ījex*, *ījema*, (вм. *им*, *их*, *има*), напр. *mojijem*, *mojijex*, *mojijema*, *našijex*, *našijema*.

Штō, *штā* образовалось изъ *чь*—*то* черезъ исчезновеніе глухаго *ѣ* и уподобленіе неодинакихъ по звучности согласныхъ *ч* и *т*. Въ западномъ нарѣчїи (чакавщина) совсѣмъ нѣтъ частицы *то*: *чā* или *че*, *чо*; послѣ предлоговъ *ч*: *зач*, *нач*.

Śāv (старо-слав. *всь*) образовалось черезъ перестановку согласныхъ изъ *vas*—формы, весьма употребительной въ старинныхъ памятникахъ (XIV—XV в., напр. *vasь*—въ грамотахъ, *vas*—у далматин. писателей) и доселѣ сохраняющейся кое-гдѣ въ народной рѣчи. Жен. р.—*śva*, ср. р. *śve*, род. п. *śveia*, *śve*, дат. п. *śveму*, *śvoj* и т. д. По всей вѣроятности перестановка произошла первоначально въ тѣхъ формахъ, которыя обходились безъ секундарнаго *a* между согласными: *śva*, *śveia* и т. п. Позднѣе, когда языкъ окончательно усвоилъ коренное сочетаніе *sv* вм. древняго *vs* (изъ *vcs*), образовалась и форма имен. п. муж. р. *śav*. Память о происхожденіи этого слова удержалась въ склоненіи его по образцу мягкихъ основъ.

Śaj, *se*, *sa* и *sej* употреблялось въ старинномъ литературномъ языкѣ, а теперь почти не слышно. *Śaj* образовалось изъ древн. *сь*: глухой *ѣ* перешелъ въ чистое *a*: *сьь* (грм. 1302 г.), *sa* час (Александрія XVI в.); затѣмъ уже въ XIV в. сталъ слышаться на концѣ *ы*, перешедшій въ *j*: *śai* хрѣсовои (гр. 1332 г.), *śai* листь (гр. 1399). Другіе падежи: *sega*, *segaј* (р. п.), *sem* (м. п.), *seј* (имен. и вин. п. ж. р. мн. ч.), *six* (род. п. мн. ч.).

Кѣ, *кō*, *кā*, встрѣчающееся на западѣ, въ чакавскомъ нарѣчїи, восходитъ къ старо-слав. *кѣи*. Употребительныя формы этого мѣстоименія образовались черезъ стяженіе; р. п. *кōга*, *кѣ*, дат. *кōму*, *кōј*, мѣстн. ед. муж. р. *кен*, твор. ед. ч. *кѣн*, род. вин. мн. ч. *кѣх* (Миклошичъ, Сравн. Морфологія, рус. пер., II, 236). Ср. стяженныя формы—*mōga*, *mōmu*.

Сложное склоненіе.

Склоненіе опредѣленныхъ прилагательныхъ или т. н. сложное склоненіе сравнительно со старо-славянскимъ подверглось существеннымъ измѣненіямъ.

Настоящихъ сложныхъ формъ, т. е. образованныхъ черезъ соединеніе окончаній именнаго и мѣстоименнаго склоненій, сохранилось не много, да и тѣ изъ нихъ, которыя удержались до настоящаго времени, имѣютъ своеобразный видъ вслѣдствіе того, что гласные окончаній подверглись стяженію. Формы эти слѣдующія: именит. и винит. п. един. и множ. ч. всѣхъ трехъ родовъ и род. п. ед. ч. жен. р.; напр.: им. п. ед. ч.—жѹтѣ (жути—и), жѹтѣ (жута—ја), жѹтѣ (жуто—је); вин. п. ед. ч.—жѹтѣ (жути—и), жѹтѣ (жѹту—ју), жѹтѣ (жуто—је); имен. п. мн. ч.—жѹтѣ (жути—и), жѹтѣ (жѹте—је), жѹтѣ (жута—ја); вин. п. множ. ч.—жѹтѣ (жѹте—је), жѹтѣ (жѹте—је), жѹтѣ (жута—ја); родит. п. ед. ч. жен. р. жѹтѣ (жѹте—је). Такимъ образомъ эти формы отличаются отъ соотвѣтствующихъ старо-славянскихъ (жѣтѣи, жѣтаи, жѣтои, жѣтѣи и т. д.) своею краткостью. Съ другой стороны онѣ, за исключеніемъ имен. и винит. п. ед. ч. муж. р., совпадаютъ въ звуковомъ отношеніи съ именными формами прилагательныхъ. Разница между тѣми и другими въ количествѣ гласныхъ окончанія: въ сложномъ склоненіи—а, е, о, и всегда долги, въ именномъ склоненіи—кратки. Исключеніе составляетъ род. п. ед. ч. жен. р., который и въ именномъ склоненіи, какъ указано выше, всегда имѣетъ ê¹).

Всѣ остальные падежи образованы по мѣстоименному склоненію, при чемъ гласные окончаній, будучи по природѣ кратки, становятся, по аналогіи формъ сложныхъ, долгими. Различіе между твердыми и мягкими основами соблюдается въ той степени, какъ и въ мѣстоименномъ склоненіи: дѣбрѣга, вѣрѣга, дѣбрѣму, вѣрѣму, дѣбрѣм, вѣрѣм, дѣбрѣ, вѣрѣ (род. п. ед. ч. ж. р.), дѣбрѣм, вѣрѣм и т. д. Примѣры

¹) Миклошичъ (Сравн. грамматика, III, рус. пер., II, 296 и Ueber die zusammengesetzte Declination in den Slav. Sprachen. Wien. Sitzungsberichte, 1871, B. 68) объясняетъ и другія формы сербо-хорватскаго склоненія опредѣленныхъ прилагательныхъ сложное склоненіе, но не именныхъ окончаній съ мѣстоименными, а основы прилагательнаго съ мѣстоименіемъ и, ја, ю, напр. дѣбрѣга=дѣбрѣга, дѣбрѣму=добро—јему; но такое объясненіе вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и не можетъ быть принято какъ достаточно вѣроятное.

смѣшенія сложнаго склоненія съ мѣстоименнымъ восходятъ къ XIII в.: дѣдиньмъ, очиньмъ (гр. 1234—1240), босанцемъ (гр. XIV в.), словьми (XIII в.), златнеми (XIV в.), старѣхъ добринѣхъ (XIV в.).

Дательный, творительный и мѣстный пп. множ. ч. тождественны, какъ и въ другихъ видахъ склоненія. Они оканчиваются на *им* (*ижем*) или *има* (*ижема*): дѣбрѣмъ, дѣбрѣма, дѣбрижемъ, дѣбрижема, врѣћимъ, врѣћѣма, врѣћижемъ, врѣћижема. Окончанія *им*, *има*—господствующія, *ижем*, *ижема*—свойственны южному нарѣчію (ижеавщинѣ). Тоже самое нужно замѣтить относительно творит. п. ед. ч. муж. и сред. р. и род. п. множ. ч., для которыхъ возможны двойкія окончанія: *им*, *ижем*, *их*, *ижех*, дѣбрѣмъ, дѣбрижемъ, дѣбрѣихъ, дѣбрижехъ, врѣћимъ, врѣћижемъ, врѣћѣихъ, врѣћижехъ. Въ старинномъ языкѣ различались всѣ три падежа; такъ дат. п.: дубровьчькимъ, подунавскимъ, првимъ (XIII—XIV в.), последнимъ, *starijim* (XVI в.); твор. п.: лѣтними, неговими (XIV в.), *шпогими*, *dragими*, *punими* (далмат. п. XVI в.); мѣстн. п. старихъ (XIII в.) сръдачнихъ (XIV в.), *гебенih*, *prokletih* (XVI в.). Дальше другихъ, падежей сохранялъ свое характерное окончаніе мѣстный падежъ. Въ литературномъ языкѣ онъ вышелъ изъ употребленія въ самое недавнее время. Въ чакавскомъ нарѣчіи всѣ три падежа доселѣ сохраняютъ древнія окончанія: дѣбрѣмъ, врѣћимъ, дѣбрѣми, врѣћими, дѣбрѣихъ, врѣћѣихъ. Мѣстный п. на *ижех* слышится кое-гдѣ и въ предѣлахъ штокавскаго нарѣчія особенно въ Герцеговинскомъ говорѣ: у градовски*ижех* приморски*ижех*, по околн*ижех* сели*ижех*, на сеоски*ижех* волови*ижех* (ср. Даничича, Облици српскога језика). Приставочное *a* въ суф. *има* (*ижема*) появляется не ранѣе конца XV в. (Даничичъ, Историја облика, стр. 199, 210), а главнымъ образомъ въ XVI—XVII в.: *strašnima*, *tmastima*, *zlima*, *druzima* (Далмат. пис. XVI в.). Въ настоящее время это прибавочное *a* въ живой рѣчи иногда не слышно.

Творит. п. ед. жен. р. имѣетъ тоже окончаніе, что въ именномъ склоненіи — *ом*. Въ древности, какъ при именахъ существительныхъ, возможно было и окончаніе *ов* (*овъ*, ср. выше стр. 291): съ Чрьновъ Рѣкомъ (зап. XIII в.), съ помокью божи*овъ* (гр. 1254 г.), милостию божи*овъ* (гр. 1273—1314 г.); *ом* является съ XIV в.: божи*омъ* (гр. 1387 г.), *veljot*, *ljeršot* (XVI в.).

Въ оконч. род. п. ед. *ѣа*, *ѣа* — *a* можетъ отпадать; окончаніе дат. п. ед. ч. *ѣму* можетъ звучать *ѣм* и *ѣме*, а *ѣму* — *ѣм*; напр.: дѣбрѣга и дѣбрѣгъ, врѣћѣга и врѣћѣгъ, дѣбрѣму, дѣбрѣмъ, дѣбрѣме, врѣћѣму и врѣћѣмъ.

Въ мѣстн. п. ед. муж. и ср. р. на *ом* возможно приставочное *е* какъ въ дат. п.: дѣбрѣме. Въ старинномъ языкѣ такое *е* являлось и въ творит. п. ед. ч.: *druzime, mrtvime, višnjiime* (Далмат. пис.).

Твердыя основы.

Единств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. дѣбрѣ	дѣбрѣ	дѣбрѣ
В. дѣбрѣ	дѣбрѣ	дѣбрѣ
Р. дѣбрѣга (-ѣг)	дѣбрѣга (-ѣг)	дѣбрѣ
Д. дѣбрѣму (-ѣм, -ѣме)	дѣбрѣму (-ѣм, -ѣме)	дѣбрѣ
Т. дѣбрѣм (-ѣжем)	дѣбрѣм (-ѣжем)	дѣбрѣм
М. дѣбрѣм (-ѣме)	дѣбрѣм (-ѣме)	дѣбрѣ

Множеств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. дѣбрѣ	дѣбрѣ	дѣбрѣ
В. дѣбрѣ	дѣбрѣ	дѣбрѣ
Р.	Для 3-хъ родовъ { дѣбрѣх (-ѣх) дѣбрѣм -ѣма (-ѣжем, -ѣжема) дѣбрѣм -ѣма (-ѣжем, -ѣжема) дѣбрѣм -ѣма (-ѣжем, -ѣжема)	
Д.		
Т.		
М.		

Мягкія основы.

Единств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. врѣћѣ	врѣћѣ	врѣћѣ
В. врѣћѣ	врѣћѣ	врѣћѣ
Р. врѣћѣга (-ѣг)	врѣћѣга (-ѣг)	врѣћѣ
Д. врѣћѣму (-ѣм)	врѣћѣму (-ѣм)	врѣћѣ
Т. врѣћѣм (-ѣжем)	врѣћѣм (-ѣжем)	врѣћѣм
М. врѣћѣм	врѣћѣм	врѣћѣ

Множеств. ч.		
Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
И. врѣћѣ	врѣћѣ	врѣћѣ
В. врѣћѣ	врѣћѣ	врѣћѣ

Р.	Для 3-хъ родовъ	{	врѹћих (-ијех)
Д.			врѹћим, -има (-ијем, -ијема)
Т.			врѹћим, -има (-ијем, -ијема)
М.			врѹћим, -има (-ијем, -ијема)

Нѣкоторыя прилагательныя, именно оканчивающіяся на *ји, ски, њи*, имѣютъ только опредѣленныя формы, т. е. слѣдуютъ указанному типу сложнаго склоненія; напр.: божји, рибљи, дивљи, српски, вишњи, последњи, данашњи и др. Сюда же принадлежитъ и прилагательное *мнѡгѡи*, -а, -ѡ, и всѣ прилагательныя въ сравнительной и превосходной степени: млађи, најмлађи и др. Кромѣ прилагательныхъ, въ этому склоненію относятся: а) имена числительныя порядковыя: прѡви, другѡи, трѣћи и т. д.; б) нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія форму прилагательныхъ: сами¹⁾, овакови, овакови, такови, вакови, који, исти, оваки, онаки, таки, ваки, овољки, тољки, онољки, кољки.

П р и б а в л е н і е.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется отъ положительной посредствомъ суфф. *ији* или *ји* (м. р.), *ија* или *ја* (ж. р.), *ије* или *је* (ср. р.); напр.: стар, старији, старија, старије, млад—млађи, млађа, млађе. Ср. старо-слав. суфф.: *и*, *ѡи*, *ѡ* или *ѡи*, *ѡиши*, *ѡѡ*.

Окончаніе *ији* (*ија*, *ије*) принимаютъ обыкновенно прилагательныя двусложныя и многосложныя: славан—славнији, задовољан, задовољнији, богат—богатији, свеж—свежији. Большею частью эти слова принимаютъ удареніе ` на третьемъ слогѣ отъ конца. Окончаніе *ји* обыкновенно принимаютъ односложныя основы, при чемъ *ј* смягчаетъ предшествующій согласный въ силу извѣстныхъ законовъ сербо-хорватской фонетики; напр.: бел—бѣљи, црн—црњи, млад—млађи, густ—густји, дуг—дужи, тих—тиши, мрк—мрчи, брз—бржи, скуп—скупљи, вриѡ—вриѡљи, врѹћ—врѹћи, рић—рићи. Прилагательныя въ сравнительной степени этого рода принимаютъ удареніе " на предпоследнемъ слогѣ.

¹⁾ Сам можетъ измѣняться не только по мѣстоименному, но и по именному склоненію, р. н. сама, д. н. саму: тѣшко ми је саму.

Прилагательныя на *ак*, *ок* въ сравнительной степени теряютъ этотъ суффиксъ: *та̀нак*—*та̀њи*, *шѝрок*—*шѝри*, *сла̀дак*—*сла̀ђи*, *ду̀бок*—*ду̀бљи*, *вѝсок*—*вѝши*, *кра̀так*—*кра̀ђи*.

Прилагательныя *ла̀к*, *мѐк*, *лѐп* образуютъ сравнительную степень съ помощью суф. *ши*: *ла̀кши*, *мѐкши*, *лѐпши*.

Для прилагательныхъ *до̀бар*, *за̀о*, *вѐлик*, *ма̀ли* и нарѣчія *мнѡ* сравнительная степень образуется отъ другихъ основъ: *бо̀љи*, *ѝдри*, *о̀ђђи*, *ма̀њи*, *о̀ттиѣ*.

Превосходная степень образуется посредствомъ частицы *нај*, присоединяемой къ началу сравнительной степени: *најмла̀ђи*, *најста̀рији*, *најлѐпши*.

Примѣчаніе. При сравнительной и превосходной степени отношенія между сравниваемыми предметами или лицами выражаются посредствомъ предлога *од* съ род. п.: *ја сам мла̀ђи от тебе*, *ја сам најста̀рији од свију вас*. При сравнительной степени возможенъ и описательный оборотъ съ союзомъ *него* (*но*): *ја сам мла̀ђи него (но) ти*; при превосходной степени употребителенъ и предлогъ *измѐђу*: *ја сам најста̀рији од свију вас*, *или*: *измѐђу свију вас*.

2) Числительныя имена.

Количественныя числительныя.

1, <i>једа̀н</i> , <i>једа̀на</i> , <i>једа̀но</i> .	15, <i>пѐтнаест</i>
2, <i>два̀</i> , <i>двѣ̀је</i> (<i>двѣ̀</i> , <i>двѣ̀</i>), <i>два̀</i>	16, <i>шѐснаест</i>
3, <i>трѝ</i>	17, <i>седа̀мнаест</i>
4, <i>чѐтири</i>	18, <i>оса̀мнаест</i>
5, <i>пѐт</i>	19, <i>девет̀наест</i>
6, <i>шѐст</i>	20, <i>два̀десет</i>
7, <i>седа̀м</i>	21, <i>два̀десет и једа̀н</i>
8, <i>оса̀м</i>	30, <i>трѝдесет</i>
9, <i>девет̀</i>	40, <i>чѐтрдесѣ̀т</i>
10, <i>де́сѣ̀т</i>	50, <i>педе́сѣ̀т</i>
11, <i>једа̀наест</i>	60, <i>ше́здесѣ̀т</i>
12, <i>два̀наест</i>	70, <i>седа̀мде́сѣ̀т</i>
13, <i>трѝнаест</i>	80, <i>оса̀мде́сѣ̀т</i>
14, <i>чѐтрнаест</i>	90, <i>деведе́сѣ̀т</i>

100, стѣ или стѣтина
 101, стѣ и један
 200, двѣста
 300, триста
 400, четвирь стѣтине
 500, пет стѣтинѣ
 600, шѣст стѣтинѣ

700, седам стѣтинѣ
 800, осам стѣтинѣ
 900, девѣт стѣтинѣ
 1000, хильада (тисућа)
 2000, двије хильаде
 1,000,000 милиун

Большая часть числительныхъ количественныхъ несклоняемы; таковы: пет, шѣст, седам, осам, девѣт, десѣт, једанаѣст, двадѣсет и т. д. исчезновеніе падежныхъ формъ отъ этихъ числительныхъ началось съ глубокой древности. Въ старинномъ яз. встрѣчаются любопытныя формы множ. ч.: петимъ властеломъ (гр. XIV в.), десѣтимъ дивицамъ (дат. п.), петими главами (твор.), у осмихъ селихъ (XIV в. мѣстн. п.). Тѣ, которыя склоняются, обыкновенно слѣдуютъ мѣстоименному склоненію.

Један склоняется по образцу мѣстоимѣнія *сам*: једнога, једному, једне, једнѣ и т. д.

Въ склоненіи *два* сохранились древнія формы двойств. ч. мѣстоименнаго склоненія.

Муж. и сред. р.

И. В. двѣ

Р. двѣју

Д. }
 Т. } двѣма
 М. }

Жен. р.

двѣ (двије, двѣ)

двѣју (двију)

} двѣма (двѣма)

Им. и вин. ж. р. въ разныхъ нарѣчіяхъ звучить различно: двѣ— въ восточн. н., *двије*— въ южномъ и *двѣ*— въ западномъ. Средн. р. въ старину различался отъ м. р. и звучалъ *деје*. Слѣды этой формы, представляющей собой именит. п. сред. р. двойств. ч., можно видѣть въ выраженіяхъ *деје ста*, *двије очи*. *Двѣма*, *двију*— слышны въ южномъ нар.—По образцу *два* склоняются *оба* и *обадва*.

Три, *четири* уже утратили древнія падежныя формы (склоненія на—и: *трѣх*, *четирих*, *трѣм*, *четирием*, *трѣми*, *четириями*, *трѣи*, *четири* в. п.), которыя попадаютъ въ памятникахъ до XVII в., и склоняются по образцу *два*, т. е. въ двойственномъ числѣ:

И. В. трѣ	чѣтири
Р. трѣју	чѣтрију
Д. Т. М. трѣма	чѣтирма

Въ синтаксическомъ отношеніи эти числительныя также слѣдуютъ числит. *два*, т. е. требуютъ послѣ себя имени существит. въ древнемъ именит. или винит. п. двойств. ч., тождественномъ съ вышѣшнимъ род. ед. ч. (для словъ муж. и сред. р.) или именит. множ. ч. (для словъ жен. р.); напр. два велика брда, три велика брда, били три брата, три куће. При соединеніи со всевозможными предлогами *два*, *оба*, *обадва*, *три*, *четири* — сохраняютъ одну и ту же форму винительнаго падежа (сходнаго съ именительнымъ); напр. код две сестре, преко три воде студене, био сам на два мести, оре на два вола, са четири сина.

Стѣ имѣетъ во множ. ч. *ста*.

Стѣтина и *хѣлада* склоняются какъ основы на *а*.

Почти отъ всѣхъ числительныхъ возможно образование собирательныхъ: *двѣје*, *двоје*, *троје*, *чѣтворо*, *пѣторо*, *шѣсторо*, *дѣсеторо*, *јѣданаесторо* и т. д. Всѣ они склоняются по образцу мѣстоименій средн. р.

И. В. двѣје	чѣтворо
Р. двѣга	чѣтвѣрга
Д. двѣме, двѣма	чѣтвѣрме; четвѣрма
Т. двѣма	четвѣрма
М. двѣма	четвѣрма

Отъ этихъ числительныхъ возможно и множественное число во всѣхъ трехъ родахъ: *двѣји*, -е, -а, *чѣтвори*, -е, -а и т. д. Въ значеніи собирательныхъ существуютъ въ языкѣ числительныя иного образования: *двѣјица*, *трѣјица*, *четвѣрица*, *пѣдрица*, *шѣдрица*, *дѣсетѣрица* и т. д. Тѣ и другія собирательныя требуютъ послѣ себя род. п. мн. ч.; напр.: четири војника, чѣворо војника, чѣворица војника.

Порядковыя числительныя.

1, прѣви	3, трѣћи
2, дрѣги	4, чѣврѣги

5, пѣти	20, двадесѣти
6, шѣсти	21, двадесет први
7, седми	30, тридесѣти
8, осми	40, четрдесѣти
9, девѣти	50, педесѣти
10, десѣти	60, шездесѣти
11, једнаести	70, седамдесѣти
12, дванаести	80, осамдесѣти
13, трінаести	90, деведесѣти
14, четрнаести	100, стдтинити, стбти
15, петнаести	101, сто први
16, шеснаести	200, двестотинити
17, седамнаести	300, трістотинити
18, осамнаести	1000, тисућни или хиљади
19, деветнаести	1,000,000, милионити

Порядковыя числительныя измѣняются во всѣхъ родахъ по сложному склоненію.

Отмѣтимъ еще: множительныя числительныя: једнѣструк, једнѣгуб, двѣструк, двѣгуб, трѣструк, трѣјак, четворѣструк, петорѣструк—петорѣгуб, стѣструк, хиљадѣструк; дробныя ч.: пѣ, пѣла, пѣлак (половина), трѣћина, четврт, петина, шѣстина, седмина, осмина, девѣтина, десѣтина; числительныя нарѣчія: једанпѣт, (одинъ разъ), двапут, тріпут и три пута, четири пута, пет пута, пет пута и т. д. или: једнѣм, двѣжде (дваш), тріжди; двојном, тројном, десетинѣм (въ два, три раза и т. д.); нѣколико, нѣколика, вѣлико, мѣло, мнѣго, пѣно.

Б) С п р я ж е н і е.

Сербо-хорватское спряженіе, подобно болгарскому, представляетъ существенныя отклоненія отъ нормъ старо-славянскаго языка; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сохранило не мало любопытныхъ остатковъ старины, которые оказываются далеко не во всѣхъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Къ отклоненіямъ нужно отнести: а) утрату двойственнаго числа, которое, нужно полагать, уже очень рано вышло изъ употреб-

ленія въ языкѣ, хотя немногочисленные примѣры его (главн. 3 л. наст. вр.) встрѣчаются въ памятникахъ XIV—XVI в. (*ста, судита, ѡста, имата, угодиста* въ др. грамотахъ); б) исчезновеніе достига- тельнаго наклоненія и в) потерю многихъ причастныхъ формъ: при- частіе настоящ. вр. страдательнаго залога совсѣмъ исчезло, а отъ причастій настоящ. и прошедш. врем. дѣйствит. зал. уцѣлѣли лишь скудные слѣды въ видѣ дѣепричастій или отглагольныхъ нарѣчій. Близость къ старинѣ выражается въ сохраненіи неопредѣленнаго на- клоненія, прошедшихъ простыхъ (преходящаго и аориста) и всего разнообразія сложныхъ формъ, свойственныхъ древнему языку. Въ личныхъ окончаніяхъ наблюдаются свои особенности, болѣею частью обусловливаемые законами сербо-хорватской фонетики.

Неопредѣленное наклоненіе.

Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія — *ти*: *хвалити, шити, тонути, куповати*. Въ старинномъ языкѣ, съ XIV в. и позже, ко- нечное *и* иногда отпадало: *знать, видѣти, умријет*?. Если передъ *т* оказывается согласный, который не соединяется съ нимъ, то они под- вергаются взаимнымъ измѣненіямъ по извѣстнымъ звуковымъ зако- намъ; напр.: *греб-с-ти* (*греб-ти), *вести* (*вед-ти) *моћи* (*мог-ти), *рећи* (рек-ти).

Причастныя формы.

Причастіе настоящ. вр. страдат. залога не суще- ствуетъ въ сербо-хорв. языкѣ. Весьма немногочисленные примѣры этой формы, встрѣчающіеся какъ исключеніе въ памятникахъ не цер- ковнаго содержанія XIV—XVI ст. (видомо, видомо, негасимаго) должны быть объясняемы какъ заимствованія изъ старо-славянскаго языка (ср. Даничича, Историја облика, 370).

Древнее причастіе настоящ. вр. дѣйств. зал. пред- ставлено въ современномъ языкѣ только одной формой, которая не измѣняется ни по родамъ, ни по числамъ, ни по падежамъ и по значе- нію вполне соотвѣтствуетъ русскому дѣепричастію. Обыкновенное ея окончаніе—*ћи* (по стар. правоп. *ки* = старо-слав. *ити*): *плѣтући, пѣ- кући, видѣћи, вѣсѣћи, чувајући, пішући*; *идући* видю сам, *идући* видјела си, *идући* видјели смо. Въ чакавскомъ нарѣчій, особенно въ

старинныхъ памятникахъ—*h* (вм. *hi*): *делајуh* (Винод. зак.), *bljuduc*, *videc*, *ljubeć* (Гекторов.), *živuc* (Гундул.). Форму на *hi* нужно разсматривать какъ именит. п. множ. муж. р., въ которомъ первоначальное *e* вслѣдствіе смѣшенія именныхъ основъ замѣнилось черезъ *и*. Въ старинныхъ памятникахъ находимъ формы на *e* и на *и*: *тръгуюке* (гр. 1189 г.), *купуюке* (гр. XIII в.), *вльнуће* (гр. 1367 г.), *прѣбиваюће*, *видеће* и др., господствующи (надп. въ Жичѣ), *исходеки*, *хотећи*, *говорекѣ* (XIV в.), *ищуки*, *желѣюћи* (XV в.) и др. Ср. старослав. *вупумште*, *вльвѣште*, *видѣште*. Обѣ эти формы на *e* и на *и*, уже съ XIV в. стали употребляться вм. другихъ падежей и постепенно сдѣлались неизмѣняемыми формами, имѣющими значеніе отглагольнаго нарѣчія (ср. Даничичъ, *Исторія облика*, 355—361). Рядомъ съ указанными формами въ старомъ языкѣ существовала причастная форма на *e*, соотвѣтствовавшая старо-слав. прич. на *ъ*, *тъ*: *впию*, *потвараю*, *дае*, *упваю*, *веле*, *виде*, *ходе*, *творе* (XIV в.), *gle-daje*, *skladaje*, *gazmišljaje*, *govore*, *hode* (далмат. пис. XVI—XVII в.); вслѣдствіе смѣшенія основъ она является и отъ тѣхъ глаголовъ, которые въ старо-слав. яз. имѣли *ы*: *моге* (гр. 1189 г.), *кове*. И эта форма, собственно представлявшая собой именит. п. ед. ч. муж. и ср. р., уже съ конца XIV в. замѣняла другіе падежи, особенно именит. множ. ч. всѣхъ родовъ, именит. ед. ч. женскаго р. и винит. мн. ч. муж. р.; напр.: *догоше наши людие туже*, *уписа* (Букава) *просе* и т. д.—Въ современномъ языкѣ можно указать три прилагательныхъ—*врућ*, *моућ*, *држећ*, которыя по образованію слѣдуетъ признавать причастіями (отъ *врети*, *моћи* и *држати*); но по значенію и употребленію они настоящія прилагательныя и какъ таковыя измѣняются по родамъ, числамъ и падежамъ.

Подобнымъ образомъ и причастіе прошедшее дѣйств. зал. I сохранилось въ неизмѣняемой формѣ дѣеприслѣ. Она оканчивается или на *оши* (образов. изъ *огси*): *чѣвши*, *знѣвши*, *нѣсивши*, *брѣвши*, *купѣвши*; или на *е* (старо-слав. *ез*), *чѣв*, *знѣв*, *нѣсив*, *брѣв*. Господствующей является первая форма, которая собственно есть именит. п. множ. ч. муж. р., перемѣнившій древнее окончаніе *e* на *и* (ср. старо-слав. *огше*): она употребляется въ значеніи един. и множ. ч. всѣхъ родовъ; напр.: *видѣвши га ја сам познао*, *видѣвши га они рекоше*. Форма на *е*—есть именит. п. ед. ч. муж. р. и употребляется только въ этомъ значеніи: *Дав му вѣнгу*, *он отиде*; но: *Давши му*

кыгу, она отиде. Если основа кончается на согласный зв., то между послѣднимъ и *е* окончанія появляется секундарное *а*: пѣкавши, грѣбавши, плѣтавши, трѣсавши. Въ старомъ литературномъ языкѣ для глаголовъ послѣдней категоріи сохранились болѣе древнія формы: падиши, рекуши, вазамши, потекши (далматин. пис.), хотя уже въ XVII в.: доведавши, једавши. Прежде возможны были отъ основъ на согласный формы безъ оконч. *ши*, соотвѣтствовавшія старо-слав. именит. ед.: прочьтъ, пады, дошадь, понесь, помог. Измѣненіе причастія прошедшаго дѣйств. зал. по родамъ, числамъ и падежамъ, свойственное древнему языку, держится въ памятникахъ въ большей или меньшей степени до XVII в. Но рядомъ съ этимъ уже съ конца XIV в. наблюдается преобладающее употребленіе формъ именит. множ. муж. р. на *ши*, *ши* и именит. един. ч. муж. р.—на *е* и безъ окончанія (на согласный основы) въ значеніи общихъ формъ для всѣхъ родовъ един. и множ. ч. (ср Даничищъ, Историја облика, 374—378). Въ новомъ языкѣ причастіе на *ши*, какъ упомянуто, имѣетъ всеобщее значеніе, а на—*е* употребляется только въ значеніи муж. р. ед. ч.

Причастіе прошедшее дѣйств. II сохранилось вполнѣ. Частныя отличія въ образованіи формъ этого причастія въ сравненіи со старо-славянскимъ, обусловлены общими законами сербо-хорватской фонетики и морфологіи. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія слѣдующія: ед. ч. муж. р. *о* (изъ *л*), ж. р. *а*, ср. р.—*о*; множ. ч. муж. р. *и*, жен. р.—*е*, ср. р.—*а*; напр.: ндсио, ндсила, ндсило, ндсили, ндсиле, ндсила. Въ основахъ на согласный, между послѣднимъ и *л* (окончаніе) является секундарное *а*: рѣбао, пѣбао, мѣгао, грѣбао; *д* и *т* передъ *л* исчезаютъ: вѣо, плѣо, вѣла, плѣла. Въ старомъ языкѣ *л* на концѣ въ муж. р. не всегда переходило въ *о*: дошаль, пошаль, изнесль (грам. XV в.), рекаль, порекаль, узель, умрл, паднул. Однако *о* вм. *л* находимъ въ памятникахъ съ нач. XIV в.: био, купио (гр. 1332 г.). Въ кайавщинѣ всегда, и въ чакавщинѣ обыкновенно удерживается *л*: *bił, veł, pleł*. — Причастія, образованныя отъ многихъ непереходныхъ глаголовъ, имѣютъ всѣ формы прилагательнаго склоненія; они употребляются, въ опредѣленной и неопредѣленной формѣ: *пѣстао, постала, постало* и *пѣсталѣ, пѣсталѣ, пѣсталѣ*; *изгѣрео, изгорела, изгорело* и *изгѣрелѣ, изгѣрелѣ, изгѣрелѣ*, *ѡстарео, ѡстарела, ѡстарело* и *ѡстарелѣ, ѡстарелѣ, ѡстарелѣ*.

Причастіе прошедшее страдательнаго зал., какъ въ старо-слав. яз., образуется суффик. *н* или *т*, при чемъ первый, наиболѣе распространенный присоединяется къ глагольной основѣ посредствомъ соединительнаго гласнаго *е*, имѣющаго вліяніе на смягченіе предшествующаго согласнаго, а второй принимаютъ только нѣкоторыя основы на гласный зв.; напр.: плѣтем, вѣзен, грѣбен, пѣчен, хвѣлен, знѣн, чѣвен, вѣшен, чѣвѣн, пѣсѣн, кѣповѣн, вѣжен, клѣт, простут. Причастіе прошедшее страдат. можетъ измѣняться по всѣмъ родамъ единств. и множ. ч. по образцу прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ: пѣчен, -а, -о, пѣчени -е, -а.

Личныя окончанія.

По сравненію со старо-славянскими личныя окончанія въ сербо-хорватскомъ представляютъ слѣдующія особенности.

Полныя окончанія. (Настоящ. вр.).

Старо-славянскій яз.	Сербо-хорватскій яз.
Ед. ч. 1 л. <i>мь, ѡ</i> (= гласн. + <i>м</i>), <i>ѡ</i>	<i>м, у, ју</i>
2 л. <i>си, ши</i> (= <i>хи = си</i>)	(<i>си</i>), <i>и</i>
3 л. <i>тъ</i>	(<i>т</i>) —
Мн. ч. 1 л. <i>мъ</i>	<i>мо</i>
2 л. <i>те</i>	<i>те</i>
3 л. <i>ѡтъ, ѡтъ</i> (= гласн. + <i>нтъ</i>), <i>ѡтъ</i> .	<i>у, е, ју</i>

Усѣченныя окончанія. (Прошедш. вр.).

Старо-славянскій яз.	Сербо-хорватскій яз.
Ед. ч. 1 л. <i>з</i> (<i>м</i>)	—
2 л. — (<i>с</i>)	—
3 л. — (<i>т</i>)	—
} согласные отпали.	
Мн. ч. 1 л. <i>мъ</i>	<i>мо</i>
2 л. <i>те</i>	<i>те</i>
3 л. <i>ѡ, ѡ</i> (= гласн. + <i>нт</i>).	<i>е, у.</i>

1) Окончанія настоящаго времени.

1-е лицо един. ч. глаголовъ всѣхъ классовъ обыкновенно кончается на *м*: *јесам*, *дѣм*, *плѣтѣм*, *грѣбѣм*, *пѣчем*, *тѣнем*, *вѣдѣм*, *вѣсѣм*, *чѣвѣм*, *пѣшѣм*, *бѣрѣм*, *кѣпујѣм* Это окончаніе (происшедшее изъ древняго *мь*) исконно въ глаголахъ первообразныхъ: *јесам*, *дѣм*, *јѣм*. Въ остальныхъ оно поздѣйшаго происхожденія, именно заимствовано у глаголовъ первообразныхъ *взамѣнъ у*, правильно соотвѣтствовавшаго старо-слав. *ж*. Примѣры 1-го лица на *у* встрѣчаются въ памятникахъ отъ XIII до XVII в., при чемъ они численнѣе для болѣе древняго времени: *присезаю* (гр. 1189 г.), *могу*, *вѣлну*, *чую*, *стою*, *хоку*, *враку*, *плаваю*, *молю*, *обѣзѣваю*, *пишу*, *даю* (грам. XIII—XIV в.), *dovedu*, *radi*, *donesu*, *reki*, *gini*, *sromeni*, *govogi*, *raši*, *šlji*, *kazju* (далмат. пис. XV—XVII в.). *М* (*мь*) вм. *у* появляется уже съ XIII в. и прежде всего у глаголовъ, у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается на *а*: *приѣмъ*, *работамъ*, *стварамъ* (XIII в.), *заклинамъ*, *запрѣщамъ*, *обладамъ*, *помагамъ*, *знамъ* (XIV в.). Очевидно эта перемѣна окончанія была вызвана стремленіемъ языка установить вновь различіе между формами 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., которыя совпали подъ вліяніемъ законовъ сербо-хорватской фонетики (напр. *обладаю*—1 л. и *обладаю(тъ)*—3 л.). Позже въ XV ст., окон. *м* было перенесено и на глаголы другихъ классовъ, а въ XVII ст. оно дѣлается господствующимъ: *молимъ*, *принесем*, *изшет*, *можем*, *сѣжет*, *живит*, *изгит* (далмат. пис.), *видимъ* и др. Древнее окончаніе *у* сохранилось у двухъ глаголовъ: *могу*, *хоѹу*. Въ чакавинѣ и вообще на западѣ можно слышать и другіе глаголы на —*у*: *вељу*, *виѹу*, *вољу*, *мишљу*, *јѹшу* (ѣду) и др. Исключительное употребленіе ок. *м* для 1 л. ед. ч. наст. вр. кромѣ сербо-хорватскаго представляетъ словинскій яз. Въ большей или меньшей степени оно распространено въ языкахъ болгарскомъ, чешскомъ, польскомъ. Ср. выше стр. 132.

2-е лицо ед. ч. Древнее окончаніе *си* удержалось только у существительнаго глагола *јесам*: *јеси*, *си*. Остальные первообразные глаголы (т. е. принимающіе личныя окончанія безъ соединительнаго гласнаго), *јем*, *дам*, *вѣм*, хотя и встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ съ окончаніемъ *си* (*таси*, *подаси*, *вѣси*), но обыкновенно (уже съ XIV в.), замѣняютъ его *ш*: *вѣшь*, *виш*, *дашь*, *јиш*. Обычное окончаніе 2 л.—*ш* употребительно уже съ XIII в.: *носишь*, *узимашь*, *простишь*, *узмишь*,

морешъ (гр. XIII в.); пѣчѣш, грѣбѣш, кунѣш, чужѣш, мрѣш, пшѣш, бѣрѣш, кѣпујѣш (въ соврем. яз.). Это *ш* несомнѣнно образовалось изъ болѣе древняго *ши*, которое и находимъ въ памятникахъ XIII в., писанныхъ на народномъ языкѣ: прѣбудеши, погеши, прибѣгнеши, въскочеши, възлюбши (дубров. грам. 1234 — 1240 г.), знаши (грам. Стеф. Уроша 1240—1272 г.).

3-е лицо един. ч. сохранило древн. окон. *т* только отъ существ. глг. *јѣсам*: *јѣст* (но и *је*). Всѣ остальные глаголы уже въ глубокой древности утратили *т* и имѣють 3-е л. ед. ч. (какъ и множ. ч.) безъ личнаго окончанія: плѣтѣ, грѣбѣ, пѣчѣ, чужѣ, тѣнѣ, нѣсѣ, писѣ, вѣпујѣ. Формы безъ *т* наблюдаются уже въ памятникахъ XII в.: *да*, *хоке*, *мине*, *буде* (грам. 1189 г.), *бѣжи*, *суди* (грам. Немани). Изрѣдка встрѣчающіяся формы съ *т* (*дасть*, *знають*, *будеть*), вѣроятно, нужно объяснять заимствованіемъ изъ церковно-славянскаго языка. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ конца XV, XVI и XVII в. встрѣчаются формы, какъ бы похожія на древнія: *imat*, *ostanet*, *budet* и т. п. (у далматин. писат.), но здѣсь *т*, по мнѣнію Даничича, не личное окончаніе, а неполная частица *те*, *ти*, въ живой рѣчи нерѣдко присоединяемая и въ другимъ словамъ: за људи *т* се одлучује (ср. Даничичъ, Историја облика 275).

1-е лицо множ. ч. ованчивается на *мо*: *јесмо*, *дамо*, *плетѣмо*, *нѣсѣмо*, *пшѣмо*, *кѣпујѣмо*. Это окончаніе появляется въ памятникахъ съ XIII в.: *сьмо*, *хочемо*, *потвердимо*, *платимо*, *учинимо*, *дамо*, *примемо* и т. д. Кое-гдѣ въ древнихъ текстахъ попадаются формы на *мъ*, *ми* (*молимъ*, *исми*, *славимъ*), но ихъ, согласно съ Даничичемъ, нужно считать старо-славянизмами¹⁾. Кромѣ сербо-хорватскаго яз. ок. *мо* свойственно словянскому яз. и нѣкоторымъ болгарскимъ говорамъ (ср. выше).

2-е лицо множ. ч. имѣетъ обще-слав. суф. *те*. Въ сербо-хорв. яз. любопытно употребленіе этого суффикса при восклицаніяхъ съ *о* *вамо* и другими словами: *о* *вамо те* браћо! *Камо те* се да видете! *Не те*, синци, ако Бога знате! *За* *мног те* браћо!

3-е лицо множ. ч. Сербо-хорватскія окончанія *у*, *е* восходятъ въ старо-славянскимъ *ѡтъ*, *ѡтъ*: по исчезновеніи глухихъ *т* не удер-

¹⁾ Проф. Брандтъ склоненъ видѣть въ нихъ сербо-хорватскій архаизмъ, указывая на аналогичныя формы въ народныхъ пѣсняхъ, въ родѣ: *да ударимъ* печат на облаке. (Сравнит. Морфол. Миклошича, рус. перев., II, 301, прим.). Но не правильнѣе ли видѣть въ приведенныхъ текстахъ опущеніе *о* (въ *мо*) по требованію стиха.

жалось и здѣсь, какъ въ 3 л. ед. ч.; носовымъ гласнымъ, по общему правилу, соотвѣтствуютъ чистые *e*, *y*; напр.: *jѣсу*, *плетѹ*, *грѣбѹ*, *пѣкѹ*, *чѹѹ*, *вйдѣ*, *нѣсѣ*, *пишѹ*, *кѹпуѹ*. Формы безъ личнаго окончанія *т* находятся уже въ памятникахъ XII в.: *буду*, *ходе* (гр. 1189 г.), *приходе*, *вракаю* (грам. Немани). Встрѣчающіяся въ древнихъ текстахъ формы на *ть* (*суть*, *идуть*, *могутъ*), вѣроятно, заимствованы изъ церковно-славянскаго языка. Относительно подобныхъ же формъ, попадающихся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятникахъ XV—XVII в. (оставе *т'*, *рокгijut* и т. п.), нужно замѣтить тоже самое, что было сказано о формахъ 3-го л. ед. ч.: *т* въ нихъ—не личное окончаніе, а сокращеніе частицы *те* или *ти*.

2) Окончанія прошедшихъ временъ.

Въ единственномъ числѣ личныя окончанія, какъ и въ болгарскомъ языкѣ, исчезли не только во 2 и 3 л., но и въ 1 л., которое въ старо-славянскомъ языкѣ еще сохраняло слѣды личнаго окончанія въ *з* (*реко-х-з* = *реко-х-ом*), уже исчезнушемъ по общему закону въ языкѣ сербо-хорватскомъ: *рѣкох*, *рече*, *рече*, *нѣшах*, *нѣшаше*, *нѣшаше*.

Во множественномъ числѣ 1 и 2 лл. имѣютъ полныя окончанія, какъ въ настоящемъ времени: *мо*, *те*. Окончаніе *мо* исконное сербо-хорватское: *бисмо*, *благословисмо* (XIII в.). Формы на *мь*, встрѣчающіяся въ древнихъ памятникахъ (*погнихомь*, *приложихомь*), заимствованы изъ старо-славянскаго яз.

Окончанія 3-ю лица множ. ч.—*y*, *e*; *y* или съ характеромъ времени *ху* свойственно переходящему времени, *e* или съ характеромъ времени *ше*—аористу. Первое вполне соотвѣтствуетъ старо-слав. *хж*, второе — старо-слав. *шл*; напр.: *плѣтоше* и *плѣтижѹху*, *пѣвоше* и *пѣцижѹху*, *нѣсше* и *нѣшѹху*. Происхождение этихъ окончаній нужно представлять въ такой градаціи: (*x*)*онт*—(*x*)*лт*—(*x*)*л*—(*x*)*y*; (*x*)*инт*—(*x*)*лт*—(*x*)*л*—(*ш*)*л*—(*ш*)*e*. Болгарскій языкъ не знаетъ разницы между окончаніями 2 л. мн. ч. обоихъ прошедшихъ временъ. Ср. выше стр. 137, 140.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основы настоящаго времени, за исключеніемъ четырехъ т. н. архаическихъ глаголовъ (*јесам*, *дам*, *ијем*, *вим*) оканчиваются на одинъ

изъ гласныхъ звуковъ: *e—o*, *-i* или *â*, при чемъ *i* и *â* являются результатомъ стяженія первоначальныхъ сочетаній: *ије* и *аје*: пѣч *ѣ*-ш, пѣч-*ѣ*-мо, нѣс-*ѣ*-ш (нос-*ије*-ш), нѣс-*ѣ*-мо (нос-*ије*-мо), чѣв-*â*-ш (чув-*аје*-ш), чѣв-*â*-мо (чув-*аје*-мо). Гласные основъ *e*, *i*, *a* выступаютъ во всѣхъ лицахъ за исключеніемъ 3 л. мн. ч. Въ одномъ окончаніи послѣдняго—*у* скрывается *o* основы (пек^ѹ = пек-*o*-нт—пек-*ѣ*т—пек-*y*-т—пек-*y*), въ другомъ окончаніи—*e* подразумѣвается *иe* основы (нос-*иe*-нт = нос-*и*-нт—нос-*ѣ*-нт—нос-*л*т—нос-*л*—нос-*e*). Такимъ образомъ по гласному основы настоящаго всѣ глаголы можно удобно подвести подъ три спряженія: 1) глаголы на—*ем*: плѣтѣм, грѣбѣм, пѣчѣм, кѣнѣм, мрѣм, бѣжѣм, тѣнѣм, ѹмиѣм, пѣшѣм, бѣрѣм, сѣжѣм, кѣпуѣм; 2) глаголы на—*им*: гѣрѣм, хвѣлѣм; 3) глаголы на—*ам*: чѣвѣм.

Глаголы первообразныя, т. е. образующіе настоящее время черезъ присоединеніе личныхъ окончаній непосредственно къ глагольной основѣ, безъ помощи особаго суффикса, въ значительной степени сохранили древній видъ спряженія (см. ниже), хотя параллельно со старыми возможны и формы новѣйшаго образованія; напр.: дѣм, дѣш и дѣдем, дѣдеш, ѣжем, ѣжеш и ѣдѣм, ѣдѣш и пр.

Нѣкоторыя основы, оканчивающіяся на гласный, могутъ принимать слогъ *д-е* и вслѣдствіе того образуютъ двоякія формы: *знѣм*, *знѣш* и *знѣдем*, *знѣдеш*, *знѣде*, *знѣдемо*, *знѣдете*, *знѣду*; *имам* и *имадем*. Особенно употребительны въ нѣкоторыхъ говорахъ формы такого образованія для 3 л. множ. ч.: *видѣду*, *морѣду*, *послушаду* понавладу, зимледу, ѣдѣду и т. д. Прибавку *де* въ этихъ случаяхъ можно поставить въ связь съ *д-е* въ древнихъ глаголахъ: *идѣ*, *иде* (основа *и*), *идѣ*¹⁾.

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе сохранило особыя формы только во 2 л. ед. ч. и 1 и 2 лл. множ. ч.

Древній характеристическій гласный окончанія *ѣ* (изъ *ei = e* (основ. наст.) + *i* оконч.) въ сербо-хорватскомъ перешелъ въ *и*: плѣти, плѣтимо, плѣтите, трѣси, трѣсимо, трѣсите, нѣси, нѣсимо, нѣсите. Въ древнихъ памятникахъ изрѣдка встрѣчается *ѣ*: чѣтѣте, сѣблюдѣте, принѣсѣте (грам. XIV—XV в.).

¹⁾ V. Jagić, Das Leben der Wurzel *dē* in den Slav. Sprachen. Wien, 1871.

Послѣ гласныхъ *и* переходить въ *ј*: *знај, знајте, купуј, купујмо*. Послѣ *и*—окончаніе исчезаетъ: *хвали, чини*. Гортанные *г, к*, передъ *и* переходятъ въ *з, ц*: *помози, реци*.

Въ древнемъ языкѣ, да и въ современныхъ народныхъ говорахъ, *и* нерѣдко могло отпадать и выпадать и послѣ согласныхъ: *врв', рец', пођумо, несте, помоз'те*.

Вм. старо-слав. *даждь, виждь* въ сербо-хорв.: *дај, види* (рядомъ съ *виђи*).

Недостающія формы повелительнаго накл. замѣняются формами настоящаго времени съ частицами *нека* (нек) или *да*; *нека* буде, *да* буде, *нека* буду, *да* буду.

При восклицаніяхъ форма 2 л. ед. употребляется и въ значеніи 3-го л.: *Спаси Бог! Помози Бог! Мини га сабља, мини га пушка!* (Нар. послов.). *Намјери се велики добри час!* (Нар. пѣсня).

А о р и с т ь и п р е х о д я щ е е .

Сохраненіе прошедшихъ простыхъ временъ есть одна изъ важнѣйшихъ особенностей сербо-хорватскаго языка, сближающая его съ языками старо-славянскимъ и болгарскимъ.

А о р и с т ь въ современномъ сербо-хорватскомъ яз., какъ и въ болгарскомъ, сохранился только въ одной формѣ — аориста сложнаго или сигматическаго. Какъ въ старо-славянскомъ яз., онъ образуется отъ основы неопредѣленнаго, при чемъ основы, оканчивающіяся на согласный зв., принимаютъ соединительные гласные *о, е* (плет-*о*-х, плет-*е*), а оканчивающіяся на гласный обходятся безъ соединительнаго гласнаго; примѣтой времени служитъ *х*, которое въ известнѣхъ лицахъ переходитъ въ *с* и *ш*. Отличія отъ старо-славянскаго аориста состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ 1 л. ед. ч. глухой въ окончаніи *хъ*—исчезъ, а *х* на концѣ во многихъ говорахъ почти не слышно (ср. 271 стр.): плет-*о*-х, плето; 2) въ 1 л. множ. ч. окончаніе *мо* соединяется съ примѣтой времени *х* безъ помощи гласнаго, при чемъ *х* перешло въ *с*: *смо* вм. старо-слав. *хомъ*: плет-*о*-*смо*; *с* вм. *х* явилось, вѣроятно, по аналогіи 2 л. множ. ч. — *сте*; 3) въ 3 л. множ. ч. старо-славянскому *шл* (изъ *хент = хен = шен = шл) правильно соответствуетъ *ше*: плет-*о*-*ше*, нѣси-*ше*.

Окончанія аориста.

Ед. ч. 1 л. <i>о-х</i>	<i>х</i>		Мн. ч. 1 л. <i>о-с-мо</i>	<i>с-мо</i>
2 л. <i>е</i>	—		2 л. <i>о-с-те</i>	<i>с-те</i>
3 л. <i>е</i>	—		3 л. <i>о-ш-е</i>	<i>ш-е</i>

Старо-славянскій яз.			Сербо-хорватскій яз.		
Ед. ч. 1 л.	<i>пек о хъ</i>	<i>би-х-ъ</i>	<i>пѣк-о-х</i>	<i>бѣ-х</i>	
2 л.	<i>печ-е</i>	<i>би</i>	<i>пѣч-е</i>	<i>бѣ</i>	
3 л.	<i>печ-е</i>	<i>би</i>	<i>пѣч-е</i>	<i>бѣ</i>	
Мн. ч. 1 л.	<i>пек-о-х-о-мъ</i>	<i>би-х-о-мъ</i>	<i>пѣк-о-смо</i>	<i>бѣ-смо</i>	
2 л.	<i>пек-о-сте</i>	<i>би-с-те</i>	<i>пѣк-о-сте</i>	<i>бѣ-сте</i>	
3 л.	<i>пек-о-ш-а</i>	<i>би-ш-а</i>	<i>пѣк-о-ше</i>	<i>бѣ-ше</i>	

Въ старинныхъ памятникахъ встрѣчаются формы аориста сложнаго безъ соединительнаго гласнаго и отъ основъ на согласный; напр.: *донихъ, риехъ, рих, довъ, дони, понијесмо, рисмо, ристе, прѣвѣше, поднише* (ср. Даничича, Историја облика, 320—321). Нѣкоторые глаголы, какъ *донести, изнести, рећи* и въ современномъ языкѣ могутъ образовать аналогичныя формы аориста: *донѣх, донијех, донесмо и донијесмо, ријех, рих* (зап. н.). Впрочемъ, эти глаголы образуютъ и неопредѣленное накл. съ опущеніемъ кореннаго *с*: *донети (донијети), ријети, рити*.

Преходящее время представляетъ слѣдующія особенности:

1) Характерные гласные суффиксы времени могутъ быть двойкіе, двузвучные или однозвучные: а) *ија* (южн. и западн. н.) и *еја* (вост.), соответствующія старо-славянскому *ѣа*; напр.: *плет-ија-х* и *плет-еја-х* (старо-слав.—*плет-ѣа-хъ*); б) *ѣ* (*ја*¹), соответствующее старо-слав. *а, ја*: *брѣх, пи-ја-х*; в) *је* (*ије*—южн. н.), *е* (вост.) и *и* (зап. н) соответствующія старо-слав. *ѣ*: *бодијех, бодех, бодих*. Суффиксы категорій а) и б) и въ настоящее время служатъ для образованія преходящаго. Суффиксы же, замѣняющіе древн. *ѣ*, были очень употребительны въ старинномъ языкѣ, а теперь почти не встрѣчаются; еще въ XVIII в. въ литературномъ языкѣ западнаго говора обычны были формы: *зов-и-ше, дад-и-ше, млад-и-ше, пер-и-ху, раст-и-ху*; или по южному говору: *pletijeh, živjeh, rastiješe, tečijeh, toniješe* (XVI—XVII в.);

¹) *Ј* является послѣ предшествующаго гласнаго для избѣжанія зіянія.

въ современномъ языкѣ единственной формой преходящаго, образованной посредств. суф. *ь* остается бѣх (вост. бѣх).

2) Большая часть глаголовъ образуютъ преходящее вр. отъ основы настоящаго; исключеніе составляютъ глаголы, имѣющіе основу неопредѣленнаго наклоненія на *а*: они образуютъ преходящее отъ этой послѣдней основы; напр.: кѹповѣх, сѣяѣх, браѣх, писаѣх, чѹваѣх.

3) Употребленіе суффиксовъ *ија* и *а (ја)* трудно разграничить; обыкновенно *ија* наблюдается при основахъ настоящаго на *е*: пѣц-*ија*-х, трѣс-*ија*-х, грѣб-*ија*-х; *а (ја)*—при основахъ настоящаго на *и* и *ѣ* и тѣхъ на *е*, которыя образованы приставкой *не* (то-не-м) или у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается гласнымъ, принадлежащимъ корню (пи-ти): виѣѣх, нѣш-ѣх, писаѣх, тѣнѣх, пи-*ја*х; при этомъ *ија* и *а (ја)* нерѣдко чередуются: трѣси*ја*х и трѣсах, плѣти*ја*х и плѣтах, кѹни*ја*х и кѹвѣх; два *а*—сливаются въ одно: браѣх, куповѣх.

4) Окончанія соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ, насколько позволяютъ звуковые законы сербо-хорватскаго яз.; примѣта прошедш. врем. *х* переходитъ въ *ш* во 2 л. и 3 л. ед. ч., а въ 1 л. мн. ч., какъ въ аористѣ, въ *с* (*смо*); 3 л. мн. оканч. на *ху*, соотвѣтств. старо-слав. *хѣ* (*хонт).

Окончанія преходящаго времени.

Ед. ч. 1 л. <i>ијах, ах, јах</i>		Мн. ч. 1 л. <i>ијасмо, асмо, јасмо</i>
2 л. <i>ијаше, аше, јаше</i>		2 л. <i>ијасте, асте, јасте</i>
3 л. <i>ијаше, аше, јаше</i>		3 л. <i>ијаху, аху, јаху.</i>

Старо-славянскій языкъ.

Сербо-хорватскій языкъ.

Единств. ч.

1 л. плетѣхъ	плетѣхъ		1 л. плѣтијаѣх	плѣтѣхъ
2 л. плетѣше	плетѣше		2 л. плѣтијаѣше	плѣтѣше
3 л. плетѣше	плетѣше		3 л. плѣтијаѣше	плѣтѣше

Множеств. ч.

1 л. плетѣхомъ	плѣтѣхомъ		1 л. плѣтијасмо	плѣтѣсмо
2 л. плетѣсте	плѣтѣсте		2 л. плѣтијасте	плѣтѣсте
3 л. плетѣхѣ	плѣтѣхѣ		3 л. плѣтијаху	плѣтѣху

Старославянский языкъ.

Сербо-хорватский языкъ.

Единств. ч.

1 л. писаахъ	писахъ	1 л. пѣса̄х
2 л. писааше	писаше	2 л. пѣса̄ше
3 л. писааше	писаше	3 л. пѣса̄ше

Множеств. ч.

1 л. писаахомъ	писахомъ	1 л. пѣса̄смо
2 л. писаасте	писасте	2 л. пѣса̄сте
3 л. писаахъ	писахъ	3 л. пѣса̄ху

Глаголы, у которыхъ основа неопредѣленнаго оканчивается на —а, различаютъ переходящее и аористъ только по ударенію и количеству гласныхъ: пѣса̄х, чѣва̄х, вѣпов̄ах (переходящ.) и пѣсах, чѣвах, купѣвах.

Переходящее и аористъ, какъ и настоящее, могутъ быть образованы отъ глагольной основы, распространенной суф. *д-е*: ѡмадиѣах, смједиѣах, знадиѣах, пѣдиѣах (см. пѣдиѣах отъ основъ хѣтъ); ѡмадох, смједох, стадох, знадох.

П р о ш е д ш і я с л о ж н ы я .

Кромѣ прошедшихъ простыхъ, сербо-хорватский языкъ, подобно болгарскому, имѣетъ въ дѣйствительномъ залогѣ три прошедшихъ сложныхъ, которыя образуются черезъ соединеніе причастія прошедшаго дѣйствительнаго II съ разными формами существительнаго глагола сам (јѣсам = старо-слав. юсмь).

Прошедшее совершенное (perfectum) состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. II и настоящаго врем. глагола существительнаго: пѣкао сам, дѣо сам, видно сам, носно сам, или ја сам пекао, дао и т. д.

Давнопрошедшее I (plusquamperfectum), образуется изъ прич. прош. дѣйств. II, и переходящаго вр. глагола существительнаго: пѣкао бѣјах, дѣо бѣах, видно бѣах или: бѣах пекао, дао и т. д.

Давнопрошедшее II состоитъ изъ прич. прошедш. дѣйств. II и прошедшаго совершеннаго глагола существительнаго: пѣкао сам бѣо, или: бѣо сам пѣкао, дѣо сам бѣо, или: бѣо сам дѣо.

По значенію эти два вида давнопрошедшаго сербо-хорватскія грамматики обыкновенно не различаютъ.

Въ 3 л. ед. ч. (а иногда и множ. ч.) прошедшаго совершеннаго вспомогательный глаголъ можетъ опускаться: био један сиромах човек.

Б у д у щ е е в р е м я .

Будущее время дѣйств. зал. обозначается:

1) соединеніемъ неопредѣленнаго наклоненія съ настоящимъ вр. глагола *хтјети* (преимуц. съ краткими формами: *ћу, ћеш, ће, ћемо, ћете, ће*): *хоћеш поћи, ал' ћеш гдно проћи, Бог ће дати, те ће добро бити*. Если краткія формы отъ *хтјети* слѣдуютъ за неопредѣленнымъ накл., то послѣднее теряетъ окончаніе *ти*: *вѣсвићу, вѣдећеш, вѣдеће, бићемо; плешћу* (вм. *плестићу*). Глаголы, оканчивающіеся въ неопредѣленномъ накл. на *ћи*, сохраняютъ этотъ суффиксъ и при образованіи будущаго времени: *рѣћи ћу, пѣћи ћемо, доћи ћу* и т. п. Ср. будущее въ болгарск. яз.: *писаштѣ, писаштеш* и т. д. Стр. 144. Этотъ способъ выраженія будущаго времени самый употребительный.

2) Соединеніемъ неопредѣленнаго накл. съ настоящимъ существительнаго глагола *будѣм*: *кад будѣн љубити, кад будѣш писати*. Эта форма будущаго встрѣчается въ старомъ литературномъ языкѣ далматинскихъ писателей и въ современномъ западномъ нарѣчій. Отъ глаголовъ *дати, знати, имати, смјети* и *хтјети* она возможна и въ другихъ нарѣчійхъ, но при этомъ образуется такъ, что *будем* ставится позади неопредѣленнаго накл., которое теряетъ оконч. *и*: *знадбудем, смјетбудеш*; также и *мѡдбудем*. Обыкновенно такое будущее употребительно послѣ союза *ако*, при выраженіи сомнѣнія.

3) Соединеніемъ глаголовъ несовершеннаго вида съ предлогомъ *уз*, при чемъ глаголъ переходитъ въ совершенный видъ; эта форма употребительна послѣ союзовъ *ако* и *кад*: *кад ўзимам, кад ўскосјимо, ако ўспјашѣм*.

Глаголы совершеннаго вида могутъ обозначать будущее настоящимъ временемъ, но преимущественно въ придаточныхъ предложеніяхъ: *сети се мене, кад теби буде добро; ако за седам дана то не урадиш, није на теби главе; свако дрво, кдје није посади ђтац мѡј небески, искоријѣнићесе* (серб. перев. Евангелія), *svako vzejanje ko ni vsadil otac moj nebeski, iskoreni se* (старый западн. переводъ). Въ чешскомъ, польскомъ и русскомъ яз. настоящее вр. глаголовъ совершеннаго вида замѣняетъ будущее и въ главномъ предложеніи.

Въ старинномъ языкѣ (у далматин. пис.) встрѣчается будущее, образованное соединеніемъ неопредѣленнаго накл. съ глаг. *имам*: *piti imam* (Pistule i evangelja. U Bnetcih, 1586).

Будущее совершенное или II-е, образованное черезъ соединеніе существительнаго глагола съ прич. прошедш. дѣйств. II, встрѣчается рѣдко, и то въ западномъ нар. и въ значеніи будущаго простаго: ако будете истину говорили; да ме будеш за Ивана дала. Еще рѣже такія соединенія какъ *биће пошинуо*: страх је мене, биће пдгинуо (Мяклош., Сравн. Морфологія, р. пер., II, 339).

Условное наклоненіе.

Условное (сослагательное) накл. передается соединеніемъ аориста существ. глагола *бих* съ прич. прош. дѣйств. II; въ 3 л. мн. ч. вм. *бише* - *би*: пјѣвао (-ла, -ло) бих, пјѣвао би, цјѣвао би, пјѣвали (ле, -а) бйсмо, пјѣвали бйсте, пјѣвали бй.

Возвратный и страдательный залоги.

Возвратный залогъ обозначается черезъ присоединеніе къ дѣйствительному возвратнаго мѣстоимѣнія *се* (сѧ), которое, какъ въ старославянскомъ и во многихъ живыхъ славянскихъ языкахъ, свободно отдѣляется отъ глагола и можетъ стоять то впереди его, то позади: *копа се бунар* (колодезь); *лети се купамо*; *жуте се ѡвие*; *зашто се чудите*; *осветила сам се*. Какъ энклитика *се* примыкаетъ къ первому ударяемому слову: *ништа се не види*.

Страдательный залогъ обыкновенно выражается посредствомъ дѣйствительнаго или возвратнаго: *сина човјечијега предаће, да се разатне*; *не судите да вам се не суди*, *јер ваковијем судом судите, онаковијем ће вам судити*; *ливада се коси*; *обноћ се спава*. Рѣже страдат. зал. обозначается соединеніемъ прич. прош. страд съ глаголомъ существительнымъ: *то је забрањено*; *врата бејаху отворена*; *био сам каран*; *хваљен сам*; *бејях хваљен*, *бих хваљен*, *хваљен сам био*, *хваљен ћу бити*; *хваљен будући*, *хваљен бивши*.

Спряжение по классамъ.

Архаическіе глаголы (основы настоящаго безъ суфф. врем. е).

Къ глаголамъ архаическимъ, т. е. такимъ, которые въ настоящемъ не принимаютъ особаго гласнаго времени (е), а присоединяютъ окончанія непосредственно въ глагольной основѣ, относятся: *јесам, дам, ѡѡем, ѡим*. Рядомъ съ древними формами эти глаголы имѣютъ и другія, образованныя отъ позднѣйшихъ основъ.

1) *Сущестительный глаголъ.*

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. јесам <i>или</i> сам	Мн. ч. 1 л. јесмо <i>или</i> смо
2 л. јеси си	2 л. јесте сте
3 л. јест(е) је	3 л. јесу су.

или:

Ед. ч. 1 л. бѡдѡм	Мн. ч. 1 л. бѡдѡмо
2 л. бѡдѡш	2 л. бѡдѡте
3 л. бѡдѡ	3 л. бѡду.

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. бѡјѡх (бѡх)	Мн. ч. 1 л. бѡјѡсмо (бѡсмо)
2 л. бѡјѡше (бѡше)	2 л. бѡјѡсте (бѡсте)
3 л. бѡјѡше (бѡше)	3 л. бѡјѡху (бѡху).

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. бѡх	Мн. ч. 1 л. бѡсмо
2 л. бѡ	2 л. бѡсте
3 л. бѡ	3 л. бѡше.

Повелительное накл.

Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. 1 л. бѡдимо
2 л. бѡди	2 л. бѡдите
3 л. нека (нек) бѡде	3 л. нека (нек) бѡду.

Прич. наст. дѣйств.: бѹдѹћи.

Прич. прош. дѣйств.: бѹвши, бѹв.

Прич. прош. дѣйств. II: бѹо, бѹла, бѹло.

Неопредѣленное накл.: бѹти.

Прошедшее совершенное.

Ед. ч. 1 л. бѹо (-ла, -ло) сам	Мн. ч. 1 л. бѹли (-ле, -ла) смо
2 л. бѹо (-ла, -ло) си	2 л. бѹли (-ле, -ла) сте
3 л. бѹо (ла, -ло) је	3 л. бѹли (-ле, -ла) су.

Давно прошедшее.

Ед. ч. 1 л. бѹо сам бѹо	Мн. ч. 1 л. бѹли (-ле, -ла) смо бѹли
2 л. бѹо си бѹо	2 л. бѹли сте бѹли
3 л. бѹо је бѹо	3 л. бѹли су бѹли.

или:

Ед. ч. 1 л. бѹѹах бѹо	Мн. ч. 1 л. бѹѹасмо бѹли
2 л. бѹѹаше бѹо	2 л. бѹѹаше бѹли
3 л. бѹѹаше бѹо	3 л. бѹѹаху бѹли.

Будущее.

Ед. ч. 1 л. бѹћу <i>или</i> ја ћу бѹти	Мн. ч. 1 л. бѹћемо <i>или</i> ми ћемо бѹти
2 л. бѹћеш ти ћеш бити	2 л. бѹћете ви ћете бити
3 л. бѹће он ће бити	3 л. бѹће они ће бити.

Условное наклонение.

Ед. ч. 1 л. бѹо бѹх	Мн. ч. 1 л. бѹли бѹсмо
2 л. бѹо би	2 л. бѹли бѹсте
3 л. бѹо би	3 л. бѹли би.

или: ја бѹх бѹо, ти би бѹо и т. д.

Краткія формы *сам, си* и т. д. — энклитики; но въ чакавщинѣ онѣ могутъ и принимать ударенія и стоять въ началѣ предложенія: *sān ti gecal* (ср. примѣч. проф. Брандта въ рус. перев. Сравнит. морфологіи Миклошича, II, стр. 336).

Съ отрицаніемъ *јесам*, соотвѣтств. старо-слав. *нѣсмь*, звучить различно въ разныхъ нарѣчіяхъ: *нијесам* (южн.), *нѣсам* (восточн.),

нисам (западн.); въ 3 л. ед. употребит. во всѣхъ говорахъ *није* (вм. нѣсть). Въ 3 л. ед. ч. вм. *јест* употребл. *јесте*. Формы *будем* предполагають основу *буде*, *бех*—основ. *бе*, *бих*, *бити*—основу *би*.

2) Осн. *дад*.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. <i>дѣ-м</i>		Мн. ч. 1 л. <i>дѣ-мо</i>
2 л. <i>дѣ-ш</i>		2 л. <i>дѣ-те</i>
3 л. <i>дѣ</i>		3 л. <i>дѣд-ѹ</i> .

или:

Ед. ч. 1 л. <i>дѣдѣм</i>		Мн. ч. 1 л. <i>дѣдѣмо</i>
2 л. <i>дѣдѣш</i>		2 л. <i>дѣдѣте</i>
3 л. <i>дѣдѣ</i>		3 л. <i>дѣдѹ</i> .

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —		Мн. ч. 1 л. <i>дѣјмо, дѣдимо</i>
2 л. <i>дѣј или дѣди</i>		2 л. <i>дѣјте, дѣдите</i>
3 л. <i>нека дѣ (дѣдѣ)</i>		3 л. <i>нека дѣдѹ</i> .

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. <i>дѣдијах</i>		Мн. ч. 1 л. <i>дѣдијасмо</i>
2 л. <i>дадијаше</i>		2 л. <i>дадијасте</i>
3 л. <i>дадијаше</i>		3 л. <i>дадијаху</i> .

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. <i>дѣх или дѣдох</i>		Мн. ч. 1 л. <i>дѣсмо или дѣдосмо</i>
2 л. <i>дѣ дѣде</i>		2 л. <i>дѣсте дѣдосте</i>
3 л. <i>дѣ дѣде</i>		3 л. <i>дѣше дѣдоше</i> .

Прич. прош. д. I: *дѣвши дѣв*.

Прич. прош. д. II: *дѣо, -ла, -ло*.

Прич. прош. страд.: *дѣт и дѣн*.

Неопредѣленное накл.: *дѣти*.

Прошедшее соверш.: *дѣо сам*.

Давнопрошедшее: *бѣо сам дѣо или бѣјах дѣо*.

Будущее: даћу, даћеш и т. д. или јаћу дати.

Условное: дао бѣх.

Формы: *дадем, дади, дадијак, дадох* образованы по аналогіи глаголовъ перваго класса 1.

3) Осн. *јѣд*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. ѣје-м (юж. н.)	јѣм (вост. н.)	Мн. ч. 1 л. ѣјемо	јѣмо
2 л. ѣје-ш	јѣш	2 л. ѣјете	јѣте
3 л. ѣје	јѣ	3 л. ѣјѹ.	јѣдѹ.

или:

Ед. ч. 1 л. јѣдем	Мн. ч. 1 л. јѣдемо
2 л. јѣдеш	2 л. јѣдете
3 л. јѣде	3 л. јѣдѹ.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Мн ч. 1 л. јѣћмо, јѣдимо
2 л. јѣћи, јѣћ, јѣди	2 л. јѣћте, јѣдите
3 л. нека ѣје, јѣ, јѣде	3 л. нева ѣју, јѣдѹ, јѣдѹ.

Остальныя формы образуются по образцу глаголовъ перваго класса, 1.

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. јѣдѣх <i>или</i> јѣћѣх	Мн. ч. 1 л. јѣдѣсмо <i>или</i> јѣћѣсмо		
2 л. јѣдѣше	јѣћѣше	2 л. јѣдѣсте	јѣћѣсте
3 л. јѣдѣше	јѣћѣше	3 л. јѣдѣхѹ.	јѣћѣхѹ.

А о р и с т ь.

Ед. ч. 1 л. јѣдох	Мн. ч. 1 л. јѣдосмо
2 л. јѣде	2 л. јѣдосте
3 л. јѣде	3 л. јѣдоше.

Прич. наст. дѣйств.: јѣдѹћи.

Прич. прош. дѣйств. I: јѣдѣвши.

Прич. прош. дѣйств. II: ѣо, јѣла, јѣло.

Прич. прош. страд.: јѣден.

Неопредѣленное накл.: јѣсти.

Прошедшее соверш.: јо сам.

Давнопрошедшее: бјо сам јо или бѣях јо.

Будущее: јѣшћу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: јо бјх.

Въ чакавцинѣ вм. *ѣјем* говорятъ *јѣм*, въ повелительн. накл. вм. *јић* — *јиј*.

3) Осн. *вѣд*.

Въ современномъ сербо-хорватскомъ языкѣ архаическое спряженіе отъ основы *вѣд* не сохранилось за исключеніемъ чакавскаго нар., для котораго можно указать слѣдующія формы:

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. вѣм		Мн. ч. 1 вѣмо
2 л. вѣш		2 л. вѣте
3 л. вѣ		3 л. —

Въ старинномъ языкѣ, кромѣ этихъ формъ, представляемыхъ главнѣйше литературными памятниками западнаго нарѣчія, встрѣчаются формы съ инымъ выговоромъ др. њ: *виемъ, вијеш, вије, вијемо, весте, висте*.

Въ соединеніи съ предлогами возможны формы повелит.: *пѣвјећ, одпѣвић, пѣвиј, пѣвиди, спѣвјећ* — соотв. стар. *ѣждь*.

Спряженіе съ характерной примѣтой настоящаго вр.

Принимая во вниманіе характерныя отличія основъ настоящаго вр., всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ архаическихъ) по отношенію къ спряженію можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на —*о -е*; 2) основы на —*но -не*; 3) основы — на *јо -је*; 4) основы на —*и* (= *ије*); 5) основы — на *а* (= *ајо -аје*). Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленнаго (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

О С Н О В Ы   н а   - о   - е.

А) Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).

1. Кор. *плет*; 2. Кор. *вез*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч.	1 л.	плѣт-ѣ-м	вѣз-ѣ-м		Мн. ч.	1 л.	плет-ѣ-мо	вѣз-ѣ-мо
	2 л.	плѣт-ѣ-ш	вѣз-ѣ-ш			2 л.	плет-ѣ-те	вѣз-ѣ-те
	3 л.	плѣт-ѣ	вѣзѣ			3 л.	плѣт-ѹ.	вѣз-ѹ.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч.	1 л.	—	—		Мн. ч.	1 л.	плѣт-и-мо	вѣз-и-мо
	2 л.	плѣт-и	вѣз-и			2 л.	плѣт-и-те	вѣз-и-те
	3 л.	нека плѣт-ѣ	нека вѣзѣ			3 л.	нека плѣту,	вѣзѹ.

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч.	1 л.	плѣт-ијѧ-х	вѣз-ијѧ-х		Мн. ч.	1 л.	плѣт-ијѧ-с-мо	вѣз-ијѧ-с-мо
	2 л.	плѣт-ијѧ-ше	вѣз-ијѧ-ше			2 л.	плѣт-ијѧ-с-те	вѣз-ијѧ-с-те
	3 л.	плѣт-ијѧ-ше	вѣз-ијѧ-ше			3 л.	плѣт-ијѧ-ху.	вѣз-ијѧху.

А о р и с т ь.

Ед. ч.	1 л.	плѣт-о-х	вѣз-о-х		Мн. ч.	1 л.	плѣт-о-с-мо	вѣз-о-с-мо
	2 л.	плѣт-е	вѣз-е			2 л.	плѣт-о-с-те	вѣз-о-с-те
	3 л.	плѣт-е	вѣз-е			3 л.	плѣт-о-ш-е.	вѣз-о-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: плѣт-ѹћ-и, вѣз-ѹћ-и.

Прич. прош. дѣйств. I: плѣт-ѧ-впи, плѣт-ѧ-в, вѣз-а-впи, вѣз-ав.

Прич. прош. дѣйств. II: плѣ-о, -ла, -ло, вѣз-а-о, вѣз-ла, -ло.

Прич. прош. страд.: плѣт-ен, -а, -о, вѣзен, -а, -о.

Неопред. накл.: плѣс-ти, вѣс-ти.

Прошедш. соверш.: плѣо сам, вѣзао сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам плѣо, бѣо сам вѣзао *или* бѣјѧх плѣо, бѣјѧх вѣзао.

Будущее: плѣш-ћу, вѣж-ћу.

Условное: плѣо бѣх, вѣзао бѣх.

По образцу *плѣсти* спрягаются глаголы съ основой на *д*, *т*: бѣсти (колоть), грѣсти, жѣсти, влѣсти, врѣсти, пѣсти, прѣсти, сѣсти, сложные отъ *вед*: довѣсти, завѣсти¹⁾; гвѣсти, мѣсти (мѣсить), мѣсти (мести) рѣсти, цвѣсти и сложные отъ *рет*—дбрести, срѣсти, сѹсрести.

T и *д* выпадаютъ передъ *л*: плѣо; но *расти* отступаетъ отъ этого правила: рѣстао, рѣсла; впрочемъ, у Гундулича и рѣсо.

Отъ глагола *пѣсти* настоящее, повелит. и прич. прош. дѣйств. I образуются по аналогіи глаголовъ II-го кл. отъ основы *падне*: пѣднѣм, падни, паднувши.

Основы *сјед* и *срет* могутъ образовать настоящее и по II кл.: сјѣднем, срѣгнем. Въ осн. *срет* *е* стоятъ вм. старо-слав. ѣ и по этому въ южномъ нар. въ прич. прош. дѣйств. II вм. *е* передъ *о* слышно *и*: срѣю, срѣла.

Основа *гред* въ настоящ. кромѣ 3 л. мн. ч. можетъ терять *д*: грѣд-ѣ-м и грѣ-м, грѣдеш и грѣш.

Основа *ид* имѣетъ неопред. *ити* и *ићи*; первая форма болѣе употребительна на западѣ, вторая — на востокѣ (встрѣч. еще неорганическіе *исти*); настоящее—*идѣм* и *ићем*.

Отъ основы *шад* (стар-славянск. *шѣд*) образуется прич. прош. дѣйств. II—*ишао*, *ишла*, а съ предлогомъ—*шао*, *шла*: дѣшао, дѣшла. Прич. прош. дѣйств. I—*ишавши*, *дѣшавши*. Гласн. *и* въ *ишао*, *ишавши*, по мнѣнію Даничича и др., есть основа отъ *и*-ти.

Въ преходящемъ *ија* можетъ стягиваться въ *ѣ*: плѣтѣх. Рядомъ съ *идѣх* и *жѣдѣх* возможно *ићѣх* и *жѣћѣх*.

О склоненіи основы *јед* (*јѣд*) ср. выше.

По образцу *вѣсти* спрягаются глаголы съ основой на *з*, *с*: грѣсти, мѹсти (доить), трѣсти, пѣсти и производные отъ основъ *вез*, *лез*, *орз* и *нес*: навѣсти, ѹлести, разврѣсти, уврѣсти, наврѣстисе, дѣнести, ѣзнести.

Основа *нес*, обыкновенно встрѣчающаяся въ соединеніи съ предлогами²⁾, можетъ терять конечное *с*, при чемъ коренное *е* удлинняется: въ южномъ нар. оно звучитъ какъ *ије*, въ западн. — *и*, восточн. *је* (= старо-слав. ѣ). Такая перемѣна возможна въ неопредѣлен. накл., аористѣ (кромѣ 2 и 3 лл. ед. ч.), въ прич. прош. дѣйств. II в прич.

¹⁾ Простое *вести* не употребляется.

²⁾ Впрочемъ, въ народн. пѣсняхъ наблюдаются формы и безъ предлоговъ: Млада нѣва воду нела.

прош. страд.: дѣнијети (донети, донити) дѣнијех (донех, доних), дѣнијесмо (донесмо, донисмо), дѣнијеше (донеше, донеше), дѣнио, дѣнијела (донела, донила), дѣнијет (донет, донит). Въ языкѣ старыхъ далматинскихъ писателей встрѣчаются формы и 2 и 3 л. ед. ч. безъ с: *odni, doni, ronj* (Лучичъ, Гундуличъ). Ср. старо-слав. аор. *нѣхъ*.

Въ преходящемъ вм. *ија* возможно *ѣ*: *трѣсијахъ* и *трѣсахъ*.

3. Кор. *греб*; 4. Кор. *пек*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. греб-ѣ-м	печ-ѣ-м	Мн. ч. 1 л. греб-ѣ-мо	печ-ѣ-мо
2 л. греб-ѣ-ш	печ-ѣ-ш	2 л. греб-ѣ-те	печ-ѣ-те
3 л. греб-ѣ	печ-ѣ	3 л. греб-ѹ.	пек-ѹ.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. греб-и-мо	пек-и-мо
2 л. греб-и	пек-и	2 л. греб-и-те	пек-и-те
3 л. нека гребѣ, пече		3 л. нека греб-ѹ, пек-ѹ.	

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. греб-ија-х	пек-ија-х	Мн. ч. 1 л. греб-ија-с-мо	пек-ија-с-мо
2 л. греб-ија-ш-е	пек-ија-ш-е	2 л. греб-ија-с-те	пек-ија-с-те
3 л. греб-ија-ш-е	пек-ија-ш-е	3 л. греб-ија-х-ѹ.	пек-ија-х-ѹ.

А о р и с т ь.

Ед. ч. 1 л. греб о-х	пек о-х	Мн. ч. 1 л. греб-о-с-мо	пек-о-с-мо
2 л. греб-е	пек-е	2 л. греб-о-с-те	пек-о-с-те
3 л. греб-е	пек-е	3 л. греб-о-ш-е.	пек-о-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: греб-ѹи-и, пек-ѹи-и.

Прич. прош. дѣйств. I: греб-ѣ-вш-и, греб-ѣ-в, пек-ѣ-вш-и, пек-ѣ-в.

Прич. прош. дѣйств. II: греб-а-о, греб-ла, греб-ло, пек-а-о, пек-ла, пек-ло.

Прич. прош. страд.: греб-ен, -ѣна, -ѣно, пекен, -ѣна, -ѣно.

Неопредѣленное накл.: греб-с-ти, пек-и.

Прошедшее соверш.: гребѣо сам, пекѣо сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам грѣбао, пѣао или бѣјах грѣбао, пѣао.

Будущее: грешћу, пѣћи ћу, -ћеш, ће, ћемо, ћете, ћѣ.

Условное: грѣбао, пѣао бѣх.

По образцу *грѣпсти* спрягаются глаголы съ основой на *б, п, с:* дупсти, зѣпсти, скѹпсти (шипать), црпсти, сопсти (*sugege*), хростп¹⁾, теп-с-ти се, ѹсути, насути, жѣвсти, пљѣти.

Въ основѣ *спн* — *п* исчезаетъ и др. *з* переходитъ въ *у:* ѹсѹх, ѹсѹвши, ѹсуо, ѹсут; но въ настоящемъ и повелительномъ *п* сохраняется: ѹспѣм, ѹспи.

Въ проходящемъ *вм. ија* можетъ быть *ѣ:* грѣбијах и грѣбах.

По образцу *пѣћи* спрягаются глаголы съ основой на *з, ж, х:* жѣћи, лѣћи (лежать), лѣћи (высаживать), мѣћи, стрѣћи; вѹћи, рѣћи, сѣји, тѣћи, тѹћи, вријећи (основа *врх*).

Многіе глаголы этого отдѣла образуютъ нѣкоторыя формы по второму классу т. е. съ прибавкой суф. *не*. Такъ *рѣћи, лѣћи, помѣћи* имѣютъ въ настоящемъ рядомъ съ формами: рѣчем, лѣжем, поможем и рѣвнем, лѣгнем, помѣгнем. *Потпомѣћи, изнемѣћи, занемѣћи* имѣютъ въ настоящемъ только формы втораго класса: потпомогнем, изнемогнем, занемогнем. Глаголы: *врѣћи, дѣћи, стѣћи, клѣћи* (стать на колѣни), *маћи* (двигать), *нѣћи* (выступать), *црѣћи* (погибать) и производные отъ основъ: *бјеи, ѡеи, преи, сеи, вѣи, лек, мрк, мук, так* (побјећи, ѹѣћи, запрѣћи, навѣћи, обѣћи, замрѣћи, замући се, натаћи) образуютъ настоящее *вр.* за исключеніемъ *врѣћи* и *побјећи* (и друг. сложн. съ основ. *бјеи*) и повелит. *н.* съ суф. *не* по второму классу: влѣвнем, дѣгнем, дѣгни и т. д.—Прич. прош. страд. и неопредѣленное *накл.* отъ этихъ глаголовъ также возможны отъ основы, построенной по образцу глаголовъ втораго класса: *вргнути, стигнути, вргнут, стигнут.*

Мѣћи въ 1 л. ед. ч. наст. *вр.* сохраняетъ древнее *у:* могу; но въ сложеніи съ предлогами утрачиваетъ эту древнюю особенность: *поможем.* *Ж* *вм. з* можетъ чередоваться съ *р:* мореш, море и можеш, може.

Рѣћи по южнымъ окраинамъ сербскаго яз. звучитъ въ неопред. *накл.*—*ријети.* Ср. выше *донијети.*

Въ проходящемъ *вм. ија* возможно *ѣ;* въ послѣднемъ случаѣ крайній согласный основы переходитъ въ *ж, ч, ш:* жѣжах, течѣх, врѣшах (для послѣдняго глагола только и возможна форма на — *ѣ*).

¹⁾ Послѣдніе два глагола въ старинномъ языкѣ. Ср. Даничичъ, Исторія облика, 246.

Моћи образуетъ эту форму только посредствомъ *ѣ*, но не смягчаетъ *ѣ* въ *ж*: *мѣѣх*, *мѣѣше*.

Въ западныхъ областяхъ въ повелительномъ иногда выступаетъ шипящій *вм*. свистящаго *пѣчи*, *лѣжи* (*вм*. *пѣци*, *лѣзи*).

Въ западныхъ говорахъ встрѣчаются формы 3 л. мн. ч. настоящ. со смягченіемъ гортаннаго: *рѣчу*, *лѣжѹ*, *вучѹ*.

5. Кор. *кльн*. 6. Кор. *мр*.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. <i>кѹн-е-м</i>	<i>мр-ѣ-м</i>	Мн. ч. 1 л. <i>кун-ѣ-мо</i>	<i>мр-ѣ-мо</i>
2 л. <i>кѹн-е-ш</i>	<i>мр-ѣ-ш</i>	2 л. <i>кун-ѣ-те</i>	<i>мр-ѣ-те</i>
3 л. <i>кѹн-е</i>	<i>мр-ѣ</i>	3 л. <i>кѹн-ѹ</i> .	<i>мр-ѹ</i> .

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. <i>кѹн-и-мо</i>	<i>мр-ѣ-мо</i>
2 л. <i>кѹн-и</i>	<i>мр-ѣ</i>	2 л. <i>кѹн-и-те</i>	<i>мр-ѣ-те</i>
3 л. <i>нека кѹн-ѣ</i> ,	<i>мр-ѣ</i>	3 л. <i>нека кѹн-ѹ</i> .	<i>мр-ѹ</i> .

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. <i>кѹн-иѣ-х</i>	<i>мр-ѣ-х</i>	Мн. ч. 1 л. <i>кѹн-иѣ-с-мо</i>	<i>мр-ѣ-с-мо</i>
2 л. <i>кѹн-иѣ-ш-е</i>	<i>мр-ѣ-ш-е</i>	2 л. <i>кѹн-иѣ-с-те</i>	<i>мр-ѣ-с-те</i>
3 л. <i>кѹн-иѣ-ш-е</i>	<i>мр-ѣ-ш-е</i>	3 л. <i>кѹн иѣ-х-у</i> .	<i>мр-ѣ-ху</i> .

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. <i>кль-х</i>	<i>мрѣ-х</i>	Мн. ч. 1 л. <i>кль-с-мо</i>	<i>мрѣ-с-мо</i>
2 л. <i>кль</i>	<i>мрѣ</i>	2 л. <i>кль-с-те</i>	<i>мрѣ-с-те</i>
3 л. <i>кль</i>	<i>мрѣ</i>	3 л. <i>кль-ш-е</i> .	<i>мрѣ-ш-е</i> .

Прич. наст. дѣйств.: *кун-ѹћ-и*, *мр-ѹћ-и*.

Прич. прош. дѣйств. I: *кль в-ш-и*, *кль-в*, *мр-в-ши*, *мр-в*.

Прич. прош. дѣйств. II: *кльо*, *кльла*, *кльо*, *мр'о*, *мр'ла*, *мр'ло*.

Прич. прош. страд.: *кльт*, *-а*, *-о*.

Неопредѣленное накл.: *кль-ти*, *мрѣ-ти* (*мрѣти*).

Прошедшее соверш.: *кльо сам*, *мр'о сам*.

Давнопрошедшее: *бѣо сам кльо*, *мр'о или бѣѣх кльо*, *мр'о*.

Будущее: клѣћу, мријѣћу (мрѣћу) -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: клѣо бѣх, мр'о бѣх.

По образцу *клѣти* спрягаются глаголы съ основой на *н*, *м*: жѣти, пѣти, жѣти (основ. *жъм*), производные отъ основ. *че* (*чъм*) и *ѣм*: зачѣти, начѣти, подчѣти, дѣти, ўзѣти и надути се (осн. *дъм*).

Конечные согласные корни *н*, *м* выступаютъ только въ основѣ настоящаго; въ основѣ же неопредѣленнаго они еще въ доисторическую пору слились съ предшествующимъ гласнымъ въ носовые гласные (старо-слав. *л*, *ж*), которымъ въ сербо-хорв. соотвѣтствуютъ чистые *е*, *у*. Ср. старо-слав. *кля-ти*, *пяти*.

Глаголь *жѣти* (осн. *жъм*) имѣеть въ основѣ настоящаго не *н* а *ь*: жьѣм, жьѣш, жьѣ; въ переход. только *ѣ*: жьѣх. Въ нѣкоторыхъ говорахъ между согласными выступаютъ гласн. *а*, *е*: жѣьем, жѣьи, жѣях, жѣуи; жѣьем, жѣуи. Діалектически сохраняется *н* и въ основѣ неопредѣленнаго: жьѣти, жьѣх, жьѣо. Прич. прош. страд. только *жьѣден*. Въ Черногоріи наст. вр. *жнѣдем*.

Въ глаг. *пѣти*, основа настоящаго также принимаетъ вставочное *е* и имѣеть въ в. м. *н*: пѣьем, пѣях, пѣьи, пѣуи; сложные съ предлогами могутъ имѣть двоякія формы: распнем, распьем, ѣспнем и ѣспьем, подпнем и подпьем.

Въ формахъ, образованныхъ отъ основы настоящаго гл. *почти* (и друг. сложныхъ съ осн. *чъм*), въ нѣкоторыхъ говорахъ выступаетъ *м* в. м. *н*:—почьем, почьи (ср. Данич., Облицы стр. 76).

Въ переходящемъ *чѣ* можетъ стягиваться въ *ѣ*: вѣуиѣх и вѣуѣх.

Въ старинномъ языкѣ существовалъ и глаг. *дѣти* (отъ котораго въ соврем. яз. только производный *надѣти се*); отъ него переходящее—*дѣх*.

Осн. *им* въ соединеніи съ *при*, *на* замѣняется черезъ *им* по четвертому классу: *прѣмити*, *наѣмити*. Въ старинномъ яз. существовали не только глаголы—*приѣти*, *наѣти* но и *ѣти*, наст.—*ѣем*.

По образцу *мријѣти* (*мрѣти*), спрягаются: трѣти, завријѣти се (скрываться), навријѣти (хотѣть), подѣвријѣти (подталкивать), ўвријѣти се (сгибаться), дријѣти (рвать), дријѣти се (кричать), прождријѣти (отъ осн. *ждр*), запријѣти, одапријѣти (отъ осн. *пр*), застријѣти, прѣстријѣти (отъ осн. *стр*).

Гл. *дријѣти* (*дрѣти*) образуетъ настоящее повелительное и прич. наст. дѣйств. отъ распространенной основы *дере*: дѣрем, дери, дериуи.

Сложные съ предлогами могутъ имѣть двойкія формы: *изадрѣм* и *изадерѣм*.

Въ неопредѣленномъ накл. коренной гласный *r* усиливается въ *рије* или *рѣ*, что соотвѣтств. старо-слав. *ръ*: *дријѣти*, *завријегѣ*; но иногда и удерживается *r*: *дррти*, *пдррти*.

Гл. *трѣти* не знаетъ усиленія *r* въ *рије*: аор. *трѣ-х*, *трѣ*, *трѣ-с-мо*, *трѣ-с-те*, *трѣ-ш-е*; переход. *трѣ-ах* (два слога), пр. прош. дѣйств. II *трѣ-о*, прич. прош. страд. — *трѣ-в-е-н* (*трѣн*). Въ основѣ настоящаго можетъ быть вставочное *a*: *тарем* и *трѣм*, *тарући* и *трѣући*.

Въ данный отдѣлъ можно отнести и глаголь *млѣти* (молоть); основа настоящаго—*мѣле*: *мѣлем*.

В) Вторая основа образована суф. а.

1. *бер*, *бра*. 2. *зов*, *зва*.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. бѣр-ѣ-м	зѣв-ѣ-м	Мн. ч. 1 л. бѣр-ѣ-мо	зѣв-ѣ-мо
2 л. бѣр-ѣ-ш	зѣв-ѣ-ш	2 л. бѣр-ѣ-те	зѣв-ѣ-те
3 л. бѣр-ѣ	зѣв-ѣ	3 л. бѣр-ѣ-у.	зѣв-ѣ-у.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. бѣр-и-мо	зѣв-и-мо
2 л. бѣр-и	зѣв-и	2 л. бѣр-и-те	зѣв-и-те
3 л. нека бѣр-ѣ, зѣв-ѣ		3 л. нека бѣр-ѣ-у, зѣв-ѣ-у.	

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. брѣ-х	звѣ-х	Мн. ч. 1 л. брѣ-с-мо	звѣ-с-мо
2 л. брѣ-ше	звѣ-ше	2 л. брѣ-с-те	звѣ-с-те
3 л. брѣ-ше	звѣ-ше	3 л. брѣ-х-у.	звѣ-х-у.

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. брѣ-х	звѣ-х	Мн. ч. 1 л. брѣ-с-мо	звѣ-с-мо
2 л. брѣ	звѣ	2 л. брѣ-с-то	звѣ-с-те
3 л. брѣ	звѣ	3 л. брѣ-ш-е.	звѣ-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: бѣр-ућ-и, зѡв-ућ-и.

Прич. прош. дѣйств. I: брѣ-вш-и, брѣ-в, звѣ-вши, звѣ-в.

Прич. прош. дѣйств. II: брѣо, брѣ-ла, брѣ-ло, звѣ-о, звѣ-ла, звѣ-ло.

Прич. прош. страд.: брѣ-н, -а, -о, звѣ-н, -а, -о.

Неопредѣленное накл.: брѣ-ти, звѣ-ти.

Прошедшее соверш.: брѣо сам, звѣо сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам брѣо, звѣо или бѣјѣх брѣо, звѣо.

Будущее: брѣћу, звѣћу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: брѣо бѣх, звѣо бѣх.

По этимъ образцамъ спрягаются: гнѣти, прѣти, рѣвати се, рѣвати, сѣти, твѣти, кѡвати.

Отъ *нати* настоящее — *жѣнем* и *рѣнем*; *е* является также въ настоящ. глаг. *прѣти*: пѣрем. *Сѣти* (старо-слав. сѣсати) имѣетъ настоящ. *сѣм*. *Ткѣти* въ настоящ. вр. вслѣдст. звуковыхъ законовъ имѣетъ основу *че*: *чѣм* (вм. тчем), *чѣш*, *чѣ*, *чемо*, *чете*, но *ткѣ*.

Отъ *кѡвати* настоящее *кѡвѣм*, но чаще *кѣжем*; прич. прош. страд. *ковен* и *коват*.

Глаголы *сидвати*, *трѡвати*, *блѡвати*, *кѡвати*, *пѡвати*, по второй основѣ подходящiе къ данной категорiи, правильнѣе отнести къ третьему классу (основ. настоящаго на—*је*).

Преходящее въ старинномъ языкѣ, а кое-гдѣ и въ современныхъ говорахъ образуется и отъ основы настоящаго: бѣријѣх, зѡвијѣх; напр. Беријаху цвијет по планини (Нар. пѣсни); Зовијаше слугу Усеина (Нар. п.).

Второй классъ.

О с н о в ы н а -но, -не.

Вторая основа на -ну.

Н а с т о я щ е е .

Ед. ч. 1 л. тѡн-ѣ-м
2 л. тѡн-ѣ-ш
3 л. тѡн-ѣ

Мн. ч. 1 л. тѡн-ѣ-мо
2 л. тѡн-ѣ-те
3 л. тѡн-ѣ.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. 1 л. тѡв-и-мо
2 л. тѡв-и	2 л. тѡв-и-те
3 л. нека тѡвѣ	3 л. тѡв-ѹ.

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. тѡв-ѡ-х	Мн. ч. 1 л. тѡв-ѡ-с-мо
2 л. тѡв-ѡ-ше	2 л. тѡв-ѡ-с-те
3 л. тѡв-ѡ-ше	3 л. тѡв-ѡ-х-у.

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. тѡну-х	Мн. ч. 1 л. тѡну-с-мо
2 л. тѡнѹ	2 л. тѡну-с-те
3 л. тѡнѹ	3 л. тѡну-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: тѡн-ѹћ-и.

Прич. прот. дѣйств. I: тѡнѹ-вш-и, тѡнѹ-в.

Прич. прош. дѣйств. II: тѡну-о, -ла, -ло.

Прич. прош. страд.: нѣтъ отъ этого глагола; затегнут.

Неопредѣленное накл.: тѡну-ти.

Прошедшее соверш.: тѡнуо сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам тѡнуо или бѣѡх тѡнуо,

Будущее: тѡнућу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: тѡнуо бѣх.

Къ этому классу относится огромное количество глаголовъ, образованныхъ въ неопредѣлен. накл. приставкой *ну*, и обозначающихъ преимущественно мгновенное или однобратное дѣйствіе: откинути, загнути, прѣснути, вѣгнути, дѣгнути, влѣкнути и т. д. Большая часть ихъ не имѣютъ преходящаго; тѣже изъ нихъ, которые имѣютъ это время, образуютъ его посредствомъ суф. *ја* (изъ *ија*).

Многіе глаголы этого класса образуютъ аористъ и прич. прош. дѣйств. II безъ приставки *ну*, по образцу глаголовъ перваго класса; при этомъ восстанавливается коренной согласный, который могъ исчезнуть передъ *ну*: избѣгнути — избѣгох, вѣгнути — вѣгох, дѣгнути — дѣгох, запрѣгнути — запрѣгох, трѣгнути — трѣгох, мрѣгнути — мрѣгох; гѣ-

нути—гѣбох, ѳтеиннути—ѳтеидох, загрнути—загртох, крѣнути—крѣтох, пѣснути—пѣскох, свѣснути—свѣскох, свѣште; ѣзбјегао, дѣгао, ѣвео (отъ *увенути*), усахла (отъ *усахнути*).

Формы настоящаго мѣнем, дѣднем, хтјѣднем, смјѣднѣм употребляются только въ придаточныхъ предложеніяхъ: ѣко мѣгне.

Третій классъ.

О с н о в ы н а -јо, -је.

А) Вторая основа равна корню.

1. Осн. би. 2. Осн. кла (изъ кол).

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. бѣ-јѣ-м	вѣ-е-м	Мн. ч. 1 л. бѣ-јѣ-мо	вѣ-е-мо
2 л. бѣ-јѣ-ш	вѣ-е-ш	2 л. бѣ-је-те	вѣ-е-те
3 л. бѣ-јѣ	вѣ-е	3 л. бѣ-јѣ.	вѣ-у.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. бѣ-ј-мо	вѣ-и-мо
2 л. бѣ-ј	вѣ-и	2 л. бѣ-ј-те	вѣ-и-те
3 л. нека бѣ-је	нека вѣ-е	3 л. нека бѣ-јѣ.	нека вѣ-у.

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. бѣ-ј-ѣ-х	вѣ-ѣ-х	Мн. ч. 1 л. бѣ-ј-ѣ-с-мо	вѣ-ѣ-с-мо
2 л. бѣ-ј-ѣ-ше	вѣ-ѣ-ше	2 л. бѣ-ј-ѣ-с-те	вѣ-ѣ-с-те
3 л. бѣ-ј-ѣ-ше	вѣ-ѣ-ше	3 л. бѣ-ј-ѣ-х-у.	вѣ-ѣ-х-у.

А о р и с т ь.

Ед. ч. 1 л. бѣ-х	вѣ-х	Мн. ч. 1 л. бѣ-с-мо	вѣ-с-мо
2 л. бѣ	вѣ	2 л. бѣ-с-те	вѣ-с-те
3 л. бѣ	вѣ	3 л. бѣ-ш-е.	вѣ-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: бѣ-ј-уѣ-и, вѣ-уѣ-и.

Прич. прош. дѣйств. I: бѣ-вш-и, бѣ-в, вѣ-вш-и, вѣ-в.

Прич. прош. дѣйств. II: бѣ о, -ла, -ло, вѣ-о, -ла, -ло.

Прич. прош. страд.: бѣ-т, -а, -о, клѣ-н, -на, -но.

Неопредѣленное накл.: бѣ-ти, клѣ-ти.

Прошедшее соверш.: бѣо сам, клѣо сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам бѣо, бѣо сам клѣо или бѣјѣх бѣо, бѣјѣх клѣо.

Будущее: бѣћу, клѣћу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: бѣо бих, клѣо бих.

По приведеннымъ образцамъ спрягаются глаголы съ основой на — *а*: знѣти, стѣти; на — *и*: бити (быть), вѣти, вѣпнати или ѹпнати, ѣти (нѣн), вѣрѣти, лѣти, мѣти, пѣти, плѣти, рѣти, тѣти (жирѣтъ), шѣти, производные отъ *ъи*—обѣгнати, сѣгнати; на — *у*: дѣти, чѣти, производные отъ основы *у*—ѣзути, обути, вѣзути; на — *е* (*н*): дѣти, смѣти, производные отъ *сне* (спѣ) — дѣспети, прѣспети.

Основа *зна* имѣетъ въ настоящемъ *знам* и *знадем*, въ 3 л. множ. ч. *знају* и *знаду*. Въ другихъ формахъ также можетъ появиться приставка *де*: знѣди, знѣдох, знѣдијѣх и знѣђѣх.

Основы *ста* и *де* принимаютъ въ настоящемъ и повелительномъ накл. *н*: стѣнем, дѣнем, стѣни, дѣни. Аористъ *стѣх* и *стѣдох*, *дѣх*, *дѣдох*. Подобнымъ же образомъ двоякія формы аориста отъ основы *смје*: *смѣх* и *смѣдох*.

Основа *сме* въ настоящемъ имѣетъ стяженные формы: смѣм, смѣш, смѣ, смѣмо, смѣте, но смѣју; въ южномъ говорѣ, гдѣ основа настоящаго этого глагола звучитъ *смѣје*, такое стяженіе не возможно.

Прич. прош. страд. отъ основъ *би*, *ви*, *кри*, *ми*, *ни*, *добѣ* образуется посредствомъ суф. *т* или *ен*: бѣт, вѣт, крѣт, лѣт, пѣт, добѣт и бѣјен, сѣвијен, сѣкривен, лѣвен, пѣјен (пивен), добѣјен (добивен). Отъ основъ *ми*, *ри*, *ши* прич. страд. на *ен*: мивен, ривен, шивен. Основы на — *у* и *е* принимаютъ *ен*, а зѣніе устраняется вставочнымъ *о*: чѣоен, обуоен, надуоен, одевен.

Основа *и* приним. *д* и спрягается по первому классу: ид-ем. Ср. выше 336 стр.

Основа *би* (быть) образ. настоящее съ суф. *де*: бѣдем (Ср. выше стр. 330). Такъ и въ нѣкоторыхъ сложныхъ: забѣти — забѣдем, збѣти се — збѣдем се. Другіе сложные спрягаются правильно по приведеннымъ образцамъ: дѣбити, задѣбити, снѣбити се (быть застѣнчивымъ), дѣбијем, задѣбијем. Впрочемъ у далматинскихъ писателей встрѣчаются формы въ родѣ *dobide* и др.

Б) Вторая основа образована суф.—а.

1. Осн. писа. 2. Осн. каја.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. пишѣм	ка-ј-ѣм	Мн. ч. 1 л. пишѣмо	ка-ј-ѣмо
2 л. пишѣш	ка-ј-ѣш	2 л. пишѣте	ка-ј-ѣте
3 л. пишѣ	ка-ј-ѣ	3 л. пишѣу.	ка-ј-ѣу.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. пишѣмо	ка-ј-мо
2 л. пишѣ	ка-ј	2 л. пишѣте	ка-ј-те
3 л. нека пишѣ	нека ка-ј-ѣ	3 л. нека пишѣу.	ка-ј-у.

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. писѣх	ка-ја-х	Мн. ч. 1 л. писѣс-мо	ка-ја-с-мо
2 л. писѣше	ка-ја-ше	2 л. писѣсте	ка-ја-сте
3 л. писѣше	ка-ја-ше	3 л. писѣх-у.	ка-ја-х-у.

А о р и с т ь.

Ед. ч. 1 л. писах	ка-ја-х	Мн. ч. 1 л. писа-с-мо	ка-ја-с-мо
2 л. писа	ка-ја	2 л. писа-сте	ка-ја-сте
3 л. писа	ка-ја	3 л. писа-ше.	ка-ја-ше.

Прич. наст. дѣйств.: пишѣх-и, ка-ја-х-и

Прич. прош. дѣйств. I: писѣ-вх-и, писѣ-в, ка-ја-вх-и, ка-ја-в.

Прич. прош. дѣйств. II: писа-о, -ла, ло, ка-ја-о, -ла, ло.

Прич. прош. страд.: писѣ-н, -а, о, ка-јан, -а, -о.

Неопределенное накл.: писа-ти, ка-ја-ти.

Прошедшее соверш.: писао сам, ка-јао сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам писао, ка-јао или бѣях писао, ка-јао.

Будущее: писаћу, ка-јаћу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: писао бѣх, ка-јао бѣх.

По образцу *писати* спрягаются глаголы, которыхъ корень ограничивается на согласный: зобати, дгребати, лазати (и сложн.), ливѣати, помѣати, стругати, глѣдати, вѣзати, гамизати, гмѣзати, дѣзати, поджизати, казати, лѣзати, лѣзати, нѣзати, прѣзати, пѣзати, рѣзати, рѣзати,

сѣзати, стѣзати, затѣзати, трѣзати; баѹкати, бердѹкати, бѣскати, бѹкати, бурлѣкати, вѣкати, гѣкати, гѹкати, дѣкати, ѣкати, ѣскати, јеѹкати, заѹкати, кукуријѣкати, лелѣкати, лѹкати, замѣкати, маѹкати, медѣкати, млѣскати, мрѣкати се, нијѣкати, пијѹкати, плѣкати, плѣмати, рѣкати, рѹкати, сјѣкати, свѣкати, срѣкати, стѹкати, сѹкати, отѣкати, тандрѣкати, торѹкати, тотрѣкати, трѣкати, ћѹкати, ћурлѣкати, ѹкати, урлѣкати, хрѣкати, хрѣкати, шѣкати, шмрѣкати, штѹкати; слѣти, кашљати; хрѣмати, пѣњати, нагивѣати, загливѣати (провливѣати и т. д.), пѹмивѣати, запивѣати, зачивѣати, стѣвѣати; кѣмати, клѣмати; вѣрати се, заворачати се, ѣзворачати, дѣрати, задирати, ждѣрати, прѹждирати, зазирати, ѹмирати, пѹпирати, ѹрати, заперати, стѣрати, застирати, затирати; бѣстисати, бегѣнисати, бѣтисати, брѣсати, будѣлисати, вараљѣпсати, вралѣлисати, задѣсати, димѣрисати, думѣнисати, дунѣѣрисати, ћавѣлисати, ћакѣнисати, жѣгѣсати, ислѣнсати, јеглѣнисати, калѣјисати, кашѣрисати, капѣрисати, кѣдѣсати, крѣсати, лѣстисати, лѣшѣрисати, лѣпсати, мајѣтѹрисати, малѣсати, мѣнисати, метѣнисати, мехѣнисати, мирѣсати, мурлѣсати, огрѣнсати, пѣсати, пѣтосати, прѹкопсати, сабѹрисати, саватлѣсати, сѣвтисати, прѣсисати, сургѹнисати, таслѣнсати, тѣсати, ћорлѣнсати, ѹнсати, утлѣнсати, цигѣнисати, чѣтисати, чабѣнсати; бѣхтати, бенѣмати, блѣбѣмати, векѣмати, врѣмати, загонѣмати, грѣкати, грѹгѹмати, грѹхѣмати, грѣбѣмати, грѣмати, гурѣмати. дѣхтати, дрѣмати или дрѣхтати, жвѣмати, звѣкѣмати, јѣкѣмати, кѣкомати, крѣкѣмати, крѣмати, куѣѹмати, лѣкѣмати се, лијѣмати, мѣмати, ѹплѣмати, прѣмати, пѹкѣмати, рѣбѣмати, свѣмати, скакѹмати, пѣсрѣмати, трѣпѣмати, трѣпѣмати, хлѣпѣмати, цврѣкѹмати, цѹкѣмати, чагрѣмати, шапѣмати, шкашѹмати, шѣргѹмати, шѹбѣтати, штишѹмати; јѣжати, мажати, пѣжати; вѣѹцати, мѣцати, замрѣцати, ницати, обрѣцати, тѣцати, ѹтјѣцати, чѣшати.

Сюда же относятся нѣкоторые глаголы которые могутъ спрягаться и по данному образцу и по пятому классу (наст. вр. на — ам): гѣбати, зазѣвати, зѣдати, жалѣвати, пѣдѣскати, чалѣкати, дрѣјѣмати, заимати, кѹпати, сѣпати, затѣпати, сѣсати, пѣтапсати, стѣсати, тѣпсати, спѣтати се, шѣтати се, дѣхати, дѹхати, ѣхѣхати, пѹхати; напр.: шѣтѣм се и шѣѣм се.

Конечный согласный корня всѣхъ этихъ глаголовъ подѣ влияніемъ *jo, je* т. е. суффиксовъ основы настоящаго подвергается соотвѣствующимъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ сербо-хор-

ватской фонетики; т. е. *б, п, м* переходять въ *бъ, пь, мь*; *д, т*— въ *ђ, ћ*; *з, с, ц*—въ *ж, ш, ч*; *г, к, х*—въ *ж, ч, ш*; *ск*—въ *шт, хт*— въ *шћ*; напр.: *кѣпати—кѣпљем, зѣбати—зѣбљем, храмѣти—храмљем, глѣдати—глѣђем, лијетати—лијеђем, вѣзати—вѣжѣм, дѣсѣти—дѣшѣм, квѣцѣти—квѣчем, лѣгати—лѣжем, плѣкати—плѣчем, јѣхати—јѣшѣм, јѣскати—јѣшѣм, дѣхѣти (пыхтѣть), дѣшѣм.*

Осн. *сла* имѣеть настоящее—*шьѣм* и *шѣљем*.

Глагол. *дрхтати* (дрожать) діалектически можетъ образовать настоящее по четвертому классу (на *им*): *дрхтим*.

Большая часть глаголовъ на—*исати* заимствованы изъ иностранныхъ языковъ.

По образцу глагола *кѣјати* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный; въ неопредѣленномъ накл. между кореннымъ гласнымъ и *а* основы, для устранения зіянія является *ј* или *с*: *бѣјати, бријати, вијати* (южн. и зап. н.) и *вѣјати* (вост. н.), *вијати* (во всѣхъ нарѣчіяхъ *црпуге*), *грѣјати, гријати* (южн. и зап. н.) и *грејати* (вост. н.), *лѣјати, појати, смѣјати се* (южн. и зап. н.) и *смејати се* (вост. н.), *стајати, сѣјати* (южн. и зап. н.) и *грејати* (вост. н.), *лајати, појати, смѣјати се* (южн. и зап. н.) и *смејати се* (вост. н.), *стајати, сѣјати* (южн. и зап. н.) и *сејати* (вост. н.), *тајати, трајати, хајати, чајати; бљувати, кљувати, пљувати* (настоящее—*бљѣјем, кљѣјем, пљѣјем*). Сюда же относятся глаголы: *кѣвати, сидѣти* и *трѣвати*, у которыхъ коренное *у* перешло въ неопредѣленномъ въ *ов* (настоящее—*кѣѣјем, но и ковам* (ср. выше), *снѣјем, трѣјем*); *дѣвати* и *познѣвати* (*дѣјем, пѣзнѣјем*).

В) Вторая основа—на -ова, ова, ова.

Основ. неопредѣл.: 1. *куп-ова* 2. *каз-ова*.

Общая глагольная основа: 1. *купу* 2. *казу*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. кѣпу-ј-ѣ-м	казу-ј-ѣ-м	Мн. ч. 1 л. кѣпу-ј-ѣ-мо	казу-ј-ѣ-мо
2 л. кѣпу-ј-ѣ-ш	казу-ј-ѣ-ш	2 л. кѣпу-ј-ѣ-те	казу-ј-ѣ-те
3 л. кѣпу-ј-ѣ	казу-ј-ѣ	3 л. кѣпу-ј-ѣ	казу-ј-ѣ

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. кѹпѹ-ј-мо	казѹ-ј-мо
2 л. кѹпѹ-ј	казѹ-ј	2 л. кѹпѹ-ј-те	казѹ-ј-те
3 л. нека кѹпѹ-ј-е	казѹ-ј-е	3 л. нека кѹпу-ј-у,	казу-ј-у.

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. кѹповѧ-х	казивѧ х	Мн. ч. 1 л. кѹповѧ-с-мо	казивѧ-с-мо
2 л. кѹповѧ-ше	казивѧ-ше	2 л. кѹповѧ-с-те	казивѧ-с-те
3 л. кѹповѧ-ше	казивѧ-ше	3 л. кѹповѧ-х-у.	казивѧ-х-у.

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. купѡва-х	казѡва-х	Мн. ч. 1 л. купѡва-с-мо	казѡва-с-мо
2 л. кѹповѧ	казивѧ	2 л. купѡва-с-те	казѡва-с-те
3 л. кѹповѧ	казивѧ	3 л. купѡва-ш-е.	казѡва-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: кѹпу-ј-ѹћ-и, казу-ј-ѹћ-и.

Прич. прош. дѣйств. I: купѡвѧ - вш - и, купѡвѧ - в, казивѧ - вш - и, казивѧ - в.

Прич. прош. дѣйств. II: кѹпова-о, -ла, ло, казива-о, -ла, -ло.

Прич. прош. страд.: кѹповѧ-н, -а, -о, казивѧ-н, -на, -но.

Неопредѣленное накл.: купѡва-ти, казива-ти.

Прошедшее соверш.: кѹповао сам, казивао сам.

Давнопрошедшее: бѡо сам кѹповао, казивао или бѣјах (бѣјах), кѹповао, казивао.

Будущее: купѡваћу, казиваћу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: кѹповао бѣх, казивао бѣх.

По образцу *купѡвати* спрягаются всѣ глаголы, образованные приставкой *ова*: болѡвати, вјекѡвати, вјѣровати, гладѡвати, другѡвати, дјевѡвати, зимѡвати, љетѡвати, мирѡвати, мудрѡвати, пѧметовати, пѡштовати, путѡвати, рѧдовати се, рѧтовати, цѧровати, штѣтовати и др.

По образцу *казѡвати* спрягаются всѣ глаголы, образованные приставкой *ива*: дањѡвати, добацѡвати, дописивати, забрѧњивати, заграћѡвати, замахањивати и др.

Изъ глаголовъ, образованныхъ приставкой *оа*, сюда относятся только два: војевати и крајевати; наст. војујѣм, крајујѣм.

Приставка *оа* образовалась изъ *уа*; глагольная основа оканчивается на *у*, которое и выступаетъ въ основѣ настоящаго. *Еа*, *иа* уже образовались изъ *оа*.

Г) Вторая основа равна малольной основѣ, образованной зв. ѣ.

Глаг. основа — *умје* (южн. н.), *умѣ* (вост. н.), *уми* (зап. н.) = старославянскому *умъ*.

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. ѹми-ј-ѣм		Мн. ч. 1 л. ѹми-ј-ѣ-мо
2 л. ѹми-ј-ѣш		2 л. ѹми-ј-ѣ-те
3 л. ѹми-ј-е		3 л. ѹми-ј-ѹ.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —		Мн. ч. 1 л. ѹмиј-мо
2 л. ѹмиј		2 л. ѹмиј-те
3 л. нека ѹмије		3 л. нека ѹмијѹ.

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. ѹми-ј-ѣ-х		Мн. ч. 1 л. ѹми-ј-ѣ-с-мо
2 л. ѹми-ј-ѣ-ш-е		2 л. ѹми-ј-ѣ-с-те
3 л. ѹми-ј-ѣ-ш-е		3 л. ѹми-ј-ѣ-х-у

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. ѹмје-х		Мн. ч. 1 л. ѹмје-с-мо
2 л. ѹмје		2 л. ѹмје-с-те
3 л. ѹмје		3 л. ѹмје-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: ѹмијѹ-ћ-и.

Прич. прош. дѣйств. I: ѹмјѣ-вш-и, ѹмјѣ-в.

Прич. прош. дѣйств. II: ѹми-о, ѹмје-ла, ѹмје-ло.

Неопредѣленное накл.: ѹмје-ти.

Прошедшее соверш.: ѹмно сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам ѹмно или бѣях ѹмно.

Будущее: ѹмјећу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: ѹмно бѣх,

Въ южномъ нарѣчїи *и* вм. *ъ* (ѹмијем, умїо и проч.), выступаетъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ *ј* и *о*, по общему закону (ср. 250 стр.). Въ восточномъ нарѣчїи настоящее—*ѹмѣм* черезъ стяженїя изъ *умејем*; такъ и западное *ѹмѣм*. Другїя формы въ восточномъ нар.: повелительное—*ѹмѣј*, переходящее—*ѹмејѣх*, аористъ—*ѹмех*, причастныя формы: *ѹмејући*, *ѹмевши*, *ѹмео*, неопредѣленное—*ѹмети*. Въ аористѣ основа *уме* можетъ принимать *д*: ѹмед-о-х.

По образцу *ѹмети* спрягается вромѣ сложнаго *разѹмети* только одинъ глаголь *ѹдвети* (угодить) и то въ вост. н.

Четвертый классъ.

О с н о в ы н а — и (= *ије*).

А) Вторая основа также на—и.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. нѣсѣ-м	Мн. ч. 1 л. нѣсѣ-мо
2 л. нѣсѣ-ш	2 л. нѣсѣ-те
3 л. нѣсѣ	3 л. нѣсѣ.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Мн. ч. 1 л. нѣси-мо
2 л. нѣси	2 л. нѣси-те
3 л. нева нѣсѣ	3 л. нева нѣсѣ.

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. нѣш-ѣ-х	Мн. ч. 1 л. нѣш-ѣ-с-мо
2 л. нѣш-ѣ-ш-е	2 л. нѣш-ѣ-с-те
3 л. нѣш-ѣ-ш-е	3 л. нѣш-ѣ-х-у.

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. нѣси-х		Мн. ч. 1 л. нѣси-с-мо
2 л. нѣси		2 л. нѣси-с-те
3 л. нѣси		3 л. нѣси-ше.

Прич. наст. дѣйств.: нѣсѣи-и.

Прич. прош. дѣйств. I: нѣси-вп-и, нѣси-в.

Прич. прош. дѣйств. II: нѣси-о, -ла, -ло.

Прич. прош. страд.: нѣш-ен, -на, -но.

Неопредѣленное накл.: нѣси-ти.

Прошедшее соверш.: нѣсно сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам нѣсно или бѣях (бѣях), нѣсно.

Будущее: нѣсићу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ћѣ.

Условное: нѣсно бѣх.

По этому образцу спрягаются очень многіе глаголы съ основой на и: вѣдити, вѣзити, мѣлити, хрѣнити, хвѣлити, прѣсити, мѣтити, бѣцити, мѣслити, изпрѣзнити, гнијѣздити (гнѣздити), пѣстити, врѣстити, вѣштити, љубити, слѣвити, лѣмити, вѣпити, дѣжити, ѣлити, тѣвити, брѣдити, лѣжити, ѣчити, трѣшити, твѣрити, брѣжити, врѣжити и др.

Долгое ѣ въ настоящемъ образовалось изъ стяженія ие: носиеш—носиш; въ 3 л. мн. ч. е соответствуетъ старо-слав. ѡ (ср. выше стр. 323).

Въ переходящемъ и причастіи прош. страд. и основы переходить въ j, который затѣмъ соединяется съ предшествующими звуками по извѣстнымъ законамъ; напр.: вѣдити — вѣдѣх, вѣдѣн; вѣзити — вѣзѣх, вѣзѣн; мѣлити—мѣлѣх, мѣлѣн; хрѣнити—хрѣвѣх, хрѣвѣн; прѣсити—прѣшѣх, прѣшен; мѣтити — мѣћѣх, мѣћѣн; бѣцити—бѣчен; мѣслити—мѣшлѣх, мѣшлѣн; изпрѣзнити — иsprѣжѣн; врѣстити — врѣштен; љубити—љубѣлѣх, љубѣлен; слѣвити—слѣвлѣх, слѣвлѣн; лѣмити—лѣмлѣх, лѣмлѣн; дѣжити — дѣжах, дѣжен; ѣчити — ѣчѣх, ѣчен; твѣрити — твѣрѣх, твѣрен.

Окнити (красить) имѣетъ прич. прош. страд. *окнишен*; *заднити* (основывать)—*зѣднивен*.

Б) Вторая основа образована суф. ѣ = 1) је (е, и) или 2) а (послѣ j, ч, ж, ш, шт, жд).

1. Основа видје 2. Основа бјежа.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. видѣ-м	бјѣжѣ-м	Мн. ч. 1 л. видѣ-мо	бјѣжи-мо
2 л. видѣ-ш	бјѣжѣ-ш	2 л. видѣ-те	бјѣжи-те
3 л. видѣ	бјѣжѣ	3 л. видѣ.	бјѣжѣ.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	—	Мн. ч. 1 л. види-мо	бјѣжи-мо
2 л. види	бјѣжи	2 л. види-те	бјѣжи-те
3 л. нека види	нека бјѣжи	3 л. нека видѣ.	нека бјѣже.

П р е х о д я щ е е.

Ед. ч. 1 л. виђ-а-х	бјѣж-а-х	Мн. ч. 1 л. виђ-а-с-мо	бјѣж-а-с-мо
2 л. виђ-а-ше	бјѣж-а-ше	2 л. виђ-а-с-те	бјѣж-а-с-те
3 л. виђ-а-ше	бјѣж-а-ше	3 л. виђ-а-х-у.	бјѣж-а-х-у.

А о р и с т ь.

Ед. ч. 1 л. видје-х	бјѣжа-х	Мн. ч. 1 л. видје-с-мо	бјѣжа-с-мо
2 л. видје	бјѣжа	2 л. видје-с-те	бјѣжа-с-те
3 л. видје	бјѣжа	3 л. видје-ш-е.	бјѣжа-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: видјећи, бјѣжећи.

Прич. прош. дѣйств. I: видјѣ-вш-и, видје-в, бјѣжѣ-вш-и, бјѣж-ѣв.

Прич. прош. дѣйств. II: видно, видјела, видјело, бјѣжао, -ла, -ло.

Прич. прош. страд.: виђен, -на, -но; држан, држат.

Неопредѣленное накл.: видјети, бјѣжати.

Прошедшее соверш.: видно сам, бјѣжао сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам видно, бјѣжао или бѣях видно, бјѣжао.

Будущее: видјећу, бјѣжаћу.

Условное: видјео бѣх, бјѣжао бѣх.

Для настоящаго предполагають основу види-е; ие черезъ уподобленіе и стяженіе даетъ долгое ѣ.

Въ переходящемъ *je* сливается съ *a* (примѣта времени) въ *ja*, при чемъ *j* вліяетъ извѣстнымъ образомъ на предшествующій согласный: виѣах, киплях, живлях, горах, вм. горяхъ изъ *гориах*, бѣахъ се, дрѣахъ.

По образцу *видјети* спрягаются: сврбјети, врвјети, обудавети, плавети, вѣпјети, поскупјети, слижепјети, трѣјети, грмјети, нижемјети, брѣдјети, блиедјети, догрдјети, завидјети, зарудјети, полудјети, свѣдјети, сједјети, смрдјети, стидјети се, студјети, штѣдјети, бѣктјети, вртјети, жутјети, лѣтјети, оупстјети, осиротјети, пламтјети, процавтјети, трѣптјети, ѣутјети, хѣтјети, хотјети, шутјети, гортјети, старјети, биѣљети, бѣљети, вѣљети, жељети, ишчиљети, миљети, мѣљети, огѣљети, одѣљети, ѣмиљети, повѣљети, привѣљети, цвиљети, бјѣшѣети, глѣдѣети, жедѣети, затрудѣети, зелѣѣети, кѣпѣети, поплаветѣети, порумѣѣети, поцрвѣѣети, поцрѣѣети, тамѣѣети, хлѣдѣѣети, врѣѣти, зрѣѣти (созрѣѣвати), назрѣѣти (отъ зрѣѣти—глядѣѣти), прѣѣти, окѣрѣѣти се; велим и мним (оба послѣдніе глагола только въ настоящемъ и переходящемъ вр.). Въ восточномъ нарѣчїи всѣ эти глаголы имѣютъ основу неопредѣленнаго на *e*, а въ западномъ на *i*: лѣтети, лѣтити.

По образцу *бјежати* спрягаются: блѣјати, бѣјати се, бѣјати, бѣчати, вѣчати, врѣштати, врчати, грајати, дотѣжати, дрѣждати, дрѣчати, звѣждати, зѣјати, зѣчати, јѣчати, квѣчати, кврчати, клѣчати, крѣчати, крѣчати, крчати, лѣжати, мрчати, мѣчати, набрчати, ѣиштати, пѣштати, пѣштати, помрчати, рѣжати, сјајати се, свѣчати, стајати, тѣштати, трчати, узвиштати, ујати, учати, врчати, цѣчати, чврчати, чѣчати, шѣштати.

Отъ *видјети* повелительное не только *види*, но и *види*, *види* въ западн. нар.—*вији*, *виј*, *вијте*.

Глаг. *врѣти* имѣетъ 3 л. наст. вр.—врѣ и прич. наст. дѣйств.—*врѣи*. Другія формы правильно: врѣм, врѣх, врѣо, врѣахъ.

Глаг. *зрѣти* можетъ имѣть въ настоящ. врем. двоякія формы: *зрѣм* и *зрѣи*; но въ 3 л. мн. только *зрѣу*.

Глаголы *прѣти*, *здрѣти* (и друг. сложные съ *зрѣти*) имѣютъ настоящее вр. и прич. наст. дѣйств. только по первому классу: *прѣи*, *здрѣи* и т. д.

Глаголь *хотјети* въ настоящемъ времени перешелъ въ третій классъ, кромѣ 3 л. мн. ч.; а 1 л. ед. сохранило древнее окончаніе *у* (= *ж*): *хѣбу*, *хѣѣи*, *хѣѣи*, *хѣѣмо*, *хѣѣте*, *хѣѣи*. Въ Черногорїи

3 л. множ. ч.—*xote*. Настоящее употребляется и въ сокращенномъ видѣ: *бу, ѣш, ѣе, ѣемо, ѣете, ѣе* (*те*— въ черногоріи). Остальныя формы правильно: *хѡтеѣи, хѡтѣх, хѡѣах* (*хѡтиѣах*), *хѡтѣвши, хѡтно, хѡтѣла*. Основа неопредѣленнаго можетъ терять *о*: *хѡтѣти* вм. чего и *ѣти, кѣти, мѣти*; аористъ: *хѡѣх, шѣх, вѣх, тѣх*; переходящее: *хѡѣѣх, ѣѣх, шѣѣх, вѣѣх, тѣѣх*; прич. прош. дѣйств. II: *хѡѣо* (и *стѣо*). Въ переходящемъ и аористѣ возможно вставочное *ѡ*: *хѡѣѡх, шѣѡх, вѣѡх, тѣѡх*.

Глаг. *спѣти*, относящійся собств. къ пятому классу, образуетъ настоящее время и прич. настоящ. по четвертому классу: *спѣим, спѣѣи*.

Въ глаг. *стајати* основа неопредѣленнаго возникла изъ болѣе древн. *стоја*, вѣроятно вслѣдствіе уподобленія *о* звуку *а* слѣдующаго слога: *стајах, стаја, стајѣх, стајѣше, стајѣвши, стајао*. Основа настоящаго—*стоѣ*: *стојѣим, стојеѣи*.

Глаголы *стајати* и *бѡјати се* въ повелит. н. теряютъ *и*: *стѡј, бѡј се*.

Глаголь *мѣѣм* въ переходящемъ имѣетъ *мѣѣах* и *мѣѣдиѣах*. Вм. и часто слышно *л*: *мѣѣл, мѣѣлх, мѣѣдиѣлх*.

Вм. древн. *обрѣсти* употребл. гл. *обрѣти се*, настоящее—*ѡбрѣѣм се*.

Пятый классъ.

О с н о в ы н а — а (= *aje*).

Вторая основа образована суф. *а*.

Основа *чуѡа*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. чѣѡа-м		Мн. ч. 1 л. чѣѡа-мо
2 л. чѣѡа-ш		2 л. чѣѡа-те
3 л. чѣѡа		3 л. чѣѡа-ј-ѣ.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —		Мн. ч. 1 л. чѣѡа-ј-мо
2 л. чѣѡај		2 л. чѣѡа-ј-те
3 л. нека чѣѡа		3 л. нека чѣѡа-ј-ѣ.

Преходящее.

Ед. ч. 1 л. чўвѣ-х		Мн. ч. 1 л. чўвѣ-с-мо
2 л. чўвѣ-ш-е		2 л. чўвѣ-с-те
3 л. чўвѣ-ш-е		3 л. чўвѣ-х-у.

Аористъ.

Ед. ч. 1 л. чўва-х		Мн. ч. 1 л. чўва-с-мо
2 л. чўва		2 л. чўва-с-те
3 л. чўва		3 л. чўва-ш-е.

Прич. наст. дѣйств.: чўва-ј-у-ћи.

Прич. прош. дѣйств. I: чўвѣ-вш-в, чўвѣ-в.

Прич. прош. дѣйств. II: чўва-о, -ла, -ло.

Прич. прош. страд.: чўвѣ-в, -на, -но.

Неопредѣленное импл.: чўва-ти.

Прошедшее соверш.: чўвао сам.

Давнопрошедшее: бѣо сам чўвао или бѣјѣх (бѣјѣх), чўвао.

Будущее: чўваћу, -ћеш, -ће, -ћемо, -ћете, -ће.

Условное: чўвао бѣх.

Основа настоящаго — *чуваје*; *аје* во всѣхъ лицахъ настоящаго кромѣ 3 л. мн. ч. стягивается въ долгое *ѣ*; въ 3 л. мн. ч. и прич. настоящ. дѣйств. основа выступаетъ въ полномъ видѣ.

Къ этому классу относятся очень многіе производные глаголы, образованные суф. *а, ва*; напр.: шѣбати, ругати се, владати, страдати, падати, зидати, дѣхати, лѣскати, дрмати, пјевати, играти, читати, бѣцати, рѣчати, јављати, куњати, слѣшати, праштати, спремати, погријевати, зашѣвати, умѣвати и друг.

Безличныя глаголы (разныхъ классовъ).

Не бива, вѣља (нужно), грмѣ, сијева, сева (сверкаетъ молнія), свѣнѣ, заклѣдѣ, мрѣнѣ, трѣба, има, нѣма, дѣста је, дѣстаје, дѣстане, мрзи ме, личи мени лепо, чѣни ми се (кажется), лѣко је, тѣшко је, хладно ми је, мени је жѣо, драго ми је, се дѣпада (нравится), ме вѣсѣли, бѣли и др.

7. Неизмѣняемыя слова.

Н а р ѣ ч и я.

1) Тѹ, тѹј, тѹка (въ Рѣкѣ), ѡвдје, тѣмо, гѡрје, дѡже, близу, ѡмо (сюда), ѡвамо, нѣкуд, нѣкуда, нѣгдје, ѡвгѡ (надъ), ѡздѡ (подъ), ѡтуд, ѡдакле, ѡткле (откуда), ѡдѡвдѣ, ѡдѡнлѣ (оттуда), свѹд, свѹда, свѡкуд (всюду), нигде, нигде (зап.), нигдѣ (южн.), нѡтраг (назадъ), унѹтра, вѡнка, вѡн (вѣ), ѡколо, спрѡћу (напротивъ), нѡпоко (назадъ) и др.

2) Сѡд, сѡда (теперь), нѣгда, сѡвнѡ (вчера вечеромъ), сѡѹтра (завтра), нѡнас (ночью), зѡмѹс, лѡни (въ прошломъ году), дѡвно, дѡцкѡн, дѡцне (поздно), ѡбноѡ, зѡми, лѣти, дѡнас (сегодня), свѡгда, чѡсом (тотчасъ), здрѡм, кѡд, кѡда (когда), кѡдгод (когда бы ни было), ѡко пѡдне, пѡ подне и ѡко пладне, чѣсто, тѡдѡ, тѡдѡј, тѡдѡр, тѡдер (тогда), ѡндѡ, ѡнадѡ, ѡнадѡј, ѡнадѡр, ѡнадѣ, ѡнадѣр, нѡкад, нѡкадѡ, нѡгда (никогда), ѡпѣт, ѡдмѡх (тотчасъ), ѹвијев, ѹвѣк, ѹвик (всегда), кѡшто (иногда).

3) Кѡко, кѡкогѡд, кѡконо, тѡк, тѡко, тѡкѡ, ѡвѡкѡ, ѡнѡкѡ, свѡкѡко, свѡкојѡко, брѡво, врѡло, ведма (очень), вѣѡма (болѣе), зѡдугѡ (долго), јѡште, јѡшт, јѡш (еще), јѡко (очень), хѡтимицѣ (намѣренно), нѡвалице (старательно), сѡвише (слишкомъ), пѡлако, пѡлагѡно (понемногу), дѡбро, злѡ, гѡре и др.

4) Кѡлико, коликогѡд, мѡлко, мѡло, мѡдго, вѡше, дѡ-та, јѡданпѹт, трѡпут, јѡднѡм, трѡјнѡм, толѡкѡ, вѡчицѣ (впередъ).

5) Да, тѡко, ѡстина, дѡиста, зѡиста, јѡмачно (навѣрно), јѡдѡ, сѡмо (только), ѡсим, ѡсвем (кромѣ), тѣк (едва), бѡр, бѡрем (по крайней мѣрѣ) и др.

П р е д л о г и.

1) *Съ винит. пад.:* за (на вопросъ куда), вроз (черезъ), мећу, мимо, на, над, низ, о, по, под, пред, у, уз; напр.: за новце, за руку, кроз поље, дође мећу браћу, минух мимо двор, на главу, над извор, низ брдо, обесно хаћиву о клин, по слугу, под ноћ, погледа преда се, у кућу, уз ливаду.

2) *Съ родит. пад.:* без, близу, вѡн, ѡзѡн, више, врх, до, дѹж, за (во время, при), из, иза (пзъ-за), измећу, изнад, испод, изпред,

код, крај, ђсим (ђсвем), мимо, место, након, после, ниже, на очи, у очи, од, око, поред, побради, ради, збради, због, преко, пре, пут, с, са, сред, усред, насред, услед, у; напр.: *без мене, близу града, изван цркве, више куће, убио га врх себе, до сад, до Беча, шта је теби до тога, до града има једна кула, дуж реке, за Милоша, за живота мога, из земље, из љубави, иза планине, иза гладне године, између вас, изнад њега, испод руке, испред своје куће, код тебе, код куће, крај поља, крај мора, осим тога, место себе, мимо двора, након смрти, после буре, ниже села, у очи недеље (наканунѢ воскресенія), од Крагуевца, око кладенца, поред баште, заради Бога, ноћи ради, због зиме (по причинѢ стужи), преко мора, нут Беча (вѢ ВѢну), с неба, с вечера, са врста, сред села, услед болести, био сам у Николе.*

3) *Съ дателн. пад.:* к, ка, према, прѢтив, супрот; напр.: *к теби, к брату, љубав к матери, према врту, према ватри, према југу, проти закону.*

4) *Съ творит. пад.:* за, међу, над, под, пред, с, са (первие пять предлоговъ на вопросъ *идѣ*); напр.: *за мною, за собом, за баштом, међу братом и сестром, над кућом, нада мною, под дубом, пода мною, преда мною, пред женама, са мною, са свима, с тобом, с Богом.*

5) *Съ мѣстнымъ пад.:* на, о, по, при, у (на вопросъ *идѣ или когда*); напр.: *на трпези, на небу, о њему, о Божићу, по Божићу (послѢ Рождества), по говору, по мору, при матери, у школи, у граду.*

С о ј з њ.

1) *Соединительные:* а, и, па, пак, а оно, ипак, опет, та (же), те (и); напр.: *ја стојим, а ти седиш; недеља је за одмор и молитву; ти си чуо, па опет питаш; чини право, па се не бој никога; иди те га зовни; та помози, ако си човек.*

2) *Противительные:* а, али, ама (но), већ, нб (вѢ преж. Воен. гран.), него; не само — него и; напр.: *ја га љубим, а он се отиरे; ватра и вода добре су слуге, али зли господари; није тако, већ овако; није тако, него овако.*

3) *Раздѣлительные:* а—а, ја—ја, али—али, јали—јали, али—или, ни—ни, нити—нити; напр.: *а пре—а после; али волиш по мору пливати, али волиш на ватри горети; донеси ми једну купу вина, јали вина, јали воде хладне; ни куд мајци; ни куд у ђевере.*

4) *Сравнительные*: што—то, кѣмо ли, а кѣмо ли; напр.: што више, то боље; сила отме земљу и градове; *Камо л' мене коња отет' не ће*—Братац браца познат' не могаше, *Камо ли ће* Турчин ваурина.

5) *Изяснительные*: да где, што реци да ме нема код куће; видео си ме *иде* тужим; Цар Душан учинио је велику једну погрешку, *што* је велику своју државу поделио међу својим великашама.

6) *Причинные*: будући, јѣр, јербо (ибо), зашто, због чега, тога ради, због тога, за то; напр.: *будући* је земља наша округла, се не може на једанпут сва видети; Вукашина проклиње народ наш и данас, *јѣр* он је почео упропашћивати српску државу; још се управо не зна, *зашто* се земља тресе; вода је морска слана и горка, због чега се и не пије.

7) *Союзы цѣли*: да; казао сам му, *да* дође и *да* донесе.

8) *Временные*: докѣ, када, кад, кѣко; напр.: *докле* се може очима видети; чека докле киша престане; *имаш* ли, *кад* да ми ово начиниш; како дође, помима га нађе; како је сад лијепо вријеме; могли бисмо што радити.

9) *Условные*: ако, бѣд, бѣди, кад; напр.: ако допустите; *ако* Бог да; *Бѣд* си, море, чоу увобао, — Ти нијеси сребро увобао; *кад* си учио, ваља да знаш.

10) *Уступительные*: прѣмда, макар, ма до душе, ѡстина. Нај-после га прокушамо, *прѣмда* ја не стојим добар за следства; *макар* ни један не дошао; *ма* шта било; овај је ђак *истина* прилежан, *али* није добронраван.

11) *Заключительные*: Тѣко, дѣкѣ; напр.: тѣко ми Бога; он је своју погрешку признао, *дакѣ* је крив.

Ч а с т и ц ы.

Отрицательныя: не, ни.

Вопросительныя: а, ли, зар, па, еда да—ли; еда га нађе? Зар ти незнаш? Јеси ли ноћас спавао? Да ниси што изгубио?

М е ж д о м е т і я.

Характерныя междометія: *Бѣла ми Бѣла ти*; *Бојме*, *бѣме* (Не ћу, бѣме, моја мила мајко); *брѣ* (дај бре! камо бре), *мѣре* (при обраћеним старшаго къ младшему—Море, Марко! не ори друмови—Море,

Турци, не газ'те ораѣи!); *ле* (въ народныхъ пѣсняхъ: Паун пета војно *ле* на венчаѣе, С собом води војно *ле* пауницу); *ала* (ала би лијепо било); *дѣдѣ* (*ну*: дѣде га зовни), *дѣла* (*ну!*), *ѣла*, *ле* (вотъ), мн. ч. *лѣте*; *ѣво*, *ѣто*, *ѣно* (вотъ!); *ѣле* (Еле Турци Мачву прегазише), *хајде хајдемо*, *хајде*'те (понудительное восклицаніе: хајд' одатле (хајде да идемо)).

8. Нарѣчія и говоры сербо-хорватскаго языка.

Общія замѣчанія.

Въ діалектологическомъ отношеніи изученіе сербо-хорватскаго языка еще далеко отъ полноты. Выше (стр. 210—215) указанъ рядъ хорошихъ работъ и наблюденій надъ сербо-хорватскими нарѣчіями и говорами (Даничича, Будмана, Л. Зимы, Строгала, Лескина, Милчича, Неманича, Мазинга, Решетара), и перечислены въ значительномъ количествѣ сборники произведеній народной словесности, изъ которыхъ многіе (впрочемъ не всегда точно) воспроизводятъ особенности мѣстныхъ говоровъ; тѣмъ не менѣе дальнѣйшія разысканія и наблюденія въ этой области не только желательны, но и необходимы. Безъ нихъ не возможна ни сколько-нибудь научная классификація говоровъ, которой до сихъ поръ нѣтъ, ни близкое къ истинѣ рѣшеніе трудныхъ и спорныхъ вопросовъ какъ о смѣшанныхъ или переходныхъ говорахъ, такъ о происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ главныхъ нарѣчій сербо-хорватскаго языка.

Обыкновенно (уже съ давнихъ поръ) принимаютъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ три главныхъ нарѣчія: *штокавщину*, *чакавщину* и *кайкавщину*. Современное состояніе сербо-хорватской діалектологіи не даетъ основаній для того, чтобы существенно измѣнить это дѣленіе. Правда относительно кайкавщины не всѣ ученые держатся одного мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ (во главѣ ихъ Миклошичъ) причисляютъ это нарѣчіе къ словинскому языку; но едва ли такое мнѣніе можно признать безусловно правильнымъ: кайкавщина несомнѣнно представляетъ значительное число особенностей свойственныхъ словинскому языку, но все же въ фонетическомъ, морфологическомъ синтаксическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ близко роднится съ чакавщиной и штокавщиной. Это смѣшанное или переходное нарѣчіе

удобнѣе отнести къ сербо-хорватскому языку и потому, что народъ, говорящій имъ, въ этнологическомъ и историческомъ отношеніи тѣсно связанъ съ западною, Хорватскою, вѣтвью племени. По однороднымъ соображеніямъ къ этимъ тремъ нарѣчіямъ можно присоединить другое спорное нарѣчіе, — смѣшанное сербо-болгарское, наблюдаемое въ восточной части Сербскаго Королевства и въ т. н. Старой Сербіи: въ звуковомъ и словарномъ отношеніи оно напоминаетъ штокавщину, а въ формальномъ—ближе подходит къ болгарскому. Въ каждомъ изъ указанныхъ нарѣчій существуютъ свои частные говоры.

Названія нарѣчій — *штокавщина*, *чакавщина*, *кайкавщина*—заимствованы отъ различнаго выговора въ каждомъ изъ нихъ вопросительнаго мѣстоимѣнія *что*, которое въ одномъ нарѣчій звучитъ *што* (шта), въ другомъ — *ча*, въ третьемъ — *кај*. Черта, эта, однако не имѣетъ значенія безусловной характерности, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, представляющихъ всѣ особенности чакавскаго нарѣчія, вм. *ча* иногда слышно *што* или *кај*; наоборотъ, существуютъ штокавскіе говоры, въ которыхъ рядомъ со *што* употребительны *ча* и *кај*. Каждое изъ нарѣчій характеризуется совокупностью другихъ болѣе существенныхъ признаковъ.

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ нарѣчій выказывались различные взгляды. Обыкновенно считаютъ кайкавщину и чакавщину хорватскими нарѣчіями, а штокавщину сербскимъ. Но такое возрѣніе въ настоящее время не выдерживаетъ критики. Правда, современные кайкавцы и чакавцы живутъ исключительно на территоріи стараго Хорватскаго государства и называютъ себя Хорватами, за то штокавщина господствуетъ не только въ старыхъ сербскихъ земляхъ, но и на западѣ среди Хорватовъ, а потому и не можетъ быть принимаема за исключительно сербское нарѣчіе. Миклошичъ, отождествляя чакавщину съ хорватскимъ нарѣчіемъ, рассматривалъ послѣднее какъ особый самостоятельный языкъ, отличный отъ сербскаго, и не допускалъ введенной Даничичемъ и усвоенной теперь другими филологами формулы „сербскій или хорватскій языкъ“, „хорватскій или сербскій языкъ“. Ягичъ же, считая не правильнымъ такое отождествленіе хорватскаго нарѣчія съ чакавскимъ, признаетъ единство сербо-хорватскаго языка: штокавщина и чакавщина представляютъ собой не столько разновидности одного языка, сколько различныя состоянія его въ разныя эпохи, именно—чакавщина древнее состояніе, штокавщина болѣе новое. Дѣйствительно

работы самого г. Ягича и Даничича надъ исторіей сербо-хорватскаго языка вполне подтвердили взаимную близость обоихъ нарѣчій въ древности. Различіе между ними сводилось къ немногочисленнымъ звуковымъ особенностямъ; въ формахъ они совпадали. Съ XV ст., а особенно въ XVI и XVII штокавщина стала все болѣе удаляться отъ старины и приобрѣтаетъ новыя особенности и въ настоящее время уже значительно отличается отъ чакавщины. Считаая послѣдній взглядъ наиболѣе правильнымъ, нельзя, однако, не отнести зарожденіе диалектическихъ различій въ сербо-хорватскомъ языкѣ къ самой ранней порѣ исторической жизни народа; выше было указано (стр. 232), что уже древнѣйшіе памятники отражаютъ на себѣ вліяніе различныхъ народныхъ говоровъ. Къ сожалѣнію нѣтъ такихъ древнихъ указаній для кайкавщины. Вопросъ о происхожденіи этого нарѣчія доселѣ остается мало-разработаннымъ.

Въ старину (XV—XVI в.) указанныя три нарѣчія распредѣлялись на сербо-хорватской территоріи болѣе равномерно, чѣмъ теперь. Чакавщина раздавалась на значительномъ протяженіи дальше на востокъ; но съ теченіемъ времени возобладала штокавщина, которая сильно стѣснила два другихъ нарѣчія и въ качествѣ языка школы, литературы и образованности получила господствующее положеніе во всѣхъ частяхъ сербо-хорватской земли. Въ настоящее время территорія каждаго нарѣчія можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ.

1) *Чакавщина* слышна въ Истріи, т. е. Хорватскомъ Приморьѣ, на кварнерскихъ и далматинскихъ островахъ на югъ до о. Лагосты; на материкѣ Далмаціи это нарѣчіе (и то не въ чистомъ видѣ) сохраняется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на морскомъ берегу, на сѣверъ отъ р. Цетины. Но и въ предѣлахъ этой незначительной территоріи чакавщина не исключительно господствуетъ: въ Истріи и Приморьѣ рядомъ съ ней слышна кайкавщина, а на островахъ можно наблюдать и штокавщину. Точное опредѣленіе границъ чакавщины еще не сдѣлано; но старательная попытка ближе выяснитъ ихъ представлена въ прекрасной работѣ г. Решетара (*Archiv. f. Slav. Phil.*, XIII). Трудность этой задачи обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что границы этого нарѣчія постоянно мѣняются. Изъ древнихъ памятниковъ сербо-хорватскаго языка мы знаемъ, что въ XV—XVI вв. чакавщина господствовала въ большей части Истріи, западной Босніи и во всей Далмаціи до Котора. До послѣдняго времени думали, что

и въ Дубровникѣ прежде раздавалась чакавская рѣчь, но въ новѣйшее время Dr. Решетаръ (Archiv. f. Sl. Ph., XIII, 361—385) сильно поколебалъ это мнѣніе, собравъ цѣлый рядъ любопытныхъ доказательствъ въ пользу того, что этотъ городъ, служившій центромъ литературной дѣятельности Сербо-Хорватовъ, издавна находился въ области штокавщины. Тѣмъ не менѣе вопросъ о старомъ Дубровницкомъ нарѣчій остается не рѣшеннымъ (ср. замѣчанія Ягича на изслѣдованія г. Решетара въ томъ же томѣ Arch. f. Sl. Ph.). Любопытно, что современный дубровницкій говоръ, который причисляютъ къ штокавскимъ, представляетъ нѣкоторыя характерныя особенности, истолковываемыя изслѣдователями въ смыслѣ чакавизмовъ (ср. Kušar, Čakavske osobine u današnjem dubrovačkom dijalektu—Program Gimnaz. u Dubrovniku, 1889). Съ теченіемъ времени чакавщина была постепенно вытѣснена изъ Далмаціи и западной Босны болѣе юнымъ и сильнымъ нарѣчіемъ штокавщиной, успѣхъ которой обусловленъ былъ столько же процессомъ новыхъ измѣненій въ языкѣ, сколько массовымъ передвиженіемъ штокавцевъ съ востока на западъ. Постепенное стѣсненіе чакавщины продолжается и въ настоящихъ ея предѣлахъ. Штокавщина, завоевавъ себѣ значеніе органа литературы и образованности, получила доступъ въ школу и на церковную кафедру, и быстро распространяется въ чисто-чакавской области. Чакавщина не оказываетъ уже сопротивленія сильному сопернику и съ каждымъ днемъ все болѣе уступаетъ ему свою почву; она быстро забывается населеніемъ и, по мнѣнію современныхъ наблюдателей, близка къ полному вымиранію. Любопытно, что чакавщина ослабляется и съ другой стороны, со стороны кайкавщины. Нарѣчіе это тоже вынуждено уступать дорогу штокавщинѣ, но оно не въ такой степени податливо, какъ чакавщина и потому, все еще отстаивая свою территорію, успѣваетъ распространяться и усиливаться на счетъ чакавщины въ Истрии и сѣверной части хорватскаго Приморья.

Въ старину чакавщина играла весьма видную роль въ умственной жизни сербо-хорватскаго народа. На этомъ нарѣчій написаны дошедшія до насъ многочисленныя грамоты, законодательныя памятники и литературныя произведенія, происходящія изъ Хорватіи и Далмаціи. Въ Далматинской литературѣ XV—XVI в. чакавщинѣ принадлежитъ почетное мѣсто (ср. выше стр. 230—235).

Изъ чакавскихъ говоровъ въ настоящее время извѣстны—*Ринскій* (ов. Рѣки — Фіуме), *Статиоскій* (м. Стативе близъ Карловца, Кра-

сицкій (въ Приморьѣ), *Керкскій* (на о. Керкъ), *Уро-чакавскій* (въ жуп. Шопронской, Мошоньской и Желѣзной).

2) *Кайкавщина*—служить говоромъ славянскаго населенія, обитающаго въ т. н. Провинціальной Хорватіи т. е. въ жупаніяхъ Вараждинской, Загребской (приблизительно до Купы) и Крижевацкой, затѣмъ въ Между-Мурьѣ, въ части угорскихъ комитатовъ (по р. Дравѣ)—Саладскаго, Шомодскаго и Крижевскаго, и въ сѣверной части Истріи и Приморья. Акад. Ягичъ въ 60-хъ годахъ (*Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga*) опредѣлялъ границы кайкавщины относительно штокавщины (на западѣ) и чакавщины (на югѣ) такимъ образомъ: по чертѣ отъ Дравы у Питомача, чрезъ Вировитицу, Беловаръ и Цирквену, по Капелѣ до Лупоглавы, оттуда чрезъ Иваничъ, Мославину до Лони и Ясеновца на Савѣ, далѣе Савою до Петрини и Купою до Карловца; отсюда на сѣверо-западъ чрезъ Драганичъ, Крашичъ, Ястребарско, и захватывая Жумберахъ, черта у Драмы переходитъ въ Краину. Относительно западной границы кайкавщины болѣе новыхъ свѣдѣній не имѣется; что же касается южной, то она по свидѣтельству Решетара, за послѣдніа тридцать лѣтъ еще дальше вдвинулась въ предѣлы чакавскаго нарѣчія. Къ кайкавскимъ Хорватамъ причисляютъ также небольшую этнографическую группу и бѣлыхъ Краинцевъ живущихъ въ Краинѣ. Общее число кайкавцевъ приблизительно доходитъ до 800,000 и несомнѣнно превышаетъ общее число чакавцевъ, цифру которыхъ, впрочемъ, трудно опредѣлить.

По мнѣнію Ягича, кайкавщина произошла вслѣдствіе смѣшенія языка Хорватовъ (т. е. западной вѣтви сербо-хорватскаго племени), расселившихся въ VII в. въ горныхъ странахъ между Дравой и Савой, съ языкомъ Словенцевъ, уже раньше занявшихъ тѣ же страны (*Historija književn.*).

Въ письменности кайкавское нар. выступаетъ только въ XVI ст., съ появленіемъ у Хорватовъ реформациі. Древнѣйшая сохранившаяся книга на этомъ нарѣчіи—переводъ „Угорскаго законника“, сдѣланный Пергопичемъ ¹⁾ въ 1574 г. Оживленіе кайкавской литературы начи-

¹⁾ *Decretum, koteroga ie Verbewczí Istvan Diachki popisazal, a poterdil gha ie Laslou, koterie za Mathiassem Kral bil, ze vase ghospode i plemenitih hotieniem, koteri pod Wugherske corune ladanie sslisze od Ivanussa Pergossicha na slovienski iezik obernien, stampan v Nedelischu (po Rudolfu Hofhalter) leto nassegha zvelichenia, 1574.*

нается съ конца XVII в. (банъ *Петръ Зринскій* и его поэма *Adrianszkoга Мора Сирена*, *Габдемичъ*, духовный писатель и филологъ, *Витезовичъ* съ его „Хроникой“, и поэмами „*Oddiljenje Sigetsko*“, и „*Rodosudje*“, изъ которыхъ послѣдняя посвящена прославленію Петра Великаго „сѣвернаго властелина“); а новѣйшее развитіе ея падаетъ на конецъ XVII и начало XVIII ст.—эпоху борьбы съ мадьярами и національнаго возрожденія. Къ этой порѣ относится литературная дѣятельность *Т. Миклушича* и *Я. Лавренчича*, писавшихъ самую чистую „классической“ кайкавщиной. Съ тридцатыхъ годовъ („иллирское движеніе“) подъ вліяніемъ идей Людевита Гая и его кружка, кайкавскіе писатели отказались отъ мѣстнаго нарѣчія и обратились къ общему сербо-хорватскому литературному языку, господствующему у нихъ и по нынѣ въ школахъ, администраціи, литературѣ и среди образованныхъ классовъ. Съ того времени на кайкавскомъ нар. лишь изрѣдка появляются книги для простаго народа.

Изъ говоровъ кайкавскихъ наиболѣе извѣстны: *Вараждинскій* (сборн. Вальявца) и *Вербовештій* (сборникъ Плом. Гердвигова).

3) *Штокавица* какъ народная рѣчь слышна на всемъ протяженіи сербо-хорватской территоріи за исключеніемъ тѣхъ ея частей, въ которыхъ раздаются чакавица и кайкавица. Такимъ образомъ штокавскимъ нарѣчіемъ говорятъ во всей Сербіи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногоріи, Дубровникѣ, Которѣ, Далмаціи, Хорватіи, Славоніи, бывшей Военной границѣ, Сремѣ, Бачкѣ, Банатѣ и за Дунаемъ до самаго Пешта. Сверхъ того, такъ какъ штокавица въ настоящее время есть вмѣстѣ съ тѣмъ и литературный языкъ сербо-хорватскаго народа, то она широко распространена и на территоріи собственно—чакавской и кайкавской. Исторической судьбы этого нарѣчія мы уже касались выше (стр. 233—240). Одной изъ главныхъ причинъ (въ ряду многихъ другихъ) широкаго распространенія и возвышенія штокавицы надъ прочими нарѣчіями нужно признать свойство самаго нарѣчія. „Штокавица, по словамъ Ягича, самый благозвучный славянскій языкъ, который своею легкостью и богатствомъ гласныхъ превосходитъ или, по крайней мѣрѣ, счастливо поспорить съ языкомъ итальянскимъ, потому что кромѣ своей нѣжности, онъ является быстрымъ и стремительнымъ, гдѣ то оказывается нужнымъ“ (*Slovník. naučny, st. Jihoslovane; IV, 304*). Самый чистый языкъ слышится въ Боснѣ и Герцеговинѣ, но по селамъ, а не въ городахъ, гдѣ уже много примѣшивается словъ

турецкихъ. Въ тѣхъ областяхъ штокавщины, которыя уже издавна входятъ въ составъ Австро-Угріи въ народномъ языкѣ (особенно въ городахъ) слышится примѣсь нѣмецкихъ словъ а частью (на югѣ, въ Далмаціи, Истріи) итальянскихъ.

Въ штокавщинѣ можно различить три главныхъ говора: 1) южный (или Герцеговинскій); 2) восточный (Сремскій, Ресавскій, Косовопольскій) и 4) западный. Отличаются они между собою главнѣйше своеобразнымъ выговоромъ др. њ. Изъ частныхъ подрѣчій наиболѣе извѣстно—Дубровницкое и Черногорское.

Если въ основаніе сербо-хорватской діалектологіи поставить такой характерный признакъ, какъ произношеніе старо-слав. њ, то всѣ нарѣчія и говоры можно раздѣлить на четыре группы: екавщину, ијекавщину (јекавщину), иявщину и ѣкавщину (ср. выше стр. 249—251).

4) *Сверлимское*¹⁾ или, точнѣе, переходное *сербо-болгарское* нарѣчіе слышится въ пограничныхъ восточныхъ округахъ Сербскаго королевства (по Тимоку) и кое-гдѣ въ предѣлахъ Старой Сербіи. Какъ о самомъ нарѣчій, такъ его распространеніи пока имѣются очень скудныя и не всегда достовѣрныя свѣдѣнія. Горячій споръ, происходящій въ настоящее время между Сербами и Болгарами за этнографическія границы обѣихъ народностей, въ сожалѣнію не сопровождается научнымъ изслѣдованіемъ спорныхъ краевъ, а только плодитъ тенденціозную полемическую литературу, лишь затемняющую вопросъ. Главнымъ источникомъ для ознакомленія съ этимъ нарѣчіемъ пока служатъ замѣтки и пѣсни въ извѣстныхъ книгахъ *Милевича* (Кнежевина Србија 1876) и *Кралевина* Србија 1880) и въ сборникѣ *Ястребова* (Обычай и пѣсни Турецкихъ Сербовъ въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ, 2-е изд. 1889). Въ видѣ общаго замѣчанія можно указать, что въ звуковомъ и словарномъ отношеніи это переходное нарѣчіе довольно близко къ штокавщинѣ; съ болгарскимъ языкомъ его роднитъ потеря многихъ формъ, особенно въ склоненіи.

Характерныя особенности чакавщины.

Iv. Kukuljevića Sakcinskoga, Pěsme. S dodatkom narodnih pèsamah puka hàrvatskoga. U Zagrebu, 1847;—Mikuličić Fr., Narodne

¹⁾ Новое названіе, заимствованное отъ м. *Сверлима*, близъ Алексинца, гдѣ особенно выступаютъ признаки этого нарѣчія.

pripovietke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. U Kraljevici, 1876;—Kurelac Fr., Jačke ili narodne pjesme puka hrvatskoga po župah šopronske, mošonske i železnoj na Ugrih. Zagreb, 1871;—Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri i na Kvarnerskih otocih. U Trstu, 1880;—Kuharč, Južno-slovenske narodne popievke. U Zagrebu, 1878—1881; Strohal R., Narodne pripoviedke. iz sela Stativa. Na Rieci, 1886;—Его же, Osebine današnjega stativskoga narečja. Zagreb. Karlovac., I—IV, 1887—1891 (Izvjješće Kr. više realne gimnazije u Rakovcu, 1887—1891);—Его же, Osebine današnjega riečkoga narječja. U Zagrebu, 1883 (Izvjješće Kr. vel. gimnaz. na Rieci koncem školske godine, 1882—83). Ср. рец. Облака въ Arch. f. Slav. Phil., XI, 594;—В. Караџић. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. У Бечу, 1849;—Даничић, Разлике између језика српскога и хрватскога (Гласник, IX);—Horvatić, Eigen-thümlichkeiten des čakavischen dialektes. Agram, 1859 (Program des Gymnaziums zu Karlstadt);—Zima L., Nekoje većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine. U Zagrebu, 1887;—Leskien A., Ueber den Dialekt der „Narodne pripovietke iz hrvatskoga Primorja“ gesammelt von Fr. Mikuličić, 1880 (Arch. f. Slav. Phil., V, 181);—Его же, Zur Kroatischen Dialektologie Dalmatiens (Sitzungsberichte des Kön. Sächs. Ges. d. Wissensch., 1888);—Milčetić, Das silbenbildende und silbenschiessende I im Kroat. čadialekte (Archiv, XI);—Rešetar M., Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen, 1891 (Archiv, XIII);—Nemančić, Čakavisch-Kroatische Studien. Wien, 1883—1884 (Sitzungsberichte d. k. k. Akademie d. Wissenschaften).

Описывая въ предшествующемъ изложеніи господствующее сербо-хорватское нарѣчіе т. е. штокавщину, мы отмѣчали въ соответственныхъ мѣстахъ важнѣйшія уклоненія отъ этого нарѣчія другихъ провинціальныхъ нарѣчій и говоромъ и преимущественно чакавщины. Здѣсь намъ предстоитъ сгруппировать эти чакавскія особенности, прибавивъ къ тому, что было указано раньше, нѣсколько частныхъ. Предварительно нужно замѣтить, что точная, строго-научная характеристика чакавщины представляетъ большія трудности и будетъ возможна только въ будущемъ, послѣ подробнаго изученія частныхъ сербо-хорватскихъ говоромъ, какъ это и признаетъ новѣйшій изслѣдователь чакавщины Дг. Решетаръ. Главная трудность состоитъ въ существованіи тѣсной исторической связи между обоими нарѣчіями, мѣшающей строгому ихъ разграниченію. Въ старое время, приблизительно до XVI в., чакавщина, какъ уже было указано выше, мало чѣмъ отличалась отъ штокавщины; различіе между ними, сводилось, если не считать ударенія, къ немногочисленнымъ звуковымъ примѣтамъ, выдѣлитель которыя, впрочемъ, также не совсѣмъ легко. Съ теченіемъ времени, когда восточное нарѣчіе или штокавщина въ сво-

емъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи подверглось существеннымъ превращеніямъ и измѣненіямъ въ звукахъ и формахъ, несходство между чакавщиной и штокавщиной значительно увеличилось и теперь выражается въ цѣломъ рядѣ характерныхъ примѣтъ. При внимательномъ разборѣ этихъ примѣтъ общее впечатленіе получается такое, какъ будто чакавщина представляетъ древнѣйшее состояніе языка, а штокавщина новѣйшую его формацію. При такой тѣсной связи обоихъ нарѣчій въ прошломъ, вполне понятно что черты, характеризующія древнее состояніе языка, не исчезли окончательно въ штокавщинѣ и что въ частныхъ говорахъ этого нарѣчія спорадически сохранились такіе остатки старины, которые въ полномъ видѣ и послѣдовательно представлены въ чакавщинѣ. Отсюда слѣдуетъ, что сообщаемыя ниже особенности чакavsкаго нарѣчія имѣютъ условное значеніе: онѣ служатъ для характеристики чакавщины только во всей ихъ совокупности; въ частностяхъ же большинство ихъ можетъ встрѣтаться тамъ и сямъ въ мѣстныхъ штокавскихъ говорахъ. Т. н. чакавизмы въ штокавщинѣ не составляютъ особенно рѣдкаго явленія.

Къ наиболѣе типическимъ особенностямъ чакавщины (по сравненію съ современной штокавщиной) нужно отнести слѣдующія:

1) *J* (= *dj*) вм. шток. *ĭ*: *meja*, *meju*, *gojen*, *govroja*, *jij* (наждь), *preja*; *mlaji*. Ср. 268, 269 стр.

2) *Šć* (= *skj*, *stj*) вм. шток. *шт* и *žj* (= *sgj*) вм. шток. *жд*: *tašć*, *ognišće*, *zvižgati*, *pušćen*, *kršćenje*. Ср. 272 стр.

3) *A* вм. старо-слав. *л* послѣ *j*-и мягкихъ согласныхъ: *prijati*, *jazik*, *ročati*, *žatva*. Въ штокавщинѣ въ этихъ случаяхъ *e*, за исключеніемъ глаг. *jati* и сложныхъ съ нимъ, которые употребительны съ *a* и въ штокавскихъ говорахъ. Ср. 248 стр.

4) *L*, заканчивающее слогъ, или удерживается (т. е. не переходитъ въ *o*, какъ въ штокавщинѣ) или исчезаетъ: *kovał*, *rekał*, *misal*, *voł*, *veseł*; *bađa*, *uše*, *rusti*, *vide*, *bi*, *čuvá* (Омишаль), *plé*, *reko*, *pròda*, *šó* (Добринь). Ср. выше стр. 254 и Arch. f. Slav. Phil., XI, 367.

5) Гласный *l* (на Керкѣ и другихъ далмат. островахъ): *vlna*, *plk*, *pln*. Ср. стр. 258, примѣч. 4.

6) Вторичныя (недревнія) сочетанія согласныхъ съ *j* (*bj*, *pj*, *vj*, *mj*, *dj*, *tj*, *lj*, *nj*) иногда остаются безъ измѣненія, т. е. *j* не сливаются съ согласнымъ въ особый мягкій звукъ: *veselje*, *kamenje*, *krvuju*, *ljubavju*. Ср. 267—270 стр.

7) *N* вм. *m*, оканчивающаго слогъ: *bin*, *tekon*, *tõbun*, *sõbun*, *pašen* (м. п.), *slåben* (тв. п.), *kmeton* (дат. п. мн. ч.), *pismdn* (тв. п. ед. ч.), *gibun* (тв. п. ед. ч.), *giban* (дат. п. мн. ч.).

8) Вм. старо-слав. *sz*, *szz*, чаще *sa*, *s*, *vaz*, *sz* чѣмъ *y*, *uz*, преимущественно свойственные штокавщинѣ — *va dne*, *va ime*, *vazeti*, *vlaziti*, *vzmaživati*. Ср. 256—257 стр.

9) Вопрос. мѣстоименіе ср. р. — *ča*.

10) Употребленіе для притяжательныхъ мѣстоименій стяженныхъ формъ во всѣхъ падежахъ, а не только въ род., дат. и мѣстн. ед. ч. муж. и средн. р., какъ въ штокавщинѣ: *ma*, *tve* и т. д.; равнымъ образомъ вм. *koji*, *koje*, *koja* обыкновенно употребляются стяженные формы: *ki*, *ko*, *ka*. Ср. 307 стр.

11) Сохраненіе въ склоненіи многихъ древнихъ падежныхъ окончаній, утраченныхъ современною штокавщиной; именно мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р., твор. п. ед. ч. ж. р., род., дат., твор. и мѣстн. пп. мн. ч. всѣхъ родовъ: *časi*, *sunci*, *vodum*, *ženun*; волю; *otac*, *žen*, *zemalj*, *gobom*, *gobi*, *gobich*, *zenam*, (*ženam*), *ženami*, *ženah*, *dobrim*, *dobrimi*, *dobrich*. Ср. 287—293, 309 стр.

12) Употребленіе (рядомъ съ обыкновенной) особой формы аориста отъ *biti* для выраженія условнаго накл.: *bim* (*bin*), *biš* (*bi*), *bimo*, *bite* (*bi*): *da bin vode pila*, *da biš dabil caru carevinu*, *da bimo mi prošli* (нар. вѣсни Истрійск. чакавцевъ).

13) Своеобразное удареніе, рѣзко отличающееся отъ штокавскаго. Ср. 282 стр.

Сверхъ этихъ главныхъ особенностей и многихъ второстепенныхъ чакавщина представляетъ не мало любопытныхъ словъ и выраженій.

Нѣкоторыя частности выступаютъ въ отдѣльныхъ говорахъ. Отмѣтимъ важнѣйшіе изъ нихъ.

Рѣцкій говоръ (въ Рѣкѣ (Fiume) и ея окрестностяхъ).

1) Вм. старо-слав. *ъ* въ корняхъ и окончаніяхъ слышны *e* и *i*, при чемъ первый звукъ чаще втораго; напр.: *sele*, *stole* (мѣстн. п. ед. ч.), *mane*, *tebe*, *sobe* (дат. и мѣстн. п.), *seleh*, *stoleh* (мѣстн. п. множ. ч.), *ten* (твор. ед. дат. мн. ч.), *temi*; *venac*, *delo*, *leto*, *seno*, *meta*—но и *stolih*, *selih*, *dite*, *vřime*, *sneg* и *snig*, *mleko* и *mliko*.

2) *E* вм. *o*: *tega, temu, ten; kega, kemu, ken, dobrega, dobremu, dobren.*

3) *I* вм. *o*: *kuliko, tuliko, nekuliko, pul, duhtor, derehtur*; въ падежн. оконч.: *dobrun zenun* (твор. п. ед. ч.), *stolun* (тв. п. ед. и дат. множ.), *konjun.*

4) Вм. *g* и *k* иногда слышно *h*: *boh, nah, hci.*

5) Гортанные не переходятъ въ свистящiе передъ узкими гласными окончаний *e* (*ь*), *i*: *pođe, ruke, mihe* (дат. и мѣстн. п. ед. ч.), *gogi, gaki, soveki* (*cloveki*), *grehci* (имен. п. мн. ч.), *gogih, gogi* и *gogimi* (твор. п. мн. ч.). Только въ повелит. накл. смягченiе необходимо: *romosi, geci.* Передъ *e* въ зват. п. и у основъ настоящаго вр. гортанные переходятъ не въ шипящiе, а свистящiе: *boše, sovese, duše, vžeš, rešen* (1 л. наст. вр. и прич. прош. страд.).

6) Вм. *g* иногда *r*: *moren, moreš, moremo* и т. д. (могу, можеш и т. д.), *porenen* (отъ *rognati*), *piđer, nikakor, kemur.*

7) Шипящiе *č, ž, š* вообще не слышны; вм. нихъ *s, z, s*; *sovek, каза, са, сеса.* Такъ и ок. Сеньи (*Zeng*): *zalostna ziva, zuti, veser, dušo, setala* (Кукул. пѣсни чакавск.). Исключенiе составляютъ немногiя слова какъ *žir* и *rožica* (всякiй цвѣтокъ).

8) Вм. конечнаго *m* почти всегда *n*: *zenan, gepan, kostin, pleten, hodin, pitan* (1 л. ед. ч.).

9) Губные *b, p, v, m* соединяясь съ *j* обходятся безъ *l*: *grobje, drečje, zemja, lerji, kupjen, bjuvat, pjuvat.*

10) Вм. *lj* слышится *j*: *roje* (поле), *voja* (волжа), *mišjun* (мышью), *boji, mejen* (мѣзем), *zakojen* (штокъ. завозем), *meji, koji* (пов. н.), *judi, jubav.*

11) Твор. п. ед. ч. ж. р. для всѣхъ основъ на *on, un*: *zenon, zenun, vojon, vojun, koston, kostun, kostjun, čeron, čerun, materon, materun.*

12) Вслѣдствiе указанныхъ звуковыхъ особенностей нѣкоторые окончанiя въ склоненiи и спряженiи получаютъ особый видъ; напр.: дат. п. мн. ч.: *konjen* или *konjin, materan*; или въ наст. время *pleten, pletes* и т. п.

13) Прошедшiя простыя (преходящее и аористъ) не встрѣчаются.

14) Неопредѣленное наклоненiе оканчивается на *t*: *umet, poginut, zvat.*

Красицкій говоръ (въ Приморьѣ).

1) Вм. старо-слав. *ъ* то *е*, то *і*, но тотъ или другой гласный въ строго опредѣленныхъ словахъ и формахъ; напр.: въ падежныхъ окончаніяхъ, глаг. на *ъ*-ти, въ сравнит. ст. только *е*: *žene*, *prsteh*, *teh*, *umret*, *trpet* во многихъ корняхъ: *beseda*, *breme*, *breg*, *bel*, *deva*, *delo*, *deca*, *greh*, *koleno*, *let*, *medved*, *mesto*, *mleko*, *oreh*, *pena*, *peteh*, *slep*, *telo*, *treba* и др. Напротивъ *і* рѣже и только въ корняхъ: *po-bić*, *bižat*, *čovik*, *dīvica*, *jist*, *jīlo*, *lip*, *nisan* (нѣсмь), *sikira*, *srića*, *svit*, *vtime*, *zvirje* и др. (ср. Archiv f. Sl. Ph., V, 182).

2) Вм. *л* (послѣ *ј* и небныхъ) обыкновенно *е*, а не *а*; послѣдній какъ исключеніе въ двухъ словахъ: *zajik* (= *jazik*) и *jačmik*.

3) Группа *čk* звучитъ *šk*: *ručak*—*ruškon* (твор. п. ед. ч.), *doškala* (*dočkala*), *kaška* (*kačka*).

4) *Ѹ* передъ *и* послѣ согласныхъ выпадаетъ: *suda* (= *svuda*), *suče* (*svuče*), *sukal* также во всѣхъ формахъ отъ *vas*, начинающихся съ *vs*: *sega*; равнымъ образомъ въ *čega*, *šenas*; въ предлогѣ *v*: *gre školu*.

5) Вм. *dj*—слышенъ *ј* лишь въ тѣхъ случаяхъ гдѣ *dj*—первичное: на *rijen konju*, *tvrtji vijen*.

6) Старо-слав. предлоги *изъ*, *възъ*, *въ* вслѣдствіе исчезновенія *і*, *v* звучатъ одинаково какъ *z* или *s* (*ž*, *š*); вмѣстѣ съ тѣмъ они совпадаютъ съ *съ*: *z* *мога*, *z* *zoiđe* *z* *vodi*, *zet* (*vzet*) *z* *glavun*, *š* *njun*.

7) Им. и вин. пп. мн. ч. основ. м. р. на *о*—оканчивается на *і*; при чемъ гортанные не смягчаются: *sini*, *vuki*, *vragi*. Гортанные не измѣняются и передъ *eh* въ мѣств. п. мн. ч.: *stogeh*.

8) Твор. п. мн. ч. иногда имѣетъ оконч. *і*: *vlasī*, *lancī*.

9) Родит. п. множ. ч. не имѣетъ окончанія или оканчивается на *і*: *brat*, *oreh*, *ust*, *pedar*. Окон. *і*, свойственное словамъ муж. р., обыкновенно имѣетъ значеніе родительнаго раздѣлительнаго: *devet meseci*, *sto forinti* и т. д.

10) Основы на *а* и *ја* имѣютъ род. ед. и вин. мн. на *і*, а дат. на *е*: *ženī*, *duši*; *žene duše*; но слова на *іса*, *іна* имѣютъ въ род. ед. и вин. мн. *е*: *dīvica*, *šenice*, *gradine*.

Стативскій говоръ (въ окрестностяхъ Карловца (Karlstadt)).

Стативскій говоръ очень близокъ къ Красицкому и подобно ему представляетъ нѣкоторыя особенности, свойственныя кавказскому нарѣчію.

1) Вм. старо-сл. глухихъ не только *a* но и *e*: *meč, čest, steblo* (ср. *кайк.*).

2) Вм. ъ обыкн. *i*, но иногда и *e*: *zakonih, nebesih, sih, simi* (всѣхъ, всѣми), *čovik, grihota, ogime, razumim; delat se, venčat se telo.*

3) Конечное *m* не переходитъ въ *n*: *zakonom, ženom, ženum, ženat, idem, dignem, budem (bum).*

4) Гортанные не переходятъ въ свистящія передъ *i* падежныхъ окончаній: *vragi, vragih, kogaki, slugi* (дат. ед.).

5) *Dj* не всегда переходитъ въ *j*: *mladji, vidjen.*

6) Вопрос. мѣст. *kaj* (вм. *ča*); въ сложныхъ *što: niš, poništo.*

7) 3 л. мн. ч. наст. вр. кромѣ обыкновеннаго окончанія принимаетъ болѣе длинное *eju*: *pleteju, grebeju, umgeju, digneju, plačeju*; но и *pleti, grebi* и т. д.

8) Существ. глаг. *budem* употребляется въ сокращенной формѣ: *bum, buš, bu bumo, bute, budu.*

Характерныя особенности Кайкавщины.

Kukuljević-Sakcinski, *Pesme. S dodatkom narodnih pėsamah puka hãrvatskoga. U Zagrebu, 1847 (Pesme Kajkavske — 186 — 256); — Valjavec, Narodne pripoviedke skupio u i oko Varaždina M. V. U Varaždinu, 1858. 2-e изд. U Zagrebu, 1890; — Plol Gerdvigov, Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke u Vrbovcu; — Glasnik slovenski. List za literaturo in umetnost. Izd. A. Janežić, I—VIII. U Celovcu, 1858—1862; — L. Zima, Nekoje većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine. U Zagrebu, 1887; — V. Jagić, Jihoslavane. Slovník naučný v Praze, 1865, IV, 303.*

1) Вм. старо-сл. глухихъ — *e*: *zdehne, dober, otec, sedem, odebrati, jesem.*

2) Старо-славянскому *ж* соответствуетъ *ô*, т. е. неясное *o*: *gôka, môder, obrnôti, priminola, pervipot.* Тоже и въ словинскомъ языкѣ. Старо-сл. *л*, какъ и въ двухъ другихъ нарѣчійхъ соответствуетъ *e*: *pet, hvale.*

3) Старо-сл. ъ соответствуетъ узкое *ê*: *vêra, dëvojka.* Ср. выше 250 стр.

4) Гласный *l* переходитъ въ *o*: *stop, sonce, vok, dogs, soze.* Согласный *l* на концѣ слоговъ сохраняется: *misel, dal, bil, pekel.*

5) Вм. *o* нерѣдко *u*: *kuilik, tulik, smiluvati se, veruvata ženim.*

6) Старо-слав. предл. *въ, съ* соответствуютъ *vu, v, vx, z, ze*: *vdova, virok, vseti, zdignôti, sezove.*

7) *Dj = j, tj = č*: *meja, rojen, poč, svěća, pišeci*. Ср. словин. яз.
8) Группы *skj, stj = šč*: *išćem, plašč*. Въ штокавщинѣ *шт*, въ чакавщинѣ — *šć* (*шћ*).

9) Одно *l* среднее: *prijatelj, pole, kral*.

10) Группы *bj, pj, vj, tj* не принимаютъ *l*: *grmje, sporje, v zelenim bogovju, v zelenim bukovju* (Кукул. нар. пѣсни).

11) Вм. шток. и чак. *сr — čr*: *črn, črv, črevo, črer*.

12) Предлогъ *сz* звучить *z*: *z volom, zebрати, z шепом (sa шпом)*.

13) Сравн. степень на — *ši*: *veksi, mlajši*.

14) Двойственное число встрѣчается, но очень рѣдко (ср. Миклошича, Сравн. морфол., р. п., II, 166): *dva draga, dvě leti*. Въ словинскомъ языкѣ оно необходимо.

15) Зват. п. удержался отъ немногихъ словъ (*bože*); обыкновенно онъ замѣняется именительнымъ.

16) Твор. п. ед. ч. слов. муж. и ср. р. на — *ом*, а женск. на *ит*: *меѡм, женим*.

17) Родит. пад. множ. ч. слов. муж. р. обыкновенно *ов*: *отcov, golubov*.

18) Прилагательныя имена въ род. и дат. ед. не имѣютъ именнаго склоненія, а измѣняются по сложному скл.: *dobroga, dobromu*; дат. ж. р. — *i* и *oj*: *dobri* и *dubroj ženi*. Твор. и мѣств. ед. и дат. мн., род. и мѣств. мн. и твор. множ. оканчиваются на *ѣт, ѣћ, ѣти*: *dobrѣт, dobrѣћ, dobrѣти*.

19) Вопросы мѣстоименія — *gdo, kaj*. Съ отрицаніемъ *никај и ништ, ниш*.

20) Глаголы на *ет, ит* принимаютъ въ 3 л. мн. ч. настоящаго вр. *ѣји, ији*: *pleteји, hvaliji*.

21) Пропедшія простыя почти всюду исчезли; кое-гдѣ слышно *бѣше*.

22) Будущее выражается или настоящимъ или описательно посредствомъ *budem* (*буд, вом*) съ прич. прош. дѣйств. II или неопр. накл.: *budem rekel*.

23) Значительное число словъ, отличающихся особымъ произношеніемъ: *rez* вм. *raz*: *se rezplakala, rezkrivala, rezsipala*; *čez* вм. *črez*: *čez gogu*; *ar* (шток. и чак. *јер*), *gda* (шток. *вада*), *deždj* (шток. *дажд*), *gospon, gospra* (господин, госпожа), *vnogo* (много), *vge* (чак. *јур*, шток. *вѣћ*), *jšće* (*јоште*).

Самая чистая кайкавщина слышится въ треугольникѣ между Вараждиномъ, Крижевцомъ и Загребомъ. На западъ отъ линіи между Вараждиномъ и Загребомъ т. е. въ т. н. *Загоръ*, въ народномъ говорѣ замѣтно выступаетъ характерная особенность словинскаго языка—глухіе, неясные звуки вм. чистыхъ *a, o, e*: *lerǒ, tǐmǒ, kǒlǒ, kǎglovac, nesmǒ, sēm, zǎgledal, pēla*. Любопытною особенностью *Загорскаго ювора* является еще *a* вм. *o*, какъ въ русскихъ акающихъ говорахъ): *Vu černej gǎré, Pri hladnej vǎdé* (Кукул.-Сакц. *Pēsme*, 209). — На востокъ отъ линіи Крижевцево-Загребской кайкавщина встрѣчается со штокавщиной, а на югъ отъ Загреба съ чакавщиной (ср. выше стр. 364). Къ сожалѣнію въ частностяхъ кайкавщина изучена еще не достаточно.

Ш то к а в с к і е г о в о р ы .

Для знакомства со штокавщиной, какъ языкомъ народнымъ, которымъ говорить бѣльшая часть сербо-хорватскаго народа, имѣется весьма обширный матеріалъ въ сборникахъ произведеній народнаго творчества, перечень которыхъ представленъ выше стр. 211—215. Распредѣленіе этого матеріала по области чакавщины точно не извѣстно, такъ какъ далеко не для всѣхъ изданныхъ доселѣ пѣсенъ и сказогъ имѣются указанія относительно мѣста ихъ записи. Тѣмъ не менѣе съ достовѣрностью можно сказать, что большая часть собранныхъ образцовъ народной сербо-хорватской рѣчи относится къ Босніѣ и Герцеговинѣ, а затѣмъ къ Черногоріи. Сюда принадлежатъ сборники Вука Караджича, Милутиновича, Б. Петрановича, Юкича и Мартича, К. Ристича, Тординца, Давидовича, Ф. Радичевича, Крауса, Красича, Мирковича, Благанча, Гѣрмана, Верчевича и др. Значительно меньше извѣстно памятниковъ народнаго творчества изъ Славоніи, Хорватіи и Далмаціи (Сборники Илича, Кукульевича, Марьяновича, Богищича, Бошковича, Николича, Стояновича, Мушицкаго, Карамана, Освѣтника, Главича и др.), и еще меньше изъ Сербскаго королевства и сербскихъ земель, остающихся подъ властію Турокъ (Сборники Станича, Стоядиновича, Милоевича, Алексича, Поповича, Ястребова и др.). Весь этотъ обширный матеріалъ въ діалектологическомъ отношеніи (также какъ и съ внутренней стороны) остается неизслѣдованнымъ, да и не во всемъ своемъ объемѣ оъ годится для изученія штокавскихъ говоровъ, такъ какъ точность воспроизведенія народнаго языка въ большинствѣ сборниковъ подлежитъ сомнѣнію. Поэтому весьма желательны непосредственныя наблюденія знатоконъ филологовъ надъ живою разговорною рѣчью народа въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію такихъ наблюденій пока немного. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ акад. Будману надъ Дубровницкимъ говоромъ: *Dubrovački dijalekat kako se sada govori. U Zagrebu, 1883 (Rad LXV)*. Ср. также Кушар, *Čakavske osobine u današnjem dubrovačkom dijalektu. U Dubrovniku, 1889 (Program. С. К. velike državne Gimnazije u Dubrovniku za 1888—1889)*. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія замѣтки Милаша о Терпанскомъ говорѣ: *Današni trpański dijalekat. U Zagrebu, 1891 (Rad*

103) и Живановича о Ресавскомъ говорѣ, Особине Ресавског или Косовопольског диалекта 1882. У Ср. Карловцима (Програм српске православне велике гимназије Карловачке за школску годину 1881—1882). Весьма цѣнны данныя о мѣстныхъ говорахъ въ сербскомъ королевствѣ, приводимыя акад. М. Миличевичемъ въ его известной книгѣ Клежевина Србија (1876 г.). Сербскимъ говорамъ посвящено нѣсколько страниць и въ сочиненіи проф. Карића Србија, описъ земље, народа и државе. У Београду, 1888 (203—209).

Все разнообразіе штокавскихъ говоровъ обыкновенно сводятъ въ три большія группы: 1) говоры южные, 2) восточные и 3) западные. Главное и существенное различіе между ними заключается въ выговорѣ древняго *ъ*, которое произносится то какъ *ije* (*je*¹), то какъ *e*, то какъ *u*; южные говоры по преимуществу называются *јекавскими*, восточные—*екавскими*, западные—*икавскими*. Напр.: *лијеп* (южн. г.), *леп* (вост. г.), *лиц* (зап. г.), *вијера* (южн. г.), *вера* (вост. г.), *вира* (зап. г.).

Южный говоръ или *јекавщина* господствуетъ въ Черногоріи, Божѣ Которской, Дубровникѣ, сѣверной Албаніи, юго-западной Сербіи (Ужицкій, Чачапскій окр.), большей части Босны, Герцеговины, Хорватіи, Славоніи и сербскихъ комитатахъ Угрии.

Восточный говоръ или *екавщина* слышится въ Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ, сѣверной и восточной части Сербскаго королевства по Ресавѣ и Моравѣ до Тимока, Неготива и Ниша, а также въ Старой Сербіи около Косова поля.

Западнымъ говоромъ или *икавщиной* говорятъ населеніе Далмаціи на сѣверъ отъ р. Неретвы, католики Босны и сѣверной Герцеговины, нѣкоторая часть обитателей Хорватіи и Славоніи и т. п. Буневцы въ Бачкѣ.

Это распредѣленіе говоровъ по произношенію зв. *ъ* какъ указано на стр. 250—251 только приблизительное. Для болѣе точнаго разграниченія ихъ нѣтъ данныхъ, да и едва ли оно возможно: говоры смѣшиваются и переходятъ одинъ въ другой незамѣтно, часто на весьма небольшой территоріи; такъ западный говоръ смѣшивается съ восточнымъ и южнымъ въ Славоніи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Далмаціи; южный съ восточнымъ въ предѣлахъ Сербскаго королевства. Самымъ распространеннымъ нужно признать южный говоръ; со временъ Вука Караджича онъ принятъ и въ литературномъ языкѣ. Но въ настоящее время это преобладающее значеніе его въ литературѣ оспари-

вается восточнымъ говоромъ. Между *екавициной* и *јекавициной* ведется борьба. Въ предѣлахъ Сербскаго королевства и въ культурныхъ центрахъ православныхъ Сербовъ Угрии (Новый Садъ, Карловцы) писатели и издатели книгъ придерживаются восточнаго говора. Между тѣмъ въ Черногоріи, Далмаціи, Боснѣ, Герцеговинѣ, въ Хорватіи и вообще среди Сербо-хорватовъ католиковъ господствуетъ въ книжномъ языкѣ и школахъ южный говоръ. Сербская Академія въ Бѣлградѣ и Сербская Матица въ Новомъ Садѣ пропагандируютъ *екавицину*, а Юго-славянская Академія въ Загребѣ и ученые Общества въ Сераевѣ, Дубровникѣ и Задрѣ отстаиваютъ *јекавицину*.

Кромѣ характернаго произношенія др. њ штокавскіе говоры различаются и по нѣкоторымъ другимъ звуковымъ особенностямъ, напр. по выговору *x*, вторичной группы *dj*, по нѣкоторымъ уклоненіямъ отъ общей нормы въ формахъ и по ударенію. Въ виду недостаточной разработанности вопроса, ограничимся здѣсь указаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ говоровъ.

Къ восточнымъ говорамъ относятся говоры: а) *Сръмскій* (въ Сръмѣ, Бачѣ, Банатѣ), б) *Шумадійскій* (въ сѣв. зап. части Сербскаго кор.) и в) *Ресавскій* или *Моравскій* (въ б. ч. южной и восточной Сербіи и въ Старой Сербіи).—Первые два довольно близки между собой и иногда принимаются за одинъ говоръ. Общія имъ примѣты: 1) Непослѣдовательность въ выговорѣ древняго њ, которое произносится не всегда по восточному способу какъ *e*, но и по западному какъ *u*: лѣтити, вртити, зелѣнити се, нѣсам и вера, бео, снег; 2) Строгая выдержанность въ формахъ тѣхъ особенностей, которыя характеризуютъ новѣйшее состояніе языка, какъ оно представлено выше; 3) Цѣлостное сохраненіе всѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ ударенія и законовъ ихъ размѣщенія, указанныхъ для штокавщины. Частныя отличія обоихъ говоровъ касаются мелкихъ звуковыхъ явленій и отдѣльныхъ словъ и выраженій.

Ресавскій или *Моравскій* говоръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ видъ болѣе древняго говора и представляетъ слѣдующія особенности:

1) Слабое или краткое восходящее удареніе (ˊ) не существуетъ. Въмѣсто него обыкновенно наблюдается рѣзкое или краткое нисходящее удареніе, которое, сверхъ того какъ и долгое нисходящее (ˋ) отодвигается на одинъ слогъ впередъ къ концу слова по сравненіи съ шумадійскимъ или сръмскимъ выговоромъ; напр.:

Ресавскій гов.	Шумади́йскій гов.
Ресѡва	Рѣсава
Морѡва	Мѣрава
Јасѡка	Јасика
господѡве	госпѡдине
домаѡѡне	домаѡѡине
говорѡѡти	говѡдрити
косѡѡти	кѡсѡѡти
ливѡѡда	лѡвада
Јовѡѡн	Јѡван
Милѡѡн	Мѡѡлан
Марѡѡнко	Мѡѡринко
идѡѡ	ѡѡдѡ
бежѡѡ	бѡжѡѡ.

Такимъ образомъ въ Ресавскомъ говорѣ удареніе можетъ падать и на послѣдній слогъ; чего не бываетъ въ другихъ штокавскихъ говорахъ.

2) Др. ѣ выговаривается исключительно какъ е: летѣти, вртѣти, зеленѣти се, нѣсам.

3) Дательный и мѣстный пад. ед. ч. основъ жен. р. на а оканчивается на е: ударио га по главе, дао је белег девојке, био сам у шволе; тоже относится и къ личнымъ мѣстоименіямъ 1-го и 2-го л. мене, тебе.

4) Основы на—о могутъ имѣть твор. п. ед. ч. на—ем: брегем, јунакем, дететем. Тотъ же суффиксъ въ дат. и твор. п. ед. ч. именъ прилагательныхъ: добрем човеку, с вреднем момкем.

5) Основы муж. р. на—о смягчаютъ гортанныя г, к, х въ з, и, с передъ суф. е въ винит. п. мн. ч.: во има розе, опѡѡнце, орѡсе.

6) Мѣстн. п. множ. ч. основъ на—а обыкновенно удерживаетъ древнее окончаніе —х: по ливадах, тражих по сви тораба(х), па нигде мрве хлеба, по рубѡ(х), по ногѡ(х¹).

7) Мѣстоименія: моном (вм. мном) ѡе (вм. ѡѡј); ѡи рядом съ ѡам (дат. п.); овѡ, тѡ вм. овѡј, тај.

8) Въ аористѣ примѣты времени х и с не слышны: доѡ(х), ѡдѡ(с)мо.

¹⁾ Х почти не слышно.

9) Неопредѣленное наклоненіе обыкновенно безъ *и* на концѣ: читат, писат, казат.

Изъ южно-штолавскихъ говоровъ отмѣтимъ говоры: *Дубровницкій*, *Черногорскій* и *Герцеговинскій*.

Дубровницкій говоръ представляетъ слѣдующія особенности:

1) Долгое *ā* произносится какъ средній звукъ между *a* и *o*; напр.: влѣк, дрѣго.

2) Группа *ao* стягивается въ открытое *ō*: дō, прдō, пдсō, дрō, чувō, вō.

3) *И* въ именномъ суфф. *ир* перешло въ *ије*: пастијер, Трогијер.

4) *М* на концѣ словъ иногда звучитъ какъ *н* или совсѣмъ не слышно и только придаетъ носовой выговоръ предшествующему гласному: глѣдѣм, глѣдѣн, глѣдѣа, ђсам, ђсан, ђса, вѣдѣм, вѣдѣн, вѣдѣа.

5) *Х* слышно всюду, гдѣ ему мѣсто: хоћу, хлад, муха, орах, вѣтах; а также и тамъ гдѣ его могло и не быть: харапин, хамбар.

6) Согл. *ћ* часто произносится какъ *ј* передъ другими согласными, или находясь на концѣ слова: шумѣја, покујство, нојца, ној и ноћ, пбј и поћ.

7) Краткое восходящее удареніе (´) въ предпоследнемъ слогѣ замѣняется долгимъ (˘), когда послѣдній слогъ двусложныхъ словъ кратокъ: вода, магла (р. п. вѣдѣ, маглѣ), село, рејаји; въ многосложныхъ словахъ вм. краткаго восходящаго ударенія сильное нисходящее (˘˘): врућйна, лепѣта, голѣуд, навѣди.

8) Творит. п. ед. ч. основ. на—*o* съ мягкимъ согласнымъ оканчивается на—*ом*: мачом, ножом, коњом, краљомъ.

9) Творит. п. един. ч. основ. на—*и* оканчивается только на *и* (или ошибочно *им*), а не на *ју*: овом ствари (стварим), с чельади (чельадим).

10) Многія имена средняго рода принимаютъ во множ. ч. предъ падежными окончаніями суфф. *иј*: селија, селијаѣ, селијима, пољија, морија. Тоже иногда бываетъ и съ именами муж. р.: дождија, мраморија.

11) Дательный, творительный и мѣстный пп. множ. ч. у основъ жен. р. на *a* могутъ принимать окончанія *ми* (*м*) вм. *ма*: женама и женами; рѣбама, рѣбами, рѣбѣм; точно также—*нама* и *нами*.

12) Преходящее и аористъ почти не употребляются.

13) Вторая форма будущаго: бићу реко.

14) Третье лицо мн. ч. настоящ. вр. всегда оканчивается на—*у*: видѹ, говорѹ, нѣсѹ; но въ дѣепричастіи правильно: видѣћи, говорѣћи, нѣсѣчи.

15) Неопредѣленное накл. чаще безъ *и*: носит, глядат.

Въ Черногорскомъ говорѣ наблюдаются слѣдующія особенности:

1) Сохраненіе глухаго зв. вм. старо-славянскихъ *з*, *в*: *сзн*, *дзн*, *отѣц*, *пѣс*, *мѣгла*.

2) *Х* слышно, но не такъ ясно какъ въ Дубровницкомъ говорѣ.

3) Позднѣйшія *dj*, *mj* переходятъ въ *ћ*, *ћ*: *лећети*, *ћешити*, *вићети*, *ћевојка*, *ћед*.

4) *З* и *с* передъ *л*, *н* измѣняются въ *ж*, *ш*: *знам*, *шнег*, *жли*, *миплим*.

5) Сочет. *ао* стягивается въ *â*: *кâ*, *дошâ*, *орâ*. Это *а* часто имѣетъ глухой выговоръ: *рекъ*.

6) Родит. п. мн. ч. оканчивается на *ах*, *зх*: *ковах*, *жензх*.

Въ Герцеговинскомъ говорѣ слѣдуетъ указать:

1) Выговоръ *х* какъ *г*: *ораз*, *рекоз*, *придоз*, *праз*.

2) Переходъ позднѣйшихъ *dj*, *mj* въ *ћ*, *ћ*: *ћед*, *ћевојка*, *лећети*.

Ср. 268 стр. Впрочемъ нерѣдко *dj*, *mj* удерживаются, не переходятъ въ небвыя. Ср. Krauss, Smailagić Meho. Pjesan naših Muhamedovaca. U Dubrovniku, 1886.

Смѣшанное сербо-болгарское нарѣчіе

(Свермижское).

Выше (366 стр.) было указано, насколько имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія объ этомъ нарѣчій скудны и не точны. Территорію его можно обозначить только приблизительно. Оно наблюдается въ юго-восточной части Сербскаго королевства (въ округахъ Княжевацкомъ, Нишскомъ и Пиротскомъ) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Старой Сербіи на границѣ съ областью болгарскаго языка, который, какъ было указано¹⁾, на западѣ также представляетъ рядъ переходныхъ говоровъ, постепенно сливающихся съ сербскими говорами. Обитатели этихъ странъ, говорящіе смѣшаннымъ говоромъ, называются Торлаками. По

¹⁾ Ср. выше стр. 173—175.

объясненіи Вука Караджича, „Торлак—човјек који нити говори чисто српски ни бугарски“.

Главная особенность этого нарѣчія—присутствіе въ немъ чертъ болгарскаго языка. Вліяніе послѣдняго сказывается не столько въ области звуковъ, сколько въ формахъ.

- 1) Др. њ произносится по восточному говору какъ *e*: бела, лепо.
- 2) *Tj* переходитъ не только въ *ћ*, но и *ч*: в ноци, свечу; ноћу;
- 3) *Л* на концѣ слоговъ не всегда переходитъ въ *о*: говорио, остарео; је рекал, створио, сабрао, искарао, не нашао. .
- 4) Падежныя формы, особенно родительный, дательн. и мѣстн. падежи, часто выражаются по болгарскому способу, безъ помощи падежныхъ окончаній; напр.:

Из катан му ситна вѣига пала.

Од село се штитом заштитује.

А од сунце сас белу мараму.

Па се они од мас поплашили.

Сви си Турци из град излегоше.

Те играју русалију.

По сав града по Совију.

Дочула га вила из горицу¹⁾.

Што се Милош с цара додумује.

Мајка Јелу сас кошуље влела.

5) Первое лицо ед. ч. настоящ. вр. оканчивается не только на *мо*, но и на *ме* (какъ въ болгарскомъ), или на *м*; напр. Тек да се чиниме; да се нешто научиме. Да запалим равно поље.

6) Удареніе, большею частью однородное, близко подходящее къ западно-болгарскому; обыкновенно оно состоитъ въ простомъ усиленіи голоса и падаетъ на послѣдній или предпослѣдній слогъ; напр. детѣ, винѣ, држѣва, Тимѣк и др.

¹⁾ Вин. п. въ знач. casus generalis.

III. СЛОВИНСКІЙ (СЛОВЕНСКІЙ) ЯЗЫКЪ.¹⁾

1. Изученіе словинскаго языка.

Словинскій языкъ принадлежитъ одному изъ малыхъ славянскихъ народовъ, который не успѣлъ создать себѣ политической самостоятельности и всегда находился, да и теперь отчасти находится въ условіяхъ, неблагопріятныхъ развитію національности и національной литературы; не смотря на то въ отношеніи научнаго изслѣдованія онъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ.

Составленіе первой грамматики словинскаго языка относится къ XVI в., въ эпохѣ реформаціи, вызвавшей у Словинцевъ заботы о переводѣ священнаго писанія на родной языкъ. Это трудъ Адама Богорича, бывшаго ученика Меланхтона — „*Arcticae horulae*“, вышедшій въ Виртембергѣ въ 1584 г.²⁾ Въ этой грамматикѣ замѣчательно

---

¹⁾ Правильнѣе „словенскій“, т. е. самъ народъ „Словенци“ называетъ свой языкъ „словенскимъ“. Мы пользуемся названіями („Словинци“, „словинскій“), заимствованными изъ стараго книжнаго языка и болѣе извѣстными въ русской литературѣ, въ видахъ различенія даннаго языка отъ языка угорскихъ Словаковъ, который также называется „словенскимъ“.

²⁾ Полное заглавіе этой книги: *Arcticae horulae succisivae de Latino-Carniolana literatura ad latinae linguae analogiam accomodata, unde Moschoviticae, Rutenicae, Polonicae, Gemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot, cyrillicam et glagoliticam, et in his Rutenicam et Moscoviticam ortographiam continentes. Witerbergae, 1584, 8°.*

вѣрно понять духъ словинскаго языка и дано удовлетворительное рѣшеніе спорному въ то время вопросу о правописаніи, остававшееся въ силѣ до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Къ сожалѣнію грамматика Богорича не получила широкаго распространенія, такъ какъ съ наступленіемъ реакціи противъ протестантизма она была совершенно истреблена иезуитами. Тѣмъ не менѣе она лежитъ въ основѣ многихъ послѣдующихъ грамматикъ. Такъ ее списалъ почти до слова и издалъ въ 1715 г. монахъ Ипполитъ (1684—1722), извѣстный также составленіемъ латино-нѣмецко-словенскаго словаря, погибшаго въ рукописи. Но и это изданіе также было уничтожено. Гораздо меньшее, почти ничтожное, значеніе имѣла „Kraynska Grammatika d. i. die Crainegische Grammatik“ Марья Поглина (1735—1801). Авторъ ея уже ничего не зналъ о грамматикѣ Богорича и выдавалъ свою плохенькую компиляцію за первую словенскую грамматику.

Съ конца XVIII в., съ пробужденіемъ у Словинцевъ національнаго самосознанія, число грамматикъ словинскаго языка возрастаетъ. Словинскіе ученые — патриоты увлекались изученіемъ роднаго языка; почти каждый изъ нихъ какъ бы вмѣнялъ себѣ въ обязанность работать надъ составленіемъ грамматики или словаря. Подобныя труды нѣкоторыхъ извѣстныхъ дѣятелей, не смотря на представляемыя ими для своего времени значительныя достоинства, остались неизданными; таковы напр. грамматики Япеля (1744—1807) и Кумердея (1738—1805), изъ которыхъ послѣдняя была задумана на широкой сравнительной основѣ. Но за всѣмъ тѣмъ съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія до половины нынѣшняго вышло значительное количество книгъ по словинскому языку. Большая часть ихъ согласно условіямъ времени — на нѣмецкомъ языкѣ и преслѣдуютъ практическія цѣли; но встрѣчаются между ними труды научнаго характера, а также писанныя на родномъ языкѣ. Въ 1777 г. издана „Windische Sprachlehre“ О. Гутсмана, въ 1791 г. на двухъ языкахъ — нѣмецкомъ и словинскомъ — грамматика Зеленка, а въ 1811 г. явилась первая на одномъ словинскомъ языкѣ грамматика Водника, извѣстнаго словинскаго писателя и патриота, составившаго также и нѣмецко-словинскій словарь. Нѣсколькими годами раньше (1808) издалъ свою грамматику знаменитый Копитаръ. По ней составлена вышедшая въ 1811 г. на итальянскомъ яз. грамматика Вейсентурна. Затѣмъ слѣдовали изданныя на нѣмецкомъ яз. грамматики Шмиговца (1812), П. Данияка

(1824), Ф. Метелка (1825 г., составлена по чешской грамматикѣ Добровскаго), А. Муръа (1832 г., грамматика спеціально для Нѣмцевъ), А. Янежича (1848), Б. Поточника (1849), Ф. Левстикъа (1866), Комеля (1875), Скета (1879). Съ сороковыхъ годовъ стали появляться одна за другой грамматики на словинскомъ языкѣ; именно: Муршца (1847), М. Маяра (1848), Малавашича (1849), А. Янежича (1854 и позже), наконецъ въ новѣйшее время—Шумана (1881).

Лучшими изъ этихъ грамматикъ, представляющими наиболѣе вѣрную и отчетливую характеристику словинскаго языка, нужно признать грамматики Копитара, Метелка, Янежича и Шумана.

Строго-научное направленіе, котораго нельзя не замѣтить уже въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ грамматикъ, было внесено въ изученіе словинскаго яз. собственно говоря трудами двухъ извѣстныхъ Словинцевъ, знаменитыхъ славистовъ-филологовъ Копитара и Миклошича.

Б. Копитаръ (1780 — 1844), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ западно-славянскихъ ученыхъ эпохи возрожденія, *in slavica litteris augendis magni Dobrovii ingeniosus aemulator*, какъ гласитъ надпись на его надгробномъ памятникѣ, при всемъ своемъ національномъ безстрастїи и скептицизмѣ, сохранялъ любовь къ своему родному народу, которая, между прочимъ, выразилась въ самомъ началѣ его ученой дѣятельности въ изданїи упомянутой грамматикѣ словинскаго языка въ Крайнѣ, Хорутавїи и Штирїи (*Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnthen und Steyermark. Laibach, 1808, xlviii + 460*). Трудъ этотъ, изданный какъ и все, что писалъ Копитаръ, на нѣмецкомъ языкѣ, составляетъ эпоху въ изученїи словинскаго языка. Это было первое послѣ Богорича трезвое и новое слово. Копитаръ впервые разсвѣялъ путаницу въ понятїяхъ о свойствахъ и характерѣ словинскаго языка, созданную необразованными грамматиками ХVІІ и ХVІІІ в. Онъ далъ отчетливый обликъ словинскаго языка, устранилъ изъ него навазанные ему германизмы (напр. членъ) и сопоставилъ его съ другими славянскими языками. Грамматика Копитара пробудила среди словенскихъ патриотовъ живой интересъ къ дальнѣйшимъ наблюденїямъ надъ родною рѣчью и оказала значительное вліяніе на выработку литературнаго языка. Позже Копитаръ обратился къ словинскому языку по поводу занимавшаго его вопроса о происхожденїи старо-славянскаго языка (ср. особенно его *Prolegomena* къ изд. *Glagolita Clozianus* 1836). Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, онъ

рѣшалъ въ томъ смыслѣ, что языкъ старо-славянскій (т. е. языкъ перевода священнаго писанія и церковныхъ книгъ, сдѣланнаго свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ) былъ собственно языкомъ предковъ нынѣшнихъ Словинцевъ, прежде занимавшихъ и Паннонію. Мнѣніе это вызвало споры между учеными и въ настоящее время не можетъ быть принято. Тѣмъ не менѣе, будучи изложено съ большимъ аппаратомъ учености и замѣчательнымъ остроуміемъ, оно не могло не обратить вниманія ученыхъ, мѣстныхъ и инославянскихъ, на языкъ маленькаго народа, съ большими усиліями возрождавшагося къ новой жизни. Живое общеніе Копитара съ выдающимися словинскими и инославянскими филологами (напр. Добровскимъ, Шафарикомъ, Восточковымъ), его строго критическое отношеніе ко всѣмъ вновь выходившимъ трудамъ по славянской филологіи, засвидѣтельствованное многочисленными его журнальными рецензіями, должно было сопровождаться благими послѣдствіями для развитія занятій и словинскимъ языкомъ. Наконецъ великую заслугу Копитара составляетъ изданіе древнѣйшаго памятника словинскаго языка, т. н. Фрейзингенскихъ отрывковъ, проливающихъ свѣтъ на прошлое языка¹⁾.

Миклошичъ (1813—1891), тоже словинецъ и ученикъ Копитара, выступилъ горячимъ защитникомъ взглядовъ своего учителя по вопросу объ отношеніи словинскаго языка къ старо-славянскому. Усвоивъ своему родному языку названіе „новословенскаго“ (neuslovenisch), онъ отвелъ ему въ своей сравнительной грамматикѣ первое мѣсто послѣ „старо-словенскаго“ (altslovenisch), ясно тѣмъ признавъ близкое родство и непосредственное преемство между двумя языками. Здѣсь (особенно во 2-мъ изданіи грамматики) словинскій языкъ получилъ отчетливую характеристику, значеніе которой увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что она выполнена на сравнительной почвѣ и согласно требованіямъ современнаго состоянія языкованія. На основаніи работъ Миклошича составлена на словинскомъ языкѣ упомянутая грамматика Шумана (1882). Указанный отдѣлъ сравнительной грамматики Миклошича и доселѣ остается главнымъ подспорьемъ при изученіи словинскаго языка.

¹⁾ О значеніи грамматики Копитара см. статью въ сборникѣ „Kopitarjeva Spomenica“. Vredil Josip Marg. V Ljubljani, 1880. Тамъ же вообще о Копитарѣ. Ср. также Н. В. Ягича, Письма Добровскаго и Копитара, въ повременномъ порядкѣ. Спб., 1885. Изд. Акад. Наукъ (Сборникъ отд. рус. яз. и слав., т. XXXIX).

Подъ вліяніемъ плодотворной научной дѣятельности Копитара и Миклошича, а также въ силу запросовъ науки славянскаго языковѣдѣнія и среди словинскихъ ученыхъ, какъ и у другихъ Славянъ, явилось сознание необходимости частнаго, болѣе подробнаго изученія роднаго языка, его исторіи и отдѣльныхъ грамматическихъ вопросовъ, а также важности наблюденій надъ его любопытными нарѣчіями и говорами. Малочисленность народа и связанный съ этимъ недостатокъ матеріальныхъ и образовательныхъ средствъ, отсутствіе высшаго національнаго ученаго учрежденія, стѣсненное политическое положеніе народности — все это не благопріятствуетъ развитію ученой литературы у Словинцевъ. Тѣмъ не менѣе она представляетъ рядъ почтенныхъ именъ дѣятелей, работающихъ надъ изученіемъ роднаго языка. Нѣкоторымъ изъ нихъ приходится помѣщать свои труды въ изданіяхъ Юго-славянской Академіи или въ нѣмецкихъ журналахъ. Назовемъ главнѣйшихъ изъ этихъ дѣятелей. Вальявецъ, Шкрабецъ и Мурьо извѣстны своими изслѣдованіями объ удареніи въ словинскомъ яз.; Облакъ, молодой филологъ, извѣстный работами по старо-славянскому и болгарскому языку, занимается исторіей языка и, кромѣ изданія и анализа многихъ старыхъ текстовъ словинскаго языка, написалъ большую работу по исторіи именнаго склоненія; онъ же принимаетъ большое участіе въ Arch. f. Slav. Philol. и разныхъ словинскихъ журналахъ, въ которыхъ внимательно слѣдитъ за успѣхами изученія словинскаго языка и литературы. Клодичъ, Шейнигъ, Штрекель внесли болѣе или менѣе цѣнныя данныя въ словинскую діалектологию. Извѣстный славистъ Грацскій профессоръ Крекъ, кромѣ изданія старыхъ словинскихъ текстовъ, вводитъ словинскій языкъ въ своихъ частныхъ розысканіяхъ по славянской филологіи. Священникъ Марнъ издаетъ важный для исторіи словинскаго языка и литературы сборникъ „Jezičnik“ (въ Люблянѣ). Не менѣе важны въ томъ же отношеніи періодическія изданія Скета „Kres“ (въ Целовцѣ) и Левца Ljubljanski zvon. Здѣсь нужно упомянуть и органъ Словенской Матицы „Ljetopis“ (въ Люблянѣ).

Въ качествѣ собирателей и издателей народныхъ пѣсенъ, сказокъ и другихъ произведеній народнаго яз. имѣютъ большія заслуги: Корытва, С. Вразъ, Янежичъ, Вальявецъ, Рутаръ, Фрейенсфельдъ, Навратиль, Шашель, Штрекель, Шейнигъ и др. Важнѣйшими сборниками народныхъ пѣсенъ нужно считать изда-

нія С. Врза и Шейнига. За послѣднее время среди словинской молодежи все болѣе усиливается вниманіе къ собиранію произведеній народнаго языка и словесности. Но въ общемъ разнообразныя говоры словинскаго языка изучены недостаточно. Больше всего посчастливилось т. н. Резьянскому нар.

Болѣе или менѣе удовлетворительно изученіе словинскаго яз. въ лексическомъ отношеніи. Первый словарь словинскаго яз. изданъ Иеронимомъ Мегизеромъ въ 1592 г. (*Dictionarium quatuor linguarum, videlicet Germanicae, Latinae, Illiricae, quae vulgo slavonica appellatur, et Italiacae*). Не смотря на свои скромныя достоинства этотъ словарь былъ переизданъ въ 1744 г. Послѣ Мегизера многіе славянскіе ученые принимались за составленія словаря роднаго языка, но не всегда доканчивали свои труды или не успѣвали ихъ издать. Такъ остались въ рукописи словари Кастерца, Ипполита и Кумердея. Извѣстный Водникъ составилъ еще въ 1812 г. нѣмецко-словено-латинскій словарь, который былъ изданъ только въ шестидесятыхъ годахъ. Остался недопечатаннымъ и хорошій словарь Ярника. Поэтому долгое время сохраняли свое значеніе для практическихъ цѣлей нѣмецко-словинскій (болѣе полный) и словино-нѣмецкій (болѣе краткій) словари Гутсмапа, изданные еще въ 1789 г. На смѣну имъ явились въ 1832—1833 г. словино-нѣмецкій и нѣмецко-словинскій словари Мурка, которые очень быстро разошлись въ публикѣ. Словарь этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что воспроизводитъ главнымъ образомъ штирійское нарѣчіе; въ другихъ же болѣе раннихъ словаряхъ имѣлись въ виду крайнское и хорутанское нарѣчія. Наконецъ въ 1851 г. многозаслуженный филологъ Янежичъ издалъ въ двухъ частяхъ. *Popolni gošni slovar slovenskega in nemskega jezika* (Целовець). И этотъ словарь, назначенный для практическаго употребленія также скоро разошелся. Нѣмецкая его часть вышла третьимъ изданіемъ въ 1889 г. а словинская въ—1893 г. Въ послѣднее время мало-по-малу осуществляется изданіе большаго словино-нѣмецкаго словаря, задуманное по мысли Люблянскаго Епископа Вольфа, который раньше далъ средства на изданіе упомянутаго нѣмецко-словенскаго словаря Водника. Уже болѣе десяти лѣтъ назадъ были приобрѣтены для этого словаря матеріалы, собранныя Залокаромъ, Цафомъ и Мивлошичемъ. Съ 1893 г. началъ выходить выпусками и самый словарь подъ редакціей Плетершника. Судя по началу это будетъ словарь прежде всего совре-

меннаго литературнаго и отчасти живаго народнаго языка; историческая сторона въ немъ отодвинута на задній планъ.

Изъ русскихъ славистовъ внесли весьма цѣнные вклады въ изученіе словинскаго языка Кеппенъ, Востоковъ И. И. Срезневскій и Бодуэнъ де-Куртеня. А. И. Кеппенъ, одинъ изъ раннихъ дѣятелей по установленію научныхъ связей между Россіей и остальнымъ славянствомъ, первый издалъ въ 1827 г. въ своемъ „собраніи словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи“ древнѣйшій памятникъ словинскаго языка, т. н. Фрейзингенскіе отрывки. Текстъ отрывковъ съ полнымъ fac-simile сопровождается объясненіями знаменитаго А. Востокова. И. И. Срезневскій въ первое свое путешествіе за границей исходилъ пѣшкомъ значительную часть словинской земли и сдѣлалъ любопытныя наблюденія надъ нѣкоторыми говорами, въ послѣдствіи изложенныя имъ въ книгѣ „Фріульскіе Славяне“ (1881). И. А. Бодуэну де-Куртеню принадлежитъ замѣчательно подробное изслѣдованіе т. н. Резьянскаго нарѣчія. Сверхъ того нужно упомянуть работу А. Соколова о Труберѣ, статью В. Качановскаго о словенскомъ языкѣ XV—XVI в. и книгу Ляпунова объ отношеніи словинскаго языка къ старо-славянскому.

Изъ западно-славянскихъ трудовъ отмѣтимъ прекрасно составленную книжку Фр. Вымазала *Grammatické základy jazyka slovinského* (V Brně, 1884), назначенную для практическаго ознакомленія чеховъ со словинскимъ языкомъ.

Изъ старыхъ чешскихъ ученыхъ одинъ — патриархъ славинской филологіи, аббатъ І. Добровскій, въ своихъ извѣстныхъ сборникахъ — *Slavin* (1808) и *Slovanka* (1814) — посвятилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣтокъ вопросамъ о старомъ словинскомъ языкѣ и старыхъ словинскихъ грамматикахъ; другой — Шафарикъ составилъ извѣстный систематическій обзоръ памятниковъ словинскаго языка и литературы (*Geschichte der südslavischen Literatur*, I, 1864).

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія.

Adami Bohorizh. Arcticae horulae succisivae de Latino-Carniolana literatura ad latinae linguae analogiam accomodata, unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus ta-

- bellae aliquot Cyrillicam et glagoliticam et in his Rutenicam et Mos-hoviticam orthographiam continentes. Witerbergae, 1584, 8°, 242 стр. Grammatica Latino-Germanico-Slavonica ex pervetusto exemplari ad moder-nam in Carniolicam lingua loquendi methodum accomodata, a plurimis expurgata mendis et germanicis aucta dictionibus a quodam linguae Slavicae amatore (P. Hippolyto). Labaci formis J. G. Mayr incl. prov. Carniol. typogr, 1715, 8°, 224 p. Сокращенная перепечатка тру-да Богорича.
- Grammatica oder Windisches Sprachbuch mit einem Vocabulario. Klagenfurt, 1758, 8°, 188 s. Переводъ вышеуказанной компиляціи Ипполита. Сло-варь (занимающій 42 стр.) воспроизводитъ народное хорутанское на-рѣчіе.
- P. Marcus. Kraynska grammatica, das ist die crainerische Grammatik oder Kunst die crainerische Sprache regelrichtig zu reden und zu schreiben, welche aus Liebe zum Vaterlande etc... verfasst und zum Druck befördert hat P. M. professor Priester. Laibach, 1768, 196 s.—2-е изд. 1783. Некритическій трудъ, представляющій словинскій языкъ въ искаженномъ видѣ.
- Oswald Gutschmann. Windische Sprachlehre. Klagenfurt, 1777. Тоже са-мое подъ новымъ заглавіемъ: Gründliche Anleitung die windische Sprache... von selbst zu erlernen. Zilli, 1786. 6-е изд. Klagenfurt, 1829.
- Georg Sellenko. Slovenska Grammatika oder Wendische Sprachlehre in deutsch und wendischen Vortrag mittels welcher sowohl der Deutsche als der Wendische auf die leichteste Art diese Sprach regelrichtig zu reden und zu schreiben von selbst erlernen kann. Zilli, 1791 (на нѣмецкомъ и словинскомъ языкахъ).
- Blasius Kumerdey. Krainisch-Slawische Grammatik. Рукопись 1793 г. въ лицейской библіотекѣ въ Люблянѣ.
- Georg Japel. Slawische Sprachlehre, das ist vollständiger Grammatikal unterricht von der krainerischen und windischen Sprache, wie sie in Krain, in dem österreichischen Littoralli, in der Grafschaft Görz, in Steiermark und Kärnten gesprochen wird, oder vielmehr gesprochen werden sollte, dann wie sie von den Kroaten, Dalmatiern, Slawoniern, Böhmen, Polen und Russen leicht verstanden werden kann. Рукопись 1807, въ лицейской библіотекѣ въ Люблянѣ.
- Bart. Kopitar. Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark. Laibach, 1808, xlviii+460.
- Vincenzo Franulde Weissenthurn. Saggio grammaticale Italiano-Carniolino. Trieste, 1811. Двѣ части—теоретическая и практическая: первая составлена по грамматикѣ Копитара.

- Valentin Vodnik.** Pismenost ali gramatika sa perve shole. V Lublani, 1811.
- Johann Leop. Schmigoz.** Theoretisch — practische windische Sprachlehre, durch viele Übungsstücke zum Uebersetzen erläutert, mit einer auserlesenen Sammlung von Gesprächen und einem Radical Wörterbuche versehen. Grätz, 1812.
- Peter Dainko.** Lehrbuch der Windischen Sprache. Grätz, 1824.
- Fr. Ser. Metelko.** 1) Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen, nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des Abbé Dobrovsky. Laibach, 1825, xxxvi + 296; 2) Slovenische Sprachlehre, ein Auszug aus dem Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreiche Illyrien. Laibach, 1830.
- A. J. Murko.** 1) Theoretisch-praktische slowenische Sprachlehre für Deutsche nach den Volkssprechenarten der Slowenen in Steiermark, Kärnten, Krain und Ungarns westlichen Districten. Grätz, 1832; 2) Theoretisch-practische Grammatik der slovenischen Sprache in Steiermark, Kärnten, Krain und dem illyrischen Küstenlande. Grätz, 1843.
- J. Muršec.** Kratka slovenska slovnica za pervence. V Gradcu, 1847.
- Blaž Potočnik.** Grammatik der slovenischen Sprache. Laibach, 1849.
- Fr. Malavašič.** Slovenska slovnica za perve slovenske šole v mestih in na deželi. V Ljubljani, 1849.
- Andr. Praprotnik.** Slovenska slovnica za pervence, 1869; 4-e изд. 1877.
- Anton Janežič.** 1) Leichtfasslicher Unterricht in der slovenischen Sprache für Deutsche. 1848; 2-e изд. 1854; 9-e изд. 1875 подъ заглавіемъ: Slovenisches Sprach. und Uebungsbuch für Anfänger, zum Schul. und Privatunterrichte; 2) Slovenska slovnica, s kratkim pregledom slovenskega slovstva ter z malim cirilskim in glagoliškim berilom za Slovence. V Celovcu, 1854; 4-e изд. 1868; 5-e изд. подъ заглавіемъ: Slovenska slovnica za domačo in šolsko rabo, 1876.
- A. Komel.** Kurzgefasste practische Grammatik der Slovenischen Sprache für Deutsche, 1875 (составлена по грам. Янежича).
- M. Majar.** Slovnica za Slovence.
- Jac. Sket.** 1) Slovenisches Sprach. und Uebungsbuch. Nebst einer Chrestomatie und einem slov.-deutschen und deutsch-slovenischen Wörterverzeichnis. Klagenfurt, 1879; 4-e изд. 1888; 2) A. Janežiča slovenska slovnica. Za srednje šole priredil in predelal dr. Jakob Sket. V Celovcu, 1889.
- J. Šuman.** 1) Slovenska slovnica po Miklošičevi primerjalni spisal J. S. V Ljubljani. 1882; 2) Slovenska slovnica za srednje šole. V Celovci, 1884; 3) Mlajše mehčanje (Kres II, 1882).

- Fr. Miklosich. Die Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Wien, I—IV. Cp. 39 стр.
- M. Valjavec. 1) Prinos k naglasu u novoslovenskom jeziku, 1878 (Rad Jugosl. Akad., XLIII—XLVII, LX, LXV, LXVII, LXVIII, LXXI, LXXIII, LXXIV, LXXVI, LXXVII, XCIII, XCIV, CI, CV, CX; 2) Zur Betonung im Slovenischen, 1880 (Arch. f. Slav. Ph., V, 157); 3) Novoslovenski komparativ prema staroslovenskomu glede na formaciju (Rad Jug. Ak., XXXV).
- V. Oblak. 1) Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen. I Die Halbvocale im Slovenischen. 1894 (Arch. f. Sl. Phil., XVI, 153); 2) Slovenica (Arch., XII, 499); 3) Рядъ критико-библиографическихъ замѣтокъ и статей въ Arch. f. Slav. Phil. съ XI т. Особ. ср. XIV, 321 полемика со Шкрабцомъ; XV, 594 — о словарѣ Плетершника.
- St. Skrabec. 1) O glasu in naglasu našega knjižnega jezika. Ljubljana, 1870 (Program Novomeški); 2) Ueber einige schwierigere Fragen der Slovenischen Laut und Formenlehre, 1892 (Arch. f. Sl. Ph., XIV, 321); 3) Мелкія замѣтки на обложкѣ Горицкаго журнала Cvetje s vrtov. sv. Františka съ 1880 г.
- M. Murko. 1) Enklitike v slovenščini, 1891 (Letop. Mat. Slav.); 2) Zur Erklärung einiger grammatischer Formen im neuslovenischen, 1892 Arch. f. Slav. Phil., XIV, 89).
- Fr. Lekše. Recimo katero o našem pravorečju (o glas. l), 1888 въ журн. „Dom in Svet“.
- Johann Košan. Slovenischer ABC—Streit mit besonderer Berücksichtigung des Danjoschen Alphabet's, 1890 (Programm des Marburger gymnaziums).
- C. Pečnik. Praktisches Lehrbuch der Slovenischen Sprache für den Selbstunterricht. Wien, Pest, Leipzig. A. Hartlebens Verlag, 1890.
- б) Матеріалы и изслѣдованія по исторіи языка.
- Фрейзингенскіе отрывки (X—XI в.) въ изд. 1) Кёппена, „Собраніе словенскихъ памятниковъ находящихся внѣ Россіи“. Спб., 1827; 2) Копитара, Glagolita Clozianus. Vindob., 1836; 3) Янежича, Slovnica Slovenska (ср. выше); 4) Миклошича, Chrestomathia palaeoslovenica, 1854.
- Truber. 1) Catechismus in der windischen Sprach, sammt einer kurzen Auslegung in Gesangweis. Item die Litanei und eine Predigt vom rechten Glauben, gestellt durch *Philopatridum Illyricum* (т. е. *Primus Truber*). Unu kratku poduuzhene, s katerim vsaki zhloulik more v nebu

pryti. Gedruckt in Siebenbürgen durch Jernej Skuryaniz, 1550; 2) Catechismus v Slovenskim iesiku, sano kratko sastopno islago, inu ene molytue tar nauuki boshy vseti is zhistiga suetiga pisma Skosi Primosha Truberja. V Tibingi, 1555; 3) Abecedarium und der klein Catechismus in der Windischen Sprach. Ane Buquice, is tih se ty mladi inu preprosti Sloueni mogo lahku vkratkim zhasu brati nauuzhiti. Vtih so tudi ty vegshy staki te kerszanske vere inu ane molytue, te so prepisane od aniga peryatila vseh Slouenzou. Gedruckt in Sybenburgen durch den Jernej Skuryaniz (т. е. Тюбингенъ), 1550; 4) Abecedarium, ene Buquice, is katerih se ti mladi inu preprosti Slouenci mogo lahku tar hitru brati inu pissati nauuzhiti, 1555; 5) Ta perui deil tiga nouiga Testamenta, vtim so vsi sztyri Euangelisti, inu tu diane tih Jogrou, sdai peruizh vta Slouenski jesik skusi Primosha Truberia sueistu preobernen. Tubingae, 1557; 6) Ta drugi deil tiga Nouiga Testamenta. V Tibingi, 1560; 7) Ta celi Noui Testament.... skusi Primosha Truberia Crainza Rostzheria. V Tibingi, 1582; 8) Ene duhovne Peisni.... skusi Primosza Truberja. V Tubingi, 1563; 9) Ta zeli Psalter Daidou.... skusi Primosha Truberja Krainza. V Tibingi, 1566; 10) Articuli oli deili te praeue stare vere kerszanske и т. д. V Tibingi, 1562.

K r e l j. Postilla Slovenska, to ie Karshanske evangeliske predige vèrhu vsaki nedelski euangelion skusi letu, sa hishne gospodarie, shole, mlade inu priproste ludi, 1567.

J. D a l m a t i n. 1) Passion, tu ie britku terplene inu tudi tu zhastitu od smerti vstaiene inu o nebu hoiene nashiga Gospudi Jesusa Christusa is vseh stirih Euangelistou sloshenu. V Lublani, 1576; 2) Biblie tu ie vsiga Svetiga Pisma perui deil, v katerim so te pet Mosešove buque. V Lublani, 1578; 3) Biblia, tu je vse svetu Pismu Stariga inu Noviga Testamenta. Wittenberg, 1584; 4) Karszanske lepe molitve. Witerbergae, 1584.

B o h o r i z h, Arcticae horulae, 1584. Ср. выше.

J e s u s Sirach ali njegove buguise. V Lublani, 1575.

H r e n. Evangelia inu lystuvi na vse nedele inu jmenitne prasnike celiga léjta. 1612.

S c h ö n l e b e n. Evangelia inu lystuvi, 1672.

K a s t e l e c. 1) Bratovske Bukvice S. Roshenkranza, 1682. Разборъ языка этого памятника (на средне-краинскомъ нар.) сдѣланъ Завадла-ломъ (M. Zavادل). (Programm d. k. k. Staatsgymn. in Cilli, 1891); 2) Nebeshki Zyl, 1684; 3) Navuk Christianski. V Lublani, 1688.

J o a n n e s B a p t i s t a a S. C r u c e. Sacrum promptuarium, I—V, 1691—1707.

- Catholish Kershanskiga vuka peissme v Nemskem Gradzu, 1729.
- A. Rogerius. *Palmarium empyricum, sen conciones CXXVI de sanctis totius anni* I p., 1731, II p., 1743.
- B. Bassar. *Pridige is bukviz imenvanih exercitia S. ozheta Ignazia sloshene na usako nedelo zhes lejta*. Labaci, 1734.
- Duhouna branua.... u Kōlnu, 1740. *Evangelia inu branie na nedele inu prasnike zhes zelu leitu*. Labaci, 1741.
- Fr. Klapshet. *Synopsis catechetica*, 1743; 2-е изд. 1757.
- Catechismus tu je bukvize tega sprashuvanja*, 1762.
- A. Vramecz. 1) *Kronica vezdu znovich zpravljena kratka szlouenzkim iezikom*, 1578; 2) *Postilla vezda znovich zpravljena szlouenzkim ieszikom*, 1586.
- P. Petretics. *Szveti Evangelioni*, 1651.
- Krajachevich. *Molitvene knjisize vozem Christusevem vernem szlovenskoga jezika pristojne i heiznovite*, 1657.
- Szobottni kinch blasene devicze Marie*, 1696.
- Sveta voiska....* Labaci, 1747.
- Svetu pismu Stariga Testamenta* (переводъ Япеля, Кумердея, Рихтера, Шрея, Тroups и др.), 9 частей 1791—1802.
- Miklosich. *Denkmal der neuslovenischen Sprache (Generalis Confessio въ рук. XV в.) въ Slavische Bibliothek II. Часть этого памятника издана Радичемъ (Radics) въ Letop. Matice Slovenske*, 1879.
- G. Krek. *O novoslovenskom rokopisu zgodovinskoga društva Koroškoga* (ж. Kres, 1881).
- M. Valjavec. 1) *Iz Kotoribskega Protokola (1724—1734)*. (Kres, 1885); 2) *Kako je rabila riječca „črez“ slovenskoj knizi do prije 50 godini*. Zagreb, 1888 (Rad Jug. Ak., LXXXV, LXXXVII, LXXXIX).
- V. Oblak. 1) *Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen* (Arch. f. Slav. Phil., XI—XIII, 1888—1890 г. весьма важный трудъ); 2) *Einige Neubildungen der Conjugation* (Arch. f. Slav. Phil., XIII, 471—475); 3) *Trije slovenski rokopisi iz prve polovice XVII stoletja*. Ljubljana, 1887 (Letopis Matice slovenske, 1887); 4) *Starejši slovenski teksti*, 1889 (Letop. Mat. Slov.); 5) *Doneski k historični slovenski dialektologiji*. Sv. I, 1890; Sv. II, 1891 (Letop. Mat. Slov., 1890, 1891); 6) *Das älteste datirte slovenische Sprachdenkmal*, 1892 (Arch. f. Slav. Phil., XIV, 192); 7) *Zwei slovenische Schwurformeln aus dem XVII Jahrhundert*. (Тамъ же 472).
- An. Raič. Stapleton. *Neznanega prelagatelja evangelija prelozena po Stapletonu XVII veku*, 1888—1889 (Jahresbericht der Laibacher Realschule, 1888 и 1889). Ср. рец. Облака въ Arch. f. Slav. Phil., XI, 259 и 582.

- M. Slekovec. 1) Dve središki prisegi iz sredine XVIII stoletja (Kres, 1882); 2) одинъ актъ 1648 (Kres, 1885).
- P. Radics. Donesek k zgodovini cesarskih ukazov v slovenskem jeziku (Kres, 1884).
- J. Sket. Koroško-slovenska prisega od leta 1601 (Kres, 1885).
- Iv. Vrhovec. Словенская грамота 1611 г. (Ljubljanski Zvon, 1886).
- A. Koblar. Privilegium Hrena 1621 (Ljubljanski Zvon, 1886).
- Fr. Wiesthaler. Visitatio generalis prima diaecesis Labacensis in Carniola an. 1631 (Letopis Matice Slovenske, 1882—83).
- Fr. Levce. Die Sprache in Truber's „Matthaeus“. Laibach, 1878 (Gymnazial programm).
- Pajk. Krainburger Schwurformeln (Progr. des Marburg. Gymn. v. J. 1870).
- V. Bežek. Jezik v Mat. Ravnikarja „Sgodbah svetiga pisma sa mlade ljudi“, 1889 (Jahresbericht des Gymn. von Rudolfswert).
- А. Соколовъ. Зарожденіе литературы у Словенцевъ. Кіевъ, 1878.
- В. Качановскій. Запѣтки о словенскомъ языкѣ XV и XVI вѣка (Ж. М. Нар. Пр., 1878, сентябрь).
- Ляпуновъ. Краткій обзоръ главнѣйшихъ явленій словѣнской литературы съ введеніемъ объ отношеніи словѣнскаго языка къ старо-славянскому и другимъ славянскимъ языкамъ. Харьковъ, 1893 (Зап. Харьк. Ун.).
- J. Margn. Jezičnik, 30 выпускъ.

в) Словари и словарныя работы.

- Dictionarium quatuor linguarum videlicet Germanicae, Latinae, Illuricae, quae vulgo Slavonica appellatur et Italiacae siue Hetruscae, auctore Hieronymo Megisero. Impressum Graecii Styriae a Johanne Fabro cum S. Caes. Maj. Privilegio octennali, 1592; 2-е изд. Clagenfurti, 1744.
- Dictionarium trilingue, ex tribus nobilissimis Europae linguis compositum, in anteriori parte Latino-Germanico-Slavonicum, in posteriori parte Germanico-Slavonico-Latinum, spur nunc primo in lucem editum, a plurimis tamen Slavonicae linguae avidis dudum desideratum, omnibus quidem dictorum linguarum amatoribus perutile, specialiter tamen Slavonicorum verbi divini praeconum commoditati et utilitati dedicatum calamo et opera A. V. P. Rudolfsbertensis Ord. Min. Capuc. etc. concinnatum. Рукопись въ Люблянскои Лицейскои Библ. Отпечатанъ одинъ пробный листь (1712 г.).
- Oswald Gutsmann. Deutsch-Windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter und einiger vorzüglicheren abstammenden Wörter. Klagenfurt, 1789.
- Blasius Kumerdey. Krainisch-deutsches Lexicon (do L.), Alphabet-

- rium Carniolicum и другіе матеріалы для словаря въ рукописяхъ, хранящихся въ Люблянской Лицейской бібліотекѣ.
- Valentin Vodnik. Deutsch-Slowenisch-Lateinisches Wörterbuch, оконч. въ рук. въ 1812 г. издан. на средства Люблянскаго епископа Вольфа, подъ редакціей М. Цигале (Cigale) въ 1860 г.
- Urban Jarnik. 1) Versuch eines Etymologikons der Slovenischen Mundart in Inner-Oesterreich. Klagenfurt. 1832; 2) Kleine Sammlung solcher altslavischen Wörter, welche im heutigen windischen Dialect noch fortleben. Klagenfurt, 1822.
- A. J. Murko. Slowenisch-deutsches und deutsch-slowenisches Handwörterbuch. Slowenisch-deutscher Theil. Grätz, 1832; Deutsch-slowenischer Theil, 1833.
- A. Janežič. Popólni ročni slovár slovenskega in nemskega jezika. Celovec, 1851, 2 тома; 2-е изд. нѣмецко-словенской части 1874 г.; 3-е изд. 1889; 3-е изданіе словено-нѣмецкой части 1893 (Anton Janežičev slovensko-nemški slovar. Predelal in pomnožil Franc Hubad).
- M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar izdan na troške rajnega knezoškofa ljubljanskega Antona Alojzija Wolfa, Uredil M. P. V Ljubljani, 1893. Ср. рец. Облака и Ягича (Arch. f. Slav. Phil., XV, 594, 605).
- Fr. Erjavec. Iz potne torbe (Letopis Matice Slovenske, 1875, 1879, 1880, 1882, 1883).
- D. Nemanic. Drobtine za slovenski slovar (Ljubljanski Zvon, 1889).
- Janko Barle. Iz narodne zakladnice. Nabral po Beli Krajini. J. V. 1893. V. Ljubljani (Letopis Matice Slovenske za l. 1893).

г) Работы по словинской діалектологіи.

- Jos. Dobrovsky. Ueber die Slawen im Thale Resia (Slavin. Prag, 1808, 120—128).
- B. Kopitar. Die Slawen im Thale Resia (Kleinere Schriften, I, 1857, 323).
- И. И. Срезневскій. 1) Zprawa o Rezianech (Časop. Česk. Mus., 1841, XV, 341); 2) Словинны во Фріулѣ (Денница, Славянское Обзорѣніе, 1843); 3) Фріульскіе Славяне (Резіане и Словинны)—1844 (Москвитянинъ, ч. V, 1844, 207); 4) Фріульскіе Славяне. Спб., 1881 (Сборникъ Отдѣленія Рус. яз. и Слав. Акад. Н., т. XXI).
- Бодуэнъ де-Куртенэ. 1) Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. Варшава, 1875; 2) Резьянскій катехизисъ. Спб., 1875; 3) Глоттологическія замѣтки о такъ называемой евоинической вставкѣ согласнаго *n* въ словенскихъ языкахъ. Воронежъ, 1877 (Филологическія записки, 1876); 4) Бохинско-Посавскій говоръ. „Отчеты“ о занятіяхъ за-границей въ теченіе 1872—1873 гг. (Извѣстія Казанск. Унив., 1877,

№ 2 — 3. Ср. также того же автора „Резья и Резьяне“ (Славянскій Сборникъ, т. III. Спб., 1876).

Валенте. О славянскомъ языкѣ въ Резьянской долині въ Фриулѣ. Спб., 1878 (Сборн. Акад. Наукъ, т. XXI).

Клодичъ. О нарѣчїи венеціанскихъ словенцевъ. Спб., 1878 (Сбор. Ак. Н.).

М. Žolgar. Bazličnosti v slovenskem ljudskem jeziku, 1872 (Gymnazial-Programm v. Krainburg).

Urban Jarnik. Obraz slovenskoga narečja u Koruškoj (s uvodom i opazkami od St. Vraza). U Zagrebu, 1842 (Ж. Коло. Članci zu literaturu. umetnost i narodni život. Кн. I, 41—57).

За krajšek. Slovensko podnarečje na Primorskem (Slovenski Glasnik, XII).

Valjavec. 1) Beitrag zur Slawischen dialectenkunde (о Предворскомъ нар. въ Верхней Крайнѣ—Program des Gymnazium's zu Warasdin) Agram, 1858; 2) Izgledi Slovenskega jezika na Ogerskem, Predige z letnicami, 1802—1830 (Letopis Matice Slovenske, 1874 и 1878).

J. Scheinig. 1) Obraz rožanskega razrečja na Koroškem, 1881 — 1882 (Kres, I, II); 2) Knjiga pisana v Koroškem narečju od l. 1811 (Kres, 1885).

Karl Strekelj. Morphologie des Görzer Mittelkarstdialectes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse. Wien, 1887 (Sitzungsberichte der. K. K. Ak. d. Wiss).

V. Oblak. 1) Doneski k historični slovenski dialektologiji — (ср. выше); 2) Doslej neznana Knjiga slovenska, (на хорутанскомъ нарѣчїи) 1887 (Ljubljanski Zvon).

д) Памятники живой народной рѣчи.

Е. Корутка. Slovenske pesmi Krajinskiga narodu, I, 1839, II—V, 1840—1844. (Въ этомъ сборникѣ пѣсни изданы не совсѣмъ точно, съ поправками языка, притомъ старымъ (Богоричевымъ) неудобнымъ правописаніемъ.

Stancko Vraz. Narodne pèsni ilirske koje se pèvajū po Stajerskoj, Kranjskoj i Zapadnoj strani Ugarske I. U Zagrebu, 1839 (Въ этотъ сборникъ вошла только часть пѣсенъ, собранныхъ Вразомъ; онѣ записаны главнымъ образомъ въ Штири и Крайнѣ; изъ Хорутани и Западной Угрии происходятъ лишь нѣсколько пѣсенъ. Большая часть замѣчательнаго собранія С. Вряза доселѣ остается неизданной; оно хранится въ архивѣ Матицы Словенской).

J. Scheinig. Narodne pesni Koroških Slovencev. V Ljubljani, 1889.

М. Valjavec. 1) Narodne pesni iz predvorske fare (Kres, 1884); 2) Narodne pripoviesti (Progr. Varazd. gymnaz., 1874); 3) Narodne pripovedke (Kres, 1884—1886); 4) Izgledi slovenskega jezika na Ogerskem. Ср. выше.

- S. Rutar. 1) Slovenske narodne pesni (Ljubljanski Zvon, 1883); 2) Slovenske pripovedi o jezerih (Ljubljanski Zvon, 1881. Въ томъ же журналѣ за 1883 и 1885 г. нѣсколько меньшихъ сообщений).
- J. Trdina. 1) Verske bajke na Dolenskem (Ljubljanski Zvon, 1881); 2) Bajke in povesti o Gorjancih и др. (тамъ же, 1883—1888).
- B. Krek. Slovenske narodne pravljice in pripovedke. Maribor, 1885.
- J. Freuensfeld. Narodno blago s Stajerskoga (Kres, 1884).
- J. Navratil. 1) Kresne ali Ivanjske pesni belokranjskih Kresnic (Kres, 1886); 2) Slovenske narodne vraže in prazne vere (Letopis Mat. Slov., 1885—1887); 3) Belokranjsko kolo in nekoliko drugih narodnih pesnic in iger z razlago (Ljubl. Zvon, 1888).
- K. Strekelj. Zur Alexiuslegende. Zwei Slovenische Volkslieder (Archiv f. Slov. Phil., X, 1887).
- J. Sašelj. Ivanjske pesni iz Adlešič (Ljubljanski Zvon, 1887).
- J. Tonovski. Narodno blago s Tolminskoga (Kres, 1882).
- Fr. Kocbek. Pregovori, prilike in reki. V Ljubljani, 1887.
- J. Pajek. Praznoverske bajke in šege med štajerskimi Slovenci (Kres, 1882).
- J. Barle. Iz narodne zakladnice (Letop. Mat. Slov., 1893 ср. выше стр. 394).

е) Словинскія періодическія изданія, наиболѣ важныя для изученія языка.

- 1) Lublanske Novize od vsih krajov zeliga svejta v lejti 1798—1800.
- 2) Kranjska Zhbeliza, 1830—1833, 1848.
- 3) Kmetijske in rokodilske Novice, съ 1843.
- 4) Slovenska bčela. V Celovci, 1840.
- 5) Slovenski Glasnik. V Celovci, 1858.
- 6) Slovenski prijatelj. V Celovci. Изданіе Дружства sv. Mohora. Съ 1857.
- 7) Letopis Matice Slovenske. V Ljubljani съ 1866 г.
- 8) Kres, leposloven in znanstven list. V Celovci, съ 1881.
- 8) Ljubljanski Zvon, leposloven in znanstven list. V Ljubljani, съ 1881.

2. Площадь Словинскаго языка.

Словинскимъ (словенскимъ) языкомъ говоритъ третій представитель юго-западнаго славянства, небольшой народъ, обитающій на западъ отъ сербо-хорватовъ, въ горной странѣ Штирійскихъ и Каринтійскихъ Альповъ, Триглава и плоскогорья Карста. Имя *Словенцевъ*, усвоенное этому народу, несомнѣнно древнее, въ настоящее время

удержалось не на всей занимаемой имъ территоріи. Оно сохраняется преимущественно въ Штиріи, Хорутаніи (Каринтіи) и Приморьѣ; но въ Крайнѣ, гдѣ особенно силенъ словинскій элементъ, населеніе называетъ свой языкъ не „словенскимъ“, а „краинскимъ“. Въмѣсто общаго племеннаго имени употребительнѣе въ устахъ народа областныя названія: *Крайнцы, Приморцы, Корошцы, Штайерцы*. Рядомъ съ ними живетъ множество мѣстныхъ названій: *Полорянцы, Горичане, Мурскіе и Дравскіе Полянцы, Голожане* (въ Штиріи), *Горенцы, Доленцы, Крашевы, Пивчане, Виповцы* (въ Крайнѣ), *Резьяне* (въ Итали) и т. д. Въ старое время было распространено имя *Хорутане* (въ лат. источн. Carantani); такъ называетъ это славянское племя русскій лѣтописецъ Несторъ и чешскій Далимиль. Нѣмцы называютъ Словинцевъ „*Виндами*“, а языкъ ихъ „*Виндскимъ*“ (Winden, Windische Sprache).

Площадь словинскаго языка приблизительно точно можно опредѣлить слѣдующею пограничною линіей. Начинаясь у Кота на лѣвомъ берегу Муры, не далеко отъ угро-штирійской границы, она направляется на С. черезъ Ходожъ къ Св. Готгарду на Рабѣ, оттуда на ЮЗ. черезъ м. Горицу вступаетъ въ Штирію, у Радгоны переходитъ Муру, идетъ водораздѣломъ между Мурой и Щавницею, снова переходитъ Муру у Цмурка и, черезъ Гомилскую долину, между Лучами и Арвежемъ, по Ремпнику достигаетъ хорутано-штирійской границы; въ Хорутаніи пограничная черта идетъ къ Лабоду на Дравѣ, подымается на С. до Кнежа и Девша, захватываетъ м. Св. Григорія, Темань, Варповесь, черезъ Господетское поле направляется въ Целовецкій округъ, къ (словин.) Костанѣ, вдоль нижней Зилы, къ Беляку, черезъ Модривью, мимо нѣмецкаго Понтебла къ итальянской границѣ; перейдя послѣднюю, линія захватываетъ Резьянскую долину, направляется черезъ Терчетъ къ Кормилу, оттуда на Градишку, Тержичъ и Девинъ, гдѣ достигаетъ моря; далѣе идетъ морскимъ берегомъ, минуя Триестъ, виѣющій смѣшанное населеніе и итальянскіе города — Миле, Коперъ, Изло и Перанъ къ рѣкѣ Драгони, долиной Драгони черезъ Пасьявъ и Елшане достигаетъ Крайна и направляется вдоль областной крайнской и штирійской границъ на СВ. къ Коту, на угро-штирійской границѣ. Такимъ образомъ словинскій языкъ слышится главнымъ образомъ въ цислейтанскихъ провинціяхъ Австріи и отчасти въ Угріи и Итали. Именно, въ Австріи онъ господствуетъ въ Крайнѣ, южной части Штиріи и Хорутаніи, въ Горицѣ (Görz),

Градискѣ, сѣверной части Истрии; въ Угрии говорятъ по словински въ части жупаній Саладской, Желѣзной и Веспримской; въ Италии — въ Резьянской долины (Удинскій округъ).

Въ указанныхъ предѣлахъ площадь словинскаго языка занимаетъ около 437 квадр. миль.

Съ восточной стороны (въ Штирии, Крайнѣ) и частью съ южной (въ Истрии) словинскій языкъ сосѣдитъ съ родственнымъ сербо-хорватскимъ языкомъ. Естественнымъ переходомъ и связью между двумя языками служить кайдавское нарѣчіе. Съ остальныхъ сторонъ, и на значительно большемъ протяженіи, съ нимъ сосѣдятъ инородческіе языки: на югѣ и юго-западѣ (Триестъ, Горица, Градиска) — итальянскій; на сѣверо-западѣ и сѣверѣ (Хорутанія, Штирія) — нѣмецкій на сѣверо-востокѣ (въ Угрии) — мадьярскій. Изъ нихъ первые два распространяютъ свое вліяніе и на словинской территоріи, въ большихъ городахъ и среди высшихъ классовъ населенія; при чемъ итальянскій языкъ чаще слышится на западѣ, а нѣмецкій — на сѣверѣ. Наиболее словенской областью въ настоящее время нужно признать Крайну съ ея главнымъ городомъ Любляной (Laibach), хотя на юго-востокѣ этой области имѣется довольно большой нѣмецкій островъ (Кочевье). Въ главныхъ городахъ Хорутаніи и Штирии — Целовцѣ (Klagenfurt), Градцѣ (Graz) и Мариборѣ (Marburg) господствующее значеніе принадлежитъ языку нѣмецкому; въ Трстѣ (Триестъ) и Горицѣ (Görz) — итальянскому.

Въ старыя времена, на зарѣ славянской исторіи, словинскій языкъ раздавался на болѣе обширной территоріи. Въ VII—XI ст. онъ обнималъ всю Хорутанію, всю Штирію, Ракусы (собств. Австрію) на правомъ берегу Дуная, часть Зальцбурга и Тироль. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ письменные историческіе памятники (грамоты), такъ и сохранившіяся въ этихъ областяхъ въ значительномъ количествѣ мѣстныя славянскія имена. Ранняя утрата политической самостоятельности (VIII — IX ст.) и подчиненіе сильнымъ сосѣдямъ вызвало постепенное уменьшеніе словинской территоріи, представляющей въ настоящее время тѣ скромныя размѣры, какіе указаны выше.

Общая цифра населенія, говорящаго словинскимъ языкомъ, не превышаетъ 1,300,000 человекъ. Она распредѣляется такимъ образомъ: въ цислейтанскихъ провинціяхъ Австріи около 1,230,000, въ Угрии — до 60,000 и въ Италиі около 30,000.

При опредѣленіи границъ словинской рѣчи, кромѣ этнографическихъ картъ, указанныхъ на стр. 219, были приняты во вниманіе еще слѣдующія изданія: 1) Jan. Majciger in M. Pleteršnik. Slovanstvo. Prvi del Slovenci. Založila in na svitlo dala Matica Slovenska. Безъ года, съ картой; 2) J. Šuman. Die Slovenen. Wien und Teshen, 1881 (Die Völker Oesterreich-Ungarns. Ethnographische und Cultur-historische Schilderungen, X Bd.).

3. Судьбы Словинскаго языка.

Древнѣйшая исторія словинскаго языка представляетъ рядъ загадокъ, которыя доселѣ остаются неразрѣшенными, какъ и многіе основные вопросы древнѣйшей исторіи самаго словинскаго народа. Происхожденіе языка, отношеніе его къ другимъ славянскимъ языкомъ, раздѣленіе на нарѣчія и говоры, послѣдовательность историческаго развитія звуковыхъ и формальныхъ особенностей — все это остается мало выясненнымъ, главнѣйше по недостатку данныхъ. Какъ одно изъ болѣе прочныхъ положеній можно признать близкое родство словинскаго языка съ сербо-хорватскимъ. Менѣе яснымъ представляется отношеніе его къ языку старо-славянскому (церковно-славянскому). По взгляду Копитара, принятому съ нѣкоторыми поправками Миклошичемъ и весьма распространенному среди словинскихъ филологовъ, древній церковно-славянскій языкъ и есть древній языкъ Словинцевъ, прежде будто бы занимавшихъ и Паннонію. Еслибъ это было такъ, то для воспроизведенія древнѣйшаго состоянія словинскаго языка въ наукѣ имѣлся бы значительный запасъ драгоценныхъ историческихъ памятниковъ. Но указанная гипотеза, какъ было уже упомянуто выше (стр. 16), вызываетъ много возраженій и едва ли можетъ быть признана за удачное рѣшеніе труднаго и сложнаго вопроса о происхожденіи старо-славянскаго языка. Лучшее опроверженіе ея представляютъ уцѣлѣвшіе до нашего времени памятники несомнѣнно словинскаго языка отъ X — XI ст., т. н. Фрейзингенскіе отрывки. Языкъ этихъ драгоценныхъ текстовъ, списанныхъ по всей вѣроятности, съ болѣе древней рукописи, значительно отличается отъ языка такихъ памятниковъ, какъ Зографское или Савино Евангеліе. Изъ нихъ ясно видно, что не только въ X ст., но и раньше словинскій языкъ представлялъ тѣже самыя отличительныя особенности, какими характеризуется и въ настоящее время по отношенію къ языку старо-славянскому. Такимъ образомъ словинскій языкъ отнюдь не потомокъ того

языка, на который св. Кирилломъ и Меодіемъ переведено священное писаніе, а совсѣмъ особый языкъ, имѣвшій свою исторію.

Судьбы словинскаго языка проясняются только съ XV—XVI ст. главнѣйше съ эпохи реформаціи. Отъ болѣе ранняго времени сохранился всего одинъ письменный памятникъ, рядъ собственныхъ именъ въ латинскихъ грамотахъ и нѣсколько отрывочныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Памятникъ этотъ — упомянутые Фрейзингенскіе отрывки, издавна привлекающіе къ себѣ вниманіе ученыхъ и доселѣ вызывающіе рядъ спорныхъ вопросовъ.

Подъ *Фрейзингенскими отрывками* разумѣются три славянскія статьи — двѣ формулы исповѣди и отрывокъ поученія — рѣставленныя въ старую латинскую рукопись, которая прежде принадлежала Фрейзингенскому монастырю, а теперь находится въ Мюнхенской бібліотекѣ. Рукопись эту нужно отнести къ X в., но самые славянскіе тексты, кажется, ведутъ происхожденіе изъ болѣе ранней, до-Кирилло-Меодіевской эпохи: по видимому они назначены были для цѣлей нѣмецкихъ миссіонеровъ, которые еще въ VIII и началѣ IX ст. заботились о распространеніи христіанства среди норическихъ и паннонскихъ Славянъ. Неудобное латинское письмо и путанное правописание нѣсколько затемняютъ настоящій обликъ языка памятниковъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя характерныя особенности словинскаго языка, уже отличнаго отъ старо-славянскаго и сербо-хорватскаго, выступаютъ въ немъ довольно отчетливо. Отмѣтимъ важнѣйшія черты языка Фрейзингенскихъ отрывковъ, несомнѣнно отражающихъ въ себѣ древнѣйшее состояніе словинскаго языка¹⁾.

1) Носовые гласные еще кое-гдѣ удержались, но обыкновенно замѣнены чистыми: *poronso* (поръчъ), *sunt* (сѣтъ), *mogoncka* (могъпта), *vuegim*, *vuensich*; вм. ѡ — употреблено *и* или *о*: *poruso*, *mu-senicom*, *moku*, *zodni*, *zaglagolo*, *budo*, *duso*, *dusi*, *choki*, *ne prigem-lioki*, *vueguim*, на *sdinem dine*, *ne imigi*, *boido*, *naboiachu*, *odeachu*, *bodete*, *stradacho*; вм. ѡ (за исключеніемъ одного слова *vuensich*) — *e*: *zuetemu* (свѣтому), *zuetei*, *ime*, *vzel*, *me*, *ze* (сѡ), *delase*.

¹⁾ Фрейзингенскіе отрывки изданы П. Кеппеномъ (съ объясненіями Востокова) въ „Собраніи словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи“ Спб., 1827; а затѣмъ В. Копитаромъ *Glagolita Clozianus Vind.*, 1836. Позже памятникъ переиздавался нѣсколько разъ, напр. въ Хрестоматіяхъ Миклошича, Янежича, Воскресенскаго и др.

2) Вм. старо-слав. *z*, *ь* стоять *i*, *e*: *visem*, *vuez*, *vuiz*, *mínsich*, *od togo dîne*, *zimisla*, *zemírt* (сѣмрътъ), *zelom* (сѣломъ), *iezem*, *zegresil*, *zigreachu*. Въ этомъ смѣшанномъ употребленіи *i*, *e* вм. *z*, *ь* слѣдуетъ видѣть указаніе на существованіе въ старомъ языкѣ глухихъ звуковъ. Впрочемъ, часто вм. *z*, *ь* совсѣмъ нѣтъ гласнаго: *izem*, *izego*.

3) Гласные *l* и *r*: *pult* (плѣтъ), *zizna* (слѣзна), *zridze* (срѣдце).

4) Старо-слав. *ы* передается буквами: *e*, *i*, *u*, *ui*, *ugi*: *beusi*, *muzlite*, *miloztivui*, *mui*, *imugi*, *te*, *greche*, *biti*, *buiti*, *bih*, *ti*.

5) Старо-слав. *ь*—соотвѣтствуетъ *e*: *vuede*, *nedela*, *bese*, *vueki*.

6) Частое стяженіе гласныхъ: *tua*, *me*, *memu*, *tuima*, *mo*, *nasu* (тв. п.), *tuo milozt*, *bozzledine* (послѣднюю), *vuescne* (вѣчьню).

7) Винит. п. мн. ч. муж. р. на—*e*: *greche*, *gresnike*.

8) Винит. п. ед. ч. жен. р. основъ на —*a* оканчивается на —*o* и *u*: *zemlo*, *duso*, *dusu*.

9) Твор. п. ед. ч. основъ—на *a* имѣетъ окончаніе *in*, *u*, *o*: *vueruin*, *vuolu*, *vuelico*, *strastiu*.

10) Род. п. ед. ч. мѣстоимен. и сложнаго склон.—*ga* и *go*: *iega*, *tacoga*, *mega*, *nepraudnega*, *uzega*, *iego*, *diniznego*.

11) Первое лицо ед. ч. наст. вр.—на *o* и *u*: *zaglagolo*, *poronso*, *izco*, *poruso*; *vueruin*, *шoku*.

12) Третье лицо не имѣетъ окончанія: *vzedli*, *dozstoi*.

13) Въ 1 л. множ. ч. окончаніе *ajem* стягивается въ *am*: *clapamze*, *prestupam*, *oclevuetam*.

14) Формы переходящаго и аориста: *uznenauidesse*, *uzliubise*, *па-боiachu*, *utessachu*, *тереччу*, *vuesachu*.

15) Формы существительнаго глагола: *iezem*, *gezim*, *bim*, *bih*.

Разсматривая нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ особенностей памятника, какъ напр. сохраненіе носовыхъ гласныхъ и замѣну ихъ чистыми, род. мѣстоименій *ga* и *go* и др., нельзя не признать въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ отраженіе переходнаго состоянія языка, переживавшаго процессъ разныхъ измѣненій и превращеній¹⁾ въ области

¹⁾ Впрочемъ высказанъ былъ и другой взглядъ на оригинальныя особенности даннаго памятника. Въ немъ усматриваютъ вліяніе церковно-славянскаго письменнаго языка и самый языкъ отрывковъ считают не чисто-словинскимъ, а смѣшаннымъ (V. Jagić, Arch. f. Slav. Ph., I, 450—451). На этомъ основаніи В. Облакъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи словинскаго языка иногда устраняетъ Фрейзингенскіе отрывки изъ числа источниковъ.

звуковъ и формъ. Къ сожалѣнiю дальнѣйшiя наблюденiя за этимъ процессомъ невозможны вслѣдствiе недостатка источниковъ. Фрейзингенскiя статьи стоятъ одиноко въ древнѣйшемъ периодѣ исторiи словинскаго языка и письма. Слѣдующiе по времени памятники относятся уже къ XV ст. Во всякомъ случаѣ Фрейзингенскiе отрывки доказываютъ, что словинскiй языкъ, если не раньше, то въ X ст., употреблялся въ письменности. О послѣдующей судьбѣ его до XV ст. ничего положительнаго неизвѣстно. До насъ сохранились только нѣсколько отрывочныхъ историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что словинскiй языкъ и въ эпоху вноземнаго владычества сохранялъ нѣкоторое общественное значенiе. Такъ древнѣйшiй лѣтописецъ Янъ, аббатъ Вѣтринскiй, жившiй около 1280 г., сообщаетъ о любопытномъ обрядѣ въ Хорутани при вступленiи герцога на престоль, именно о „сажанiи герцога на камень“ послѣ переговоровъ съ простымъ поселяниномъ на народномъ словинскомъ языкѣ. Нѣсколько раньше въ 1255 г., извѣстный поэтъ Ульрихъ фонъ - Лихтенштейнъ рассказываетъ въ одномъ стихотворенiи, что совершая романтическое путешествiе онъ явился въ костюмѣ Венеры къ Хорутанскому герцогу и былъ привѣтствованъ послѣднимъ на словинскомъ языкѣ (*Vide was primi gralva Venus*). Имѣется еще одно косвенное указанiе, впрочемъ, требующее подтвержденiя, что въ концѣ XIV в. словинскiй языкъ употреблялся при богослуженiи (предисловіе къ нѣмецкому переводу *Durandi Rationale divinatorum officiorum*, рук. 1384 г.). Изъ этихъ данныхъ трудно вывести какое-либо опредѣленное заключенiе о роли словинскаго языка какъ органъ умственной и общественной жизни народа. То обстоятельство, что отъ XI, XII, XIII и XIV ст. не уцѣлѣло ни одного памятника на этомъ языкѣ ясно свидѣлствуетъ, что употребленiе его въ письменности было стѣснено господствомъ въ церкви, школѣ, администраціи, въ литературѣ—инородческихъ языковъ, латинскаго и нѣмецкаго. На этотъ періодъ падаетъ и указанное уменьшенiе территорiи словинскаго народа, стѣсненнаго главнымъ образомъ нѣмцами.

Для XV ст. теперь уже открыто нѣсколько памятниковъ: 1) *Confessio generalis*, рук. нач. XV в. въ Люблянской библ. (изд. Миклошичемъ и Радичемъ см. выше стр. 392); 2) Целовецкая рук. (Отче нашъ и формула исповѣди) перв. полов. XV ст. (изд. въ Kres, I); 3) Венеціанскiе пергаментныя листки 1497 г., содержащiе словинскiй

(сокращенный) переводъ латинскихъ дарственныхъ грамотъ (изданы и изслѣдованы Облакомъ Arch. f. Slav. Ph., XIV, 192—235); 4) Крайніскія формулы присяги 1486—1493 г. Самое содержаніе памятниковъ только подтверждаетъ высказанное выше положеніе о второстепенномъ значеніи словинскаго языка въ общественной жизни и въ XV ст. Со стороны языка памятники, конечно, весьма важны. Въ нихъ видимъ уже современный словинскій языкъ, со всѣми его особенностями лишь съ болѣе частымъ и послѣдовательнымъ удержаніемъ нѣкоторыхъ архаизмовъ напр. прошедшихъ простыхъ временъ. Значеніе этихъ памятниковъ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что они представляютъ собой драгоценный матеріалъ не только для исторіи словинскаго языка, но и для діалектологіи. Confessio generalis отражаетъ на себѣ особенности нижне-краинскаго нарѣчія, Целовецкая рукопись — написана на верхне-краинскомъ нарѣчіи, а третій памятникъ — пергаменные листы 1497 г. воспроизводятъ венеціанское нарѣчіе. Такимъ образомъ къ XV ст. не только вполне выработались характерныя нормы словинскаго языка, но и были на лицо по крайней мѣрѣ важнѣйшія его діалектическія различія.

Съ XVI ст. для словинскаго яз. наступаютъ лучшія времена: онъ служитъ религіознымъ цѣлямъ, *получаетъ литературную обработку* и становится предметомъ научнаго изученія. Реформація довольно рано проникла въ Штирію, Хорутанію и Крайну, найдя себѣ значительное сочувствіе въ тамошнемъ дворянствѣ и земскихъ чинахъ. И здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, словинскіе сторонники новаго ученія съ цѣлью болѣе успѣшной пропаганды реформы обратились къ народному языку. Во главѣ движенія стали знаменитые переводчики священнаго писанія на словинскій языкъ Примусъ Труберъ (1508 — 1586), Юрій Далматинъ († 1589) и основатель словинскихъ типографій въ Урахѣ, въ Виртембергѣ, баронъ Иванъ Унгнадъ (1493 — 1564). Труберу принадлежитъ большая заслуга въ исторіи духовнаго возрожденія словинскаго народа и возвышенія значенія словинскаго языка. Онъ составилъ словинскую азбуку, перевелъ на словинскій языкъ Евангеліе отъ Маттея (1555), а потомъ (1557) весь Новый Завѣтъ, Псалтырь, Лютерову Постиллу, печаталъ на народномъ же языкѣ книги, посвященныя изложенію протестантскаго ученія и вообще съ жаромъ и самоотверженіемъ работалъ въ духѣ реформы (см. перечень главныхъ изданій Трубера выше стр. 390).

Въ предпринятомъ имъ новомъ дѣлѣ должны были оказаться недостатки. Труберъ, какъ ученикъ зальцбургскихъ и вѣнскихъ школъ, не зналъ хорошо своего роднаго языка, внесъ въ свои переводы много нѣмецкихъ словъ и оборотовъ, самый переводъ Новаго Завѣта составлялъ по латинскому, нѣмецкому и итальянскому переводамъ, при чемъ держался своего роднаго нижне-краинскаго нарѣчія. Установленное имъ правописаніе также оказалось неудовлетворительнымъ: въ немъ не различались *s* отъ *z*, *š* отъ *ž*, а также мягкія *l*, *n* отъ твердыхъ; сверхъ того не обозначалось удареніе. Всѣ эти недостатки старался устранить болѣе ученый Ю. Далматинъ. Выработавъ лучшую систему правописанія, онъ писалъ на болѣе чистомъ, народномъ языкѣ, именно на верхне-краинскомъ нарѣчіи. По словамъ Копитара, языкъ Далматиновой Библии и черезъ 200 лѣтъ еще нисколько не устарѣлъ (сохранившіяся труды Далматина указаны выше). Наконецъ, упомянутый выше Адамъ Богоричъ изданіемъ своей замѣчательной грамматики старался опредѣлить нормы создававшагося тогда литературнаго словинскаго языка. Ему же принадлежитъ установленіе правописанія, которое послѣ того держалось въ словинской литературѣ до 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Сущность послѣдней реформы Богорича состояла въ введеніи *sh* для обозначенія зв. *š*, *ś*—для выраженія старо-слав. *ь*, *ě*—для словинскаго глухаго зв., а также въ обозначеніи ударенія (').

Католическая реакція, наступившая въ австрійскихъ земляхъ въ первой половинѣ XVII ст., остановила почти на двѣсти лѣтъ развитіе словинскаго языка и литературы. Евангелическіе проповѣдники и всѣ вообще сторонники реформы, такъ горячо поддерживавшіе народный языкъ, были изгнаны, имѣнія ихъ конфискованы, люблянская типографія закрыта, а книги, издавныя въ періодъ реформации, какъ еретическія подверглись систематическому истребленію. Ревностными дѣятелями въ послѣднемъ отношеніи выступили оо. іезуиты: 8 авг. 1600 г. они сожгли въ Св. Градцѣ 10,000 протестантскихъ книгъ; подобныя ауто-да-фе повторялись затѣмъ въ Люблянѣ и другихъ мѣстахъ словинской земли. Въ 1516 г. императоръ Фердинандъ выдалъ іезуитамъ же всѣ словинскія книги, хранившіяся въ императорской библіотекѣ. Такъ въ короткое время была уничтожена вся словинская литература; изданія XVI в. въ настоящее время составляютъ библиографическую рѣдкость; нѣкоторыя изъ нихъ не сохранились ни въ

одномъ экземплярѣ. Въ теченіе XVII и первой половины XVIII в. лишь изрѣдка появлялись книги на словинскомъ языкѣ: большею частью это были писанія католическихъ патеровъ, которыя нисколько не подвигали литературнаго развитія. Для высшихъ классовъ языкомъ образованія сдѣлался исключительно нѣмецкій языкъ, а народный языкъ предоставлялся неразвитой массѣ. Въ этомъ періодѣ, по словамъ одного мѣстнаго историка „прекрасный словенскій языкъ находился въ самомъ жалкомъ состояніи—книжный языкъ отличался отъ языка простолюдина только тѣмъ, что былъ еще хуже просторѣчія“.

Поворотъ къ лучшему въ судьбахъ словинскаго языка начинается съ конца XVIII ст., когда и у Словинцевъ, какъ у другихъ западныхъ Славянъ, вслѣдствіе извѣстныхъ общинъ причинъ, постепенно пробуждается національное самосознаніе и является рядъ образованныхъ патріотовъ, которые принимаютъ на себя заботы о родномъ народѣ и народномъ языкѣ. Войны Наполеона съ Австріей, закончившіяся образованіемъ т. н. Иллирскаго королевства и кратко-временнымъ ослабленіемъ нѣмецкаго вліянія въ словинскихъ земляхъ, между прочимъ, значительно содѣйствовали духовному возрожденію словинскаго народа. Возрожденіе это началось съ составленія и изданія преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ грамматикъ и словарей словинскаго языка (ср. выше стр. 382) и вообще въ реставраціи словинской народности въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи; но затѣмъ постепенно стала развиваться литература на народномъ языкѣ; словинскій языкъ выступалъ изъ узкихъ предѣловъ религіозной письменности и становился органомъ прозвенія всѣхъ сторонъ народнаго духа. Первыми дѣятелями въ этомъ новомъ направленіи были Япель (1744—1807), Кумердей, Лингартъ (1758—1795), Валькмеръ (1741—1816) и Водникъ (1758—1819). Подъ редакціей Япеля вышелъ новый переводъ Библии на словинскій языкъ (1784—1804); Кумердей работалъ надъ грамматикой, Лингартъ занимался исторіей Крайны и перевелъ на словинскій языкъ „Свадьбу Фигаро“; Волькмеръ сочинялъ стихотворенія, въ которыхъ описывалъ сельскую жизнь въ Штиріи; Водникъ былъ первымъ настоящимъ словинскимъ поэтомъ, составителемъ словинской грамматики на народномъ языкѣ, издателемъ первой словинской газеты „Ljubljanske novice“ (1797 г.).

Время Меттерниховской германизациі не могло уже остановить національнаго движенія. Въ сороковыхъ годахъ оно опять окрѣпло

и съ той поры по настоящее время, не смотря на разныя препятствія, словинскій языкъ продолжаетъ расширять свое значеніе въ жизни и литературѣ. Изъ дѣятелей сороковыхъ годовъ большія заслуги въ этомъ отношеніи имѣетъ Блейвейсъ, замѣчательный народный писатель и дѣятель (род. 1808). Въ 1843 г. онъ основалъ періодическое изданіе „Novice“, которое въ прошломъ году (1893) праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей. Изданіе, это сдѣлалось средоточіемъ словинской литературы; объединило словинскихъ писателей, содѣйствовало выработкѣ общаго литературнаго языка и однообразнаго правописанія. Блейвейсъ оставилъ старую, несовсѣмъ удобную, азбуку Богорича, вмѣсто которой нѣкоторые писатели прибѣгали къ другимъ еще болѣе неудобнымъ системамъ правописанія и принялъ (1844 г.) способъ писанія установленный у Хорватовъ Л. Гаемъ. Онъ выбросилъ изъ азбуки Гая только букву *ć*. Это правописаніе держится у Словинцевъ и до сихъ поръ.

Въ настоящее время положеніе словинскаго языка какъ органа духовной и общественной жизни народа можно считать болѣе или менѣе обеспеченнымъ. Правда, политическая раздробленность небольшого народа, раздѣленнаго между восемью областями, притязанія содѣвшихъ сильныхъ своею культурою языковъ нѣмецкаго и итальянскаго на господство въ словинской землѣ, стѣсненіе центральной властью національныхъ стремленій Словинцевъ — все это мѣшаетъ полному развитію словинскаго языка. Тѣмъ не менѣе достигнутые имъ успѣхи весьма значительны. На словинскомъ языкѣ имѣется небольшая, но заслуживающая полнаго вниманія литература. Въ поэтическихъ произведеніяхъ такихъ писателей какъ Водникъ, Прешеръ, Вессель-Косесскій, Левстикъ, словинскій языкъ получилъ прекрасную художественную обработку. Изученіе народности въ ея прошломъ и настоящемъ ведется на народномъ языкѣ. Этимъ цѣлямъ служатъ рядъ почтенныхъ обществъ, какъ Matica Slovenska въ Люблянѣ, Družba sv. Cirila in Metoda, Družba sv. Mohorja (въ Целовцѣ), Muzejško društvo za Kranjsko и др. Словинская періодическая печать насчитываетъ уже болѣе тридцати изданій, которыя посвящены распространенію разнородныхъ знаній въ народѣ, или защитѣ его политическихъ и національныхъ правъ, а главнѣйше заботамъ о болѣе широкомъ развитіи народной рѣчи. Словинскій языкъ служитъ органомъ обученія въ начальныхъ народныхъ школахъ большей части

словинской земли и допущенъ въ нѣсколькихъ среднихъ школахъ. Въ Крайнѣ, и частью въ Штири и Хорутани признаются за народнымъ словинскимъ языкомъ нѣкоторыя права въ мѣстной администраціи.

Однимъ изъ крупныхъ явленій исторической жизни языка нужно считать раздѣленіе его на нарѣчія и говоры. Въ этомъ отношеніи словинскій языкъ представляетъ большое разнообразіе. Къ трудному вопросу о словинской діалектологіи мы обратимся, согласно принятому порядку изложенія, въ концѣ настоящаго отдѣла. Здѣсь достаточно отмѣтить, что въ основѣ современнаго литературнаго и общественнаго языка образованныхъ классовъ лежитъ ниже-крайнское нарѣчіе. Этотъ книжный языкъ будетъ поставленъ на первомъ мѣстѣ въ ниже-слѣдующей характеристикѣ словинскаго языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ приняты во вниманіе другія народныя нарѣчія, между которыми главнѣйшія суть: верхне-крайнское, средне-крайнское, штирійское, хорутанское, горицкое, угро-словинское, резьянское.

4. Звуковыя особенности

Г р а ф и к а.

Въ словинской письменности уже съ древнѣйшихъ временъ употребляется исключительно латинская абецеда. Примѣненіе ея къ словинскому языку имѣетъ свою исторію. Вопросъ о томъ какъ приспособить латинскія буквы для обозначенія многихъ оригинальныхъ славянскихъ звуковъ, для которыхъ не было соотвѣтствій въ латинскомъ языкѣ, затруднялъ и писцовъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, и Трубера, и Далматина, и Богорича и грамматиковъ болѣе новаго времени, какъ Данико и Метелко. Въ свое время о способахъ правописанія велись ожесточенные споры ¹⁾, которые кончились только съ принятіемъ для словинской письменности хорватскаго правописанія Гая, въ свою очередь основаннаго на чешской системѣ диакритическихъ знаковъ. Первые книги, напечатанныя новымъ алфавитомъ, были Водниковы басни и комедіи: *Matiček se ženi* и *Vargh* (1840). Въ 1844 г. это правописаніе было принято въ газетѣ Блейвейса „*Novice*“ и съ этихъ поръ

¹⁾ Ср. Č a p, *Abecedno vojsko*, 1833; S c h e i n i g g, *K abecedni vojski* (Kres, 1886); Iv. K o ſ a n, *Slovenischer ABC—Streit*. (Programm d. Marburg. Gymn., 1890).

оно утвердилось въ словинской литературѣ. Дальнѣйшія измѣненія касались только частныхъ; въ этомъ отношеніи, однако, полное единство еще не достигнуто и реформа не можетъ считаться законченной: у однихъ писателей и издателей наблюдается стремленіе къ болѣе точной передачѣ звуковъ у другихъ, напротивъ, видно стремленіе къ упрощенію правописанія и сокращенію числа знаковъ.

Современная словинская азбука состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: a, b, c, č, d, e (ě, ê), f, g, h, i, j, k, l, m, n, o (ò), p, r, s, š, t, u, v, z, ž. Сверхъ того для обозначенія ударяемыхъ гласныхъ существуютъ знаки: `—для краткихъ, '—для долгихъ; такъ получаются еще два ряда начертаній: à, è, ì, ò, ù и á, é, í, ó, ú.

Буквы č, š, ž соотвѣтствуютъ русскимъ ч, ш, ж.

Буква é (ê) служитъ для обозначенія звука соотвѣтствующаго старо-слав. ѣ, а ó—особаго закрытаго, протяжнаго о, приближающагося къ и. Обѣ буквы въ настоящее время почти не встрѣчаются.

Начертанія буквъ со знаками ударенія также употребляются очень рѣдко.

Въ общемъ современное словинское правописаніе не отличается достаточною полнотою и ясностью и въ этомъ отношеніи уступаетъ своему прототипу — графикѣ чешской. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ знака для выраженія глухаго звука, занимающаго весьма важное мѣсто въ словинской фонетикѣ. Вм. ě и ò, обозначавшихъ особые характерные звуки, употребляются простые e, o. Количество гласныхъ также обыкновенно совсѣмъ не отмѣчается на письмѣ. Въ частностяхъ этимологическій принципъ имѣетъ преимущество передъ фонетическимъ; напр. слово *dal* надо читать *daui, roln — rovn, rovn — rúp*. Вслѣдствіе такихъ свойствъ общепринятаго правописанія вѣрное чтеніе словинскихъ текстовъ представляетъ для несловинца значительныя трудности. Само собой разумѣется, что въ изданіяхъ научнаго характера, посвященныхъ изученію языка, изслѣдователи пользуются болѣшимъ количествомъ знаковъ для достиженія возможно большей точности въ передачѣ словинскихъ словъ на письмѣ.

А) Г л а с н ы е.

Къ важнѣйшимъ особенностямъ словинскаго вокализма относятся слѣдующія явленія: 1) сохраненіе глухаго звука рядомъ съ обычной

замѣной старо-славянскихъ *z, ь* звонкими гласными; 2) замѣна старо-славянскихъ *ъ, ѡ* чистыми *o, e*; 3) своеобразныя и разнородныя соотвѣтствія старо-слав. *ъ*; 4) разнообразный и характерный выговоръ *o*; 5) неразличіе *и* отъ *и*; 6) слоогообразующій *r* в переходѣ гласнаго *l*—въ *ol—oi*; 7) Различіе количества гласныхъ, но только въ ударяемыхъ слогахъ.

Глухой гласный и соотвѣтствія старо-слав. *ъ, ѡ*.

Словинскій языкъ подобно болгарскому имѣетъ, кромѣ звонкихъ или полныхъ гласныхъ, глухой или полугласный звукъ. Въ современной графикѣ онъ не отмѣчается особымъ знакомъ; вмѣсто него ставятся начертанія звонкихъ гласныхъ, обыкновенно *e* (или *i, u*). Но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія для передачи глухаго былъ проэктированъ знакъ *z*. Миклошичъ и другіе филологи въ научныхъ трудахъ обозначаютъ его буквой *z*. Принятіе этого знака въ обще-употребительномъ правописаніи было бы вполне умѣстно и облегчило бы усвоеніе словинскаго языка для иностранцевъ.

Въ противоположность старо-славянскому языку, въ которомъ было два глухихъ, обозначаемыхъ посредствомъ *z* и *ь*, современный словинскій знаетъ только одинъ глухой. Функція древнихъ *z* и *ь* слились въ немъ въ одномъ звукѣ, который можно обозначить начертаніемъ *z*. По звуковой природѣ этотъ глухой звукъ, согласно опредѣленію *dr.* Облака, лучшаго современнаго знатока словинскаго яз., относится къ категоріи *e—zv.*, произносимаго съ оттяжкой языка назадъ; только въ горицкомъ нарѣчій звуковая окраска глухаго подходитъ ближе къ *a—zv.*

Глухой въ словинскомъ различнаго происхожденія: онъ или соотвѣтствуетъ старо-славянскимъ глухимъ *z, ь*, или образовался изъ звонкихъ гласныхъ уже въ историческое время.

1) Глухой удерживается тамъ, гдѣ въ старо-славянскомъ стояли *z* и *ь*, что наблюдается исключительно въ краткихъ слогахъ: *odъhniti, gъpniti, umъkniti, ръhniti, potъkniti, ръs, dъnъs, vъs, dъž, mъglâ, stъzâ, tъmâ, tъšç, sъšъn, dъskâ, svъtėti, stъblò, kъbъl, sъzem.*

2) Глухой развился изъ звонкихъ (полныхъ) въ историческое время, именно изъ *i, u, ѡ*: *drevъ* (сегодня вечеромъ), *давъ* (сегодня

утромъ), *žvot*, *so bŕli*, *jezŕk*, *vŕsok*, *bŕk*, *dŕm*, *zŕtblén*, *hŕdó*, *jŕnák*, *kŕŕs*, *stŕdén*, *sŕkó*, *sŕknó*. Процессъ перехода звонкихъ въ глухіе развился въ языкѣ не ранѣе XVI—XVII ст. (Ср. *Oblak*, *Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen*. Arch. f. Slav. Phil., XVI, 160—170). Обычный въ болгарскомъ языкѣ переходъ *a* въ глухой встрѣчается рѣдко въ словинскомъ, преим. на западѣ: *dŕlj*, *sŕni*, *mŕez*. Еще рѣже наблюдается ослабленіе *o* въ *z*: *člŕvék*, *kŕbŕwa* (Miklosich, *Vergl. Gram.*, I, 2, 316).

Такимъ образомъ словинскій глухой соотвѣтствуетъ старо-славянскимъ *z*, *z* только въ извѣстныхъ случаяхъ, именно тогда когда находится въ краткомъ слогѣ. Въ долгихъ слогахъ вм. старо-слав. *z*, *z* являются звонкіе гласные, *a* или *e*; именно въ южной и западной частяхъ словинской земли (Крайна, Приморье, юго-восточный уголъ Хорутаніи, Венеціанская область) въ этихъ случаяхъ слышно *a*: *odáhnem*, *gánem*, *umáknem*, *ráhnem*, *potáknem*, *pásji*, *dán*, *mán*, *lán*, *rán*, *láz*, *část*, *tást*, *vás* (*vicus*); такъ и въ литературномъ языкѣ. Въ говорахъ сѣверной и восточной части словинской области (Гайтальскій и Розентальскій говоры Хорутаніи, сѣверные и восточные говоры Штирии, говоры угорскихъ Словинцевъ) выступаетъ *e*: *den*, *meh*, *megla*, *ves*, *odehmem* и т. д. На окраинахъ словинской земли глухіе совсѣмъ не слышны: на крайнемъ западѣ и въ краткихъ слогахъ вм. *z*, *z* наблюдается только *a*, а на крайнемъ востокѣ только *e*: *ganiti*, *pas*, *geniti*, *pes*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ глухой въ словинскомъ яз. не перешелъ въ чистый гласный, а совсѣмъ исчезъ. На концѣ словъ исчезновеніе глухихъ произошло въ до-историческую пору. Въ срединѣ словъ, особенно въ закрытыхъ слогахъ это явленіе развилось въ историческое время и составляетъ діалектическую особенность нѣкоторыхъ говоровъ, особ. верхне-краинскихъ; напр.: *hči* (дышті), *ptič*, *sna*, *srem*, *čnes*, *gnes* (Штирии, угор. слав.). Наоборотъ иногда глухой—вставочный звукъ, для облегченія произношенія: *basŕn*, *prkazŕn*, *sedŕm*, *dobŕg*.

Относительно исторіи словинскаго глухаго нужно замѣтить слѣдующее.

Въ X ст. въ словинскомъ яз. былъ уже только одинъ глухой—*z*; въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ онъ обозначается посредствомъ *e* и *i*: *iezem*, *gezim*, *gezm*, *den*, *diniznego*, *vuez*, *vuiz*, *izpovueden*, *neztiden*, *zelom*, *mínsih*, *chísto* (къждо), *timnizah*, *ze nebeze*, *zegresil*. Изъ того

же памятника видно, что въ X ст. глухіе на концѣ словъ не существовали; внутри слова въ открытыхъ слогахъ они начинали исчезать: *zlovueski, vzet, zodni*—но в *uzizem, zudinem*.

Съ какого времени въ языкѣ развилась замѣна глухаго звонкими *a* и *e*, и какой изъ этихъ двухъ звуковъ выступилъ раньше въ роли замѣстителя болѣе древняго *z*—на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить даже приблизительно за отсутствіемъ памятниковъ языка отъ XI—XIV ст. Въ XV ст., на сколько можно судить по немногимъ найденнымъ словинскимъ текстамъ отъ этого періода; дѣло съ глухими обстояло такъ, какъ и въ настоящее время. Напр. въ Люблянск. *Confessio generalis: dalsan, ta, czast, sam* (*a* вм. *z*, согласно мѣстн. правописан.); у Трубера: *dan, zhast, rahne, pekal, meгла* (*e* вм. *z*) и т. д.

Остается безъ отвѣта и другой любопытный вопросъ: почему въ однихъ случаяхъ сохранился глухой, а въ другихъ замѣнился звонкими. За достовѣрное можно признать лишь то, что этотъ процессъ стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ въ вокализмѣ новыхъ количественныхъ отношеній.

Изъ частныхъ слѣдуетъ упомянуть, что въ нѣсколькихъ словахъ возможна замѣна *z* черезъ *o*, безъ различія количества гласнаго; напр.: *lohkó, ložje, mrtov, cerkov, so* (съ) передъ слѣдующемъ *w*.

Соотвѣтствія старо-славянскимъ *ж*, *л*.

Носовые гласные несомнѣнно существовали въ словинскомъ языкѣ, но съ теченіемъ времени какъ въ большинствѣ славянскихъ языковъ, перешли въ чистые. Исчезновеніе этихъ звуковъ произошло уже въ историческую пору. Въ X ст. они еще были слышны, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Фрейзингенскіе отрывки, въ которыхъ встрѣчаются такія слова, какъ: *rogonso, sunt, mogonska, vuegin, vuensih*. Но уже въ этомъ памятникѣ гораздо чаще старо-славянскимъ *ж*, *л* соотвѣтствуютъ чистые гласные; вм. *ж* стоитъ *и* или *o*, вм. *л*—*e*: *roguso, tmisenicom, току, zodni, duzo, zuetemu, ime, ze* и др. (ср. 400). Отсюда нужно заключать, что въ X ст. процессъ перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые былъ въ полномъ развитіи¹⁾. Тѣмъ не менѣе

¹⁾ Впрочемъ, еще въ XII—XIII в. въ грамотахъ встрѣчаются словинскія мѣстныя названія въ транскрипціи, указывающей на носовой выговоръ гласныхъ: *Lonsa, Dumbroa*. (ср. Letop. Mat. Slov., 1889, 187).

остатки ринезма удержались въ нѣкоторыхъ говорахъ до сихъ поръ. Чаще всего они наблюдаются въ тѣхъ частяхъ словинской земли, гдѣ раннее распространеніе нѣмецкаго языка задержало развитіе славянскаго, особенно въ Хорутаніи; напр.: *lenča, senči, vrgenči, srenča, obrenčati, lenčo* (вм. *telenčo*), *vrenč, venč, ulenči — ulenžem, mjesenc* (такъ и въ Резьян. г.); *monka, ronka, obronk, pont; dentev — dentve* (Канале); *vanče, vžnči и vači, veči* (Горица), *žvenk* (Miklosich, Vergl. Gram., I, 309¹).

Въ современномъ языкѣ старо-славянскому *ж* соотвѣтствуетъ (въ корняхъ и суффиксахъ) *o*, которое можетъ быть долгимъ или краткимъ; *ō*: *gōka, vōhati, dōb, gōst, gōs, golōb, kōpati, kōt, lōg, lōka, mōka, sōsed, sōd, zōb; posvōd, vodō* (твор. п. ед. ч.) *gredō* (3 л. мн. ч.²); *ō*: *gōkāv, gōba, tōča, mōka* (мѣка), *vōgrin* (жгринъ), *obrnoti, nagnoti, gibo* (вин. п.).

Старо-славянскому *л* соотвѣтствуетъ *e*, которое можетъ быть краткимъ и долгимъ; *ē*: *pēt, svēt, vžzati, роčēti, desēt, devēt, jēdro, pēta, gēd; ē*: *ječmen, zet, mehek, mesec; prestī, me, te, se*.

Въ западныхъ нарѣчійяхъ (напр. въ крайнскомъ *ē* смѣшиваются съ *é* (*ъ*), которое звучитъ какъ *je* и *ej*: *vježem, pjest, prisejžem*.

Въ частныхъ говорахъ наблюдаются слѣдующія отступленія отъ указаннаго правила. Въ говорѣ угорскихъ Словинцевъ вм. долгаго *o* (= *ж*) слышно *ou*, которое обозначается черезъ *ō*: *doub, idouca, golōb*. Въ Горицѣ вм. *ж* обыкновенно *u*; а въ ударяемыхъ слогахъ *uo*: *muož, mužje, guoba*. Въ резьянскомъ гов. также возможно *ū*: *mūka*.

Вм. *л*, въ резьянскихъ, горицкихъ, и нѣкоторыхъ хорутанскихъ говорахъ *a*: *jazik, prast, začati, gladati, gram* (градж), *ima, vzati, maso, ramat, pata, trasem se, zat*. Изрѣдка *a* слышно и на востокѣ: *začao, prijati*.

Всѣ эти разнородныя замѣны старо-славянскихъ *ж*, *л* можно прослѣдить по памятникамъ. Примѣры изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ уже приведены выше. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить единствен-

¹) Пользуемся случаемъ, чтобы исправить недосмотръ на 71 стр., гдѣ упомянуто, что болгарскій языкъ, *единственный* изъ южно-славянскихъ, сохраняетъ въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ носовые гласные. Слово *единственный* здѣсь не уместно. Впрочемъ, судя по известнымъ доселѣ даннымъ, ринезмъ въ болгарскихъ говорахъ сохранился въ большей степени и послѣдовательнѣе чѣмъ въ словинскихъ.

²) Такъ какъ долгота гласныхъ въ словинскомъ чувствуется только тогда, когда онѣ стоятъ надъ удареніемъ, то долгое *o* обозначается посредствомъ *ō*.

ный въ этомъ памятникѣ случай замѣны ѡ черезъ а: *tere im grechi vuasa postete*. Сдѣлаемъ еще нѣсколько ссылокъ на памятники XV—XVII ст.; въ *Confessio generalis* (XV в.): *sweticom, zwete, desetino, yesikom, priell, sobote, wsygamogoziga, oblublo, prossco*; въ Венец. рук. конца XV в.: *svoji, dusu, zemliu, su*; въ изданіяхъ Трубера: *mosh, na pota, goloba, bodite, odsod, sueti, ime*; въ Словарѣ *Alusia de Sommaripa* 1607 г.: *potec, pota, vzaui, grem, desset, bom, bodo, roka, blud, tusbа, iouc*.

Соотвѣтствія старо-славянскому ѣ.

Старо-слав. ѣ въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ словинскихъ соотвѣтствуютъ различные звуки, при чемъ на свойство выговора гласныхъ влияетъ количество т. е. долгота или краткость слоговъ.

По отношенію къ долгимъ (и слѣдовательно ударяемымъ) слогамъ различаютъ три главныхъ выговора:

Восточный выговоръ. Старо-слав. ѣ произносится какъ *ě* (ě), т. е. какъ узкое, долгое *e*, приближающееся къ *i*, и напоминающее французское *é*, или же какъ *ej* (созвучіе развившееся изъ *ě*). Такой выговоръ господствуетъ въ словинскихъ комитатахъ Угрии, въ Штирии, восточной Крайнѣ, Истрии и Приморьѣ. Примѣры: *besěda, běžati, brěg, ěrěda, mlěko, bejžati, brejg, ěrejda, mrejti, vrejmen, živejti, lejgat, rejkati, tejkati, rejšiti, živěti*. Опредѣлить точно въ какихъ мѣстностяхъ и въ какихъ случаяхъ слышится *ě* и въ какихъ *ej*—въ настоящее время невозможно.

Западный выговоръ. Старо-слав. ѣ произносится какъ *je*. Такой выговоръ наблюдается въ Хорутаніи (Каринтіи), сѣверо-западной части Верхней Крайны и Венеціанской области. Примѣры: *besjeda, sjel, djel, mjeseц, brjeh, sjesta, grjeh, rjeka, željezo*.

Резьянскій выговоръ. Старо-слав. ѣ звучитъ какъ *ī*: *besīda, brīh, imgīt, gīš*. Такой выговоръ свойственъ специально резьянскому нарѣчію; но иногда встрѣчается и въ другихъ говорахъ; напр.: *umīgam* (Крайна), *ĉīwa = ĉrēva* (с.-зап. Крайна).

Сверхъ того кое-гдѣ ѣ звучитъ какъ *aj* и *ja* (а): *strajla, zvajzda* (юж. Крайна), *gazati, pogaz* (Горица).

Въ краткихъ слогахъ, стоящихъ подъ удареніемъ или не имѣющихъ ударенія, ѣ звучитъ какъ *e* или *z*, т. е. имѣетъ глухой выговоръ; въ Резьянской долинѣ въ этихъ случаяхъ слышно *æ* т. е. звукъ

средній между *e* и нѣмецкимъ *ö*. Примѣры: *mreža, ded, leto, caló, dǎli* (дѣлать), *ǰdi, žbǎe, balǎk, ǰdǒ; bræza, sæsta, dæt.* — Иногда *z*, развившійся изъ *ʎ*, можетъ исчезнуть: *ǰrina=ǰrǰrina, ščemo=sěčemo, žbe=žrǰbe* (Верхн. Крайна).

Изъ трехъ главныхъ замѣнъ старо-славянскаго *ʎ* наиболее характерна та, которая встрѣчается въ восточныхъ говорахъ. Узкое протяжное *ě* вм. *ʎ* составляетъ особенность и хорватской кайшавщины; *je* и *i* сближаютъ словинскіе говоры съ другими сербо-хорватскими нарѣчіями.

Всѣ указанная звуковыя соотвѣтствія старо-славянскому *ʎ* выступаютъ въ памятникахъ XV ст. О болѣе ранней эпохѣ мы ничего не знаемъ за отсутствіемъ источниковъ. Въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ *ʎ* передается только черезъ *e*: *vuede, zuet, vzeim, teh, nedela, bese, vueki*. Такъ какъ этотъ памятникъ по предположенію ученыхъ написанъ въ области того нарѣчія (с.-западн. Крайнскаго), въ которомъ въ настоящее время *ʎ* произносится какъ *je* то можно допустить, что въ X ст. выговоръ *ʎ* стоялъ близко этимологически къ *e*. По всей вѣроятности это и было то словинское узкое, протяжное *ě*, приближающееся къ *i*, которое нужно считать типическою примѣтой слов. яз. Изъ него позже могли развиться *ej, je, i*. Въ XV ст. въ долгихъ слогахъ весьма обычно *ej*, а въ краткихъ — *e, i*, служащія нерѣдко для обозначенія глухого; напр.: *deylam, greichy, greyssill, vzeich, vzeum, teum, odroveydall, neyssim, tslovik, czlovik, dǰviczo* (Confes. gener.), *leitu, meiste* (рук. 1582), *roueidal, veiste* (Труберь); такъ и въ изданіяхъ Далматина, Хрена и др. Столь же употребительно *ě* (узкое *é*), которое обозначалось, конечно, простымъ *e*: *wsech, tech, telessa, tebe* (XV в.) *odrouedal, grehe, potrebo, beshat* (рук. 1643). Въ современномъ книжномъ языкѣ древн. *ʎ* обыкновенно передается начертаніемъ простаго *e*.

Указанные разнообразныя рефлексы древн. *ʎ* выступаютъ при образованіи словъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ *ʎ* является удлинненіемъ первонач. *e*; именно: 1) при образованіи многократныхъ глаголовъ; напр.: *lǰgati, lejgati, ljegati, létati, litati, snǰmati, odpǰrati* и т. д.; 2) при выпаденіи *j*: *pǰsem, nǰ, nejsem, nej, nǰmam, njemam*; 3) при перестановкѣ *e*: *brǰg, brejg, brjeg, brǰh, mrǰeti, mrejtǰi* и т. д.; 4) при образованіи глагольныхъ основъ, напр.: *bogatǰeti, bogatǰeti, gorǰeti, gorejtǰi*.

А.

Гласный *a* не только соответствует обще-славянскому *a* въ корняхъ и суффиксахъ, но иногда имѣеть мѣстное, позднѣйшее происхожденіе. Въ западныхъ говорахъ въ среднѣхъ словъ этотъ звукъ развился вм. старо-слав. глухихъ (*lap, shla, uzdahnem, san*), что уже рассмотрѣно выше (стр. 410). Явленіе это въ болѣе широкомъ объемѣ свойственно сербо-хорватскому языку. Ср. 245, 252.

Наоборотъ, въ тѣхъ же западныхъ говорахъ первичное краткое *a* иногда ослабляется въ глухой звукъ, который обозначается различнымъ образомъ; напр.: *daj* (далѣе), *seni* (сани), *gesrditi se, mǝz*, р. п. *mǝza, riǝgjan* (*gazdejan*), *tko = tako* (*Mikl. Vergl. Gram. I, 2, 321*). Это явленіе получило широкое развитіе въ книжномъ языкѣ.

A можетъ быть удлинениемъ первичнаго *o*: 1) при образованіи многократныхъ глаголовъ: *prebadati, premǝgati, parati, kalati, pokazati*; 2) при перестановкѣ въ формулѣ *tort*: *vrata, zlato, klati, plati*.

Е.

Гласный *e* можетъ звучать троякимъ образомъ: 1) какъ твердое *e*, соотвѣт. старо-слав. *є*: *berem, ide*; 2) какъ узкое, протяжное *e* (*ê, ê, é*) приближающееся къ *i* (*ai*): *bréza, résa, ženin* и 3) какъ широкое *e*, приближающееся къ *a* (*ea*): *žena, sestra, peta*.

Независимо отъ обще-славянскаго значенія *e* замѣняетъ: 1) старо-слав. *ѣ*: *ročeti, devet, ime, zet* (ср. 412 стр.); 2) глухой гласный, преимущественно въ восточныхъ говорахъ: *den, megla* и т. п. (ср. 410 стр.); 3) старо-слав. *ъ*—*bežati, ded* ср. 414 стр.

Въ западныхъ говорахъ наблюдаются случаи ослабленія *e* въ *z*: *jezǝgo, kamǝn, lzti, mǝtati*; еще болѣе поздніе новообразованія: *tǝga, nebeškǝga, nebeškǝmu*.

E можетъ быть вставочнымъ звукомъ среди согласныхъ группъ и иногда чередуется съ *a* и *z*: *rekel, ogenj, sester, basǝn, isker, iskar, oster, ostar*.

О.

Подобно другимъ гласнымъ *o* можетъ быть долгимъ и краткимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ разныхъ мѣстахъ области словинскаго языка выговоръ этого звука имѣеть свои отгѣнки.

Долгое *o* произносится какъ обыкновенное, протянутое *ō* въ Штириі: *bōg, mōst*; на крайнемъ востокѣ оно звучитъ какъ *om* (*ó*):

boug, *gospoud*, *moust* или *bôg*; на западѣ и юго-западѣ (въ Хорутавіи, Крайвѣ, Горицѣ)—какъ *и*: *bug*, *byh*, *mij*; въ венеціанской области—какъ *и̇*: *buog*, *moust* (по *mostū*), *otriok* (р. п. мн. ч.) *sladkuo*; въ резьянскомъ нар.—какъ *и̇*: *būh*, *mūst*.

Краткое о обыкновенно звучитъ какъ *о*: *voda*; на юго-западѣ, гдѣ долгое *о* = *и*, краткое *о* произносится какъ *о̇*: *dôabro* (*dôbro*), *ôap*, *môalim*, въ резьянскомъ нар.—какъ *ѵ*: *bôp*, *bôha*.

Выговоръ долгаго *о* какъ *и* наиболѣе распространенъ въ языкѣ. У писателей XVI в. и въ рукописяхъ XV в. онъ принятъ за общее правило, при чемъ по аналогіи написаніе *и* вм. *о* перенесено и на неударяемые слоги. Когда и какимъ путемъ изъ *ѵ* выработалось *и* нельзя установить на основаніи сохранившихся памятниковъ языка. Въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ находимъ только *о* (*bog*, *gozpod*), откуда можно заключать, что въ X ст. *ѵ*—еще не переходило въ *и*. Впрочемъ чередованіе *о* и *и* при замѣнѣ старо-слав. *ж* (*toku*, *misepicom*, *zodni*, на *sidinem dine*, *duso*, *dusi*), по нашему мнѣнію указываетъ, что начало процесса измѣненія *ѵ* въ *и* лежитъ въ глубокой древности. Въ XV ст. это явленіе получило уже широкое развитіе. Въ памятникахъ *и* вм. *о* стоитъ и въ неударяемыхъ слогахъ. Напр. въ Conf. gener.: *ynи*, *gospudy*, *czesti*, *malи*, *veliki*; въ Зак. 1582: *gospud*, *gdi*, *preruid*, *meisti*, *leitи*; въ изд. Трубера: *mie*, *gougil*, *sariwidi* и др. По аналогіи съ другими славянскими языками, въ которыхъ наблюдается переходъ *о* въ *и* (напр. съ малорусскимъ, польскимъ, чешскимъ), нужно думать, что и въ словинскомъ *ѵ* переработалось въ *и* постепенно; посредствующими звеньями были сочетанія *ио* и *ои*, доселѣ сохраняющіяся въ нѣкоторыхъ говорахъ. Эти сочетанія оказываются и въ памятникахъ стариннаго языка, напр. въ словарь *Alusia da Sommaripa* 1607: *ciolo*, *stou*, *messou*.

Любопытно сопоставить словинскій переходъ *ѵ* въ *и* съ аналогичнымъ по *внѣшности* явленіемъ въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ *неударяемое о* переходитъ въ *у*. Ср. 81—82 стр.

Въ современномъ книжномъ языкѣ долгое и краткое *о* обыкновенно не отмѣчаются особыми знаками. Иногда, впрочемъ, для обозначенія *ѵ* пользуются начертаніями *ѵ* или *ѵ̇*.

Словинское *о*, кромѣ соответствія обще-славянскому *о*, замѣняетъ старо-слав. *ж*: *gôš*, *gôka*, *moка*, *loка*, *ribo*, *vôdo*, *gredô*. Ср. выше стр. 412.

Въ верхне-краинскомъ нар. *o* замѣняетъ *и* въ неударяемыхъ слогахъ: *gospódo* (д. п.). Ср. ниже.

Иногда *o* можетъ перейти въ *z*: *člǎvĕk*, *kǎbiwa*, *kalesa*.

I.

Гласный *i* соотвѣтствуетъ не только старо-слав. *и*, но и *ы*: *sito*, *tiskati*; *řiba*, *bĭl*, *mĭ*, *tĭ*, *umĭti*.

Въ старомъ языкѣ несомнѣнно существовалъ особый звукъ, соотвѣтствовавшій старо-слав. *ы*; онъ исчезъ уже въ историческое время. На это указываютъ Фрейзингенскіе отрывки, въ которыхъ *ы* передается не только черезъ *i*, но и черезъ *и*, *и* *и* *и* *и*, *e*: *muzlite*, *mui*, *bui*, *miloztivui*, *imugi*, *beusi*, *te*. На основаніи правописанія мѣстнаго имени *Быстрица* (*Vustrice*, *Viustriza*, *Fiustriz*), въ латинскихъ грамотахъ X—XII ст., писанныхъ въ предѣлахъ словинской земли, можно заключать, что различіе между *ы* и *и* сохранялось въ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ словахъ, до XII в.

Краткое *i* въ неударяемомъ слогѣ ослабляется въ глухой гласный: *давz*, *древz*, *жъvot*. Ср. выше стр. 409—410. Равнымъ образомъ начальное безударное *i*, предшествуемое *іотомъ* переходитъ въ *z*: *jǎgla*, *jǎgra*, *jǎlovica*, *jǎmǎm*. Тоже относятся къ *i*, замѣнившему первоначальное *ы* въ западныхъ нарѣчіяхъ: *so bǎli*, *jezǎk*, *dǎm*, *mǎš*, *sǎg*, *bǎk*, р. п.—*bĭka*, *dĭma* и т. д. На востокѣ слышно *i*: *dĭm*, *mĭš* и т. д.

Въ восточныхъ нарѣчіяхъ *i* можетъ замѣнять безударное *и*: *jĕmi* (ему), *kómi* (кому), *z lidmi*, *Petrĭ* (Петру), *Risale* (Русалья), *řisalski*.

Въ резьянскомъ нарѣчій *i* соотвѣтствуетъ старо-слав. *ѣ*: *vĭga*, *brĭh*, *gĭč*.

Ср. о гласн. *i* въ болгарскомъ (82 стр.) и сербо-хорватскомъ яз. (256 стр.).

U.

Гласный *и* сохраняетъ свой настоящій чистый выговоръ только въ срединной части словинской области. Въ Верхней Краинѣ онъ удерживается только въ ударяемыхъ слогахъ, въ безударныхъ же *и* слышно *o*: *komĭ*, *gospódo*; такъ и въ старинныхъ памятникахъ: *Dauido*, *greho*, *zhloveko*, *brato* (Рукопись Скалара 1643). На востокѣ *и* звучатъ какъ нѣмецкое *ü*: *čüditi se*, *glüp*, *müzga*, *tüh*, *trüp*; въ неударяемыхъ слогахъ здѣсь *i* вм. *ü*: *jĕmi*, *komĭ* (ср. выше о гл. *i*). Въ резьянскомъ нар. долгое *и* провозносится какъ *ü*: *dūša*, *hūdi*.

U соотвѣтствуетъ старо-слав. *ѣ* и сверхъ того: 1) замѣняетъ долгое *ō* въ западныхъ и юго-западныхъ говорахъ: *bug*, *pij*. Ср. выше стр. 416; 2) на крайнемъ востокѣ и на крайнемъ западѣ является рефлексомъ слогаобразующаго *l*: *dig*, *rip*, *vik*; 3) въ западныхъ говорахъ образуется изъ конечнаго *v*: *vrai*, *hliv* (хлѣвъ), *moliti*, *poj* (*rovej*).

Въ западныхъ говорахъ *u* въ неударяемыхъ слогахъ ослабляется въ глухой: *zgačlén*, *pádo*, *jápak*, *kárъc*, *szhó*, *dah* (= *dug* = *dlg*).

Слогообразующій *r* (г). Переходъ гласнаго *l* (*l*) въ *ol*—*ou*.

Подобно сербо-хорватскому, чешскому и словацкому языкамъ, словинскій имѣетъ гласный или слогообразующій *r*. Въ старомъ языкѣ существовалъ и другой плавный гласный — *l*, который съ теченіемъ времени и здѣсь, какъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ, получилъ особую полную вокализацию—*ol*—*ou*.

Гласный *r* наблюдается въ большей части словинскихъ говоровъ: *brz*, *črv*, *brdo*, *drn*, *umrl*, *grlo*, *Grgor*, *Grk*, *grmēti*, *država*, *trditi*, *črn*, *vršiti*, *krv*, *srce*. Усвоенъ этотъ звукъ и литературнымъ языкомъ, гдѣ обозначается обыкновеннымъ *r*. Только кое-гдѣ на западѣ словинской области¹⁾ вм. гласнаго *r* слышно *ar* (*er*): *čarn*, *obarvi*, *harlo*, *karvi*, *sarce*, *smardiet*, *tarpljenje*, *varv*, *bardo*, *čarni* (*černi*), *darži*, *smart* (*smert*).

Гласный *r* нужно считать исконною особенностью словинскаго языка, а *ar*—діалектической чертою, возникшею уже въ историческое время. О существованіи гласнаго *r* въ языкѣ X ст. свидѣлствуютъ Фрейзингенскіе отрывки, въ которыхъ этотъ звукъ передается черезъ *r*, *re*, *ir*, *ri*: *mrzna*, *creztu*, *zopirnicom*, *zemirt*, *mirzcih*, *crisken*, *zridce*. О томъ же говорить путанное правописание собственныхъ словинскихъ именъ въ латинскихъ грамотахъ XII—XIII в.; напр.: *Trestoniz*, *Tsirnowe*, *Verhach*, *Osterwiz*, *Tirnovlach*. Въ немногочисленныхъ рукописяхъ XV в. замѣтно болѣе послѣдовательное употребленіе то *ar* (въ *Conf. gener.*, Целовецкая рукоп.) то *er* (перг. листки 1492 г.), но кажется, эта послѣдовательность была вызвана стремленіемъ писцовъ

¹⁾ Въ какихъ именно говорахъ, точно еще не разъяснено.

держаться однообразнаго обозначенія затруднявшаго ихъ гласнаго *r*. Во всякомъ случаѣ въ XVI ст. мы опять встрѣчаемся со смѣшаннымъ правописаніемъ *er*, *ar*, указывающимъ на *ʔ*; напр. у Трубера: *deršhati*, *serde*, *kerstu*, *gardu*, *garde*; у Далматина: *včèrła*, *obernete*, *sèrce*, *smerti*, *kārshanske*, *kārszheniki*, *parsty*. Обозначеніе гласнаго *r*, то черезъ *ar*, то черезъ *er* долго держалось и въ новѣйшей письменности, какъ это было и у Хорватовъ, пока, наконецъ, не вошло въ общее употребленіе простое *r*. Это обстоятельство конечно, мѣшаетъ выяснить, когда именно изъ обще-словинскаго *ʔ* выработались діалектическія *ar*, *er*.

Гласный *l* уже не существуетъ въ современномъ словинскомъ языкѣ; онъ перешелъ въ *ol*, которое обыкновенно звучитъ ой; въ нѣкоторыхъ говорахъ это ой стянулось въ *u*. Примѣры: *dolg*, *volk*, *mol-knoti*, *roln*, *solza*, *volna*. Во всѣхъ этихъ словахъ *ol*, принятый въ современномъ правописаніи, произносится какъ ой: *doŭg*, *voŭk*. Ясно слышится *l* только въ нѣкоторыхъ резьянскихъ говорахъ. На крайнемъ востокѣ и крайнемъ западѣ вм. *ol* произносятся *u*, какъ въ сербо-хорватскомъ: *dūg* (Вост.), *duh* (Зап.), *hūm*, *suza*. Въ верхне-краинскомъ нар. *l* въ *ol* выпадаетъ: *močat*, *woká*; при этомъ *o* можетъ перейти въ глухой: *džlno* (*dožno*, *длжно*).

Встарину словинскій языкъ зналъ гласный *l* также какъ и *r*. Для X ст., важное свидѣтельство представляютъ Фрейзингенскіе отрывки: *slzna*, *pulti*. Миклошичъ¹⁾ полагалъ, что этотъ звукъ держался въ языкѣ въ XVI ст., на что указываетъ колеблющееся въ изданіяхъ этого вѣка (напр. у Трубера) правописаніе словъ какъ *dlg*, *delge*, *dalge*, *dolge*. Впрочемъ, по мнѣнію Облака (*Letop. Mat. Slav.*, 1889, 141—142) въ срединѣ XVII в. *l* представлялъ уже остатокъ старины и сохранялся въ немногихъ словахъ; обыкновенно онъ замѣнялся черезъ *ol*. Въ памятникахъ XV. в. вм. *ol* видимъ *al* (*dalsan* — Conf. gener.), *dalge* — Целов. рук.) которое, по всей вѣроятности обозначаетъ еще *l*. Такимъ образомъ указанный звуковой процессъ измѣненія *l* въ *ol* падаетъ на XV—XVI ст. Въ словарь *Alasia de Sommaripa* 1607 г. уже была выражена послѣдняя ступень звуковаго превращенія гласнаго *l*—ой, *u*; *rouna*, *parounit*, *rouna*, *dughe*, *dougo*.

¹⁾ Über den Ursprung der Worte von der Form *aslov. trzt* (*Denkschrift. d. Wien. Akad. Bd. XXVII.*)

Словинскимъ гласнымъ *r, l (ol—ov)*, въ славянскомъ произношеніи соответствуютъ сочетанія плавныхъ съ гласнымъ, стоящимъ впереди или позади плавнаго. Словинская формула *trt* обыкновенно образовалась изъ праславянской формулы *tert*, (*търт, тѣрт*); напр.: *črt, črv, srce, smrt, dolg, volk*. Ср. *русскія*: червь, червь, сердце, смерть, долгъ, волкъ; *польскія*: *czarny, czerw, gardlo, smierc, pełny, wiłk*. Иногда, именно въ словахъ заимствованныхъ, *r* возникло даже изъ *ar, or*; напр.: *grbin* (итал. *garbino* юго-западн. вѣтеръ), *krbin* (ит. *carbone*) *srđella* (итал. *sardella*), *škrlat* (ит. *scarlato*) *žrg* (нѣм. *Sarg*). Но не рѣдки случаи, гдѣ словинской формулѣ *trt* соответствуютъ праславянскія *trāt, trāt, tret, trāt: krv, krví, karví* (венец.), *krst, rž, boha, bŕha* (рез.), *brnĕti, grnĕti, solza, krvica, pr* (вм. *prĭ*), *pršwa* (в. Крайн.), *prĭšla* (на Востокѣ); ср. *русскія*: кровь, блоха, гремѣти, слеза, пришла; *польскія*: *krew, reż* и пр. Ср. 260 стр. Возможно образованіе словин. *trt* и изъ *trĕt, tral, trot*; напр. *črvo* и *črevo, prtiti* (прѣтити), *srđina* и *sredina, strliti* и *strĕliti, trbe* (старо-слав. *тръба*), *enkrt, jĕnkrt* (н. Крайн.) и *enkrt, prso* и *proso*.

Изъ праслав. формулы *tert* образуется въ словинскомъ не только *trt* но и *trĕt: brĕme, črĕda, črĕp, črĕz* и *čez, mlĕz, mrĕti*; Иногда е— краткое: *brĕza, mlĕti*. Также особенность наблюдается въ старо-славянскомъ, сербо-хорватскомъ, болгарскомъ, чехо-моравскомъ и словацкомъ языкахъ.

Подобнымъ образомъ изъ праслав. *tort* въ словинскомъ получается *trat: grad, hrast, mladiti, slana, vlaga*.

Долгота и краткость гласныхъ.

Словинскій языкъ, подобно сербо-хорватскому, чешскому и словацкому, различаетъ количество гласныхъ, но не въ такой степени какъ эти языки (ср. 262 стр.). Онъ знаетъ долгіе и краткіе гласные, но отступаетъ отъ обще-славянскаго языка въ томъ отношеніи, что ставить количество въ нѣкоторую зависимость отъ ударенія; именно долгимъ въ словинскомъ можетъ быть только ударяемый гласный; краткіе же гласные могутъ принимать удареніе или не принимать: въ первомъ случаѣ они обыкновенно стоятъ въ заключительныхъ слогахъ или въ односложныхъ словахъ.

По утверждѣнію Мильошича, краткость бываетъ только однородная (напр. brāt), долгота-же двоякая: простая (vrāt — воротъ) или двойная (vrāt̄ — воротъ р. п. мн. ч.¹).

Для опредѣленія того въ какихъ случаяхъ гласные бываютъ краткими и въ какихъ — долгими, не существуетъ никакихъ правилъ. Примѣры краткихъ гласныхъ: brāt, dǎž, bōb, šīl, vǎrt, kōza, vōda. Примѣры долгихъ гласныхъ: nāgod, žēna, brēza, zīma, gōga, kōža, kljúč.

Долгое $\bar{o}$ въ разныхъ говорахъ имѣетъ различный выговоръ: $\bar{o}$, *oi* ($\bar{o}$), *u*, *uo*, $\bar{u}$. См. 415—416 стр.

Относительно долготы и краткости иногда наблюдается рѣзкая разница между нарѣчіями и говорами. Краткіе гласные восточныхъ говоровъ нерѣдко звучатъ какъ долгіе въ западныхъ; напр. на востокѣ: bōba (р. п.), bōgem, bōdem, gōga, kōsa, krōtek, vōda; на западѣ — *bi*ba (= bōba²), bōgem, *bi*dem, *gi*ga, *ki*sa, *kr*itek, *vi*da.

Въ частностяхъ вопросъ о количествѣ гласныхъ въ словинскомъ языкѣ почти не разработанъ. Общія положенія о происхожденіи долготы и о чередованіи долгихъ и краткихъ гласныхъ, указанныя (стр. 263) для сербо-хорватскаго языка могутъ относиться и къ словинскому языку.

Словинскія долготы не соотвѣтствуютъ праславянскимъ, а имѣютъ самостоятельное происхожденіе. Онѣ возникли а) черезъ стяженіе двухъ гласныхъ или б) черезъ удлиненіе первоначально-краткихъ гласныхъ. Путемъ стяженія образовались долгіе гласные въ такихъ словахъ, какъ: rās, svāk, gosrā, zēs (см. ниже — о стяженіи гласныхъ). Долготы, образованныя черезъ удлиненіе краткаго гласнаго, могутъ быть различнаго происхожденія: болѣе древняго и болѣе новаго. Къ первымъ относятся тѣ случаи, въ которыхъ другіе славянскіе языки или представляютъ долгіе гласные (какъ сербо-хорватскій, чешскій) или же сохраняютъ остатокъ прежней долготы; напр.: mōka, sōd, dōb, mlād, brāda. Ко вторымъ нужно причислить большую часть остальныхъ долготъ, образовавшихся изъ краткихъ гласныхъ вслѣдствіе положенія послѣднихъ передъ группами согласныхъ или просто подъ

¹) Нѣкоторые изслѣдователи, признаютъ еще болѣе степеней долготы. Такъ Штрекель различаетъ гласные sredni, dolgi i pravodolgi. Rad LXXIII. См. ниже объ удареніи.

²) Въ этомъ и слѣдующихъ примѣрахъ $\bar{o}$ звучитъ какъ *u* по общему правилу западныхъ говоровъ.

влияніемъ ударенія; напр.: bēgba, bōg, bogá, dōm, sōl, zōgja, trāva, pāsem.

Количество гласныхъ находится въ тѣсной связи съ удареніемъ. Связь эта сильнѣе, чѣмъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Наиболѣе рѣзко она выражена въ приведенномъ выше законѣ: *долгимъ гласнымъ можетъ быть только ударяемый*. Такимъ образомъ долгій гласный не можетъ ни предшествовать ударяемому гласному, ни слѣдовать за нимъ. Вслѣдствіе такой зависимости количества отъ ударенія, долгіе гласные, не имѣющіе ударенія, становятся краткими и, наоборотъ, краткіе превращаются въ долгіе; напр.: život—živóta, sókol—sókóla, jelen—jéléna, óreh—óréha, člověk—človéka, národ—náróda. Въ односложныхъ словахъ весьма употребительны долгіе гласные; напр.: brāt (супн) и brāti, prāt и prāti, spāt и spāti (въ чешск. яз. spāti), bōg—bogá, brēg—bregā, vōlk—volkā, grōm—grōmā, dūh—dūha, rōb—robā, gōs—gōsi, zvēr—zverī и др. Впрочемъ иногда бываетъ на-оборотъ: въ односложныхъ словахъ наблюдается краткій гласный, который переходитъ въ долгій, если слово увеличивается на одинъ слогъ; напр. въ прич. прошедш. дѣйств. II: krāl—krāla, plāl—plēla, klāl—klēla. На востокѣ: kmēt—kmēta, zēt—zēta; напротивъ на западѣ: kmēt—kmēta, zēt—zēta.

На чередованіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, кромѣ ударенія, могутъ вліять и другіе факторы, какъ напр. дифференціація значенія слова или измѣненіе объема слова.

Въ словинской графикѣ долгота и краткость обыкновенно не отмѣчаются особыми знаками. Принятыя для обозначенія ударенія знаки акута (´) и грависа (˘) могутъ служить и для указанія долготы и краткости, такъ какъ акутъ ставится только на долгихъ гласныхъ, а грависъ на краткихъ.

Уподобленіе и стяженіе гласныхъ.

Уподобленіе и стяженіе гласныхъ весьма обычное явленіе въ языкѣ. Именно: 1) *aje* = *aa* = *a*: delam, delamo; 2) *aje* (aṁ) = *e*: zēs; 3) *ėje* = *ěě* = *ě*: želém (želejem), belem; 4) *oja* = *aa* = *a*: pās, svāk, bāti se, *a* можетъ быть и краткимъ: ma, fva, sva; 5) *oje* = *ee* = *e*: me, tve, sve (= мое и моѣ), metu; 6) *oji* = *i*: tvi, svi.

Примѣры уподобленія и стяженія гласныхъ находятся уже во Фрейзингенскихъ отрывкахъ: *clapamze, presturam, ocleuetam* (1 л. мн. ч.), *mega*.

Закономъ уподобленія объясняются: 1) переходъ *ja, jo* въ *je*: *bojevati, kraljevati*; *mešem* (но въ восточныхъ говорахъ: *mojo*), *kraje, zarje, karlje, volje* (юго-зап. гов.); 2) переходъ *aj, oj* въ *ej*: *krej, dej, igrej; rejđ, rejmo* (въ западн. гов. вм. *rojđ*); 3) переходъ *al, av* въ *oi, ov* (въ западн. гов.): *proov, proŭ, pro, pri* (*prav*), *goŭpina, zdroi* (*zdrav*), *delau, delou, delu, delo* (*delal*); 4) переходъ (въ западн. гов.) *iv, il* въ *oi, u*: *doija* (*divja*), *dŭjak* (резьбн.), *si* (в. крайн.) = *siv*; *straŭi* (в. крайн.) = *strašil*; *jubi* = *ljubil*, *ubi* (в. крайн.) = *ubil, hvaliu, posu, ŕei, ŕai, ŕo, ŕu* (шль). Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ согласный оказываетъ известное дѣйствіе на гласный вслѣдствіе чего послѣдній приспособляется къ первому. Въ этомъ и состоитъ ассимиляція. Ср. Miklosich, *Vergl. Gr.*, I, 331. Относительно перехода *ja* въ *je* и *aj* въ *ej* ср. болгарскій яз. (стр. 80). Особенное развитіе это явленіе получило въ чешскомъ языкѣ, гдѣ оно носитъ названіе пере-гласовки или суживанія гласныхъ; напр.: *duše, země, dej*.

Любопытны случаи стяженія съ выпаденіемъ согласнаго: *grem* (*gredem*), *en* (*jeden*); *žmo* (в. крайн.) = *živimo, glej* (*gledi*); *bō* (*bōde*), *pte* (в. крайн.) = *bodete*.

З і я н і е.

Зіаніе устраняется появленіемъ между гласными *j, v, n*: *dajati, bijem, znovati, zastava, odeven, grévati, prevoriti, število* (число), *su-vati; k njemu, sneti, vneti, sniti*.

Отпаденіе, выпаденіе и вставка гласныхъ.

Въ словинскомъ языкѣ могутъ отпадать и выпадать слѣдующіе гласные: *i*: *там, pači, nŕgaz, skušen, angele, sodte, sjati*; *u*: *bog* (*ubog*), *razha* (*pazuha*); *o*: *biskati* (*obiskati*); *je* — въ эвэлитическихъ формахъ: *ga, mu*. О выпаденіи глухого ср. 410 стр.

Вставочный гласный—*z, e*: *dobz, rekel, izegnati, sedz, szn*.

Гласные въ началѣ словъ.

Словинскій языкъ не охотно терпитъ гласные въ началѣ словъ. Передъ начальнымъ гласнымъ обыкновенно слышны *j*, *v* или *g*: *ja*, *jaz*, но и *a*, *jáblan* и *áblan*, *jajsa* и *ajsa*, *janje*, *jenkrt*, *janprt* (ниж. крайн.), *jemat*, *wósem* (вер. крайн.), *vičeničnik*, *vud*, *čušel*, *gujzda* (*úzda*), *gun*, *gúna* (он, она).

В) С о г л а с н ы е.

L, N, R.

Словинскій языкъ, подобно сербо-хорватскому, знаетъ только двойное *l*: среднее и мягкое. *Среднее l* звучитъ одинаково передъ узкими и широкими гласными: *lani*, *glava*, *člověk*, *veliki*, *hvali*, *lés*. *Мягкое l* (*lj*) возможно только передъ йотованными гласными и выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ и въ старо-славянскомъ *ljudje*, *ljubov*, *zemlja*, *kralj*.

Твердаго *l*, существующаго въ русскомъ и польскомъ языкѣ (*ł*), современный словинскій языкъ, кажется, совсѣмъ не знаетъ. Проф. Бодуэнъ де-Куртенэ (Отчеты II, 72) отмѣчаетъ такое твердое *l* въ средне- и ниже-крайнихъ говорахъ, но его показаніе стоитъ въ противорѣчїи съ утвержденіемъ мѣстныхъ знатоконъ языка какъ Шкрабець, который категорически говоритъ, что твердое *l* въ словинскомъ языкѣ совсѣмъ вымерло. Впрочемъ, судя по свидѣтельствамъ, приводимымъ въ грамматикѣ Миклошича (I, 337), нужно думать, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія кое-гдѣ (близъ Циранца, Рейсница) еще слышалось твердое *l*. Существованіе его въ языкѣ въ древнюю пору не подлежитъ сомнѣнію. Для XVI ст. оно засвидѣтельствовано самимъ Труберомъ и Богоричемъ. Въ русскаго и польскаго твердаго *l* въ словинскомъ обыкновенно среднее *l*; только на концѣ словъ и передъ согласными выступаетъ *u*, *o*. Ср. выше стр. 419.

Указанія на мягкое *l* представляютъ уже памятники XV ст.: *semglu* (венец. лист. 1497 г.).

Въ говорахъ Верхней Крайны и Хорутанїи и кое-гдѣ въ Нижней Крайнѣ вм. ожидаемаго твердаго *l* слышно *w* или звукъ среднїй между *ł* и *w*: *bwato*, *bwčewa*, *čwóik* (*člověk*), р. п. *čwowjeka*, *gwawa*,

gowóf (голябъ), wádja (ladja), waš (лъжь), zwo (зѣло). Въ концѣ словъ и въ серединѣ передъ согласными вм. w — ŷ: bjeŷ (bjel), jŷŷ (илъ), šoi, boŷn (больнъ). Среднее *l* также можетъ переходить въ *w* — *u*: wohka (legko), žou (žal). Въ резьянскомъ нар. *l* на концѣ сохраняется bgał, dał.

Мягкое *l* (*lj*) въ горлицомъ нарѣчїи и въ восточныхъ говорахъ замѣняется среднимъ *l*, а на крайнемъ западѣ (въ резьянскомъ и венеціанскомъ нар.)—*j*: ledi (ljudij), pelá, buj, bujši, kraj (краль), jibu, med judmi. На крайнемъ востокѣ *lj* переходитъ черезъ *l* въ *o*: kŷao, perrijateo (гов. угор. слав.).

N также смягчается только передъ іотованными гласными: knjiga njiva, žnjisa, njega, konja, branjen. Возможно и новѣйшее смягченіе подъ влияніемъ суф. *ije*: spranje, kamenje, zrnje (нужно читать: spráne, kameńe, zrnje) изъ spranije, kamenije, zrnije. Такого поздняго смягченія, въ противоположность сербо-хорватскому, не знаетъ словинское *l*: bilje, veselje не = bil'e, vesel'e. Ср. 267 стр.

Узкіе гласные *e*, *i*, *ě* (*n*), а равно исчезнувшій въ до-историческую пору *ь* не смягчаютъ предшествующихъ *l*, *n*: ležanje, list, lipa, mléko, kōrel, nikakog, knežič, dan, dlan. Изъ этого правила встрѣчаются исключенія: ŷita, ŷesu (неслѣ), ml'iko, snidu, gnizdo, snih (в-крайн.), l'ip, l'is (резьян. в.).

Настоящаго мягкаго *r*, соответствующаго мягкому *r* въ русскомъ, чешскомъ и польскомъ, словинскій языкъ незнаетъ; но онъ удержалъ оттѣнокъ мягкаго произношенія этого звука въ извѣстныхъ случаяхъ, чего нѣтъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ, за исключеніемъ чакавщины. Такой смягченный *r* обозначается посредствомъ *rj*: morje, morja, gorje, zorja, večerja, cesarja, po cesar, udarjen.

На ряду съ *r* и *l* иногда можетъ быть слогообразующимъ и *n*: šnt вм. šent (sanctus). Miklosich, Vergl. Gr., I, 340.

Сочетанія *nb*, *nr* превращаются въ *mb*, *mr*: himbarija, obramba, zasimba.

Т, D.

Смягченіе зубныхъ *t*, *d* въ словинскомъ, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, даетъ свои характерные звуки: *tj* = *č*, *dj* = *j*. Это господствующая въ языкѣ форма смягченія. Въ частныхъ нарѣчїяхъ и говорахъ наблюдаются и другіе виды превращеній пра-слав. *tj dj*.

Ї соотвѣтствуетъ старо-слав. *шт*, *ј*—старо-слав. *жд*. Смягченіемъ ѵ словинскій сближается съ русскимъ яз. Смягченіемъ *ј*—съ чакавскимъ сербо-хорватскаго языка. Примѣры: *hošem* и *hošo*, *obešati*, *svěša*, *grěša*, *bežečki*, *domaći*, *veš*; *gosproja*, *žeja*, *prej*, *tuj*, *młaj* (новолуніе), *voj*, *jěj*, *jějte*.

Вторичныя *tj*, *dj* т. е. развѣвшіяся въ историческую пору, не подвергаются указаннымъ измѣненіямъ; напр.: *pitje*, *ozidje*, *ladja*; впрочемъ—*trečji*. Ср. сербо-хорв. яз. 268 стр.

Какъ діалектическія особенности нужно замѣтить: 1) *tj* = сербо-хорв. *ć* (ћ), 2) *tj* = *k* (*kj*), 3) *dj* = сербо-хорв. *gj* (гъ).

Tj = *ć* (ћ) въ резьянскомъ и венеціанскомъ нар. и въ Рогинѣ (между Канале и Толмейномъ) и Истрии: *oša* (отецъ), *obašal*, *šop*, *vāš*, *viš*, *věš*, *domaći*, *obrašat*, *zmošep*, *treša*.

Tj = *k* (*kj*)—спорадически въ ниже-краинскомъ, хорутанскомъ, горицкомъ нарѣчіяхъ: *keden* (*tjeden*), *treki*, *treka*, *tretki* (хорут.), *rekja* (гориц.). Ср. болгарскія нарѣчія стр. 174, 179, 183.

Dj = *gj* (гъ) — въ резьянскомъ и угро-словинскомъ нарѣчіяхъ (преимущественно позднѣйшее *dj*): *gjat* (дѣяти), *ogjat*, *rogjen*.

Въ древнѣйшемъ словинскомъ памятникѣ, въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, вм. *tj* выступаетъ—*k*: *esse* (аште), *uzemogoki*, *imoki*, *mogoncka*, *lerokan*, *romoki*, *bozzekacho*, *bozsekahu*, *choku*, *prijemlioki*. Отсюда нужно заключать, что въ языкѣ Фрейзингенскихъ отрывковъ отразилось одно изъ западно-словинскихъ нарѣчій. Такое *k* встрѣчается и въ рукописяхъ XVI—XVII в.: *treke*, *trekemu* (рук. 1582), *trekij*, *pruki* (рук. Скаляра 1643).

Въ верхне-краинскомъ нар. конечное *d* звучитъ какъ новогреческое *ð* или англійское *th*: *goth*, *gath*, *mwath* (*mład*), *labúth*. Въ томъ же нарѣчій мѣстами вм. конечнаго *d* слышно *s*: *grás*, *mwás*, *gás*.

Сочетанія *tl*, *dl* допускаются языкомъ въ западныхъ нарѣчіяхъ, а въ восточныхъ зубные обыкновенно устраняются; напр.: *kridlo*, *motovidlo*, *šidlo*, *vedla* (рез. н.), *ukradla*, *vedla* (вен. н.), *dopleŭla*, *dopredla* (верхне-крайн. н.); *mella*, *sedlo* (общ. словин.), *plel*, *bol*, *jel*, *moliti*, *jelo*, *pleo*, *krao* (угро-слав. н.). Пра-словинскими нужно считать *tl*, *dl*. Въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ: *modliti*. Въ рукоп. 1582 г.: *saradl*, *saradel* и *saral*.

Сочетанія *tt*, *td* переходятъ, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ *st*: *jesti*, *plesti*, *slast*, *věst*.

Сочетанія *tk*, *dk* переходятъ въ *hk*: *gwahko* (гладко), *swahko* (на западѣ) *krahhki*.

Группа *dč* (*dit*) превращается въ *hč*, *hč*, *sč*: *hči*, *hčí*, *sči*.

Р, В, V, М, F.

Губные *p*, *b*, *v* и губно-носовой *m* въ соединеніи съ іотованными гласными, принимаютъ, какъ въ старо-славянскомъ, сербо-хорватскомъ и русскомъ языкахъ, вставочное *l*, которое смягчается; т. е. *pja*, *bja*, *vja*, *mja* превращаются въ *plja*, *blja*, *vlja*, *mlja*; напр.: *karlja*, *konoplja*, *ljubljen*, *greblja*, *stavljati*, *zemlja*. Если группы *pj*, *bj*, *vj*, *mj* позднѣйшаго происхожденія, то обыкновенно не принимаютъ вставочнаго *l*; напр.: *živenje*, *gtménje*, *sporje* (иначе въ сербо-хорватскомъ ср. 270 стр.). Впрочемъ наблюдаются и исключенія: *bratovlji*, *sinovlji*.

Въ юго-западныхъ нарѣчіяхъ (венеціанскомъ, резыанскомъ, частью горицкомъ) *p*, *b*, *v*, *m* смягчаются безъ помощи *l*, какъ это бываетъ вообще въ сѣверо-западныхъ славянскихъ языкахъ: *zemja*, *zguibjen*, *ozdravjen*, *jubjen*, *kurjen*.

Мягкое *l* въ *plja* и пр. въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ среднее: *ozdravlen*. Такое явленіе наблюдается уже въ XVII в.: *rogubleno*, *postauleno* (рук. Скаляра 1643 г.).

Указанія на смягченіе губныхъ посредствомъ *l* представляютъ уже памятники XV ст.: *oblublo* (Любл. Conf. gener.).

P, *b*, *v*, *m* передъ *i* звучатъ мягко *p̃*, *b̃*, *ṽ*, *m̃*: *p̃iše*, *b̃ili*, *m̃iso*, *videt*.

Въ верхне-краинскомъ н. *b* на концѣ словъ произносится какъ *f*: *bof*, *zbf*, *dowōf*.

Въ восточныхъ нарѣчіяхъ одно *v*; въ западныхъ отличаютъ *v* отъ *w*, близко похожаго на англійское *w*. Въ резыанскомъ нар. первое слышно обыкновенно передъ древнимъ *e*, *ě*, *i*, второе передъ древнимъ *a*, *o*, *u*: *čldvæk*, *wōda*.

Конечное *v* въ восточныхъ говорахъ произносится какъ *v*, *f*, въ западныхъ же переходитъ въ *u*, *ŭ*: *braŭ*, *hlŭj* (хлѣвъ), *poj* (в. крайн.), *molitev*, *žetev* (восточн.), *molitu*, *žetu* (зап. н.).

M на концѣ словъ во многихъ нарѣчіяхъ замѣняется *n*: *imān*, *znān* (горицк. н.), *dīn jīn* (ѣмь), *vīn* (резыан. н.).

Группа *pt* теряетъ *p* или переходитъ въ *vt*, *ft*: *vtič*, *ftica*.

Группы *ps*, *pš* въ резьянскомъ нар. звучать *ps*, *pš*: *psen*, *pšnica* (*šenica*—нижн. крайн. н.).

Группы *bs*, *bš*, и *vs*, *vš* превращаются въ *ps*, *pš*, или *fs*, *fš*: *žebes*, *žefsa*, *hlefše* (*ohlebvš*), *ofsa*, *fšega*.

Группа *tn*—превращается въ *bn*, *ml*, *vn*: *gumno*, *gumno* (горичь. нар.), *hümlö* (угро-слав.), с *plavnom* (ниж. крайн.).

Группы *md*, *mk* звучать *nd*, *nk*: *vendar*, *znanda*.

V передъ *p*, *b*, *v*, *t* переходитъ въ западныхъ нарѣчійхъ въ *h*: *h brég*, *h petek*, *hbiti*, *hmrěti*.

F наблюдается не только въ иностранныхъ словахъ, какъ *britof* (*frithof*), *fant*, *fazolj*, *ofer* (*Hofer*); но и въ словинскихъ *b*, *v* (ср. выше). Съ другой стороны въ словахъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, *f* часто замѣняется *b*: *bart* (*fart*), *basati* (*fassen*), *birnati* (*firnen*), *bresa* (*fresse*), *bršt* (*frist*).

B, *v* чередуются: *bino*, *vino*, *Benetki* (*Venedig*, Венеція).

G, K, H.

Словинскіе гортанные *g*, *k*, *h* соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ и большею частью произносятся такъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчійхъ. Словинское *h* = рус. *x*.

Диалектическія уклоненія состоятъ въ слѣдующемъ. На восточной и западной окраинахъ словинской земли старо-слав. *x* звучитъ какъ нѣмецкое *h* въ словѣ *haben*; въ срединныхъ же нарѣчійхъ господствуетъ чисто-придыхательный выговоръ *ch*. Въ западныхъ нарѣчійхъ (резьянскомъ, венеціанскомъ, горичькомъ) *g* произносится придыхательно какъ въ чешскомъ языкѣ или малорусскомъ нарѣчійхъ: *hoga*, *hrah*, *härlo*, *mahla*, *host*, *buh*, *hgmí*; подобный выговоръ *g* иногда наблюдается и въ верхне-краинскомъ нарѣчійхъ, но только на концѣ словъ: *boh*, *brih*, *spéh*.

G, *k*, *h* смягчаются и передъ *j* но и передъ узкими гласными, но не всегда. Какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ смягченіе бываетъ двойное: *g*, *k*, *h* переходятъ или въ шипящія *ž*, *č*, *š* или въ свистящія *z*, *s*, *š*. Смягченіе перваго рода имѣетъ мѣсто передъ *j*, *e*, *i* (при образованіи основъ), древними *ъ* (= *ѣ*), *ь* (изъ *i*, *jъ*); напр.: *straža*, *duša*, *toča*, *vražji*, *otročji*, *tečem*, *vržem*, *ženem*, *očes*, *ročica*, *požica*, *sušiti*, *tečaj*, *stežaj*, *kričati*, *slišati*, *rěč*, *laž*, *miš*, *družba*. Смягченіе втораго рода возможно передъ *i* (въ окончаніяхъ), древнимъ *ъ* (*é* = *ai*, въ

окончаніяхъ), *j* (въ *je, ja*), но только въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ — верхне-крайн., хорутан. и венец. — *otroci, druga, orazi, reci, vgraj, potose, graze, gose, trebuse, golieh, klicati, obsesati*. Обыкновенно *g, k, h* передъ *i, ě* не измѣняются: *nogi, roki, biki, muhi*.

Иногда гортанные переходятъ въ свистящіе и передъ такимъ *ī*, которое замѣняетъ другіе звуки напр. старо-слав. *ы: ubouzih, z dolimi peresi, vbozim, druga* и *druziga* (другаго).

Напротивъ, гласный *e*, замѣняющій другіе гласные, не вліяетъ на смягченіе гортанныхъ, напр. въ склоненіи въ тѣхъ формахъ, гдѣ *e* соотвѣтствуетъ старо-слав. *ѣ* — смягченія не бываетъ: *гѣке* (род. п. ед. ч., имен. вин. пп. множ. ч.). Впрочемъ, какъ повднѣйшія діалектическія новообразованія встрѣчаются формы какъ *гоѣе, огеѣе* (верхне-крайн. нар.).

Въ резьянскомъ нар. *h*, замѣняющее старо-слав. *ч, х* иногда совсѣмъ не слышно: *boht, bāt (bohat), natahūwat, nataūwat, drūzaa—druzaha, rg-āja, rgāja, rghāja*.

Въ угро-словинскомъ нар. также исчезаетъ *h* = старо-слав. *х*: *leb, svoji(h)*.

Въ резьянскомъ нар. *k* передъ *i* произносится мягко: *k'igi* (который), *sik'iga*.

Группы *kt, gt* подвергаются тому же измѣненію какъ *tj*, т. е. переходятъ обыкновенно въ *č*: *geči, seči, reči, leč, lač* (горичк. нар.), *hči, poč*; на крайнемъ западѣ *ć*: *reć, geć, pić, puć* (венец.), *pić, hčī*; иногда *k*: *spūka, spūkaj* (резьян. н.), ср. въ Фрейзинг. отр.: *moči, romoči*.

Kn переходитъ въ *hn*: *h pogam*.

Kt (изъ *kāt*) переходитъ въ *k*: *keri* (штир. в.-крайн.); *k'igi* (рез. нар.); въ *č*: *čeri* (гаитал. гов.); *ht*: *nehteri, láhat, dwe lahta* (рез. н.); *šteri* и *koteri* (угро-слов.); *što* (Miklosich, Vergl. Gr., I, 352).

Km переходитъ въ *hm*: *hmet* (гор. нар.); въ *b*: *botr*.

Kk переходитъ въ *hk*: *h komu, mħhko*.

Ht теряетъ *h* въ началѣ словъ: *tæl, tæū, tæho* (рез. нар.); на востокѣ переходитъ въ *št*: *šteo, štem* (угро-слав.).

Hv кое-гдѣ произносится какъ *f*: *zafalin* (резьян. нар.).

C, Z, S.

Зубные *c, z, s*, соединяясь съ іотованными гласными, переходятъ въ шипящіе *č, ž, š*: *ovčar, maža, vožen, pošep, raša*.

С и *z* (возникшее на славянской почвѣ) могутъ перейти въ *č*, *ž* не только передъ *j*, но и передъ узкими гласными: *tjesečina*, *knežiti*.

Z и *s* передъ смягченными согласными переходятъ въ *ž*, *š*: *vožnja*, *žnjim*, *pošljem*, *prošnja*, *starošljiv*.

Мягкое *s* встрѣчается въ верхне-краин. нар: *šedym*, *šéwo* (*selo*). Miklosich, *Vergl. Gr.*, I, 355.

St передъ *j* (древнимъ) переходитъ въ *št*: *gōšča*, *hrōšč*, *krščen*, *ešče*, *tašču*. Вм. *šč* во многихъ говорахъ слышно *š*: *gōša*, *češen*, *kršnik*. Въ резьян. нар. *st* переходитъ въ *šc*: *čiščen*, *puščen*; въ венец. нар. остается *st*: *pustien*.

Sk передъ *j* и узкими гласными переходитъ въ *šč* (въ тѣхъ случаяхъ, когда *k* переходитъ въ *č*): *iščem*, *slovensčina*, *dolinsčak*, *voščenska*, *grebivališče*. Въ срединныхъ нарѣчіяхъ *š*: *jišem*; въ резьян. нар. *šc*: *šćipat*, *hlevišče*.

Zg передъ *j* переходитъ въ *ždž* или *žj*: *roždžje* и *rožje*; въ резьян.: *rožgje*, *žvižgje*.

Č, Ž, Š.

Вм. старо-слав. *ж* въ словинскомъ часто *r*; обыкновенно между гласными и въ частицѣ *же*: *dare* (когда), *kdor*, *kogar*, *komur*, *kar*, *kamor*, *nikar*, *nigdar*, *dardu* (*даже до резьян.*), *morem*, *moreš* (можеши), *neborer*, *renem*, *porenem*.

Группа *čr* возможна только въ восточныхъ говорахъ; въ сѣверо-западныхъ исчезаетъ *r*, въ юго-западныхъ является вставочное *e*; напр.: *črēda*, *črez*, *črer*, *črēvo* (вост.); *čida*, *čez*, *čer*, *čiwa* (сѣв.-зап.); *čeries*, *čeriešnja*, *čerieva* (юго-зап.).

Группа *žg*—сохраняется на востокѣ: *žrebe*, также *ždrebe* (горниц. нар.); обыкновенно *r* не слышно: *žebé*, *žybé*.

St (изъ *чт*) переходитъ въ *št* (какъ въ сербо-хорватскомъ): *poštenje*, *štirje*, *štrti*.

Ј.

J весьма обычно въ концѣ словъ на гласный: *kaj*, *ka* (угро-слав.), *zdej* (теперь), *zda* (угро-слав.), *z menoj*, *z potraj ozdolaj*.

Вліявіе *j*—на согласные указано выше.

Уподобленіе согласныхъ.

Примѣры уподобленія согласныхъ *ftrgnoti*, *žbela* вм. *čbela*, *izženem* вм. *izženem*. Ср. Miklosich, *Vergl. Gram.*, I, 359.

Выпаденіе согласныхъ.

Согласные могутъ исчезать въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Чаще всего это явленіе наблюдается по отношенію къ *d*, *t*, *b*, *p*, *v*, *h*; *d*: *bōte* (*bōdete*), *bō* (*bode*), *va* (*dva*), *gosposki*, *ljuski*, *bogastvo*, *daš*, *deš* (дождь), *jen* (*jeden*), *grem* (*gredem*), *bol* (вост. гов.); *t*: *plel* (вост. гов.) ср. выше; *p*: *kanoti*, *utonoti*, *okrēnōti*, *tič*; *b*: *ogrenoti*, *ganoti*; исчезаетъ цѣлый слогъ *bo* въ *bomo*, *bote*—*mo*, *te*; *v*: *storiti*, *skoz*, *toj*, *saki*, *ladati*, *obaliti*, *obesiti*, *oblak*; *h*: *nečem*; *tæl*, *tæho* (рез. н.), *leb*, *svoji(h)* (угро-слов. г.).

Вставка согласныхъ.

Кромѣ вставочныхъ *j*, *v*, *n*, служащихъ для устраненія зіянія (см. стр. 423), и *l* выступающаго при смягченіи (*p*, *b*, *v*, *m* (ср. стр. 427) возможны вставочные *d*, *t* въ сочетаніяхъ *sr*, *sr*: *paздга* (назадъ), *zdraven*, *zdrél* и *zrél*, *postrv*, *stršen*.

Перестановка согласныхъ.

Наиболѣе характерные примѣры перестановки согласныхъ: *čmela*, *zbela* (*bčela*), *davgi*, *daŭgi*, *duri* (*dveri*), *wzirati* (*izvirati*), *lajen* (рез. нар.) = *jelen*, *žlica* (лъжца), *gomila* (могила), *potor* (в.-крайн.) = *topor*, *bujti* (вост. гов.), *ubujti* (гориц. нар.) = *ubiti*, *mujti*, *umujt* вм. *umiti*.

5. Удареніе.

Имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о словинскомъ удареніи не отличаются ни точностью, ни полнотой¹⁾. Относительно свойствъ и ха-

¹⁾ О словинскомъ удареніи кромѣ грамматическихъ труда Копитара, Метелка, Мурка, Поточника, Янежича, Шумана (ср. выше стр. 389—390), ср. особ.: Podgorski (Luka Svetec), *O slovenskem naglasu ali akcentu* (Novice, 1863); Seb. Žepič, *Izvestja alj programe nekterih slovenskih in hrvaških gimnazij, pa mimogrede nékaj slovniških opazek*

рактера ударенія вѣтъ согласія между словинскими филологами: между тѣмъ какъ одни приравниваютъ слов. удареніе въ качественномъ отношеніи къ сербо-хорватскому и приписываютъ ему музыкальность, другіе считаютъ его только *эспираторнымъ*, т. е. выражающимъ простое усиленіе голоса безъ отгѣнковъ повышенія или пониженія тона. Первый взглядъ отстаивали Светецъ, Жепичъ, Янежичъ и Шкрабецъ; принялъ его въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ объ удареніи Вальявецъ, а также русскій славистъ пр. Брандтъ, послѣдній, впрочемъ, со многими оговорками и большими сомнѣніями¹⁾. Второго взгляда держались старыя грамматикѣ Копитаръ, Метелко, Мурко, знаменитый Мишлоичъ (впрочемъ, посвятившій въ своей грамматикѣ словинскому ударенію всего нѣсколько строкъ) и держатся новѣйшіе ученые Бодуэнъ де-Куртенэ, Матвѣй Мурко, Штрекель. Окончательное рѣшеніе спорнаго вопроса станетъ возможнымъ только послѣ тщательныхъ наблюденій надъ языкомъ и различными его говорами со стороны опытныхъ изслѣдователей, обладающихъ чуткимъ слухомъ. Но и при настоящемъ положеніи вопроса нельзя не признать болѣе вѣроятнымъ мнѣніе о словинскомъ удареніи, какъ эспираторномъ, а не музыкальномъ. Самый споръ о музыкальности указываетъ на то что, если эта черта и присуща словинскому ударенію, то не въ такой степени, какъ сербо-хорватскому, гдѣ она составляетъ характерное, рѣзко бросающееся въ глаза свойство языка. На словинской почвѣ она или мало замѣтна и трудно уловима, или свойственна отдѣльнымъ говорамъ, а не всему языку. По этому оставляя въ сторонѣ музыкальность словинскаго ударенія какъ черту спорную и недоказанную, ограничимся изложеніемъ другихъ наиболѣе точныхъ и общепризнанныхъ данныхъ.

Удареніе въ словинскомъ языкѣ, какъ въ русскомъ, сербо-хорватскомъ и болгарскомъ, *вольное* или *разномѣстное*, т. е. не прикрѣ-

(Novice, 1867); P. Škrabec, O glasu in naglasu našega knjižnega jezika (Progr. d. k. k. gymnaz. zu Rudolfswerth 1870); M. Valjavec, 1) Prinos k naglasu u novoslovenskom jeziku (Rad XLIII—XLVII, LX, LXV, LXVII, LXVIII, LXXI, LXXIII, LXXIV, LXXVI, LXXVII, XCIII, XCIV, CII, CV, CX); 2) Zur Betonung im Slovenischen (Arch. f. Slav. Phil., V, 157); K. Štrekelj, 1) Morphologie des Görzer Mittelkarstidialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse. Wien, 1887 (Sitzungsberichte W. Akad. B. CXIII, 1); 2) O grammat. Шумана въ Ljubl. Zvon, 1884, 4 и перепечатано въ Rad Jug. Ak., LXXVII; P. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологии. Сиб., 1880. Словенская акцентовка, 85—112; M. Murko, Enklitike v slovenščini, 1891 (Letopis Mat. Slovenske).

¹⁾ Начертаніе славянской акцентологии 89.

плено къ какому-нибудь одному слогу, а можетъ, говоря вообще, стоять на любомъ слогѣ, а равно свободно переходить съ одного слога на другой соотвѣтственно требованіямъ словообразованія или значенія слова. При всемъ томъ чаще всего оно стоитъ на предпоследнемъ слогѣ.

Удареніе стоитъ въ тѣсной связи съ количествомъ гласныхъ. Оно можетъ падать на краткіе и долгіе гласные и въ томъ и другомъ случаѣ представляетъ свои отгѣнны, точнаго опредѣленія которыхъ пока не имѣемъ. Долгіе гласные могутъ стоять только подъ удареніемъ. Вслѣдствіе этого закона, которымъ словинскій языкъ рѣзко отдѣляется отъ сербо-хорватскаго, появленіе долготъ нерѣдко обуславливается удареніемъ. Ср. выше стр. 422.

Въ силу указанной связи, существующей между удареніемъ и количествомъ, обыкновенно различаютъ два главныхъ ударенія—*краткое* (по старой терминологіи *острое*) и *долгое* (по старой терминологіи—*протяжное*); первое стоитъ на краткихъ слогахъ и отмѣчается знакомъ ` , второе—на долгихъ и обозначается посредствомъ ´ . Примѣры: 1) brát, dŕž, bòb, šŕl, bŕt, kurŕc, rŕklà; 2) zŕma, žŕna, vrána, dlàka, kòža, dúša¹⁾.

Краткое удареніе (`) соотвѣтствуетъ сербскому рѣзкому (´).

Штрекель²⁾, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей словинскаго языка, принимаетъ по отношенію къ отгѣнкамъ напряженія голоса при произношеніи гласныхъ три типа удареній: слабое, среднее и сильное (slabo, srednje, močno); изъ нихъ первыя два возможны только въ краткихъ слогахъ, а послѣднее—въ краткихъ и долгихъ. Такъ какъ при этомъ названный ученый признаетъ въ словинскомъ языкѣ существованіе долгихъ гласныхъ трехъ степеней: среднѣ³⁾, долгіе, настоящіе долгіе (srednje-dolgi, dolgi, prav dolgi), то для обозначенія удареній получаютъ слѣдующіе знаки:

- 1) слабо-ударяемые слоги—(безъ обозначенія)
- 2) слоги съ среднимъ удареніемъ: ·
- 3) слоги съ сильнымъ удареніемъ:

- а) краткіе: `
- б) средне-долгіе: ´
- в) долгіе: ˘
- г) совершенно долгіе: ˙

¹⁾ Вм. ´ некоторые употребляютъ знак ˘.

²⁾ Rad Jugosl. Akad., LXXVII, 87.

³⁾ Существованіе въ словинскомъ среднихъ долготъ признаетъ и проф. Бодуэнъ де-Куртень.

Такая система знаковъ предлагается для научныхъ трудовъ, по диалектологіи, а для потребностей литературнаго языка, по мнѣнію Штрекеля, достаточно двухъ знаковъ: ` и ˘

Тѣ грамматики, которые считаютъ словинское удареніе музыкальнымъ, принимаютъ или всѣ четыре ударенія какъ въ сербо-хорватскомъ (Светець, Жеписчъ, Янежичъ) или только три (Шкрабець, Вальявецъ); въ послѣднемъ случаѣ словинскія ударенія приравняются сербо-хорватскимъ — рѣзкому, восходящему и нисходящему¹⁾. Вальявецъ для обозначенія этихъ удареній пользуется знаками Вука (˘, ˙, ˚). Таже система принята въ словарѣ Плетершника.

Относительно размѣщенія удареній словинскій языкъ занимаетъ средину между штовавщиной съ одной стороны и чакавщиной и русскимъ языкомъ съ другой. Иногда по сравненію съ русскимъ и чакавскимъ выговоромъ словъ, удареніе, какъ въ штовавщинѣ, стоитъ на одинъ слогъ ближе въ началу словъ; напр.: róztí, ríla, jézík, óreh, zákón, médvéd, jélen, sósed, ókno, bédro, zíma, kóga, pléče, kónja, králja, žena, séstra, nóga, kóza, bérem, téčem, nésem, písati, kópati, zóbatí. Иногда, напротивъ, удареніе падаетъ на тѣже слоги, что въ русскомъ яз. и чакавскомъ нар.; напр.: dobráva, lisíca, graběž, ití, jeléna, medvéda, ogréha, človéka, naróda, potóka, prógóka, dolína, korító. Особенно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что словинскій языкъ не чуждается ударенія на послѣднемъ слогѣ, что не допускается въ штовавщинѣ и, напротивъ, весьма обычно въ чакавщинѣ; напр.: kováč, zemlják, gospód; род. п. мн. ч.: dobráv, devíc, korit; именит. пп. множ. ч.: vodé, kozé, roké, sestré; gumnò, srebrò vodà (в.-крайн. нар.).

Характерную особенность словинскаго яз. составляетъ довольно верѣдкое перенесеніе ударенія на послѣдній слогъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его нѣтъ ни въ чакавскомъ нар., ни въ русскомъ яз. Это явленіе наблюдается преимущественно въ двусложныхъ существительныхъ средняго рода и односложныхъ женскаго и мужскаго. Примѣры: bród, brodú, brég, bregú, vóz, vozá, vólk, volká, vék, veká, grád, gradú, dóm, domú, dúh, duhá, dób, dobú, léd, ledú, lán, lanú, lés, lesá, méd, medú, práh,

¹⁾ Самые ударенія носятъ названія — *острое* и *протяжно*, при чемъ принимается, что долгіе гласные могутъ имѣть оба ударенія, а краткіе — только острое. Сверхъ того Вальявецъ въ своихъ работахъ по акцентологіи пользуется еще знаками ˘, ˙, но они не обозначаютъ какого либо особаго ударенія, но различный выговоръ долгихъ ударяемыхъ о, е.

prahú, rób, robá, robú, svét, svetú, stráh, strahú, sín, sinú, siná¹⁾, vrv, vrví, vás, vǎsí, véz, vezí, gos, gósi, dlan, dlaní, zvér, zverí, kóst, kostí, poč, počí, prst, prstí, sól, solí и др; blagó, blagá, zlató, zlatá; nebó, nebí, senó, sená; точно также: večér, golób, korén.

Стремленіе къ перенесенію ударенія поближе къ концу слова, т. е. на предпоследній слогъ наблюдается и въ трехсложныхъ словахъ; напр.: petélin, petelína (пѣтухъ), plámen, pláména, bréme, bréména, vgréme, vgeména.

Съ измѣненіемъ формы слова (въ склоненіи, спряженіи, при образованіи производныхъ словъ) можетъ мѣняться мѣсто ударенія: vóz, vozá, dlán, dlaní, dǎž, dǎzja, život, živóta, vóda, vodé (р. п.), но и vóde, vodó (в. п.), vodám (и vódam), vodáh и vódah. Въ общемъ, однако, въ словинскомъ, какъ въ сербо-хорватскомъ, замѣтно стремленіе къ сохраненію неподвижнаго ударенія, т. е. къ удержанію ударенія на опредѣленномъ слогѣ даннаго слова, независимо отъ измѣненій, какимъ оно подвергается. Прекрасный матеріалъ для изученія разстановки и чередованія ударенія содержатъ вышеуказанныя изслѣдованія Вальявца и Штрекеля, а также большой словарь Плетерпнича, въ которомъ отмѣчены ударенія по ниже-крайнему выговору. Общіе законы употребленія и перехода удареній еще не могутъ быть выведены при современномъ состояніи изученій даннаго вопроса. Трудность подобной задачи увеличивается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что многочисленныя словинскія нарѣчія и говоры въ отношеніи ударенія представляютъ много частныхъ особенностей. Напр. резьянское удареніе довольно близко къ чакавскому, нѣкоторыя нарѣчія незнаютъ указанныхъ общихъ особенностей, и имѣютъ свои другія; такъ не вездѣ произносятъ: súkno, vóda, jézik, óreh, но и sukno, voda, jezik, oreh и т. п.

Вопросъ о существованіи въ словинскомъ языкѣ въ одномъ словѣ рядомъ съ главнымъ удареніемъ второстепеннаго или побочнаго, сколько намъ извѣстно, не обсуждается подробно словинскими филологами. Но судя по замѣчаніямъ Шерабца (Arch. f. Sl. Ph., V, 160) и Штрекеля (Rad LXXVII, 34), вѣжется, нужно допустить возможность

¹⁾ Въ этихъ и подобныхъ словахъ удареніе на последнемъ слогѣ выступаетъ въ ед. ч. только въ род. п., а во мн. ч. и во всѣхъ другихъ падежахъ: možjé (им. п.), rogób (р. п.), možé (вин. п.), možém (дат. п.), siními (тв. п.), zobéh (ж. п.), možéma (дв. ч.) и т. д.

побочнаго ударенія по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ многосложныхъ словахъ, напр. *kámníškegà, ríbníškegà*.

Въ словинскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, существуютъ *энклитики*, т. е. слова, которыя въ живой рѣчи не имѣютъ самостоятельнаго ударенія, а примыкаютъ къ предъидущему или послѣдующему слову и составляютъ съ нимъ одно звуковое цѣлое подъ общимъ удареніемъ. Къ такимъ словамъ относятся, 1) краткія формы личныхъ и возвратнаго мѣстоименій: *me, te, se* (род. и вин. п.), *mi, ti, si, ga, tu, nj, njega, njem, njim, je* (ж. р.), *jej (joj), ji, jo, njej, nji* (м. п.), *ju* (дв. ч.), *jima* (дат. п. дв. ч.), *jih* (род. п. множ. ч.), *jim* (дат. п. мн. ч.), *je* (вин. п. мн. ч.), *njih* (м. п. мн. ч.); напр.: *jest te ne pustim, dó me, ód-se, varise, ne vgrizni me, jést ti dam, dajté mi černo kapico; tèko ga jih nikdar ni bilo, Bog še mi geče, zánjo, náno, gróf je joj rekel, kdo jih če pit, Bóg jim je plati;* 2) сокращенныя формы существительнаго глагола: *sem, si, je, sta* (*sve* ж. р.), *sta, smo, ste, so*, частица *bi* (остатокъ аориста); напр.: *jáz sem, mi smo rekli, žena je pletla, ako bi prav to reš bilo;* 3) сокращенныя формы глагола *bodet*: *bot, boš, bo, bova, bota, bomo, bote, bojo*: *jédel bot, jédli bomo, šla boša*; эти формы могутъ еще болѣе сократиться: *m, vš, v, va, vta, to, vte, vdo* или *vjo*: *jaz gam nosil, ti gavš nosil, mi gamo posili;* 4) сокращенныя формы глагола *hočem*: *čem, češ, če, čeva* (чѣва, чѣва), *četa* (чѣта, чѣта), *čemo* (чѣмо, чѣмо), *čete* (чѣте, чѣте), *čejo* (чѣжо, чѣжо), *kaj čemo, pisat češ*; 5) *там, їтам* (вм. *їтам*); 6) всѣ односложныя частицы, предлоги и союзы, особенно *i, in, no* (изъ *ino*), *le, še že, ló, li, rak, rač, pa, saj, li, da*: *je - li mi srečna ón le, vidi, kriv bi pa bilo, od kraja do kraja, do gróba.*

Всѣ перечисленныя слова нужно признать не безусловно энклитическими. Нѣкоторыя изъ нихъ какъ сокращенныя формы *sem* и *čem* и пр. вообще могутъ принимать и не принимать удареніе смотря по говорамъ, или по мѣсту въ предложеніи. Другія получаютъ удареніе въ томъ случаѣ если на нихъ падаетъ центръ тяжести рѣчи; напр. мѣстоименія *me, mi* и т. д., въ такомъ случаѣ занимающія первое мѣсто въ предложеніи: *Mi je pisal moj gospod, Me prevzetnost zapelja, Mi srce se vnelo je* и т. д.

Нѣкоторыя энклитики, какъ-то предлоги, союзы и частицы *ne* (въ соединеніи съ глаголами) и *naj* (при образованіи превосходной степени), сливаясь со слѣдующимъ словомъ въ одно цѣлое, принима-

мають на себя удареніе послѣдняго; напр.: *ná-dno, zá mož dati, návek, návek, nájme, ró-njih, préd-pjo, zá pjoj, prí menl, záto, nájperglje, najmenje, nédem, nébot, nédam, néznam, némgem* (изъ *pe-mogem*).

Иногда сливаются въ одно звуковое цѣлое подъ однимъ удареніемъ (главнымъ) и два самостоятельныхъ слова, обыкновенно произносимыя каждое съ отдѣльнымъ удареніемъ; напр.: *kdórkoli, morebiti—morebit, mórbiti, énkrat, kolikokrat, midva, onidva*.

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Словинское склоненіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ старо-славянскому, чѣмъ сербо-хорватское. Оно сохранило такіе остатки старины, какъ двойственное число, и значительное количество древнихъ падежныхъ окончаній, совсѣмъ забытыхъ или замѣненныхъ другими новѣйшими въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ. Но съ другой стороны словинское склоненіе во время исторической жизни языка подверглось весьма существеннымъ измѣненіямъ и превращеніямъ. Главнѣйшія изъ уклоненій отъ древней нормы состоятъ: 1) въ утратѣ звательнаго падежа; 2) въ смѣшеніи и сліяніи въ одно развородныхъ типовъ и видовъ склоненія; 3) въ смѣшеніи падежныхъ суффиксовъ и 4) въ усвоеніи нѣкоторыхъ особыхъ характерныхъ окончаній. Наибольше такихъ уклоненій представляетъ именное склоненіе; но не мало ихъ и въ склоненіи мѣстоименномъ и сложномъ.

Именное склоненіе.

1) *Двойственное число*. Въ современномъ словинскомъ языкѣ, какъ въ литературѣ, такъ въ живыхъ говорахъ въ чистотѣ сохранилось древнее двойственное число, именно въ формахъ имен.-винит. пп. и дат. и твор. пп.; напротивъ, вмѣсто род.-мѣстн. п. употребляются соотвѣтствующія формы множ. ч. Примѣры: *midva sva brata, midve sve sestri, seli, polji, niti, imeni, materi* (им. вин.), *bratoma, sestrama, seloma, poljeta, nitma, imenoma, materama* (дат. твор.).—Въ древнемъ

языкъ, въ XVI—XVII ст. не рѣдко встрѣчаются и формы род.—мѣст. п.: *v tym dueyu lystu, v tym dueiu catehismu, dueyu zhloueku, dua synu, duei imeni, duei bessedi, po duei sukni, duei ribi* (Труберъ). Падежныя окончанія обыкновенно соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ: *a* (изрѣдка *u*: *synu* въ старомъ языкѣ) *i* (= *ъ*, ж. и ср. р.) для именит.—вин. п., *ota, ama, ta* для дат.—твор. п. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ наблюдаются свои особенности, вліяніе которыхъ можно прослѣдить и въ древнихъ памятникахъ. Изъ этихъ особенностей какъ главныя нужно отмѣтить двѣ: 1) перенесеніе оконч. *a* имен.—вин. п. муж. р. на слова средн. р.: *dva mesta, teleta, leta, gnizda, pola, koleza* (особ. въ верхне-крайн. и штир. нар.); 2) усвоеніе основами на *o* въ дат.—твор. п. ок. *ama* (вм. *ota*): *jelenama, lietama, mostama, gnizdama, bratama* (въ западныхъ нарѣчіяхъ). Примѣры оконч. *ama* вм. *ota* указываютъ уже для XVI ст. (*dveima lystama*); чаще встрѣчается это окончаніе въ XVII ст., а въ грамматикахъ эпохи возрожденія (Водникъ, Копитаръ, Мурко, Метелко) и вообще въ новомъ литературномъ языкѣ до самаго недавняго времени оно оставалось общимъ правиломъ. Нѣкоторые грамматикіи (Данко) приурочивали окончаніе *ota* словамъ муж. р. и *ama*—словамъ средн. р. Въ современномъ книжномъ языкѣ приято древнее окончаніе *ota*. По мнѣнію Облака ок. *ama* въ основахъ на *o* явилось не по аналогіи основъ—на *a*, а подъ вліяніемъ *a* имен., вин. двойст. ч. (Arch. f. Slav. Ph., XII, 415).—Оконч. имен.—вин. ж. р. въ разныхъ говорахъ можетъ звучать различно соотвѣтственно различному выговору др. *ъ*: въ однихъ какъ *i*, въ другихъ какъ *æ*, въ третьихъ какъ *z*; а иногда и совсѣмъ не слышно: *dvi ženæ, dvi ženi, ženæ, žen* (ср. Arch. f. Slav. Ph., XV, 449). Наконецъ нужно замѣтить что въ нѣкоторыхъ говорахъ наблюдаются случаи замѣны указанныхъ, вообще сохранившихся въ языкѣ, формъ двойств. ч. формами множ. ч.

2) *Утрата звательнаго падежа*. Словинскій языкъ совсѣмъ незнаетъ особой формы для звательнаго падежа и выражаетъ послѣдній посредствомъ именительнаго. Нужно полагать, что этотъ падежъ исчезъ изъ языка въ глубокой древности. Нѣкоторое указаніе на существованіе его въ X ст. представляютъ Фрейзингенскіе отрывки: *gabe, bose, gospodi, otze*. Въ печатныхъ библейскихъ текстахъ XVI—XVII в. изрѣдка встрѣчаются такія формы какъ *Saule, Christe, Zahæe, Jezu*; но это не-народныя звательныя падежи: по вѣроятному пред-

положенію Облака, они возникли подъ вліяніемъ латинскаго языка. Точно также возбуждаютъ сомнѣніе приведенные Миллошичемъ (Vergl. Gram., III, 129) примѣры изъ народныхъ пѣсенъ сборника Корытки: Adame, Krištofe, sine, brate, такъ какъ сборникъ этотъ составленъ весьма нехорошо, а языкъ помѣщенныхъ въ немъ пѣсенъ несомнѣнно подправленъ. Въ другихъ изданіяхъ памятниковъ народной словесности, въ современномъ книжномъ языкѣ и въ живой народной рѣчи не оказывается никакихъ слѣдовъ звательнаго падежа.

3) *Смѣшеніе разнородныхъ основъ.* Именное склоненіе въ словинскомъ, какъ и въ сербо-хорватскомъ, значительно упростилось по сравненію со старо-славянскимъ. Изъ разнообразныхъ древнихъ видовъ именнаго склоненія въ современномъ словинскомъ языкѣ вполне удержались только два: склоненіе основъ на—*o* (з, *o*) и на—*a*; склоненіе основъ на—*i* сохранилось только для словъ жен. р. (*nit*, *kgv*); склоненіе основъ на согласный уцѣлѣло только для двухъ словъ *pati* и *hči* и то не вполне; а склоненіе на—*и* совсѣмъ исчезло. Основы муж. р. на—*i* (*host*, *cvu*), на—*и* и на—*n* и ср. р. на—*n*, —*s*, —*t* измѣняются по склоненію основъ на—*o*; основы жен. р. на—*v* слѣдуютъ основамъ на—*a*. Такимъ образомъ и для словинскаго яз. получаютъ тѣже четыре вида именнаго склоненія, что и для сербо-хорватскаго: 1) склоненіе на *o* (муж. и сред. р.); 2) склоненіе—на *a* (преимущ. жен. р.); 3) склоненіе на—*i* (жен. р.) и 4) склоненіе на согласный *p* (жен. р.).

Въ старомъ языкѣ еще существовали исчезнушіе нынѣ виды склоненій; отдѣльныя формы ихъ и теперь встрѣчаются въ разныхъ частныхъ говорахъ; сверхъ того нѣкоторые слѣды ихъ сохранились въ особенностяхъ падежной флексіи другихъ, доселѣ удержавшихся типовъ склоненія. Приводимъ нѣсколько относящихся сюда данныхъ.

Склоненіе основъ на—*и*: *sinu* (род. п.), *sinóvi* (дат. в мѣст. п.), *siní*, *sinu*, *sinoma* (двойств. ч.), *sinove* (им. п. мн. ч.), *sine* (вин. п. мн. ч.), *sinov* (род. п. мн. ч.), *sinom* (дат. п. мн. ч.), *sinpi* (тв. п. мн. ч.), *sinih* (мѣст. п. мн. ч.). Всѣ эти формы, однѣ чаще, другія рѣже попадаютъ въ памятникахъ XVI—XVII в. (напр. у Трубера, Далматина и др.). Можно ихъ встрѣтить и въ современныхъ живыхъ говорахъ, при чемъ характерныя окончанія склоненія на—*и* примѣняются часто къ основамъ на—*o* (преимущественно односложнымъ); напр.: *gradu*, *mostu*, *grahu*, *daru*, *strahu* (род. п.), *kruhovi*, *vetrovi* (дат. п.) и т. д. По утверженію др. Облака, ни въ

одномъ славянскомъ языкѣ не сохранилось столько остатковъ склоненія на—и, сколько въ словинскомъ языкѣ и нигдѣ, какъ здѣсь, это склоненіе не оказало такого сильнаго вліянія на склоненіе основъ на—о. Именно, отъ склоненія на—и ведутъ свое происхождение слѣдующія побочныя окончанія склоненія—на о: *и* (род. п.), *ovi* (дат. п.), *и* (мѣстн. п.), *ove* (имен. мн. ч.), *ov* (род. мн.), *i* (вин. мн.), *i* (вин. дв. ч.), *ti* (вѣроятнo, твор. п. мн. ч.) и всѣ окончанія, образованныя суффиксомъ *ov* (*ova*, *ovu*, *ovi*, *ovot*, *ovi*—имен. мн., *ovot*—дат. мн., *ove*—вин. мн. ч., *oviĥ*, *ovah*, *oveĥ*, *ovti*, *ova*—двойств. ч.). Весьма характерно, что всѣ эти остатки склоненія на—и встрѣчаются въ разныхъ говорахъ только спорадически, большею частью въ одиночку; нельзя указать ни одного говора, который представлялъ бы въ себѣ, если не въ совокупности, то хотя бы бѣльшую часть указанныхъ падежныхъ особенностей (ср. Arch. f. Slav. Ph., XI, 407, XIII, 26).

Склоненіе основъ на—i муж. р.: род. п.—*gospodi* (XV—XVII), дат. п.—*gospodi* (Фрейз. отр. Conf. Gener. Труберъ и друг. памятники XVI—XVII ст.), зват. п.—*gospodi* (Фрейз. отр.) мѣстн. п.—*gospodi bogu* (Труберъ); твор. п. *putem*; вин. п. мн. ч.—*rečati*. Наибольше полно представлено въ старыхъ памятникахъ склоненіе на—i для слова *людие*: имен. *ljudje*, р. *ljudi*, дат. *ljudem*, вин. *ljudi*, мѣстн. *ljudeh*, твор. *ljudmi*. Всѣ эти формы удержались и въ большей части современныхъ говоровъ. Слѣдъ склоненія на—i удержался въ окончанія имен. мн. ч. *je*, весьма употребительномъ въ склоненіи основъ на—о. Оно встрѣчается болѣе или менѣе часто во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ: *tatje*, *sošiedje*, *kmetje*, *možje*, *zobje*, *golobje*, *bratje*. Такъ и въ древнихъ памятникахъ: *bratye*, *mohye*, *tatie* (Труберъ), *mohje*, *lasje* (Далматинъ). Извѣстна также въ народномъ яз. форма твор. п.—*potem* въ выраженіи *tem potem*. *Pot* можетъ быть мужскаго и женскаго рода; подобнымъ образомъ и нѣкоторыя другія слова муж. р. (*laket*, *zver*) стараго склоненія на—i перешли въ женскій родъ.

Склоненіе основъ на согласный. Характерныя окончанія склоненія на согласный встрѣчаются только въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ: *ze nebesa* (род. п.), *od toga dne*, *ni slzpa telese* (род. п.). Въ позднѣйшихъ памятникахъ (XVI—XVII) древнія формы можно указать только для слова *den*: *dne* (род. п.), *dnet* (тв. п.), *dni* (род. п. мн. ч.), *dneĥ* (м. п. мн. ч.). Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ род. п. *dne*, доселѣ сохранились въ народныхъ говорахъ. Слѣды этого склоненія

можно усматривать въ томъ явленіи, что слова, относящіяся къ данной категоріи и въ старомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ обыкновенно удерживаютъ въ косвенныхъ падежахъ согласный основы; напр. *telesa, drevesa* (род. п.), *telesu* (дат. п.), *telesom* (тв. п.) у Трубера и др.; напротивъ въ именительн. ед. ч. согласный основы, какъ и въ старо-славянскомъ, отсутствуетъ: *nebo, oko, ime* (не *oceso, imeno, koleso* — какъ часто въ другихъ славянскихъ языкахъ). Впрочемъ въ томъ и другомъ отношеніи въ живой рѣчи а частью и въ старинныхъ памятникахъ не мало исключеній (ср. ниже, замѣчанія къ образцамъ склоненія на—о). Весьма любопытна словинская форма *kri*, соответствующая старо-слав. *крь*. Она весьма обычна въ старомъ яз. (XVI—XVII в.: *kry, kři*) и теперь слышна въ западныхъ нарѣчіяхъ; между тѣмъ въ восточныхъ говорятъ *kry* (*каry, керу*).

4) *Смѣшеніе падежныхъ окончаній*. Упрощеніе именнаго склоненія въ словинскомъ яз., между прочимъ, выражается въ смѣшеніи падежныхъ окончаній. То въ силу извѣстныхъ звуковыхъ особенностей языка, то подъ влияніемъ закона аналогіи, различные падежи одного склоненія получаютъ одинаковыя окончанія; или же извѣстное падежное окончаніе, принадлежащее одному опредѣленному разряду словъ, примѣняется въ томъ же падежѣ къ словамъ другихъ категорій. Въ этомъ отношеніи словинскій языкъ не пошелъ такъ далеко, какъ сербо-хорватскій, особенно его господствующее нарѣчіе штоавщина; онъ сохранилъ гораздо болѣе древнихъ флексій (хотя и не во всѣхъ нарѣчіяхъ), но всетаки представляетъ и значительное число новообразованій, которыя частью совпадаютъ съ сербо-хорватскими. Сюда относятся слѣдующія явленія.

Мѣстный пад. едн. ч. основъ на—о (*z, o*) обыкновенно совпадаетъ съ дательнымъ т. е. оканчивается на—и: *góbi, kópju, séli, róljm*. Рядомъ съ этимъ окончаніемъ въ старыхъ памятникахъ и въ частныхъ говорахъ наблюдается ок. *i* (*ei* = старо-слав. *ь*), которое опять чередуется съ *z, e* или даже совсѣмъ не слышно; напр. *zute* (Фрейз. отр.), *v tim listei, v muim messei, v suim sercei* (Труберъ), *v nebi* (Богор.), *leti, mestí* (Виногр. вак.), *sinci, pulí, murjí, zubí, svietí, delí* (гайтал. гов., горчиц., хорутан., штир.), *kolce, potocæ, jutre* (резьян. гов.), *jelenz, gradz, gostz* (Рейсницъ., Поджогел.), *grad, les* (Водица, Штирія). *U* является въ XVI ст.: *strahm, strani, sidm, vesselím, gopogeni, rokoim* (Труберъ). Происхожденіе *u* въ мѣст. пад.

можетъ быть объясняемо двоякимъ образомъ: или оно замѣстовано отъ дательнаго падежа вслѣдствіе смѣшенія обоихъ падежей, или же представляетъ собой одинъ изъ слѣдовъ вліянія склоненія на—и на склоненіе основъ на—о. Последнее мнѣніе очень убѣдительно отстаиваетъ г. Облакъ (Arch. f. Slav. Phil., XI, 530—548). Такое же двоякое объясненіе можно допустить для болѣе древняго окончанія *i*: оно или перенесено изъ мягкаго склоненія, или же просто есть рефлексъ старо-слав. *ь*. Показанія древнихъ памятниковъ (въ которыхъ часто передается черезъ *e, i*) и современныхъ говоровъ придаютъ болѣе вѣса второму объясненію. Многія односложныя слова съ долготнымъ удареніемъ имѣютъ и род. п. ед. ч. на—и: *brodú, bregú, gradú, strahú* и т. д. Такіе родительные пп. отличаются отъ дательнаго и мѣстнаго по ударенію, которое въ родит. пад. стоитъ на послѣднемъ слогѣ.

б) Мѣстный пад. ед. ч. основъ на—а также совпадаетъ съ дательнымъ и оканчивается на—*i* какъ въ твердомъ, такъ мягкомъ склоненіи: *ženi, roki (roci), vodi, zemlji, duši*. Въ старо-славянскомъ яз. тоже сходны эти падежи, но различаются окончанія: въ твердомъ скл. — *ь* (жень), въ мягкомъ — *и* (воли). Отступленіе отъ старо-славянскаго въ словинскомъ легче всего объясняется вліяніемъ аналогіи: окончаніе мягкаго склоненія перешло на твердыя основы. Но Облакъ (Arch. f. Slav. Phil., XII, 423) и здѣсь предпочитаетъ видѣть въ *i* рефлексъ неударяемаго *ь*, при чемъ поддержку своему мнѣнію видитъ въ томъ обстоятельстве, что въ старинныхъ памятникахъ и въ нѣкоторыхъ живыхъ говорахъ при господствующемъ употребленіи ок. *i* изрѣдка встрѣчаются формы на *e*: *obluby, praudi* (Conf. Gener.), *sheni, gori, veri* (Труберъ); но *praude, gosposhine* (Виног. зак.), *divisse, zemglje* (A. de Sommaripa). Это *e* представляется словинскому ученому ослабленіемъ *i*; но почему бы не видѣть въ немъ древнее окончаніе дат. — мѣстн. п., правильно соответствующее старо-слав. *ь*. Въ послѣднемъ смыслѣ кажется можно объяснить діалектическія формы: на *gose* (и *v gosi*), на *gvave*, на *gore* (и на *gori*); *poze* (и *pozí*), *mize* (гайталскій говоръ), *zemlé, rokoure, prošnjej* (угро-слав. гов.). Это остатки болѣе древнихъ формъ, уже рано вытѣсненныя новѣйшими формами, образованными по аналогіи. Умѣстно здѣсь же отмѣтить, что въ частныхъ говорахъ *i* можетъ переходить въ *æ* (резьян. н.), *ъ*, или совсѣмъ исчезнуть: *rokæ, pñhæ, wðdæ, rokæ, pogъ, zeml, sester, rac (raki)*.

в) Винительный пад. мн. ч. основъ муж. р. на—о въ твердомъ и мягкомъ склоненіи имѣеть одно общее окончаніе *e*: *gobe, jelene, konje*. Такъ и въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Въ старо-славянскомъ обѣ формы различались: рабы, конѣ. Въ мягкомъ склоненіи *e* правильно соотвѣтствуетъ старо-слав. *ъ*; твердыя основы усвоили ок. *e* очевидно по аналогіи съ мягкими. Въ данномъ случаѣ такое объясненіе допускаетъ и Облакъ. Окончаніе *e* въ твердыхъ основахъ выступаетъ уже въ Фрейз. отр.: *greche, gresnike*; весьма употребительно оно въ позднѣйшихъ памятникахъ языка: *swetske, greusche* (Conf. Gener.) а въ современныхъ говорахъ составляетъ общее правило, отступленія отъ котораго весьма немногочисленны. Рядомъ съ нимъ въ древнемъ языкѣ не рѣдко встрѣчается другое окончаніе *i*, которое кое-гдѣ сохранилось и въ живыхъ говорахъ: *grechi* (Фрейз. отр.), *veczeri*, (Conf. Gener.), *sidu, ploty, polí, gradi* (Труб.), *lasu, daru* (Далм.), *gradi, dari, mosti, ploti* (венец., Давча, Средн. Карст., Трата, Волица). Это *i*, по всей вѣроятности, соотвѣтств. старо-слав. *ы* и, слѣдовательно, представляетъ древнее окончаніе винит. пад. твердаго склоненія. По мнѣнію Облака ок. *i* нужно объяснять вліяніемъ склоненія основъ на—и, такъ какъ оно выступаетъ преимущественно при односложныхъ основахъ, которыя вообще усвоили многія падежныя флексіи склоненія на—и (Arch. f. Slav. Phil., XII, 375). Такое объясненіе, однако, расходится съ основнымъ положеніемъ почтеннаго словинскаго филолога, которое нельзя не признать правильнымъ: при истолкованіи новообразованій въ области формъ нужно обращаться къ закону аналогіи въ томъ случаѣ, когда данныя особенности нельзя вывести изъ звуковыхъ законовъ языка. Въ рассматриваемой формѣ *i* вм. *ы* съ точки зрѣнія словинской фонетики вполне ясно.

г) Творит. пад. ед. ч. основъ на—о сохраняетъ древнія органическія окончанія *om* (для твердыхъ основъ), *em* (для мягкихъ) только въ литературномъ языкѣ и нѣкоторыхъ говорахъ (средне-крайнск., Циркно, Давча): *gobot, konjet*. Обыкновенно же въ живой рѣчи и въ мягкихъ основахъ употребительно окончаніе *om*, которое притомъ весьма часто замѣняется окончаніемъ *am*. Именно древнее *om* удержалось только въ восточныхъ говорахъ Штирія, въ Угрии, въ Бѣлой Крайнѣ и резьянскомъ нар.: *bogom, delom, srcom, veseljom, licom, rrahom*; иногда вм. *om—on*: *gradon, oknon, bogon*. Во всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ — хорутанскомъ, венеціанскомъ, горицкомъ, средне-

крайнескомъ, въ большей части крайнскихъ и штирійскихъ говоровъ — слышится *am*: *hvarcam*, *méstam*, *jelenam*, *kraljam*, *poljam*, *sinam*, *gnizdam*, *požam*; иногда вм. *am*—*an*: *gradan*, *konjan* (розентальск. гов., венец. гов.); кое-гдѣ вм. *am*—*zm* (яунтальск. г.): отрокъп. Смѣшеніе оконч. *em* съ *om* наблюдается уже въ памятникахъ XVI ст.: *mezhom*, *sercom*, *kralom* (Труберъ), *ognjom* (Далмат.), *veselam*, *skakanam*, *shelesham* (Скаляръ).

Равнымъ образомъ и оконч. *am* вм. *om* восходитъ къ древней порѣ: *imenam* (Труберъ), *rištam* (Виногр. зак.). Въ XVI ст., впрочемъ, оно встрѣчается рѣдко, а съ XVII ст. становится весьма употребительнымъ; напр. у Скаляра: *sinam*, *straham*, *duogam*, *telessam* и т. д. Въ XVIII ст. формы творит. п. на — *am* становятся общимъ правиломъ въ письменномъ языкѣ и держались въ грамматикахъ и литературѣ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ у знаменитаго словинскаго поэта Прешерна твор. п. только на — *am*. Въ современномъ литературномъ языкѣ, какъ сказано, приняты окончанія *om*, *em*. Въ старинныхъ памятникахъ кромѣ *am* встрѣчается *im*: *duhum*, *zupim*, *strachim* (Труберъ). Это *im* развилось изъ ударяемаго долгаго *óm*. По мнѣнію В. Облака окончаніе *am* возникло по аналогіи съ дат. п. мн. ч. тѣхъ же основъ (на—*o*), въ которомъ органическое ок. *om* рано стало замѣняться черезъ *am* (Arch. f. Slav. Phil., XI, 551—552). Другіе (Штрекель) объясняютъ *am* изъ пра-слав. *zъmь* (Бодуэнъ, отчеты 56, 59) или рассматриваютъ это окончаніе какъ новообразованія по аналогіи основъ на—*a*.

д) Дательный п. мн. ч. основъ на—*o* подвергся тѣмъ же измѣненіямъ какъ творительный п. ед. ч. Древнія окончанія, *om*—для твердыхъ основъ, *em* для мягкихъ, сохраняются только въ литературномъ языкѣ и немногихъ говорахъ (напр. резьянскомъ, кое-гдѣ въ крайнскихъ): *góbot*, *konjet*. Обыкновенно же, въ большей части нарѣчій и говоровъ въ этомъ падежѣ неразличается твердое и мягкое склоненіе и употребляется твердое окончаніе *om*. Но послѣднее, какъ въ творит. п. ед. ч., обыкновенно замѣняется *am*. Окончаніе *om* удержалось въ говорахъ восточно-штирійскихъ, угорскихъ и бѣло-крайнескихъ и то преимущественно въ словахъ муж. р.: *vukom*, *grešnikom* *gradom*; слова же среднего рода и здѣсь принимаютъ *am*: *mestam*, *sercam*. Окончаніе *am* употребительно во всѣхъ остальныхъ нарѣчіяхъ: *otrokam*, *mečam*, *litam*; иногда вм. *am*—*an*: *grcan*, *lietan* (гориць. н.).

Различіе между *om* и *em* исчезаетъ уже въ XVI ст.: *hlarcom*, *serzom* *rgiatelom* (Труберъ); въ XVII ст. формы на *om* въ мягкихъ основахъ уже становятся преобладающими. Окончаніе *am* вм. *om* ярляется уже въ XV ст., но первоначально въ словахъ средн. р.: *deylam* (Conf. Gener.), *ustam*, *mestam*, *vratam*, *serzam* (Далматинъ); затѣмъ это окончаніе переносятъ и на основы муж. р.: *greschnikam*, *otrokatam* (Виногр. зак.). Но вообще въ письменномъ языкѣ XVII в. различаются слова муж. и средн. родовъ: первая сохраняютъ оконч. *om*, вторыя—принимаютъ *am*. На основаніи тщательнаго выясненія исторіи употребленія окончанія *am* въ древнихъ памятникахъ и современныхъ говорахъ В. Облакъ пришелъ къ вѣроятному заключенію, что это окончаніе первоначально развилось въ основахъ средн. рода, но не по аналогіи основъ на — *a* (жена), а вслѣдствіе стремленія языка сблизить окончаніе дательнаго падежа съ оконч. именит. и винит. пп. (*a*). Отъ основъ средняго рода *am* перешло и на основы муж. р. Изрѣдка въ XVI в. встрѣчаются формы дат. на *im*: *bogim*, *sypim* (Труберъ).

е) Родительный пад. мн. ч. основъ — на *o*, оканчивавшійся въ старо-слав. яз. на *ъ*, согласно звуковымъ законамъ словинскаго языка, долженъ былъ представлять форму безъ падежнаго окончанія. Такимъ онъ и является въ основахъ средняго рода: *sel*, *rolj*, *oken*. Основы же муж. р. удержали древнюю форму род. п. только для немногихъ словъ, именно: *otrok*, *vól*, *vóz*, *zób*, *kópj*, *lónes*, *móž*, *repéz*, *gajpiš*. Обыкновенно для нихъ, очевидно съ цѣлью различенія род. п. мн. ч. отъ именит. ед. ч., языкомъ усвоено окончаніе основъ на — *i* т. е. *ov*: *govov*, *jelenov*.

Ov, а въ мягкихъ основахъ *ev* употребляютъ уже съ XV в.: *swetikow*, *greychu* (Conf. Gener), *grehou*, *bogou*, *angelou*, *kraleu*, *denariou*, *hlarceu* (Труберъ). Но уже съ конца XVI ст. и мягкія основы получаютъ оконч. *ov*: *krajou*, *hlerzou* (Далматинъ). Въ современныхъ живыхъ говорахъ мягкое *ev* почти не слышно: *kraljov*, *krajou*, *kopjov*, *možov*. Только въ литературномъ языкѣ сохраняется различіе между *ov* и *ev*. Въ старомъ языкѣ встрѣчаются формы род. п. на *iv*: *denariu*, *kurzui* (Виногр. зак.); здѣсь *iv*—образовалось изъ *ov*, вслѣдствіе обычнаго перехода *o* въ *i*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ вм. *ov*—слышно *i*: *otroki*.

ж) Мѣстный п. мн. ч. основъ на—о имѣетъ тройное окончаніе: *ih*, *eh*, *ah*; *ih* принято въ современномъ литературномъ языкѣ и употребляется одинаково какъ въ твердыхъ, такъ мягкихъ основахъ: *góbih*, *konjih*, *selih*, *poljih*, *imēih*; въ народномъ языкѣ это окончаніе наблюдается только въ одной части говоровъ, именно въ нѣкоторыхъ крайнскихъ (Бѣло-краинскій гов., Лужа, м. св. Петра, Висока, Волица) и штирійскихъ (аяунтал. гов.) и резьянск. нар.: *pastirih*, *gospodarih*, *mestih*; окончаніе *eh* встрѣчается почти во всѣхъ говорахъ на ряду съ двумя другими окончаніями, но нигдѣ не имѣетъ всеобщаго значенія, а примѣняется только къ извѣстнымъ словамъ; напр.: *tatēh*, *vozēh*, *možeh* (Крайн. гов.); окончаніе *ah* слышится въ большей части говоровъ именно: Венец. области, Горичы, Крайны и Штирія и вообще вытѣсняетъ два другія болѣе древнія окончанія: *konjah*, *krajah*, *jelenach*, *srcah*, *mostah*, *miestah*; въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. въ восточной Штирії оконч. *ih* и *ah* различаются такимъ образомъ, что *ih* употребляется въ словахъ муж. р., а *ah*—въ словахъ средн. р.: *ogradih*, *grehah*, но *letah*, *mestah*. Такъ различались эти основы въ мѣстн. п. множ. ч. и въ старыхъ памятникахъ. Всѣ три окончанія находимъ уже въ текстахъ XVI ст. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ употребительнѣе *ih*, *eh*: *vgatih*, *sercih*, *nebesih*, *psalmih*, *romogih*, *lysteh*, *grobeh*, *stoleh*, *mosheh*, *dareh* (Труберъ); но и *vgatah* (Труберъ), *ustah* (Далматинъ). Окончаніе *ah* беретъ перевѣсъ надъ *ih* только въ концѣ XVII и въ XVIII ст. *Ih* естественно разсматривать какъ заимствованіе изъ мягкаго склоненія. Но возможно и другое объясненіе, которое отстаиваетъ В. Облакъ: *ih*, такъ же какъ *eh* можетъ восходить къ старо-слав. *ъхъ*, при чемъ *i* въ данномъ окончаніи разсматривается какъ рефлексъ неударяемаго *ъ*. Что касается *ah*, то это окончаніе, по мнѣнію того же ученаго объясняется такимъ же образомъ какъ *am* въ дат. мн. ч. основъ на—о. Какъ частную діалектическую особенность нужно отмѣтить ок. *aj* (вм. *ah*): *prgokaj*, *mestaj*, *delaj* (угро-слов. гов.).

з) Творительный п. множ. ч. основъ на—о сохраняетъ древнее окончаніе *i*, соответствующее старо-слав. *и*, преимущественно въ литературномъ языкѣ и немногочисленныхъ живыхъ говорахъ (Бѣлокраинскомъ, кое-гдѣ въ Штирії въ Угрии): *gobi*, *konji*, *seli*, *polji*, *voli*, *tati*, *sini*. Обыкновенно это органическое окончаніе вытѣсняется окончаніями *ti* или *ami*; изъ нихъ первое перешло къ основамъ на—о

вѣроятно изъ склоненія на—и, а второе образовалось такимъ же образомъ, какъ формы дат. и мѣстн. на *am*, *ah*. Окончаніе *mi* выступаетъ въ памятникахъ съ XVI ст.; у Трубера рядомъ съ формами: *angeli*, *preroki*, *leitzi*, *iudi* встрѣчаются: *listmi*, *dar^{mi}*, *mosh^{mi}*, *let^{mi}*, *teles^{mi}*. Окончаніе *ami* становится болѣе замѣтнымъ лишь въ концѣ XVII и нач. XVIII ст.: *delami* (Крель), *grehami* (Скаляръ). Въ современномъ языкѣ, по утверженію Облака, *ami* въ большинствѣ говоровъ составляетъ общее правило, по отношенію къ которому другія окончанія являются какъ бы исключеніями (Arch. f. Slav. Phil., XII, 408): *zrcami*, *delami*, *sinami*, *bregami*. Иногда конечное *i* исчезаетъ или переходитъ въ глухой: *hribat^{am}*, *volat^{am}*, *mestam* (особ. крайніе говоры), *gnizdam^z* (Велдесъ). Въ угро-словинскомъ нар. одинаково употребляются *i* и *ami*, при чемъ второе окончаніе приурочивается исключительно къ словамъ средняго рода: *vratami*, *mestami*, но *uki*, *krali*, *grehi*. — Какъ діалектическую особенность, встрѣчающуюся и въ древнихъ текстахъ, нужно отмѣтить окончаніе творит. пад.—*ovi*, *ovami*: *dar^{ovi}* (Труберъ), *grad^{ovi}*, *sin^{ovi}* (Достелла), *bog^{ov^o}* (горицк. гов.), *mostovami*, и безъ конечнаго *i*—*mostovam* (венец. горицк. гов.).

Относительно позднѣйшихъ славянскихъ окончаній для дательн., твор. и мѣстн. пп. множ. ч. основъ на—о: *am*, *ach*, *ami* ср. соотв. окончанія въ русск. яз.: *мужамъ*, *мужахъ*, *мужами*, *конямъ*, *конахъ*, *конами*, *села^{мъ}*, *села^{хъ}*, *села^{ми}*.

и) Дательный, творительный и мѣстный пп. мн. ч. основъ на согласн.—*r* усвоили уже съ древнѣйшихъ временъ окончанія основъ на *a*: *am*, *ami*, *ah*: *materam*, *materami*, *materah*. Впрочемъ въ старомъ языкѣ встрѣчается и *mater^{mi}*.

в) Родит. п. един. ч., именит. и винит. пп. множ. ч. твердыхъ и мягкихъ основъ на—*a* имѣютъ одно общее окончаніе *e*: *žene*, *gibe*, *zemlje*, *duše*. Совершенно такое же совпаденіе всѣхъ этихъ формъ въ сербо-хорватскомъ яз. И тамъ и тутъ оно объясняется одинакимъ же образомъ, т. е. вліяніемъ закона аналогіи. Въ мягкомъ склоненіи *e* правильно вм. старо-слав. *ь*; въ твердое склоненіе *e* перешло изъ мягкаго, вм. ожидаемаго *i* (= старо-сл. *ы*). Окончаніе *e* является не только въ мягкихъ, но и въ твердыхъ основахъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ и вообще составляетъ правило какъ въ старомъ, такъ и новомъ языкѣ: *Marije*, *dewicze*, *ewe*,

matre, nedele (Conf. Gener.), besede, verge, vole, shene, semle (Труберъ). Въ Фрейзин. отр. встрѣчается только одинъ примѣръ: szlauui, въ которомъ можно видѣть остатокъ старины. Въ родит. п. въ Бѣлокраинскомъ говорѣ изрѣдка слышно *i*: goki, sestri, gogi, vodi; иногда и въ резьян. г. hiši. Въ нѣкоторыхъ говорахъ передъ *e* наблюдается новѣйшее смягченіе гортанныхъ въ свистящія или шипящія: *z* gose, *z* poze (Гайтал. г.), гоѣе, моѣе (Велдесъ). Въ имен. и вин. мн. ч. *i* почти не встрѣчается. Въ Яунталск. гов. во всѣхъ трехъ падежахъ послѣ *č, š, j, c, s, z, t, d* слышно *a* вм. *e* (= *а*): duša.

л) Сверхъ того въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ наблюдаются болѣе частные случаи смѣшенія надежныхъ окончаній разныхъ основъ; именно:

1) Родительный п. мн. ч. основъ на—*a*, кромѣ древнихъ формъ безъ окончанія, иногда принимаетъ *i*, заимствованное изъ склоненія основъ на—*i*: besedi, muhi, wudi, ženi (венеціан. говоры, особ. резьянскій). Встрѣчаются такія формы и въ старомъ языкѣ: sluzbi (Труберъ), buqui (Далматинъ). Въ нѣкоторыхъ говорахъ возможны и другія окончанія; *a*: srkvá, souzá, sestrá (западн. гов., Циркно, Давча, Трате, Велдесъ); *e*: vodé, goré (венец. гов.). Первое соотвѣтствуетъ сербо-хорватскому ок. *a* (жена) и, быть можетъ, явилось по аналогіи другихъ падежей того же склоненія, имѣющихъ въ окончаніи *a*; второе могло явиться по аналогіи именит. множ. ч.; въ томъ и другомъ случаѣ необходимо допустить и вліяніе ударенія, которое въ данныхъ говорахъ падаетъ въ указанныхъ словахъ на послѣдній слогъ.

2) Дательный п. мн. ч. основъ на—*a*, кромѣ обще-употребительнаго окончанія *am* принимаетъ въ венец. нар. *em*: vodém, solzém, kozep. Это окончаніе могло возникнуть по аналогіи основъ на—*i*. Въ старомъ языкѣ встрѣчается и *om*, очевидно, заимствованное изъ склоненія на—*o*: besedom, dushom, pogom (Труберъ).

3) Мѣстный п. мн. ч. основъ на—*a*, кромѣ древняго окончанія *ah*, въ нѣкоторыхъ говорахъ принимаетъ ок. *eh, ih*, заимствованныя изъ другихъ склоненій: híseh, vódek, gokéh, pogéh (Яунталск. гов. Достелла), ср. у Трубера: bessedeh, buquih.

4) Творит. п. множ. ч. основъ на—*a*, кромѣ органическ. окончанія *ami*, имѣетъ въ венеціанскихъ говорахъ *mi*, перенесенное изъ склоненія основъ на—*i*: pogmi, gokmi. Ср. въ памятн. XVII в.: besedmi (Скаляръ). Въ нѣкоторыхъ говорахъ конечное *i* исчезаетъ или переходитъ въ глухой зв.: gokam, gibam (Розенталь, Циркно).

5) Дательный, творительный и мѣстный пп. множ. ч. женскихъ основъ на—*i*, кромѣ древнихъ окончаній *et*, *im* (д. п.), *mi* (тв. п.), *eh*, *ih* (м. п.) принимаютъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (особ. штир., хорут., венец) окончанія основъ на—*a*: *at*, *ami*, *ah*: *pitam*, *pitami*, *pitah*. Ср. *stvagat* (Труберъ), *zaruvīdat* (Далматинъ), *zaruvīdek* и *zaruvīdih* (Труберъ). Въ твор. п. въ старомъ языкѣ встрѣчаемъ и *i*: *zaruvīdi* (Труберъ).

5) *Характерныя окончанія*. Къ характернымъ окончаніямъ именнаго склоненія, какъ это отчасти видно изъ сказаннаго выше, относятся слѣдующія:

I. Въ склоненіи на—*o*.

- а) Родит. п. ед. ч. не только —*a*, но иногда —*u*: *goba*, *kopja*, *sela*, *rolja*, *imena*; *volu*, *vratu*, *daru*.
- б) Мѣстн. п. ед. ч.—*u*: *gobu*, *kopju*, *selu*, *rolju*, *imenu*.
- в) Творит. п. ед. ч. *om*, *em*—въ литературномъ языкѣ, а въ живыхъ говорахъ обыкнов.—*at*: *gobot*, *kopjet*, *selom*, *poljet*, *gobat*, *kopjat*, *selat*, *poljat*.
- г) Именит. п. мн. ч. муж. р.—*i*, *je* (*ovi*, *ovje*, *ke*): *robi*, *robje*, *kopji*, *mozje*, *sigomacke* ср. р.—*a* (*e*): *sela*, *imena*.
- д) Винит. п. мн. ч. муж. р.—*e*: *robe*, *kopje*.
- е) Родит. п. мн. ч.—*ov*, *ev* и безъ окончанія; *ov* обыкновенно выступаетъ и въ мягкихъ основахъ вм. *ev*: *gobov*, *kopjev*, *mužov*, *otrók*, *sél*, *polj*.
- ж) Дат. п. мн. ч. *om*, *em*—въ литературномъ языкѣ, въ живыхъ говорахъ обыкновенно *at* (*um*): *gobot*, *kopjet*, *selom*, *poljet*, *gobat*, *kopjat*.
- з) Мѣстн. п. мн. ч.—*ih* (*eh*), *ah*: *gobih*, *kopjih*, *selih*, *poljih*, *iménih*, *gobah*, *roljah*. Въ литературномъ языкѣ принято окончаніе *ih*.
- и) Творит. п. мн. ч.—*i*, *mi* (*imi*, *ami*, *ovami*): *robi*, *kopji*, *séli*, *rolji*, *iméni*, *vozmi*, *tatmi*, *mestmi*.
- к) Именит.—винит. п. двойств. ч.: *a* (муж. р.), *i* (ср. р): *goba*, *kopja*, *seli*, *polji*, *imeni* (ср. 438 стр.).
- л) Дат.—твор. пп. двойств. ч.—*ota*, *eta*, *ata*: *gobota*, *kopjeta*, *sélota*, *poljeta*, *iménota*, *kopjata*, *selata*. Ср. 438 стр.

II. Въ склоненіи на — а.

- а) Родит. п. ед. ч.—*e*: *ríbe*, *vólje*.
 б) Дат. и мѣстн. пп. ед. ч.—*i*: *ríbi*, *volji*.
 в) Вин. п. ед. ч.—*o* (*u*, *ou*, а діалектнч. окончанія): *ríbo*, *voljo*, *rokò*, *ríba*.
 г) Твор. п. ед. ч.—*o* (*oj*, *u*, *a*, *uo*, *ov*—діалектнч. окончанія): *ríbo*, *vóljo*, *ženoj*, *žen*, *žena*, *rakuo*, *dušov*, *rokov*.
 д) Имен.—винит. пп. мн. ч.—*e*: *ríbe*, *volje*, *duše*.
 е) Родит. п. мн. ч.—безъ окончанія; но діалектически: *a*, *e*, *i* *rīb*, *žen*, *vólj*, *žená*, *muhí*.
 ж) Дат. п. мн. ч.—*am*; діалектически *em*, въ старомъ яз. и *om*: *ríbam*, *vóljam*; *vodém*; *besedom*.
 з) Мѣстный п. мн. ч.—*ah*; въ старомъ языкѣ и кое-гдѣ въ говорахъ *eh*, *ih*: *ríbah*, *voljah*: *bessedeh*, *goreh*, *buquih*.
 и) Твор. п. мн. ч.—*am*; діалектически *am*, *mí*: *ríbami*, *vóljami*; *rokám*, *roktí*.
 к) Имен.—вин. пп. двойств. ч.—*i*; діалект. *æ*, *z*: *ríbi*, *volji*, *ženæ*.
 Ср. 438 стр.
 л) Дат.—твор. пп. двойств. ч.—*ama*: *ríbama*, *voljama*.

III. Въ склоненіи на — і.

- а) Творит. п. ед. ч.—*jo* (= старо-слав. *нь*), діалектнч. *ju*, *jot*, *jov*, *oj*: *nitjo*, *nitju*, *kostjom*, *oblastjov*, *mastjoj*.
 б) Родит. п. мн. ч.—*i*: *níti*, *kósti*.
 в) Дат. п. мн. ч.—*im*, *em*; *nítim*, *kostem*.
 г) Мѣстн. п. мн. ч.—*ih*, *eh*: *nítih*, *kostéh*.
 д) Твор. п. мн. ч.—*mi*, діалектнч.—*ami*: *nitmi*, *misلامي*.
 е) Имен.—вин. пп. двойств. ч.—*i*: *níti*.
 ж) Дат.—твор. пп. двойств. ч.—*ma*, *ima*, *ema*: *nitma*, *kostema*.
 Окончанія остальныхъ падажей вполне соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ.

IV. Въ склоненіи на—согласн. г.

- а) Творит. п. ед. ч.—*jo* (= старо-слав. *нь*): *máterjo*.
 б) Имен.—вин. пп. мн. ч.—*e*: *mátere*.

- в) Дат. п. мн. ч.—*am: máteram*.
 г) Твор. п. мн. ч.—*ami: máterami*.
 д) Мѣст. п. мн. ч.—*ah: máterah*.
 е) Имен.—вин. пп. дв. ч.—*i: materi*.
 ж) Дат.—твор. пп. дв. ч.—*ama: materama*.

О происхожденіи и употребленіи бѣльшей части этихъ окончаній сказано въ предшествующемъ параграфѣ. Здѣсь предстоитъ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ еще не было рѣчи выше.

Именительный п. мн. ч. основъ на—*o* имѣетъ для муж. р. окончанія: *i, je* (= старо-слав. *ьв, нь*), *ovi, ove, ovje, ke*, для ср. р.—*a, e*. Самое обычное и обще-употребительное окончаніе *i: gobi, konji, jeleni*. Заимствованное изъ основъ на—*i* ок. *je*, какъ уже замѣчено выше (стр. 440) встрѣчается почти во всѣхъ живыхъ говорахъ, хотя нельзя вывести правило, въ какомъ именно существительномъ примѣняется это окончаніе: *kmetje, možje, zobje, očetje, gospodje, sosedje, golobje, prijateljje, bratje*. Ок. *ove*, заимствованное отъ основъ на—*u*, извѣстно въ старомъ языкѣ съ XVI ст., а въ настоящее время наблюдается при односложныхъ словахъ только въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ нарѣчіяхъ (венедіанскомъ, горицкомъ): *dagove, gradove, tastove, vratove*. Болѣе распространено образовавшееся изъ *ove* (черезъ приравненіе къ другимъ именительнымъ на—*i*) ок. *ovi*; оно часто встрѣчается въ памятникахъ стараго языка съ XVI в.: *bohovi, dagovi, duhovi, gradovi* (Труберъ); въ современномъ языкѣ особенно распространено въ крайнихъ говорахъ, меньше—въ штирійскихъ и почти совсѣмъ неизвѣстно въ хорутанскихъ: *mostovi, glasovi, gradovi, duhovi*. Изъ *ovi* по аналогіи ок. *je* образовалось *ovje*,—наблюдаемое особенно въ угро-словинскомъ нар.: *bratovje, porovje, sinovje*. Такая форма имен. мн. ч., между прочимъ, составляетъ характерную особенность словацкаго языка. Въ томъ же угро-словинскомъ нарѣчій при существительныхъ, означающихъ лица, возможно еще одно оригинальное окончаніе—*ke: grejšnicke, prgočkje, sigomacke, službenicke, svedocke, vucke*. Такъ какъ рядомъ съ этими формами попадаютъ формы на *sje* (*sigomacsje, jupacsje*), то въ формахъ на *ske*—можно видѣть комбинацію двухъ именительныхъ на *sje* и *ki*. Впрочемъ объясненіе этого окончанія представляетъ большія трудности (ср. Arch. f. Slav. Phil.,

ХП, 20—22). Главное окончаніе *i* удерживается не во всѣхъ нарѣчіяхъ; будучи безударнымъ *i* по общему закону, часто переходитъ въ глухой гласный или совсѣмъ исчезаетъ: *mozačs*, *svetnicš*, *goscs* (Крайн.), *grič*, *meš*, *kraј* (Горицк.); въ чистомъ видѣ оно наблюдается въ говорахъ восточной Штиріи въ нѣкоторыхъ говорахъ Хорутаніи (Розенталь, Яунталь), въ угро-словинскомъ нар. и Бѣлокрайновомъ: *tati*, *kralji*, *gradi*, *zejci*.

Именительный (также и винительный) мн. ч. словъ среднего рода кромѣ обычнаго оконч. *a* иногда принимаетъ *e*, которое составляетъ общее правило для хорутанскихъ говоровъ (за исключеніемъ яунтальскаго) и нѣкоторыхъ штирійскихъ: *pebese*, *lete*, *nieste*, *pleče*; въ другихъ нарѣчіяхъ *a*: *pebesa*, *leta*, *lita*, *mesta* и т. д. Примѣры такого окончанія встрѣчаются и въ старомъ языкѣ: *pebesse* (Труберъ), *kolene* (Скаляръ). По мнѣнію Облака *e* мн. ч. *a* явилось подъ влияніемъ мѣстоименнаго и сложнаго склоненій, гдѣ именит.—винит.—мн. ч. средн. р. совпали съ тѣми же падежами жен. р.

Винительный п. ед. ч. основъ на—*a* обыкновенно имѣетъ окончаніе *o*, соотвѣтствующее старо-славян. *ъ*: *ženo*, *ribo*, *voljo*, *dušo*. Въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ *ъ* = *и* и вин. п. оканчивается на *и*: *zemji*, *magli*, *sestri* (венед. средне-карстск. гов.). Въ угро-словинск. н., если удареніе не падаетъ на окончаніе, удерживается *o*, въ противномъ случаѣ слышно *oi* (*o*): *slugo*, *hižo*, *nogò*, *rokò*. Характерное окончаніе представляетъ яунтальскій говоръ: безъ ударенія—*z*: *palicsz*, *besidz*; подъ удареніемъ носовый гласный *q*: *vodaq*, *igwaq*, *poqaq*, *gwuawaq*, *Drawaq*. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Горицы (Давча) и Крайны (Лашича, Затичина, Требинье, Подкогель) винит. п. оканчивается на *a*: *žena*, *riba*, *miža*, *voda*. Это окончаніе объясняется свойствомъ нѣкоторыхъ словинскихъ говоровъ превращать безударное *o* въ *a*.

Творительный п. ед. ч. основъ на—*a* обыкновенно оканчивается на—*o*: *ženo*, *ribo*, *dušo*, *voljo*. Такъ и въ древнихъ памятникахъ: *wesseydo* (Conf. Gener.), *цего*, *roko* (Труберъ); въ штирійскихъ говорахъ (восточныхъ и средних)—*oj*: *ženoj*, *vodój*, *rokój*. *J* здѣсь позднѣйшаго происхожденія и оба окончанія одинаково восходятъ въ старо-славянскому *омь*. Сверхъ того въ разныхъ говорахъ возможны окончанія: *и* (средне-карст.), *a* (гдѣ и вин. п.—на *a*), *ид* (горицк. н.), *от*, *ов* (угро-слов.), *ženu*, *ženuo*, *ženom*, *ženov*.

Основы на—*i* жен. р. образуютъ творит. п. ед. ч. по аналогіи основъ на—*a* и, слѣдовательно, рядомъ съ господствующимъ окончаніемъ—*o* (*jo*) имѣютъ всѣ другія, указанныя для отдѣльныхъ говоровъ: *nitjo, smrtjo, smrtjoj, oblastjov, radostjom, prstia* (аунтал. г.).

Образцы именнаго склоненія.

I. Склоненіе на—*o*.

а) Имена мужескаго рода.

Единств. ч.

И. rób	klobúk	kónj	móž
В. róba	klobúk	kónja	móža
Р. róba (robú)	klobúka	konja	móža
Д. róbu	klobúku	kónju	móžu
Т. róбом	klobúком	kónjem	móžem
М. róбу	klobúку	kónju	móžu

Двойств. ч.

И. В. róba	klobúka	kónja	móža
Д. Т. róboma	klobúkoma	kónjema	móžema

Множ. ч.

И. róbi	klobúki	kónji	móži (možje)
В. róbe	klobúke	kónje	móže
Р. róбов	klobúkov	kónjev	móžev
Д. róбом	klobúком	kónjem	móžem
Т. róbi	klobúki	konji	móži
М. róbih	klobúkih	kónjih	móžih

б) Имена средняго рода.

Единств. ч.

И. sélo	pólje	imé	téle	slovó
В. sélo	pólje	imé	téle	slovó
Р. séla	pólja	iména	teléta	slovésa

Д. sélu	pólju	iménu	telétu	slovesu
Т. sélom	póljem	iménom	telétom	slovésom
М. sélu	polju	iménu	telétu	slovésu

ДВОЙСТВ. Ч.

И. В. séli	polji	iméni	teleti	slovési
Д. Т. séloma	póljema	iménoma	teletoma	slovésoma

МНОЖ. Ч.

И. séla	pólja	iména	teléta	slovésa
В. séla	pólja	iména	teléta	slovésa
Р. sél	pólj	imén	telét	slovés
Д. sélom	póljem	iménom	telétom	slovésom
Т. séli	pólji	iméni	teléti	slovési
М. sélih	póljih	iménih	telétih	slovésih

По образцамъ категоріи а, склоняются: 1) всѣ имена муж. р. съ основами на *o, jo*; 2) многія слова муж. р. на—*a*: *vójuvoda, starejšina, opróda* (оруженосецъ изъ мадьяръ); нѣкоторыя существительныя на *a* образуютъ свои падежи по образцу основъ на *at*: *Matija, Tóma*— р. п. *Matijata, Tomata*; такъ и нѣкоторыя собственные имена на *e, o*: *Jože, Tóne, Benko, Jožeta, Toneta, Benkota*; 3) большая часть тѣхъ существительныхъ, которыя въ старо-слав. яз. слѣдуютъ склоненію основъ на—*i*: *golób, zet, črv, gost, nohet, pečat, pot, tat, gospod, médvéd, laket* (*laket* бываетъ и женск. рода); объ остаткахъ склоненія на—*i* см. выше стр. 440; 4) существительныя отъ основъ на—*u*: *sin, vol*; 5) имена муж. р. отъ основъ на согласный *n*: *kámen, krémen, plámen, kóren, prsten, rémen*.

По образцамъ категоріи б, склоняются имена сред. рода: 1) отъ основъ на—*o* (*jo*); 2) отъ основъ на *n, t, s*: *game, pleme, vréme, teló, čudó, dřevó, nebó, koló, óko, uhó, črevó, prasé, kozlè, piščè, deklè* (дѣвушка), *dète, junče*.

Исчезновеніе гласныхъ. Въ именит. п. ед. ч. склоненія основъ муж. р. передъ конечнымъ согласнымъ обыкновенно находится глухой *z* или замѣняющіе его *e, a*: всѣ эти гласные исчезаютъ въ другихъ падежахъ, когда слово получаетъ наращеніе на концѣ: *óven,*

ovzn, órel, kupac, kurac, ósel, nóhet, óder, ógenj, ogzj, vógelj, véter¹⁾; р. п.—óvna, ogra, ognja, ognju (ср. 409—410 стр.). Въ однихъ случаяхъ и въ старо-славянскомъ яз. здѣсь гласный (з, ъ): kurac, pohat; въ другихъ—въ старо-слав. яз. нѣтъ никакого гласнаго и слѣдов. въ словянск. яз. онъ имѣеть значеніе вставочнаго звука для благозвучія: ogenj, veter. Односложныя слова могутъ сохранять гласный и въ косвенныхъ падежахъ: máh, méš, lán, р. п. máha, méša; но рès - psa. Впрочемъ, въ большей части живыхъ говоровъ (за исключеніемъ восточныхъ) гласный можетъ исчезать и въ именит. п.: ovn, kurc, poht.

Во многихъ говорахъ наблюдается исчезновеніе во всѣхъ падежахъ, не исключая именительнаго, и такого е, которое не имѣеть ничего общаго съ з, ъ, а соотвѣтствуетъ старо-слав. е, ѡ: kamn, р. п. kamna, prijatlja, zajca, mesc, mesca (мѣсяць).

Подобнымъ образомъ и слова средняго рода въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ теряютъ конечное о въ именит.—винит. пп. ед. ч.: mest, let, vin, gnezd, vreten (горниц. нар.). Посредствующую ступенью здѣсь служилъ переходъ о въ неударяемыхъ слогахъ въ з, также наблюдаемый въ нѣкоторыхъ говорахъ: mázwz, senz, mestz (Предворъ, Яунталь).

Въ родит. п. множ. ч. именъ средняго рода является, какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, вставочное е (въ нѣкоторыхъ говорахъ а): réber, sédel, gúmen, óken и др.

Родит. п. ед. ч. на—и. Односложныя существительныя муж. р. твердыхъ основъ могутъ имѣть родит. п. ед. ч. не только на—а, но и на—и; большею частью это тѣ, которыя въ именительномъ п. имѣють долгій гласный: bród, brodú, vál, valú, vrát, vratú, glás, glasú, dár, darú, dóm, domú, kvás, kvasú, pás, pasú, práh, prahú, stráh, strahú. Многія существительныя одинаково принимаютъ то и другое окончанія: vólk, volká, volkú, rob, róba, robú, rod, rodá, rodú, sméh, smehá, smehú. По наблюденіямъ Облака (Arch. f. Slav. Phil., XI, 415—419), въ живой рѣчи окончаніе и чаще слышится въ тѣхъ говорахъ, которые предпочитаютъ ударенія на послѣднемъ слогѣ. Это и заимствовано изъ склоненія основъ на—и. Весьма употребительно оно и въ старомъ языкѣ: sadu (Conf. Gener.), stani, strahu, miru,

¹⁾ Въ современномъ литературномъ языкѣ въ такихъ словахъ пишутъ е.

lysti, smradu, godu (Труберъ), domu, zidu, vratu (Далматинъ). Изъ мягкихъ основъ, какъ исключенія, встрѣчаются только: moži и rajnú.

Дательный п. ед. ч., кромѣ господствующаго окончанія *u*, въ нѣкоторыхъ говорахъ можетъ имѣть другія окончанія: *ovi*, *ovi*, *i*, *o*. *Ovi*, *evi* и *ovi*, встрѣчающіеся кое-гдѣ въ памятникахъ XVI ст., слышны какъ рѣдкое исключеніе преимущ. на востокъ: *kruhovi*, *moževi*, *vinovi*. Чаше наблюдается окончаніе *i* (въ восточн. Штирія, Угорщинѣ, Бѣлой-Крайнѣ): *človeki*, *bugi*, *narodi*, *krali*, *domi*, *bugi* (Труберъ), *mesti* (Далматинъ). *O* составляетъ особенность верхне-крайнеск. нар.: *gosródo*, *cesárjo*, *gráho*, *vózo*, *télæto*; *Dauido*, *greho*, *serzo* (Скаляръ).

Гортанные *g*, *k*, *h*, передъ *i* въ именит. и мѣстн. пп. мн. ч. обыкновенно не смягчаются въ свистящія: *oblaki*, *grehi*, *breghi*, *oblakih*, *grehah*, *breghih*. Рѣдко такое смягченіе и въ памятникахъ стариннаго языка: *zplæi* (Фрейз.), *otgosi* (Труберъ); по *grehi*, *potoki*, *turki*, *prgokih* (Труберъ). Въ живой рѣчи оно наблюдается только какъ рѣдкая діалектическая особенность, притомъ почти исключительно по отношенію къ *k*. Чаше встрѣчается вторичное (сезундарное) смягченіе—*k* въ *č*, *g* въ *j*, *h* въ *š*: *gejš* (= *greh*), *gaji* (= *gog*), *trgbuše*, *sveše* (горицк. нар.).

О разнообразныхъ окончаніяхъ имен. п. мн. ч. основъ муж. р. см. выше стр. 451.

О замѣнѣ древнихъ окончаній дат., твор. и мѣстн. пп. множ. ч. *om*, *i*, *ih* позднѣйшими *am*, *ati*, *ah* сказано выше стр. 444—446. Тамъ же и о замѣнѣ ок. творит. п. ед. ч. *om*—позднѣйшимъ *am*.

Существительныя на *an* (= старо-слав. *анинъ*). имѣютъ въ имен. мн. ч. иногда *e* (*kristjane*), но чаше *je* (изъ склоненія на—*i*), употребляемое, какъ указано выше, и въ другихъ случаяхъ: *Kristjanje*, *Ločanje*, *Talijanje*.

Мѣстныя имена на *ane* склоняются такимъ образомъ: им. мн. ч. *Goričane*, *Svěčane*; вин. *Goričane*, *Goriče*, *Svěčane*, *Svěče*; род. *Goričan*, *Svěčan*; дат. *Goričanom*, *Svěčanom*, *Goričam*, *Svěčam*; твор. *Goričami*, *Svěčami*; мѣстн. *Goričan*, *Svěčan*.

Замѣчательнъ древній дат. п. ед. ч. *domón* (Труберъ, Далматинъ), вм. чего теперь на востокъ *domó*, на западѣ *domú*, на югѣ *dimó*; впрочемъ, кое-гдѣ и теперь слышно *domón*.

Камен, kôt и pôt во множ. ч. могутъ слѣдовать склоненію именъ средн. рода: komna, kôta, pôta (Прешернъ).

Вм. множ. ч. gospodje употребляется и собирательное gospoda.

Dán, dén склоняется такимъ образомъ:

Един. ч. Им. *dán, dén*

Род. *dné, dnéva, dnova*

Дат. *dnéví, dnevu, dnovu, dini* (Фрейз. отр.)

Тв. *dném, dnévom, dnovom*

Мѣст. *dnévi, dnévu, dine* (Фрейз. отр.).

Двойств. ч. Им. *dní, dnéva*

Род. *dní, dnév, dnévon*

Дат. Тв. *dnéma, dnévoma*

Мѣстн. *dnéh, dnévih.*

Множ. ч. Им. *dnevi*

Вин. *dní, dnéve, dnóve*

Род. *dní, dan* (Крелль)

Дат. *dném, dnévom*

Твор. *dnémi, dnévi*

Мѣстн. *dnéh, dnévih.*

Основы средн. р. на *n* въ говорахъ восточной Штирии и Угорщины сохраняютъ согласный *n* въ именит. п. ед. ч.: *brnepen, venen, vgršen, pleshen*. Въ яунтальскомъ гов. (въ Хорутани) даже слышенъ носовой гласный: *itq*. Напротивъ въ розентальскомъ гов. (въ Хорутани) согласный *n* исчезаетъ и въ косвенныхъ падежахъ: р. п. *bréna*, д. м. п. *brer*, тв. п. *brerat*, им. мн. ч. *bréne*; такъ и *pleme, seme, vreme*, но *jme—jmena*.

Основы на *s* не всегда сохраняютъ согласный въ склоненіи; онъ чаще удержался въ юго-западныхъ нарѣчіяхъ, чѣмъ въ сѣверо-восточныхъ; такъ говорятъ: *očesa, ušesa, telesa, telesu* и *oka, uha, telu*.

Nebo въ знач. небо (по Метелку) имѣетъ *nebésa, nebésu* и *nebo* въ знач. небо—*nebá, nebú*, во мн. ч. *pebesa*.

Oko во множ. ч. кромѣ правильныхъ формъ (*očesa, očes*) можетъ имѣть слѣдующія: им.—вин. п. *oči*, род. п. *oči*, дат. п. *očem*, твор. п. *ošti*, мѣстн. п. *očeh*.

По образцу *tele*—склоняется между прочимъ, *oče* (отецъ); р. п. *očeta*, д. п. *očetu* (зап. и южн. говоры) но *oča*—р. п. *oče*, д. п. *oči* (восточн. нар.).

Слова съ основой на—*t*, обозначающія дѣтенышей, замѣняются во множ. ч. другими производными, какъ въ сербо-хорватскомъ: *žrebci* (вм. *žrebeta*), *piščenci* (вм. *piščeta*), *grasci* (вм. *graseta*), *telci* (вм. *teleta*).

Множ. ч. отъ *dête* замѣняется собирательнымъ уменьшительнымъ *déca*, р. п. *déce*, д. п. *déci*.

II. Склонение на—а.

Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. ríba	zémlja	ríbe	zemlje
В. ríbo	zémjlo	ríbe	zémlje
Р. ríbe	zémlje	ríb	zémelj
Д. ríbi	zémjli	ríbam	zémljam
Т. ríbo	zémjlo	ríbami	zémljami
М. ríbi	zémjli.	ríbah	zémljah.

Двойств. ч.

Им. Вин. ríbi	zémjli
Дат. Тв. ríbama	zémljama.

Гортанные *g*, *k*, *h* въ дат.—мѣстн. пп. передъ *i* обыкновенно не смягчаются въ свистящія; *goki*, *popi*, *muhi*. Но кое-гдѣ въ говорахъ возможно такое смягчение или вторичное въ шипящія: на *poze*, *v gosi* (венец.), *gos*, *muš*, *paj* (*popi*), *vaj* (горницк. г.). Иногда вм. *i* встрѣчается *e* (*è*): *vodè*, *gorè*, *dike*. Ср. 442 стр.

Въ имен. двойств. ч. въ нѣкоторыхъ говорахъ иногда выступаетъ древнее окончание *e* (= *ъ*): *vodè*, *ženè*, *sestrè*.

Въ родит. п. мн. ч. при стеченіи согласныхъ является вставочное *e* (*a*): *igel*, *ovec*, *igal*, *ovac*. Иногда род. п. оканчивается на *a*: *solzá*, *vodá*, *gorá*. Ср. выше стр. 448.

Gospa (изъ *gospoja*) склоняется такъ: в. *gospo*, р. *gospè*, д. *gospè*, тв. *gospò*, мѣстн. *gospè*, имен. дв. ч. *gospè*, д. *gospèma*, имен. мн. ч. *gospè*, р. *gospá*, д. *gospètm*, тв. *gospèmi*, мѣстн. *gospèh* и *gospáma*, *gospám*, *gospámi*, *gospáh*.

Beseda въ род. п. мн. ч.—*besèd* и *besèdi*.

III. Склоненіе на —і.

Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. nlt	kóst	nlti	kostí
В. nlt	kóst	nlti	kostí
Р. nlti	kostí	nlti (ij)	kostí
Д. nlti	kostí	nltim	kostém
Т. nltjo	kostjo	nltmi	kostmí
М. nlti	kostí.	nltih	kostéh.

Двойств. ч.

Им. Вин. nlti	kostí
Дат. Тв. nltma	kostéma.

По образцу *nít* склоняются существительныя, принимающія въ родит. п. ед. ч. удареніе на коренномъ гласномъ: *nłš, mísel, pésen, bolézen, jesén, básen, prijazen.*

По образцу *kost* склоняются тѣ существительныя, которыя въ род. ед. ч. имѣютъ удареніе на окончаніи: *vas, vasí, klét, kletí, sól, solí, prst, prstí, poč, počí, dlán, dlaní, zvér, zverí.*

Въ именит.—винит. пп. ед. ч., въ случаѣ стеченія согласныхъ является бѣглое *e*, которое исчезаетъ въ другихъ падежахъ: *mísel, míslí, básen, basní.*

Въ старинномъ языкѣ встрѣчаются формы родит. п. мн. ч., образованныя по аналогіи основъ на—*a* или даже по мѣстоименному склоненію: *saruivid, missel* (Труберъ), *rezhik, mislik, skerbik* (Крелль).

Въ дат., мѣстн. и твор. пп. мн. ч. какъ въ древнихъ памятникахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ современныхъ живыхъ говорахъ (штирійскихъ, хорутанскихъ, венеціанскихъ) возможны окончанія заимствованныя изъ склоненія основъ на—*a*: *am, ah, ami: mislam, dveram, gečam, saruuidah* (Труберъ), *počah, gečah* (Штирія), *saruuidami* (Труберъ), *gečami, mišami* (венец.), *dverami* (штир.). Ср. выше 419 стр.

Числительныя *pét, šest, sedem, osem, devét, deset* не склоняются въ един. ч.; во множ. ч. они слѣдуютъ *nít* или *kost*; только род. п. образуется по мѣстоименному склоненію: им. вин. пп. *pét, p. pétih, petéh, d. pétim, petém, тв. pétimi, petěmi, м. pétih, petéh.*

IV. Склоненіе на — г.

Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. máti	hči	mátere	hčere
В. máter	hčér	mátere	hčere
Р. mátere	hčère	máter	hčer, hčeri
Д. máteri	hčeri	máteram	hčeram
Т. máterjo	hčérjo	máterami	hčeramí
М. máteri	hčéri.	máterah	hčérach

Двойств. ч.

Им. Вин. máteri	hčeri
Дат. Тв. máterama	hčeramá.

Въ живой рѣчи hči часто теряетъ *h* въ косвенныхъ падежахъ: čeri, čer.

Вм. hčeramí встрѣчается hčermí, вм. materah—matereh, materih.

Именное склоненіе прилагательныхъ.

Именное склоненіе прилагательныхъ сохранилось только въ именительномъ п. ед. ч. муж. р.: dober. Остальные падежи встрѣчаются лишь въ нарѣчныхъ выраженіяхъ; напр.: z dávna, z dóbra, z léra, za rǫva, skóraj (почти), dósta, z láhka (дешево), s tíha (р. п.), po málu (д. п.), na nágli (м. п. вдругъ).

Въ Фрейзинг. отр. еще употребляются формы именнаго склоненія прилагательныхъ: bozza (боса), lasna (лачна), mǫzna, paga, slzna, stranna, zueta (род.—вин. п.), bosiget (твор. п.), bosiet (божнѣмъ, д. п. мн. ч.), zelezneh (м. п.), zelezni (тв. п. мн. ч.), bosima (дв. ч.), bozih (р. мн. ч.), bosige (р. ед. ж. р.). Изрѣдка встрѣчаются подобныя формы и въ памятникахъ XVI—XVII в.; напр.: iest rag hozho da vi bodete modri na dobru, ampag preprosti na hudu (Труберъ).

Въ хорутанскихъ говорахъ иногда встрѣчаются формы родит. п. ед. ч. прилагательныхъ на —а: stará, pová, pašá; но это не именное склоненіе, а сложное: а образовалось изъ ega (aga), вслѣдствіе свойственнаго этимъ говорамъ слабого выговора придыхательнаго *g* (*h*) и стяженія двухъ гласныхъ.

Мѣстоименное склоненіе.

I. Личныя и возвратное мѣстоименія.

ЕДИНСТВ. Ч.

И. jáz, jez	ti		
В. me	te	se	
Р. méne	tébe	sébe	
Д. méni, mi	tébi, ti	sébi, si	
Т. menò	tebò	sebò	
М. menì	tébi	sébi.	

Множеств. ч.

Двойств. ч.

И. mi	vi	mídva	vídva
В. nàs	vàs	náju	váju
Р. nàs	vàs	nàju	vàju
Д. nàm	vàm	náma	váma
Т. nàmi	vàmi	náma	váma
М. nàs	vàs.	náju	váju.

Кромѣ jaz, jez въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ употребляются: ja, je, jast, jest. Всѣ эти формы можно найти и въ старинныхъ памятникахъ; напр.: jaz (Фрейз. отр.), ya, ye (Conf. Gener.); iest (Скаляръ, A. de Sommaripa).

Вм. винительныхъ me, te, se употребляются родительные mene, tebe, sebe, когда на нихъ падаетъ логическое удареніе.

Въ старыхъ памятникахъ попадаются формы дат. п. ед. ч. на e: tebe (Фрейз. отр. Conf. Gener.), mene (A. de Sommaripa).

Твор. п. ед. ч. кромѣ указанныхъ представляетъ еще слѣдующія диалектическія формы: máno, tabo, sabo, тѣно́j, tebój, sebój, ménoj, тобоj, sóboj; въ угорцинѣ: menov, menom.

Им. и вин. двойств. ч. не существуютъ: первый выражается соединеніемъ множеств. mi, vi съ dva; второй посредствомъ род. п. двойств. ч. naju, vaju, naji, vaji, naj, vaj. Вм. mídva, vídva иногда слышатся сокращенныя miva, viva, mija, vija или просто mi, vi.

Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ въ именительномъ множ. и двойств. ч. употребляются особыя формы для обозначенія женск. р.: me, ve, medve, vedve.

Формы mi, ti, si, me, te, se—энклитиви.

II. *Неличные мѣстоименія.*

Склоненіе мѣстоименій неличныхъ, т. е. собственно мѣстоименное склоненіе представляетъ слѣдующія особенности.

1) Склоненія основъ на—о и на—jo совпадаютъ въ родит., дат. и мѣстн. пп. един. ч. муж. и сред. р. т. е. принимаютъ окончанія, ведущія происхожденіе изъ мягкаго склоненія: р. *ega*, д. *eti*, м. *et*; напр.: *téga*, *tému*, *tém*, *mójeга*, *mójemu*, *mójem*. Въ сербо-хорватскомъ, напротивъ, эти падежи различаются въ томъ и другомъ склоненіи, а всѣ остальные совпадаютъ (ср. 302—303, 305 стр.). Только *kdo* сохранило свое древнее *o*. Въ памятникахъ стариннаго языка попадаются древнія формы и отъ другихъ мѣстоименій твердыхъ основъ.

2) Родит., дат., твор. и мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. образуются не отъ распространенной основы, какъ въ старо-славянскомъ, а отъ стянутой и вслѣдствіе того напоминаютъ соотвѣтствующіе падежи именнаго склоненія на—а: род. п.—*e*, дат. п.—*i*, тв. п.—*o*, мѣстн. п.—*i*; напр.: *te*, *ti*, *tò*, *tí*.

3) Имен. и вин. пп. мн. ч. средн. р. совпадаютъ съ основами жен. р. т. е. оканчиваются на—*e*: *té*, *móje*.

4) Остальные падежи множ. ч. и двойств. ч. всѣхъ трехъ родовъ вполне соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ.

5) Родит. п. ед. ч. муж. и ср. р. представляетъ окон. *ga*, которое сближаетъ словинскій языкъ съ сербо-хорватскимъ.

6) Винит. п. ед. ч. жен. р. оканчивается на—*o*, правильно соотвѣтствующее старо-слав. *ъ*. Тоже окончаніе и въ творит. п.

I. *Основы на—о.*

Единств. ч.			Множеств. ч.		
Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И. <i>tá</i>	<i>tá</i>	<i>tó</i>	<i>ti</i>	<i>té</i>	<i>té (ta)</i>
В. <i>tá</i>	<i>tò</i>	<i>tó</i>	<i>té</i>	<i>té</i>	<i>té</i>
Р. <i>téga</i>	<i>té</i>	<i>téga</i>	Для 3-хъ родовъ { <i>tèh</i> <i>tèm</i> <i>tèmi</i> <i>tèh</i>		
Д. <i>tému</i>	<i>tí</i>	<i>tému</i>			
Т. <i>tèm</i>	<i>tò</i>	<i>tèm</i>			
М. <i>tem</i>	<i>tí</i>	<i>tem</i>			

Двойств. ч.

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
Им. Вин.	ta	tê	tê
Дат. Тв.	têma	têma	têma.

И.	kdo
В. Р.	kôga
Д.	komu
Т.	kím, kom
М.	kom.

Въ восточныхъ и южныхъ говорахъ сохраняется древнее *o* основы: *toga*, *tomu*, *tom*. Напротивъ на западѣ *e*, *ê*, лишившись ударенія или получивъ краткое удареніе, можетъ переходить въ *z*: *tzgà*, *tzm* (вм. *têm*), *tz* вм. *tì*, *tej*, *têj*, *tê* (дат.—мѣстн. п. ед. ч. жен. р.).

Въ Фрейзинг. отр. еще древнія формы: *togo*, *tomu*; у Трубера—старыя мѣшаются съ новыми; *toga*, *tega*. Но уже съ XV ст. являются формы, род., дат. и мѣстн. пп. ед. ч. муж., ср. рр. не только съ *e*, но и съ *i* по аналогіи сложнаго склоненія: *tyga*, *tymu* (Conf. Gener.), *tiga*, *timu*, *tim* (Сваларъ).

Имен. п. ед. ч. муж. р. можетъ звучать не только *ta*, но и *te* (на востокѣ = старо-слав. *тѣ*).

Въ старомъ языкѣ встрѣчается род. п. двойств. ч.—*tiju* (Труб., Богор.), теперь уже не употребляющійся.

Вм. *tì* въ дат.—мѣстн. пп. един. ч. жен. р. встрѣчается *tej* (у Трубера и позже).

Имен.—винит. пп. мн. ч. ср. р. въ старомъ языкѣ еще оканчивался на *a*: *tage* (= таже Фрейз. отр.), *ta* (Труберъ); позже формы средн. р. совпали съ формами жен. р.

Передъ *ta*, или позади его нерѣдко приставляется частица *le* (сокращеніе изъ *gledaj*, *glej*), служащая для усиленія указательнаго значенія мѣстоименія: *tá-le*, *le-tá*.

Твор. п. ед. ч. *kim* слышится на востокѣ, *kom* (неорганическая форма)—на западѣ.

По образцу *ta* склоняются: *dn* (*oná*, *oní*), которое только въ имен. можетъ быть разсматриваемо какъ третье лицо, а въ остальныхъ падежахъ употребляется въ значеніи указат. мѣст.; *kdôg* (къто-же),

род. п. kógar или čigar, д. п. kómur т. п. kimur (вм. kimze), м. п. kómur; níkdog, nékdo, marsikdo (иной), malokdo.

Остальные слова, относящіяся въ старо-слав. яз. къ этому типу мѣстоименнаго склоненія, слѣдуютъ склоненію на —jo или, быть можетъ, близко связанному съ послѣднимъ сложному склоненію: ov, vsak, inak, какъ, ták, sám, pobeden или poben (никто).

По сложному склоненію измѣняется: toti (твор. п. ед. ч. муж. и ср. р.—totim) и tisti (toisti).

II. Основы на—jo.

			Единств. ч.			
	Муж. р.		Ср. р.		Жен. р.	
И.	ón (i)		òno (je)		òna (ja)	
В.	(i) nj, njéga, ga		njéga, ga (je)		njo	
Р.	njéga, ga		njéga, ga		nje	
Д.	njému, mu		njému, mu		nji, njej	
Т.	njim		njim		njò	
М.	njém		njém		nji, njej.	
			Множеств. ч.			
	Муж. р.		Ср. р.		Жен. р.	
И.	oni (i)		one (ona) (je)		one (je)	
В.		Для 3-хъ родовъ.	{ je, njlh		one (je)	
Р.				{ njlh		
Д.				{ njlm		
Т.				{ njlmi		
М.				{ njlh		
			Двойств. ч.			
	Муж. р.		Ср. р.		Жен. р.	
И. В.	(ja)		(ji)		(ji)	
Р. М.		Для трехъ родовъ.	{ (njiju)			
Д. Т.				{ njima		
			И. В. kaj			
			Р. čésa			
			Д. čému			
			Т. čem			
			М. čim.			

Заключенныя въ скобки древнія формы мѣстоименія *i*, *ja je* въ настоящее время вышли изъ употребленія. Именительные падежи един., двойств. и множ. ч. замѣняются формами мѣстоим. *ди*; напр.: *дна-dva*, *дне-dve* (двойств. ч.).

Винит. п. един. ч. встрѣчается только послѣ предлоговъ: *pá-nj*, *vánj* и *vanjga*, *zanjga*.

Родит. п. един. ч. жен. р. въ Нижней-Крайнѣ звучитъ *pjeje*, (= старо-слав. *юѣ*).

Дат.—мѣстн. п. ед. ч. жен. р. въ старомъ языкѣ не только *nji*, но и *jej*, *joj* (Труберъ, Крелль).

Винит. п. ед. ч. ср. р. *je* встрѣчается въ памятникахъ XVI в. и теперь удержался въ говорахъ угорскихъ и горицкихъ словинцевъ.

Винит. п. множ. ч. *je*, весьма обычный въ старомъ языкѣ, сохранился теперь преимущественно на востокѣ и на югѣ; обыкновенно же онъ замѣняется род. п. множ. ч. *jih*.

Родит. п. двойств. ч. *njiju* встрѣчается еще у Трубера и въ языкѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, напр. у Прешерна; но вообще эта форма вышла изъ употребленія.

Къ склоненію на—*je* относятся: *mój*, *tvój*, *svój*, *nàš*, *vàš*, *njegón*, *njén*, *njlhov*, *njun*, *nájin*, *vájin*, *čegav*, *vès*, (*vàs*, *vъs*); *kar*, *karkoli*, *sokoli*, *pekaž*, *pič*.

Отъ старо-слав. *съ* сохранились слѣдующія падежи: род. п. *sega* (*sigá*), род. п. жен. р. *se*, тв. п. *sem*, мѣстн. п. *sem* (*sim*), мѣстн. п. ед. ч. жен. р. *se*, род. мѣстн. п. мн. ч. *séh*: *do seh mal*.

Сложное склоненіе.

Сложное склоненіе въ современномъ языкѣ почти во всѣхъ падежахъ совпадаетъ съ мѣстоименнымъ. Исключеніе составляетъ именительный п. ед. ч. муж. р., который оканчивается на—*i* (= старо-слав. *ыѣ*, *иѣ*).

Причины такого совпаденія весьма разнообразны. Въ однихъ случаяхъ сходство случайное, вызвано извѣстными звуковыми законами; въ другихъ—оно обусловлено вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія на сложное; въ третьихъ наоборотъ нужно допустить вліяніе формъ сложнаго склоненія на формы мѣстоименныя.

Къ настоящимъ сложнымъ формамъ, т. е. образованнымъ черезъ соединеніе окончаній именнаго и мѣстоименнаго склоненій относятся: именительный и винительный пп. един., множ. и двойств. ч. всѣхъ трехъ родовъ, родит. п. ед. ч. всѣхъ трехъ родовъ, дательн. п. ед. ч. муж. и средн. р. и дательн.—мѣстн. пп. ед. ч. жен. р.

По сравненію со старо-славянскими формы эти (какъ въ сербо-хорватскомъ и другихъ славянск. яз.) имѣютъ видъ сокращенныхъ вслѣдствіе того, что гласные окончаній подверглись стяженію; напр.: имен. п. ед. ч.: *dóbrī* (*dobri-i*), *dóbra* (*dobra-ja*), *dóbro* (*dobro-je*); вин. п.—*dóbri* (*dobri-i*), *dóbro* (*dobro-jo* = *добрѣ-ѣ*), *dóbro* (*dobro-je*); имен. п. множ. ч.—*dóbri* (*dobri-i*), *dóbre* (жен. и ср. р. *dobre-je*); вин. п. мн. ч.—*dóbre* (вс. род. *dobre-je*); имен.—вин. п. двойств. ч.—*dóbra* (*dobra-ja*), *dóbri* (жен. сред. р. *dobri-ji*); род. п. ед. ч. муж.—ср. р.—*dóbrega* (*dobra-jega*), *dóbre* (жен. р. *dobre-je*), дат. п. ед. ч. муж.—ср. р.—*dóbremu* (*dobru-jemu*); дат.—мѣстн. п. ед. ч. жен. р.—*dóbri* (*dobri-ji*).

Именит.—винит. пп. множ. ч. средн. р. оканчиваются на *e* и, слѣдовательно, отождествились съ соответствующими падежами ж. р. Тоже самое наблюдается и въ мѣстоименномъ склоненіи. На основаніи показаній древнихъ памятниковъ можно полагать, что эта особенность первоначально развилась въ области сложнаго склоненія изъ котораго перешла и въ мѣстоименное.

Въ Фрейзинг. отр. только *a*: *perriiaznina*, *sotonina*. Въ XVI ст. тоже еще весьма обычны древнія формы: *ozka vrata*, *suha mesta* (Труберъ); но уже появляются формы, заимствованныя изъ женскаго рода: *vsaka vrata so se bile odprle* (Труберъ), *mláde jágnjeta*; *piegone suete usta*, *hude mesta* (Скаляръ). Въ угро-словин. гов. еще сохраняются древнія формы средняго рода.

Остальные падежи, вѣроятно, образовались по аналогіи мѣстоименнаго склоненія.

Склоненія твердыхъ и мягкихъ основъ не различаются, за исключеніемъ имен.—вин. пп. един. ч. сред. р., которыя въ твердомъ склоненіи оканчиваются на—*o* (*dobro*) въ мягкомъ—на—*e* (*vdóče*).

Твердыя основы.

ЕДИНСТВ. Ч.

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. <i>dóbri</i>	<i>dóbro</i>	<i>dóbra</i>
В. <i>dóbri</i>	<i>dóbro</i>	<i>dóbro</i>
Р. <i>dóbrega</i>	<i>dóbrega</i>	<i>dóbre</i>
Д. <i>dóbremu</i>	<i>dóbremu</i>	<i>dóbre</i>
Т. <i>dóbrim</i>	<i>dóbrim</i>	<i>dóbro</i>
М. <i>dóbrem</i>	<i>dóbrem</i>	<i>dóbri.</i>

МНОЖЕСТВ. Ч.

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.					
И. <i>dóbri</i>	<i>dóbre (a)</i>	<i>dóbre</i>					
В.	Для 8-хъ родовъ. <table> <tr><td><i>dóbre</i></td></tr> <tr><td><i>dóbrih</i></td></tr> <tr><td><i>dóbrim</i></td></tr> <tr><td><i>dóbrimi</i></td></tr> <tr><td><i>dóbrih</i></td></tr> </table>	<i>dóbre</i>	<i>dóbrih</i>	<i>dóbrim</i>	<i>dóbrimi</i>	<i>dóbrih</i>	
<i>dóbre</i>							
<i>dóbrih</i>							
<i>dóbrim</i>							
<i>dóbrimi</i>							
<i>dóbrih</i>							
Р.							
Д.							
Т.							
М.							

ДВОЙСТВ. Ч.

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. В. <i>dóbra</i>	<i>dóbri</i>	<i>dóbri</i>
Д. Т. <i>dóbrima</i>	<i>dóbrima</i>	<i>dóbrima.</i>

Мягкія основы.

ЕДИНСТВ. Ч.

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. <i>vróči</i> ¹⁾	<i>vróče</i>	<i>vróče</i>
В. <i>vróči</i>	<i>vróče</i>	<i>vróčo</i>
Р. <i>vróčega</i>	<i>vróčega</i>	<i>vróče</i>
Д. <i>vróčemu</i>	<i>vróčemu</i>	<i>vróči</i>
Т. <i>vróčim</i>	<i>vróčim</i>	<i>vróčo</i>
М. <i>vróčem</i>	<i>vróčem</i>	<i>vróči.</i>

---

¹⁾ горячій.

Множеств. ч.												
Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.										
И. vǝǝći	vǝǝće (a)	vǝǝće										
В.	Для 3-хъ родовъ. <table border="0" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"> <tr><td>{</td><td>vǝǝće</td></tr> <tr><td>{</td><td>vǝǝćih</td></tr> <tr><td>{</td><td>vǝǝćim</td></tr> <tr><td>{</td><td>vǝǝćimi</td></tr> <tr><td>{</td><td>vǝǝćih</td></tr> </table>	{	vǝǝće	{	vǝǝćih	{	vǝǝćim	{	vǝǝćimi	{	vǝǝćih	
{		vǝǝće										
{		vǝǝćih										
{		vǝǝćim										
{		vǝǝćimi										
{	vǝǝćih											
Р.												
Д.												
Т.												
М.												

Двойств. ч.		
Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. В. vǝǝća	vǝǝći	vǝǝći
Д. Т. vǝǝćima	vǝǝćima	vǝǝćima.

Окончавія род., дат., мѣстн. пп. ед. ч. *ega, eti, et*, принятыя въ современномъ литературномъ языкѣ, чисто звучать только на востокѣ. На западѣ обыкновенно вм. *e*—слышно *z*: *dobǝǝga, dobǝǝshi*. Въ старомъ языкѣ, начиная съ XV ст. весьма употребительны были окончанія *iga, imi, im*; напр.: *blisniga, lubiga, wsygamogocziga* (Conf. Gener.), *roschoiniga* (Венец. листки XV в.), *bogatiga, slednimu, zhlouezkimu* (Скаляръ). Держались этихъ окончавій и болѣе новые писатели до XIX ст. Объясненіе этого *i* представляетъ значительныя трудности (ср. Letopis Mat. Slav., 1889, 149). Весьма вѣроятно, что *ǝga* развилось изъ *iga*.

Въ дат.—мѣстн. пп. ед. ч. жен. р. иногда встрѣчаются формы на *ej, oj*: *dǝǝbrej, farizejskoj* (Крелль); въ Conf. Gener. только *i*: *zwety, chwdy*.

Въ старомъ языкѣ возможны формы множ. ч. на *eh, eti, et*; напр.: *mertuech* (Венец. листки XV в.), *drugem, modrem* (Скаляръ).

Формы современного сложнаго склоненія находятся уже въ Фрейзинг. отр.: *zlovuezki zodni* (им. п. ед. ч.), *dobro* (ср. р.), *cisto* (вин. п. ж. р.), *perǝǝudnega, no diniznego* (род. п.), *zlodeine* (род. п. ж. р.), *zuetemu* (дат. п.), *zudinem* (мѣстн. п.), *minsih* (р. п. мн. ч.), *ǝǝudnim* (дат. п. мн. ч.).

Передъ *i* гортанные иногда переходятъ въ свистящія: *globǝǝih, aǝǝzim, susih*.

Въ угро-словин. гов. имен. п. двойств. ч. оканчивается на *va* (муж. р.), *vi* (жен., ср. р.): *drugiva*, *drugivi*. *Va* — *vi* образовались изъ *dva*, *dvi*.

По сложному склоненію измѣняются: 1) имена прилагательныя; 2) числительныя порядковыя (*prvi*, *drugi*) и 3) нѣкоторыя мѣстоименія, принявшія форму прилагательныхъ: *toliki*, *oni*, *onaki*, *koliki* и др.

Rad имѣеть только именительный всѣхъ родовъ и чисель.

Совсѣмъ несклоняемы: *všeč* (optatus), *sovraž*, *peš*, *res* (истинный), *žal*, заимствованныя изъ нѣмецкаго — *žleht*, *nidig*, *falš*.

П р и б а в л е н і е.

1) Степени сравненія прилагательныхъ.

Сравнительная степень прилагательныхъ образуется отъ положительной посредствомъ суфф.: *-ji*, *-éji*, *-ejši*, *-ši*; напр.: *drág*—*dražji* или *draži* (*dražši*), *čist*—*čistéji* и *čistéjši*; *ljúb*—*ljubši*, *lep*—*lepši*. *J* смягчаетъ предшествующій согласный по общимъ законамъ языка: *grd*—*grji* и *grši*, *húd*—*húji*, *hujši*, *rad*—*râji* и *râjši*, *mlád*—*mlâji*, *mlajši*, *tfd*—*tfji*, *tfši*, *brz*—*brži*, *kriv*—*krivlji*.

Прилагательныя на *ak*, *ok* въ сравнительной степени теряють этотъ суффиксъ: *sládek*—*slaji*, *slajši*, *tánek*—*tánji*, *tanši*, *krátek*—*kráčji*, *kráči*, *lâgek*, *lâžji*, *glôbok*—*globji* но и *globočji*, *visok*—*višji*, *viši* и *visokejši*.

Нѣкоторыя прилагательныя образують сравнительную степень отъ другихъ основъ: *dóber*—*bólji*, *boljši*; *mâjhen*, *mál*—*mânji*, *mânjši*; *velik*—*vêčji*, *vêči*; *dólg*—*dâlji*, *dâljši*.

Превосходная степень образуется посредствомъ частицы *naj*, присоединяемой къ началу сравнительной степени: *najmlajši*, *najkgaži*.

Описательно обозначаются сравнительная и превосходная степени посредствомъ нарѣчій *bolj* и *najbolj*: *bolj* *učen*.

Въ западныхъ нарѣчьяхъ сравнительная и превосходная степень на *-i* употребляется не только въ имен. п. всѣхъ родовъ и чисель, но и во всѣхъ падежахъ ед. ч. жен. р.; напр.: *lepši mož*, *lepši ženska*, *lepši dete*, *lepši vrata*, *lepši ribe* и т. д. На востокъ наблюдается правильное склоненіе: *lepša ženska*, *lepše dête* и т. д.

Примѣчаніе. При сравнительной и превосходной степени возможны слѣдующіе обороты: *ti si stareji, kòt moj brat, ko moj brat, nògo moj brat, od mojega brata, kakor moj brat, tìmo mojega brata. Jaz sem najstaréjši od vas или ismed vas.*

2) Числительныя имена.

Количественныя.

1, èden, èn	21, éden in dvájset
2, dvá, dvé	30, trideset
3, trije, trí	40, štírideset
4, štírje, štíri	50, pètdeset
5, pèt	60, šestdeset
6, šest.	70, sédemdeset
7, sédem	80, ósemdeset
8, ósem	90, devétdeset
9, devét	100, stó
10, deset	200, dve sto
11, ednájst	300, trí sto
12, dvanájst	400, štíri sto
13, trinájst	500, pèt sto
14, štírinájst	600, šest sto
15, petnájst	700, sédem sto
16, šestnájst	800, ósem sto
17, sedemnájst	900, devét sto
18, osemnájst	1000, tisíc
19, devetnájst	2000, dvá tisíc
20, dvájset	3000, trí tisíc.

Sto и tisíc не склоняемы.

Остальныя числительныя склоняются по образцу trije или štírje.

И. trije—trí	štírje, štíri
В. trí	štíri
Р. tréh	štírih
Д. trém	štírim
Т. trémi	štírimi
М. tréh.	štírih.

Въ имен. trije, štírje—муж. р.; trí, štíri—жен. и средн. р.

Такъ склоняются и *pét*, *šést*, *sédem*, *ósem*, *devét*, *desét*, утра- тившія всѣ формы един. ч., кромѣ имен.-винит., а во множ. ч. до- пускаются двойкія окончанія склоненія на *i*: *pét*; р. п. *pétih*, *petéh*; д. п. *pétim*, *petém*; тв. п. *pétimi*, *petèmi*; м. п. *pétih*, *petèh*. Далѣе: *ednajst*, *dvanaajst* и пр. напр.: *dvanaajstim* (старо-слав. двѣма на десѣте), *šestnajstimi* и т. д.

Dva, *oba* склоняются такимъ образомъ:

	Муж. р.	Жен. и ср. р.		Муж. р.	Жен. и ср. р.
И. В.	<i>dva</i>	<i>dve</i>		И. В.	<i>oba</i> <i>obe</i>
Р. М.	<i>dvuh</i>	<i>dveh</i>		Р. М.	<i>obih</i> <i>obeh</i>
Д. Т.	<i>dvěma</i>			Д. Т.	<i>oběma</i>

Въ старомъ яз. р. п. *dvěju*, *oběju* (Труберь) и въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ—*dvi*, *obu*.

Послѣ предлоговъ числительныя часто не мѣняются: ро *pet* *gro- šev*, *izmed deset* *omoženih*.

П о р я д к о в ы я .

1, <i>přvi</i> , -a, -o.		20, <i>dvajseti</i> , <i>dvadeséti</i>
2, <i>drúgi</i>		30, <i>trideséti</i>
3, <i>trétji</i>		40, <i>štirideséti</i>
4, <i>četřti</i>		50, <i>petdeseti</i>
5, <i>pětí</i>		60, <i>šestdeseti</i>
6, <i>šésti</i>		70, <i>sedemdeseti</i>
7, <i>sédmi</i>		80, <i>osemdeseti</i>
8, <i>ósmi</i>		90, <i>devetdeséti</i>
9, <i>devéti</i>		100, <i>stoti</i>
10, <i>deséti</i>		200, <i>dvestoti</i>
11, <i>ednajsti</i>		1000, <i>tisóči</i>
12, <i>dvanaajsti</i>		2000, <i>dva tisóči</i> .

В) С п р я ж е н і е .

Въ словинскомъ спряженіи, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, наблюдается въ однихъ отношеніяхъ близость къ старо-словенскому языку, въ другихъ болѣе или менѣе существенныя откло-

ненія отъ него. Къ характернымъ остаткамъ старины нужно отнести: 1) двойственное число; 2) достигательное наклоненіе и 3) значительное число сложныхъ и описательныхъ временъ. Главнѣйшія увлоненія отъ нормъ старо-славянскаго языка состоятъ: 1) въ потерѣ прошедшихъ простыхъ (преходящаго и аориста), существующихъ однако въ другихъ южно-славянскихъ языкахъ—болгарскомъ и сербо-хорватскомъ; 2) въ исчезновеніи нѣкоторыхъ причастныхъ формъ и 3) усвоеніи многими глагольными формами своеобразныхъ флексій, объясняемыхъ, впрочемъ, главнѣйше изъ фонетическихъ законовъ языка. Остановимся на всѣхъ этихъ особенностяхъ въ порядкѣ, принятомъ для двухъ выше рассмотрѣнныхъ языковъ.

Неопредѣленное и достигательное накл.

Неопредѣленное и достигательное накл. (супинъ) имѣютъ тѣже окончанія, что и въ старо-славянскомъ яз. т. е. *ti* для неопред. и *t*—для достиг.: *pi-ti*, *pit*, *dèlati*, *dèlat*. Gre *tožit*, *jde žalovat*.

Если передъ *t* оказывается согласный, который не соединяется съ нимъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ по извѣстнымъ звуковымъ законамъ; напр.: *vesti*, *vest*, *plesti*, *plest*, *peći*, *peč*, *leći*, *leč* (gre *domov leč*), *teps-ti*.

Въ старинномъ языкѣ и живыхъ говорахъ конечное *i* не рѣдко исчезаетъ; въ такомъ случаѣ достигательное совпадаетъ съ неопредѣленнымъ. Впрочемъ, часто обѣ формы различаются по ударенію; напр. неопредѣл.: *pít*, *brát*, *plèst*, *peč*; достигат.: *pít*, *brát*, *plést*, *peč*. Ср. Сравн. морф. слав. яз., II, 203, прим. пр. Брандта.

Въ Conf. gener. сохраняется неопредѣленное въ полномъ видѣ: *owaговату*, *biti*, но уже въ памятникахъ нач. XVI ст. встрѣчаются формы безъ *i* *storit*, *imit* (Arch. XIV, 220). Позже въ XVII в. такія формы весьма часты, напр. у Скаляра: *sromnit*, *odreshit*, *premislit*, *romagat*.

Древнѣйшій примѣръ достигательнаго находимъ въ Фрейз. отр.: *zodit*.

Смѣшеніе достигательнаго съ неопредѣленнымъ представляетъ довольно обычное явленіе въ памятникахъ стариннаго языка. Этимъ смѣшеніемъ объясняютъ и образованіе собраченныхъ формъ неопредѣленнаго (безъ *i*). Тоже самое явленіе имѣло мѣсто и въ другихъ

славянскихъ языкахъ (ср. напр. Потебня. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изд. 2, 358).

П р и ч а с т н ы я ф о р м ы.

Изъ причастныхъ формъ, свойственныхъ старо-славянскому языку, въ современномъ словинскомъ вполнѣ сохранили и древнюю форму и значеніе только причастіе прошедшее дѣйствительное II (на *l*) и прошедшее страдательное. Причастіе настоящее страдательнаго залога совсѣмъ исчезло. Отъ причастія прошедшаго дѣйствительнаго I уцѣлѣли только нѣкоторые остатки въ видѣ т. н. дѣепричастій или отглагольныхъ нарѣчій. Болѣе употребительны формы причастія настоящаго дѣйствительнаго, въ образованіи котораго наблюдаются своеобразныя особенности.

Причастіе настоящее дѣйств. зал. имѣеть слѣдующія окончанія: *e*, *oč*, *eč*; напр.: *gredé, délaje, sedé, stoje, gredôč, delajôč, nesôč, tekôč; boječ, sprêč, učêč, govoreč; placzecz* (Conf. Gener.), *re-kocz* (Скаляръ).

Формы эти соединяются съ каждымъ именительнымъ, не измѣняясь ни по родамъ, ни по числамъ и употребляются въ значеніи русскихъ дѣепричастій; напр.: *berôč hodi sem ter tja, berôč hodijo sem ter tja, pojdôč sem to storil, pojdôc smo to storili, ona stala je molče, pogledava je jih*. Ср. сербо-хорв. яз. стр. 316—317.

Формы на *—č* соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ формамъ на *ште* (въѣоушамште) и слѣдовательно, могутъ быть разсматриваемы какъ окаменѣвшій именит. п. множ. ч. муж. р. По мнѣнію Миклошича, *e* здѣсь отпало, какъ въ *vêč, dôleč, rač* (старо-слав. *вѣште, далече, паче*). Ок. *oč* соотвѣтствуетъ старо-слав. *жште, еч—жште*. Въ старомъ письменномъ языкѣ и въ живыхъ говорахъ иногда смѣшиваются эти окончанія и *oč* является тамъ, гдѣ ожидается *eč* и наоборотъ; напр.: *sedôč, ležoč* (Крелль), но *leshez, sidezh* (зак. 1582), *spražoč* (угро-слов.), *šineč, vedeč*. Еще болѣе любопытны довольно нерѣдкія формы, образованныя по аналогіи распространенной формы 3 л. мн. ч. наст. вр. (см. ниже): *vidijôč, gledijôč, ljubijôč, vzemejoč, gredeoč* (Труберъ); *uideozh* (Скаляръ).

Въ Фрейзин. отг. ок. *oč* соотвѣтствуетъ *oki*: *prigemlioki, imoki*.

Окончаніе *e* (= старо-слав. *ъ*) есть собственно застывшій имен. п. ед. ч. муж. и ср. р. Кромѣ приведенныхъ правильныхъ формъ: *stoje*, *sede* и пр. встрѣчаются неорганическія формы, образованныя отъ основы неопредѣленнаго: *pisaje*, *premišljevaје*, *lizaje*, *kipovaје*.

Въ Фрейзинг. отр. находимъ древнюю форму на *ы*: *nikoligese petsali ne imigi* (не мы).

Въ нарѣчій Бѣлыхъ Краинцевъ, кромѣ причастія на—*č* (довольно рѣдкаго) весьма употребительны отглагольныя нарѣчныя формы на—*ečki*: *nevidečki*, *ležečki*, *stoječki*, *klečecki*. Кромѣ того возможны: на *stoječket*, на *spečket*, на *gredočket spi*.

Причастіе настоящее можетъ склоняться по образцу именъ прилагательныхъ (сложное склоненіе): *glas vpijočega v ruščavi*, *zagja zahajajočega solnca*, *skeleča* (жгущая) *gapa*, *padajoče listje*.

Причастіе прошедшее дѣйств. зал. I удержалось только въ формѣ, ованчивающейся на—*ši*; но и эта форма возможна не для всѣхъ глаголовъ и въ живой рѣчи вообще слышится рѣдко и то отъ глаголовъ совершеннаго вида; напр.: *uvidevši*, *vzemši*, *ubivši*, *podignovši*, *rogorevši*, *rohvalivši*. Въ старинномъ языкѣ оно встрѣчается чаще: *radši*, *našedši*, *rekši*, *pretekši* (XVI—XVII в.).

Окончаніе *ši* соотвѣтствуетъ старо-славянскому *ше* и, вѣроятно есть именит. п. множ. ч. муж. р. Еще въ Фрейз. отр. находимъ *grizzuause*. Другіе (напр. Брандтъ) объясняютъ эту форму какъ застывшій имен. п. ед. ч. жен. р.

Во всякомъ случаѣ теперь она имѣетъ значеніе дѣепричастія и не измѣняется ни по родамъ, ни по числамъ (какъ напр. и въ сербохорватскомъ языкѣ): *to videvši veli mu*, *vidėvši to oni sò rekli*.

Причастіе прошедшее дѣйств. II какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, сохранилось вполнѣ. Частныя отличія въ образованіи формъ этого причастія сравнительно со старо-славянскимъ обусловлены общими законами словинской фонетики и морфологіи. Оно измѣняется по родамъ и числамъ и служитъ для образованія сложныхъ временъ. Окончанія слѣдующія: ед. ч. муж. р. *l* (*v*), ж. р.—*a*, ср. р.—*o*; мн. ч. муж. р.—*i*, жен.—*e* и ср. р.—*e* (*a*); дв. ч. муж. р.—*a*, жен. и ср. р.—*e* (*i*): *hvalil*, *hvalila*, *hvalilo*; *hvalili*, *hvalile*; *hvalila*, *hvalile*. О выговорѣ конечнаго *l* въ разныхъ говорахъ см. 424—425 стр. Въ основахъ на согласный передъ *l* выступаетъ вставочный гласный *e*, *z*: *rekel*, *rekl̄l*, *rekla*, *reklo*.

Причастіе прошедшее страдат. зал. образуется какъ въ старо-славянскомъ, сербо-хорватскомъ и другихъ живыхъ языкахъ, суфф. *n, t*: *pletен, реѣен, несен, бѣен, дѣнjen, hváljen, делан, писан; ljubljен, гожен, обноѣен, izvožen, газрет*. Оно можетъ измѣняться по всѣмъ родамъ и числамъ по образцу именъ прилагательныхъ: *гожен, гожена, гожено; rojeni, rojene; гожена, гоjene*.

Личныя окончанія.

Личныя окончанія настоящаго времени по сравненію со старо-славянскими представляютъ слѣдующія особенности:

Старо-славянскій яз.		Словинскій яз.
Ед. ч. 1 л.	-мъ, -ѡ (= гласн. + м), ѡ	-m (-o, -jo)
	2 л. -си, -ши (= хи = си)	(si) -š
	3 л. -тъ	(t)
Дв. ч. 1 л.	-въ	-va, -ve (ma)
	2 л. -та	-ta, -te
	3 л. -те	-ta, -te
Мн. ч. 1 л.	-мъ	-mo
	2 л. -те	-te
	3 л. -ѡтъ, ѡтъ (= гласн. + нтъ) ѡтъ	ô, e, jo, ejo, êjo.

1-е лицо ед. ч. въ современномъ языкѣ у глаголовъ всѣхъ классовъ, какъ и въ сербо-хорватскомъ языкѣ, кончается исключительно на *m*: *sêm, dâm, plétem, grébem, réčem, bĳem, dĳnem, gorim, hválĳm, dĳlam; берем, рѣем, курĳем*. Это окончаніе (происшедшее изъ древняго *mъ*) исконно въ глаголахъ первообразныхъ (безъ основы настоящаго): *sêm, dâm, vĳem, jĳem*. Въ глаголахъ остальныхъ классовъ оно позднѣйшаго происхожденія, перешло отъ первообразныхъ глаголовъ и замѣняетъ болѣе древнее *o*, правильно соотвѣтствующее старо-славянскому *ѡ*. Въ Фрейзинг. отр. еще совсѣмъ нѣтъ новообразованныхъ формъ на *m*: *vuerĳim, romngim, rogonso, zaglagolo, bodo, saiuze, chosim, roguso*. Въ XV в. также еще преобладаютъ старыя формы: *prossso, mollo, obľublo, odruscho* (Conf. Gener.). Но въ XVI ст., напр. у Трубера — господствуетъ оконч. *m*: *grem, gouogim, poveim, delam, pridem, sarouedam*; формы на *-o*, какъ *shiuoio*—рѣдкѣ; только *hošo*

и *veruo* встрѣчаются довольно часто; изъ нихъ *hošo* держится и въ XVII ст., а въ сокращенномъ видѣ *šo* уцѣлѣло до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ говорахъ.

2-е лицо ед. ч. Древнее окончаніе *si* сохранилось только у существительнаго глагола *sèm* (= старо-слав. *исмь*): *si*. Остальные первообразные глаголы имѣютъ общее со всѣми другими классами окончаніе *š*: *věš, dáš, jěš; pléteš, réčeš, hvališ*. Конечное *i* исчезло въ древнѣйшую пору. Въ Фрейзинг. отр. встрѣчается только одинъ примѣръ этой формы *i*: *postedisi* (поштадиши), рядомъ съ *vzovues, prides, zadenes, vuez*.

3-е лицо ед. ч. удержало древнее *t* только отъ существительнаго глагола *sèm*: *jest*; рядомъ съ этой формой употребляется *je*, въ старомъ языкѣ слышно было на концѣ *e*: *jeste* (Труберъ). Всѣ остальные глаголы образуютъ 3 л. безъ *t*. Такъ было еще въ X ст.: *vzedli, dozstoi* (Фрейз. отр.).

1-е лицо двойств. ч. оканчивается на *va* (въ муж. р.) и на *ve* (жен. и ср. р.): *sva, sve, pleteva, pleteve, hvaliva, hvalive*. Правильнымъ органическимъ нужно считать *vě*, соотвѣтствующее старо-сл. *въ*. Если удареніе не падаетъ на окончаніе, вм. *vě* иногда слышно *vì*: *svì, delavì*. Совсѣмъ не органично встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ говорахъ *ma*: *sedma, hodma, boma, sma* (Штирія). Оно развилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ окон. 1 л. мн. ч. *mo*.

2-е и 3-е лицо ед. ч. также представляютъ двойнія окончанія: *ta* (муж. р.), *te* (ж. и ср. р.): *sta, ste, pletéta, pletete, hvalita, hvalite*. Въ старомъ языкѣ *ta* употреблялось и для жен. р.: *obédve imáta rǎv* (Скаляръ), *kaj sta storili le tē dvē ženi* (Крель). Тоже самое наблюдается и теперь въ говорахъ Верхней Краины и на востокѣ.

Двойственное число въ спряженіи удержалось не во всѣхъ говорахъ, а тамъ гдѣ удержалось, сохранилось не въ одинаковой степени. Такъ въ Бѣло-краинскомъ нар. употребляется только 2 л.: *ke sta bila?* и *kē ste bili*. Въ средне-картскомъ нар. двойственное всегда замѣняется множеств. ч. Эта діалектическая особенность отразилась и въ нѣкоторыхъ старинныхъ памятникахъ. Напр. въ древнѣйшемъ датированномъ словинскомъ памятникѣ—венедіан. листкахъ 1497 г.—формы двойственнаго числа совсѣмъ не встрѣчаются.

1-е лицо множ. ч. оканчивается на *mo*, какъ въ сербо-хорватскомъ: *sno, pletémo, bŕjemo, gorimo*. Въ Фрейз. отр. вм. *mo* древнее

окончаніе *m* (= старо-слав. *mъ*): *imam, članam ze, modlim ze, osleue-tam, pigem* (пьюмъ), *nesem, ozstanem, naresem ze* (наречемъ сѧ), *pre-stopam, tuorim, mosem* (можемъ), *nasnem* (начнемъ). Въ XVI ст. употребуется только *mo*: *veimo, moremo, ueruiemo* (Труберъ).

2-е лицо множ. ч. имѣетъ обще-славянское окончаніе *te*: *ste, ple-téte, hvalite*. Иногда, въ старомъ книжномъ языкѣ и нѣкоторыхъ живыхъ говорахъ (напр. въ средне-карстскомъ нар.), передъ *t* выступаетъ неорганическое *s*: *boste, greste* (Горица, Сред. Карст. ср. *Štrekelj, Morphologie des Görzer Miltelkarstdialettes*, 93); *dejste* (Труберъ), *smeste* (Крелль), *razveseliste, imaste, sproznaste*. По всей вѣроятности, въ этомъ *s* нужно видѣть слѣдъ формъ сложнаго аориста (ср. также Миялошичъ, Сравн. Морфологія, II, 207, *Ljetopis Matic. Slov.*, 1890, 219 и слѣд.).

3-е лицо множ. ч. Словинскія окончанія *ô, e* восходятъ къ старо-славянскимъ *ѣтъ, амъ*: по исчезновеніи конечныхъ глухихъ *t* не удержалось, какъ и въ 3 л. ед. ч.; носовымъ гласнымъ, по общему правилу, соотвѣтствуютъ чистые *ô, e*; напр. *sô, pletô, grebô, bijô, gogé*. Такъ и въ старинныхъ памятникахъ: *gastô, bodo, peso, pogino, govogé, misle, prose, hvale* (Труберъ, Крелль и др.).

Рядомъ съ указанными формами, по своему образованію вполне соотвѣтствующими старо-славянскимъ, для глаголовъ всѣхъ классовъ (за исключеніемъ типа *delam*) возможны другія позднѣйшаго происхожденія, образованныя какъ бы отъ распространенной основы, именно на *ejo* (вм. *ô*) и *ijo* (вм. *e*); напр.: *grebejo, gnetejo, hvalijo, vidijo, rgosijo*. Объясняютъ эти формы стремленіемъ языка сблизить 3 л. мн. ч. съ остальными лицами въ отношеніи гласнаго основы. Основаніемъ аналогіи могло служить спряженіе *delam, delažo*, гдѣ всюду выступаетъ *a* — гласный основы. Въ современномъ языкѣ болѣе длинныя формы вообще предпочитаютъ болѣе короткимъ.

Глаголы, оканчивающіеся въ 1 л. ед. ч. на *im*, не имѣющемъ на себѣ ударенія, совсѣмъ не имѣютъ древнихъ формъ 3 л. мн. ч., а позднѣйшія, т. е. болѣе длинныя: *trpé, no vidijo, rgósijo*. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, какъ бѣло-крайнемъ, горицкомъ (средне-карстскомъ) болѣе короткія формы или совсѣмъ не употребляются или крайне рѣдки.

Распространенныя формы являются въ памятникахъ съ XVI в.; напр.: *shlushio, postavio* (зак. 1582), *padeio, prideio, sgineio* (Скаляръ).

Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ старо-слав. ж звучитъ какъ *oi* или *u*, выступаютъ эти звуки въ 3 л. мн. ч. в.м. *ó*; напр.: grebeju, vidiju (горицк. г.). Ср. выше стр. 412.

Н а с т о я щ е е в р е м я .

Основы настоящаго времени, за исключеніемъ четырехъ т. н. архаическихъ глаголовъ (*sem, dam, jém, vém*) оканчиваются на одинъ изъ гласныхъ звуковъ: *e-o, -i, -a*, при чемъ *i* и *a* являются результатомъ стяженія первоначальныхъ сочетаній: *ije* и *aje*: *pléteš, plétemo, hváliš (hvaliješ), hvalimo (hvalijemo), délaš (délaješ), délamo (délažemo)*. Тоже явленіе и въ сербо-хорватскомъ яз. (ср. 323 стр.). Въ сравненіи съ послѣднимъ словинскій яз. представляетъ ту особенность, что каждый изъ трехъ гласныхъ основы можетъ выступать и въ 3 л. мн. ч. именно въ указанныхъ распространенныхъ формахъ, при чемъ окончаніе этого лица—*o* (= *жт*), и безъ того заключающее въ себѣ гласный элементъ основы, разсматривается какъ застывшая флексія, общая всему спряженію: *grebejo, hvalijo, delajo*.

Такимъ образомъ по гласному основы настоящаго всѣ глаголы (какъ и въ сербо-хорватскомъ языкѣ) можно удобно подвести подъ три спряженія: 1) глаголы на—*em*: *plétem, grébem, réčem, шгѣm, bijem, dignem, pišem, bégem, kirujem*; 2) глаголы на—*im*: *hogim, hvalim*; 3) глаголы на—*am*: *délam*.

Глаголы первообразные, т. е. образующіе настоящее время черезъ присоединеніе личныхъ окончаній непосредственно къ глагольной основѣ, безъ помощи особаго суффикса, въ значительной степени сохранили древній типъ спряженія и не допускаютъ такъ много параллельныхъ формъ новѣйшаго образованія, какъ это видимъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Главнѣйшія новообразованія относятся къ 3 л. мн. ч.: *dado* (но чаще *dade*), *vedó, jedó*.

Въ Штирії, въ окрестностяхъ Халозы (близъ Птуя на р. Дравѣ) слышны формы настоящаго, образованныя, какъ иногда въ сербо-хорватскомъ яз., съ помощью вставочнаго *d*: *pletedo, hvalido, délado, kirujedo* (Миклошичъ).

Повелительное наклоненіе.

Повелительное наклоненіе представляет самостоятельныя формы для всѣхъ лицъ и чиселъ, кромѣ 1 л. ед. ч. Характеристической примѣтой наклоненія служить только *i*, соответствующее старо-слав. *ъ*. Въ двойств. и множ. ч. окончанія тѣже, что въ настоящемъ, а въ единств. ч. личныя окончанія исчезли (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ); 3-е лицо обыкновенно совпадаетъ со 2-мъ.

Единств. ч.	Двойств. ч.	Множ. ч.
1 л. —	pletíva	pletímo
2 л. pléti	pletíta	pletíte
3 л. pléti	pletíta	pletíte

Въ X ст., въ Фрейзинг. отр. еще удерживается *e* (= *ъ*): *bodete, postete, pridete, primete, romenem ze, no—glagolíte.*

Послѣ гласныхъ *i* переходитъ въ *j*: *bij, déljaj, kupuj, stoj, séj.* Послѣ *i* примѣта наклоненія исчезаетъ (или сливается съ первымъ *i* въ одинъ звукъ): *hvali.* Гортанные *g, k* передъ *i* переходятъ въ *z, c*: *rošózi, réci.*

Въ современныхъ говорахъ *i* можетъ выпадать и послѣ согласныхъ (во множ. ч.) напр. въ горлицкомъ нар.: *krádi, kradmo, kratte, pridi, pridmo, grebmo, dahní, dahnmo.*

Вм. старо-слав. *даждь, ѡждь, паждь* въ словин. яз.: *daj, vėj* и *védi, jej.* Сюда же относится *glej (gledam).*

Иногда 3-е лицо ед. ч. выражается соответствующей формой настоящаго вр. съ частицами *naj, da*: *naj bode, da bode, naj ga vzame vtag.* Но: *Bog daj srečen pot; bodi volja tvoja* или *izidi se tvoja volja.*—Иногда *naj* можетъ стоять и послѣ глагола: *gazrpe naj se!*

Остатки прошедшихъ простыхъ.

Въ противоположность сербо-хорватскому и болгарскому языкамъ современный словинскій не знаетъ прошедшихъ простыхъ временъ, ни преходящаго, ни аориста. Но въ старомъ языкѣ эти времена несомнѣнно существовали.

Для X ст. Фрейзинг. отрывки представляютъ значительное количество формъ того и другаго времени. Преходящее: *uvedehu, tereschu,*

natrovuechu, pecaahu, obuiachu, zigreachu, odeachu, tnachu, vuesachu, naboiachu (напоахѣ), bozzekacho, bozcekachu, (поцѣштахѣ), stradacho, utessahu, rartgachu. Аористъ: briplisaze, da, delase (3 л. мн. ч.), pride, uzliubise, vzdli (въсели), zuori (сътвори), stuorise (3 л. мн. ч.), uzpenauvidesse. bih, bui, boido (пойдѣ), bim (въ знач. условнаго).

Къ XV ст. прошедшія простыя выходятъ изъ употребленія. Въ памятникахъ этого столѣтія они еще встрѣчаются, но очень рѣдко. Уцѣлѣвшія архаическія формы почти исключительно аористы: ostauі, hostauі bi (венец. листки 1497). Въ языкѣ Трубера и другихъ писателей XVI в. совсѣмъ нѣтъ прошедшихъ простыхъ. Тѣмъ не менѣе bih встрѣчается изрѣдка въ XVII ст. (гр. 1630 г.). У Сваляра находимъ 3 л. переход. бѣ.

Какъ остатокъ аориста нужно разсматривать не измѣняющуюся частицу *bi*, служащую для образованія условнаго накл.

Въ нѣкоторыхъ хорутанскихъ говорахъ для образованія прошедшихъ сложныхъ служатъ формы вспомогательнаго глагола: besem, besi, be, besmo, beste. По всей вѣроятности эти формы образованы по аналогіи sem, si и т. д. Но, быть можетъ, beste тождественно со старо-слав. бѣсте.

П р о ш е д ш і я с л о ж н ы я .

Вмѣсто прошедшихъ простыхъ и сложныхъ въ современномъ яз. употребляются исключительно прошедшія сложныя, которыя образуются такимъ же образомъ, какъ въ старо-славян. яз.

Прошедшее совершенное дѣйств. зал. состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. П и настоящаго времени существительнаго глагола sem; напр.: nèsel sem, delala sem или jaz sem nesel, mi smo prišli, Bog je dal, Bog je vzal; minola sta poč in dan.

Давнопрошедшее дѣйств. зал. состоитъ изъ причастія прош. дѣйств. П и прошедшаго глагола существительнаго; напр.: bil sem nèsel, bili smo prišli, vi ste bili dali.

Въ 3 л. ед. ч. существительный глаголь можетъ опускаться, особенно при отрицаніи: To učinil brat, a ne ja; to nebylo pravda.

Б у д у щ е е в р е м я .

Будущее время обыкновенно обозначается соединеніемъ причастія прошедш. дѣйств. II съ глаголомъ *bódem* или *bóm*: *bódem vzel*, *bom padel*, *bom šel*, *bodemo spali*, *bote nesli* и т. д.

Сверхъ того иногда будущее передается посредствомъ соединенія неопредѣленнаго съ настоящимъ отъ глаг. *hoteti*: *ker vi molčíte*, *hočem govoriti jaz*; *hočem ti povedati*; *jest hočo priti ino njega ozdraviti* (Труберъ).

Настоящее отъ *imeti* верѣдко соединяется съ неопредѣленнымъ накл., но обозначаетъ не будущее, а соотвѣтствуетъ нѣмецкому *sollen* т. е. указываетъ на долгъ или обязанность: *moj kelih vi imate res piti* (Далматинъ).

Въ Фрейз. отрывк. употребленъ для обозначенія будущаго гл. начьянъ: *esce tage dela naznem delati*.

Глаголы совершеннаго вида могутъ выражать будущее настоящимъ временемъ; но только тѣ которые сложены съ предлогомъ *po* и притомъ означаютъ движеніе: *pobežim*, *rovlēčem*, *podirjam* (побѣгу, поскачу), *poženem*, *rojdem*, *polēzem*, *poletim*, *ponesem*, *poreljem* (поведу), *poreljem se* (повезу себя), *potečem*, *rojèzdim*, *poročem*, *bódem*; *po bom poginil*, *bom vzел*, *bom poznal*.

У с л о в н о е н а к л о н е н і е .

Условное наклоненіе выражается посредствомъ соединенія частицы *bi* (остатокъ аориста *bih*) съ прич. прош. дѣйств. II: *jaz bi délal*, *vidva bi délala*, *mi bi delali*. Это условное настоящее. Условное прошедшее состоитъ изъ соединенія *bi bil* съ причаст. прош. дѣйств. II: *jaz bi bil délal*, *mi bi bili delali*.

Желательное наклоненіе обозначается посредствомъ *paj* (сокращ. изъ *pehaj*): *paj grem jaz*, *paj greva midva*, *pajgremo mi*, *paj bi delal*.

С т р а д а т е л ь н ы й з а л о г ъ .

Страдательный зал. обыкновенно выражается посредствомъ присоединія къ дѣйствительному залугу мѣстоименія *se*: *pjiva se orje*, *govori se*, *se je čulo grmenje*. Но возможно также соединеніе причастія прошедшаго страдательнаго съ существительнымъ глаголомъ: *vse je na zemljo potlačeno*; *ne sodite*, *da ne boste sojeni*.

Спряженіе по классамъ.

Архаическіе глаголы (безъ суфф. врем. е).

1) *Сущестительный глаголъ.*

Настоящее.

Ед. ч. 1 л. sèm	Дв. ч. svà, svè	Мн. ч. smò
2 л. sì	stà, stè	stè
3 л. jest, je.	stà, stè.	sò.

или (съ основой на—е).

Един. ч.	Двойст. ч.	Множ. ч.
1 л. bòdem, bóm	bòdeva, bòva	bòdemo, bómo
2 л. bòdeš, bòš	bòdeta bóta, bòsta	bòdete, bôte, bòste
3 л. bòde, bò.	bòdeta, bóta, bòsta.	bòdo, bojo.

Повелительное.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. bòdiva, -ve	Мн. ч. bòdimó
2 л. bòdi	bòdita, -te	bòdite
3 л. bòdi.	bòdita, -te.	bòdite.

Прич. наст. дѣйств.: bòdoč.*Прич. прош. дѣйств.:* bivši.*Прич. прош. дѣйств. II:* bil, bila, bilo.*Неопредѣленное накл.:* biti.

Прошедшее.

Ед. ч. 1 л. sem bil, -a, o	Д. ч. sva, sve bila, -i(e)	Мн. ч. smo bili, -e
2 л. si bil	sta, ste bila	ste bili
3 л. je bil.	sta, ste bila.	so bili.

Давнопрошедшее.

Ед. ч. 1 л. bil sem bil	Дв. ч. bila sva bila	Мн. ч. bili smo bili
2 л. bil si bil	bila sta bila	bili ste bili
3 л. bil je bil.	bila sta bila.	bili so bili.

Условное.

Един. ч. bi bil.	Двойст. ч. bi bila.	Множ. ч. bi bili.
------------------	---------------------	-------------------

Сокращенныя формы *set* (въ древн. памятникахъ и *zam, sîm, zîm*), *zî* и т. д. выступаютъ въ текстахъ стариннаго языка съ XV ст. Въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ находимъ полныя и древнія формы: *iesem, iezem, gesîm* (1 л. ед. ч.), *gezîm* (1 л. мн. ч.); *jest*. Тамъ же встрѣчается любопытная форма 3 л. мн. ч.—*sunt*. Въ современномъ языкѣ 3 л. ед. ч. обыкновенно *je*. У Трубера—*jeste*.

Въ угро-слов. н. и до сихъ поръ говорятъ: *jesem, jeste* (3 л. ед. ч.), *jesteta* (дв. ч.), *jeso* и *sò*. Въ средне-карстскомъ н.—*sân* (1 л. ед. ч.) *sí* (3 л. мн. ч.).

Въ соединеніи съ отрицаніемъ *sem* звучитъ — *pisem, nisi, ni: pisem bil, ni vidél, nîc mi ni*. Это *ni* никогда не отдѣляется отъ *sem*; иначе въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ чешскомъ: *nebyl jsem*.

Происхожденіе формъ *bôm, bôš* и т. д. еще не вполне выяснено. Тогда какъ одни выводятъ ихъ изъ *bôdem* и т. д., другіе приписываютъ имъ исконно-древнее происхожденіе (въ Марьинск. Ев.—бѣтъ). Ср. Облакъ, *Letopis Mat. Sloven.*, 1870, 220). Формы *bôsta, bôste* въ соврем. яз. болѣе употребительны чѣмъ *bôta, bôte*.

2) О с н. *dad*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. <i>dám</i>	Дв. ч. <i>dáva, -e</i>	Мн. ч. <i>dámo</i>
2 л. <i>dáš</i>	<i>dasta, -e</i>	<i>daste</i>
3 л. <i>dá.</i>	<i>dasta, -e.</i>	<i>dade, dadó.</i>

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. <i>dájva, -e</i>	Мн. ч. <i>dáj-mo</i>
2 л. <i>dáj</i>	<i>dajta, -e</i>	<i>daj-te</i>
3 л. <i>dáj.</i>	<i>dajta, -e.</i>	<i>daj-te.</i>

Прич. наст. дѣйств.: нѣтъ.

Прич. прош. дѣйств. I: *davši*.

Прич. прош. дѣйств. II: *dal, -a, -o.*

Прич. прош. страдат.: *dan, -a, -o.*

Неопредѣленное: *dati.*

Достигательное: *dat.*

Прошедшее: sem dal.

Давнопрошедшее: bil sem dal.

Будущее: bôdem (bôm) dal.

Условное: bi dal, bil bi dal.

Вм. *dam* говорятъ и *dadem*; вм. *dadé* — *dadó* и *dajo*, вм. *dasta*, *daste* — *data*, *date*. — На западѣ пов. н. *dej*, *dejte* (а *daj* отъ *дагати*). Въ старомъ языкѣ (XVI — полов. XVII ст.) употребляются только формы *dade*, *dasta*, *daste*; *dado*, *dajo*, *data*, *date* являются позже и должны быть разсматриваемы какъ новообразованія. Тоже относится къ параллельнымъ формамъ глагола *vêm*: *vêjo*, *vêta*, *vête*.

3) О с в. *vêd*.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. <i>vêm</i>	Дв. ч. <i>vêva</i> , -e	Мн. ч. <i>vêmo</i>
2 л. <i>vêš</i>	<i>vêsta</i> , -e	<i>vêste</i>
3 л. <i>vê</i> .	<i>vêsta</i> , -e.	<i>vêdó</i> .

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 —	Дв. ч. <i>vêdiva</i> , -e	Мн. ч. <i>vêdimó</i>
2 л. <i>vêdi</i>	<i>vêdita</i> , -e	<i>vêdite</i>
3 л. <i>vêdi</i> .	<i>vêdita</i> , -e.	<i>vêdite</i> .

Прич. наст. дѣйств.: *vêde*, *vêdóč*.

Прич. прош. дѣйств.: *zvēdevši*.

Прич. прош. дѣйств. II: *vêdel*, -a, -o.

Неопредѣленное: *vêdeti*.

Достигательное: *vêdet*.

Прошедшее: sem *vêdel*.

Давнопрошедшее: bil sem *vêdel*.

Будущее: bôm (*bôdem*) *vêdel*.

Условное накл.: bi *vêdel*, bil bi *vêdel*.

Вм. *vêm* Фрейзинг. отр. представляютъ *vuede*, *uuede*; *izrouuede*, *izrouuede*.

Вм. *vedó* возможно и *vejo*; вм. *vêsta*, *vêste* — *vêta*, *vête*.

Въ повелит. н. кромѣ *vedí* говорятъ *vej*, *vejte* особ. въ сложн. *rovêj*. *rovêjте*.

4) О с н. jêd.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. jêm	Дв. ч. jêva, -e	Мн. ч. jêmo
2 л. jêš	jêsta, -e	jêste
3 л. jê.	jêsta, -e.	jêdò.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. jêjva, -e	Мн. ч. jêjmo
2 л. jêj	jêjta, -e	jêjte
3 л. jêj.	jêjta, -e.	jêjte.

Причастіе наст. дѣйств.: jêdòč.

Причастіе прош. дѣйств. II: jêdel (jel).

Прич. проч. страд.: jêden.

Неопредѣленное: jêsti.

Достигательное: jêst.

Прошедшее: sem jêdel.

Давнопрошедшее: bil sem jêdel.

Будущее: bôm jêdel.

Условное: bi jêdel, bil bi jêdel.

Въ настоящемъ вр. изрѣдка употребляются формы отъ основы jede: jêdem, jedeš, jede, jêdeva, jedeta, jedete, jedemo, jedete jedejo. — Вм. jêdo (3 л. мн. ч.) встрѣчается и jêjo.

По аналогіи приведенныхъ т. н. архаическихъ глаголовъ спрягаются еще grem (изъ gredem) и bôm (изъ bodem).

Спряженіе съ характерной прижтой настоящего вр.

Имѣя въ виду характерныя отличія основъ настоящего времени, всѣ глаголы (кромѣ указанныхъ въ предшествующемъ параграфѣ) по отношенію къ спряженію можно подвести подъ пять главныхъ классовъ: 1) основы на—*o-e*; 2) основы на—*no-ne*; 3) основы на—*jo-je*; 4) основы на—*i* (= *ijo-ije*); 5) основы на—*a* (= *ajo-aje*). Въ каждомъ классѣ возможны подраздѣленія, основанныя на особенностяхъ основы неопредѣленного (т. н. второй основы), на различіяхъ въ образованіи основъ вообще и на различіи конечнаго звука корня.

Первый классъ.

О С Н О В Ы Н А—О, -Ө.

А) Вторая основа не имѣетъ суффикса (т. е. равна корню).

Н а с т о я щ е е.

Е д и н с т в . ч .

1 л. plétemi	nésem	grébem	péčem	pném	mrém
2 л. pleteš	néseš	grébeš	péceš	pneš	mrěš
3 л. plete	nése	grébe	péce	pne	mrē.

Д в о й с т в . ч .

1 л. pletéva	néseva	grébeva	péceva	pnéva	mréva
2 л. pletéta	néseta	grébeta	péceta	pnéta	mréta
3 л. pletéta	néseta	gzébeta	pečeta	pnéta	mréta.

М н о ж е с т в . ч .

1 л. pletémo	nésemo	grébemo	péčemo	pnémo	mrémo
2 л. pletéte	nesete	grébete	pečete	pnéte	mréte
3 л. pletò	nesò	grebò	pekò	pnò	mrò.

П о в е л и т е л ь н о е.

Е д и н с т в . ч .

2, 3 л. pléti	nési	grébi	péci	pnì	mrì.
---------------	------	-------	------	-----	------

Д в о й с т в . ч .

1 л. pletíva	nesíva	grebíva	pecíva	pníva	mríva
2, 3 л. pletíta	nesíta	grebíta	pecíta	pníta	mríta.

М н о ж е с т в . ч .

1 л. pletímo	nesímo	grebímo	pecímo	pnímo	mrímo
2, 3 л. pletíte	nesíte	grebíte	pecíte	pníte	mríte.

П р и ч а с т и е н а с т о я щ . д ѣ й с т в .

pletóč	nesóč	grebóč	pekóč	pnóč	vróč.
--------	-------	--------	-------	------	-------

П р и ч а с т и е п р о ш . д ѣ й с т в . I.

splétši	prinessši	(grébši)	(pékši)	(vzamši)	(umrši).
---------	-----------	----------	---------	----------	----------

Причастіе прош. дѣйств. II.

plétel	nésel	grébel	pékel	pel	umrl.
--------	-------	--------	-------	-----	-------

Причастіе прош. страдат.

pleten	nesen	greben	péčen	pet	tren.
--------	-------	--------	-------	-----	-------

Неопредѣленное.

plésti	nésti	grébsti	péči	péti	mréti.
--------	-------	---------	------	------	--------

Достигательное.

plést	nést	grebst	peč	pét	mrét.
-------	------	--------	-----	-----	-------

Прошедшее.

sem plél,	nésel,	grébel,	pékel,	pél,	umrl
-----------	--------	---------	--------	------	------

Давно прошедшее.

bil sem plél,	nésel,	grébel,	pékel,	pél,	umrl.
---------------	--------	---------	--------	------	-------

Будущее.

bòm plél,	nésel,	grébel,	pékel,	pél,	umrl.
-----------	--------	---------	--------	------	-------

Условное.

bi plél,	nésel,	grébel,	pékel,	pél,	umrl.
bil bi plél,	nésel,	grébel,	pékel,	pél,	umrl.

Въ 3 л. мн. ч. болѣе употребительны формы новѣйшаго образования на *ejo*: *pletejo*, *nesejo*, *grebejo*, *pečejo*, *pnejo*, *mgrejo*.

По образцу *plésti* спрягаются глаголы съ основой на — *d*, *t*: *bôsti*, *krasti*, *pasti*, *presti*, *sésti*, *vésti*, *iti*, *gnesti*, *mesti*, *gasti*, *cvésti*.

T и *d* передъ *l* на западѣ выпадаютъ, на востокѣ удерживаются: *plèl*, *bòl*; *šed* вездѣ потеряло *d*: *šel*.

Gredem имѣетъ только формы настоящ. вр. и прич. наст. дѣйств.: *gredem*, *gredeš* и т. д.; *grede*, *gredoč*. Въ настоящемъ болѣе употребительны сокращенныя формы: *grém*, *greš*, *gre*, *greva*, *gresta*, *grémo*, *gréste*, *gredò*.

Отъ *iti* настоящ. *idem*; прич. *idoč*. Сюда же относится *bòdem* (бждж). Ср. выше.

По образцу *nesti* спрягаются глаголы съ основой на *z*, *s*: *gristi*, *tresti*, *pasti* (*pasem*), *izlezti*.

По образцу *grebsti* спрягаются глаголы съ основой на—*b, p, v*: *hróbsti, sópsti, tépsti, zebsti, pleti* (*plevem* и *plejem, v.—выпало*), *suti* (*spem*), *skubsti*.

По образцу *peči* спрягаются глаголы съ основой на—*g, k, h*: *reči, leči* (*ležem, legel*), *séči* (*séžem, segel*), *vréči* (*vržem, vrgel*), *tlèči, tolči* (*tlečem, tolčem, tolkel*), *teči, žeči* (*žežem*), *striči* (*strižem*), *moči*.

Отъ *moči* наст. *mogem* (вм. *možem*), *mogesh* и т. д. 3 л. мн. ч. *mogo* и *mogajo*, прич. прош. *mogel*.

Передъ *e* гортанный переходитъ въ шипящій, а передъ *i* въ свистящій. Согласный *č* въ неопред. и достиг. объясняется изъ группъ *kt, gt, ht*. Въ повелительномъ въ разныхъ говорахъ (напр. *горичкомъ*) вм. *s, j* части слышны *č, ž*: *pesi* и *peči*.

По образцу *péti* спрягаются глаголы съ основой на—*n, m*: *žeti* (*žanjem, ženjem*), *kleti* (*kolnem* и *klejem*), *meti* (угор. *menoti*), сложные съ основой *če* (чъв), ъм: *začeti* (*začnem*), *načeti, vzeti* (*vzajem*), *zajeti* (*zajnem, zajajem*), *objeti* (*objemem, objajem*), *prijeti* (*primem*).

По образцу *mréti* спрягаются: *odpréti* (*odprem, odprl*), *zapréti, mléti, tréti, zgréti* (*zrem, zrl*).

Рядомъ съ *mrém* слышится и *merjem*. Въ неопредѣленномъ и достигательномъ гласный *r* усиливается въ *rě* (= *rh*).

Б) Вторая основа образована суфф. а.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. <i>bérem</i>	Дв. ч. <i>béreva, -e</i>	Мн. ч. <i>béremo</i>
2 л. <i>béreš</i>	<i>béreta, -e</i>	<i>bérete</i>
3 л. <i>bére.</i>	<i>béreta, -e.</i>	<i>berô.</i>

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв ч. <i>beríva, -e</i>	Мн. ч. <i>berímo</i>
2 л. <i>béri</i>	<i>beríta, -e</i>	<i>beríte</i>
3 л. <i>béri.</i>	<i>beríta, -e.</i>	<i>beríte.</i>

Причастіе наст. дѣйств.: *beroč.*

Причастіе прош. дѣйств. I: *zbravši.*

Причастіе прош. дѣйств. II: *bral.*

Причастіе прош. страд.: *brán.*

Неопредѣленное: bráti.

Достигаемое: brat.

Прошедшее: sem brál.

Давнопрошедшее: bil sem bral.

Будущее: bôdem (bôm) bral.

Условное: bi bral, bil bi bral.

Сюда относятся: zváti (zovem), gnati (ženem), žgati (žgem), tkati, prati (perem).

Второй классъ.

О С Н О В Ы н а—но, -нѣ.

Вторая основа на—пô (= нѣ).

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. dîgnem	Дв. ч. dîgneva, -e	Мн. ч. dîgnemo
2 л. dîgneš	dîgneta, -e	dîgnete
3 л. dîgne.	dîgneta, -e.	dîgnô, dignejô.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. dîgniva, -e	Мн. ч. dîgnimo
2, 3 л. dîgni.	dîgnita, -e.	dîgnite.

Прич. наст. дѣйств.: ginôč.

Прич. прош. дѣйств. I: podignovši, podignivši.

Прич. прош. дѣйств. II: dîgnol, dîgnil.

Прич. прош. страд.: dîgnjen, -a, -o.

Неопредѣленное: dîgnoti, digniti.

Достигаемое:—нѣтъ.

Прошедшее: sem dîgnol, dignil.

Давнопрошедшее: sem bil dîgnol, dignil.

Будущее: bôdem (bôm) dîgnol, dignil.

Условное: bi dignol, bi bil dignol.

Къ этому классу относятся всѣ глаголы, имѣющие въ неопредѣл. накл. приставку *но* (= нѣ) и обозначающие мгновенное или однократное дѣйствие: zginoti, utegnoti и vtegniti, pobegnoti, minoti, da-hnoti.

О въ приставкѣ *no* удерживается только на востокѣ (въ Угорщинѣ, Штириі). Чаще вмѣсто этого звука слышно *i*: digniti, miniti, dahnti. Иногда и *u*: minuti, dignuti.

Иногда (преимущ. въ старинномъ языкѣ) прич. прош. дѣйств. II теряетъ приставку *no*: usehel (Труберъ), robegel, robegla.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр. средне-карст.) *i* передъ *t* и *l* исчезаетъ, а *n* получаетъ значеніе гласнаго: gint (= giniti, ginoti), kaplo (= kapulo); въ муж. р. вм. *pol* слышится *ni*: kánu.

Причастіе прош. страд. образуется какъ отъ глаголовъ на *niti*: vzdignjen, nadehnjen.

Третій классъ.

О с н о в ы н а — jо, -jе.

А) Вторая основа равна корню.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. bĳem	Дв. ч. bĳeva, -ve	Мн. ч. bĳemo
2 л. bĳeš	bĳeta, -te	bĳete
3 л. bĳe.	bĳeta, -te.	bĳjo, bĳjejo.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. bĳva, -va	Мн. ч. bĳmo
2, 3 л. bĳj.	bĳta, -ta.	bĳte.

Причастіе наст. дѣйств.: bĳé, bĳjoč.

Причастіе прош. дѣйств. I: ubivši.

Причастіе прош. дѣйств. II: bil.

Причастіе прош. страдат.: bit и bĳjen.

Неопредѣленное: biti.

Достигательное: bit.

Прошедшее: sem bil.

Давнопрошедшее: bil sem bil.

Будущее: bōdem (bōm) bil.

Условное: bi bil, bil bi bil.

Къ этому классу относятся глаголы съ основой на — *a*: klati (н. вр. koljem), plati (н. вр. poljem), znati, stati; на — *i*: biti, briti,

ročiti, gniti, kliti, kriti, liti, umiti, piti, riti, zašiti, viti, vpiti, biti (быти); на—е: déti, gréti, péti, sméti, speti, veti, vreti, mleti (meljem); на—и: čuti, hruti, pluti, rjuti, sluti, vnuti, suti, ščuti, obuti.

Осн. зна имѣеть настоящее знам (черезъ стяженіе изъ знаjem), sme—smem (= smejem).

Основы sta, de принимаютъ въ настоящ. вр. и повелит. н: stanem, denem.

Основы rju, slu имѣють настоящее rjujem, slujem и rjovem, slovem.

В) Вторая основа образована суф. а.

Н а с т о я щ е е.

Един. ч.		Двойст. ч.		Множ. ч.	
1 л. pišem	sějem	piševa	sějeva	pišemo	sějemo
2 л. pišeš	sěješ	pišeta	sejeta	pišete	sějete
3 л. piše	sěje.	pišeta	sějeta.	pišo, -ejo	sějo, -ejo.

П о в е л и т е л ь н о е.

Един. ч.		Двойст. ч.		Множ. ч.	
1 л. —	—	pišiva	sějva	pišimo	sějmo
2, 3 л. piši	sěj.	pišita	sejta.	pišite	sějte.

Причастіе наст. дѣйств.: piše, pišoč (pisaje, pisajoč), sējé, sějóč.

Прич. прош. дѣйств. I: napisavši, posējavši.

Прич. прош. дѣйств. II: pisal, sėjaj.

Прич. прош. страд.: pisan, sėjaj.

Неопредѣленное: pisati, sėjati.

Достигательное: pisat, sėjat.

Прошедшее: sem pisal, sėjaj.

Давнопрошедшее: sem bil pisal, sėjaj.

Будущее: bôdem (bôm) pisal, sėjaj.

Условное: bi pisal, sėjaj; bil bi pisal, sėjaj.

По образцу pisati спрягаются глаголы, корень которыхъ оканчивается на согласный; подъ вліяніемъ *j* этотъ согласный въ наст. вр. подвергается соответствующимъ измѣненіямъ; именно *l, n, r* переходятъ въ *lj, nj, rj*, *d* въ *j*, *t* въ *č*; *k, h, g* — въ *č, š, ž*, *sk* — въ *šč, s, v, z* — въ *č, š, ž*; *p, b, v, m* — въ *plj, blj, vlj, mlj*.

Примѣры: *stlati* (steljem), *poslati* (pošljem), *orati* (orjem); *glodači* (glojem), *metati* (mečem), *trepetati* (trepečem), *šetati se* (šečem se), *grohotati* (grohočem), *mikati* (mičem), *tikati* (tičem), *lagati* (lažem), *dihati* (dišem), *iskati* (iščem), *vikati* (vičem), *skakati* (skačem); *klicati* (kličem), *vezati* (vežem), *mazati* (mažem), *rezati* (režem), *plesati* (plešem); *gibati* (gibljem), *zobati* (zobljem), *kopati* (kopljem), *sipati* (sipljem).

Многіе глаголы этого разряда могутъ имѣть настоящее вр. и по пятому классу — на *am*: *glodači* — *glojem* и *glodam*, *dihati* — *dišem* и *diham*, *gibati* — *gibljem* и *gibam*, *sipati* — *sipljem* и *sipam*.

Тоже нужно замѣтить относительно причастія настоящаго вр.: *dihaje* — *dihajoč* вм. *diše*, *dišoč*, *gibaje* — *gibajoč* вм. *giblje*, *gibljoč*.

По образцу *sějati* спрягаются глаголы, у которыхъ корень оканчивается на гласный. Передъ гласнымъ основы для устраненія зіянія выступаетъ *j* или *v*: *sijati*, *smejati se*, *vejati*, *lijati*, *dejati*, *dajati*; *bljuvati*, *kljuvati*, *pljuvati*, *suвати*, *ščuvati*.

Сюда же относятся глаголы, у которыхъ коренное *и* перешло въ неопредѣлен. накл. въ *ov*: *kovati* (*kujem*), *rovati* (*rujem*), *snovati* (*snujem*), *otrovati* (*otrujem*).

Большая часть глаголовъ и этого разряда могутъ образовать формы по пятому классу: *pljuvati* — *pljujem* и *pljuvam*, *pljuvaj*, *dajeti*, *dajem* и *dajam*, *dajaj* и т. д.

B) Вторая основа образована суфф.—ова, ова.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. <i>kurújem</i>	Дв. ч. <i>kurújeva, -ve</i>	Мн. ч. <i>kurújemo</i>
2 л. <i>kurúješ</i>	<i>kurújeta, -te</i>	<i>kurújete</i>
3 л. <i>kurúje.</i>	<i>kurújeta, -te.</i>	<i>kurújo, -jejo.</i>

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. <i>kurújva, -ve</i>	Мн. ч. <i>kurújmo</i>
2, 3 л. <i>kurúj.</i>	<i>kurújta, te.</i>	<i>kurújte.</i>

Причастіе наст. дѣйств.: *kurúje*, *kurújoč*.

Причастіе прош. дѣйств. I: *nakurováyši*.

Причастіе прош. дѣйств. II: *kurováł, -a, -o.*

Причастіе прош. страдат.: *kurováп.*

Неопредѣленное: kurovâti.

Достигательное: kurovát.

Прошедшее: sem kurovâl.

Давнопрошедшее: sem bil kuroval.

Будущее: bodem (bom) kuroval.

Условное: bi kuroval, bil bi kuroval (naj kurojem).

Къ этому разряду относятся: darovati, gospodovati, gostovati, imenovati, mirovati, modrovati, napredovati, obedovati, ogledovati, potrebovati, praznovati, radovati se, žrtvovati; bojevati, kraljevati, izpričevati, obraževati, premišljevati и др.

Органическія формы 3 л. на—*jo*: kurujo, darujo, bojujo въ современномъ языкѣ почти вышли изъ употребленія и замѣняются формами на—*jejo*: kurujejo, darujejo, bojujejo.

Точно также весьма употребительна форма причастія на—*aje*: kurovaje, gospodovaje вм. kuruje, gospoduje.

Вм. verujem слышно и verovam, veruvam и vervam; точно также: kmetvam, obedvam.

Приставка *ova* образовалась изъ *ua*; глагольная основа ованчивается на—*u*, которое выступаетъ въ настоящемъ времени.

Г) Вторая основа равна глагольной основѣ, образованной гласн. ê (ѣ).

Настоящее.

Ед. ч.	1 л. štêjem (считаю)	Дв. ч. štêjeva, -ve	Мн. ч. štêjemo
	2 л. štêješ	stêjeta, -te	štêjete
	3 л. štêje.	štêjeta, -te.	štêjô, štêjejo.

Повелительное.

Ед. ч.	1 л. —	Дв. ч. štêjva, -ve	Мн. ч. štêjmo
	2, 3 л. štêj.	stêjta, -te.	štêjte.

Прич. наст. дѣств.: štêjé, štêjóč.

Прич. прош. дѣств. I: preštêvši.

Прич. прош. дѣств. II: štêl, -a, -o.

Прич. прош. страд.: štêt, štêven.

Неопредѣленное: štêti.

Достигаемое: štèt.

Прошедшее: sem štèl.

Давнопрошедшее: sem bil štèl или bil sem štèl.

Будущее: bòdem (bòm) štèl:

Условное: bi štèl, bil bi štèl.

Сюда относится еще imèti; настоящее umejem и чаще umem. Гл. razumèti спрягается по четвертому классу (razumim).

Imèti слѣдуетъ этому спряженію въ повел. imej и прич. прош. дѣйств. П—imèl. Настоящее imam, 3 л. мн. ч. imajo.

Четвертый классъ.

О с н о в ы н а — і (= ije).

А) Вторая основа также на—і.

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. hválim	Дв. ч. hváliva, -ve	Мн. ч. hválimo
2 л. hvališ	hvalita, -te	hvalite
3 л. hvali.	hvalita, -te.	hvalijo, uče.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. hvalíva, -ve	Мн. ч. hvalímo
2, 3 л. hváli.	hvalita, -te.	hvalite.

Прич. наст. дѣйств.: hvalé, hvaléč.

Прич. прош. дѣйств. I: pohvalivši.

Прич. прош. дѣйств. II: hválil.

Прич. прош. страд.: hvaljen.

Неопредѣленное: hváliti.

Достигаемое: hvalit.

Прошедшее: sem hvalil или hvalil sem.

Давнопрошедшее: sem bil hvalil или bil sem hvalil.

Будущее: bòdem (bòm) hvalil.

Условное: bi hvalil, bil bi hvalil.

По этому образцу склоняются очень многіе глаголы съ основой на — і: braniti, buditi, činiti, daviti, děliti, goniti, govoriti, graditi,

kositi, krmiti, kupiti, ljubiti, loviti, mesiti, misliti, paliti, prositi, roditi, sòditi, staviti, učiti, variti, voziti, žaliti и друг.

Въ 3 л. мн. ч. древнее окончаніе *e* (= старо-слав. ѣ) теперь удержалось только у тѣхъ глаголовъ, которые имѣютъ удареніе на *i*: učím—učé, lovím—lové, sgramotím—sgramoté, pokorím—pokoré. Всѣ другіе глаголы имѣютъ *ijo*: pòsijo.

Глаголы, имѣющіе удареніе на *i*, переносятъ это удареніе въ повелит. н. ед. ч. на коренной гласный: učí (васт. вр.), ùcí (пов. н.), rustí (н. вр.), rústi (пов. н.). Въ говорахъ Штирії и Хорутаніи это правило наблюдается и по отношенію къ двойств. и множ. ч. повелит. накл.: ùciva, ùcita, ùcimo, ùcite. Напротивъ въ Крайнемъ нар. въ этихъ случаяхъ удареніе на—*i*: učiva, učita, učite, učimo.

Въ прич. прош. страд. *i* основы переходятъ въ *j*, который затѣмъ соединяется съ предшествующими звуками по извѣстнымъ законамъ языка: branjen, udarjen, po odobren; rojen, sojen, urejen, glajen (отъ roditi, soditi и пр.), ukročen, nasičen, puščen (ukrotiti и т. д.), kropljen, pogubljen (kropiti), zlomljen (zlomiti), pošen, vožen, učen.

Иногда *dj* и *tj* не переходятъ въ *j*, č: čutjen, začudjen, napotjen, vodjen, nagromadjen (угро-слов. н.).

Встрѣчаются и такія формы: ukroten (Прешернъ), oprosten, napisiten.

Б) Вторая основа образована суф. *ô* (= ѣ) или *a* (послѣ *j* и шипящихъ).

Настоящее.

Един. ч.		Двойст. ч.		Множ. ч.	
1 л. gorím	bežím	goríva	bežíva	gorímo	bežímo
2 л. goríš	bežiš	goríta	bežíta	goríte	bežite
3 л. gorí	beži.	goríta	bežíta.	goré, -ijo	bežé, -ijo.

Повелительное.

Един. ч.		Двойст. ч.		Множ. ч.	
1 л. —	—	goríva	bežíva	gorímo	bežímo
2, 3 л. gòri	bèži.	goríta	bežíta.	goríte	bežite.

Прич. наст. дѣйств.: goré, goréč, beže, bežéč.

Прич. прош. дѣйств. I: pogorévši, pobežavši.

Прич. прош. дѣйств. II: gorèl, bežal.

Прич. прои. страчат : zaželen, držan.

Неопредѣленное: gorèti, bežàti.

Достигательное: gorèt, bežat.

Прошедшее: sem gorèl, bežal.

Давнопрошедшее: bil sem gorèl, bežal.

Будущее: bòdem (bòm) gorèl, bežal

Условное: bi gorèl, bežal, bil bi gorèl, bežal.

По образцу gorèti спрягаются: bogatèti, bolèti, donèti, grmèti, kipèti, krvavèti, letèti, molèti, sedèti, slovèti, trpèti, velèti, vidèti, visèti, vrtèti, želèti, šumèti, živèti и др.

По образцу bežati спрягаются: bliščati, dišati, držati, ječati, klečati, kričati, ležati, molčati, slišati, smeјati se, tičati.

Глаголь hotèti имѣетъ въ настоящ.: hočem, hočeš, hoče; 3 мн. ч. hoté и hočeјо; пов. hoti, прич. наст. hoté, hoteč; прич. пр. hotèl. Въ народн. яз. обыкнов. hčem, откуда čem, češ и т. д. Въ Бѣлокраин. гов. čо; съ отриц. nečи, въ горицк. н. ničen. Обыкновенно počem (рѣже nečem = nehčem).

Spm имѣетъ неопредѣленное spati. *Boјim se* и *stojim* имѣютъ въ неопредѣленномъ стяженные формы: *bati se, stati*; повел. *boј se, stoj*; прич. прош. *se bal, stal*.

Сказанное выше (стр. 495) объ удареніи въ повелит. накл. глаголовъ типа učiti относится и къ глаголамъ даннаго разряда.

Гласный основы настоящаго *i* въ глаголахъ четвертаго класса образовался изъ *ie* черезъ уподобленіе и стяженіе. Ср. выше стр. 478.

Пятый классъ.

О с н о в ы н а — а (=aje).

Н а с т о я щ е е.

Ед. ч. 1 л. dèlam	Дв. ч. dèlava, -ve	Мн. ч. dèlamo
2 л. dèlaš	dèlata, -te	dèlate
3 л. dèla.	dèlate, -te.	dèlajò.

П о в е л и т е л ь н о е.

Ед. ч. 1 л. —	Дв. ч. dèlajva, -ve	Мн. ч. dèlajmo
2, 3 л. dèlaj.	dèlajta, -te.	dèlajte.

Прич. наст. дѣйств.: déláje, délajóč.

Прич. прош. дѣйств. I: pridélavši.

Прич. прош. дѣйств. II: délal.

Прич. прош. страд.: délan.

Неопредѣленное: délati.

Достигательное: délat.

Прошедшее: sem délal.

Давнопрошедшее: bil sem délal, sem bil délal.

Будущее: bôdem (bôm) délal.

Условное: bi délal, bil bi délal.

Основа настоящаго déláje; аје во всѣхъ лицахъ настоящаго врѣмѣнъ 3 л. мн. ч. стягиваетъ я въ а; въ 3 л. мн. ч. и прич. наст. дѣйств. основа выступаетъ въ полномъ видѣ.

Къ этому классу относятся многіе производные глаголы образованные суфф. а, ва; напр.: bivati, drzati, pogrešati, igráti, kidati, mahati, morati, padati, pitati, plavati, prašati, treskati, trgati, vladati, zidati, cvetevati, koševati, trgavati, vojévati и др.

Глаголь gledati (не gledéti) имѣетъ повелит. gledaj и glej (lej), а въ сложении съ предлогами gledi: pogledi; прич. наст. gledaje и gléde (въ знач. предлога): gléde na to, gléde tvojeга zdravja.

Безличныя глаголы (разныхъ классовъ).

Bliska se, grmi, treska, se dení, se mračí, dežuje, trga me, se mudi, me veselí, se godí, veljá (стоитъ), se mi studi, treba, dosta je, dosti je, čini se mi и друг.

7. Неизмѣняемыя слова.

Н а р ѣ ч и я.

1) Tu, tukaj, tu-le, tam, tamkaj, tam-le, tu pa tam, tam pa tam, ondi, ondukaj (тамъ), drugje, drugej, kje (гдѣ), nekje, kjerkoli, nikjér (нигдѣ), vnè, zunaj (внѣ), doli, zdolaj, domá, gorí, zgoraj, notri, znotraj, spodí, spodaj (внизу), spredi, spredaj, sredi, nasredi, vzadi, zraven (рядомъ, возлѣ), blizu, daleč, krog, okrog, mimo, vprek (поне-

рекъ); sem, sem kaj, sem-le (сюда), tja, tjakaj, tja-le (туда), sem ter tja, sem pa tja, onam, drugam, kam (туда), nekam, kamorkoli, kamor si bodi, nikamor (никуда), vèn, vùp, venkaj (вонъ), dol, navzdal, domù, gor (вверхъ), noter (внутри), spodaj (внизъ), naprèj (впередъ), na sred, nazaj, naproti, vmes (въ средину), na vrh; tod, odtod, dotod, ondod, do ondod, od ondod, drugod, od drugod, do drugod, kod (туда), odkod, dokod, nekod, odnekod, do nekod, koderkoli, koder si bodi, nikod, od nikod, do nikod, nikoder, od nikoder, do nikoder, povsod, vsekod.

2) Sedaj, zdaj (теперь), takoj, kar zdajci (сейчасъ), še (еще), tačas (затѣмъ), danes (сегодня), posoj (сегодня вечеромъ), ravnokar (незадолго передъ тѣмъ), letos, hkratu (сразу, вдругъ), kdaj (когда) skogo, še le (сперва), potem, potlej (потомъ), jutri, drevi (сегодня вечеромъ — съ будущ. вр.), zajtre, za jutra, kmalu (скоро), sčasoma (со временемъ); nekdaј (нѣкогда), kedarkoli, kedar si bodi (когда-то), nekoč, marsikdaј (иногда), že (уже), vsekdar, vselej (всегда), tedaj, onda (тогда), nikdar, nikoli (никогда), včeraј, zjutraј, davi (даже), zvečer, sinoči (вчера вечеромъ), zгодај (рано), gano, lani (въ прошломъ году), rozno, prej (прежде), davno, opoldne, popoldne; obsoreј (въ это время), ob-toreј, doslè, doslej (доселѣ), tolikrat, marsikrat, dostokrat, često, dalje, neprestano, zopet, vedno (постоянно, непрерывно), z nova.

3) Kako, tako, takisto, onako, nekaко, nikaко, marsikaко (различнымъ образомъ), kakorkoli, kakor si bodi (какъ-бы то ни было), kakor tako, inako, inače, drugače, jednako, bolj, jež—reš (верхомъ, пѣшкомъ), križem (на вѣрстѣ), nagloma (поспѣшно), narobe, naopak (наоборотъ), naravnost (прямо, открыто), počasí (медленно), polagoma, romalem, rosamič (отдѣльно), samotež (самостоятельно), skrivaj (скрытно), vкуп, skuraj.

4) Koliko? kolikor, toliko, tolikaj—kolikaj, onoliko, nekaj, nekoliko, kaj, nič, nikaj, marsikaj, kolikorli, kolikor si bodi, kolikor—toliko, kolikanj—tolikanj, količkaj—toličkaj, kolikor mogoče; celó, čim dalje bolj, čisto, dokaj (много), dosti, zadosti, dovolj, jako, silno, močno, kamùj (едва), kùroma (обильно, во множествѣ), le (только), malo, majhno (мало), manj, megoma, mnogo, sila, pol, popolnoma (вполнѣ), posebno (особенно), prav (совершенно), več, više, vsaj (меньше всего), zeló (весьма, въ высшей мѣрѣ), zgolj (совсѣмъ).

5) Da, kaj pa, kaj pa da (да, конечно), to je, to je da, to se vé, seveda (разумеется), vsekako, gotovo, le, le le (ну изволь), rač (да,

хорошо), *dro* (=dobro), *res* (дѣйствительно), *pač res, blizu, bajé, prè* (будто-бы, какъ говорятъ), *bojda* (вѣроятно), *brž ko ne, brzčas* (вѣроятно), *menda* (=menim da), *lahko da, morda* (можетъ быть), *mogebiti, nemaга* (можетъ быть), *jedva, komaj* (едва), *težko, težko da; ne, nak, nič, nikar, nikar ne* (нѣтъ-же), *nikakor ne* (ни въ какомъ случаѣ), *na poben način* (никакимъ образомъ); *kratкома, namreč* (именно), *zlasti* (особенно, главнымъ образомъ), *sploh* (вообще), *v obse; zakaj?* (зачѣмъ?), *rokaј? zato, zatorej.*

П р е д л о г и.

1) С ъ р о д и т. п а д.: *brez* (безъ), *do, iz, od, s* (*z* передъ гласными и звучными согласными); *izmed, iznad, izpod, izpred, izza; blizu, gledé, konec, kraj, mimo, namesto, mesto, okoli, okrog, krog, póleg* (возлѣ), *prek* (чрезъ), *razun* (кромѣ), *sredi, takraj, onkraj, onstran, tik* (возлѣ, при), *vpričo* (въ присутствіи), *vrh, vštrič* (возлѣ), *zavoljo, zaradi, zastran, zbog* (ради), *znotraj, zunaj, zraven* (возлѣ).

Примѣры: *brez potú ni medú; do praga, iz groba; od kruha, z nebes, s drevja za dne; izmed vas, iznad glave, izpod klopi; izpred očíj, iz misli* (нар. посл.), *izza górn; blizu hiše, gledé cene; konec vasi; kraj potoka; mimo smrti; namesto cirilice nam rabi zdaj latinica; okóli vrta, okró mize* (вокругъ стола); *Bog živi tudi vas poleg nas; prek Donave; razun očeta; srédi mésta; onstran naših gor; tik sreče nesreča preží* (нар. погов.); *vpričo vseh ljudi; vrh drevesa; vsled nove postave; vštrič poslopje; zavoljo tega или za tega voljo zunaj mestnega okoliša, zraven hiše.*

4) С ъ в и н и т. п а д.: а) (на вопросъ куда?) *na, ob, po, v, med, nad, pod, pred, za*; б) *črez* (čez), *raz* (съ), *skoz* (сквозь), *zoper* (противъ).

Примѣры: *Drevo se na drevo naslanja, človek na človeka* (нар. посл.); *kdor za tuje prime, ob svoje pride; pošlji mi po sv. olje; od hiše, med konje; nad tvoje grem kosti; pod meč; pred okno; za ruko; črez goré črez polnoč; raz drevo* (съ дерева) *je padel; skoz lez, skoz noč; skoz božjo milost; zoper brata.*

3) С ъ д а т е л ь н. п а д.: *k, h* (передъ *k* и *g*), *proti, navzlic, kljubu* (противъ).

Примѣры: *k sebi, k starišem, k božiču; proti vodi; navzlic vsem opominom; kljubu njegóvej oblubi.*

4) Съ творит. пад.: *z* (на вопросы: съ кѣмъ? съ чѣмъ?), *med*, *nad*, *pod*, *pred*, *za* (на вопросъ *идѣ?*).

Примѣры: *z vozom*, *s sestro*; *med dobrimi sosedi*; *nad mano*, *pod solncem*, *pod cesarjem*, *pred nami*, *pred Bogom*; *za gorò*, *za veseljem*.

5) Съ мѣстн. пад.: а) *o*, *priper*; б) (на вопросъ *идѣ?*) *na*, *ob*, *po*, *v*.

Примѣры: *o žetvi*, *pri ognju*, *pri delu*, *pri svojih letih*; *na potu*, *na vojski*, *ob potoku*, *ob èni ùri popòldne* (въ часъ по-полудни), *po morju*, *po dveh dneh*, *po glasu*, *gledati po kom*. *po ÷em*, *v polju*, *v slabosti*.

С о ю з ы.

1) Соединительные: *i*, *in*, *ino* (*и*); *pa*, *ter*, *tudi* (*и*, *же*); *ne le—ampak tudi*, *ne samo—temveç tudi* (*не только—но и*); *dalje*; *po—tem*, *potlej*; *k temu*, *natò*, *vrh tega*, *naposled*; *namreç* (именно), *zlasti* (особенно). Примѣры: *Mera in vaga v nebesa pomaga*. *Stoji mi*, *stoji polje široko*, *na polju pa mi raste drevce zeleno*. *Smrt ne pokosi le starosti*, *ampak ona postreli tudi mladino*. *Ne hvalite sami sebe*, *potém vas bodo drugi hvalili*.

2) Противительные: *a*, *ali*, *pa*, *pak*, *toda* (*но—рsetакъ*) *vendar*, *vendar le*, *pa vendar* (*однако*, *однакоже*), *pri vsem tem*; *le*, *le*, *da*, *samo* (*только*); *ne—ampak* (*не—но*), *ne—temveç* (*не—но*), *ne—marveç* (*не—но скорѣе*), *ne kar*, *ni pa kar*. Примѣры: *Sanje so laž*, *a Bog je istina*. *Volja je dobra*, *ali meso je slabo*. *Kruh mu dam*, *pa meti pa mu joz ne morem dati*. *Mala ptica prepelica*, *toda ona upeha konja in junaka*. *Svet je lep*, *pa vendar ga bode enkrat konec*. *Bog ne gleda besed*, *ampak on gleda srcé*.

3) Раздѣлительные: *ali*, *ali—ali*, *bodi(si)—bodi(si)*, *ne—ne*, *ni—ni*, *niti—niti*, *včasí—včasí*, *zdaj—zdaj* (*то—то*), *nekaž—nekaž*, *deloma—deloma* (*частью—частью*). Примѣры: *Ali grmi*, *ali se zemlja trese*. *Bodi gruden*, *bodi kres*, *kedar zebe*, *neti les*. *Zdaj me trese mraz*, *zdaj me zopet vročina huna*. *Ni se ozrl ne na desno*, *ne na levo in ne nazaj*.

4) Сравнительные: *kakor—tako*, *kolikor—toliko*, *ko*, *kot*, *nego*, *kar*, *çim—tem*, *vec ko*, *manj ko—toliko veç*, *kakor bi*. Примѣры: *Kakor mati prede*, *tako hçi tke*. *Kolikor glav*, *toliko mislij*. *Çim više kdo stoji*, *tem niže more pasti*.

5) Изъяснительные: *da*; напр.: Naj zmisli, kdor slepoto ljubi sveta, da smrtna žetev vsak dan bolj dozori (Прешернь). Ne zabi, *da* na svetu sreča nesreči roko podaje.

6) Причинные: *zakaј, kajti, saj, sicer* (ибо), *ki, ko, ker, kot* (такъ какъ, потому что). Примѣры: Počakaj, *saj* nisi voda. Ne taji, *ki* dobro vemo, da si kriv. Med se liže, *ker* je sladek.

7) Цѣль: *da*; напр.: Človek ne živi, *da* bi jedel, ampak le *je*, *da* more živeti.

8) Временные: *kedar, ko* (когда), *dokler* (пока), *kar, odkar* (съ того времени какъ), *predno, prej ko, prej nego* (прежде чѣмъ), *kakor, jedva, komoj, kakor, hitro, brž ko precej ko, toliko da, da le* (тотчасъ какъ, какъ только). Примѣры: Kedar Bog mudí, onda se nič ne zamudí. Dokler je drevo mlado, lahko ga pripogneš, kamor hočeš. Vstani, predno se zori. Komaj to izgovori, svojo dušico spusti.

9) Условные: *če, ako, ko*. Примѣры: Če je oče junak, bode sin gotovo vojak. Ako ne teče, pa kaplje. Ko bi pírce imela, pisala bi listek.

10) Уступительные: *dasi, dasi tudi, dasiravno, daravno, če tudi, ako tudi, akoravno, če prav* (хотя); *da, samo da, da le*. Примѣры: Vol je vol, če mu tudi roge odbiješ. Da bi bogat bil, moder gotovo ni.

11) Заключительные: *torej, zato, tedaj* (вслѣдствие чего, итакъ, слѣдовательно), *da*. Примѣры: Izkušnje so povsod; *torej* bodi vedno pazen, da vanje ne zabredeš. Zakon prirode je tak, *da* iz mlega raste veliko.

8 Нарѣчія и говоры словинскаго языка.

Общія замѣчанія.

Словинскій языкъ представляетъ замѣчательное разнообразіе нарѣчій и говоровъ. Въ народномъ языкѣ словинскаго населенія, не превышающаго числомъ 1,300,000 душъ, различаютъ до 8—10 характерныхъ нарѣчій и столько же, если не больше, поднарѣчій и говоровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма любопытны въ томъ или другомъ отношеніи и давно уже привлекаютъ къ себѣ вниманіе славистовъ—

филологовъ. Выше (394—395 стр.) указаны цѣнныя работы по словинской діалектологіи Срезневскаго, Бодуэна де-Куртена, Валенте, Клодича, Жолгара, Ярнива, Закрейшека, Вальявца, Шейнига, Штревеля и Облава. Но въ общемъ изученіе словинскихъ нарѣчій и говоровъ нужно признать весьма неполнымъ и недостаточнымъ. Наболѣе подробно обслѣдованы только венеціанскія нарѣчія, особенно резьянское и нѣкоторые хорутанскіе и горичкѣ говоры. Изученіе остальныхъ нарѣчій едва затронуто, а нѣкоторыя какъ штирійское, кажется, и совсѣмъ не были предметомъ научнаго наблюденія. Словинскій ученый др. Облакъ, замѣчательный филологъ и превосходный знатокъ своего роднаго языка, всего нѣсколько лѣтъ назадъ охарактеризовалъ современное состояніе словенской діалектологіи слѣдующимъ образомъ: „въ настоящее время мы еще не знаемъ ни границъ отдѣльныхъ нарѣчій, ни самыхъ говоровъ, ни даже того, сколько нужно принимать главныхъ нарѣчій“¹⁾. За послѣдніе годы положеніе дѣла въ существенномъ не измѣнилось, хотя прибавилось нѣсколько новыхъ матеріаловъ и работъ по діалектологіи, между которыми первое мѣсто занимаютъ почтенныя изслѣдованія того же Облава (см. 392 стр.). При такихъ условіяхъ пока еще не возможны ни научная классификація словинскихъ нарѣчій и говоровъ, ни подробное описаніе ихъ. Мы вынуждены ограничиться здѣсь сообщеніемъ важнѣйшихъ даныхъ, добытыхъ современнымъ изученіемъ вопроса, и немногихъ общихъ положеній гипотетическаго свойства.

Происхожденіе нарѣчій словинскаго языка несомнѣнно восходитъ къ глубокой древности. Въ дошедшихъ до насъ старинныхъ памятникахъ ясно наблюдаются діалектическія черты. Даже въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ усматриваютъ особенности юго-западнаго (хорутанскаго) нарѣчія (*vu* вм. *iz*, *dl* гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ *l*), которое, слѣдовательно, въ X ст. отличалось отъ другихъ. Съ XV ст. уже можно слѣдить за исторіей многихъ нарѣчій. *Confessio generalis* (Любл. рук. XV в.) написанъ на нижне-краинскомъ нарѣчій, которое преобладаетъ и въ произведеніяхъ писателей XVI в. и началъ XVII в. Верхне-краинское нарѣчіе представлено въ Целовецкой рукоп. XV в.;

¹⁾ Arch. fur Slav. Phil., 1888, Bd. XI, 397. Wir wissen ja gegenwärtig weder die Grenze der einzelnen Dialekte, noch sind uns die Mundarten derselben bekannt, ja man ist sogar darin im unklaren, wie viel Hauptdialekte man anzunehmen hat.

пергаментные листы 1497, отражаютъ на себѣ особенности венеціанскаго нарѣчія¹⁾). Черты хорутанскихъ говоровъ выступаютъ въ формулѣ присяги 1601 г. (изд. въ Kres, V) и словарь Мегизера (393 стр.). Сравнительное изученіе этихъ и другихъ памятниковъ однако приводитъ къ заключенію, что въ старое время нарѣчія различались между собой меньше, чѣмъ теперь, и что многія характерныя особенности современныхъ говоровъ развились позже, иногда въ очень близкое къ намъ время.

Гораздо труднѣе вопросъ о числѣ и взаимныхъ отношеніяхъ современныхъ словинскихъ нарѣчій и говоровъ. Вопросъ этотъ обходится молчаніемъ въ новѣйшей филологической литературѣ: въ ней нѣтъ ни одной работы посвященной систематическому обзорѣ словинскихъ нарѣчій; новѣйшія грамматики не даютъ даже простаго перечня развѣтвленій словинскаго языка; такимъ образомъ общее число ихъ и распредѣленіе по группамъ представляется неяснымъ и неустановленнымъ. При такомъ положеніи дѣла вполне сохраняетъ свое научное значеніе замѣчательный трудъ „О словенскихъ нарѣчіяхъ“ незабвеннаго въ лѣтописяхъ славянской науки И. И. Срезневскаго, напечатанный еще въ 1841 г. въ Журн. Мин. Нар. Пров. (сентябрь, ч. XXXI). Трудъ этотъ всецѣло основанъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ автора, который во время своей заграничной командировки исходилъ пѣшкомъ словинскую землю и имѣлъ возможность близко изучить словинскіе говоры и пополнить пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія сообщеніями мѣстныхъ людей. Отсюда данныя, собранныя въ этомъ сочиненіи, заслуживаютъ полнаго вниманія; нельзя не пожалѣть, что они остались мало извѣстны словинскимъ филологамъ. Во всякомъ случаѣ это былъ первый опытъ научнаго рѣшенія вопроса о словинской діалектологіи, въ полномъ его объемѣ. Считаая преждевременнымъ дѣлать какія-либо широкія обобщенія Срезневскій въ данномъ трудѣ ограничился описаніемъ всѣхъ извѣстныхъ ему нарѣчій, съ приблизительнымъ опредѣленіемъ занимаемой каждымъ территоріи и указаніемъ характеристическихъ особенностей. Такъ онъ насчиталъ 18 нарѣчій; именно: 1) Нижне - Краинское, 2) Верхне - Краинское, 3) Средне-Краинское, 4) Полянское, 5) Циркницко-Рыбницкое, 6) Липавское, 7) Идріанское, 8) Толминское, 9) Богинское, 10) Плесское,

---

¹⁾ Ср. 402 стр.

11) Словинское (въ Фріулѣ), 12) Резіанское, 13) Зильское, 14) Рожневское, 15) Забѣльское, 16) Штирійско-Каринтійское, 17) Собственно-Штирійское (Драво-Мурское), 18) Угро-Штирійское.

Изъ приведеннаго длиннаго списка названій нарѣчій и изъ самаго текста видно, что авторъ въ своемъ описаніи соединилъ въ одно цѣлое болѣе крупныя подраздѣленія языка съ болѣе мелкими и частными т. е. нарѣчія въ собственномъ смыслѣ съ говорами. Нѣсколько позже, въ 1845 г., въ другомъ сочиненіи „Обозрѣніе чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ“ (Ж. М. Н. Пр., 1845, ч. XLVIII) онъ нашелъ возможнымъ соединить словинскія нарѣчія и говоры въ болѣе крупныя группы; именно онъ признаетъ въ словинскомъ языкѣ (Хорутанскомъ) слѣдующія восемь нарѣчій: 1) Верхне-Краинское, 2) Нижне-Краинское, 3) Словинское, 4) Резіанское, 5) Зильское, 6) Забѣльское, 7) Штирійское и 8) Угро-Словенское. Шафарикъ въ своемъ „Славянскомъ народописаніи“ различалъ только семь главныхъ нарѣчій, изъ которыхъ нѣкоторыя не тѣ, какія выдѣлены Срезневскимъ какъ основныя; именно: 1) Верхне-Краинское, 2) Нижне-Краинское, 3) Средне-Краинское, 4) Хорутанское, 5) Штирійское, 6) Угорское и 7) Резьянское. Таже классификація словинскихъ говоровъ принята въ книгѣ *Slovanstvo*, изданной въ 60-хъ годахъ¹⁾ Матицей Словенской, съ тою лишь разницей, что угорское нарѣчіе здѣсь названо Паннонскимъ.

Отправляясь отъ данныхъ, находящихся въ упомянутомъ старомъ, въ высшей степени цѣнномъ сочиненіи Срезневскаго и въ новѣйшихъ частныхъ изслѣдованіяхъ, мнѣ кажется возможно допустить раздѣленіе словинскаго языка на слѣдующія 8 главныхъ нарѣчій:

1) *Нижне-Краинское*, съ говорами *Полянскимъ*, *Рыбницко-Циркницкимъ* и *Бѣло-Краинскимъ*;

2) *Верхне-Краинское* съ говорами: а) *Идрианскимъ*, б) *Толминскимъ*, в) *Циркнійскимъ*, г) *Бохинскимъ* и д) *Плесскимъ*;

3) *Средне-Краинское* съ говорами *Липавскимъ* и *Горицкимъ* (*Средне-Карстскимъ*);

4) *Хорутанское* съ говорами: а) *Гайтальскимъ* или *Зильскимъ*, *Розентальскимъ* или *Рожневскимъ* и *Яунтальскимъ* или *Юнскимъ*;

5) *Резьянское*; 6) *Венеціанско-Словинское*; 7) *Штирійское* (Драво-Мурское) и 8) *Угро-Словинское*.

¹⁾ Годъ изданія на книгѣ не обозначенъ.

Въ ниже-слѣдующемъ изложеніи будутъ указаны важнѣйшія особенности каждаго нарѣчія отдѣльно¹⁾. Болѣе общая классификація словинскихъ нарѣчій и говоромъ въ настоящее время едва ли возможна.

Впрочемъ, если имѣть въ виду только нѣкоторые, болѣе или менѣе характерные звуковые признаки, то можно допустить условное раздѣленіе всѣхъ нарѣчій на нѣсколько болѣе общихъ группъ. Такъ напр. по отношенію къ выговору древн.-слав. *ъ, ѓ* и сочетаній *dl, tl* (въ причаст. пр. дѣйств. II) различаютъ двѣ группы говоромъ: сѣверо-западную и юго-восточную. Первая обнимаетъ говоры Штиріи (за исключеніемъ Посавья, между нижней Сотлой и Савой), Хорутанія, Верхней Краины, сѣверной Горицы и Венеціанской области; вторая группа обнимаетъ говоры остальныхъ словинскихъ областей, т. е. Угорщины, восточной Штиріи, земли Бѣлыхъ Крайнецевъ (Чернебльскій округъ), Нижней и Средней Краины, Истрии, Триестской области и южной Горицы²⁾.

Юго-восточная группа.

Сѣверо-западная группа.

1) Старо-слав. <i>ъ = ѣ, ej (aj)</i> въ [долгихъ слогахъ: <i>zvězda, zvejjda, zvajzda</i> (Шти- [рія) <i>besěda, besejjda.</i> 2) Согласные <i>d, t</i> въ сочетаніяхъ [<i>dl, tl</i> исчезаютъ: <i>pała, pleła.</i> 3) Согл. <i>g</i> имѣетъ ясное гортан- [ное произношеніе: <i>gora, gorěti.</i>	1) Старо-слав. <i>ъ = je, ie, i</i> въ [долгихъ словахъ: <i>zvjezza, zviezza</i> (Толминъ). [<i>zvízda</i> (Циркно, Венец. об.). <i>besjeda, besieda, besida.</i> 2) Сочетанія <i>dl, tl</i> сохраняются: <i>padla, pletla.</i> 3) Согл. <i>g</i> произносится приды- [хательно какъ <i>h</i>: <i>hoga, horěti.</i>

Если взять въ основаніе классификаціи такой характерный признакъ какъ замѣну старо-слав. *з, ѣ* въ долгихъ слогахъ звонкими

¹⁾ При этой характеристикѣ не слѣдуетъ забывать, что извѣстныя черты, свойственныя въ совокупности одному изъ нарѣчій, въ отдѣльности и спорадически могутъ встрѣчаться въ говорахъ другихъ нарѣчій.

²⁾ Ср. статью Шумана, Die Sprache der Slovenen въ изд. Die Oesterreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild. Steiermark, 1890. Wien, 235.

гласными, то получается нѣсколько иное распредѣленіе говоровъ: на группу *юго-западную* (Крайна, Приморье, юго-восточный уголъ Хорутаніи, Венеціанская область) и *сѣверо-восточную* (Угорщина, сѣверная и восточная часть Штиріи и большая часть Хорутаніи: Зильскій и Рожневскій говоръ). На югѣ и западѣ—вм. з, ѣ слышится *a* (dan, maġla), на сѣверо-востока—*e* (den, meġla).

Возможны и другія группировки говоровъ по отдѣльнымъ тѣмъ или другимъ частнымъ особенностямъ.

Нижне-краинское нарѣчіе.

Нижне-краинское нарѣчіе (Dolenjsko narečje, dolenjščina) господствуетъ въ низменной т. е. восточной Крайнѣ, главнѣйше въ бассейнѣ р. Грка (Gurk) въ Савѣ, и въ Штиріи въ бассейнѣ р. Сани. Оно самое большое по количеству народа его употребляющаго и особенно важно потому, что преимущественно передъ другими нарѣчіями подвергалось литературной обработкѣ. Древнѣйшій памятникъ письменности на этомъ нарѣчій *Люблянская Confessio generalis* нач. XV в. Труберъ и другія протестантскіе писатели XVI в. пользовались преимущественно ниже-краинскимъ нарѣчіемъ. Оно же лежитъ въ основѣ современнаго литературнаго языка.

Главныя особенности этого нарѣчія слѣдующія:

1) Широкое употребленіе глухихъ, полугласныхъ звуковъ и скрадываніе гласныхъ: *kđar* или *kođar*, *oagъnj*. Конечное безударное *o* въ средн. р. именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и причастій почти не слышно: *bejľo wino* произносятся какъ бы *bejľ vin*. Также не слышно *o* и въ срединѣ: *m'ja, t'ja, s'ja* (вм. *moja, tvoja, svoja*).

2) Вм. безударнаго *o* обыкновенно слышно *a* или *ōa*: *gavariti, dōabro*; такъ и въ винит.-твор. пп. основъ на—*a* вм. обычнаго *o* (=ж): *sъm vidú lejpa žena z bojna poga*. Иногда *a* является и вм. *e*: *an* (*edin*), *adrce* (*jedrcе*), *aklo* (*jeklo*), *vesjalje* (*veselje*).

3) Ударяемое *o* звучитъ обыкновенно какъ *u*: *gospúđ, búg*. Ср. 416 стр.

4) Старо-слав. ѡ = *je*: *svjet*.

5) Старо-слав. ѣ (въ долгихъ слогахъ) = *ej*: *svejt, smejh*. Ср. 413 стр.

6) *L*, заканчивающее слогъ, звучитъ какъ *й* или *и*: рай, vouk, umgu (umrl).

7) *V* выговаривается какъ краткое *й*.

8) *D, t* передъ *l* не сохраняются: pala, salo, plela.

9) Иногда *kj* вм. *tj*: kje (вм. če), trekji, kjeden.

10) Въ творит. п. ед. ч. муж. р. различаются окончанія *om, em*: гакот, коваѣт. Форма на *am*, по свидѣтельству Срезневскаго (въ 40-хъ годахъ), хотя и встрѣчается, но рѣдко.

11) Формы существительнаго глагола для выраженія желательнаго н.: *бim, biš, bi, biva, bistà, bimò, bistè, bijo* (Срезневскій, для 40-хъ годовъ, стр. 113; въ новѣйшихъ трудахъ по слов. діалект. мы не нашли указаній на эти формы).

12) Вм. *pjega, pjemu, pjim* и пр. часто употребляется *jego, jemu, jim* и проч.

Изъ говоровъ Нижне-Краинскаго нарѣчія извѣстны два: г. *Рыбницко-Циркницкій* и *Бѣло-Краинскій* (Полянскій у Срезн.).

Рыбницко-Циркницкій говоръ ¹⁾ наблюдается между Кочевьемъ (Gotschee) и Циркницкимъ озеромъ; онъ представляетъ слѣдующія черты: 1) выговоръ старо-слав. *ъ* какъ *ѣ*; 2) отчетливый выговоръ *o* на концѣ; 3) вм. твердаго *l* звукъ близкій къ *w* (какъ въ верхне-краинск. нар.): *gwava*; 4) сочетание *dl*; 5) *n* вм. *m*: *dèlan* (1 л. ед. ч.).

Бѣло-Краинскій говоръ — слышится въ землѣ Бѣлыхъ Крайнецвъ, между нѣмецкимъ Кочевьемъ и р. Кульпой и характеризуется 1) присутствіемъ сербо-хорватизмовъ, напр. *još* вм. *še*, *орѣт* вм. *sрет* и т. п.; 2) рѣдкимъ употребленіемъ двойственнаго числа, особенно въ спряженіи; 3) сохраненіемъ нѣкоторыхъ древнихъ формъ въ склоненіи, напр. род. п. жен. р. ед. ч. (основъ на *a*)—на *i ribi*, творит. п. мн. ч. м. р. на—*i, gobi*.

Верхне-Краинское нарѣчіе.

Нарѣчіе Верхне-Краинское (Gorenjsko narečje, gorenjščina), господствуетъ въ наиболѣе гористой, т. е. сѣверо-западной части Краины главнѣйше въ бассейнѣ Савы отъ Радольцы (Radmannsdorf) за Люблянупу и въ сѣверной части Горницкой земли.

¹⁾ Рыбникъ—Reisnitz.

И это нарѣчіе очень рано проникло въ письменность. Древнѣйшимъ образцомъ его служитъ Целовецкая рукопись нач. XV в. (Отче Нашъ и формула исповѣди). Участіе этого нарѣчія въ выработкѣ современнаго (далеко еще не установившагося) литературнаго языка также весьма значительно (Далматинъ, Виногр. Законъ 1603 г., Прешернь).

Главные особенности:

1) Употребленіе глухихъ гласныхъ вмѣсто звонкихъ широко развито. Каждый, неударяемый гласный—*e, ъ, i, u, a, o*, можетъ произноситься глухо, неопредѣленно какъ *z*: *kačnъ, dъli, žъvot, jъnák, dъlj, čъvěk*. За то старо-славянскій глухой (*z, ъ*), не стоящій подъ удареніемъ, обыкновенно исчезаетъ, между тѣмъ, какъ во многихъ другихъ нарѣчіяхъ онъ удерживается: *hči, sna, dnes* (дънъс—Н. Кр.).

2) Старо-слав. *ъ* въ долгихъ слогахъ соотвѣтствуютъ *je, ie, i*: *besjeda, diel, čiwa* (čeva), въ краткихъ слогахъ вм. *ъ* обыкновенно *z*, который нерѣдко исчезаетъ: *lъto, ščemo* (сѣчемо).

3) Долгое *o* обыкновенно произносится какъ *u*, краткое *o*—какъ *o*: *bug, dobro*; но иногда *o* = *oa*, *oj*: *hōaga, oarū* (орель); *ojstru*.

4) Старо-слав. *ъ* = *o* иногда *u*: *mož, pot, bodi, roka, no zaгučny*.

5) Конечное *u*, не имѣющее ударенія, обыкновенно звучитъ какъ *o* (особ. въ дат. п. ед. ч.): *vozo, možo, mo*.

6) *U* подъ удареніемъ иногда произносится какъ *uj*: *ujzda*.

7) Сочетаніе *ol* (оѵ) изъ *l* (лъ) теряетъ *l*, а *o* (неударяемое) часто переходитъ въ *z*: *močat, wok, dъžnó* (dožno). Но иногда говорятъ и *wočk, sojnce*.

8) Вм. твердаго *l* слышится звукъ средній между *l* и *w*: *bwato, gwawa, waš* (лъжь). Въ концѣ словъ и въ серединѣ передъ согласными вм. *w*—*й*: *bjeй, jъй, boйn, padu* (pal), *padwa* (pala).

9) *D, t* въ сочетаніяхъ *dl, tl* всегда удерживаются: *padwa* (padūa), *motovidwo* (motovidūo).

10) *D* въ концѣ словъ произносится, какъ въ нѣкоторыхъ сербо-лужицкихъ говорахъ, шепелевато, не много тверже англійской *th*: *radh, Nosrodh, medvedh*. Кое-гдѣ даже просто слышно *z, s*: *gaz, gas*. — *D* передъ *k* превращается въ *h*: *giehko, gwahko*. — *T* въ глагольныхъ окончаніяхъ *tem* измѣняется въ *d*: *medem, svedem*.

11) *V*, всегда выговариваясь какъ краткое *й* (или *w*) опускается въ мѣстоименіяхъ *soj* и *toj* (вм. *svoj, tvoj*), а также въ *storiti* и *skoz*. — Вм. *bukve, v cjerkve, na gwawe* говорятъ: *bukle, v cjerkle, na hwale*.

12) *B* въ концѣ словъ, а также передъ *k*, *t* произносится какъ *f*: *drof*, *droftine*, *bof*, *zof*.

13) *G* на концѣ словъ имѣетъ придыхательный выговоръ *h*: *buh*, *stjeh*. По наблюдениямъ Срезневскаго *h* на сѣверѣ и *gh* на югѣ вообще употребляются вм. *g*: *hoga*, *holób*.

14) *G*, *k*, *h* передъ *e*, *i* имѣютъ нередко вторичное смягченіе: *ž*, *č*, *š*; *štenže*, *družī*, *goče* (гоке, нм.-в. п. мн. ч.), *čisu*, *muše*, *suši*.

15) *R* въ сочетаніяхъ *čr*, *žr* исчезаетъ: *čida*, *čez*, *čīwa* (črewa); *žebé*, *žjes*.

16) *Š* употребляется вм. *šč*: *šiplem*.

17) Передъ начальными *o*, *u* приставочное *v*: *vuk*, *vogati*.

18) Дат. п. ед. ч. муж. и сред. р. — на *-o* вм. *u*: *vozo*, *možo* (ср. 5 ст.).

19) Творит. п. ед. ч. муж. р. всегда *am*: *možam*, *severjam*.

Изъ многочисленныхъ верхне-краинскихъ говоровъ болѣе известны: Идріанскій, Толминскій, Циркнійскій, Предворскій, Плесскій и Бохинско-Посавскій.

Идріанскій говоръ господствуетъ въ Идріанскихъ горахъ и долинахъ и представляетъ слѣдующія черты: 1) глухіе употребляются рѣже и въ срединѣ словъ вообще избѣгаются; 2) безударное *o* выговаривается какъ *a*; 3) *n* = *é*, *ej*: *lejto*; 4) звуки *aē* вм. *e* (*paē*, *daēkla*) и *ē* вм. *a*, *o*, *u* (*mojē*, *ljē*—*bāēzen*); 5) *l* твердое выговаривается какъ *l* только въ концѣ слога; 6) *k*, *g*, *h* не превращается въ *č*, *ž*, *š*.

Толминскій говоръ слышится въ окрестностяхъ Толмина (Tolmein) въ сѣверной Горицѣ. По замѣчанію И. И. Срезневскаго, онъ отличается отъ Идріанскаго преимущественно удареніемъ и кромѣ того, выговоромъ *g* какъ *h*, и сохраненіемъ *k*, *ch* передъ *e*, *i* безъ смягченія. Ср. Kres, 1882.

Циркнійскій говоръ живетъ въ срединѣ между Идріанскимъ и Толминскимъ, въ окрестностяхъ Циркно (Kirchheim). Ср. *Boduena de-Kurtena Sprachproben des Dialektes von Cirčno* (Arch. f. Slav. Phil., V. VII—VIII).

Предворскій говоръ въ м. Предворѣ, близъ Крайнбурга (M. Valjavac. Kres, 1884—ср. 395 стр.).

Плесскій говоръ распространенъ въ странѣ у вершинъ озера Изонцо, въ сѣверной Горицѣ. Особенности: 1) *a* часто звучитъ какъ *æ* или *o*: *paæt*, *dæj*, *toæ*, *woljæ*; *nom*, *som*; 2) *n* = *je*; 3) *m* въ концѣ словъ произносится какъ *n*.

Бохинско-Посавскій говоръ (Bohinjsko-posavski dijalekt) живеть на всемъ протяженіи Бохинской Савы отъ ея источниковъ до ея слиянія съ Долинской Савой и въ окрестностяхъ двухъ озеръ, Бохинскаго (Wocheiner See) и Бледскаго (Veldes See). Строго научное и подробное описаніе этого говора представлено въ трудѣ одного изъ лучшихъ знатоковъ словинской діалектологіи, проф. Бодуэна де-Куртене „Бохинско-Посавскій говоръ“ (Извѣстія Казан. Унив., 1877, № 2). Главныя особенности: 1) *æ* (звукъ средній между *a* и *e*) вм. *a, e, ѣ*: *jæsen, stræhu, ŭčegāj, wъndār, grædiwo, telæ*; 2) *э* вм. *о* (первичнаго и изъ *ж*): *wъdá, rъdæm, гъčé, гъsí*; 3) неударенное *e* переходитъ въ *a*: *па (не, вѣтъ), па таһај, паишънга čowéka*; 4) вторичное смягченіе *w* (= *ѵ*) въ *l*: *čæwo* (чело), *па čæelъ, тьгwa* (туманъ), *тъгле* (д. п.) (ср. Верхне-Краин. н. 11 ст.); 5) первичное смягченіе *k, g*: *и mose dwje госе, гасі*; и рядомъ съ этимъ вторичное переходное смягченіе *k, g, h* въ *č, j*: *če* (гдѣ), *госе, iz госе, поје* (ноги), *гоје, гъši* (глухіе) и др.

Средне-Краинское нарѣчіе.

Нарѣчіе Средне-Краинское (Notranjsko nagóčje) господствуетъ въ Краинѣ на югъ отъ Любляны къ Истрии и отъ бассейна Циркницкаго озера на западъ по всей южной половинѣ Горацкой земли. По наблюдениямъ И. И. Срезневскаго это нарѣчіе не имѣетъ такихъ оригинальныхъ отличій какъ Нижне-Краинское и Верхне-Краинское, а представляетъ нѣкоторые изъ признаковъ того и другаго нарѣчія въ смѣшеніи, хотя по мѣстности, гдѣ употребляется, и не допускаетъ предположенія, что образовалось вслѣдствіе сближенія Верхне-Краинскаго съ Нижне-Краинскимъ.

Съ нарѣчіемъ Нижне-Краинскимъ оно сходно: 1) въ употребленіи *ó* вм. *о*, если на немъ лежитъ удареніе, въ концѣ слова; 2) въ различеніи *e* и *o* сред. р. и *ev* и *ov* род. п.; 3) въ различеніи *om* и *em*—твор. п.; 4) въ смѣшеніи замѣнѣ старо-сл. *ъ* и *ѡ* = *ej, je*; 5) въ замѣнѣ старо-слав. *ж* черезъ *ѡ*; 6) въ неупотребленіи вставочнаго *d* передъ *l*; 7) въ произношеніи твердаго *l* какъ *ѵ* только въ концѣ слова; 8) въ употребленіи *g* исключительно передъ *h*; 9) въ употребленіи *k* вм. *č, t*; 10) въ различеніи *šč* отъ *š*. Съ нарѣчіемъ Верхне-Краинскимъ Средне-Краинское нарѣчіе сходится: 1) въ обозначеніи

средняго рода явственнымъ произношеніемъ конечнаго *o*; 2) въ смягченіи согласныхъ передъ *i*; 3) въ употребленіи призвучныхъ (особ. *w*) передъ гласными; 4) въ опущеніи *r* послѣ *ž*, *č* передъ *e* и др.

Къ болѣе характернымъ особенностямъ Средне-Краинскаго нарѣчія нужно отнести а) исключительное употребленіе средняго *l* (вмѣсто мягкаго), б) употребленіе *i* вм. глухаго; напр. *bolezin*; в) оконч. 2 л. мн. ч. *ste* вм. *te*: *delaste*, *učiste*; г) преобладающее вліяніе итальянскаго яз. противъ нѣмецкаго, болѣе замѣтнаго въ другихъ нарѣчіяхъ.

Изъ говоровъ извѣстны Липавскій и Горицкій (Средне-Карстскій).

Липавскій говоръ употребляется въ горахъ Липавскихъ (*Wirrach*) и около нихъ. Онъ характеризуется: а) рѣдкимъ употребленіемъ глухихъ гласныхъ; б) выговоромъ краткаго *o* какъ *a*; в) ок. *at* въ твор. п. и др.

Горицкій или Средне-Карстскій говоръ распространенъ въ юго-восточной части Горицы. Научная характеристика его (впрочемъ, только въ отношеніи ударенія и морфологическихъ особенностей) представлена въ сочиненіи Штрекля: *Morphologie des Görzer Mittelkarstdialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse*. Wien, 1887. *Sitzungsberichte W. Ak. Bd. CXIII*. Изъ особенностей этого говора отмѣтимъ: 1) выговоръ старо-слав. *ъ* не только какъ *e*, но и какъ *z*: *vrémъ*, *bríemъ*, *sъ* (*съ*); 2) Старо-слав. *ѣ* = *и* или *ио* (въ ударяемыхъ слогахъ: *řibu*, *muož*; 3) *n*, *m* часто имѣютъ гласное значеніе на ряду съ *l*, *r*: *bedń*, *semń* (рынокъ), *skedń jagm*; 4) *n* вм. *m* (на концѣ словъ): *dan*, *sъn* (*dam*, *sem*), *bon*; 6) *tj*=*č* (какъ въ сербо-хорватскомъ): *poč*; 7) 2 л. мн. ч. оканчивается не только на *te*, но и на *ste*: *imaste* и др.

Хорутанское нарѣчіе.

Нарѣчіе Хорутанское (*Koroško narečje*) распространено въ большей части Хорутаніи (Каринтіи). Во многихъ отношеніяхъ оно близко къ Верхне-Краинскому нарѣчію, но и представляетъ свои особенности, совокупность которыхъ даетъ возможность различать въ немъ три главныхъ говора: Зильскій (западный), Рожневскій (Рожанскій, средній) и Ювскій (восточный).

Послѣ упомянутаго труда Срезневскаго общая характеристика этнхъ говоровъ дана была въ статьѣ Ярника „*Obraz Slovenskoga na-*

геѣја и Корушкој“ (журн. Коло. U Zagrebu, 1842). Сверхъ того Рожневскій говоръ болѣе подробно описанъ Шейнигомъ въ журн. Kres (1881 и 1882 г.): *Obraz gožanskega gazgečja na Koroškem.*

Зильскій или Гайтальскій говоръ господствуетъ въ словенской части Зильской долины. Обитатели сосѣднихъ мѣстностей характеризуютъ этотъ говоръ пословицей: *Ziljane čerstvo magivajo*, т. е. „Зильяне скоро говорятъ“.

Главные черты этого говора:

1) Слѣды носовыхъ гласныхъ: *vlenči, vrenči, vrenči, wulenči, srenča, srenčati, peržoworenč.*

2) Старо-слав. ж нерѣдко соответствуетъ *a*, особенно въ окончаніяхъ: *žena* и *goga* (в. п.), *z toba, z mena* (тв. п.), *sa* (сѣть), *zagačena*. Ср. примѣчанія С. Врза къ статьѣ Ярника. *Kolo*, 1892, I, 57.

3) Старо-слав. *e, ѣ, ѡ* одинаково соответствуютъ *e, je, ie*: *leto, ljer, sviet.*

4) Неударяемое *a* выговаривается звукомъ среднимъ между *a—o*.

5) Ударяемое *o* звучитъ какъ *ue* (такъ что болѣе слышно *u*, нежели *e*): *puč, bučeh, sigučeta*; на концѣ — *ô*: *lepô, drô (dobro)*; передъ ударяемымъ слогомъ *o* произносится какъ краткое *a*: *patjistnuti, račaj.*

6) *V* выговаривается двояко: передъ согласнымъ и передъ *a, o, u* какъ *ŭ*, а передъ *i, e* — какъ нѣмецкое *w*: *uoda, wino.*

7) Гласный *ḷ* = *yo, lo*: *dlóg* (долгой), *dūog* (долгъ), *sloza.*

8) Твердый *l* = *ü*: *biu, padü.*

9) Сочет. *dl*: *šidlo (šiduo), widle.*

10) На концѣ словъ *n* вм. *m*: *priden; znan, pan.*

11) *T* передъ *e, i* иногда звучитъ какъ *č*: *trječi, trječo.*

12) *K, ch* передъ *e, i* смягчаются въ *č*: *roče, miše.*

13) Сочетаніе *čr* сохраняется, а *žr* превращается въ *zr*; *črjez, zrebje.*

14) Дат. и мѣстн. пп. ед. ч. основъ на *a* — сохраняютъ древнее окончаніе *e*: *v gosce, v cirkev, ke Drave.*

15) Имен. п. множ. ч. основъ на *a* сохраняетъ окончаніе *i*: *bukwi, ribi.*

16) Первое лицо множ. ч. на *tu* вм. *mo*: *damu, delamu, widimu.*

17) Условное наклоненіе выражается посредствомъ характерныхъ формъ: *besem (besm), besi, be, besva, besta, besmy, beste, beso.*

18) Сокращенная форма будущаго врем. существительнаго глагола съ отрицаніемъ: *nebn, nebš, nebe, nebua, neb'ta, nebmu, nebte, nebjó.*

19) Употребленіе предлога *vu* вм. *iz*: *vyplakniti, vytegniti.*

Рожневскій или Розентальскій говоръ распространенъ въ Рожнѣ (Rosenthal), по Дравѣ и окрестнымъ мѣстамъ. Отъ Зильскаго говора онъ отличается медленностью произношенія и отчасти удареніемъ и сверхъ того представляетъ слѣдующія особенности:

1) Неударяемое *e* звучитъ почти всегда какъ *a*: *tačè, gače, rójda, rójdamo.*

2) Послѣ мягкихъ согласныхъ *a* съуживается въ *e* (какъ въ чешскомъ яз.) *sprauleti, ležet.*

3) Старо-слав. *ъ = i*: *lip, brig, snig.*

4) Долгое *ō*—звучитъ какъ *u*: *Bug, rug.*

5) На концѣ словъ *i* почти не слышно: *dali, pali.* Поэтому достигабельное и неопредѣленное почти не различаются.

6) Конечное *o* въ средн. р. звучитъ какъ *z*: *dorz, vinz.*

7) Поздвѣйшій переходъ *v* въ *l* (какъ въ Верхне-краинскомъ нар.): на *gūale, v cirkle.*

8) Вм. *g*—слышно *h*: *hoga.*

9) *K* произносится такъ глухо, что часто бываетъ почти неслышно: *'a'o* (како), *'tiž.*

10) Употребительны (кое-гдѣ) именныя формы прилагательныхъ: *drah, draha, drahu.*

11) Въ сложномъ склоненіи употребительны окончанія: *eha, aha* (р. п. ед. ч. м. р.), *omi, omi* (дат. п. ед. ч.), *ah* (род. и мѣстн. пл. мн. ч.): *dobraha, dobromu, dobriach.*

12) Возможно употребленіе формъ двойств. числа вм. множественнаго: *rojta.*

Юнскій или Яунтальскій говоръ слышится въ восточной части Хорутаніи за р. Бѣлой (Fella), по правую сторону Дравы въ окрестностяхъ Плибурга (Bleiburg), Доберлой веси (Ebendorf), Вельвовца (Völkermark) и въ Лабудской долины (Lavanthal), а также въ Штиріи до Марибора (Марбургъ). Срезневскій назвалъ этотъ говоръ Забѣльскимъ (за р. Бѣлой, Fella).

Главные особенности:

1) Сохраненіе въ отдѣльныхъ случаяхъ носовыхъ гласныхъ, въ корняхъ и окончаніяхъ. Чаще слышится *a* (= *on*), соответствующее

старо-слав. ж, рѣже *e* (= *en*), соотвѣтствующее старо-слав. м: *raĭka*, *paĭt*, *žena*, *ime* и *ima*, *mesenc*.

2) Старо-слав. м нерѣдко передается черезъ *a*: *gladat*, *telaĭsko*, *maso*, *zas*.

3) Чистое *a* произносится какъ *oa* или *o*: *moati*, *moam*, *doam*, *kroal* и *moti*, *mom*, *dom*, *krol* (вм. *mati*, *mam*, *dam*, *kral*).

4) Наоборотъ *o* иногда звучитъ какъ *a*: *apa*, *aĭa*, *daro* (*dobro*).

5) Старо-слав. з, ъ замѣняются черезъ *a*, между тѣмъ какъ въ двухъ другихъ хорутанскихъ говорахъ черезъ *e*: *dan*, *ĭast*, *vas*.

6) Гортанные *k*, *g*, *h* передъ *i*, *e* не переходятъ въ *ĭ*, *j*, *š*, что наблюдается въ двухъ другихъ хорутанскихъ говорахъ.

7) Мѣстоименіе *taj* и производныя отъ него принимаютъ передъ *t* согласный *š*: *šta*, *štu*, *šteka* и т. д.

8) *M* въ оконч. 1 л. ед. ч. произносится какъ *m*: *rijen*, *srjin*.

Слѣды хорутанскихъ говоровъ усматриваютъ въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ. Яснѣе выступаетъ это нарѣчіе въ присягѣ 1601 г. (Kres, V) и въ словарѣ Мегизера 1744. Старые изслѣдователи словинскаго языка Гутсманъ и Ярникъ при составленіи своихъ грамматикъ также отирались отъ своего роднаго хорутанскаго нарѣчія. Ср. также J. Scheinigg, *Knjiga pisana v Koroškem nareĭju od l. 1811* (Kres, 1885) и V. Oblak, *Doslej neznana knjiga slovenska* (Ljubljanski Zvon, 1887).

Резьянское нарѣчіе.

Нарѣчіе Резьянское живетъ въ Резьянской долинь, въ сѣверо-восточномъ углу Фриуля, въ Мужацкомъ округѣ (*distretto di Moggio*) Удинской провинціи (*Provincia di Udine*). Въ силу своей обособленности и оригинальности это нарѣчіе давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе филологовъ. И. И. Срезневскій первый изъ ученыхъ еще въ 1841 г. посѣтилъ съ научною цѣлью Резьянскую долину, а равно земли другихъ живущихъ далѣе на югъ венеціанскихъ Словинновъ. Ему же принадлежатъ первыя болѣе точныя свѣдѣнія о Резьянскомъ нарѣчіи, сообщенныя въ письмѣ къ В. В. Ганкѣ (*Časopis českého Musea*, 1841, 341), въ статьѣ о словенскихъ нарѣчіяхъ (*Ж. М. Н. Пр.*, 1841, сентябрь, 153) и въ статьѣ о Фриульскихъ Словенкахъ (*Москвитянинъ*, 1844, IX, 207). Позже эти свѣдѣнія были пов-

торены съ разваго рода дополненіями въ трудѣ И. И. Срезневскаго, напечатанномъ въ „Сборникѣ“ Академіи Наукъ (1881, т. XXI), подъ заглавіемъ „Фріульскіе Славяне“. Въ томъ же 1841 г. посѣтилъ Резію хорватскій поэтъ Станко Вразъ, который также собралъ нѣсколько свѣдѣній о мѣстномъ славянскомъ нарѣчій общенныхъ имъ въ письмѣ къ Л. Гаю (Danica Hirska, 1841, 29). Въ 1868 г. въ итальянскомъ журналѣ „Giornale di Udine“ была напечатана небольшая статья (въ видѣ письма къ редактору) Sul linguaggio Slavo della valle di Resia in Friuli, переизданная въ упомянутой выше книжкѣ И. И. Срезневскаго „Фріульскіе Славяне“¹⁾. Наконецъ, въ 1877 г. занялся подробнымъ изученіемъ Резіи, ея населенія и живущихъ въ ней говоромъ профессоръ И. А. Бодуэнъ де-Куртенеъ. Результатомъ этого изученія явились, кромѣ обстоятельнаго описанія Резіи и Резьянъ²⁾, два цѣнныхъ филологическихъ труда: Опытъ фонетики Резьянскихъ говоромъ (Варшава, 1875) и Резьянскій катихизисъ, какъ приложение къ „Опыту фонетики Резьянскихъ говоромъ“ съ примѣчаніями и словаремъ³⁾.

Главныя особенности:

1) Глухіе или полугласныя звуки встрѣчаются очень рѣдко.

2) Весьма обычны сжатые звуки: *ö* (напоминающій франц. *eu*) вм. *o*; *æ* (болѣе похожій на *e*) вм. *e* и *ъ*, и *ï* (напомян. французск. *u*) вм. *u*; напр.: *bölan*, *döbruj*, *hrömy*, *jæzero*, *jæscen*, *væscely*, *dæsat*, *hvæb*, *mæga*, *düh*, *trüdan*, *küsišhe*.

3) Употребленіе твердаго *i* т. е. *y* по произношеніи болѣе напоминающаго малорусское *ы*: *mý*, *vý*, *sýn*, *zybat*, *sýgöwo*, *výmæ*. Это *y*, однако, не всегда совпадаетъ со старо-слав. *ы*: *byly* (били), *wýsalica* (висѣлица), *lypa* (липа), *slýwa* (слива); наоборотъ слышно *i* гдѣ въ старо-слав. *ы*: *mišica*, *kobila*, *sit* и др.

4) *A* обыкновенно сохраняется, но иногда замѣняется посредствомъ *o*, *e*: *zdröci*, *proci* (правъ), *me*, *mete* (ма, mate), *sem*, *som*.

5) *E* замѣняется не только посредствомъ *æ*, но и черезъ *i*, *a*, *ej*: *zælen*, *lid*, *žinit*, *pëinica*, *vačerja*, *sastrà*, *žana*, *šejst* (шесть).

¹⁾ Тамъ же см. библиографическія указанія о другихъ болѣе второстепенныхъ статьяхъ и замѣткахъ о Резіи и Резьянахъ, стр. 35—36.

²⁾ Резья и Резьяне (Славинскій Сборникъ, 1876 г.).

³⁾ Разборъ см. въ книгѣ И. И. Срезневскаго „Фріульскіе Славяне“.

6) *I* нерѣдко звучитъ какъ твердое *y*: *lyra* (ср. 3 ст.), *try*; или же замѣняется посредствомъ *e*: *vèt*, *bèt*, *lèt*, *pèt* (пить).

7) *O* обыкновенно произносится какъ *ò*, или *u*, или *ü*: *òblak*, *bòlan* (ср. 2 ст.); *stu*, *bák* = *bùh*, *dùm*, *mùst*. Неударяемое *o* иногда звучитъ какъ *a*: *damou*, *paòo* (ночью).

8) *U* обыкновенно звучитъ какъ *ü* или какъ *ò*: *trúdan* (ср. 2 ст.), *òot*, *kròh*, *kožòf*.

9) Старо-слав. *ъ* соответствуетъ *i* или *æ*: *lis*, *líp*, *grìh*, *òlovòek*.

10) Старо-слав. *ь* соответствуютъ *e*, *i*, *a*: *pèt*, *wzèt*, *svèt*, *glédàt*, *misu*, *mita*, *zat*, *jazik*. Слѣдъ древняго носоваго выговора сохранился въ словѣ *vínçi*.

11) Старо-слав. *ж* соответствуетъ обыкновенно *o* и изрѣдка *u*: *dòb*, *kòs*, *pòt*, *hòba*, *stora*, *muž*, *kuća*; встрѣчается и *ò*: *òmòžen*.

12) Вм. старо-слав. *з*, *ь* часто слышны чистые гласные: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*: *dàska*—*dèska*—*dìska*, *ràž*—*rež*—*ròž*, *pàs*—*pes*—*pis*, *vàs*—*vés*, *ovàn*—*ovèn*, *dàn*—*dèn*—*dìn*—*dòn*, *šal*—*šel*—*šíl*—*šdu*, *šahla*.

13) Гласный *г* сохранился рѣдко: *brdo*, *drži*, *smrdu*; обыкновенно вмѣсто него слышится *ar*, *er*, *ir*, *or*, *ur*: *harlo*—*horlo*, *tòrh*—*térg*, *pòrst*—*pèrst*, *sarce*—*sércè*, *čarni*—*čèrni*—*čirni*, *wàrh*—*wòrh*—*wùrh*.

14) Гласный *ḷ* = *ol*, *u*: *dolga*, *duha*.

15) Согласные *p*, *b*, *v*, *m*, *n*, *r*, *l*, *s*, *k* смягчаются передъ *i*, *ü*, *j*: *p'iga*, *p'isak*, *b'ili*, *v'idet*, *m'isac*, *n'iwa*, *l'ip*, *s'irač*, *beš'ida*, *k'igo*.

16) *Dj* = *gj* (*h*), *tj* = *č* (*h*) какъ въ сербо-хорватскомъ: *gjat* (дѣти), *ogjat* (отворить), *rogjen*, *svića*, *moćan*. Но *dj* (старо-сл. *жд*) переходитъ и въ *j*, какъ вообще въ словинскомъ языкѣ: *parejač*, *mláj*, *gajše*.

17) *V* произносится какъ *v* или какъ *w* или какъ краткое *u*: *vædet*, *wóda*, *rouno*, *bràu*; сверхъ того: какъ *b* передъ *d*, *s*, *ž*, *l*, *n*: *sa bðorí*, *tu b dule* (въ долинь), *bzet*; какъ *p* передъ *t*, *h*, *c*, *č*, *s*: *ta up cirkou*, *pstat*, *pse*; какъ *m* передъ *n*: *umná*, *gamno*.

18) *G* сохраняется только въ нѣкоторыхъ говорахъ, а обыкновенно звучитъ какъ *h*: *goga*—*hoga*, *poga*—*poaha*.

19) Старо-слав. *x* тоже звучитъ какъ *h* или же совсѣмъ не слышно: *huša*, *gra(h)*.

20) Твердаго *l* нѣтъ, оно перешло въ среднее, которое сохраняется и на концѣ (т. е. не переходитъ въ *u*, какъ въ другихъ говорахъ): *bral*, *dal*; но нерѣдко слышно и *brau*, *daui*. Мягкое *l* постоянно звучитъ какъ *j*: *jude*, *kraaj*, *krajica*, *rojòe*, *kašej*.

21) *М* въ окончаніяхъ обыкновенно звучитъ какъ *и*: *z bñon, jin, soedan, tan.*

22) Опущеніе *у* передъ *l*: *lasu, last.*

23) Любопытныя формы прошедшаго простаго: *jas sprachom, ty sprasješ, on sprasje, mydwa sprachawa, wydwa sprachata, ona sprachata, my sprachamo, wy sprachatae, oni sprachajo* или *sprachacho* (Срезн.).

24) Употребленіе опредѣлительной частицы *tæ*: *tæ na Njiwji, tæ pærgwy, tæ tét domu.*

Венеціанско-Словинское нарѣчіе.

Подъ Венеціанско-Словинскимъ нарѣчіемъ разумѣтся нарѣчіе, которымъ говоритъ славянское населеніе другихъ частей Венеціанской области, кромѣ Резьянской долины. Срезневскій называлъ его просто Словинскимъ. Словины (въ числѣ 27,000), пользующіяся этимъ нарѣчіемъ, живутъ въ Удинской провинціи Итальянскаго королевства, въ уѣздахъ св. Петра (*S. Pietro degli Schiavi*), Чивидале, Тарчента и Джемоны. Въ сосѣдствѣ съ этими Славянами, и частью смѣшанно съ ними обитаютъ Фурляны.

Черты этого нарѣчія замѣтны уже въ пергаменномъ словинскомъ памятникѣ XV в., изданномъ въ *Archiv für Slav. Phil.* (Bd. XIV, 192) В. Облакомъ. Еще яснѣе оно выступаетъ въ итальянско-словинскомъ Словарѣ *Алазіа-де-Соммарита*, изданномъ въ Вѣнѣ въ 1607 г. (ср. статью *Облака, Doneski k historični slovenski dialektologiji* — въ *Letopis Matice Slovenske*, 1891). Послѣ общей характеристики, представленной въ вышеупомянутомъ сочиненіи Срезневскаго, болѣе подробное описаніе его сдѣлано Антономъ Клодичемъ въ статьѣ *О нарѣчји Beneških Slovencev*, напечатанной въ приложеніи къ позднѣйшей работѣ И. И. Срезневскаго „Фриульскіе Славяне“ (Сборникъ *Огдѣленія Русск. яз. и слов. т. XXI*).

Главные особенности:

1) Глухіе гласные очень рѣдки; вмѣсто нихъ слышны или ясные гласные или (иногда) *æ*: *dæp, tænj.*

2) Вм. старо-слав. *з, ъ* обыкновенно *а*: *vas, daž, mahlá, pás, san, staza.*

3) Неударяемое *а* произносится то какъ *æ*, то какъ *у*: *pærpjer, malæ, kryljestwo.*

- 4) Вм. *e* можетъ звучать *o*, *ej*, *i*, *je*, *a*: *nebosa*, *wašc*; *pejtj*, *lejn*, *storina*, *kljet*, *kamanja*.
- 5) Старо-слав. *ь* = *ie*: *diete*, *želiezo*, *riecka*.
- 6) *I* безъ ударенія послѣ твердыхъ согласныхъ выговаривается какъ *é* или какъ *y*: *ljasuca*.
- 7) Долгое *o* всегда произносится какъ *uo*: *kuos*, *kruota*.
- 8) Гласный *ar* = *ar*: *čarn*, *barzdo*, *varh*, *hárlo*, *karst*, *karvi*.
- 9) Гласный *ou* = *ou*: *vouk*, *douhe*.
- 10) Твердое *l* передъ согласнымъ или въ концѣ слова звучитъ какъ *ŕ*: *torou*, *brau*, *dielu*.
- 11) Мягкое *l* можетъ звучать какъ *j*: *kraj*, *med* *judmi*.
- 12) *P*, *b*, *v*, *m* смягчаются безъ помощи *l*: *zemja*, *kurpen*.
- 13) *Tj* = *č* (*h*): *oča*, *kozlić*.
- 14) Группа *čr* принимаетъ гласный между согласными: *čerešnja*, *čegieva*. Ср. 430 стр.
- 15) *M* на концѣ словъ звучитъ какъ *n*: *sedan*.
- 16) *G*, *h* смягчаются передъ *ie* (*ь*): *na lozieh*, *na loze*, *v trebuse*.

Штирійское нарѣчіе.

Штирійское нарѣчіе господствуетъ въ сѣверо-восточной части Штиріи. Срезневскій назвалъ его Драво-Мурскимъ, потому что оно слышится преимущественно между Мурой и Дравой по рѣкамъ Пѣсницѣ и Шавницѣ. По правую сторону Дравы оно наблюдается въ Дравскомъ или Птуйкомъ (Pettauerg) полѣ, и въ горахъ Голошскихъ, между Дравой и Хорватіей, отъ св. Вита къ Зоричу.

Главные особенности:

- 1) Глухіе гласные (полугласные) почти не слышны.
- 2) Старо-слав. *ь* = *ě*, *ej* (*i*): *léro*, *mésto*, *délam*, *béjli*, *bjiži*.
- 3) *O* долгое выговаривается не только какъ *o*, но и какъ *oj*: *z beloј rokoј*, *boјdi*, *soјd*, *moјlit*.
- 4) *U* произносится почти всегда какъ *u* (т. е. фравц. *u*) или какъ *i*: *čúti*, *trúna*, *kúcharka*, *drúgo*, *zwúnach*, *luč*, *útro*, *klúč*, *pistiti*, *zgbítiti*, *bíditi*. — Глаголы втораго класса имѣютъ неопредѣленное обыкновенно на *niti* и не мѣняютъ это окончаніе на *niti*: *dignúti*.
- 5) Прставочное *v* передъ начальными гласными: *voča*, *vučítiti*.
- 6) *V* въ началѣ и срединѣ слова выговаривается какъ *ŕ* (*w*), а въ концѣ какъ *f*: *woda*, *graf*.

7) *M* въ концѣ слова часто произносится какъ *n*: *tan, san, k nan.*

8) *D* въ словѣ *gde* опускается: *ge*, а въ словѣ *dneg* измѣняется въ *g*: *gnes.*

9) Твердое *l* въ окончаніяхъ произносится то какъ *á*, то какъ *ô*: *príšá, príšô, dá* и *dô, bíô* и *biá.*

10) Твор. п. ед. ч. м. р. — *om*: *govom*; твор. п. мн. ч. м. р. — *i*: *gobi.*

11) Дат. п. ед. ч. основъ на *-o* можетъ оканчиваться на — *i*: *králi, narodí.*

12) Первое лицо двойств. ч. оканчивается на *ma*: *boma, sma.*

13) Въ 3 л. мн. ч. настоящ. вр. встрѣчается оксвч. *do*: *pletedo.*

14) Будущее время отъ существительнаго глагола имѣетъ тройную форму:

Един. ч.			Двойст. ч.			Множ. ч.		
<i>bom</i>	<i>om</i>	<i>m</i>	<i>bowa</i>	<i>owa</i>	<i>wa</i>	<i>bomo</i>	<i>omo</i>	<i>mo</i>
<i>boš</i>	<i>oš</i>	<i>še</i>	<i>bota</i>	<i>ota</i>	<i>ta</i>	<i>bote</i>	<i>ote</i>	<i>te</i>
<i>bo</i>	<i>de</i>	<i>de.</i>	<i>bota</i>	<i>ota</i>	<i>ta</i>	<i>bodo</i>	<i>odo</i>	<i>do.</i>

Угро-Словинское нарѣчіе.

Это нарѣчіе господствуетъ въ той небольшой части Словинской земли, которая входитъ въ составъ Угрии, именно въ части жупавій: Желѣзной, Саладской и Веспримской. Въ частностяхъ оно сближается съ нарѣчіемъ сосѣднихъ Хорватовъ, но въ цѣломъ представляетъ всѣ наиболѣе характерныя признаки словинскаго языка (какъ двойственное число, формы будущаго времени, такія слова какъ *še, gda, po, ino*).

Важнѣйшіе матеріалы для знакомства съ этимъ нарѣчіемъ собраны и изданы Валъявцемъ (ср. 395 стр.). Особенно цѣнны его *Iz gledi slovenskega jezika na Ogerskem (Letopis Matice Slovenske, 1874 и 1878)*.

Главнѣйшія особенности:

1) Глухіе гласные (полугласные) совсѣмъ отсутствуютъ. Въ гласные звуки произносятся ясно (какъ въ сербо-хорватскомъ).

2) *Ä* звучитъ большею частью какъ *ôa*: *môati, droôaga.*

3) Старо-сл. *z, ь* соотвѣтствуютъ то *a*, то *e*: *tanki, tenki, den, dan.*

4) Старо-слав. *ъ* соотвѣтствуетъ *je*, а въ концѣ словъ *e*: *swjety, imè, pleme.*

- 5) Старо-слав. *e* передается какъ *e*, *ej*, *je*, *o*: eden, peró, nebo, lejchki, drejwo, moûrje, wso.
- 6) Старо-слав. *n* = *ě*, *ej*, *i*, *ǫ*: dělo, město, bejly, tejló, diwojka, ělowik, wǫra, wǫrwat.
- 7) *O* долгое часто произносится какъ *om*: Boug, goura, moudry, z belou rukou, moûž, roût. Иногда и *oj*: bojdi.
- 8) *U* почти всегда звучитъ какъ *u*: drûgi, dŭch, ŭtro, trŭdno, ěŭti. Въ неударяемыхъ слогахъ вм. *u* слышно *i* (особенно въ дат. п.): jémi, komi, boûgi, parodi.
- 9) *T* передъ *i* иногда переходитъ въ *k*: trekji; *dj* иногда=*gj* (*h*): rogjen.
- 10) Твердое *l* въ окончаніяхъ звучитъ какъ *ǫ*: biǫ, spǫ, daǫ, kŭpǫ.
- 11) Гласный *ḷ* = *u*: duge, sunce.
- 12) Вм. *h* (*x*) въ концѣ слышно *j*: praj, duj; иногда *h* совсѣмъ не слышно leb, svoji.
- 13) Вм. *ktery*, *kto* говорятъ: ŝtery, ŝto; вм. *chtéti*—*ŝteti*.
- 14) Твор. п. ед. ч.: vodou, tebou, и vodom, tebóm; а также vodov.
- 15) Именит. п. мн. ч.—на *cke*: siromacke, svedocke. Ср. 451 стр.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 41. Въ списокъ трудовъ, посвященныхъ изученію явленій, общихъ нѣсколькимъ славянскимъ языкамъ, нужно занести новѣйшія работы В. Облака: 1) Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen (Arch. f. Slav. Phil., 1894, В. XVI, 153); 2) Zum silbenbildenden *l* im slavischen (Тамъ-же, 198).

Къ стр. 42. Отмѣтимъ здѣсь еще трудъ И. И. Срезневскаго, Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій, 1866 (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, кн. II, стр. 211).

— Русскій переводъ труда Шафарика, „Славянское народописание“ изданъ І. Бодянскимъ въ Москвѣ, въ 1843 г.

Къ стр. 47—57. Глава „Изученіе болгарскаго языка“ напечатанная еще въ 1893 г. (Универс. Изв.), должна быть существенно пополнена. За послѣдніе два года явилось значительное количество новыхъ болѣе или менѣе цѣнныхъ работъ и матеріаловъ по исторіи и діалектологіи болгарскаго языка. Сверхъ того нѣкоторые болгарскія сочиненія и изданія, вышедшія раньше 1893 г. вслѣдствіе затрудненности книжныхъ сношеній съ Болгаріей, мы получили уже тогда, когда эта глава и нѣкоторые другіе отдѣлы болгарскаго языка были напечатаны. Отмѣчаемъ эти изданія и изслѣдованія.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить цѣльный грамматическій трудъ молодого русскаго слависта П. А. Лаврова „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“. М. 1893. Трудъ этотъ составленъ отчасти по рукописнымъ матеріаламъ, впервые употребленнымъ въ дѣло авторомъ (особ. важны двѣ рукописи XVII, XVIII ст. изъ собранія Н. С. Тихонравова). Подробный разборъ Л. Милетича въ „Сборникѣ“ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. X (Софія, 1894 г.) и Облака въ Arch. f. Slav. Phil., В. XVI, 481 (1894 г.).

Затѣмъ слѣдуютъ работы болгарскихъ филологовъ, напечатанныя большею частью въ „Сборникъ“ Мин. Нар. Просв. и въ Периодическо Списание на българското Книжовно Дружество:

Л. Милетичъ. Два труда по исторіята на българския езикъ (о книгахъ Калины и Лаврова). „Сборникъ“, т. X.

Л. Милетичъ и Д. Агура. Дако-ромънитѣ и тѣхна-та славянска писменность. „Сборникъ“, т. IX.

Д. Матовъ. 1) Къмъ критическото четене на дакословѣнскитѣ текстове. „Сборникъ“, т. VI; 2) Къмъ българския рѣчникъ. „Сборникъ“, т. VII; 3) Гръцко-български студии. „Сборникъ“, т. IX; 4) За взаимната замѣна на яснитѣ и тъмнитѣ съгласни въ новобългарский езикъ. Период. Спис., 1894, кн. XLIV.

Б. Цоневъ. 1) За источно-българския вокализъмъ. „Сборникъ“, III—IV; 2) За ударението въ българския езикъ. „Сборникъ“, т. VI; 3) От исторіята на български езикъ, морфологични и синтактични белѣжки. Български Преглед, 1893, кн. 3.

И. Д. Шишмановъ. Приносъ къмъ българската народна етимология. „Сборникъ“, т. IX.

Манойло Ивановъ. 1) Палеографически, граматически и критически особености на Пирдопския апостолъ. „Сборникъ“, т. VI и VIII; 2) За спрежението на новобългарски езикъ. „Сборникъ“, т. VIII (1892) и X (1894); 3) Приносъ къмъ изучаване българскитѣ диалекти. Период. Спис. 1894, кн. XLV—XLVI.

Х. За ударението върху думитѣ въ Рѣсенския говоръ отъ западно-македонското нарѣчие. Период. Спис., 1893, кн. XLI—XLII.

Иорданъ Ивановъ. Критични белѣжки по фонетиката на Кюстендилския говоръ. „Сборникъ“, т. X (1894 г.).

Дримъваловъ. Акцентовката на единъ обсегъ западно-български говори. „Сборникъ“, т. IX.

А. Стоиловъ. 1) Материалъ за българския рѣчникъ изъ Горно-Джумайско. Период. Спис., 1893, XLI—XLII; 2) Материалъ за българския рѣчникъ отъ гр. Прилѣпъ. Период. Спис., 1893, XLIII.

И. Плачковъ. Окончание—е въ мн. ч. на сѣществ. отъ мжж. родъ въ новобългарски. Период. Спис., 1894, кн. XLV.

Р. Гудевъ. 1) Българскиятъ ръкописъ въ Ватиканъ. „Сборникъ“, т. VI; 2) Български ръкописи отъ библиотека ти на лорда Zouche. „Сборникъ“, т. VII и VIII.

И. А. Начовъ. Тиквешки ръкописъ. „Сборникъ“, т. VIII—X.

Аргировъ. Единъ български ръкописъ отъ XVII вѣкъ въ Пражкия музей. Период. Спис., 1894, кн. XLIV.

Ивановъ. По вѣпроса за наше - то правописаніе. Период. Спис., 1893, кн. XLIII.

Продолженіе матеріаловъ Ст. Новаковича (стр. 55) для изученія македонскаго нарѣчія помѣщено въ XIV и XV т. Arch. f. Slav. Phil.

Между словарями (56 стр.) слѣдуетъ помѣститъ Puljevski G. M. Mijak galjički, Rěčnik od tri jezika s. makedonski, arbanski i turski. Kn. II. Beograd, 1875.

Въ отдѣлѣ „Памятники народнаго болгарскаго языка“ нужно занести слѣдующія изданія: 1) Н. Бончевъ, „Сборникъ“ отъ болгарски народни пѣсни. Варна, 1884 г. (пѣсни изъ Разградскаго округа); 2) А. П. Стоиловъ, Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Выпускъ I, София 1894 г.

„Сборникъ“ отъ болгарски народни умотворенія К. Шапкарева достигъ уже 9 выпуска.

Изданіе болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія „Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина“, заключающее въ себѣ обильный и драгоценный матеріалъ по фольклору и въ частности по діалектологіи, въ настоящее время достигло уже 10 томовъ.

Списокъ періодическихъ изданій (57 стр.) можно пополнить слѣдующими новыми журналами: „Жива старина“ (Русчукъ), „Български Прегледъ“ (Софія). „Мисль“, „Българска Сбирка“ (Пловдивъ).

Къ стр. 60. Въ числѣ картъ, принятыхъ во вниманіе при опредѣленіи границъ болгарской рѣчи, пропущена карта Киперта, Ethnographische Uebersichts karte des Europaeischen Orients.

Къ стр. 62, примѣч. 2. Важнѣйшими памятниками болгарскаго языка XV в. служатъ влахо - болгарскія, или дако-славянскія грамоты, изданныя Ю. И. Венелинымъ (1840). Древнѣйшія изъ нихъ восходятъ еще къ XIV в. (1342, 1382 и 1399 г.).

Къ стр. 63. Къ числу памятниковъ XVII в. на народномъ языкѣ относится Григоровичевъ Сборникъ (Starine, 137), двѣ рукописи Н. С. Тихонравова, описанныя П. Лавровымъ, Пражскій Сборникъ и нѣкотор. другія.

Къ стр. 66—67. Въ 1893 г. въ Болгарскомъ княжествѣ, правительствомъ былъ возбужденъ вопросъ о реформѣ правописанія, сдѣлавшейся затѣмъ предметомъ продолжительнаго обсужденія въ печати. Образованная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія филологическая комиссія, въ составъ которой вошли извѣстные болгарскіе филологи (И. Шишмановъ, А. Теодоровъ, Л. Милетичъ, И. Георговъ, Б. Цоневъ, Д. Матовъ, и С. Аргировъ), выработала проектъ упрощеннаго и однообразнаго правописанія. Главныя положенія проекта состояли въ слѣдующемъ: 1) Буква њ—сохраняется, но должна употребляться вм. этимологическаго њ лишь тамъ, гдѣ оно

произносится какъ *ja* (я): вѣра (вѣра), а гдѣ ѣ звучитъ какъ *e* (вѣрен) оно должно замѣняться буквой *e*; 2) глухой звукъ долженъ обозначаться однимъ начертаніемъ *z*: дѣб, бѣдѣще, столѣтъ; 3) *z*, *z* на концѣ словъ излишни; 4) для обозначенія *j* можетъ служить *i*, а потому вм. *я*, *ю*, *ж* возможно употребленіе *ia*, *iy*, *iz*. Съ цѣлью пропаганды этого проекта основанъ былъ въ Софіи ежемѣсячный журналъ „Български прегледъ“ (въ сентябрѣ 1893 г.), который печатался новымъ правописаніемъ и имѣлъ особый отдѣлъ для защиты реформы. Однако въ большинствѣ газетъ и журналовъ проектъ филологической комиссіи подвергся строгой критикѣ; въ обсужденіи его приняли живое участіе не только печать, но и образованное общество: составлялись сѣзды и сходки, на которыхъ предлагаемая реформа подвергалась единодушному осужденію. Дѣло кончилось тѣмъ, что уже съ пятой книжки (съ января 1894 г.) „Български прегледъ“ вынужденъ былъ переимѣнить ввѣшность и сталъ печататься старымъ правописаніемъ, принятымъ въ „Періодическомъ Списаніи“ и въ Министерскомъ „Сборникѣ“. Въ немъ сохраненъ только отдѣлъ „По правописанія въпросъ“, въ которомъ появляются статьи и съ новымъ правописаніемъ.

Къ стр. 105. Основы на *и* жен. р. имѣютъ въ зват. п. *e*: радостѣ, властѣ.

Къ стр. 124. Слово *смерт-та* во множ. ч. не употребляется. Данный образецъ лучше замѣнить другимъ, напр. *кость-та*, имен. мн. ч. *кости-тъ*.

Къ стр. 145. Формы условнаго на *вам*, *ивам*, *увам*, *явам* суть собственно формы настоящаго вр. многократнаго вида, употребляемыя въ значеніи условнаго наклоненія.

Къ стр. 170. Строки 12—14 сверху нужно исправить такимъ образомъ: Но, кажется, правильнѣе согласно мнѣнію лучшихъ знатоковъ болгарской этнографіи (П. Славейковъ, К. Иречекъ) выдѣлить изъ *этихъ нарѣчій* еще двѣ болѣе или менѣе самостоятельныя группы говоровъ—*родонскіе говоры* и *македонскіе говоры*.

Къ стр. 177. Окончаніе матеріаловъ Новаковича, Ein Beitrag zur Kunde der Macedonischen Dialekte напечатано въ XIV т. кн. 3 Arch. f. Slav. Phil; въ XV т. кн. 1 помѣщены его же Beiträge zur Erforschung der Macedonischen Dialecte.

Къ стр. 197. Къ указаннымъ здѣсь грамматикамъ нужно присоединить: Berlić, Ign. Grammatik der Ilirischer Sprache. Agram, 1850.

Къ стр. 199. Статья Мажуранича О важности акцента была напечатана въ Program d. k. k. Gymnaziums zu Agram, 1863.

Къ стр. 200. Между работами В. Ягича по недосмотру пропущена: Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju (Rad Jugoslavenske Akademije Kn. XIII).

Къ стр. 205. Работа Милчетича *Prilozi za literaturu hrvatskih glagolskih spomenika* продолжена и въ XXV кн. Загреб. изд. *Starine (Zakon brašćine svetoga duha u Baški)*.

Къ стр. 207. Къ числу работъ Срезневскаго, имѣющихъ отношеніе къ исторіи сербскаго языка, принадлежитъ критическое изданіе грамоты бана Булина (1189), въ Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, т. I, 1852 г. Стр. 247 стр.

Къ стр. 209. Списекъ критическихъ изданій памятниковъ и изслѣдованій по исторіи сербо-хорватскаго языка, принадлежащихъ академику Ягичу, нужно пополнить новѣйшимъ его трудомъ: *Glagolitica II, Grškovičev odlomak glagolskog Apostola* (рук. XII в.) Sa 4 fototipska snimka. U Zagrebu, 1893 (*Starine*, XXVI).

Къ стр. 211. Въ отдѣлъ „Работы по сербо-хорватской диалектологіи“ нужно занести еще слѣдующіе труды:

Vaļjavec. 1) *Mittheilungen aus dem kroatischen kaj-dialecte*, Arch. f. Slav. Phil., Bd. VIII, 399; 2) *Aduerbia na ski, ske, ke, ce, ice u Kajkavaca*. Zagreb, 1890 (*Rad Jugosl. Akademije*, CI).

C. Gjorgević. *Einiges uber die Kanomundart im Königreiche Serbien*. Arch. f. Slav. Phil., 1894, XVI, 132.

V. Oblak. *Der Dialect von Lastovo* Arch. f. Slav. Phil., 1894, B. XVI, 427.

M. Rešetar. 1) *Die ragusanischen Urkunden des XIII—XV Jahrhunderts*. Arch. f. Slav. Phil., B. XVI, 321; 2) *Јекавски књиж. говор и изговор въ Јавор*, 1893, № 10.

M. Kušar. *Glavne osobine lastovskoga narečja*. *Nastavni Vjestnik*, u Zagrebu, 1893; 2) *Rapski dijalekat u Zagrebu* 1894.

V. Božić. *Kajkavski dijalekat u Prigorju*, *Rad Jugosl. Akad.*, 1893, B. CXVI.

Томо Брајковић. *Peraški dijalekat*. Zagreb, 1893.

Къ стр. 218. Небольшая группа Сербо-хорватовъ живетъ въ Италіи, въ Молизскомъ графствѣ.

Къ стр. 251. Въ современномъ книжномъ языкѣ нѣтъ единства въ передачѣ старо-слав. њ. Между тѣмъ какъ въ книгахъ, печатающихся въ Хорватіи, Далмаціи, Боснѣ, Черногоріи этотъ звукъ выражается черезъ *ije* (*ije*) *je* (въ извѣстныхъ случаяхъ *i*)—въ Бѣлградскихъ и Ново-Садскихъ изданіяхъ почти исключительно наблюдается правописаніе *e*, соответствующее мѣстному выговору.

Къ стр. 295. На 5—6 стр. снизу слова *лаѣж* и *раѣж* должны быть вычеркнуты.

Къ стр. 330. Въ южномъ говорѣ переходящее отъ *бити*—*биѣж*.

Къ стр. 372—373. Характеристику *кайкавскаго нарѣчія* нужно дополнить слѣдующими частностями.

1) Старо-слав. ж = не только *o*, но и *u*: *guki, goki, goko, guko; dvignuti u dvignoti, bum, bom.*

2) Гласный *l* звучитъ не только какъ *o* но и какъ *u*: *vyk, vok, dugo, dogo.*

3) *Dj* (= старо-слав. *жд*) = *j* и *gj* (*ĭ*): *meja, megja, žeja и žegja.*

4) Вж. *nj* слышно *n, j, jn*: *konj, kon, koj, kojn; znanje, znane, znaje и znajne.*

5) *V* передъ *s, z, l* часто не слышно: *'se, 'saki, posud, zeti, ladati.*

Данныя для знакомства съ кайкавскимъ удареніемъ представляетъ обширная работа М. Вальявца *Prinos k naglasu u novoslovenskom jeziku. Rad Jugosl. Akad., 1878—1892. Ср. 390 стр.*

Къ стр. 387 и 394. Главнымъ трудомъ Срезневскаго по словинской діалектологіи нужно считать статью „О словенскихъ нарѣчіяхъ“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1841 г., сентябрь. Ср. 503 стр.

Къ стр. 389. Грамматикаа Янежича въ обработкѣ Скета вышла седьмымъ изданіемъ въ 1894. г.

Къ стр. 393. Весьма важна новѣйшая работа о Фрейзингенскихъ отрывкахъ, принадлежащая Вондраку (*Vondrák*): *Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern. Arch. f. Slav. Phil., 1894, XVI, 118.*

Къ стр. 403. Здѣсь читается слѣдующее мѣсто: Въ нихъ (т. е. въ древнихъ словинскихъ памятникахъ) видимъ уже современный словинскій языкъ со всѣми его особенностями, лишь съ болѣе частымъ и послѣдовательнымъ удержаніемъ нѣкоторыхъ архаизмовъ, *напр. прошедшихъ временъ.* Послѣднія слова, отмѣченныя курсивомъ, не вполне подтверждаютъ высказанную въ предложеніи мысль и могутъ быть опущены.

Къ стр. 417. Слѣды старо-слав. *ы* представляетъ Резьянское нарѣчіе. Ср. 515 стр.

Къ стр. 424. *Reisnitz* по словенски *Ribnica.*

Къ стр. 432. Примѣчаніе. Пропущена статья Штрекеля о словинскомъ удареніи въ ж. *Ljubljanski Zvon, t. V.*

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
2	9 св.	břeh	břeh
51	8 —	1884	1889
66	16 св.	ж	ѣ
71	14 —	второго	перваго
—	13 —	перваго	второго
72	10 —	Брицегово	Брацегово
74	8 —	Мервцакая	Мервцака
76	8 св.	окончанія дтъ, штъ	окончанія дтъ
139	13 —	настоящихъ	настоящаго
140	8 —	въ окончаніи 3 л.	въ окончаніи 2 л.
148	9 св.	конечнаго <i>ласнаго</i> корня	конечнаго <i>звѣка</i> корня
167	15 —	мѣтно, лесно, сраме	мѣтно е, лесно е, срам е
172	11 —	слѣдующія	слѣдующіе
	5—9 —	Но особенно <i>ею занимала мысль</i> объ изданіи полнаго научнаго словаря . . . . . и собрали для этого труда обильный ма- териалъ.	Но особенно <i>онъ былъ озабо- ченъ мыслью</i> объ изданіи пол- наго научнаго словаря . . . . и собрали для этого тру- да обильный материалъ.
192	8 св.	Филологическія Записки, 1871	Филологическія Записки, 1870 —1871
199			
217	14 св.	Мухачъ	Могачъ
227	5 св.	ъ вм. ѣ	ъ вм. ѣ
250	14 —	ријѣка, бијѣла	ријѣка, бијѣла
251	3 —	XXII	XIII
257	7 —	<i>va piti, va zeti</i>	<i>variti, vazeti</i>
261	1 св.	XXXIX	XXIX
268	13 —	ћешити	ћешити
273	3 св.	možgјani	možgјati
373	1 —	<i>Dj = j</i>	<i>Dj = j, gj (ћ)</i>
424	11 св.	Циркница	Циркница
428	6 св.	s plavnom	s plavnom

Того-же автора:

- 1) Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб., 1880. Ц. 1 р.
- 2) Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в. Два выпуска: I. Византія во второй четверти XIV в. II. Образование сербскаго царства. Спб., 1882. Ц. 3 р.
- 3) Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ. Кіевъ, 1888. Ц. 4 р.

Нѣкоторыя меньшія работы:

- 4) Константинъ Порфирородный какъ писатель о южныхъ Славянахъ передъ судомъ новейшей критики. Спб., 1881 (Ж. М. Н. Пр.).
- 5) Новые матеріалы для исторіи Дубровника. Спб., 1881 (Ж. М. Н. Пр.).
- 6) Политическая и культурная борьба на греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV вѣка. Кіевъ, 1883 (Ун. Изв.).
- 7) Новые матеріалы для исторіи Греціи въ средніе вѣка. Кіевъ, 1883.
- 8) Гусъ и Виллефъ. Кіевъ, 1884 (Ун. Изв.).
- 9) Изученіе болгарской народной старины. Кіевъ, 1885 (Ун. Изв.).
- 10) Въ память пятисотлѣтія Косовской битвы. Кіевъ, 1889 (Ун. Изв.).
- 11) Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала. Кіевъ, 1890 (Ун. Изв.).
- 12) Памяти Миклошича. Кіевъ, 1891 (Ун. Изв.).
- 13) Глаголическій миссалъ Хервои, воеводы боснійскаго и герцога сплѣтскаго. Кіевъ, 1892 (Унив. Изв.).
- 14) Янъ Амосъ Коменскій „другъ человѣчества“. Кіевъ, 1892 (Ун. Изв.).
- 15) Чехъ о славянскомъ вопросѣ. Спб., 1892 (Слав. Обзор.).
- 16) Возрѣнія южныхъ Славянъ на Русь (по историческимъ свидѣтельствамъ и народнымъ пѣснямъ). Спб., 1892 (Слав. Обзор.).
- 17) Новѣйшіе труды по изученію южно-славянской старины и народности. Кіевъ, 1894 (Ун. Изв.).

Вторая часть „Лекцій“ (Сѣверо-западные языки) печатается.